

БАКАЛАВР. АКАДЕМИЧЕСКИЙ КУРС

А. В. Сиренов,
Е. Д. Твердюкова, А. И. Филюшкин

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Под редакцией А. В. Сиренова

УЧЕБНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Юрайт
ПРАВОСЛАВНОЕ

biblio-online.ru

УМО ВО рекомендует

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. В. Сиренов, Е. Д. Твердюкова, А. И. Филюшкин

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УЧЕБНИК ДЛЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО БАКАЛАВРИАТА

Под редакцией **А. В. Сиренова**

*Рекомендовано Учебно-методическим отделом высшего образования
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по гуманитарным направлениям и специальностям*

Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru

Москва • Юрайт • 2015

УДК 930.2(075.8)
ББК 63.2я73
И91

Авторы:

Сиренов Алексей Владимирович — доцент, доктор исторических наук, доцент кафедры источниковедения истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета;

Твердюкова Елена Дмитриевна — доктор исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета;

Филошкин Александр Ильич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славянских и балканских стран исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Рецензенты:

Алексеев Ю. Г. — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX в. исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Смирнов Н. Н. — доктор исторических наук, профессор, директор Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

Источниковедение : учебник для академического бакалавриата / Е. Д. Твердюкова [и др.] ; под ред. А. В. Сиренова. — М. : Издательство Юрайт, 2015. — 396 с. — Серия : Бакалавр. Академический курс.

ISBN 978-5-9916-4126-5

Издание рассчитано на студентов, обучающихся по направлению «История» (квалификация «бакалавр»), и может использоваться как учебное пособие к лекционному курсу и семинарским занятиям, а также для самостоятельного изучения дисциплины «Источниковедение». Учебник написан на основе учебно-методологической базы и научно-педагогических традиций исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

В книге освещается наиболее широкий круг источников. Целый ряд вопросов рассмотрен в рамках учебника для высшей школы впервые. Множественность тем позволяет составлять на основе данного учебника вариативные авторские специальные курсы.

Соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Для студентов, преподавателей и всех, кто интересуется историей России.

УДК 930.2(075.8)
ББК 63.2я73

ISBN 978-5-9916-4126-5

© Коллектив авторов, 2014
© ООО «Издательство Юрайт», 2015

Оглавление

Авторский коллектив	7
Предисловие	8
Глава 1. Предмет источниковедения	11
1.1. Понятие исторического источника	11
1.2. Классификации источников	13
1.3. Закономерности возникновения и эволюции источниковой базы	16
1.4. Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины	19
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	20
<i>Основная библиография по главе 1</i>	21
Глава 2. История источниковедения	22
2.1. Возникновение источниковедения в России в XVIII веке	22
2.2. Источниковедение в России в XIX – начале XX века	24
2.3. Отечественное источниковедение XX – начала XXI века	28
2.4. Современные центры хранения исторических источников и принципы их организации	34
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	38
<i>Основная библиография по главе 2</i>	39
Глава 3. Методы источниковедческого анализа	40
3.1. Методологические принципы изучения источников	40
3.2. Палеография, кодикология и источниковедение	45
3.3. Текстология и источниковедение	47
3.4. Современные методы гуманитарных наук и источниковедение	55
3.5. Акты как исторический источник. Дипломатика. Документоведение	63
3.6. Археография	67
3.7. Источниковедение и квантитативная история. Количественные методы исследования массовых источников	75
3.8. Использование методов исторической информатики в источниковедении	81
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	85
<i>Основная библиография по главе 3</i>	86
Глава 4. Древнерусские хронографы и летописи	92
4.1. Хронографы	92
4.2. Русские летописи XI–XII веков. «Повесть временных лет» и ее редакции	95
4.3. Летописные своды XIII–XIV веков и их списки	98
4.4. Летописание XV века	101

4.5. Летописание XVI века	103
4.6. Летописание XVII века.....	106
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	110
<i>Основная библиография по главе 4</i>	110
Глава 5. Исторические трактаты	112
5.1. Степенная книга и ее редакции	112
5.2. Русские исторические сочинения XVI—XVII веков.....	116
5.3. Сказания и повести о Смутном времени.....	122
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	126
<i>Основная библиография по главе 5</i>	127
Глава 6. Эпистолярные источники.....	128
6.1. Берестяные грамоты	128
6.2. Эпистолография конца XV — XVI века.....	131
6.3. Эпистолография XVII века.....	134
6.4. Эпиграфика и граффити	135
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	139
<i>Основная библиография по главе 6</i>	139
Глава 7. Источники по истории права	141
7.1. Законодательные памятники как исторический источник и особенности их анализа	141
7.2. Правда Русская и проблемы ее изучения.....	144
7.3. Княжеские уставы X—XIV веков.....	147
7.4. Судные и уставные грамоты XIV—XV веков	151
7.5. Русские судебники XV—XVI веков	155
7.6. Законодательные акты второй половины XVI—XVII века	159
7.7. Соборное уложение 1649 года	161
7.8. Памятники канонического права. Кормчие книги	164
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	171
<i>Основная библиография по главе 7</i>	172
Глава 8. Памятники литературы Средневековья и раннего Нового времени	174
8.1. Русская агиография XI — начала XVIII века	174
8.2. Воинские повести XII—XVII веков.....	180
8.3. Русская публицистика XV—XVI веков	182
8.4. Русская публицистика XVII века	187
8.5. Памятники фольклора.....	190
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	194
<i>Основная библиография по главе 8</i>	195
Глава 9. Актовые и документальные источники.....	197
9.1. Формуляр акта и формулярный анализ	197
9.2. Древнерусские публично-правовые акты и документы.....	200
9.3. Частноправовые акты.....	214
9.4. Делопроизводство государственных и церковных учреждений XV—XVII веков.....	218

9.5. Материалы писцового делопроизводства XV—XVII веков.....	224
9.6. Родословные росписи.....	227
9.7. Памятники дипломатической документации XV—XVII веков	230
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	233
<i>Основная библиография по главе 9</i>	233
Глава 10. Нормативные правовые акты России Нового и Новейшего времени	235
10.1. Понятие, виды и общая методика изучения нормативных правовых актов.....	235
10.2. Закономерности эволюции нормативных правовых актов в России в XVIII — начале XXI века	239
10.3. Проблема систематизации российского законодательства в XVIII — начале XXI века	246
10.4. Специфика источниковедческого анализа конституционных актов	254
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	257
<i>Основная библиография по главе 10</i>	257
Глава 11. Делопроизводственная документация России Нового и Новейшего времени	258
11.1. Понятие делопроизводственной документации Нового и Новейшего времени и методы ее источниковедческого исследования ..	258
11.2. Особенности эволюции делопроизводственной документации в XVIII — начале XXI века	263
11.3. Специфика делопроизводства общественных объединений	268
11.4. Особенности систем специального документирования.....	271
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	274
<i>Основная библиография по главе 11</i>	274
Глава 12. Общественно-политические тексты (политический нарратив) Нового и Новейшего времени	275
12.1. Понятие, виды и общая методика изучения общественно-политических текстов.....	275
12.2. Проблема атрибуции трудов политических деятелей.....	279
12.3. Партийный контроль за изданием собраний сочинений В. И. Ленина и И. В. Сталина	280
12.4. Специфика авторства общественно-политических текстов руководителей государства во второй половине XX — начале XXI века ..	284
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	287
<i>Основная библиография по главе 12</i>	288
Глава 13. Источники личного происхождения.....	289
13.1. Понятие, разновидности и общие методы исследования источников личного происхождения	289
13.2. Мемуары и автобиографии	292
13.3. Дневники	301
13.4. Материалы частной переписки	305
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	310
<i>Основная библиография по главе 13</i>	310

Глава 14. Средства массовой информации.....	311
14.1. Понятие информации и средств массовой информации. Информационные агентства	311
14.2. Понятие, виды и жанры периодической печати	314
14.3. Методика источниковедческого анализа периодической печати.....	317
14.4. Листовки как исторический источник.....	321
14.5. Периодика самиздата	324
14.6. Материалы звукозаписи (фонодокументы) как исторический источник.....	328
14.7. Специфика деятельности средств массовой информации в условиях цензуры.....	333
14.8. Информационные ресурсы Интернета как исторический источник	338
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	343
<i>Основная библиография по главе 14</i>	343
Глава 15. Изобразительные источники Нового и Новейшего времени... 345	
15.1. Понятие, классификация изобразительных источников и общие принципы их источниковедческого исследования	345
15.2. Картографические материалы как исторический источник	348
15.3. Фотодокументы как исторический источник	352
15.4. Кинодокументы как исторический источник.....	356
15.5. Плакат как исторический источник.....	359
15.6. Карикатура как исторический источник.....	363
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	367
<i>Основная библиография по главе 15</i>	368
Глава 16. Произведения художественной литературы и фольклора как источник по истории России Нового и Новейшего времени	369
16.1. Художественная литература как исторический источник.....	369
16.2. Понятие, жанры и общая методика изучения фольклорных источников	372
16.3. Устные и фольклорные источники	379
16.4. Слухи как исторический источник	381
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	386
<i>Основная библиография по главе 16</i>	387
Глава 17. Статистика.....	388
17.1. Понятие о статистических источниках.....	388
17.2. Методы статистических исследований.....	391
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	395
<i>Основная библиография по главе 17</i>	395

Авторский коллектив

Корогодина Мария Владимировна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Библиотеки Российской академии наук — параграф 7.8;

Сиренов Алексей Владимирович, доктор исторических наук, доцент кафедры источниковедения истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета — параграфы 2.1, 2.2, 2.3 (совместно с Е. Д. Твердюковой), 3.2, 3.3, 3.6, 4.1—4.6, 5.1, 5.2 (совместно с А. И. Филюшкиным), 5.3, 6.4, 7.8, 8.1, 8.5 (совместно с А. И. Филюшкиным), 9.6; разделы 4.1—4.6, 5.1 написаны при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых — докторов наук МД-5576.2013.6;

Смирнова Светлана Сергеевна, кандидат исторических наук, главный редактор Отдела информационного обеспечения Управления научных исследований Санкт-Петербургского государственного университета по направлениям «Биология», «История», «Психология», «Философия» — параграфы 17.1, 17.2;

Твердюкова Елена Дмитриевна, доктор исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета — параграфы 2.3 (совместно с А. В. Сиреновым), 3.7, 3.8, 10.1—10.4, 11.1—11.4, 12.1—12.4, 13.1—13.4, 14.1—14.8, 15.1—15.6, 16.1—16.4;

Филюшкин Александр Ильич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славянских и балканских стран исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета — глава 1, параграфы 2.4, 3.1, 3.4, 3.5, 5.2 (совместно с А. В. Сиреновым), 6.1—6.3, 7.1—7.7, 8.2—8.4, 8.5 (совместно с А. В. Сиреновым), 9.1—9.5, 9.7.

Предисловие

Достоверное знание о прошлом человечества мы получаем из исторических источников, которыми становится любой продукт деятельности человека, содержащий информацию о ней и ставший объектом изучения. Таким образом, памятник прошлого еще не есть исторический источник. Он становится таковым в процессе изучения, т.е. в деятельности историка, который сам определяет, что для него является источником, а что — нет. Так, знакомясь с источниками по истории России, мы имеем дело только с теми памятниками прошлого, которые уже использовались в качестве исторических источников. При этом любой историк вправе привлечь к своему исследованию какой-либо другой памятник, ранее неизвестный или не привлекавшийся его предшественниками. Если ему удастся доказать, что этот памятник содержит новое знание о прошлом, то число источников по истории России увеличится на один. В связи с этим источниковедение пребывает в постоянной динамике: появляются новые источники, совершенствуются методы их изучения. Последнее особенно важно, поскольку появление нового метода часто позволяет включить в число источников памятники, которые ранее в качестве таковых не рассматривались. Источниковедение активно использует методы вспомогательных исторических дисциплин, а также других наук — от филологии до математики. Цель здесь одна: на основе изучения памятника прошлого получить новую информацию об истории человечества.

Исходя из перечисленных особенностей источниковедения представляется важным дать по возможности исчерпывающее определение исторического источника. Имея в виду, что проблема объективности отражения реальных исторических событий в памятниках прошлого и возможности достоверных исторических реконструкций есть проблема во многом теоретическая, в настоящем учебнике этот аспект изложен кратко. Следует иметь в виду, что существует учебное пособие по источниковедению истории России, в котором данной проблеме уделено большее внимание¹. Нам представляется, что в учебнике важнее дать обзор источников и методов их изучения. Такой подход является более традиционным в отечественной педагогической практике², к которой примыкают и авторы настоящего учебника.

¹ Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие. М., 1998.

² См., например: Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. М., 1940 ; 2-е изд. М., 1962 ; Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в. / под ред. И. А. Федосова. М., 1970 ; Источниковедение истории СССР / под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973 ; Черно-морский М. Н. Источниковедение истории СССР: советский период. М., 1976 ; Голиков А. Г., Круглова А. Т. Источниковедение отечественной истории. М., 2000 ; и др.

Чтобы определить круг источников по истории России, следует сделать экскурс в историю источниковедения, поскольку круг источников со временем расширялся в зависимости от доступности архивов и тех задач, которые ставили перед собой историки. В настоящее время изучение источников определяется не столько введением в научный оборот новых памятников (хотя и такое сейчас не редкость), сколько методологией исследования, поэтому большой раздел учебника посвящен методам современного источниковедения. Далее дан обзор основных источников по истории России. Они разделены на два блока: источники средневековой традиции и источники Нового и Новейшего времени. По преимуществу рассматриваются источники письменные. Это обусловлено как наибольшей информативностью последних, так и тем обстоятельством, что для обзора источников вещественных, изобразительных и других потребовалось бы гораздо больше места. И по методике, и по традиции изучения это вполне самостоятельные дисциплины. Правда, в настоящем учебнике предпринят обзор тех изобразительных и конвенциональных источников, которые непосредственно связаны с письменными.

Курс «Источниковедение» имеет своей целью дать соответствующие современному уровню развития исторической науки знания в области теории и методологии источниковедения, информацию о сохранившихся комплексах исторических источников по истории России, систематический обзор важнейших комплексов письменных источников по истории России X — начала XXI в. и описание различных методик работы с ними. Отбор источников произведен по видовому и хронологическому принципам. В рамках каждого раздела при изучении конкретных видов источников определены свои исторические рубежи, которые учитывают этапы в истории нашей страны, ступени в эволюции письменных памятников.

В целом, следует иметь в виду, что источниковедение является основополагающей дисциплиной в профессиональной подготовке студентов-историков. Постигание источника как совокупности исторических следов является единственным способом получения достоверных знаний о прошлом. От выбора правильной методики этого постижения, от широты и глубины знаний об источниках зависит качество наших знаний по истории в целом. Именно источниковедение позволяет отделять доказанные факты от сомнительных, адекватно (насколько это в принципе возможно) реконструировать историческую реальность и противостоять тенденциозным, субъективным трактовкам и фальсификациям истории.

Предлагаемый учебник написан на следующих принципах.

1. *Соответствие ФГОС ВО*, утвержденного приказом Минобрнауки России от 16 декабря 2009 г. № 732 по направлению 46.03.01 «История», квалификация «бакалавр» и *возможность использования для обучения по ПООП по дисциплине «Источниковедение»*, утвержденной приказом Минобрнауки России от 17 сентября 2009 г. № 337.

2. *Широта охвата материала*. Отличие настоящего учебника от существующих в том, что в нем предлагается более широкий набор тем. Целый ряд вопросов в рамках учебника для высшей школы освещается впер-

вые. Он может использоваться как учебное пособие к лекционному курсу и семинарским занятиям и для самостоятельного изучения дисциплины. Множественность тем позволяет составлять на основе учебника вариативные авторские курсы и специальные курсы.

3. *Многоуровневость подачи материала.* Текст, отмеченный знаком , является обязательным для усвоения темы. Это выводы и определения. Основной текст набран обычным шрифтом, это базовый материал для изучения; его достаточно для освоения дисциплины на *базовом уровне бакалавриата*.

Знаками и обозначены тексты для обучения на *углубленном уровне*. Это обзор концепций историографии, тексты источников и специальные справки по конкретным вопросам. В случаях перекрестных ссылок в тексте учебника используется значок отсылки .

В результате освоения курса источниковедения истории России студент должен:

знать

- что такое исторический источник;
- виды исторических источников;
- историю развития источниковедения в России;
- основные центры хранения исторических источников в России;
- методы исследования источников по истории России эпохи Средневековья, Нового и Новейшего времени;

уметь

- составлять научное описание источника по истории России;
- производить и обосновывать выбор методики для изучения источника;
  - проводить исследование источника с учетом современных достижений источниковедения;
  - верифицировать информацию, полученную в результате изучения источника;

владеть

- основной терминологией современного источниковедения;
- основными методами источниковедческого исследования.

Глава 1

ПРЕДМЕТ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- что такое исторический источник;
- виды исторических источников;
- классификации исторических источников и критерии их выделения;

уметь

- обосновывать сущность источниковедения как особой науки;
- определять вид источника;
- определять место источника в классификации;
- сравнивать классификации источников по критериям их выделения и обосновывать преимущества и недостатки различных классификаций;

владеть

- основами применения результатов и методов вспомогательных исторических дисциплин (исторической хронологии, исторической метрологии, сфрагистики, нумизматики и т.д.) в источниковедческом исследовании.

Ключевые термины и понятия: *исторический источник, виды исторических источников, материальные источники, письменные источники, иллюстративные источники, документальные источники, нарративные источники, классификация источников, источниковедение как наука, источниковая база, вспомогательные исторические дисциплины.*

1.1. Понятие исторического источника

Произошло историческое событие. Оно случилось много лет назад. Как нам узнать, что произошло? Как воссоздать *историю* данного события?

Обычные способы познания мира здесь не подходят. Невозможно *непосредственно наблюдать* события, случившиеся в прошлом. Мы не можем поставить *эксперимент*: нельзя заново разыграть Куликовскую битву или открыть Америку. То же самое относится к *практическому опыту*: историк здесь ограничен продолжительностью собственной жизни и может полноценно вжиться в роль только кого-то из современников, но никто никогда не сможет побывать комиссаром Красной армии или командиром римского легиона.

Значит, надо изучать *следы*, оставленные прошлым. Какими они могут быть? Прежде всего это разного рода материальные объекты: здания, захоронения, мемориальные памятники и т.д. Если древние памятники сохранились до наших дней, то ими занимаются *историки архитектуры, искусствоведы* и др.

Многие из материальных объектов скрыты под землей или водой: остатки древних поселений и сооружений, следы хозяйственной деятельности человека, могилы и могильники и т.д. Их можно изучить путем раскопок. Этим занимается специальная наука — *археология*. В результате раскопок в распоряжении ученых оказываются извлеченные из земли *вещи* (их называют *артефактами*): предметы труда и быта, оружие, украшения, фрагменты одежды и т.д. Артефакты не обязательно находятся в земле, они могут многие годы пролежать в различных хранилищах (например, церковных, музейных, семейных). Для изучения многих из них существуют узкоспециализированные науки, которые называются *вспомогательными историческими дисциплинами*, например, история монет (*нумизматика*), история печатей (*сфрагистика*), история наградных знаков (*фалеристика*) и т.д.

Изучение материальных объектов и предметов совершенно необходимо для правильной реконструкции прошлого, но есть одна существенная особенность: *по материальным объектам и предметам очень часто невозможно воссоздать историю событий*. Сами по себе вещи немые, их исследование позволяет узнать многие факты экономики, быта, материальной культуры, уровня технологий, особенностей религиозных обрядов, социальных отношений, военной культуры, денежного обращения и т.д. Однако даже по очень подробному набору вещей, если на них нет надписей, очень сложно воссоздать последовательность событий. Нужен рассказ о том, как, собственно, было дело, который и позволит узнать факты и их связь друг с другом, имена, даты и т.д. Такой рассказ может существовать в виде устного предания, легенды, былины, изучением которых занимаются *исследователи фольклора*, а также специалисты по опросу, интервьюированию ветеранов, старожилов и других еще живых очевидцев, хранящих память о прошлом. Научная работа по воссозданию сведений о прошедших событиях путем фиксации рассказов очевидцев называется *устной историей*.

Прошлое фиксируется в иллюстративных памятниках, которые изучает наука *искусствоведение*. В ранних эпохах изобразительными источниками были картины и рисунки, созданные художниками. Они нередко не фиксировали реальность, а рисовали ее в соответствии с законами жанра (например, на средневековых миниатюрах античные герои одеты в одежды, современные эпохе автора миниатюры). Даже после появления в XIX—XX вв. фотографии и киносъемки многие художники участвовали в поддержании исторических мифов, поэтому чтобы установить, насколько тому или иному художественному изображению можно доверять, требуется тщательный научный анализ.

Что же тогда остается в качестве главного источника сведения о прошлом? Тексты, фиксирующие рассказ о прошлом и отражающие происходившие события. Как правило, они написаны на бумаге. Именно в них в полной мере отражена история событий. На их основе можно реконструировать исторические факты в их последовательности и причинно-следственной связи. Привлечение всех остальных источников (материальных,

фольклорных, устных, иллюстративных) абсолютно необходимо, но для написания *истории как истории произошедших событий* по сравнению с текстами и документами они будут играть роль дополняющих и уточняющих материалов.

☞ Главным источником информации о прошлом для нас являются *тексты*, фиксирующие рассказ, повествование о прошедших событиях, а также документы прошедшей эпохи.

📖 Существует много определений исторического источника. Приведем некоторые из них:

«Исторические источники — это или письменные, или вещественные памятники, в которых отразилась угасшая жизнь отдельных лиц и целых обществ» (В. О. Ключевский).

«В обширном смысле понятие исторического источника включает или заключает в своем содержании всякий остаток старины» (С. Ф. Платонов).

«Исторический источник — это реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением» (А. С. Лаппо-Данилевский).

«Под историческим источником понимают всякий памятник прошлого, свидетельствующий об истории человеческого общества» (М. Н. Тихомиров).

«Исторический источник — это все, непосредственно отражающее исторический процесс, все, созданное, человеческим обществом» (Л. Н. Пушкарев).

Исторический источник — это «...все, что может источать историческую информацию... не только то, что отражает исторический процесс, но и ...окружающая человека естественно-географическая среда» (С. О. Шмидт).

«Источник — продукт целенаправленной человеческой деятельности, используемый для получения данных о социальных явлениях и процессах» (О. М. Медушевская).

☞ Как мы видим, несмотря на все разнообразие вариантов, в принципе, все они сводятся к знаменитому высказыванию, сделанному еще в 1833 г. австрийским историком З. Бехером: «Источник — это то, из чего черпается материал для истории». Им может быть любой носитель информации о прошлом.

1.2. Классификации источников

☞ Источники могут быть классифицированы по следующим критериям:

- по типу носителя;
- по способу передачи информации (письменные, устные, изобразительные, фонетические и т.д.).

📖 По классификации Л. Н. Пушкарева (род. 1918) источники бывают: 1) *вещественные* (археологические); 2) *письменные*; 3) *устные* (фольклорные);

4) этнографические; 5) лингвистические; 6) фото-, кинодокументы; 7) фонодокументы.

По классификации академика И. Д. Ковальченко (1923—1995) источники делятся: 1) на *вещественные*; 2) *письменные*; 3) *изобразительные*; 4) *фонетические*. В другой классификации И. Д. Ковальченко предложил делить источники на *массовые* и *индивидуальные*. К первым он относил статистику, делопроизводственные материалы, акты, т.е. документы, отражающие жизнь общества, экономики и т.д.; ко вторым — литературные памятники и источники личного происхождения, отражающие индивидуальную историю отдельных людей в общем потоке исторических событий.

☞ Источники также могут быть классифицированы:

- по цели создания (намеренные и ненамеренные свидетельства);
- по степени близости источника к произошедшему событию (прямые свидетельства и свидетельства, записанные с чужих слов, на основе других источников).

Наиболее важным является разделение на источники, непосредственно отражающие исторический процесс, и источники, делающие это опосредованно. К первым относятся *документальные источники* — деловая документация, которая не предназначалась для того, чтобы ее читали историки. Такие источники использовались людьми для обеспечения текущей жизни, ее бюрократической стороны. Это разного рода акты, постановления, свидетельства, справки, распоряжения, ведомости, описи и т.д. Поскольку они должны были реально функционировать в документообороте, в них, как правило, отражается более достоверная информация, если, конечно, это не подделка и не сознательное искажение сведений для каких-то целей.

Второй тип источников, отражающих прошлое опосредованно, — это письменное повествование, связный рассказ о каком-то сюжете. В современной науке его называют *нарративом* (лат. *narrare* — языковой акт, словесное изложение). Отличие нарративных источников в том, что они предполагают читателя. Это письма, дневники, мемуары, исторические сочинения, летописи, статьи в средствах массовой информации (далее — СМИ) и т.д. Их авторы изначально, уже при составлении, сочинении своего текста подразумевали адресата, читателя, с которым вели мысленный диалог или перед которым выступали с монологом. Они хотели, чтобы их поняли и услышали. Неважно, кто при этом был адресатом: Господь Бог, исповедующийся сам себе автор, потомки, начальство, политические друзья или враги. Важно, что при подобной адресации неизбежно происходит отбор материала, его фильтрация, преподнесение под определенным углом зрения, изложение с субъективных позиций. Даже если сам автор стремится к объективности (чаще всего к той, которую он под этим словом понимает), он может не владеть полнотой информации. Его взгляды и способность их изложить зависят от подготовки, национальной, социальной, религиозной, политической принадлежности и т.д. В связи с этим такие источники называют опосредованными: произошедшие события как бы

преломляются в сознании автора и доходят до нас в его интерпретации, изложении, через посредство создателя нарратива.

Размышление

Историки влиятельной французской школы «Анналов», например Марк Блок (1886–1944), делили *свидетельства источников* на *ненамеренные* (т.е. изначально предназначенные для современников, а не для историков: разного рода документы, ведомости, справки и т.д.) и *намеренные* (т.е. сделанные специально, в расчете, что их когда-то прочтет адресат, читатель-современник или спустя много лет — историк).

По классификации Э. Бернгейма (1850–1942), источники делятся на *остатки* (собственно остатки, а также данные языка, игры, обычаи и т.д.) и *традицию* (т.е. переосмысление, интерпретация по определенным принятым в обществе правилам).

По классификации А. С. Лаппо-Данилевского (1863–1919) источники делятся на *изображающие* исторические явления («остатки культуры»), и источники, их *отображающие* («исторические предания»). С помощью *изображающих* возможно непосредственно воспринимать и описывать события, а вот *отображающие* нужно предварительно расшифровать, истолковать, интерпретировать.

Сказанное совершенно не значит, что на основе нарративных источников нельзя писать правдивую историю. Показания источников подвергаются проверке на достоверность (такая проверка называется *верификацией*). Существуют специальные методики критики источника, о которых речь пойдет далее. В связи с этим по нарративным источникам можно и должно установить точную информацию о прошлом, проверив ее и отобрав после соответствующего анализа.

Следующей группой является классификация по *видам* исторических источников. *Вид* — это исторически сложившаяся группа источников, которые имеют устойчивые общие признаки формы и содержания, возникшие и закрепившиеся в силу общности их социальных функций.

Классификация источников по видам предложена Л. Н. Пушкаревым: 1) *летописи*; 2) *законодательные акты*; 3) *делопроизводственная документация*; 4) *актовые материалы* (грамоты); 5) *статистика*; 6) *периодическая печать*; 7) *документы личного происхождения* (мемуары, дневники, переписка); 8) *литературные памятники*; 9) *публицистика и политические сочинения*; 10) *научные труды*.

Своего рода синтетическую классификацию, объединяющую деление источников по видам с критериями по типу носителя и по способу передачи информации, предложил С. О. Шмидт (1922–2013):

1. *Вещественные источники.*
2. *Изобразительные источники:*

- а) художественно-изобразительные (произведения искусства, кино и фотографии);
  - б) изобразительно-графические (карты, схемы и т.д.);
  - в) изобразительно-натуральные (фотографии и кинокадры).
3. *Словесные источники:*
- а) разговорная речь;
  - б) фольклор;
  - в) письменные памятники;
  - г) письменные памятники и фонодокументы.
4. *Конвенциональные источники* (все системы условных обозначений графическими знаками и информация, записанная на машинных носителях, т.е. современные электронные источники).
5. *Поведенческие источники* (обычай, обряды).
6. *Звуковые источники.*

1.3. Закономерности возникновения и эволюции источниковой базы

Под *источниковой базой* понимается вся совокупность источников по изучаемому хронологическому периоду, историческому сюжету, историко-географическому объекту.

Исторические события и процессы оставляют следы в виде исторических источников. Почти все факты человеческой жизни должны быть прежде всего задокументированы, и почти все шаги человека — отражены в различных ведомостях, реестрах, справках, анкетах, актах, протоколах деловой документации и т.д. Любая экономическая сделка (от простой купли-продажи до международного займа), любое изменение социального статуса также документируются. Каждый закон, его исполнение имеют свою бюрократическую историю, содержащуюся в соответствующих документах.

Человек, учреждение, организация, которые создают деловую документацию и собирают ее вокруг себя, называются документопроизводителями, а если документация сосредоточена в специальном собрании (фонде) — фондообразователями. Данные фонды хранятся в специальных учреждениях — архивах.

Проблема в том, что деловые документы, выполнив свою роль, часто бывают более не нужны. Их просто не хранят. Причем это касается как частных бумаг, так и документов учреждений и даже государственных актов. Далеко не все фондообразователи передали свои документы в архивы, а в переданных на хранение бумагах часто содержатся огромные пропуски, лакуны, сделанные по небрежению, или из-за уничтожения тех или иных документов. Пожары архивов, войны, революции, эвакуации отнюдь не способствуют сохранности исторических источников, и чем отдаленнее эпоха, тем скуднее источниковая база. Только в конце XVII в. в русских хранилищах документов появились первые шкафы. До этого дьяки хранили документы в ящиках, сундуках, коробах, корзинах и даже мешках.

Неудивительно, что многие из них просто сгнили, были съедены мышами, утеряны и т.д.

Количество документов по русской истории с древнейших времен до 1626 г. — несколько тысяч. В 1626 г. страшный пожар уничтожил архивы московских приказов. Было навсегда утрачено огромное количество документов. По словам С. О. Шмидта, «описи архивов XVI — начала XVII в. можно рассматривать и как мартирологи погибших для нас архивных исторических источников... исследователям известны лишь немногие, иногда случайные, документы правительственной деятельности XVI в.». Многие сюжеты по русской истории до 1626 г. слабо документированы и остаются загадочными: по ним просто нет источников. Например, монголо-татарское иго занимает более двух веков — с середины XIII в. по 1480 г. Русские князья более двух столетий не могли править своей землей без специального разрешения от ордынского хана — ярлыка на княжение. Ни одного золотордынского ярлыка русским князьям не сохранилось! Уцелело только шесть ярлыков митрополитам. В силу отсутствия этих основополагающих документов русской истории за XIII—XV вв. мы можем только гипотетически предполагать, что же было написано в ярлыках на великое княжение.

Более полутора столетий — с середины XVI в. до начала XVIII в. — в России для управления существовала приказная система — собрание особых государственных учреждений, называвшихся приказами, которые в этот период также являлись главными фондообразователями. Между тем, их документация до 1626 г. сохранилась настолько слабо, что ученые до сих пор спорят даже о возникновении того или иного приказа — иногда предлагаемые датировки различаются на 50—70 лет!

По подсчетам В. А. Кучкина, до нашего времени сохранилось всего восемь актов XII в., 15 актов, относящихся к XIII в., 163 — к XIV в. и 2048 — к XV в.: всего 2234 акта, освещающие 400 лет истории русских земель! Это ничтожно малые показатели. Европейские архивы городов и даже крупных монастырей за эти же годы насчитывают десятки и даже сотни тысяч документов по истории одного населенного пункта или монашеской обители. И. Н. Данилевский приводит следующие цифры: «...еще в первой половине XIV в. только из французской королевской канцелярии ежедневно исходило, по подсчетам Р.-А. Ботье, до 150 документов, скрепленных королевской печатью (за год до 60 000), а в архиве Арагонского королевства сохранилось 6500 регистров, зафиксировавших около 4 млн актов».

Здесь, конечно, сказывалась разница в развитии бюрократической культуры. Как показано М. М. Кромом, русская великокняжеская канцелярия в конце XV — начале XVI в. по интенсивности документооборота вышла на уровень парижских нотариусов XII—XIII вв., т.е. в России документов до XVII в. было в принципе меньше, чем в Европе. Однако и те, которые были, до нас в значительном количестве не дошли.

После 1626 г. ситуация изменилась: с каждым годом число доступных историкам документов по самым разным сюжетам отечественной истории увеличивалось. Иногда их бывает даже слишком много. Один исследова-

тель часто физически не в состоянии обработать все имеющиеся массивы документов, требуются крупные исследовательские коллективы.

 По подсчетам историка В. П. Загоровского (1925–1994), «в столбцах Белгородского стола Разряда имеется 1911 дел (единиц хранения). Большинство дел состоит из нескольких сотен листов, написанных мелкой скорописью XVII в., встречаются дела и по полторы-две тысячи листов. Всего в столбцах Белгородского стола Разряда хранится около миллиона листов рукописных текстов. Ежедневно читать, мысленно продумывать, делать выписки, сопоставлять с уже прочитанным и изученным можно, скажем, 200 листов рукописей. В этом случае исследователь (не занимающийся, добавим, ничем другим, что практически невозможно, но мы рассматриваем теоретический вариант) потратил бы на ознакомление с документами, отложившимися в столбцах Белгородского стола, 14 лет».

Примечание: *Белгородский стол* — отдел Разрядного приказа, который в XVII в. ведал организацией воинской службы и обороны страны на южной границе России.

Начиная со второй четверти XVII в. количество документальных источников по отечественной истории увеличивается вместе с ростом числа фондообразователей. Более разнообразными становятся виды деловой документации, появляются массовые источники. Продолжает оставаться актуальной проблема сохранности документов, но теперь она больше связана с политическим фактором (например, при Советской власти шло сознательное уничтожение «ненужных» документов по истории церкви до 1917 г., засекречивание документов по истории партии, истории внешней политики, военной истории, которое привело к перемещениям и утратам части документов и т.д.).

Помимо документальных историк использует нарративные источники — летописи, хроники, дневники, письма и т.д. Почему люди начинают фиксировать на бумаге свои рассказы о происходящем, почему возникает потребность общества в исторических сочинениях? Ученые спорят, зачем люди стали писать летописи. Высказываются разные теории: от политической необходимости использовать ссылки на историю для борьбы за власть, потребности в презентации страны на международной арене до «диалога с Богом», представления летописи как «книги ответной» деяний богоизбранного народа, которая будет предъявлена на Страшном суде.

Видимо, играла роль совокупность разных факторов, главным из которых был уровень развития культуры: на определенном этапе развития люди испытывали потребность в фиксации событий прошлого, часто в форме исторической легенды, мифа, чтобы обрести свою идентичность. Возникло желание узнать, от кого они происходят. Чувство происхождения от одного корня, наличие общих предков с их героическими деяниями — важнейшее условие создания самоидентичности людьми Средневековья. Русские становились русскими через обретение своей истории.

История была нужна также для формулирования морально-нравственных ориентиров, сопоставления поведения исторических персонажей

с идеалами христианской религии. Христианство — религия исторически ориентированная, все священные книги христиан суть исторические книги, рассказывающие о событиях прошлого. В Средневековье Библия воспринималась как абсолютно достоверная история, «бывшая вчера» (хронологическая дистанция между Древней Русью и Древним Израилем в несколько веков не ощущалась), и все происходившее считалось достойным упоминания событием только в том случае, если было как бы продолжением библейской истории, событием, со-бытием (связанным с библейской Книгой Бытия). Видимо, поэтому (а также из-за политических, интеллектуальных и других потребностей) люди стали создавать исторические сочинения.

Количество нарратива по мере продвижения от Средневековья к Новому и далее к Новейшему времени растет, а виды и жанры становятся все более сложными и разнообразными. В нарративных источниках очень силен авторский, субъективный фактор, они развиваются и совершенствуются по мере развития человеческой личности, повышения ее роли и социального статуса (нам неизвестны дневники жителей Древней и средневековой Руси, когда личность и индивидуальность человека проявлялись на страницах нарратива в гораздо меньшей степени). Зато в Новое время количество источников личного происхождения стремительно растет. Дневники, мемуары, записки очевидцев, письма, исторические очерки и другие документы становятся важнейшими историческими источниками по отечественной истории XVIII—XX вв.

С XVIII в. в качестве особой разновидности источников выступает периодическая печать, и к XX в. материалы печатных СМИ занимают прочные позиции среди исторических источников. К этому добавляются в XIX в. источники на принципиально новых видах носителей, с новыми возможностями: кино-, фото-, фонодокументы, а с 1990-х гг. — электронные источники.

☞ В целом можно выделить следующие принципиальные характеристики закономерностей возникновения и эволюции источниковой базы от древности и Средневековья к Новейшему времени. С каждым столетием:

- увеличивается количество источников, источниковая база расширяется;
- расширяется выбор вариантов носителя, на которых может существовать источник;
- увеличивается количество видов источников;
- внутри видов источников усложняется структура источника, его форма;
- совершенствуются способы подачи информации, изложения материала;
- усиливается авторский, личностный фактор в нарративных источниках.

1.4. Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины

Изучение источников требует многих специальных знаний: умения читать различные шрифты и почерки, различать и датировать сорта бумаги, чернила, печати и т.д. В связи с этим по мере развития источниковедения выделялись отдельные узкоспециализированные направления научных

исследований. Они получили название *вспомогательных исторических дисциплин*, которые можно разделить на следующие группы.

1. **Вспомогательные исторические дисциплины, связанные с изучением рукописных источников.** Это *палеография* (§ 3.2), *кодикология* (§ 3.2), *филиграноведение* (филигранология) — наука о маркировочных знаках бумаги, так называемых филигранях (водяных знаках).

2. **Прикладные вспомогательные исторические дисциплины, связанные с публикацией исторических источников.** Науку о способах описания и публикации разных видов источников называют *археографией* (§ 3.6).

3. **Вспомогательные исторические дисциплины, изучающие содержащуюся в источнике специфическую информацию и терминологию.** Это *историческая хронология* — наука о способах летоисчисления и датировки в различные эпохи; *историческая география* — наука о развитии историко-географических знаний в исторической ретроспективе, о том, как менялись представления людей о географии мест их обитания; *историческая топонимика и гидронимика* — наука об изменении названий населенных пунктов, водных и географических объектов (рек, озер, морей, гор и т.д.) в исторической ретроспективе; *историческая ономастика* — наука об именах собственных, происхождении, развитии и толковании имен и фамилий людей в исторической ретроспективе; *историческая метрология* — наука об изменении систем мер и весов в различные эпохи.

4. **Вспомогательные исторические дисциплины, имеющие специальный объект исследования — особую сферу человеческой деятельности.** Это *историческая генеалогия* — наука о родословных, о связях между представителями одного рода и о происхождении этого рода (в Средневековье, когда от происхождения феодала зависело его положение в обществе, генеалогия была очень востребованной отраслью знания; без выявления генеалогических связей между историческими персонажами мы не могли бы понять многие исторические сюжеты); *сфрагистика* — наука, изучающая печати на документах, их особенности, способы изготовления и т.д.; *нумизматика* — наука о монетах и денежных знаках, их хождении, способах изготовления и т.д.; *геральдика* — наука о гербах, их истории и законах создания герба; *фалеристика* — наука о наградах и наградных знаках, орденах и медалях, законах их создания; *вексиллология* — наука о флагах и знаменах; *униформология* — изучение униформы, истории мундира; *эпиграфика* — наука о форме и содержании надписей на твердых носителях (камне и т.д.) (§ 6.4).

Контрольные вопросы и задания

1. Что такое исторический источник?
2. Сравните взгляды ученых на определение исторического источника.
3. Какие существуют виды исторических источников?
4. Сравните критерии, лежащие в основе классификаций исторических источников. Обоснуйте преимущества и недостатки различных классификаций.
5. Опишите основные классификации исторических источников.
6. Что такое источниковая база?

7. Раскройте принципы и особенности эволюции источниковой базы от древности до современности.
8. Почему источниковедение является особой наукой? В чем ее отличие от других исторических наук?
9. Дайте определения основным наукам из числа вспомогательных исторических дисциплин.

Основная библиография по главе 1

1. *Библер, В. С.* Исторический факт как фрагмент действительности (логические заметки) // Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. — М., 1969.
2. *Гуревич, А. Я.* Что такое исторический факт? // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. — М., 1969.
3. *Данилевский, И. Н.* Источниковедение: Теория. История. Метод / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. — М., 1996.
4. *Иванов, Г. М.* Исторический источник и историческое познание. — Томск, 1973.
5. *Иванов, Г. М.* Методологические проблемы исторического познания / Г. М. Иванов, А. М. Коршунов, Ю. В. Петров. — М., 1981.
6. *Ковальченко, И. Д.* Исторический источник в свете теории информации: к постановке проблемы // История СССР. — 1982. — № 3.
7. *Ковальченко, И. Д.* Исторический источник и исторический факт // *Его же.* Методы исторического исследования. — М., 1987.
8. *Куриосов, А. А.* К вопросу о природе видов источников // Источниковедение отечественной истории. — М., 1977.
9. *Пронштейн, А. П.* Вспомогательные исторические дисциплины / А. П. Пронштейн, В. Я. Кияшко. — М., 1973.
10. *Пушкарев, Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. — М., 1975.
11. Специальные исторические дисциплины : учеб. пособие / сост. М. М. Кром. — СПб., 2003.
12. *Фарсбин, В. В.* Источниковедение и его метод: опыт анализа понятий и терминологии. — М., 1983.
13. *Черепнин, Л. В.* К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. — М., 1973. — Вып. 1.
14. *Шепелев, Л. Е.* Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины: к вопросу о задачах и роли в историческом исследовании // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л., 1982. — Вып. 13.
15. *Шмидт, С. О.* О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л., 1985. — Вып. 16.
16. *Шмидт, С. О.* Теоретические проблемы источниковедения // Источниковедение: теоретические и методологические проблемы. — М., 1969.

Глава 2

ИСТОРИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- историю источниковедения в России в XVIII—XXI вв.;
- основные школы источниковедения в России;
- научные биографии крупнейших ученых-источниковедов;

уметь

- характеризовать эволюцию методов источниковедения в России;
- соотносить результаты исследования с источниковой базой и методикой изучения источников применительно к отечественной историографии XVIII—XXI вв.;

владеть

- навыками анализа источниковедческой составляющей научных трудов по истории России.

Ключевые термины и понятия: *деятельность Г. З. Байера, Г. Ф. Миллера, А. Л. Шлецера; примечания к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина; Румянцевский кружок; Археографическая комиссия; деятельность К. Н. Бестужева-Рюмина, А. С. Лапте-Данилевского, С. Ф. Платонова, А. А. Шахматова, М. Н. Тихомирова; архив, фондообразователь, структура архивного фонда.*

2.1. Возникновение источниковедения в России в XVIII веке

Источниковедение в России возникло в конце XVIII в. Начало длительного процесса его становления относится к 1720-м гг., когда в Россию приехали немецкие ученые, приглашенные в связи с открытием в 1724 г. Петербургской академии наук.

Существенный вклад в развитие источниковедения в России внес преемник первого историка-академика Готлиба Зигфрида Байера (1694—1738) в Академии наук Герард Фридрих Миллер (1705—1783). В 1733 г. историк отправился в первую в отечественной практике археографическую экспедицию, он был прикомандирован к географической экспедиции Витуса Беринга, отправлявшейся в Сибирь. Сибирская экспедиция Г. Ф. Миллера продлилась 10 лет, в течение которых историк планомерно исследовал архивы сибирских городов, копируя документы, имевшие значение для исследования русской истории. Из экспедиции ученый привез несколько сотен копий различных источников, оригиналы многих из них впоследствии пропали. Так сформировалась первая коллекция источников (так называемые «сибирские портфели Миллера»), которая ныне хранится в Петербургском филиале архива Российской академии наук.

Г. Ф. Миллер был первым историком России, в научном творчестве которого изучение источников имело самостоятельное значение. Впоследствии, в 1765 г., он ходатайствовал о переводе в Москву, где возглавил крупнейшее архивохранилище тогдашней России — Московский архив Коллегии иностранных дел, в фондах которого хранились документы Посольского приказа — высшего государственного учреждения допетровской России, занимавшегося вопросами внешней политики. Г. Ф. Миллер предпочел не требовавшей особых хлопот академической должности в столичном Петербурге кропотливую работу архивиста.

Московский период деятельности Г. Ф. Миллера ознаменовался изданием ряда ценных источников по истории России. Не написав ни одной работы, посвященной собственно источниковедению, историк своей практической собирательской, архивной и издательской, деятельностью способствовал выявлению и изучению источников по истории России, а следовательно, и формированию источниковедения.

Следующим шагом на этом пути стала деятельность Августа Людвига Шлецера (1735—1809), который начинал свою работу по изучению русской истории в 1760-е гг. в качестве ученика Г. Ф. Миллера. А. Л. Шлецер можно считать первым источниковедом. Он сделал объектом своего исследования не исторический процесс, а сам источник (русские летописи) и поставил цель реконструировать древнейшую русскую летопись, созданную в XI в. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором. Изданная в 1802 г. уже много лет проживавшим в Германии А. Л. Шлецером (он уехал из России в 1768 г.) монография так и называлась — «Летопись Нестора» («Nestorchronik», в русском переводе этой книги, появившемся в 1809 г. — «Нестор»). Это была первая монография, посвященная источнику по истории России, а не просто историческому процессу.

Источниковедение в России XVIII в. развивалось не только благодаря трудам академических ученых. Большую роль в его формировании сыграл Василий Никитич Татищев (1686—1750). Для написания своей «Российской истории», над которой он трудился в 1720—1740-е гг., В. Н. Татищев собрал коллекцию источников, по преимуществу летописей, которую подарил Академии наук. В тексте «Истории» В. Н. Татищев подробно охарактеризовал каждый источник, а также предложил первую в отечественной практике классификацию источников, выделив *генеральные истории* (изложения общерусской истории), *местные истории* (источники, описывающие историю отдельных регионов), *топографии* (историко-географические сочинения) и т.п.

Источниковедческим новшеством В. Н. Татищева по сравнению с его предшественниками было принципиально иное изложение древнерусской истории, в основу которого ученый положил не историко-литературные компиляции XVI—XVII вв., а подлинные русские летописи. Обратившись к летописи как историческому источнику, В. Н. Татищев предпринял попытку реконструировать историю летописания (позднее этот вопрос пытался решить А. Л. Шлецер). В методологическом отношении подход В. Н. Татищева значительно уступал исследованию А. Л. Шлецера, основанному на принципах текстологии. В. Н. Татищев произвольно выбирал

для каждой эпохи исторического деятеля, который мог бы вести летописные записи. Этому деятелю историк и приписывал летописные тексты соответствующего времени.

Однако в одном В. Н. Татищев был более прогрессивен, чем А. Л. Шлецер. Последнего интересовал только первоначальный текст летописи, а для В. Н. Татищева были важны все этапы работы над летописью, и в этом он предвосхитил подходы к изучению источника. Кроме того, В. Н. Татищев первым обратил внимание на такие памятники древнерусского законодательства, как Правда русская и Судебник 1550 г. Судебник он даже подготовил к изданию и составил комментарии к его тексту.

Столь пристальное и необычное для того времени внимание к содержанию источника сочеталось у В. Н. Татищева с небрежным отношением к его внешней характеристике. Русский историк называл древним летописцем рукопись XVIII в., содержащую, по его мнению, древний текст. Иными словами, для В. Н. Татищева, как, впрочем, и для большинства историков XVIII в., имело значение только содержание источника.

☞ Таким образом, в XVIII в. происходило накопление знаний об источниках по истории России, выявление текста самих источников, предпринимались попытки классификации источников.

2.2. Источниковедение в России в XIX — начале XX века

☞ В европейской культуре начала XIX в., к которой принадлежала и Россия, классицизм уступил место романтизму с его обостренным вниманием к любым проявлениям индивидуальности и утверждением ценности личного опыта в постижении реальности. Эти установки оказались благоприятными для развития национальной истории и источниковедения. Не случайно первым русским историком, серьезно занявшимся проблемами источниковедения, стал крупнейший в тогдашней России поэт-сентименталист Николай Михайлович Карамзин (1766—1826).

В 1801 г. на российский престол взошел юный монарх Александр I, который совместно со своими прогрессивно и либерально настроенными «молодыми друзьями» шел навстречу веяниям времени. В 1803 г. Н. М. Карамзин получил от императора должность историографа, которая открывала для него все государственные и церковные архивы.

Написанная Н. М. Карамзиным «История государства Российского» состоит из двух блоков. Первый блок — основной текст, который произвел глубокое впечатление на современников. Говорили, что автор открыл русскому обществу его историю, как Колумб открыл Америку. Сочинение Н. М. Карамзина имело все достоинства литературного произведения, а концепция отличалась полемической заостренностью и злободневностью. А. С. Пушкин писал о произведении Н. М. Карамзина: «Его истории изящность, простота доказывают нам без всякого пристрастия необходимость самовластия и прелести кнута». Однако все это относится лишь к первому блоку «Истории государства Российского».

Второй блок — примечания, касающиеся преимущественно характеристик источников, которые историк привлекал в своем исследовании. Некоторые из них представляют собой законченные источниковедческие штудии, в которых Н. М. Карамзин предстает выдающимся исследователем источников по древнерусской истории. Если основной текст «Истории государства Российского» давно стал достоянием истории науки и литературы, то примечания до настоящего времени сохранили свою ценность и актуальность. С предположениями ученого, высказанными в примечаниях, и сейчас спорят исследователи, нередко находя им подтверждения в источниках, неизвестных Н. М. Карамзину. Можно сказать, что Н. М. Карамзин как историк актуален сегодня прежде всего своими источниковедческими наблюдениями.

В начале XIX в. в Петербурге и Москве действовал исторический кружок канцлера графа Николая Петровича Румянцева (1754—1826), всемерно содействовавшего развитию исторической науки в России. Н. П. Румянцев сплотил вокруг себя талантливых историков, чьи исследования он щедро финансировал. Кроме того, по его инициативе предпринимались археографические экспедиции по собиранию древних рукописей, а также работы по изданию исторических источников.

Из деятелей румянцевского кружка следует выделить крупнейших источниковедов своего времени Константина Федоровича Калайдовича (1792—1832) и Павла Михайловича Строева (1796—1876). К. Ф. Калайдович получил известность благодаря разысканиям по источниковедению древнеславянской и древнерусской книжности. Авторитет К. Ф. Калайдовича был настолько велик, что Н. М. Карамзин в своих примечаниях ссылался на его мнение как эксперта. Однако безвременная кончина этого историка помешала развернуться его дарованию в полной мере. Археографические экспедиции П. М. Строева 1828—1832 гг. положили начало Археографической комиссии, образованной в 1834 г. и занимавшейся изданием источников по истории России. Крупным научным трудом П. М. Строева является «Библиологический словарь», содержащий справочную информацию о всех известных к тому времени письменных нарративных источниках древнерусского периода.

В занятиях Румянцевского кружка принимал участие и церковный историк митрополит Евгений (Болховитинов, 1767—1837), в научном творчестве которого исследование источников по истории Древней Руси занимало первое место. Он составил «Словарь светских и церковных писателей греко-русской церкви», посвященный в основном авторам средневековых нарративных источников. Историком удалось издать только первую часть своего справочника, посвященную церковным писателям, она вышла в 1818 г. Вторую часть, посвященную произведениям светских писателей, издал в 1847 г. московский историк И. М. Снегирев.

☞ В Москве ведущим центром в XIX — начале XX в. являлось Общество истории и древностей российских, которое было основано при Московском университете в 1804 г. по предложению А. Л. Шлецера для издания русских летописей. С годами профиль деятельности Общества несколько изменился, и на первый план вышло изучение русской истории через призму источников.

Все крупные московские историки-источниковеды были тесно связаны с Обществом истории и древностей российских. Кроме К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева, следует назвать Михаила Петровича Погодина (1800—1875), Осипа Максимовича Бодянского (1808—1878), Вукола Михайловича Ундольского (1816—1864), Андрея Николаевича Попова (1841—1881) и др. Эти и другие историки участвовали в заседаниях Общества и регулярно публиковали на страницах его периодических изданий («Русские достопамятности», «Временник ОИДР», «Чтения ОИДР») издания источников и свои источниковедческие исследования. До наших дней сохранили свою научную ценность исследования О. М. Бодянского о письменном наследии святых Кирилла и Мефодия и их учеников, а также научные труды А. Н. Попова, посвященные древнерусским хронографам.

Во второй половине XIX в. источниковедением стали интенсивно заниматься на кафедрах русской истории крупнейших университетов. В Московском университете основоположником источниковедческой школы следует считать Василия Осиповича Ключевского (1841—1911), который начал свою научную деятельность с образцового исследования «Жития святых как исторический источник». В. О. Ключевский впервые привлек к исследованию десятки житий русских святых, изучил историю текста и взаимоотношения важнейших памятников агиографической литературы.

В Петербургском университете источниковедческая школа была заложена научно-педагогической деятельностью Константина Николаевича Бестужева-Рюмина (1829—1897), который в курсе русской истории первый раздел отвел подробному описанию источников по истории средневековой России. Отдельную работу историк посвятил русским летописям. К. Н. Бестужев-Рюмин считал, что мастерству историка следует учиться посредством изучения источников. Возможно, именно поэтому большинство его учеников писали диссертации по источниковедению. Из них наибольший вклад в развитие источниковедения внесли Сергей Федорович Платонов (1860—1933) и Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863—1919).

С. Ф. Платонов изучал источники по истории Смутного времени в России. С конца XIX в. он возглавлял кафедру русской истории Петербургского университета, был деятельным сотрудником Археографической комиссии, председателем которой стал в 1918 г. В лице С. Ф. Платонова соединились скрупулезный исследователь и публикатор источников, талантливый историк и педагог (по его учебникам изучали русскую историю гимназисты и студенты), а также удачливый администратор. Всегда окруженный учениками и последователями, С. Ф. Платонов оставался верен главному методологическому принципу своего учителя — учить истории через исследование источников.

А. С. Лаппо-Данилевский сосредоточил свое внимание на исследовании документальных источников XVI—XVII вв. Ученики, посещавшие его семинар, посвященный методике исследования и издания древнерусских актов, составили особую школу. Изданием средневековых актов из собра-

ния Коллегии экономии, включающего архивы русских монастырей эпохи позднего Средневековья, занималась возглавляемая А. С. Лаппо-Данилевским Постоянная историческая комиссия, в работе которой принимали участие ученики историка Александр Игнатьевич Андреев (1887—1959), Сигизмунд Натанович Валк (1887—1975), Алексей Алексеевич Шилов (1881—1942) и др. А. С. Лаппо-Данилевский широко использовал наработки западноевропейской дипломатики, ее терминологию и методику, чем существенно обогатил отечественное источниковедение.

Особняком стоит деятельность петербургского историка, выпускника Казанского университета Николая Петровича Лихачева (1862—1936), который много сделал для развития вспомогательных исторических дисциплин: палеографии, филиграноведения, сфрагистики, древнерусской иконографии. Н. П. Лихачев составил справочники по филиграням, которые используются до сего дня. Его перу принадлежат также несколько выполненных на исключительно высоком уровне источниковедческих исследований о русских источниках XVI в.

Большой вклад в развитие источниковедения в России внесли литературоведы. Школа по изучению древнерусских письменных источников сложилась во второй половине XIX в. в стенах Московского университета. Ее деятельность связана с именами Федора Ивановича Буслаева (1818—1897), Филиппа Федоровича Фортунатова (1848—1914), Николая Саввича Тихонравова (1832—1893). Из этой школы вышли и другие выдающиеся исследователи источников по истории средневековой России.

Алексей Иванович Соболевский (1856—1929) составил справочник «Переводная литература Московской Руси», ставший первым трудом, в котором давалась характеристика такому источнику, как русская средневековая переводная литература. Имя Алексея Александровича Шахматова (1864—1920) связано с крупномасштабным исследованием древнерусских летописей. Владимир Николаевич Перетц (1870—1935) долгое время преподавал в Киевском университете, где образовал школу по изучению русской и украинской литературы XVII в. Именно В. Н. Перетц в своем учебнике впервые в отечественной практике описал метод текстологического изучения памятника древнерусской литературы. В Киевском университете долгие годы проводился семинар В. Н. Перетца по изучению древнерусской литературы, который посещали выдающиеся литературоведы Николай Каллиникович Гудзий (1887—1965), Сергей Алексеевич Бугославский (1888—1945) и др.

К началу XX в. источниковедческие изыскания стали неотъемлемой частью любого исторического исследования и признаком профессиональной культуры историка. В 1878 г. известным деятелем архивного дела Николаем Васильевичем Калачовым (1819—1885) в Петербурге был основан Археологический институт. Целью этого учебного заведения было преподавание источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин для лиц, имевших высшее образование, но не получивших специальную историко-филологическую подготовку, т.е. для выпускников негуманитарных факультетов. Под археологией в то время понимали любое изуче-

ние древних источников. В 1907 г. Археологический институт был открыт в Москве, а накануне революции — в Перми.

☞ Начало XX в. заслуженно называют золотым веком историко-филологической науки в России, большая роль в развитии которой принадлежит источниковедению. Расцвет источниковедения в конце XIX — начале XX в. связывают с философией позитивизма, последователями которой в той или иной степени были все крупные историки-источниковеды того времени. Возможность познавать объективную реальность окружающего мира, опираясь на собственные ощущения, лежит в основе источниковедения, как, впрочем, и большинства научных дисциплин.

2.3. Отечественное источниковедение XX — начала XXI века

В начале XX в. в России действовали крупные исторические и филологические школы, представители которых активно занимались источниковедческими изысканиями. В Московском университете работали ученики В. О. Ключевского, среди которых наиболее результативно источниковедением занимался Михаил Михайлович Богословский (1867—1929). В Петербургском университете существовала школа С. Ф. Платонова, а в Академии наук — школа А. С. Лаппо-Данилевского. Кроме того, сильно было влияние на современников А. А. Шахматова. Накануне революции переехал в Петербург В. Н. Перетц.

☞ Революционные потрясения 1917 г. и события Гражданской войны 1918—1922 гг. поставили перед историками важную задачу формирования архивного фонда молодого Советского государства. В 1922 г. был образован Центрархив, и участие в его работе по разбору архивов дореволюционных учреждений стало для многих историков шансом выжить в условиях разрухи, а также продолжать свою профессиональную деятельность.

Центрархив возглавил ученик В. О. Ключевского историк-марксист Михаил Николаевич Покровский (1868—1932), который, будучи сторонником идеологизации истории, неодобрительно относился к источниковедческим исследованиям, по его мнению, ненужным, решающим слишком узкие задачи. Широкую известность получило изречение М. Н. Покровского о том, что «история — это политика, опрокинутая в прошлое». Глава Центрархива вступил в конфликт с руководителем Петроградской секции Центрархива С. Ф. Платоновым. Отстранение последнего от архивного строительства, которого М. Н. Покровский добился в середине 1920-х гг., повлекло за собой удаление из этой сферы целого ряда петербургских и московских историков. Однако некоторые специалисты, например А. А. Шилов, Б. А. Романов, все же остались на архивной работе, привнеся в нее академические принципы исследования источников.

В 1920-е гг. историки получили широкие возможности для научной и педагогической работы. В 1922 г. к Петроградскому университету были присоединены Высшие женские курсы и Археологический институт.

В программе последнего были курсы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин — все они оказались и в университетской программе. Пришлось даже ввести специальное архивно-археографическое отделение, ведущим предметом на котором стало источниковедение.

Тяготы революционного времени сказались и на положении Академии наук. До революции большинство академиков придерживались либеральных взглядов в духе партии кадетов. Именно поэтому в действительные члены Академии наук до революции так и не были избраны монархист С. Ф. Платонов и стоявший на крайне правых позициях Н. П. Лихачев. Кроме того, в Академию наук практически не выбирали московских историков. После революции ситуация изменилась. Кончина А. С. Лаппо-Данилевского, А. А. Шахматова и ряда других академиков обескровила Академию наук. На вакантные места в течение нескольких лет были избраны С. Ф. Платонов, Н. П. Лихачев, М. М. Богословский и др. В 1926 г. Постоянная историческая комиссия была присоединена к Археографической комиссии, которую еще в 1918 г. возглавил С. Ф. Платонов. В преобразованном виде это учреждение называлось Постоянной историко-археографической комиссией и занималось не только изданием источников, но и их собиранием и изучением. Правой рукой С. Ф. Платонова в комиссии стал А. И. Андреев. С. Ф. Платонов возглавил также Библиотеку Академии наук (далее — БАН) и Институт русской литературы (Пушкинский Дом) — научные учреждения, в деятельности которых традиционно присутствовала источниковедческая составляющая.

В 1920-е гг. силами М. Н. Покровского, В. В. Адоратского, Н. М. Лукина развернулась борьба с так называемой буржуазной методологией истории, особенно активизировавшаяся в связи с переизданием в 1923 г. книги А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории», принципы которой, тем не менее, продолжали развивать С. Н. Валк, А. Е. Пресняков, И. М. Гревс. Так, велась работа по подготовке к изданию текстов декретов первых лет Советской власти, которая завершилась в 1933 г. выходом в свет сборника «Декреты Октябрьской революции». Высокий уровень археографической подготовки сборника, осуществленной С. Н. Валком, донныне является общепризнанным.

В 1929 г. органами Объединенного государственного политического управления было сфабриковано так называемое «академическое дело», в результате которого по обвинению в антиправительственном заговоре были арестованы С. Ф. Платонов, Н. П. Лихачев, М. К. Любавский и десятки их учеников и коллег.

В 1932 г. Академия наук была переведена из Ленинграда в Москву. Историко-археографическую комиссию сначала преобразовали в Историко-археографический институт, которому затем придали статус группы в созданном в Москве Институте истории СССР. С 1932 г. начал выходить сборник «Проблемы источниковедения», на долгие годы ставший единственным изданием источниковедческого профиля. В 1930 г. был учрежден Институт архивоведения, с 1932 г. — Историко-архивный институт (далее — ИАИ), готовящий специалистов по архивному делу. С 1991 г. ИАИ входит в состав Российского

государственного гуманитарного университета. В 2010 г. кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ была преобразована в Высшую школу источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин.

Теоретическое осмысление проблем источниковедения в начале 1930-х гг. в работах Г. П. Саара, С. Н. Быковского было прервано обращением И. В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», в котором он назвал исследователей, полагающихся «на одни лишь бумажные документы», безнадежными бюрократами и архивными крысами. Тем самым утверждалось положение о необязательности документального обоснования выводов историка. Сформировался двойственный подход к оценке достоверности информации источников дореволюционного и послереволюционного периодов: по отношению к первым подчеркивалось требование критического анализа, в отношении вторых достоверность признавалась бесспорной. Таким образом, в рамках новой концепции источниковедения исторический источник рассматривался как социально обусловленное явление, как продукт классовой борьбы.

В этом контексте роль источниковедения как научной дисциплины упала. В 1931 г. Археографическая комиссия была преобразована в Историко-археографический институт, а в 1936 г. вообще ликвидирована. Ситуация изменилась в послевоенное время, когда в официальной идеологии был взят курс на патриотическое воспитание советского человека. В этой обстановке выдающемуся историку, академику Михаилу Николаевичу Тихомирову (1893—1965) в 1956 г. удалось восстановить Археографическую комиссию, печатным органом которой стал «Археографический ежегодник», являющийся до настоящего времени наиболее авторитетным научным изданием по источниковедению. Спустя несколько лет, в 1968 г., М. Н. Тихомиров основал на историческом факультете Московского университета кафедру источниковедения истории России, ставшую ведущим научно-учебным центром по источниковедению (ср. 3.6).

Большой вклад в развитие источниковедения в советское время внесли филологи, как лингвисты, так и литературоведы. После разгрома исторической науки в Ленинграде и Москве в 1929—1930 гг. прибежищем для многих уволенных и оставшихся без работы историков и филологов стала работа над картотекой академического словаря древнерусского языка, непосредственно связанная с самыми разными письменными источниками, тексты которых надлежало пословно расписывать по карточкам. В 1934 г. в Институте русской литературы Академии наук СССР (Пушкинском Доме) по инициативе директора института, известного исследователя источников по истории России XVI в. Александра Сергеевича Орлова (1871—1947) был образован сектор древнерусской литературы. Его возглавила ученица и жена В. Н. Перетца Варвара Павловна Адрианова-Перетц (1988—1972). С 1934 г. вышли «Труды отдела древнерусской литературы»,

в которых были опубликованы многие статьи по источниковедению древнерусских источников (к настоящему времени издан 61 том).

Академик М. Н. Тихомиров оставил после себя большую школу историков-источниковедов, которая была связана в основном с кафедрой источниковедения Московского государственного университета (далее — МГУ) и Археографической комиссией. Свое собрание русских средневековых рукописей М. Н. Тихомиров завещал Государственной публичной научно-технической библиотеке в Новосибирске. В институте истории в Новосибирске стал работать и ученик М. Н. Тихомирова Николай Николаевич Покровский (1930—2013), основавший сибирскую школу источниковедения, одну из самых деятельных в настоящее время. В Москве среди учеников М. Н. Тихомирова в области источниковедения результативно работали и работают Аполлон Григорьевич Кузьмин (1928—2004), Сигурд Оттович Шмидт (1922—2013), Борис Николаевич Флоря (род. 1937). С. О. Шмидт сменил М. Н. Тихомирова на посту председателя Археографической комиссии и возглавлял ее в 1968—2006 гг. Для формирования школы Шмидта большое значение имел руководимый им на протяжении четырех десятилетий кружок источниковедения в Историко-архивном институте.

Крупным научным центром источниковедения во второй половине XX в. являлся Историко-архивный институт. Здесь работали Лев Владимирович Черепнин (1905—1977), Александр Александрович Зимин (1920—1980), Владимир Борисович Кобрин (1930—1990), и другие выдающиеся историки-источниковеды.

Л. В. Черепнин долгое время (1969—1977) также возглавлял сектор истории феодализма Института истории СССР Академии наук СССР, что позволило ему собрать в этом учреждении целую плеяду крупных историков-источниковедов. Его школу отличало внимание к документальным источникам русского Средневековья. Эти традиции продолжались и в более позднее время, вплоть до 1990-х гг. В разное время в Институте истории СССР Академии наук СССР (ныне — Институт российской истории Российской академии наук) работали и работают выдающиеся историки-источниковеды Арсений Николаевич Насонов (1898—1965), Владимир Андреевич Кучкин (род. 1933), Сергей Михайлович Каштанов (род. 1932), Анна Леонидовна Хорошкевич (род. 1931), Нина Васильевна Синицына (род. 1936), Борис Михайлович Клосс (род. 1932) и др.

Рост интереса к источниковедению в 1960—1970-х гг. выразился в обсуждении теоретических проблем источниковедения. Толчком к ним стало обсуждение доклада Александра Цезаревича Мерзона «О критике исторических источников» в 1957 г. в Историко-архивном институте. В 1960—1970-е гг. вопросы теории, методологии, истории источниковедения изучались в Ростове-на-Дону (школа Александра Павловича Пронштейна, 1913—1998), в Томском государственном университете (школа Бориса Георгиевича Могильницкого, род. 1929), в МГУ (школа академика Ивана Дмитриевича Ковальченко, 1923—1995). Именно в этот период

началось активное развитие источниковедения Нового и Новейшего времени, во многом благодаря открывшимся возможностям работы в архивах страны. М. Н. Тихомиров включил источники советского периода в сферу научных изысканий Археографической комиссии Академии наук СССР.

В 1960—1970-е гг. все большее внимание уделялось совершенствованию методов исторических исследований, направленных на повышение «информативной отдачи» документов. Усилиями Б. Г. Литвака, И. Д. Ковальченко, В. И. Бовыкина, В. З. Дробужева разрабатывались вопросы источниковедения массовых источников. Углублялись междисциплинарные связи источниковедения с такими науками, как математика, психология, статистика. В конце 1960-х гг. при отделении истории Академии наук СССР была создана Комиссия по применению математических методов и электронно-вычислительных машин (далее — ЭВМ) в исторических исследованиях, началось создание лабораторий в академических институтах и университетах. В МГУ была открыта лаборатория исторической информатики, сформировалась научная школа использования количественных методов в исторических и источниковедческих исследованиях (Леонид Иосифович Бородкин (род. 1946), Леонид Васильевич Милов (1929—2007), Ирина Марковна Гарскова).

В Ленинградском государственном университете традиции источниковедения поддерживали в 1930-е гг. ученик А. А. Шахматова Михаил Дмитриевич Приселков (1881—1941), а в послевоенные годы — ученик А. С. Лаппо-Данилевского Сигизмунд Натанович Валк (1887—1975) и ученик А. Е. Преснякова Борис Александрович Романов (1889—1957). С. Н. Валк изучал источники как средневековые, так и Нового и Новейшего времени: древнерусские акты, сочинения В. Н. Татищева, документы советских учреждений. Столь же широким диапазоном отличались научные интересы Бориса Александровича Романова (1889—1957), который известен как автор исследований и по истории Древней Руси, и по истории России начала XX в.

М. Д. Приселков, занятия которого источниковедческим изучением древнерусских летописей были результативными сами по себе, создал школу историков-летописеведов, среди которых такие крупные ученые, как Арсений Николаевич Насонов, Яков Соломонович Лурье (1921—1996) и Даниил Натанович Альшиц (1919—2012).

В 1991 г. на историческом факультете Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета была образована кафедра источниковедения истории России под руководством известного специалиста в области применения математических методов при изучении источников XVIII—XIX вв. Сергея Григорьевича Кашенко (род. 1949). Школа С. Г. Кашенко занимается исследованием массовых источников математическими методами, в частности, источников по истории проведения и реализации реформы 1861 г. по отмене крепостного права, а также истории демографических процессов в России XVIII — начала XX в.

Развитие источниковедческих исследований продолжалось в секторе (отделе) древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР (Российской академии наук) в Ленинграде (Санкт-

Петербурге), которым в 1954—1999 гг. руководил выдающийся ученый Дмитрий Сергеевич Лихачев (1906—1999). Здесь сформировалась школа, продолжавшая дореволюционные историко-филологические традиции. В частности, был разработан метод текстологического изучения нарративных источников древнерусской традиции. Представители этой школы (Лев Александрович Дмитриев (1921—1993), Руфина Петровна Дмитриева (1925—2001), Ольга Андреевна Белоброва (род. 1925), Олег Викторович Творогов (род. 1928), Гелиан Михайлович Прохоров (род. 1936), Наталья Владимировна Понырко (род. 1946), Дмитрий Михайлович Буланин (род. 1953) и др.) своими работами составили золотой фонд отечественного источниковедения. Продолжающееся издание «Труды отдела древнерусской литературы» является одним из самых авторитетных среди исследователей русских средневековых источников.

Лингвистическое источниковедение русской средневековой письменности — направление, которое развивают сотрудники Института русского языка Российской академии наук. Особенно успешным стало исследование Андреем Анатольевичем Зализняком (род. 1935) обнаруженных в процессе археологических раскопок берестяных грамот и изучение Алексеем Алексеевичем Гиппиус (род. 1963) древнейшего списка русской летописи — Новгородской I старшего извода. Среди выдающихся лингвистов-источниковедов советского времени следует назвать также профессоров Ленинградского-Петербургского университета специалиста по древнерусской переводной книжности Никиту Александровича Мешерского (1906—1987) и специалиста по древнерусской эпиграфике Татьяну Всеволодовну Рождественскую (род. 1945).

В 1970—1980-е гг. база исторических исследований расширилась за счет источников, ранее использовавшихся только в качестве вспомогательных, а также разработкой методики их анализа: мемуаров (Андрей Григорьевич Тартаковский, 1931—1999), кино-, фото-, фонодокументов (Владимир Маркович Магидов, род. 1938), устной традиции (В. В. Кабанов). С 1990-х гг. перед исследователями встала задача разработки принципов источниковедческой критики по отношению к документам советского времени, ставшим доступными в ходе так называемой «архивной революции». Эта проблематика получила отражение в трудах Н. Н. Покровского, А. К. Соколова. Все большее распространение в отечественном источниковедении приобретают взгляды сторонников феноменологической школы (Ольга Михайловна Медушевская, 1922—2007). Сегодня идеи этой школы развивают Марина Федоровна Румянцева, Людмила Борисовна Сукина, Сергей Иванович Маловичко. В рамках данной концепции исторический источник рассматривается как результат творческой деятельности человека, необходимый для познания исторической и культурной реальности через ее личностное восприятие.

☞ Отечественное источниковедение в XX в. добилось крупных научных результатов как в теоретической (методологической), так и в прикладной сферах. Благодаря достижениям ученых стало возможным углубленное изучение российской истории с древнейших времен до XX в.

2.4. Современные центры хранения исторических источников и принципы их организации

☞ Неопубликованные письменные исторические источники хранятся в архивах и в рукописных фондах библиотек и музеев. Опубликованные нужно искать на страницах печатных изданий, хранящихся в библиотеках.

Архивами России руководит специальное государственное ведомство — Федеральное архивное агентство (Росархив). Архивы делятся на федеральные, региональные и ведомственные.

В *федеральных архивах* хранятся документы по истории всей страны. Федеральные архивы могут собирать документы по хронологическому принципу (Российский государственный архив древних актов (Москва) — документы по русской истории до XVIII в. включительно, Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург) — документы за XIX — начало XX в., Государственный архив Российской Федерации (Москва) — документы за XIX—XX вв. и т.д.) или по тематическому принципу (Российский государственный военно-исторический архив (Москва), Российский государственный архив военно-морского флота (Санкт-Петербург), Российский государственный архив экономики (Москва) и т.д.).

Фондообразователями федеральных архивов являются центральные государственные органы, министерства, ведомства, комиссии, различные организации, предприятия, политические партии и общественные организации, воинские части и т.д. В архивах содержится также немало разного рода тематических коллекций и частных собраний, а также личных архивных фондов, преимущественно значительных государственных и общественных деятелей.

Хранение, как правило, организовано по принципу фондообразователя: документы собраны в *фондах*, названных по имени учреждения (организации, собирателя коллекции, частного лица), чьи документы легли в основу данного фонда. Внутри фонда документы сгруппированы по *описям*, организованным по хронологическому, тематическому или иному принципу. В архивах исследователь может воспользоваться реестрами описей, самими описями, различными видами научно-справочного аппарата: картотеками, справочниками, описаниями отдельных фондов и коллекций и т.д.

📖 Принцип хранения документов по фондам, организованным учреждением-фондообразователем, не всегда возможно соблюсти, особенно в архивах, имеющих долгую историю. Например, Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА) возник путем слияния пяти архивов: 1) Московского архива Министерства юстиции (МАМЮ); 2) Московского главного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД); 3) Государственного архива Министерства иностранных дел; 4) Московского отделения Общего архива Министерства императорского двора; 5) Архива Межевой канцелярии. Каждый из этих пяти архивов также имел свою сложную внутреннюю историю.

В результате дела, принадлежащие одному фондообразователю и единые по тематике, могут быть рассеяны по нескольким фондам. Например, сохранившиеся 149 дел, отложившиеся от Приказа сбора ратных людей за 1630—1654 гг., рассеяны по трем фондам: ф. 137 — Боярские и родовые книги, ф. 141 — Приказные дела старых лет, ф. 396 — Архив Оружейной палаты.

Число таких примеров можно значительно приумножить, поэтому исследователю необходимо быть очень внимательным, тщательно работать с путеводителями, реестрами, описями, справочным аппаратом, чтобы выявить все необходимые документы.

Региональные архивы находятся в субъектах Федерации (как правило, в областных или республиканских городских центрах) и содержат документы по истории региона. Фондообразователями здесь являются региональные и местные государственные учреждения, организации, промышленные предприятия, общества и клубы, частные лица и т.д. Завершенной видится трехчастная структура региональных архивных учреждений.

1. *Государственный архив (Государственный исторический архив)*, хранящий документы с раннего периода до начала XX в. Структура его фондов, как правило, во многом воспроизводит структуру управления и устройства губернии имперского периода истории России с добавлением коллекций и личных фондов.

2. *Архив документов по Новейшей истории данного региона* (название в разных регионах может различаться: Центр документов новейшей истории, Государственный архив социально-политической истории и т.д.), образованный на базе бывшего при СССР архива партийных и советских органов и содержащий в основном документы по истории XX в. В архив документов новейшей истории также могут поступать фонды современных государственных учреждений и предприятий.

3. *Архив документов по личному составу* (другое название — Архив документов по социально-правовой защите граждан), содержащий документы современных предприятий и организаций. Необходимость в таких архивах возникла в последние годы, когда массовая реорганизация, слияние и закрытие предприятий высвободили большой массив документации, утрата которого была бы нарушением прав бывших работников. Для хранения и создавались архивы документов по личному составу, куда поступают также документы действующих предприятий и организаций. Поскольку история фондообразователя может насчитывать много лет, эти архивы представляют интерес и для историка, поскольку охватывают своими фондами часть XX в.

Такая трехчастная структура является идеальной и выдерживается не во всех регионах. Кроме вышеназванных, в субъектах РФ встречаются отдельные архивы научно-технической документации, аудио- и видеодокументов, узкоспециальные исторические архивы (например, Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе Саратовской области) и т.д. В 85 субъектах Федерации сегодня существуют 200 региональных архивов.

Историками могут быть востребованы также материалы *ведомственных архивов*, не входящих в систему Росархива, имеющих особый статус и ограниченный режим доступа. Из наиболее значимых можно назвать Архив Президента РФ, в котором хранятся самые важные исторические документы ВКП(б) (КПСС), руководства СССР, Президентов РФ. Сегодня создан электронный Архив Президента РФ, ведется большая работа по переводу документов в электронный формат, их оцифровке и в перспективе — по доступности для читателей. В настоящее время электронный архив содержит более 27 тыс. томов дел, состоящих из более 900 тыс. документов и более 7 млн изображений. Ими пользуются специалисты и представители различных подразделений Администрации Президента РФ. Планируется подключение Архива Президента РФ к системам документооборота учреждений, организаций и ведомств.

Работа исследователей в ведомственных архивах ограничена, в основном работники архивов отвечают на официальные запросы или допускают пользователей до просмотра отдельных дел, необходимость в котором имеет серьезное документальное обоснование.

Большое количество документов по истории России также хранится в зарубежных архивах. Прежде всего, это архивы бывших республик СССР, а ныне независимых государств. Внутренняя структура этих архивов, формировавшихся при СССР, аналогична историческим архивам России. В основе лежит все та же система *фонд — опись — дело*, фонды образуются на основе документации учреждений-фондообразователей. Во многих архивах на постсоветском пространстве продолжают использоваться созданные еще в XIX—XX вв. описи на русском языке. Из прогрессивных новшеств постсоветских архивов следует отметить быстро развивающуюся систему оцифровки документов и их размещения в открытом или частично ограниченном доступе, что позволяет работать с документами ученым из других стран без выезда в архив, например, электронные архивы Эстонии.

В зарубежных архивах и рукописных хранилищах находятся как иностранные документы, касающиеся проблематики российской истории, так и вывезенные разными путями из России и осевшие в иностранных хранилищах подборки и коллекции российских документов, архивы русской эмиграции и т.д. Материалы по отечественной истории в зарубежных архивах мало изучены и ждут своих исследователей.

Кроме собственно архивов, рукописные неопубликованные источники хранятся в отделах рукописей библиотек и фондах музеев. Данные фонды состоят из коллекций собирателей рукописей, личных документов и собраний отдельных фондообразователей: монастырей, культурных и общественных организаций. Здесь хранятся преимущественно нарративные памятники, а деловая документация представлена в меньших объемах.

Значительные объемы источников по истории Средних веков и раннего Нового времени опубликованы, а с XVI в. печатные издания и сами выступают в качестве исторического источника. Применительно к Новому и Новейшему времени многие источники существуют уже только в печатном виде (статистические сборники, адрес-календари, газеты, листовки

и прокламации и т.д.). Редкие и ценные издания XVI–XX вв. надлежит искать в отделах редких книг научных библиотек, а газеты — в отделах периодики или в специальных газетных фондах.

Наконец, огромное количество источников опубликовано в различных вариантах изданий: в многотомных тематических или хронологических подборках, отдельных сборниках документов, в виде комментированных статей или публикаций в научной периодике. Эти публикации источников надлежит искать в библиотеках. Сегодня большинство библиотек имеют электронные каталоги, что значительно облегчает поиск. Поиск в каталогах легче всего вести по *ключевым словам*, т.е. словам и словосочетаниям, которые лучше всего характеризуют выбранную область исследования. Например, для темы «Бородинская битва» ключевыми будут следующие слова и словосочетания: *Бородино, М. И. Кутузов, Наполеон, Отечественная война 1812 г.* и т.д. Набрав в соответствующей строке поиска ключевое слово или нужную тему, можно получить перечень книг и статей по данной тематике в настоящей библиотеке. В библиотеках, где сохранились бумажные каталоги, лучше всего начинать поиск с систематического или предметного каталога, в которых книги размещены по темам и ключевым словам.

При составлении списка публикаций источников надо предоставлять преимущественно более современным и более научным изданиям, а также их каноническим серийным изданиям, на которые принято ссылаться. Например, при обращении к древнерусским летописям не нужно пользоваться их отдельными полунаучными публикациями XVIII–XX вв., а следует взять Полное собрание русских летописей, датированное концом XX — началом XXI в., чтобы учесть последние комментарии ученых. Помимо собственно источников, библиотеки содержат источниковедческие исследования. Их также необходимо привлекать для сбора полной информации об источнике.

Оцифровка и размещение в Интернете библиотечных фондов со временем сделают возможным прочтение практически любой книги со своего компьютера. Оцифровка библиотечных фондов ведется в соответствии с Законом об авторском праве. Переводу в электронный формат подлежат издания, на которые уже вышел срок давности по авторским правам (50 лет) и которые стали общенародным достоянием или на размещение которых получено согласие автора и издательства.

С каждым годом все большее развитие получают электронные библиотеки и электронные порталы — базы данных. Они развиваются преимущественно в области систематизации и организации тематических подборок современной научной периодики, однако их область применения расширяется и охватывает все большее количество публикаций во всех их видах, в том числе и издания источников. Изучение истории Нового и Новейшего времени уже немыслимо без обращения к этим базам. Существуют и электронные тематические подборки, и публикации источников. Работу с такими ресурсами лучше всего вести с помощью электронных систем поиска по ключевым словам.

Контрольные вопросы и задания

1. Назовите имена ученых — основателей научного источниковедения в России.
2. Каковы основные достижения и результаты источниковедческих штудий в XVIII в.?
3. Каковы основные направления развития источниковедения в XIX в.?
4. Назовите имена выдающихся отечественных ученых-источниковедов XIX в. и охарактеризуйте результаты их деятельности.
5. Назовите основные организации и научные центры в XIX в., сыгравшие роль в развитии отечественного источниковедения.
6. Назовите и дайте характеристику основным направлениям развития отечественного источниковедения в XX в.
7. Назовите имена выдающихся отечественных ученых-источниковедов XX в. и охарактеризуйте результаты их деятельности.
8. Назовите основные организации и научные центры в XX в., сыгравшие роль в развитии отечественного источниковедения.
9. Опишите структуру современной организации архивов в Российской Федерации.
10. Опишите систему поиска источников с использованием современных источников информации и последовательность поиска в архивных и библиотечных хранилищах.
11. Используя сайты библиотек и библиографические базы данных, составьте список источников и литературы по темам:
  - «Рюрик и проблема призвания варягов в истории Древней Руси».
  - «Древняя Русь и кочевники».
  - «Татаро-монгольское иго на Руси».
  - «Московские князья Калитичи».
  - «Землевладение князей Воротыньских».
  - «Опричнина Ивана Грозного».
  - «Ливонская война».
  - «Проблема закрепощения крестьян в конце XVI в.».
  - «История Москвы в XVII в.».
  - «История основания Санкт-Петербурга».
12. Используя размещенные в Интернете сайты, укажите, в каких архивных хранилищах искать документы по темам:
  - «Русское служилое дворянство в XVII в.».
  - «Система местного управления в XVII в.».
  - «Организация российских вооруженных сил в XVII в.».
  - «История русского казачества».
  - «Освоение Сибири в XVII—XVIII вв.».
  - «Колонизация Кубани в XVIII в.».
  - «Русская кавалерия в XIX в.».
  - «Социальные волнения в XIX в.».
  - «Система помещичьего землевладения в центральных губерниях России в XIX в.».
  - «Земские школы в центральных губерниях России в XIX в.».
  - «Революция 1905 г. в российских городах».
  - «Колхозное строительство в 1930-е гг.».
  - «Экономические реформы в Российской Федерации и их результаты в 1990-е гг. (по регионам)».
13. Прочитайте первую главу «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и составьте аннотированный список использованных в ней источников.

Основная библиография по главе 2

1. *Андреев, А. И.* Труды В. Н. Татищева по истории России // Татищев В. Н. История российская. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. — Ч. 1.
2. *Барсуков, Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. — СПб., 1894. — Кн. 1—8.
3. *Барсуков, Н. П.* Жизнь и труды П. М. Строева. — СПб., 1878.
4. *Брачев, В. С.* «Дело историков» 1929—1931 гг. — СПб., 1997.
5. *Вандалковская, М. Г.* Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». — М., 1997.
6. *Историография истории СССР: с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции.* — М., 1961.
7. *История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период: библиография.* — М., 1965.
8. *Киреева, Р. А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX до 1917 г. — М., 1983.
9. *Козлов, В. П.* Колумбы российских древностей. — М., 1981.
10. *Козлов, В. П.* Российская археография конца XVIII — первой четверти XIX века. — М., 1999.
11. *Медушевская, О. М.* История источниковедения в XIX — начале XX в.: учеб. пособие. — М., 1988.
12. *Милуков, Н. П.* Главные течения русской исторической мысли. — 3-е изд. — СПб., 1913.
13. *Николаева, М. Т.* Вопросы историографии русского источниковедения XVIII — XX вв. — М., 1970.
14. *Очерки истории исторической науки в СССР.* — М., 1955—1985. — Т. 1—4.
15. *Пекарский, П. П.* История имп. Академии наук в Петербурге. — СПб., 1870—1873. — Т. 1—2.
16. *Пештич, С. Л.* Русская историография XVIII века. — Л., 1961—1970. — Ч. 1—3.
17. *Пронштейн, А. П.* Источниковедение в России: эпоха капитализма. — Ростов н/Д, 1991.
18. *Пронштейн, А. П.* Источниковедение в России: эпоха феодализма. — Ростов н/Д, 1989.
19. *Развитие советской исторической науки 1970—1974.* — М., 1975.
20. *Россия. XX век. Советская историография.* — М., 1996.
21. *Рубинштейн, Н. Л.* Русская историография. — М., 1941.
22. *Цамутали, А. Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма: историографические очерки. — Л., 1986.
23. *Цамутали, А. Н.* Борьба течений в русской историографии второй половины XIX века. — Л., 1977.
24. *Черепнин, Л. В.* Русская историография до XIX в. — М., 1957.
25. *Шатино, А. Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 г. — М.; СПб., 1993.

Глава 3

МЕТОДЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- основные методы источниковедческого анализа;
- основы специальных исторических дисциплин и особенности их применения в источниковедческом исследовании;
- особенности и основные методы изучения разных видов источников (нарративных и документальных, массовых и др.);

уметь

- проводить текстологический и клаузуальный анализ текста источника;
- готовить текст письменного источника к публикации;
- применять методики исторической информатики и математических наук в источниковедении;

владеть

- навыками описания и экспертизы рукописного текста;
- методикой внешнего анализа источника;
- основами археографии;
- основами математических методов изучения источника;
- основами палеографического анализа кириллических текстов, написанных уставом, полууставом и скорописью;
- основами методов датировки кириллических рукописей XI–XIX вв.

Ключевые термины и понятия: *специальные исторические дисциплины, палеография, кодикология, текстология, дипломатика, археография полевая, камеральная и эдиционная, массовые источники, количественная история, количественные (статистические) методы исследования, историческая информатика, банки и базы данных, проблемно-ориентированный и источник-ориентированный подходы.*

3.1. Методологические принципы изучения источников

☞ *Методами источниковедения* называются способы выявления, описания и анализа исторических источников. Методы различаются в зависимости от задач, поставленных перед исследованием, а также видов источников.

Любое исследование начинается с установления возможного круга источников. Это своего рода исходная точка. Конечной целью является реконструкция событий прошлого, постижение смысла исторического процесса.

Прежде всего, надо рассмотреть изучаемые исторические объекты на предмет того, могут ли среди них быть документообразователи (учреждения, организации, воинские части, общественные движения, политические партии и т.д.). Если они есть, то в документах, с помощью которых учреждение функционирует, могут отразиться нужные исследователю сведения, способные оставить след как в общих документах, присущих работе этого учреждения в целом (ведомости, распоряжения и др.), так и в специальных, составленных по поводу именно интересующего историка события (отчеты, воинские сводки, доклады и т.д.).

Установив примерный круг возможных документообразователей-учреждений, следует обратить внимание на действующих лиц, исторические персоналии. У них могут быть личные дела (формулярные списки, официальные биографии и т.д.), в скупых строчках которых отразилось интересующее нас событие. Люди, как правило, оставляют после себя документы личного происхождения: письма, дневники, записки, мемуары, разного рода личные документы и справки и т.д. В них историки также находят необходимую информацию.

Наконец, событие отражается в исторических сочинениях — нарративных памятниках. Это могут быть тексты общего характера (например, летописи), и тогда нужные для исследователя факты надо выявлять из контекста других событий. Однако какой-то факт из прошлого иногда приобретает столь большое значение, что современники посвящают ему специальные нарративные сочинения: исторические повести, воспоминания, записки и т.д.

После выявления гипотетического круга источников наступает следующий этап — поиск источников. Многие документы утрачены, иногда историк имеет сведения о существовании того или иного дневника, исторической повести, летописи, а сам текст не дошел до наших дней или сохранился в поздней копии с многочисленными искажениями. Этот этап носит название *эвристического поиска*, осуществляемого по фондам библиотек, архивов, музеев. Его цель — собрать все варианты списков и копий изучаемого источника, поскольку от полноты привлечения материала зависит правильность сделанных выводов. При изучении средневековых нарративных источников данный этап называется *археографическим поиском*, поскольку в его процессе приходится не только проводить изыскания по описям архивных и рукописных коллекций, но и заниматься археографическим описанием средневековых кодексов, в составе которых находятся тексты нарративных источников. Это необходимо для точной датировки списков памятника и установления соотношения списков (о том, как это делается и что такое стемма, см. параграф 3.3).

Для источников Нового и Новейшего времени первый этап исследования называют *архивной эвристикой*. Для успешного поиска материалов следует ознакомиться с историей и особенностями организации архивов, где хранятся разыскиваемые документы (этим занимается архивоведение). В процессе исторической эвристики необходимо пользоваться библиографическим поиском, поскольку для изучения любого письмен-

ного источника необходимо выявить все его публикации, сделанные в разное время, с учетом степени их полноты, научности, качества подготовки издания и т.д.

☞ Конечным результатом эвристического поиска является описание выявленного и найденного источника, который историк в дальнейшем будет анализировать с целью извлечения из него информации для исторического исследования. Описание источников делается по определенным правилам с привлечением методов палеографии, кодикологии, археографии и др. (☞ 3.2, 3.6).

Дальнейшее изучение выявленных источников заключается в том, что историк должен представить себе все действия, сопровождавшие создание данного памятника: кто, когда, зачем и как сочинил текст или составил документ.

Для описания источника, прежде всего, необходимо провести *атрибуцию*, т.е. установить его происхождение. Это означает *установить автора источника*, т.е. имя и сведения о человеке, который сочинил данный нарративный текст или составил изучаемый документ. Детали биографии автора необычайно важны, особенно при анализе нарратива, поскольку помогают понять мотивы его написания. В случае отсутствия сведений о личности автора необходимо определить среду, из которой происходит текст или документ: учреждение, социальные, национальные, политические круги, населенный пункт или район страны, из которого происходит источник и т.д. Все эти данные могут помочь при анализе содержания источника.

Другим принципиально важным элементом является *датировка источника*, ведь чем ближе он по дате создания к изучаемому событию, тем больше вероятность, что он содержит более точную информацию, и наоборот. При этом установление датировки имеет два уровня: 1) дата создания источника; 2) дата создания древнейшего списка (копии), в котором источник до нас дошел. Эти годы могут не совпадать. Некоторые источники существуют только в поздних копиях, отдаленных от даты их создания на многие десятилетия, а то и столетия. Естественно, неизбежен вопрос о том, насколько точно передан текст источника в позднем списке, не вкрались ли в него искажения, пропуски, неточная передача слов, имен и т.д.?

Пример

Самый ранний из ныне известных русский летописный свод — «Повесть временных лет» — был составлен в начале XII в., но его изначальный текст до нас не дошел. Самым ранним считается так называемый Лаврентьевский список, относящийся к 1377 г. Хотя этот список древнейший, он не самый правильный: содержит искажения, пропуски и явные следы поздней редакторской правки. При этом некоторые более правильные чтения сохранились в более поздних списках: Ипатьевском (XV в.) и Хлебниковском (XVI в.). Хлебниковский список сохранил в заголовке имя Нестора — составителя «Повести временных лет». Этот пример показывает, насколько сложной бывает судьба текста исторического источника.

Установив автора и даты создания оригинала, поздних редакций и списков, исследователь переходит к описанию источника: его объема, структуры (разбивка на разделы, параграфы, главы, статьи и т.д.), формы подачи материала, жанра. Здесь же приводится палеографическое и кодикологическое описание рукописей, в составе которых дошел источник (☞ 3.2) и описание его изданий (☞ 3.6).

Описание документа, в ходе которого устанавливаются внешние параметры и характеристики источника, называется внешней критикой источника. Источниковедческое изучение содержания источника называется его внутренней критикой, для нее используется историко-критический метод, разработанный позитивистской методологией.

Применение к источнику историко-критического метода заключается в проведении своего рода следственной процедуры, «допроса» источника. Исследователь задает источнику вопросы, на которые ищет в нем ответы. Среди наиболее важных действий исследователя можно назвать следующие.

1. *Сравнение сведений источника с общеизвестными фактами, существующей, общепринятой трактовкой изучаемого события.* Если между данными источниками и такой трактовкой есть несовпадения, противоречия, то их необходимо выявить и объяснить. В результате должен быть сделан вывод о том, ошибается источник, или же необходимо вносить уточнения в традиционную точку зрения.

2. *Сопоставление данных изучаемого источника с другими источниками.* При этом соблюдается следующий принцип: преимущество предоставляется более ранним свидетельствам перед более поздними, оригинальным свидетельствам перед вторичными, документальным перед нарративными.

3. *Сравнение сведений источника с объективными обстоятельствами.* Иными словами, осуществляется поиск ответа на вопрос о том, насколько возможно событие, описываемое в источнике с точки зрения объективных данных. Невозможно, чтобы событие произошло тогда, когда оно не могло произойти по объективным причинам и условиям. Например, при чтении в источнике о трехсоттысячном русском средневековом войске, выступившем в поход, следует понимать, что речь идет примерно о миллионе лошадей (каждый воин вел с собой двух сменных коней; кроме того, для перевозки оружия и фуража нужен был огромный обоз). Если эта цифра принимается за истинную, то необходимо дать ответ на вопрос о том, где на маршруте похода бралось пропитание для этого миллиона лошадей, где он размещался на стоянках и т.д. (т.е. оценить физическую возможность похода миллиона лошадей в данное время года по конкретной территории).

4. *Оценка адекватности именования действующих лиц.* Монархи и князья имели титулы, чины, к ним обращались по определенной форме. Между людьми существовали родственные связи. Если документ содержит ошибки в титулах, чинах, родственных связях, встает вопрос о подделке или поздней копии, искажившей сведения, о том, какова ценность остальной информации, содержащейся в источнике и насколько ему в целом можно доверять.

5. *Оценка достоверности деталей.* Речь идет о деталях одежды, вооружения, бытовой жизни, культуры и т.д. Информация источников должна точно соответствовать описываемой в них эпохе, иначе ее нужно ставить под сомнение.

6. *Оценка степени документальности текста.* Даже в нарративе могли быть документальные вставки: цитирование тех или иных грамот, договоров и т.д. Некоторые средневековые документы дошли только в составе нарративных текстов, например, русско-византийские договоры в составе «Повести временных лет», Краткая редакция «Русской правды» в составе летописи и т.д.

7. *Выявление в источнике сведений, которые не могли туда попасть.* Например, наличие слов и упоминание событий, которые появились и случились позже описываемых в источнике говорят о недостаточной достоверности последнего.

8. *Определение степени оригинальности сообщаемых сведений.* Многие средневековые источники, особенно нарративные, описывали некоторые ситуации по шаблону, по стереотипу, т.е. автор рассказывал не о реальных событиях, а писал «как положено», «как принято» говорить. Часто приверженность шаблону была вызвана литературным стилем, верностью историографической традиции, провиденциалистским взглядом на мир и т.д.

9. *Установление происхождения сведений, содержащихся в источнике.* Для этого применяются *генетический анализ и методы текстологии* (☛ 3.3), т.е. надо понять, откуда происходит данное свидетельство, насколько надежен источник, не произошло ли искажения при его заимствовании. Компонентами генетического анализа являются: 1) текстовый (сравнение фрагментов текстов); 2) структурный (совпадение структур); 3) литературный (библеизмы, цитаты, фразеологизмы); 4) круг авторов и источников информации.

☞ Проверка сведений источника на достоверность называется *процедурой верификации*. Следует подчеркнуть, что анализ источника не должен заканчиваться установлением его подлинности/поддельности, достоверности/недостоверности. Необходимо не просто установить неточности или разоблачить фальшивку, но и заставить источник «говорить». Нужно понять мотивы авторов источника: почему они осветили событие так, а не иначе. Надо проанализировать механизм и характер ошибок в деталях. Даже малодостоверный и совсем недостоверный источники могут послужить в качестве исторического источника для решения отдельных исследовательских задач. Только это будет источник не по истории того или иного события, а по истории ментальности, истории культуры, истории политической полемики и т.д. Даже явные фальсификаты представляют ценность как исторический источник, поскольку содержат информацию о фальсификаторе и обстоятельствах, обусловивших их появление.

☞ Другим методом источниковедческого анализа является *сравнительный, или компаративистский*. Он заключается в сравнительном анализе источников и содержащихся в них сведений.

Принципами сравнительного анализа являются следующие:

- выделение типологии источников, типологически однородных источников;
- сравнение рассказа об одном событии в разных нарративных памятниках;
- сравнение формуляра и содержания актов;
- сравнение образного ряда в нарративе;
- сравнение изображения одинаковых событий;
- сравнение изображений социальных типов.

Для разных видов источников применяются особые методы, описанные в отдельных параграфах настоящего учебника. Так, при изучении нарративных источников необходимо использовать методы текстологии (3.3), возможно также привлечение методов исторической герменевтики (3.4), лингвистики, современной науки о текстах — нарратологии и т.д. При исследовании документальных источников необходимо обращение к дипломатике, документоведению (3.5). При обработке данных массовых и статистических источников не обойтись без методов клиометрии, исторической информатики (3.7, 3.8), математики и т.д.

3.2. Палеография, кодикология и источниковедение

Палеография (от греч. *παλαιός* — древний и *γράφω* — пишу) изучает историю, развитие графических форм, материал и орудие письма с целью датировки, определения места создания и авторства рукописей.

Кодикология (от лат. *codex* — книга, свод законов) изучает рукописные книги (кодексы), историю их составления, состава, хождения и параметров как рукописного кодекса (кодикологические швы, переплет, почерк и т.д.).

Научный метод палеографии, которая появилась как научная дисциплина на рубеже XVII—XVIII вв., был разработан во второй половине XVII в. во Франции. Палеография родилась в процессе так называемой «дипломатической войны» (3.5).

Сначала существовала палеография латинских и греческих рукописей. Впоследствии новое направление получало название по алфавиту, а не по языку изучаемых рукописей. Так, существует латинская, греческая, еврейская, грузинская, армянская, эфиопская палеография. Существуют целых две (по числу славянских алфавитов — кириллицы и глаголицы) славянские палеографии — кириллическая и глаголическая. Известно, что славянскую азбуку изобрели византийские миссионеры Константин, перед смертью принявший монашество под именем Кирилла, и его брат Мефодий, присланные в 862 г. константинопольским патриархом Фотием в западно-славянское княжество Моравию по приглашению моравского князя.

Кириллическая палеография изучает рукописи, написанные кириллицей. Наиболее ранние датированные кириллические рукописи относятся к XI в.

Традиция средневековой кириллической книжности сохранялась в старообрядческой среде вплоть до середины XX в. Эти даты и определяют хронологические границы того рукописного материала, который изучает кириллическая палеография.

В средневековых кириллических рукописях выделяют три типа письма: устав, полуустав и скоропись. *Устав* — крупное рисованное письмо, писцы не столько писали буквы, сколько их рисовали. Эта особенность обусловлена в том числе дороговизной писчего материала — *пергамена* (специально выделанной телячьей кожи). Выделяют *устав ранний* (XI—XII вв.) и *поздний* (XII—XIV вв.). В позднем уставе буквы теряют свою пропорциональность: их верхние элементы становятся меньше нижних (так называемое «поднятие перекладин»). В уставе XIV в. подчас теряется строгая геометричность букв, появляется наклон и пр.

Полуустав и *скоропись*, появившиеся в русских рукописях в XV в. в связи с переходом на более дешевый материал письма (бумагу), являются мелким деловым письмом. На Руси ранние полууставные почерки генетически восходят к уставу, представляя собой его упрощение. Встречаются и грецезированные полууставные почерки, испытывавшие влияние византийского минускула. Во второй половине XVI в. полуустав начинает испытывать влияние печатного шрифта, и появляется так называемый полуустав со старопечатной основой, в буквах которого горизонтальные и вертикальные элементы (перекладки и мачты) примерно одинаковой ширины. Такой вид полуустава является типичным для рукописей XVII в.

Скоропись, зародившись вместе с полууставом в XV в., к XVI в. от него отделилась (относительно некоторых почерков XV в. трудно сказать, полууставные они или скорописные) и стала принадлежностью делопроизводственной документации. В целом, для скорописи характерно слитное написание нескольких букв. В XVII в. наряду с *делопроизводственной скорописью* появляется *скоропись книжная*. Это связано с участием подьячих, профессионально владевших делопроизводственной скорописью, в переписке рукописных книг. Книжная скоропись, обладая всеми характерными особенностями скорописи делопроизводственной, как правило, более разборчива. Во всяком случае, овладеть навыками чтения русской скорописи лучше всего на материале скорописи книжной.

В XVIII в. под воздействием западноевропейского делового письма меняется графический стереотип русской скорописи: сокращается количество выносных букв, слитых написаний, сами буквы становятся более округлыми и, соответственно, более разборчивыми. Эту разновидность называют скорописью XVIII в., которая только в начале XIX в. уступила место тому типу письма, который используется в наше время.

Помимо данного письма, рукописи датируют на основе маркировочных знаков бумаги — филиграней и штемпелей, а также особенностей художественного оформления.

При изучении средневековых рукописей исследователи обращают внимание на общность почерков, тождественность филиграней, штампов переплетного тиснения и пр. Эти наблюдения позволяют датировать, локали-

зовывать и атрибутировать рукописи, а иногда и тексты, содержащиеся в этих рукописях. В начале XX в. исследователи разных стран предлагали подобное комплексное исследование рукописи выделить в особую дисциплину. В России ее предлагали назвать «рукописеведением», в Германии — «Handschriftskunde», а во Франции — «codicologie». В научной литературе утвердился французский вариант, и дисциплину, изучающую рукописные кодексы, называют кодикологией. Основоположителем кодикологии считается французский византинист Альфонс Дэн, который в 1947 г. предложил термин «кодикология» и разработал методику исследования средневековой рукописи. Во второй половине XX в. кодикология активно входит в научный обиход историков и филологов разных стран. В настоящее время за палеографией закреплена в большей степени учебная функция, а за кодикологией — научная. В действительности же эти дисциплины весьма схожи между собой, имеют общий объект, предмет и во многом общие методы, которые направлены на решение источниковедческих задач, а именно на внешнюю критику источника.

3.3. Текстология и источниковедение

Текстология занимается изучением повествовательного (нарративного) текста. При этом объектом текстологического исследования становится не содержание текста, а его структура. Исследователь исходит из положения, что нарративный текст имеет уникальную структуру, поскольку в ней отражается творческая неповторимость автора. Такой текст в большинстве случаев свободен от формуляра: автор произвольно выбирает слова, устанавливает их порядок в предложении, т.е. конструирует текст на свое усмотрение. Если на эту же тему пишет другой автор, то у него получается текст с другой структурой. Если согласиться с этим положением, необходимо признать, что два (или более) текста, имеющих родственную структуру, обязательно находятся в родстве: или один исходит к другому, или оба восходят к некоему третьему. Таким образом, текстология занимается выяснением истории текста произведения от его первоначального варианта до позднейших версий, а также установлением авторства, времени, места и обстоятельств создания текста.

Поскольку для большинства текстов Нового и Новейшего времени эти позиции известны, для них текстологический анализ, как правило, не является основным методом исследования. Иная ситуация наблюдается с текстами древней традиции, средневековыми или античными. Здесь часто неизвестными являются и имя автора, и дата создания текста, и первоначальный авторский вариант текста. В качестве примера можно привести большинство древнерусских летописей. В связи с этим для источниковедения, в частности, древнерусской истории, текстология является одним из важнейших инструментов. При исследовании истории текста используются следующие понятия.

1. *Список* — рукопись, содержащая изучаемый текст.
2. *Протограф* — рукопись, с которой сделан изучаемый список.

3. *Архетип* — 1) первоначальный текст произведения; 2) общий протограф всех дошедших списков. Казалось бы, два значения представляют собой одно и то же. Действительно, чаще всего реконструируемый протограф всех протографов оказывается первоначальным авторским вариантом текста. Однако в отдельных случаях ситуация может быть иной: все дошедшие списки восходят к одному общему протографу, который все же не является первоначальным вариантом текста. Это маловероятно, но априори исключать такую текстологическую ситуацию нельзя.

4. *Редакция* — сознательное изменение текста.

5. *Извод* — случайное, произвольное изменение текста. Так, лакуна (утрата листа или тетради с текстом) в протографе в восходящих к этому протографу списках может привести к появлению краткого варианта текста. Это сокращение текста носит случайный характер и поэтому не может быть расценено как редакция. Другой пример: текст, попавший в несколько отличающуюся языковую среду (из России на Украину, из Сербии в Россию и т.п.) и продолжительное время переписывавшийся там. В процессе переписки неизменно происходит частичная языковая адаптация текста, часто в несколько этапов. Такое изменение текста, не являясь целенаправленным и осмысленным, также характеризуется как извод.

В XIX в. произошел прорыв в методике текстологического исследования. Исследователей стала интересовать вся история текста произведения, а не только ее начальный этап. Правда, прежним оставалось восприятие ее как процесса постепенной порчи текста переписчиками.

Важнейшими в этом направлении стали работы немецкого филолога Карла Лахмана (1793—1851), который анализировал испорченные чтения, общие для нескольких списков, и рассуждал так: если какое-либо испорченное чтение присутствует в двух или более списках, значит они восходят к общему протографу, где это испорченное чтение появилось. Таким образом, оказалось возможным реконструировать протографы сохранившихся списков вплоть до архетипа произведения, где никаких испорченных чтений не должно быть. Для реконструкции истории любого текста необходимо лишь выявить все общие испорченные чтения всех сохранившихся списков, а далее можно действовать методом простых подсчетов. Так в текстологии появились *стеммы*, т.е. схемы восхождения одного списка к другому, или филиации (от лат. *filius* — сын).

Метод, предложенный К. Лахманом, получил большое распространение в историко-филологических исследованиях, но со временем стал вызывать вопросы и недоумения. Пиком антилахмановского движения явилась монография французского литературоведа Шарля Бедье (1864—1938), названная весьма экстравагантно: «Закон дерева». Ш. Бедье писал о системной ошибке в методе К. Лахмана: отделяя ошибочные чтения от правильных, исследователь систематизирует списки изучаемого текста по альтернативному признаку. На каждом этапе систематизации получается, что часть списков восходит к некоему протографу, а другая часть к нему не восходит. Стемма неизменно получается дихтомной. Так, большинство стемм-деревьев, созданных по методике К. Лахмана, имеют раз-

дваивающиеся ветви. В этой дихтомности отражается метод, а не реальная история текста, ибо даже в природе, как писал Ш. Бедье, нет дихтомных деревьев.

На критике метода, предложенного К. Лахманом, и на его неприятии сформировалась новая традиция текстологических исследований. В России текстологический метод был блестяще применен А. А. Шахматовым при изучении древнерусских летописей, В. Н. Перетцем — при исследовании памятников древнерусской литературы. Школа В. Н. Перетца получила развитие в многолетней деятельности Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук. Глава этой школы Д. С. Лихачев подробно и обстоятельно описал разработанный его учителями, коллегами и им самим метод современной текстологии древнерусской литературы в своем классическом учебнике.

Современная текстология сформировалась на критике метода К. Лахмана, слабым местом которого было механистическое отношение к текстологии. Так, считалось, что одинаково испорченное чтение не может появиться в двух разных списках независимо. В действительности это не так. В настоящее время для каждого разночтения определяется такое качество, как его *обратимость*. Так, обратимые разночтения, с одной стороны, могут возникнуть в двух списках независимо, например, вследствие ошибки писца. С другой стороны, присутствующее в протографе обратимое разночтение при создании очередного списка может быть исправлено без обращения к третьему списку. Такие обратимые разночтения чаще всего являются простыми описками, которые нельзя принимать во внимание при реконструкции истории текста.

Другое дело, когда *разночтения необратимые*. Для восстановления первичного чтения здесь необходимо обратиться к списку с неиспорченным чтением, поэтому присутствие в двух или более списках общих необратимых разночтений свидетельствует о восхождении этих списков к общему протографу. Однако отсутствие в некоем списке таких разночтений вовсе не говорит о большей близости этого списка к архетипу, ибо ошибочные чтения, возможно, возникли еще в архетипе, а в позднейшей традиции их могли исправить.

Кроме того, в средневековой письменности наряду с *закрытой текстологической традицией* существовала и *открытая*. Закрытая традиция более свойственна памятникам литературы или историографии. Здесь список создавался с одного протографа. Открытая же традиция применялась при переписке текстов сакральных (Священного Писания и др.), где было важно унифицировать текст, т.е. искоренить разночтения. При создании списка привлекали по два, а иногда более протографов. В такой ситуации составление стеммы не имеет смысла, поскольку в большинстве случаев нет возможности установить степень участия каждого из протографов. Для такой текстологической ситуации вводится термин *антиграф*, т.е. непосредственный протограф, поскольку более отдаленные звенья истории текста реконструировать невозможно.

☞ Текстологическое исследование начинается с выявления всех списков изучаемого текста. Рекомендуется сначала обратиться к историографии и выявить все списки, упоминаемые в научной литературе. Здесь важно установить современное место хранения и шифр по возможности для всех выявленных рукописей.

Этот процесс часто весьма затруднен, потому что многие рукописи со временем меняли владельцев. К сожалению, ни один исследователь не застрахован от ошибки, при которой одна и та же рукопись, упомянутая в литературе XVIII или XIX в. и поступившая в государственное архивохранилище в XX в., воспринимается как две разных рукописи. Поиск списков какого-либо произведения по фондам архивохранилищ называется *археографическим поиском*. Его следует проводить, опираясь на путеводители и опубликованные обзоры фондов архивохранилищ, но неизменно обращаясь к описям фондов. Археографический поиск затягивается на долгие годы, он продолжается параллельно с другими этапами текстологического изучения памятника, но прежде чем приступить к следующему этапу, необходимо изыскать по возможности больше списков. Следует иметь в виду, что список, обнаруженный после завершения текстологического исследования, может содержать чтения, противоречащие сделанным выводам. В таком случае необходимо весь процесс повторить с учетом вновь найденного списка. Чтобы не проводить работу несколько раз, имеет смысл внимательно отнестись к археографическому поиску и уже на первом этапе исследования выявить как можно больше (по возможности все сохранившиеся) списков.

☞ После выявления списков исследуемого текста нужно их датировать и описать. Это необходимо для первичной группировки списков. Конечно, если текст невелик по объему и дошел в нескольких списках, то привлекать к сверке следует все списки. Однако часто ситуация иная: или текст объемный, или списков много (иногда имеет место и то и другое). В таких случаях для сверки выбирают несколько наиболее значимых списков, для выбора которых нужно произвести предварительную систематизацию всех выявленных списков. Ее рекомендуется производить по двум признакам: хронологическому и тематическому.

Для этого все выявленные рукописи датируют и описывают их состав. Составление хронологического ряда рукописей позволяет выявить наиболее ранние списки изучаемого произведения, которые привлекаются к исследованию в первую очередь. Описание состава рукописей дает возможность выявить группы родственных списков. На родство рукописей указывают общие лакуны в их тексте, а также общий конвой, под которым понимается присутствие в разных списках одних и тех же произведений, окружающих текст исследуемого памятника, т.е. расположенных до и после него. Здесь нужно обращать внимание на *конволюты* — рукописные сборники, составленные из самостоятельно бытовавших рукописей. Если в группе списков с общим конвоем один список является конво-

лютом, в котором статьи конвоя представляют собой отдельные рукописи, механически соединенные под одним переплетом, этот список следует считать протографом остальных и именно его привлекать к дальнейшему исследованию. Предварительная систематизация списков имеет целью выделить те списки, которые отражают наиболее важные этапы истории текста изучаемого произведения, для их дальнейшего текстологического исследования.

♪ Следующий этап — сличение текстов. Для этого нужно выбрать основной список и подводить к нему разночтения.

Примерно так же поступают и при подготовке критического издания. Однако выбирать самый ранний список не обязательно. Гораздо важнее в основу исследования положить текст наиболее пространственный и не содержащий лакун. В противном случае «излишки» текста в списках, используемых для разночтений, окажутся не сверенными. Итак, к основному списку подводятся разночтения по всем остальным спискам, привлеченным к сверке.

На этом этапе может возникнуть необходимость для удобства дать спискам сокращенные наименования. Не рекомендуется обозначать списки цифрами или буквами (1, 2, 3... или А, Б, В... или А, В, С...), поскольку такие обозначения не несут информации о самом списке. Несколько более информативны условные обозначения по наименованию архивохранилища: так, списки памятника из собрания Российской национальной библиотеки можно назвать Библиотечным I, Библиотечным II и т.д., а списки из собрания РГАДА — Архивским I, Архивским II и т.д. Однако если таких списков много, информативность подобного наименования уменьшается. Имеет смысл называть списки по хранилищам лишь в тех случаях, когда они хранятся в небольших собраниях, где нет вероятности обнаружения дополнительных списков исследуемого текста. Оптимальным представляется наименование списка по его шифру путем сокращения последнего. Например, полный шифр рукописи выглядит так: РГАДА. Ф. 181 (библиотека МГАМИД). Ед. хр. 812, — а сокращенный так: МГАМИД 812. Присвоив такое наименование списку, можно не сомневаться в его уникальности, к тому же оно сообщает полную информацию о месте хранения рукописи.

Итак, при подведении разночтений важно сверить все привлекаемые списки слово в слово. Для этого можно действовать старым способом: расчертить тетрадь на вертикальные графы, в первой графе пословно (на каждой строке слово) записать текст основного списка, а в каждой последующей графе к основному списку подводить текст других списков, обозначая сверху графы на каждой странице название списка, чтобы не запутаться. При большом количестве списков страницы тетради подклеивают листами бумаги, увеличивая их ширину. Получаются полотноща, расчерченные графами. При всей наглядности этот метод неудобен в работе и трудоемок. Предпочтительнее набрать основной текст на компьютере в текстовом редакторе Word, а разночтения подводить в режиме сносок. Получается своеобразное критическое издание текста, где общие разночтения

нескольких списков оказываются уже сгруппированными в одной сноске, что облегчает процесс их выявления. Однако в таком методе есть и свой недостаток, поскольку здесь необходимо изначально определить значимые для данного текста разночтения.

- ☞ Разночтения, т.е. отличия текста в разных списках, могут быть нескольких типов. Выделим основные группы: разночтения графические (отличия в использовании выносных букв, обозначение одного звука разными буквами и пр.), орфографические, стилистические и содержательные.

Разумеется, содержательные и отдельные стилистические разночтения, а также текстологические приметы при сверке текста следует учитывать. Возникает вопрос о том, как быть с малоинформативными орфографическими и некоторыми стилистическими разночтениями (например, с инверсиями слов типа «святой князь»/«князь святой»). Здесь нужно учитывать такое качество текста, как его стабильность. Чем стабильнее текст, тем меньше разночтений. Так, наибольшей стабильностью отличаются сакральные тексты, где на странице могут встретиться лишь орфографические и графические разночтения. Для такого текста и они будут значимыми, потому что разночтения должны быть распределены по всему тексту по возможности равномерно. Таким образом, уже в начале сверки необходимо определить порог значимости разночтений, т.е. решить, какие разночтения будут учитываться: только содержательные либо содержательные вкуче с отдельными стилистическими, а возможно, что все содержательные, стилистические и некоторые орфографические (здесь рассматривается историческое, а не лингвистическое исследование, поэтому разночтения, свидетельствующие об истории языка, в расчет не принимаются).

После того, как разночтения подведены, следует их систематизировать. Имеет смысл группировать их по приведенной выше системе, разделяя на содержательные, стилистические и орфографические (если они учитывались при сверке). Особо нужно выделить и рассмотреть так называемые текстологические приметы.

- ☞ Чтения, которые дают возможность реконструировать протограф или процесс создания списка, получить какую-либо информацию об истории текста изучаемого произведения называются *текстологическими приметами*.

К текстологическим приметам относятся писцовые ошибки. Считается, что процесс работы писца состоит из четырех стадий: прочтение текста, его запоминание, воспроизведение посредством внутреннего диктанта и письма. Это означает, что писец сначала читает фрагмент текста в протографе, далее его запоминает и, наконец, пишет его в создаваемой рукописи, в процессе письма диктуя текст по памяти вслух или (чаще) про себя. На каждой из этих стадий, разумеется, могут возникнуть свои ошибки. Среди них к текстологическим приметам могут относиться часто встречаемые ошибки прочтения: *гаплогRAFия* (пропуск текста) или *диттогRAFия* (повторение текста). Как правило, гаплогRAFические и диттогRAFические ошибки возникают в том случае, если на соседних строках стоят два оди-

наковых слова, одно под другим или даже не так близко. Глаз писца оставался на нужном слове, но строкой выше или ниже, и в результате получается пропуск или повторение текста. Классические гаплографию и диттографию, фланкированные одинаковыми словами, едва ли следует относить к текстологическим приметам, поскольку они могут появиться при любом расположении текста. Даже если одинаковые слова на соседних строках расположены не строго одно под другим, как показывает практика, ошибка все равно возможна.

К текстологическим приметам необходимо относить те случаи гаплографических и диттографических ошибок, в которых нет одинаковых слов или слогов до и после пропущенного или повторенного текста. В этой ситуации факт ошибки может быть объяснен особым расположением текста в протографе. Как правило, при таких нетипичных условиях пропускается или повторяется строка протографа, часто (но не всегда) первая или последняя строка на странице — при переходе с одной страницы протографа на другую писец делал наибольшее количество ошибок. Таким образом, нетипичная гаплографическая или диттографическая ошибка может указывать на расположение текста в протографе. Если же обнаруживается некий список с именно таким расположением текста, то в нем можно предположить тот самый протограф.

☞ К текстологическим приметам относятся также различные *маргиналии* — элементы текста от одной буквы до нескольких строк, расположенные вне основного текста: на полях или между строк. Маргиналии, вставленные специальным знаком (крестик в круге, узор из точек, черточек и пр.) в основной текст, называются *гlossами*. Glossы, ставшие частью основного текста (например, в позднейших списках), именуются *интерполяциями*.

Подобные случаи достойны самого пристального внимания, однако нужно учитывать, что исправленная гаплографическая ошибка также имеет вид glossы: пропущенный фрагмент, как правило, записывался на поле и знаком вставлялся в основной текст.

☞ Анализ разночтений и текстологических примет представляет собой наиболее трудную и ответственную часть текстологического исследования. Все выделенные разночтения следует оценить по принципу «первичное чтение/вторичное чтение». Для этого, как правило, привлекают текст-индикатор, которым может стать некое произведение, послужившее источником изучаемого текста и, таким образом, содержащее гарантированно первичные чтения.

Конечно, нельзя исключать и выверку текста по его источникам на каком-либо позднем этапе бытования. В таком случае традиционная методика текстологического исследования неэффективна. Однако, как правило, такого не случается: первичные чтения содержатся в ранних списках, а вторичные — в поздних. Бывают случаи присутствия первичных чтений в каком-либо позднем списке. Это вполне объяснимо, поскольку поздний список может быть копией несохранившегося раннего. Однако если первичные чтения содержатся в поздней традиции, а вторичные — в ранних

списках, то такая ситуация указывает на какую-либо необычность в истории текста и требует объяснения. Во всяком случае, столкнувшись с такой ситуацией, нельзя продолжать исследование по обычной схеме: оно приведет к неверным результатам.

Выстроив ряды разночтений по принципу «первичное чтение/вторичное чтение», можно перейти к определению филиации списков и построению стеммы. При этом будут выделены значимые этапы в истории изучаемого текста (редакции и изводы) и, наконец, реконструирован архетип произведения. Архетип всего текста или его редакции является авторским текстом. Следует установить время и место его создания, личность автора, а также по возможности реконструировать его творческую лабораторию.

☞ Датирование авторского текста осуществляется исходя из двух дат: самой ранней — *terminus post quem* (т.е. дата, после которой был написан текст) и самой поздней — *terminus ante quem* (т.е. дата, до которой был написан текст).

Первоначально имеет смысл определить эти два рубежа с наибольшей надежностью. Так, *terminus post quem* безупречно определяется исходя из последних по времени событий, упоминаемых в тексте. Действительно, раньше, чем произошли упоминаемые в тексте события, данный текст не мог быть составлен. Для определения надежного *terminus ante quem* используют датировку ранних списков, исходя из того очевидного факта, что текст не мог быть создан позже, чем появились его списки. Если вычисленные таким образом даты отстоят одна от другой незначительно, то текст можно считать надежно датированным. Однако в большинстве случаев при изучении памятника средневековой письменности последнее упоминаемое событие и датировка самого раннего списка отстоят на десятки или сотни лет. В таком случае пытаются сузить датировку. Для этого, например, ищут в тексте упоминание более поздних реалий, обращаются к результатам кодикологического исследования ранних списков изучаемого произведения. В каждом случае приемы более точного датирования индивидуальны и зависят от особенностей исследуемого текста и его рукописной традиции.

☞ Определение автора текста, его идентификация называется *атрибуцией*. Иногда это невозможно сделать точно, но можно опровергнуть факт принадлежности некоему автору, что именуется *аттетезой*. Если автор был установлен в предыдущих исследованиях, но затем в его атрибуции усомнились и привели серьезные аргументы, текст переходит в разряд *дубиальных* (от лат. *dubitare* — сомневаться) текстов.

Помимо произведений, автор которых известен, потому что указан в самом тексте, существует большое количество анонимных произведений, которых особенно много среди памятников средневековой письменности, где авторское начало вообще слабо выражено. Кроме того, есть тексты, подписанные псевдонимами, криптонимами, а есть и такие, автор которых указан неверно.

Методика атрибуции в последнее время деятельно разрабатывается с привлечением математических методов, при помощи которых исследователи пытаются установить индивидуальность литературного стиля, присущую каждому автору. При исследовании текстов Нового и Новейшего времени такие приемы оказываются результативными, но они пока беспомощны в отношении средневековых памятников: слишком велико в последних влияние жанра и источников текста на его стилистику. Несомненно, однако, что в будущем разработают методики, позволяющие атрибутировать анонимные произведения средневековой традиции.

☞ Конечной целью текстологического исследования является реконструкция творческой лаборатории автора. Для этого привлекают как воссозданный авторский текст произведения, так и его источники, а также разного рода черновые материалы, если они сохранились и обнаружены. Имея перед собой источники, которыми пользовался автор, первоначальные варианты его работы, исследователь поэтапно реконструирует процесс создания произведения, попутно отвечая на вопросы о мотивах и обстоятельствах его написания. В результате становится ясным, какие цели ставил перед собой автор и как он их достигал.

Теперь текст можно использовать в качестве исторического источника.

3.4. Современные методы гуманитарных наук и источниковедение

☞ В XX в. произошли серьезные изменения в методологии гуманитарных наук, что вызвало появление новых методов в источниковедении, принципиально новое отношение к возможностям познания прошлого через исторический источник, поиск новых видов источников.

На вопрос о том, почему произошли серьезные изменения в подходах к исторической науке в XX в., можно ответить следующее. Двадцатое столетие началось с Первой мировой войны и масштабных социальных потрясений: в 1917—1918 гг. рухнули четыре мировые империи (Германская, Австро-Венгерская, Турецкая и Российская), на обломках которых возникло множество национальных государств, изменивших карту мира. Войны и революции начала столетия продемонстрировали всему миру, во-первых, *роль масс в истории*, во-вторых — *ужас и ничтожность, трагизм и одновременно величие судьбы конкретного человека, которого перемалывают жернова истории*.

В первую очередь, произошел поворот интереса историков к *социальной истории*, истории масс (классов, социальных корпораций). Традиционная история «королей и министров» была объявлена устаревшей. Народ — вот подлинный творец истории, и для его изучения были востребованы типы источников, до этого использовавшихся мало: массовые источники, статистический материал, фольклор, документы, свидетельствующие о повседневной жизни и т.д. Возникла потребность в разработке методов их изучения.

Во-вторых, произошел *«антропологический переворот»*, т.е. в центре внимания историков оказался человек, не исторический герой, не политический персонаж, а именно обычный человек перед лицом истории. По образному выражению французского историка Марка Блока (1886—1944), считающегося основоположником данного подхода, «настоящий историк похож на сказочного людоеда. Где пахнет человечинной, там, он знает, его ждет добыча».

В 1929 г. французскими историками М. Блоком и Люсьеном Февром (1878—1956) был основан журнал «Анналы». С этого момента ведет отсчет своей истории школа «Анналов», иначе называемая «Новая историческая наука», рожденная в «боях за историю» (заглавие одной из книг Л. Февра), которые она, по словам А. Я. Гуревича, «вела против обветшавшей историографии, укрывшейся от действительности за каталожными ящиками с выписками из древних текстов, в которых она была неспособна ощутить живых людей».

«Анналисты» поставили проблему: для понимания истории надо попытаться проникнуть в механизм мышления деятелей прошедших эпох, выявить мотивацию их поведения, вытекающую из присущего данной эпохе способа мировосприятия. При этом вовсе не обязательно, чтобы люди прошлого все это формулировали для себя в виде четких положений. Наиболее ценным оказывается выявить *бессознательные* мотивы их поступков, как бы *подслушать* потаенные разговоры их сознания (это было названо *ментальностью*). Тогда история «заговорит», возникнет *диалог историка и источника* (хотя само понятие *диалога* будет сформулировано позже, его основы заложили Л. Февр и М. Блок). Постановка вопроса источниковедения как *диалога* историка и источника — это изменение фундаментальных принципов позитивистского источниковедения с его стилем «допроса» источника в единственной парадигме «достоверности/недостоверности».

Расцвет школы «Анналов» пришелся на послевоенные годы, когда были опубликованы и получили популярность основополагающие труды Л. Февра и М. Блока, расцвело творчество Ф. Броделя. Их последователи вскоре раскололись на несколько направлений, которые, правда, весьма сходны и являются производными тех или иных принципов «Новой исторической науки». Часто отличия между ними состоят только в предмете исследования и в национальной традиции употребления того или иного термина как названия данного научного направления. Так, для французской исторической школы принято различать *историческую антропологию* и *историю ментальностей*; в Германии выделяют *историческую антропологию*, *микроистиорию* и *истиорию повседневности*; особыми направлениями считаются также *культурная антропология*, *социальная антропология* (*семейно-родственные связи*), *религиозная антропология*, *политическая антропология* и т.д. Все они объединяются тем, что в центре их внимания — человек. Часто на конкретных примерах изучаются исторические типы.

В результате рассматриваемого подхода в источниковедении изменилась оптика исследователей. Внимание стало фокусироваться на конкретных антропологических объектах изучения, а качестве которых, как пра-

вило, выступают «*малые сообщества*» — небольшие социумы, выделяемые по разным критериям, но, главное, позволяющие в своих рамках всесторонне показать роль человека.

Принципиальным здесь является то, что взаимодействия в данных обществах описываются в терминах, на которых эти социумы общались в прошлом (естественно, с истолкованием терминологии). Это делается для того, чтобы избежать эффекта «навязывания смысла» источнику. Если применять к последнему современную терминологию, в источнике неизбежно будет видно то, чего там нет. Например, как показано историком М. М. Кромом, многие преобразования средневековых правителей историки называют «реформами», но ведь Средние века не знали такого термина. Применяя к далекому прошлому современное понятие «реформа», исследователи потом начинают искать «реформаторов» и «контрреформаторов», политические программы и «партии поддержки», «оппозицию» и т.д. Между тем, если попытаться понять и описать, в каких терминах сами современники описывали эти процессы, можно достичь гораздо более адекватной реконструкции исторической реальности, без привнесения в нее чуждых современных сюжетов. При этом при изучении источников большое внимание уделяется *символизму повседневной жизни*: обыденным ритуалам, рутине, манере одеваться, есть, общаться друг с другом, жестикуляции и т.д.

Мнение

Следствием «антропологического поворота», по словам историка М. М. Крома, является то, что вместо «поиска типического, построения генерализирующих объяснений, общемировых моделей развития... ученым предлагается присмотреться к локальным особенностям и вариантам, осознать фундаментальное многообразие культурно-исторического процесса в разных уголках земного шара. Кроме того, появилась потребность вернуть истории “человеческое измерение”, оценить возможности проявления свободной человеческой воли среди безличных структур и разнообразных детерминирующих тенденций. Желаемый эффект подобной “перенастройки внимания” — проверка на прочность ряда предложенных ранее макроисторических теорий и концепций и внесение в них необходимых коррективов... Для этого тщательно фиксируются и анализируются малозначительные на первый взгляд слова, жесты, поступки участников “социальной драмы”; их поведение “прочитывается” как некий текст. Затем добытые исследователем “кристаллы” смысла соединяются им воедино с учетом изученных отношений между элементами системы: так создается обобщенная характеристика данной культуры».

Весьма точной также представляется характеристика, данная М. М. Кромом источниковедческим методологиям исторических антропологов: «Они исходят из того, что всякая социальная реальность “непрозрачна”, она словно маскируется, и поэтому исследователь с недоверием должен относиться к тому, что изучаемое им общество прямо заявляет о себе. Предпочтение отдается косвенным свидетельствам, “проговоркам”, а также таким массовым источникам, которые не содержат какого-то привнесенного осознанного представления о действительности (в качестве примера часто приводятся преи-

скуранты цен или приходские книги). С их помощью исследователь может понять традиционные для данной культуры образ мышления и способы поведения, которые ее носители в силу привычки подчас уже не замечают. Так за видимой реальностью проступают скрытые механизмы и логика».

Другим важным фактором, изменившим отношение к гуманитарному знанию и источниковедению, стал опять-таки исторический контекст. В XX в. тоталитарные режимы и их крушение продемонстрировали с ужасающей очевидностью, что историки часто становятся лишь идеологической прислугой политиков. История может рассматриваться как инструмент манипуляции политическим сознанием и поведенческими установками масс. Историки по определению оказались работниками зловещего фантастического «Министерства правды» писателя Джорджа Оруэлла из романа «1984», образ которого стал символом потребительского отношения власти к историкам: «Есть партийный лозунг относительно управления прошлым... Кто управляет прошлым, тот управляет будущим: кто управляет настоящим, тот управляет прошлым... То, что партия считает правдой, и есть правда. Невозможно видеть действительность иначе, как глядя на нее глазами партии».

О склонности историков к политической конъюнктуре, несомненно, знали и раньше. Однако и нацистская, и большевистская пропаганды в XX в. отличались поистине тоталитарными масштабами переписывания истории. Мало того, стало очевидно, что и национальные историографии, и либеральная идеология второй половины XX в. также трактуют историю весьма конъюнктурно. Подобная практика оказала разрушающее воздействие на научные стандарты мастерства историков. Получалось, что историк тем профессиональнее, чем искуснее врет, владеет пиаровскими технологиями и что смысл истории как отрасли знания заключается не в способности познать прошлое, а в умении о нем рассказать, преподнести в нужном ключе. Как отметили П. Рот и М. Мандельбаум, «история превращается в искусство рассказчика (Storyteller)». Возникла точка зрения, что история — искусство риторики, пиара, не более того. Его надо оценивать с позиций профессиональных литераторов, журналистов, работников пропагандистской сферы.

Если история как отрасль гуманитарного знания не имеет другого практического применения, кроме обслуживания идеологических задач, то «ненужной» и «незначимой» для нее оказывается все источниковедение. От мысли «Прошлое можно придумать» до идеи «История — это всегда только выдумка» один шаг, который и был сделан в последней трети XX в.

В 1970-е гг. в мировой исторической науке начался процесс, получивший название «постмодернистский вызов», немного позже усугубленный так называемым «лингвистическим поворотом». Суть его в следующем. Был атакован фундаментальный принцип познаваемости прошлого через верное прочтение исторического источника. Как утверждали постмодернисты, источник не может адекватно отражать прошлое. Источники создаются задним числом, часто их пишут с чужих слов. Людям свойственно искренне заблуждаться, сознательно врать, исказить действительность

ради своих политических, религиозных национальных, социальных убеждений. Наконец, нарративный источник всегда имеет в виду читателя. Его составитель хотел внушить своему потенциальному читателю определенный взгляд на вещи и поэтому фильтровал информацию, преподносил ее в определенном ключе. Таким образом, постмодернисты утверждали, что объективных источников не существует, а раз так — не существует и самой истории. Ее придумывают сначала авторы так называемых «источников», а потом — создатели написанных на основе этих «источников» исторических трудов. История, как говорил основоположник постмодернизма в истории Хейден Уайт, «всего лишь операция вербального вымысла».

«Лингвистический поворот», связанный с именами К. Гемпеля, А. Данто, У. Гэлли, Л. Минка, состоял в распространении на историческое знание подходов и методов филологических наук, прежде всего нарратологии как науки о текстах. Это проявлялось в том, что расширялось само понятие текста: как текст трактовался иллюстративный источник, архитектурный памятник — все, что несет в себе культурные коды, символические смыслы и закодированную через знаковые системы информацию. Текстовой исторический памятник понимался как нарратив, т.е. любой повествовательный исторический источник можно было анализировать как художественный текст (роман, повесть и т.д.). Тогда важным становилось не отражение фактов и исторических реалий, а анализ структуры текста, поиск сюжета, главного героя, литературных аллюзий и т.д. С этой точки зрения летопись представляла не запись сообщений о древних временах, а художественным произведением, подчиненным, прежде всего, законам жанра, где должны быть герои, злодеи, путешествие и т.д. Иными словами, реконструкция прошлого подменялась анализом нарратива. Источники больше не считались отражением реальности, они писались по законам литературного жанра, с использованием литературных стилей, топосов, стереотипов и т.д.

Постмодернизм и «лингвистический поворот» всерьез поставили гуманитарное знание под угрозу, потому что разрушали саму возможность познания прошлого, разрывали связь между свершившимся прошлым, его отражением в историческом источнике и научной историографией. По выражению Д. Харлана, наступил затяжной эпистемологический кризис, «поставивший под сомнение саму веру в неизменность и доступность прошлого, скомпрометировавший возможности исторического постижения и подорвавший нашу способность определять себя во времени».

❶ Проблема противостояния постмодернистскому вызову и «лингвистическому повороту» в том, что на их выпады в адрес позитивистского источниковедения очень трудно возразить. В самом деле, нарративные источники субъективны и тенденциозны. Действительно, при их создании авторы в значительной степени руководствовались «законами жанра», литературными стереотипами. Бесспорно, очень трудно реконструировать прошлое с полной уверенностью, что мы воссоздали все так, как было на самом деле.

Вместе с тем постмодернистский подход разрушает статус исторического знания и источниковедения как науки. Его сторонники ошибаются в главном: история существует, прошлое реально происходило. Это вовсе не простая

«операция вербального вымысла». Трудность и сложность процесса познания прошлого не отменяет его реальности. Необходим дальнейший поиск путей этого познания, совершенствования источниковедческих методик.

На первый план здесь выходит проблема адекватной, верифицируемой (т.е. поддающейся научной проверке) интерпретации сведений источника. Для этого сегодня предлагаются разные подходы. Одним из них, применимым именно для изучения нарратива, является *историческая герменевтика*.

☞ *Герменевтика*, по определению Поля Рикёра, — «теория операций понимания в их соотношении с интерпретацией текстов; слово “герменевтика” означает не что иное, как последовательное осуществление интерпретаций».

Строго говоря, герменевтика — наука не новая. Она возникла еще в Античности. Термин происходит от греческого слова «герменевтикэ» — истолковываю, его связывают с именем бога Гермеса, который должен был доводить до людей волю богов, разъяснять скрытый смысл их слов. Понятие было обосновано в диалоге «Кратил» философа Платона: боги имеют особый язык, закрытый для людей, и для понимания их языка нужен посредник, истолкователь — *герменевт*. Затем герменевтика (экзегетика) стала развиваться как искусство толкования текстов Священного Писания. В Новое и Новейшее время, благодаря трудам Фридриха Шлейермахера (1769–1834), Вильгельма Дильтея (1833–1911), Мартина Хайдеггера (1889–1976), Поля Рикёра (1913–2005), герменевтика стала самостоятельным научным направлением, методологией, с помощью которой достигается понимание, интерпретация, истолкование текстов, т.е. она полезна, особенно применительно к древним и средневековым текстам, для решения главной задачи источниковедения — достичь адекватного прочтения источника, правильного перевода его смыслов на язык современной науки.

В последние годы в России происходит попытка пересмотра принципов исследования древнерусских текстов. Новым здесь является все чаще звучащая критика отношения историка к источнику как следователя к материалам расследования. Ученые «допрашивали» нарративные памятники на предмет выявления в них сведений, отражавших прошлое, «как оно было на самом деле» (согласно известной формуле Л. фон Ранке, отражающей *credo* исторического позитивизма). Ученых гораздо больше волновало, *что* сказано в тексте, чем *как* сказано и почему сказано именно так? Долгое время процветало (и не утратило своих позиций сейчас) так называемое «потребительское отношение к источнику» (термин введен в начале 1930-х гг. С. Н. Черновым), утилитарное использование содержащихся в нем сведений после проведения источниковедческих процедур и проверки на достоверность.

Следует отметить, что в отечественной науке «потребительское отношение к источнику» нередко осуждалось и критиковалось. Под ним понимался подход, когда «историк, не углубляясь в изучение летописных текстов, произвольно выбирает из летописных сводов разных эпох нужные

ему записи, как бы из нарочно для него заготовленного фонда, т.е. не останавливает своего внимания на вопросах, когда, как и почему сложилась данная запись о том или ином факте» (М. Д. Приселков). Однако при всем негативном отношении к такому стилю написания научных работ, многие позитивистские исследования им тайно или явно грешили.

Для современных исследователей русского средневекового нарратива общим местом является принцип, что содержание источника в гораздо большей степени, чем считалось ранее, определяют творческий замысел, литературные тропы, стиль изложения и система рефлексии взглядов автора и менталитета современников. Оптика взглядов и автора, и переписчика, и читателей обусловлена соответствующими дискурсами, без постижения которых невозможно решить научную задачу интерпретации древнерусских текстов, считающуюся сегодня главной для медиевистической русистики.

📖 Мнение

Историк И. Н. Данилевский совершенно справедливо определил задачу интерпретации текстов как герменевтическую: «...когда современный исследователь берет в руки древнерусский источник, перед ним неизбежно должен встать вопрос: насколько адекватно он может воспринимать текст, созданный практически тысячелетие назад? Перед нами — типичная герменевтическая ситуация: непонимание “темного места” в источнике (а часто таким темным местом может быть весь изучаемый текст) сопрягается с кризисом доверия к прежним способам истолкования языковых фактов. В связи с этим сегодня, как мне представляется, перед нами открываются два возможных пути: либо мы должны отказаться от попыток восстановить прошлое, поскольку источники, на которые опираемся, абсолютно недостоверны, либо — искать новые пути выявления информации, на которую можем опираться. Но для этого надо проделать путь от интерпретации источника (в том смысле, которое это слово приобрело в нынешней историографии — истолкование информации источника в соответствии с той концепцией, которую я исповедую) к пониманию текста».

В связи со сказанным наиболее продуктивной сегодня выглядит попытка выработать систему предпонятий, найти универсальный смысловой ключ к пониманию и интерпретации текста. Здесь и востребована герменевтика как наука о понимании и интерпретации.

☞ В источниковедении актуальной продолжает оставаться проблема адекватности научного языка описания социокультурных систем и языка самоописания данных систем, отраженного в источниках.

Наибольшей сложностью здесь является сама попытка постижения средневекового мышления. Возможен ли через сотни лет акт понимания? Не будет ли веять от научных реконструкций некоей искусственностью, причем исследователи сами даже не будут понимать, насколько они искусственны? Не признают ли учение, что можно описать текст или явление, но нельзя понять? Возможно, в итоге мы придем к утверждению в духе

Я. С. Лурье, который предостерегал от приписывания древнерусским авторам какой-то «особой» системы мышления: «Исследователь, который предполагал бы существование у людей прошлого “особого мышления”, в сущности, закрыл бы для себя возможность понимания сочинений средневековых авторов: ведь сам такой исследователь живет в наше время».

Однако тогда мы лукавим перед самими собой. Ведь невозможно утверждать, что древнерусский воин или опричник Ивана Грозного мыслили так же, как екатерининский гвардеец, революционный матрос в 1917 г. или советский диссидент. Мышление неодинаково даже у людей разных национальностей и социальных слоев в одну и ту же эпоху. Что же говорить о ситуации, когда мы отделены от авторов источников столетиями? Вряд ли возможно отрицать это обстоятельство с помощью единственного аргумента: признать разницу мышления невозможно, иначе мы оказываемся несостоятельными в своей профессии.

Здесь есть существенная научная проблема. Современная гуманитарная наука, политические и социологические теории дают инструментарий, позволяющий обобщить, классифицировать и схематизировать наши знания о прошлом. Без подобной интеллектуальной операции, собственно, невозможна история как наука, потому что иначе, просто транслируя образы прошлого, историк оказывается не ученым, а летописцем, в лучшем случае писателем-моралистом.

Однако при анализе источников с помощью категориального аппарата современной науки, мы оказываемся перед проблемой: насколько наши построения адекватны анализируемому предмету, а насколько они являются конструктом, созданным с помощью этого самого категориального аппарата. Решение данной проблемы не найдено. По меткому замечанию французского философа Мишеля Фуко, изымая «операционный стол», на котором происходит препарирование понятий, мы не можем отделаться от «вполне определенной, трудно уловимой неловкости», обусловленной подозрением, что изъятие этого стола породит еще худший беспорядок, «чем беспорядок неуместного и сближения несовместимого». Крайними точками здесь являются исторический позитивизм с его доверием к источнику, верой в достаточность критического метода и в принципиальную возможность историка адекватно прочесть и понять любой древний текст и исторический постмодернизм с его отрицанием исторической реальности и представлением об истории как всего лишь вербальной схеме.

Получается замкнутый круг, о котором говорит филолог Б. М. Гаспаров: характер изучения текста попадает в зависимость от сведений, которые в свою очередь могут быть получены только как результат изучения этого текста. Заметим, что неясна вообще перспектива решения данной задачи, во всяком случае допущение возможности разрешить данное противоречие до сих пор не имеет даже теоретического обоснования.

☞ Сегодня методы изучения источников также совершенствуются за счет привлечения методов математических и естественных наук, например, количественной истории (☞ 3.7), исторической информатики (☞ 3.8), устной истории и т.д.

3.5. Акты как исторический источник. Дипломатика. Документоведение

☞ *Акты* — это тексты деловой документации, с помощью которых оформляется на бумаге любая сделка, действие, решение власти и т.д. Акт — это документ, фиксирующий права и служащий юридическим доказательством прав упоминаемых в нем лиц.

☐ **Справка**

Actus по латыни — действие, акт, поступок. Термин «акт» происходит от формулы латинских документов *actum est* (свершено, сделано), которая употреблялась в заключительной части латинских, а затем и средневековых документов. Понятие «акт» использовалось в знаменитом византийском кодексе императора Юстиниана *Corpus juris civilis* (528–534) и оттуда вошло в правовой лексикон средневековых Италии, Франции и Англии. Слово «акта» (множественное число) употреблялось в качестве обозначения решений органов власти. С XIV в. понятие распространялось в европейской бюрократической терминологии.

К актам относятся:

— *договоры* между властью, социальными группами и частными лицами; они носят название *публично-правовых*, если в них задействованы органы власти и социальные группы (их представители), и *частноправовых*, если это сделка частных лиц;

— *постановления и распоряжения органов власти*, адресованные социальным группам, коллективам или отдельным частным лицам;

— *распоряжения владельцев собственности* о купле, продаже, передаче, завещании и т.д.

Наука об изучении актов называется *дипломатикой*.

☞ По определению С. М. Каштанова, *дипломатика* — это научная дисциплина, изучающая происхождение, форму и содержание, функционирование, историю воспроизведения текста и архивную судьбу документов правового характера, причем в большей мере таких, где указаны автор и адресат или контрагенты (участники сделки, договора), часто же не только адресат, но и фактический контрагент, не тождественный адресату.

Предметом дипломатики, по С. М. Каштанову, является исследование *внешней и внутренней формы актов, внешнего и внутреннего содержания акта и происхождения актов*. Под этим понимаются:

а) *внешняя форма акта*, т.е. изучение материальных особенностей источника, в частности, материал для письма (бумага, пергамент и т.д.), особенности чернил, почерков писцов, украшений (заголовков, рисунков), удостоверительных знаков (подписей, печатей, скреп) и т.д.;

б) *внутренняя форма акта*, т.е. устойчивая стандартизированная структура текста, так называемый *формуляр акта*;

в) *внешнее содержание акта*, т.е. идеи, выраженные в тексте акта, собственно информация и правовые нормы (также сведения о роли в них лиц, упоминаемых в акте), которые сообщает акт;

г) *внутреннее содержание акта*, т.е. процессы исторического развития, развития правовых норм, социальные условия, отразившиеся в акте;

д) *происхождение актов*:

— *канцелярское происхождение документа* (каким учреждением и должностным лицом, с какой бюрократической целью, с какой адресацией выдан данный акт и т.д.);

— *происхождение в историко-правовом контексте* (кто был заинтересован в составлении и выдаче данного акта, какие правовые и социальные интересы при этом преследовались, каковы цели сторон сделки, упоминаемых в акте и т.д.).

Дипломатика как научная дисциплина развивалась двумя путями: 1) как сугубо формальная дисциплина, изучающая лишь структуру и формы текста; 2) как дисциплина, изучающая, кроме структуры и формы, содержание текста, его смысл, значение и т.д. В разные эпохи в разных источниковедческих школах одерживала верх та или иная тенденция. Для дипломатики до конца XIX в. более характерен формальный подход. Для российского актового источниковедения в XX в., напротив, формальный анализ считался менее значимым, чем выделение из акта социально-экономической информации. Сегодня эти две тенденции равнозначны, хотя в области формального анализа в последнее время не появилось новых теорий и методик, а используются методы, разработанные учеными (в том числе и российскими) в XIX—XX вв.

■ Справка

Название науки дипломатика в европейских языках звучит сходно: *diplomatie* (фр.), *diplomatics* (англ.), *Diplomatiek* (нем., в германской науке принят также термин *Urkundenforschung* — учение о грамотах). Термин «диплом» (*diploma*) употреблялся в Великом Риме уже в I в. до н.э. для обозначения различных видов деловых документов. Термин *diploma* получил распространение в эпоху Возрождения, когда название древнеримских дипломов было перенесено на аналогичные документы эпохи Средневековья, исходящие от высшей власти. Французский гуманист Гийом Бюде (1467—1540) распространил это понятие на публично-правовые документы в целом.

Первыми шагами дипломатики как отрасли знания была так называемая практическая дипломатика, разработка навыков выявления подделок актов. В связи с этим начало европейской дипломатики условно датируют 590 г., когда, согласно «Истории Франков» Григория Турского, референдарий Отто установил подделку грамоты, выданной от имени короля Хильдеберта. В 1198 г. вышло специальное послание римского папы Иннокентия III, в котором он разъяснял принципы определения подделок папских булл. В России первые сведения о выявлении подделок относятся к 1487—1488 гг., когда в летописях говорится о «битье кнудом на торгу» подельщиков жалованной грамоты покойного вологодского князя Андрея Васи-

льевича Меньшого. В 1699 г. специальным постановлением московского правительства был установлен порядок выявления поддельных подписей на документах.

Важную роль в развитии практической дипломатики сыграло появление *формулярников* — сборников образцов актов различных разновидностей. В Европе они известны с VII—IX вв., в частности, «Формулы Маркульфа», (688—732 гг.); *Formulae imperiales* франкских Каролингов (828—832 гг.). Русские формулярники возникли в XV — начале XVI в. (один из наиболее ранних известных нам — формулярник митрополичьей кафедры — относится к первой трети XVI в.).

Зарождение *научной дипломатики* (сначала в виде учения о выявлении подложных грамот) в Европе ученые относят к XIV в. Разработку ее принципов связывают с хранителем французского королевского архива Жераром де Монтегю (умер в 1391 г.). В XVI—XVII вв. дипломатика стала необычайно востребована обществом, потому что бурные исторические события XVI—XVII вв. породили огромное количество подложных актов, грамот, выданных на одну и ту же собственность разными правителями и т.д. Применительно к периоду после окончания в Европе Тридцатилетней войны (1618—1648) в историографии можно даже встретить термин «дипломатические войны» (*bello diplomatica*). Однако речь идет не о войнах послов и дипломатов, а о тяжбах и разбирательствах по подложным грамотам, «войнах актов» (§ 3.2).

Наконец, в 1681 г. вышел восторженно встреченный учеными Европы труд французского ученого монаха Жана Мобильона «Шесть книг о вещи дипломатической» («*De re diplomatica libri sex*»), в котором впервые на научной основе была осуществлена внешняя критика актов, отработана и опробована методика их анализа.

Значительными вехами в развитии европейской дипломатики в XVIII в. оказались труды И. Гаттерера, разделившего дипломатику на теоретическую и практическую в книге «*Praktische Diplomatik*» (1799), шеститомное сочинение французских монахов Тустена и Тассена «Новый трактат о дипломатике» (1750—1765), переработка последнего труда в справочник по дипломатике (1774) Дж.-Ф. Вэнном.

В России первые научные изыскания в области дипломатики связаны с собиранием и изучением актового материала В. Н. Татищевым и Г. Ф. Миллером. К сожалению, труды В. Н. Татищева увидели свет поздно, хотя именно он первым в российской науке в «Лексиконе Российском» (книга вышла в 1793 г., спустя 43 года после смерти автора) дал определения многим видам древнерусских актов. Г. Ф. Миллер прославился как собиратель и систематизатор древнерусских актов. В РГАДА до сих пор хранятся так называемые «Портфели Миллера», первая архивная коллекция русских актов. С именем Г. Ф. Миллера связаны первые шаги по изучению древнерусских документов как исторических источников.

Во второй половине XIX в. в изучении актов наметился и стал активно развиваться *историко-правовой (юридический) подход*. Акты интересовали ученых прежде всего как источник по истории русского права (уголов-

ного, имущественного, семейного, процедурного и т.д.) и развития русской государственности в историко-правовом аспекте (труды В. И. Сергеевича, Д. М. Мейчика, И. Д. Беляева, Н. Л. Девернуа, К. А. Неволлина, М. Ф. Владимирского-Буданова и др.).

К концу XIX в. из важнейших *результатов*, которых добились ученые к концу XIX — началу XX в., надо отметить следующие.

Разрабатывались *концепции предмета дипломатики*, т.е. что она должна изучать. Н. П. Лихачев, крупнейший российский палеограф рубежа XIX—XX вв. и Н. Н. Ардашев, автор одного из первых отечественных курсов лекций по дипломатике, определяли предмет последней широко: она должна изучать «все документы вообще». В. И. Веретенников предложил определение частнопроводного акта: «...это есть словесно выраженное и письменно запечатленное обычно сложное действие, определяющее собой существо совершенной сделки». Иными словами, акт определялся как отражение сделки, что конкретизировало предмет дипломатики и было шагом вперед в ее развитии.

Были *установлены и классифицированы основные виды русских актов* (классификации Д. М. Мейчика и С. А. Шумакова, труды М. А. Дьяконова, А. А. Федотова-Чеховского, В. А. Милютина и др.). Классификация исходила из точки зрения деления грамот на правительственные и частные акты и в дальнейшем — из юридических форм. Ее основные параметры остались актуальными и для современных классификаций.

В 1903 г. А. С. Лаппо-Данилевский создал в Санкт-Петербургском университете студенческий кружок, в котором начали изучать частные акты и из которого впоследствии выросла целая *школа дипломатики частных актов*.

В 1920—1930-х гг. в изучении русских актов наметилось два направления, развивавшихся во второй половине XX в.:

1. Усиление тех тенденций развития отечественной дипломатики, которые наметились ранее. Это направление представлено работами А. И. Андреева и С. Н. Валка по систематизации, каталогизации и описанию древнерусских актов.

2. Развитие лучших достижений юридического подхода XIX — начала XX в. в сочетании с социально-экономическими исследованиями марксистского направления. К данному направлению относятся труды С. Б. Веселовского, Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина, А. И. Копанева, А. А. Зимина, Н. Е. Носова, В. Б. Кобрина, В. Д. Назарова, С. М. Каштанова и других ученых по социально-экономической истории Древней и Московской Руси, основанные на обширном использовании актов и содержащие множество важных источниковедческих наблюдений, в том числе в сфере дипломатики.

Говоря о новых методах и подходах, нужно обратить внимание на различные варианты *статистического метода*, в частности, на методику обобщения разного рода фактических сведений, содержащихся в актах, и их осмысление.

В 1960-х гг. изучением языка актов активно занялись *лингвисты*. Ранее этот материал привлекался филологами-лингвистами в большей степени

эпизодически, либо при составлении словарей, либо в отдельных исследованиях, например, А. А. Шахматовым.

Важным шагом вперед стала постановка вопроса о *феодалных архивах*, комплексах актового материала, у которых в качестве фондообразователя выступали монастырь, крупный светский землевладелец, государственное учреждение и т.д. Эти комплексы отразились в *копийных книгах* и *сборниках актов*. Таким образом, акты рассматривались не изолированно, но в контексте целого комплекса документов одинакового происхождения. Л. В. Черепнин изучал частные феодальные архивы, А. А. Зимин — собрание ханских ярлыков русским митрополитам, С. М. Каштанов и Л. И. Ивина — монастырские копииные книги, Н. В. Рогожин — посольские документы XVI—XVII вв., В. А. Кучкин — договорные грамоты московского великокняжеского дома и т.д.

В 1970—1980-х гг. развернулась новая дискуссия о том, что и как должна изучать дипломатика и каково ее место среди других источниковедческих и исторических наук. Б. Г. Литвак пытался ввести понятие «неодипломатика». Сущностью преобразования было включение в дипломатику документальных источников Нового и Новейшего времени, т.е. сближение *дипломатики* и *документоведения* на основе принципов актовой дипломатики.

☞ Вопрос о прерогативах наук является дискуссионным. Дипломатика восходит еще к трудам ученых XVIII—XIX вв. Документоведение выделилось в российском источниковедении в особую дисциплину только в 1960-х гг. Их различие вытекало из объекта исследования: дипломатика занималась в основном актами Средневековья и раннего Нового времени (до XVIII в.), а документоведение выросло из прикладной отрасли знаний — правил и законов делопроизводства XIX в. Кроме того, дипломатика изучает и публично-правовые, и частноправовые акты. Документоведение занимается преимущественно функционированием документов в сфере управления. Дипломатика изучает и форму, и содержание актов. Документоведение акцентирует внимание преимущественно на форме документов. Цель дипломатики — изучение истории, источниковедение актового материала прошлых эпох. Цель документоведения — изучение формы документов прошлого для выработки рекомендаций по совершенствованию формы документов настоящего и будущего. У этих дисциплин разные цели. Объединение современного документоведения с классической дипломатикой затруднительно.

3.6. Археография

☞ *Археография* как наука занимается собиранием, описанием и изданием исторических источников.

Термин «археография» (от греч. *αρχαίος* — древний и *γραφή* — пишу) русский по происхождению. Как историческая дисциплина археография сформировалась в России в первой половине XIX в. С конца XVIII в.

широкий размах приобрело собирание древнерусских рукописей. С 1809 г. начались экспедиции за рукописями. Одна из этих экспедиций, организованная в 1828—1832 гг. П. М. Строевым, получила название археографической. Для издания ее материалов император Николай I повелел преобразовать экспедицию в Археографическую комиссию, и в 1834 г. она получила постоянный статус. По сложившейся традиции Археографическая комиссия в XIX — начале XX в. занималась в основном изданием текстов.

В связи с реорганизацией Академии наук в 1920—1930-х гг. Археографическая комиссия перестала существовать и была воссоздана М. Н. Тихомировым только в 1956 г. (Ср. 2.3). М. Н. Тихомиров понимал задачи археографии широко. В дальнейшем его ученик и преемник на посту председателя Археографической комиссии С. О. Шмидт сформулировал это широкое понимание задач археографии, выделив в ней три направления: *полевую, камеральную и эдиционную археографию*. Такое членение характерно, прежде всего, для археографии средневековых источников.

☞ *Полевая археография* занимается полевым (экспедиционным) поиском и собиранием древних рукописей. *Камеральная археография* описывает рукописи в кодикологическом и палеографическом плане. *Эдиционная археография* осуществляет издание текста источника по определенным научным правилам.

В течение XVIII в. происходило постепенное отчуждение монастырских и церковных ценностей в пользу государства. Особенно значимой стала секуляризационная реформа 1764 г., в результате которой монастыри лишились своей земельной собственности. Как следствие этого, монастырские архивы потеряли юридическое значение, ведь в них хранились документы, подтверждающие права церковной корпорации на принадлежащие ей земли. С потерей земель отпала надобность хранить документы.

Кроме того, в XVIII в. запрещалось осуществлять богослужение по рукописным книгам, следовало пользоваться исключительно печатными. В течение XVIII в. количество печатных богослужебных книг достигло такого уровня, что они совершенно вытеснили рукописную книгу. Указанные процессы привели к тому, что рукописные книги и документы стали переходить из церквей и монастырей в частные руки.

С конца XVIII в. до революционных потрясений XX в. антикварная торговля рукописями процветала. Ее крупными центрами были Макарьевская (позднее Нижегородская) ярмарка, лавки купцов-антикваров в Москве, Петербурге и других городах. В XIX в. коллекции рукописей составляли люди самого разного социального статуса и профессий: сановники, академики, университетские профессора, чиновники, представители духовенства, купцы и даже крестьяне. Позднее большая часть этих коллекций перешла в государственные архивохранилища: архивы, музеи, рукописные отделы библиотек. В советское время в связи с отделением церкви от государства церковные ценности, в том числе и собрания рукописей, должны были перейти в собственность государственных учреждений: музеев, архивов и библиотек. В процессе передачи многое расхищалось

и оседало у частных лиц. Кроме того, большое количество рукописей находилось в собственности населения. Например, старообрядческие общины на протяжении десятилетий собирали древние рукописи и бережно хранили их.

Таким образом, поиск древних рукописей в советское время не остановился, но принял другие формы. Частных коллекционеров стало гораздо меньше, зато в послевоенное время началось масштабное собирание древнерусских рукописей научными и образовательными учреждениями. Начался этот процесс еще на рубеже XIX—XX вв., когда было образовано рукописное отделение БАН. Его руководитель Всеволод Измайлович Срезневский (1867—1936) ежегодно отправлялся в археографические экспедиции и привозил оттуда десятки рукописей. Эта деятельность была прервана только разрухой послереволюционного времени.

Возрождение археографических экспедиций в послевоенное время связано с работой выдающегося археографа Владимира Ивановича Малышева (1910—1976), начинавшего свою деятельность в отделе рукописей БАН, где еще были живы традиции В. И. Срезневского. После Великой Отечественной войны В. И. Малышев продолжил археографическую деятельность в Институте русской литературы (Пушкинском Доме). Ежегодно он организовывал экспедиции в глухие деревни Русского Севера, проводил разъяснительную работу с местными жителями, уговаривая их передавать принадлежащие им рукописи в Институт русской литературы. В результате многолетней плодотворной деятельности В. И. Малышеву удалось собрать несколько тысяч рукописей древнерусской традиции, среди которых встречаются такие уникалы как, например, Пустозерский сборник, частично написанный рукой протопопа Аввакума, и др. В настоящее время созданное В. И. Малышевым древлехранилище Пушкинского Дома носит его имя; ежегодно проводятся Малышевские научные чтения по археографии.

Почин В. И. Малышева был подхвачен и в других научных и учебных учреждениях. М. Н. Тихомиров видел задачу возрожденной им Археографической комиссии в том числе в собирании древних рукописей. В 1958—1962 гг. Археографическая комиссия организовала экспедиции в Забайкалье и на Дальний Восток, с этого началось «археографическое открытие» Сибири. С начала 1970-х гг. археографическая деятельность развернулась в Свердловске, а позднее в Вологде, Горьком, Перми, Пскове, Ярославле, Сыктывкаре. В 1970 г. состоялась специальная научная конференция, посвященная опыту организации археографических экспедиций в РСФСР, а в 1976 г. — Первая Всесоюзная конференция по полевой археографии. В постсоветском пространстве археографические экспедиции существовать не смогли, и в настоящее время наблюдается их упадок. При этом пополнение крупных хранилищ Российской государственной библиотеки и Российской национальной библиотеки рукописями продолжается за счет покупки их у частных лиц.

В 1960—1970-е гг. состоялась передача рукописных собраний из региональных центров в Ленинскую и Публичную библиотеки. Продолжали

поступать на государственное хранение и частные коллекции. В качестве яркого примера можно назвать передачу собственной богатой коллекции рукописной книги М. Н. Тихомировым в фонды Государственной научно-технической библиотеки в Новосибирске.

История полевой археографии, т.е. собирания рукописей, еще не завершена. При этом уже не приходится ожидать обнаружения больших комплексов рукописей, так как большая часть рукописного фонда к настоящему времени собрана в государственных хранилищах. При всестороннем исследовании исторического источника необходимо четко представлять историю бытования рукописей, содержащих его текст, для чего и следует изучать историю археографии.

Задача камеральной археографии — описание рукописи. Традиция описания русских рукописей идет с конца XV в. Этим временем датируется первая опись монастырской библиотеки. Речь идет об описи книжного собрания Кирилло-Белозерского монастыря. Впоследствии, в XVI—XVIII вв., описи монастырских библиотек создавались регулярно (их дошло до нас несколько сотен), однако принципы описания рукописи почти не отличались от описи конца XV в. При описании рукописи указывались формат, содержание, оттенок кожи переплета (не всегда), состояние сохранности (в случае ветхости), данные о предыдущих владельцах на основании владельческих записей (редко). В XVIII в. было положено начало научному описанию рукописей. Петр I неоднократно поручал составить описание рукописных сокровищ Патриаршей библиотеки.

Первая попытка научного описания русских рукописей была предпринята сотрудником библиотеки Академии наук Андреем Ивановичем Богдановым (1692—1766), издавшим в 1742 г. «Камерный каталог», в котором он описал рукописи академической библиотеки, хранившиеся в специальной комнате («камере»). В «Камерном каталоге» рукописи описаны предельно кратко, по формуляру описания он оказывается близок к монастырской описи.

Иные традиции археографического описания принес в Россию в начале XIX в. коллекционер средневековых латинских и восточных рукописей дипломат Петр Петрович Дубровский (1754—1816). Он долгое время служил в русской дипломатической миссии в Париже, в том числе и в период Великой французской революции, когда происходило массовое расхищение церковных и частных рукописных собраний. П. П. Дубровскому удалось скупить наиболее древние рукописи знаменитой библиотеки Сен-Жерменского аббатства, которые были скрупулезно описаны французскими палеографами XVII—XVIII вв. Приехав в Россию в 1804 г., П. П. Дубровский составил описание самой ценной части своего собрания и способствовал публикации этого описания. В результате вся коллекция П. П. Дубровского была приобретена императором Александром I для Публичной библиотеки. Описание рукописей П. П. Дубровского по своему формуляру было значительно шире, чем все предшествующие описания, составленные в России. Здесь встречаем датировку рукописи, указание

на тип письма, характеристику художественного оформления, а также данные о записях на кодексе.

Наиболее подробным в XIX в. стал каталог рукописного собрания канцлера Н. П. Румянцева, составленный Александром Христофоровичем Востоковым (настоящая фамилия Остенек, 1781—1864). В описании А. Х. Востокова приводятся самоназвания всех статей каждой рукописи, а также начальные строки статьи — так называемый *инципит*. Кроме того, археограф указывал все без исключения значимые записи на кодексе, неизменно отмечая номера листов, на которых находится запись. В описании А. Х. Востокова были воплощены принципы археографического описания русской средневековой рукописи, которые в своей основе сохраняют актуальность и сейчас.

В советское время по инициативе М. Н. Тихомирова было начато составление каталога всех русских рукописей, хранящихся на территории страны. В 1984 г. вышел первый выпуск этого каталога, в котором описаны рукописи XI—XIII в. С 2002 г. увидел свет второй выпуск с описанием рукописей XIV в. Для подготовки столь фундаментального справочника в 1970—1990-е гг. были составлены и опубликованы методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей, в которых ведущие специалисты делились опытом описания разных типов древнерусских рукописей.

- ☉ Современное археографическое описание средневековой рукописи включает в себя внешнее описание, описание содержания, фиксацию записей и библиографические сведения о научных публикациях, в которых рассматривается данная рукопись.

Внешнее описание, как правило, начинается с указания на количество листов и формат. Следует иметь в виду, что в рукописи нумеруются листы, а не страницы, т.е. исследователь имеет дело с *фолиацией* (от лат. *folio* — лист), а не с *пагинацией* (от лат. *paginus* — страница). Номер листа ставится карандашом на нижнем поле. Как правило, листы с текстом нумеруются арабскими цифрами, а без текста — римскими. Таким образом, указание на количество листов в рукописи может выглядеть следующим образом: 358 + IX л. Номера листов указываются только по архивной фолиации, т.е. проставленной после поступления рукописи в архивохранилище. Более ранние фолиации и нумерации в расчет не принимаются.

Для того чтобы определить, какая именно фолиация является последней, нужно отыскать в рукописи заверочную запись или вложенный (либо приклеенный к крышке переплета) лист заверки, где указано количество листов в рукописи. Та фолиация, которая соответствует заверочной записи, и является архивной и действительной.

При определении *формата* (*in folio* — 1^о или F, *in quarto* — 4^о или Q, *in octavo* — 8^о или O и др.) исходят не столько из размеров рукописи, сколько из формата бумаги, определить который можно по расположению филигранны на листе. При определении формата пергаменных рукописей ориентируются на метрические показатели бумажных рукописей, иногда прибегая к терминам «малое фолио», «большая четверка» и т.п. Это обу-

словлено тем, что стандартов пергаменного листа не было. При описании пергаменных рукописей рекомендуется указывать размер кодекса (высоту и ширину) в сантиметрах.

При внешнем описании рукописи дается характеристика типа письма (устав, полуустав, скоропись), указываются границы почерков (например: «почерк 1: л. 1–25 об., почерк 2: л. 25 об. — 37»), описывается художественное оформление. В последнем случае не только перечисляются элементы художественного оформления (заставки, фронтисписы, орнаментированные инициалы, миниатюры), но и указываются места их расположения (номера листов), а также характеризуются стиль (византийский, тератологический, балканский, нововизантийский, старопечатный) и техника исполнения (монохромная или полихромная, пером или кистью). В этом же разделе описываются филигранные (указывается сюжет филигранный и литературное сопровождение) со ссылками на альбомы. Приводится и краткое описание переплета: его особенности («в затылок», «в сумку» и пр.), характер тиснения (слепое, золотом и пр.), наличие накладных украшений, тонирования или тиснения обреза рукописи.

Обязательным атрибутом внешнего описания рукописи является характеристика состояния ее сохранности: указание на дефекты (утрата или неверный порядок листов, характер порчи листов и переплета — ожоги, загрязнения, надрывы бумаги, повреждения от жука-точильщика и др.). Следует обращать внимание на состояние чернил. Если в них недостаток железа, то текст со временем бледнеет, становится нечитаемым и определяется как угасающий. Если же в чернилах переизбыток железа, то они прожигают бумагу насквозь и текст осыпается. Эти особенности, к сожалению, почти необратимые, следует отмечать при археографическом описании рукописи. Сообщается также о наличии и особенностях реставраций (например: «надорванные листы подклеены неперфорированной бумагой» и т.п.). Особенно важно указывать утрату листов. Для вычисления количества утраченных листов может помочь часто встречающаяся сигнатура тетрадей — порядковый номер, проставляемый на первом и иногда на последнем листе каждой тетради.

Содержание рукописи описывается исходя из жанровых особенностей произведений, входящих в состав кодекса. Здесь действует правило: описывается каждое произведение, даже если оно представлено небольшим фрагментом без начала и конца. Для него также указывается название и номера листов, на которых данный текст расположен в рукописи. Названия у средневекового произведения два: самоназвание и научное название, принятое в историографии. Иногда они совпадают, но чаще всего расходятся. В описании по возможности указывается научное название, в случае же невозможности его определить — самоназвание. Иногда указываются оба названия, причем самоназвание заключается в кавычки. Рекомендуется указывать также первые и последние слова текста (*инципит* и *эксплицит*). Это особенно важно при описании фрагментов или текстов с утратой начала или окончания. При описании документальных памятников важно установить разновидность документа, а также юридический статус (подлинник, копия, отпущик и пр.).

Записи, имеющиеся на кодексе, приводятся по возможности полностью. При этом указывается тип письма каждой записи и расположение ее в рукописи (например: «на нижнем поле л. 1–17 запись-скрепа скорописью XVII в.» и т.п.). Не указываются бессмысленные по содержанию пробы пера, имеющие целью расписать перо, для чего нередко использовались поля и листы без текста в рукописных книгах.

Эдичионная археография занимается изданием текста источников.

Издание источника осуществляется только по оригиналу — рукописному или, если таковой не сохранился, печатному. Всевозможные переиздания источников без обращения к оригинальному тексту, как правило, преследуют цели обучения или популяризации и не являются научными. Соответственно, тексты источников, опубликованные с обращением к рукописи, составляют сборники документов, а осуществленные по изданиям (при наличии рукописи) — хрестоматии.

Издания памятника средневековой письменности осуществляются либо по одному списку, либо по нескольким. В последнем случае издание называется *критическим*. Один список издается в качестве основного, а по остальным подводятся разночтения. Выбор текста для издания называется *рецензией* и зависит от того, какие цели преследует издание. Для наиболее полного и адекватного представления о содержании текста к изданию привлекаются наиболее древние списки, а также такие, в которых отразились самые ранние этапы истории текста издаваемого источника.

Существует несколько типов научного издания, которые различаются степенью приближения к рукописному оригиналу.

1. *Фототипическое издание* представляет собой фотографию листов рукописи, вмешательство издателя здесь сводится к минимуму. Так издаются наиболее древние и ценные источники. При фототипическом издании текст источника для читателя не прочитывается и не устанавливается, а это важные составляющие научного издания. Издатель, имея дело с подлинной рукописью, может лучше рассмотреть трудночитаемые места, предложить читателю свой вариант прочтения и понимания издаваемого текста. В фототипическом издании это отсутствует.

2. *Лингвистическое издание* представляет собой набор текста, но при этом наборе издатель по возможности точно следует рукописи, передает все буквы и их расположение (например, выносные), а также надстрочные знаки и знаки препинания, всевозможные сокращения и другие особенности рукописи. Таким образом, текст прочитан, но не установлен издателем, поскольку последний не определяет границы предложения, не расставляет знаки препинания. Текст по лингвистическому изданию трудно цитировать, зато в нем сохраняются особенности рукописи, позволяющие привлечь ее при изучении истории языка.

3. *Дипломатическое издание*. Так публикуются средневековые грамоты и другие документальные источники. Здесь текст издается с соблюдением современных правил пунктуации. Выносные буквы вносятся в строку, сокращения раскрываются. Таким образом, текст становится удобным для

пользования. Однако в средневековых грамотах бывают важны каждая буква, наличие принятых в приказной среде сокращений слов и т.п. В связи с этим выносные буквы в дипломатическом издании отмечаются курсивом, а реконструируемые издателем буквы (например, при раскрытии сокращений или при постановке в строку выносной буквы) заключаются в круглые скобки. Получается текст, с одной стороны, пригодный для цитирования а с другой — по возможности точно отражающий рукописный оригинал. Дипломатический тип издания используют и для публикации отдельных нарративных текстов.

4. *Историко-литературоведческое издание* используется в большинстве случаев для нарративных текстов позднесредневековой традиции. Устаревшие буквы заменяются на современные (как правило, оставляют только букву «ять» и твердый знак в конце слов после согласной), применяют современные правила пунктуации.

☞ **Общие правила издания**

Конец текста на странице оригинала обозначается двумя косыми чертами (/ /). При необходимости обозначить конец каждой строки используют одну косую черту (/).

Все, что вносится в текст публикатором, набирается курсивом: редакционные примечания в тексте, конъектурные поправки, буквенные условные обозначения списков в примечаниях, редакторские замечания в подстрочных примечаниях.

Для обозначения киновари используют полужирый шрифт; для предположительного (восстановленного) текста — угловые скобки (< >); для обозначения пропусков в тексте — многоточие в угловых скобках (<...>); для обозначения зачеркнутого текст заключают в прямые скобки ([ ]); если зачеркнутый текст трудночитаем и восстановлен предположительно, то помимо прямых скобок используют особый знак ([ ]*). В том случае, если в основном списке встречается испорченное чтение или лакуна, возможно восстановление текста по другому списку — издательская конъектура. Ее обязательно следует оговорить в примечании.

В *историко-литературоведческом издании* производится замена устаревших букв на современные: «иже десятиричное» — на «и»; «фита» — на «ф»; «кси» — на «кс»; «пси» — на «пс»; «омега» — на «о»; «юс большой», «ук» и «оу» — на «у»; «юс малый» и йотированные «аз» и «юс малый» — на «я»; йотированное «есте» — на «е»; йотированный «юс большой» — на «ю»; «ижица» — на «в» (после гласной, например, в слове «Евангелие») или «и» (после согласной, например, в слове «Египет»). Буква «й», как правило, при издании средневековых текстов не употребляется.

☞ Считается, что для публикации текстов раннесредневековой традиции (XI—XIV вв.) следует использовать лингвистический тип издания, а позднесредневековой (XV—XVII вв.) — дипломатический или историко-литературоведческий типы. Решение, по каким правилам издавать источник, принимает издатель, он же излагает и аргументирует его в археографическом введении (или предисловии, или послесловии) к изданию. Следует предостеречь про-

тив использования всего инструментария эдиционной археографии без необходимости. Нужно понимать, что издание не заменяет собой рукописный оригинал, оно адресовано читателю и должно помогать ему в восприятии источника и использовании его текста.

При издании источников Нового и Новейшего времени (XVIII—XXI вв.) на первый план выходит проблема рецензии, т.е. выбора комплекса источников (или одного источника) для издания. При этом издатель должен руководствоваться принципами научной новизны и актуальности (научной значимости) публикуемых материалов. Кроме того, издаваемые документы должны составлять единый комплекс. Это значит, что в подборе материалов для публикации нужно следовать некоему принципу, который обеспечит единство издаваемых под одной обложкой текстов.

☞ Выделяют несколько форм публикации источников: *тематическую* (издание источников по одной теме), *фондовую* (издание источников из фондов одного архивохранилища), *по номинальному признаку* (издание источников, принадлежащих к одной видовой группе, например, декреты Советской власти) и некоторые другие.

☞ При издании источников XVIII—XXI вв. допускается и даже рекомендуется не указывать границы и нумерацию страниц или листов оригинала. Номера листов, на которых читается издаваемый текст, а также архивный шифр рукописи, как правило, указывают после текста документа. Эта позиция называется *археографической легендой*, объем которой при необходимости можно увеличить и указать все необходимые сведения об оригинале издаваемого текста. Орфография при передаче текста модернизируется, все устаревшие буквы заменяются на современные.

3.7. Источниковедение и квантитативная история.

Количественные методы исследования массовых источников

☞ Историки часто имеют дело с источниками, в которых объем содержащихся сведений чрезвычайно велик: с материалами переписей и социологических обследований, делопроизводственной документацией и т.п. Подобные источники содержат наряду с непосредственно выраженной в исходных данных и скрытую информацию, характеризующую взаимосвязи между явлениями исторической действительности. Такие источники принято называть *массовыми*.

Интерес к массовым источникам в отечественной науке стал особенно заметен с середины XX в., однако до сих пор не существует общепринятого определения этого понятия. В 1964 г. Б. Г. Литвак предложил понимать под массовыми «источники, которые имеют или которым можно придать сравнительно разработанный формуляр, что дает возможность содержащиеся в них отдельные частные факты, сами по себе имеющие ограниченную для исторического исследования ценность, подвергнуть статистической или

иной обработке и научной группировке для получения данных обобщающего характера». В 1965 г. Б. Г. Литвак уточнил это определение в статье, написанной в соавторстве с М. П. Губенко: «Под массовыми источниками мы разумеем такие документы, которые отражают единичный факт или явление, сами по себе имеющие ограниченный интерес, но в совокупности позволяющие выяснить ту или иную закономерность». Авторы подчеркивали, что по своей форме подобные документы представляли определенный формуляр или его зачатки.

В 1979 г. в монографии «Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в.» Б. Г. Литвак вновь обратился к определению массовых источников, предложив относить к таковым документы, «само возникновение которых связано с повседневностью во всех ее проявлениях, с элементарной необходимостью фиксации этих проявлений, будничных сторон социальной жизни». Ученый выделил *признаки* массовых источников: ординарность обстоятельств происхождения; однородность, аналогичность или повторяемость содержания; однотипность формы, тяготеющей к стандартизации. Таким образом, наличие достаточно большого количества единиц наблюдения Б. Г. Литвак не считал определяющим признаком. Из числа массовых источников исключалась статистика на том основании, что статистическое наблюдение «не имеет никакой научно-статистической заданности, не имеет цели изучить данное явление или факт, а только регистрирует его или спонтанно возникает как часть этого факта».

С конца 1970-х гг. все больше сторонников стала приобретать точка зрения И. Д. Ковальченко, согласно которой массовыми являются источники, характеризующие такие объекты действительности, которые образуют определенные общественные системы с соответствующими структурами. Массовые источники отражают сущность и взаимодействие массовых объектов, составляющих эти системы, а следовательно, строение, свойства и состояние самих систем. Этот подход позволяет признать массовыми источниками не только отдельные документы, отражающие единичные факты или явления, но и содержащие факты обобщенные, такие как статистика (в том числе статистические публикации), материалы личного учета, документы с разработанными формами и другие подобные, а также нарративные источники (после «частотных, классификационных преобразований»). Подобное понимание стало преобладающим в отечественной историографии.

☞ Таким образом, согласно точке зрения Б. Г. Литвака, принадлежность источников к массовым следует из их собственной структуры, а также функций и особенностей бытования.

Согласно концепции И. Д. Ковальченко источники относятся к массовым, исходя из потребностей исследователя в информации о массовых явлениях: массовым является тот источник, который такую информацию предоставляет. Различие двух подходов не ограничивается спецификой массовых источников, а выводит на две модели источника: источник как система, обладающая независимыми от исследователя структурой и функциями, и источник как оболочка для множества данных. Общепринятой точки зрения по данному вопросу не существует.

Мнение

М. Ф. Румянцева утверждает, что определение школы И. Д. Ковальченко почти не принимает во внимание природу массовых источников, так как речь идет только об особенностях отражаемых ими явлений. Это соответствует источниковедческой парадигме, в которой в качестве исторического источника понимается все, что дает информацию о прошлом человеческого общества. В таком случае возникает вопрос: что должен представлять из себя предмет, чтобы он мог дать информацию об историческом событии и какими должны быть источники для того, чтобы они давали информацию о массовых явлениях? М. Ф. Румянцева также критикует включение в число массовых источников статистических материалов на том основании, что в них приводится множество цифр, а статистика может исказить явление до полной неузнаваемости. По ее мнению, критерий отнесения источников к массовым — их качественная, а не количественная характеристика: «Массовость не тождественна множественности, понятие массовости противостоит не понятию единичности, а понятию уникальности исторического источника». В связи с этим источники относятся к массовым, если они возникли в повседневной жизни, имеют однородное содержание и форму, тяготеющую к стандартизации.

По степени формализации среди массовых источников условно могут быть выделены:

1) *формализованные источники* — документы, имеющие стандартные разработанные формы, идентичные или близкие к статистическим (анкеты, листки по учету кадров, описи имущества и т.п.), а также результаты их обработки;

2) *полуформализованные источники* — документы, которые не имеют разработанной формы, но описывают стандартные ситуации и положения (характеристики, автобиографии, жалобы, письма в газеты и пр.);

3) *неформализованные источники* — документы эпистолярного и мемуарного жанра.

Мнение

Закономерен вопрос: можно ли использовать понятие «массовый источник» по отношению к документам с нетрадиционными носителями информации, например, аудиовизуальным, звуковым и др.?

В. М. Магидов считает, что это вполне возможно, если пойти по пути более универсальной трактовки понятия, согласно которой массовые документы не являются какой-то особой разновидностью, поскольку их формальные характеристики в определенной мере присущи всем историческим источникам. Иначе говоря, ученый ставит вопрос не о массовых источниках, а о массовой информации, заключенной в различных типах источников, в том числе управленческой, научно-технической документации, кино-, фото- и фонодокументах и др.

В. М. Магидов отмечает, что кино-, фото- и фонодокументам присущи некоторые черты, благодаря которым их можно условно отнести к категории массовых источников: широта документирования событий и явлений, большой объем производства, возможность тиражирования, доступность,

универсальность их воздействия на духовный и эмоциональный мир человека. Отдельно взятый фильм, фотография, радиопередача повседневно отражают выборочные события или факты, не составляющие достаточно полной картины об определенном историческом периоде. Однако в совокупности они позволяют выявить закономерности развития общества, которые возможно определить только посредством документов, несущих массовую информацию.

В зарубежной исторической науке отсутствует термин «массовые источники», и существует понятие «массовые данные» (*mass data*). Проблемы работы с этими данными сводятся к особенностям их обработки с помощью современных информационных технологий. По мнению И. Д. Ковальченко, источник — система более высокого уровня, а данные — подсистема, возникающая в результате целенаправленной исследовательской деятельности.

Для эффективного использования и широкого вовлечения в научный оборот массовых источников требуется применение специальных методов. Необходимая исследователю информация может быть получена в ходе описательного и (или) количественного анализа. В первом случае историк часто вынужден оперировать весьма приблизительными оценками («больше — меньше», «медленно — интенсивно»), особенно если речь идет об изучении «неуловимых» проблем истории: общественного мнения, религиозности, мотивации поведения и т.п. Очевидно, что существует потребность в более точном выражении этих проблем, т.е. в выявлении их количественной меры.

Количественный анализ также становится необходимым для выявления скрытой в источнике информации и повышения тем самым его информационного потенциала.

Количественный анализ — выявление и формирование системы численных характеристик изучаемых объектов, явлений и процессов действительности, которые в ходе математической обработки создают основу для раскрытия количественной меры соответствующего качества. Таким образом, количественные методы не противостоят качественным, а могут стать закономерной составной частью исследования.

Считается, что первые опыты применения количественных методов для обработки исторических материалов относятся к 1660-м гг., когда английские «политические арифметики» Д. Граунт и В. Петти попытались проанализировать данные демографии. Одним из основоположников источниковедения массовой документации в России можно считать Д. П. Журавского (1810—1856), который в работе «Об источниках и употреблении статистических сведений» (Киев, 1846) воспользовался естественной формализацией содержания документов для статистического обобщения имеющейся в них информации.

Активное использование количественных (математико-статистических) методов анализа исторических источников началось со второй половины XIX в., когда стали применяться простейшие статистические методы

(группировка, расчет показателей вариации и др.). Однако особый интерес к ним возник в связи с развитием вычислительной техники в XX в. В науке сформировалось особое направление, получившее название *квантитативная история*.

¶ *Квантитативная* (от англ. *quantity* — количество) *история* (в отечественной историографии 1960—1990-х гг. использовался также термин «количественные методы в исторических исследованиях») — междисциплинарное научное направление, представляющее собой совокупность концепций и средств формализации и анализа информации исторических источников с помощью математических методов.

Французский ученый Ле Руа Ладюри под впечатлением от происходивших во второй половине XX в. в исторической науке дискуссий о месте квантитативной истории в системе наук записал: «Либо историк будет программистом, либо не будет никем». В СССР в 1960-е гг. также были сконструированы универсальные ЭВМ такого масштаба, что позволяли ведущим научным коллективам создавать у себя вычислительные центры. Сильная школа квантитативной истории сложилась на базе МГУ благодаря усилиям И. Д. Ковальченко. В 1968 г. в составе отделения истории Академии наук СССР была создана Комиссия по применению ЭВМ и математических методов в исторических исследованиях.

Квантитативная история развивалась на основе идеи точного, *верифицируемого* измерения информации и последующего ее статистического анализа, и на начальном этапе предполагалось автоматическое разрешение с помощью ее методов многих спорных проблем истории, что дало повод позднее назвать этот этап романтическим.

В рамках квантитативной истории могут быть решены несколько *научных проблем*, в том числе:

- *создание и сопровождение архивов машиночитаемых данных;*
- *восстановление истории семей;*
- *статистический анализ данных;*
- *изучение текстов;*
- *моделирование исторических процессов и явлений.*

Работа с массовыми источниками имеет свою специфику. Очевидно, что создать единую методику вряд ли возможно, поскольку каждый из источников имеет свои особенности формализации, пределы информативности. Однако некоторые аспекты методики работы с массовыми источниками имеют общезначимый характер.

Исходная задача источниковедческого изучения массовых источников — выявление их комплексов, характеризующих различные стороны, явления и процессы исторической действительности. Сложность в том, что нередко массовые данные собирались различными ведомствами, по неодинаковым программам и различными методами. Некогда упорядоченные комплексы документов оказались разрозненными, утраченными и пр. В связи с этим для их выявления и систематизации надо проделать значительную работу.

Важнейшей задачей источниковедческого анализа массовых источников является установление *репрезентативности* (представительности) содержащихся в них данных. Необходимо проверить представительность данных в количественном отношении, т.е. насколько они равномерно охватывают совокупность объектов и их разновидности, а также выяснить, насколько заключенные в них сведения позволяют раскрыть суть исследуемых явлений и процессов.

Существенной является проверка сопоставимости в пространстве и времени данных массовых источников, поэтому выяснение целей, программ и методов сбора информации об изучаемых объектах играет важнейшую роль.

Специфика массовых источников состоит в том, что при работе с ними необходимо стремиться к положению, при котором результаты их статистического анализа могли быть использованы для сравнительной характеристики аналогичных явлений (в соседних регионах, других хронологических периодах). Иными словами, каждый индивидуальный исследовательский результат должен совмещаться с другими индивидуальными результатами. Если результат такой способностью не обладает, наука в целом получает только иллюстративный эмпирический материал. В связи с этим особое значение придается выбору и корректному описанию применяемых количественных методов.

☉ Основные этапы источниковедческого изучения массовых источников:

- 1) постановка исследовательской задачи;
- 2) выявление и отбор источников; их *репрезентативность* (представительность) определяется тем, в какой мере показатели отражают те черты и свойства, которые характеризуют внутреннюю суть изучаемых явлений и процессов (качественная репрезентативность), а также достаточностью для получения надежных признаков (количественная репрезентативность);
- 3) выбор количественного метода;
- 4) математическая обработка и анализ количественных данных;
- 5) интерпретация полученных результатов.

Основные методы квантитативной истории:

- *методы дескриптивной статистики* (для статистического описания совокупности объектов);
- *выборочный метод* (для оценки параметров генеральной совокупности по выборочным данным);
- *корреляционный и регрессионный анализ* (для анализа взаимосвязей);
- *кластерный и факторный анализ* (для классификации объектов или признаков);
- *контент-анализ* (для анализа содержания документальных источников).

Применяются также эконометрические методы, методы спектрального анализа, теории игр, методы визуализации и моделирования, концепции синергетики и др.

Активное развитие электронно-вычислительной техники в последние десятилетия способствует тому, что обработка массовых источников в настоящее время все чаще проводится с использованием информационных технологий (подробнее § 3.8). В частности, историки получили возможность использовать различные виды программного обеспечения, в том числе:

— статистические пакеты (STATISTICA для Windows, Statgraphics, SPSS и др.) для анализа статистических источников и источников с неколичественной информацией;

— электронные таблицы (Lotus 1-2-3, Quattro Pro, Excel и др.) для работы со статистическими источниками, которые представлены в форме таблиц;

— системы управления базами данных (DBASE, FoxPro, Paradox и др.) для обработки статистических источников, структурированных массовых источников, имеющих единый формуляр (метрические книги, личные дела, анкеты и др.), текстовых (нарративных) источников.

Обращение к количественным методам позволило перенести центр тяжести с изучения отдельных исторических событий и процессов на исследование историко-типологических структур (этноконфессиональная, социальная структура общества, имущественные, аграрные отношения), а также на раскрытие через статистические тенденции закономерностей массовых общественных явлений.

3.8. Использование методов исторической информатики в источниковедении

Еще в эпоху больших ЭВМ в квантитативной истории началось создание и использование машиночитаемых данных, что получило новый импульс в процессе микрокомпьютерной революции 1980-х гг. Коллекции машиночитаемых (переведенных в электронную форму) данных получили название баз данных, которые в широком смысле представляют собой информационный массив, хранящийся в вычислительной системе. Сегодня существует множество различных определений термина «база данных», опирающихся обычно на две характеристики: цель (информационное обеспечение интересов пользователей) и способ хранения (машиночитаемые данные в памяти компьютера).

У каждого исследователя имеется персональный «архив» информации, которая хранится в виде вырезок, выписок, публикаций. Компьютер предоставляет возможность систематизации этих материалов в базе данных, электронный вариант которой более удобен для хранения и обработки и создает возможности использования другим исследователем, позволяя избежать дублирования части операций. Практически любую коллекцию машиночитаемой информации можно перевести в базу данных, что позво-

ляет эффективно проводить поиск с помощью соответствующей *системы управления базами данных* (далее — СУБД).

В ходе микрокомпьютерной революции 1980-х гг., когда появились микропроцессоры, а персональные компьютеры стали доступны массовому пользователю, началось формирование нового направления в исторической науке — исторической информатики.

☞ *Историческая информатика* — научная дисциплина, изучающая закономерности процесса информатизации исторической науки, связанная с источниковедческой оценкой электронных ресурсов, использующая аналитические компьютеризированные средства и проводящая апробацию компьютерных технологий в исторических исследованиях. Ее теоретической основой является теоретическое источниковедение, а прикладной — информационные (компьютерные) технологии.

Историческая информатика изначально развивалась в рамках количественной истории. Когда исследователи стали применять компьютерные методы и информационные технологии к текстовым источникам, возникла необходимость в разработке *источнико-ориентированного* подхода, учитывающего специфику источников с их размытостью данных.

Немецкий ученый Манфред Таллер разработал концепцию о фундаментальном различии между «обычной» обработкой данных и обработкой собственно исторических, порой слабо структурированных, данных. Источнико-ориентированная обработка данных, в его концепции, представляет собой попытку смоделировать на компьютере все многообразие информации источника. Конкретной реализацией этой идеи в 1980-х гг. стала источнико-ориентированная СУБД «Клеω» (Kleio, Клио). В системе «Клеω» работа с источником осуществлялась путем сопоставления фрагментов его текста с отдельными элементами базы данных. Любой запрос исследователя интерпретировался в соответствии со знаниями об источнике в памяти компьютера.

В середине 1990-х гг. возник термин «компьютерное источниковедение», подразумевающий создание и обработку машиночитаемых источников с помощью компьютерных технологий. *Компьютерное источниковедение* можно считать составной частью исторической информатики. В рамках источниковедческой эвристики оно ориентировано на технологии создания баз данных, репрезентацию исторических источников, подготовку электронных публикаций, а также на аналитическое источниковедение, в центре внимания которого находится методика изучения и критики исторических источников, направленная на раскрытие их информационного потенциала.

С наступлением эпохи микрокомпьютеров, в 1990-е гг., происходит перенос акцентов с архивов машиночитаемых данных на базы и банки данных, а затем появляется понятие «electronic information resources» (*информационные ресурсы*). Таким образом, основными предпосылками формирования исторической информатики как нового научного направления явились использование сложных методов анализа числовой и тек-

стовой информации, применение которых невозможно без использования компьютеров, и тенденция к созданию в процессе исследования информационных ресурсов с возможностью их вторичного многоаспектного использования. В конце 1980-х — первой половине 1990-х гг. историческая информатика оформилась как самостоятельное направление в исторических исследованиях.

С самого начала становления исторической информатики в центре ее внимания были технологии, связанные с созданием и анализом баз данных, затем начинается освоение мультимедийных подходов к работе с электронными ресурсами, куда включаются базы данных, тексты, компьютерные карты и другая аудиовизуальная информация. С развитием сетевых технологий происходит определенное сближение подходов в работе с табличными и полнотекстовыми базами данных. В исторической информатике этот подход открывает новые перспективы при создании тематических электронных ресурсов, представляющих собой обширные коллекции данных различных видов. Интересной перспективой развития исторической информатики является расширение и углубление контактов между исторической наукой и наукой информационной в русле концепции *e-Humanities* (где *e* означает *electronic*), в которой ведущую роль играют информационные и вычислительные ресурсы, доступные пользователям через глобальные компьютерные сети.

Первая половина 1990-х гг. связана со становлением исторической информатики в России, освоением базовых информационных технологий, вторая половина — этап заметного расширения методического и технологического инструментария исследований. Первая половина 2000-х гг. прошла под знаком сетевых технологий, с середины первого десятилетия XXI в. происходит поворот к источнику-ориентированным подходам, методам и технологиям.

В 1986 г. была образована международная ассоциация «History and Computing», а затем ее национальные ветви, в том числе в 1992 г. ассоциация «История и компьютер», объединяющая специалистов из России и стран Содружества Независимых Государств. Под эгидой Ассоциации «История и компьютер» издается серия материалов ежегодных конференций ассоциации «Круг идей», а также информационный бюллетень. В настоящее время на постсоветском пространстве существуют более 20 центров исторической информатики.

Справка

Англоязычные варианты названия «историческая информатика», используемые с 1980-х гг. — *History and Computing* или *Historical Computing* — в начале 2000-х гг. было предложено заменить на *Historical Information Science* — наука о процессах сбора, хранения, поиска, обработки и передачи информации с помощью компьютерных технологий. Сегодня наряду с этими привычными терминами (историческая информатика, *Historical Information Science*) все чаще используется термин «Digital History» (буквально — цифровая история). Обычно он связан с применением цифровых медиа и инструментов в практике исторических исследований и ориентирован на разработку электрон-

ных текстов, интерактивных карт, виртуальных реконструкций, оцифровку архивных, музейных и библиотечных фондов и т.п. Таким образом, понятие «Digital History» является более узким, чем *Historical Information Science* или историческая информатика.

При создании массива машиночитаемых данных необходимо не только адекватно перенести информацию с бумажного носителя, но и сохранить возможность оперирования этой информацией. Фактически база данных должна представлять собой информационную модель либо исторического источника, либо исследовательской проблемы. Большинство исторических баз данных на первом этапе развития исторической информатики создавались в ходе решения конкретных исторических задач и представляли собой *проблемно-ориентированные* базы данных.

☞ Термин «проблемно-ориентированный» означает, что в соответствии с задачами исследования данные из источников отбираются направленно, для решения конкретной научной проблемы с помощью определенного метода. Этот термин противостоит понятию «источнико-ориентированный», под которым подразумевается сохранение информации источника во всей полноте в его компьютерной модели.

В рамках проблемно-ориентированного подхода исследователь отбирает необходимую информацию из целого комплекса источников, частично или фрагментарно содержащих нужные сведения. В результате создаваемые электронные источники приобретают комплексный характер. Кроме того, исходные данные при переводе источников в электронный вид обычно подвергаются трансформации: кодирование текстовой информации, реструктуризация исходных групп объектов и пр. В итоге проблемно-ориентированный источник не представляет собой электронной копии традиционного бумажного аналога, являясь лишь авторской электронной версией или новым источником, созданным в процессе исторического исследования. Такой источник можно дополнить, изменить, объединить с другими. Это позволяет историкам выступать в роли не только потребителей, но и создателей информации.

На рубеже XX—XXI вв. обозначился синтез проблемно- и источнико-ориентированного подходов.

📖 Мнение

И. М. Гарскова считает, что правильнее говорить об источнико-ориентированной обработке данных и проблемно-ориентированном подходе к анализу. При подобном подходе эти термины относятся к разным этапам работы историка и друг другу не противоречат.

В 2000-е гг. в Интернете активно используется новый язык гипертекстовой разметки XML (*eXtensible Markup Language*), описывающий целый класс данных, называемых XML-документами. XML позволяет осуществлять контроль за корректностью документальных данных и устанавливать единый стандарт на структуру документов, содержанием которых могут

быть самые различные данные. В связи с этим его очевидное достоинство — использование в качестве универсального языка запросов к хранилищам информации.

☉ Один из крупнейших представителей исторической информатики в России Леонид Иосифович Бородкин выделяет следующие основные направления применения технологий исторической информатики:

- моделирование данных;
- электронная публикация источников (с использованием XML-технологий);
- компьютеризированный анализ нарративных источников, выявление структур текста;
- апробация новых методов статистического анализа;
- адаптация информационно-поисковых систем для работы с историческими ресурсами;
- мультимедиа, визуальные реконструкции, моделирование (включая Географическую информационную систему, графику, 3D-реконструкции и пр.);
- электронные публикации (онлайновые журналы исторического профиля, выставки документов, книг, музейных экспонатов).

Так, одно из крупнейших собраний материалов по Отечественной войне 1812 г. размещено на интернет-портале «1812 год»¹. В качестве примеров электронных ресурсов можно привести также интегральную базу данных «Жертвы политического террора», расположенную на сайте общества «Мемориал»². На этом же сайте размещены материалы по истории большого террора, истории тюрем и лагерей, депортаций, деятельности органов государственной безопасности, движения инакомыслия³. На базе исторического факультета МГУ разработан тематический электронный ресурс «Эволюция трудовых отношений в российской промышленности: от дореволюционной индустриализации к советской»⁴. В рамках проекта «Победители: солдаты Великой войны» создана мультимедийная карта войны⁵.

Контрольные вопросы и задания

1. Что такое историческая эвристика?
2. Что такое историко-критический метод изучения источников?
3. Что такое сравнительный метод изучения источников?
4. Опишите по шагам этапы работы исследователя с историческим источником.
5. К какому времени следует относить и с какими событиями связывать зарождение палеографии в Западной Европе?
6. Что изучает палеография?
7. Охарактеризуйте типичные и нетипичные гаплографические и диттографические ошибки.

1 См.: URL : <http://www.museum.ru/1812/index.html>

2 См.: URL : <http://www.lists.memo.ru>

3 См.: URL : <http://www.memo.ru/os/319.html>

4 См.: URL : <http://www.hist.msu.ru/Labour/index.html>

5 См.: URL : <http://www.pobediteli.ru>

8. Перечислите вспомогательные исторические дисциплины, смежные с палеографией.
9. Охарактеризуйте основные черты устава и их эволюцию.
10. Выделите и охарактеризуйте основные черты полуустава.
11. Выделите и охарактеризуйте основные черты скорописи.
12. Дайте определение кодикологии.
13. Дайте определение понятиям «архетип», «протограф», «список», «редакция», «извод».
14. Охарактеризуйте текстологические приметы, обусловленные ошибками прочтения, запоминания, внутреннего диктанта, письма.
15. Объясните, почему в XX в. изменились подходы к историческому источнику.
16. Объясните сущность «постмодернистского вызова» и «лингвистического поворота». Какое влияние они оказали на источниковедение?
17. Что такое историческая герменевтика?
18. В чем заключается проблема прочтения терминологии источников в ее современной интерпретации?
19. Что такое дипломатика?
20. Каково соотношение дипломатики и документоведения?
21. Назовите основные историографические вехи развития дипломатики.
22. Назовите основные центры собирания рукописей в России.
23. Охарактеризуйте основные позиции археографического описания средневековой рукописи.
24. Опишите основные принципы актовой археографии.
25. Перечислите основные принципы издания средневековых текстов и текстов Нового времени.
26. Дайте определение понятий «рецензия текста», «археографическая легенда».
27. Дайте определение массовых источников.
28. Что такое количественный и качественный анализ данных?
29. Охарактеризуйте основные этапы источниковедческого анализа массовых источников.
30. Какие научные проблемы можно решать с помощью методов количественной истории?
31. Как соотносятся между собой количественная история и историческая информатика?
32. Проведите эвристический поиск источника по конкретной исторической теме (например, по теме своей курсовой работы).
33. Возьмите конкретный источник и по шагам проведите его историко-критический анализ.
34. Возьмите два похожих источника (например, два летописных рассказа о битве) и проведите их сравнительный анализ.

Основная библиография по главе 3

1. *Аникеев, И. А.* Историческая информатика в России. — Ставрополь, 1999.
2. *Анкерсмит, Ф.* История и тропология: Взлет и падение метафоры. — М., 2003.
3. *Бессмертный, Ю. Л.* Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // *Одиссей: человек в истории.* — М., 1995.
4. *Блок, М.* Апология истории, или Ремесло историка. — М., 1986.
5. *Бородкин, Л. И.* Историческая информатика в точке бифуркации: движение к Historical Information Science // *Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики* / отв. ред. Л. И. Бородкин, В. Н. Владимиров. — М.; Барнаул, 2005.

6. *Бородкин, Л. И.* Историческая информатика: этапы развития // Новая и новейшая история. — 1997. — № 1.
7. *Бородкин, Л. И.* Квантитативная история в системе координат модернизма и постмодернизма // Новая и новейшая история. — 1998. — № 5.
8. *Бородкин, Л. И.* Методологические проблемы исторической информатики и квантитативной истории // Новая и новейшая история. — 1997. — № 3, 5.
9. *Бородкин, Л. И.* Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. — М., 1986.
10. *Бородкин, Л. И.* Новые тенденции развития исторической информатики: по материалам 15-й международной конференции «История и компьютер» / Л. И. Бородкин, В. Н. Владимиров, И. М. Гарскова // Новая и новейшая история. — 2003. — № 1.
11. *Брачев, В. С.* Петербургская археографическая комиссия (1834—1929). — СПб., 1997.
12. *Варадинов, Н. В.* Делопроизводство. Руководство к составлению всех родов деловых бумаг и актов по данным формам и образцам. — СПб.; М., 1873. — Ч. 1—4.
13. *Введенский, А. А.* Лекции по документальному источниковедению истории СССР (дипломатика). — Киев, 1963.
14. *Виноградов, В. М.* «Устная история» и комплектование государственных архивов: постановка проблемы / В. М. Виноградов, А. В. Рябов // Актуальные проблемы советского архивоведения. — М., 1986.
15. *Габитова, Р. М.* «Универсальная» герменевтика Фридриха Шлейермахера // Герменевтика: история и современность. — М., 1985.
16. *Гадамер, Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. — М., 1988.
17. *Гарскова, И. М.* Базы и банки данных в исторических исследованиях. — М., 1994.
18. *Гарскова, И. М.* Историческая информатика и квантитативная история: преемственность и взаимодействие // Анализ и моделирование социально-исторических процессов. — М., 2006.
19. *Гарскова, И. М.* К вопросу об истории исторической информатики // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». — 2008. — № 35.
20. *Гуревич, А. Я.* Историк конца XX века в поисках метода // Одиссей. Человек в истории. — М., 1996.
21. *Гуревич, А. Я.* Исторический синтез и школа «Анналов». — М., 1993.
22. *Данилевский И. Н.* Источниковедение: Теория. История. Метод / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. — М., 1996.
23. *Данилевский, И. Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. — М., 2004.
24. *Добрушкин, Е. М.* Основы археографии : учеб. пособие. — М., 1992.
25. Документальные памятники: выявление, учет, использование : учеб. пособие / под ред. С. О. Шмидта. — М., 1988.
26. *Жуковская, Л. П.* Научное факсимильное издание древних рукописей // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. — Л., 1981.
27. *Жуковская, Л. П.* Развитие славяно-русской палеографии. — М., 1963.
28. *Зверева, Г. И.* Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей: Человек в истории. — 1996.
29. *Иванов, А. С.* Работа с XML-документом как воспроизведение основных этапов источниковедческой критики: новые технологии и возможность коррекции традиционных подходов // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». — 2006. — № 34.

30. *Иггерс, Г.* История между наукой и литературой: Размышления по поводу историографического подхода Хейдена Уайта // Одиссей. Человек в истории. — М., 2001.
31. *Ильин, И. П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа. — М., 1998.
32. *Илюшенко, М. П.* Документ и системы документации / М. П. Илюшенко, Т. В. Кузнецова, Я. Э. Лившиц. — М., 1977.
33. *Истрин, В. А.* 1100 лет славянской азбуки. — М., 1976.
34. *Истрин, В. А.* Развитие письма. — М., 1961.
35. *Камчатнов, А. М.* История и герменевтика славянской Библии. — М., 1998.
36. *Камчатнов, А. М.* Лингвистическая герменевтика. — М., 1995.
37. *Каравашкин, А. В.* Опыт исторической феноменологии / А. В. Каравашкин, А. Л. Юрганов. — М., 2003.
38. *Каравашкин, А. В.* Регион Докса. Источниковедение культуры / А. В. Каравашкин, А. Л. Юрганов. — М., 2005.
39. *Карский, Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. — М., 1979.
40. *Каштанов, С. М.* Актовая археография. — М., 1998.
41. *Каштанов, С. М.* Очерки русской дипломатики. — М., 1970.
42. *Каштанов, С. М.* Русская дипломатика. — М., 1988.
43. *Кащенко, С. Г.* Реформа 19 февраля 1861 г. на Северо-Западе России (количественный анализ массовых источников). — М., 1995.
44. *Кнабе, Г. С.* Общественно-историческое познание второй половины XX века, его тупики и возможности их преодоления // Одиссей. Человек в истории. 1993. — М., 1994.
45. *Ковальченко, И. Д.* Методы исторического исследования. — М., 1987.
46. *Козлов, В. П.* Русская археография конца XVIII — первой четверти XIX в. — М., 1999.
47. Количественные методы в исследованиях по истории советского рабочего класса и крестьянства : сб. науч. тр. / отв. ред. Т. И. Славко. — Свердловск, 1991.
48. Количественные методы в исторических исследованиях : учеб. пособие / под ред. И. Д. Ковальченко. — М., 1984.
49. *Копосов, Н. Е.* Как думают историки. — М., 2002.
50. *Королев, Г. И.* Археографическое оформление документов в иностранных публикациях исторических источников : учеб. пособие. — М., 1987.
51. *Королев, Г. И.* Медиевистическая археография за рубежом: труды XVI—XVIII вв. — М., 2001.
52. *Королев, Г. И.* Медиевистическая археография за рубежом: труды XIX — начала XX в. — М., 2003.
53. *Королев, Г. И.* Научно-справочный аппарат зарубежных изданий исторических документов (XX в.) : учеб. пособие. — М., 1982.
54. *Королев, Г. И.* Факсимильное издание исторических источников : учеб. пособие / Г. И. Королев, С. В. Чирков. — М., 1990.
55. *Коршева, И. И.* История археографии в дореволюционной России : учеб. пособие / И. И. Коршева [и др.]. — М., 1969.
56. *Кром, М. М.* Историческая антропология : пособие к лекционному курсу. — СПб., 2004.
57. *Крушельницкая, Е. В.* Палеография // Специальные исторические дисциплины : учеб. пособие. — СПб., 2003.
58. *Кузнецов, В. Г.* Герменевтика и гуманитарное познание. — М., 1991.
59. *Ланглюа, Ш.-В.* Введение в изучение истории / Ш.-В. Ланглюа, Ш. Сеньобос. — СПб., 1899.

60. *Литвак, Б. Г.* Источниковедение массовой документации и теория архивоведения // Массовые документы и проблемы архивоведения. — М., 1985.
61. *Литвак, Б. Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. — М., 1979.
62. *Лихачев, Д. С.* Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков. — Л., 1962 — 2-е изд., перераб. и доп. — Л., 1983 ; 3-е изд., доп. — СПб., 2001.
63. Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / отв. ред. И. Д. Ковальченко. — М., 1979.
64. Массовые источники по социально-экономической истории советского общества / отв. ред. И. Д. Ковальченко. — М., 1979.
65. Математические методы в исторических исследованиях. — М., 1972.
66. Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях. — М., 1989.
67. *Медушевская, О. М.* История источниковедения в XIX—XX вв. — М., 1988.
68. *Медушевская, О. М.* Теоретические проблемы источниковедения : учеб. пособие. — М., 1977.
69. Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей. — М., 1976.
70. Методы количественного анализа текстов нарративных источников. — М., 1983.
71. *Миронов, Б. Н.* История в цифрах. — Л., 1991.
72. *Миронов, Б. Н.* Историк и математика / Б. Н. Миронов, З. В. Степанов. — М., 1975.
73. *Митяев, К. Г.* Документоведение, его задачи и перспективы // Вопросы архивоведения. — 1964. — № 2.
74. *Михайлов, М. И.* Памятники русской вещевой палеографии. — СПб., 1913.
75. *Мучник, В. М.* Историческое сознание на пороге XXI века. От логоса к мифу // Методологические и историографические вопросы исторической науки. — Томск, 1999. — Вып. 25.
76. *Мучник, В. М.* От классики к постмодерну: о тенденциях развития современной западной исторической мысли / В. М. Мучник, И. Ю. Николаева // К новому пониманию человека в истории. — Томск, 1994.
77. Орнаментика русских рукописей XI—XVII веков (по материалам Отдела рукописей Гос. исторического музея) // Древнерусское искусство. Рукописная книга. — Сб. 2. — М., 1974.
78. Отбор исторических источников для публикации в различных типах и видах изданий документов : метод. рекомендации. — М., 1986.
79. Палеографический альбом. — Л., 1966.
80. *Подгаецкий, В. В.* «Историческая информатика» как источниковедение XX и / или XXI века? Pro et contra: Ad nomen // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе. — М., 2001.
81. *Покровский, Н. Н.* О принципах издания документов XX века // Вопросы истории. — 1999. — № 6.
82. Правила издания исторических документов в СССР. — М., 1990.
83. Проблемы публикации документов по истории России XX века : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. Д. Степанский. — М., 2001.
84. Публикация мемуарных источников : метод. пособие. — М., 1972.
85. *Рейсер, С. А.* Основы текстологии. — Л., 1978.
86. *Рейсер, С. А.* Палеография и текстология Нового времени. — М., 1970.
87. *Рейсер, С. А.* Русская палеография Нового времени. Неография : учеб. пособие. — М., 1982.

88. *Ретина, Л. П.* Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // *Одиссей. Человек в истории.* — М., 1996.
89. *Ретина, Л. П.* «Новая историческая наука» и социальная история. — М., 1998.
90. *Ретина, Л. П.* «Постмодернистский вызов» и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // *Ее же.* «Новая историческая наука» и социальная история. — М., 1998.
91. *Рикер, П.* Время и рассказ. — СПб., 1999.
92. *Рикер, П.* История и истина. — СПб., 2002.
93. *Рикер, П.* Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. — М., 1995.
94. *Румянцева, М. Ф.* Теория истории : учеб. пособие. — М., 2002.
95. *Селезнев, М. С.* Текстология и ее роль в советской археографии : учеб. пособие. — М., 1977.
96. *Сиренов, А. В.* Датировка рукописей по маркировочным знакам бумаги. — СПб., 2003.
97. *Сиренов, А. В.* Собрание рукописей в России до 1917 г. — СПб., 2008.
98. Сказания о начале славянской письменности / пер. и комм. Б. Н. Флори. — М., 1981.
99. *Софинов, П. Г.* Из истории русской дореволюционной археографии. Краткий очерк. — М., 1957.
100. *Сперанский, М. Н.* Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев) // *Проблемы источниковедения.* — М., 1956. — Т. 5.
101. *Списел, Г. М.* К теории среднего плана: историописание в век постмодернизма // *Одиссей. Человек в истории.* — М., 1995.
102. *Степанский, А. Д.* Археография отечественной истории XX века : учеб. пособие. — М., 2004.
103. *Талер, М.* Что такое «источнико-ориентированная обработка данных»; что такое «историческая информационная наука»? // *История и компьютер: новые информационные технологии в исторических исследованиях и образовании.* — Геттинген, 1993.
104. *Творогов, О. В.* Археография и текстология древнерусской литературы : курс лекций. — М. ; СПб., 2009.
105. *Тихомиров, М. Н.* Русская палеография / М. Н. Тихомиров, А. В. Муравьев. — М., 1982.
106. *Томашеский, Б. В.* Писатель и книга. Очерк текстологии. — 2-е изд. — М., 1959.
107. *Уайт, Х.* Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. — Екатеринбург, 2002.
108. *Фарсбин, В. В.* Источниковедение и его метод: опыт анализа понятий и терминологии. — М., 1983.
109. *Февр, Л.* Бои за историю. — М., 1991.
110. *Филюшкин, А. И.* Методологические инновации в современной российской науке (вместо предисловия) // *Actio Nova 2000* : сб. науч. ст. — М., 2000.
111. *Филюшкин, А. И.* «Постмодернистский вызов» и его влияние на современную теорию исторической науки // *Топос. Философско-культурологический журнал.* — 2000. — № 3.
112. *Филюшкин, А. И.* Смертельные судороги или родовые муки? Споры о конце исторической науки в начале XXI в. // *Россия XXI.* — 2002. — № 4.
113. *Фуко, М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. — СПб., 1994.
114. *Хабургаев, Г. А.* Первые столетия славянской письменной культуры. Истоки древнерусской книжности. — М., 1994.
115. *Хрестоматия по археографии для студентов МГАИ / под ред Г. Д. Костомарова.* — М., 1955.

116. *Черепнин, Л. В.* К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории. — М., 1973. — Вып. 1.
117. *Черепнин, Л. В.* Русская палеография. — М., 1956.
118. *Шартъе, Р.* История и литература // Одиссей. Человек в истории. — М., 2001.
119. *Шартъе, Р.* История сегодня: сомнения, вызовы, предложения // Одиссей. Человек в истории. — М., 1995.
120. *Шендерюк, М. Г.* Количественные методы в источниковедении : учеб. пособие. — Калининград, 1997.
121. *Шепелев, Л. Е.* Проблемы дипломатического изучения делопроизводственных документов XIX — начала XX в. — М., 1972.
122. *Шлейермахер, Ф.* Герменевтика. — СПб., 2004.
123. *Шмидт, С. О.* Археография. Архивоведение. Памятниковедение. — М., 1997.
124. *Шмидт, С. О.* Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI—XVII вв. / С. О. Шмидт, С. Е. Князьков. — М., 1985.
125. *Шмидт, С. О.* Теоретические проблемы источниковедения // Источниковедение: теоретические и методологические проблемы. — М., 1969.
126. *Шульгина, Э. В.* Русская скоропись XV века. — М., 1998.
127. *Шепкин, В. Н.* Русская палеография. — 3-е изд. — М., 1999.
128. *Якобсон, Р.* Язык и бессознательное. — М., 1996.
129. *Янин, В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. — М., 1977.

Глава 4

ДРЕВНЕРУССКИЕ ХРОНОГРАФЫ И ЛЕТОПИСИ

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- корпус источников по всеобщей истории в древнерусской книжной традиции;
- историю русского летописания;
- взаимоотношения основных летописных источников по истории России;
- историю изучения русских летописей;
- основные памятники древнерусской хронографии;

уметь

- атрибутировать древнерусское хронографическое сочинение;
- определять дату создания редакции Русского хронографа;
- составлять научное описание летописи;
- определять источник летописного известия;

владеть

- основной терминологией древнерусской хронографии;
- терминологией летописеведения.

Ключевые термины и понятия: *хроника, хронограф, хронограф особого состава, хронографический сборник, летопись, летописец, летописный свод, «Повесть временных лет», Нестор, летописи Лаврентьевская, Ипатьевская, Радзивилловская, Новгородские I и IV, Софийские I и II, Ермолинская, Никоновская, Воскресенская, Летописец начала царства, патриаршее летописание XVII в.*

4.1. Хронографы

☞ *Хронографами, хронографическими произведениями* в отечественном нарративе называют летописные произведения, посвященные всеобщей истории, иногда с включением истории русской, а иногда без упоминания о ней. Значительная часть хронографов излагалась на основе Ветхого Завета, поэтому хронографические произведения оказываются близки к библейским книгам. Поскольку в средневековой России до конца XV в. Библия как единый свод библейских книг была неизвестна, по хронографическим текстам древнерусские люди знакомились не только с текстами древнейшей истории человечества, но и с содержанием Ветхого Завета. Хронографические произведения разделяют на хроники и хронографы. Под *хрониками* понимаются сочинения византийских авторов, впоследствии переведенные на церковно-славянский язык. *Хронографами* называют компиляции, составленные на Руси. Таким образом, отличие этих двух групп источников исключительно терминологическое.

С византийскими хрониками на Руси познакомились еще в XI в. Хроники Георгия Амартола (846–847) и Иоанна Малалы (VI в.) стали образцом исторического повествования для русских летописцев. Кроме обширных греческих хроник древнерусский читатель был знаком с жанром так называемых малых хроник. Одна из них, «Летописец вскоре» патриарха Никифора, получила в древнерусской письменности широкое распространение. Составленный в IX в. константинопольским патриархом Никифором, этот хронографический текст представляет собой перечень имен библейских, римских и византийских патриархов, царей в хронологической последовательности с указанием времени правления и основных событий, случившихся во время каждого упоминаемого правителя. Изложение событий доведено до 829 г. — года смерти патриарха Никифора.

В XVII в. культурные связи России с греческим миром деятельно развивались. Следствием этого стали русские переводы новогреческих хроник, составленных уже в XVI–XVII вв. Таковы Хроника Дорофея Монемавийского и Хроника Матфея Кигалы, написанные на разговорном новогреческом языке и переведенные в XVII в.

Уже в домонгольское время на основе переводных греческих хроник русские книжники начали составлять свои компиляции — обзоры всемирной истории, иногда с включением событий истории русской. Самая ранняя хронографическая компиляция из составленных на Руси — Хронограф по великому изложению. Традиция таких компиляций завершилась составлением в 1520-е гг. Русского хронографа, в котором русская история заняла свое место во всемирном историческом процессе.

Первоначальную редакцию Русского хронографа называют Хронограф 1512 г.

Справка

Первая редакция Русского хронографа состоит из 208 глав. В главе 161 «О отложении мяса иноком», посвященной вопросу монашеского поста, т.е. тому, с какого времени монахи перестали употреблять в пищу мясо, приведен расчет лет до современности, до момента составления текста хронографа: «Подвижнии убо отци изначала мяса не ядыху, нецыи же глаголют, яко на пятом соборе отложено, но не обретається сие ни в котором соборе. Феодор Студит был по седмом соборе за седьсот лет без дванадесяте до скончания седмыя тысяща, а до сих времен за семь сот, как был Феодор Студит, и он пишет во своем уставе: “На братию мясо на Успение Богородица на братию заклати два вола”. Аще бы на котором соборе отложено, и он бы того не повелевал, ни писал во уставе» (т.е. $7000 - 680 = 6320 + 700 - 5508 = 1512$). Если произвести подсчеты, то получается, что первая редакция Русского хронографа была составлена в 1512 г., поэтому она и получила название Хронографа 1512 г.

Есть основания считать, что в действительности первоначальная редакция Русского хронографа была составлена несколько позднее, в 1516–1522 гг. Место создания определяется точно: это Иосифов Волоколамский монастырь, ставший в XVI в. одним из основных центров исторической

книжности Московского государства. Один из самых ранних списков Хронографа 1512 г. был написан в 1538 г. по заказу старца Волоколамского монастыря, известного книжника Досифея Топоркова, в котором предполагают составителя или инициатора создания Русского хронографа.

В основе Русского хронографа лежат многочисленные источники: библейские книги, Летописец Еллинский и Римский, Хроники Константина Манасии, Паралипоменон Зонары, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, жития Иоанна Предтечи, сербских и болгарских святых. История России изложена по летописи, близкой к Симеоновской летописи и Сокращенному летописному своду 1495 г. Повествование заканчивается завоеванием Константинополя турками в 1453 г. Таким образом, первая редакция Русского хронографа — законченное произведение, повествующее о всемирной истории от сотворения мира до падения Византии. Впоследствии этот текст неоднократно переделывался. Известны следующие редакции Русского хронографа: 1) Редакция 1512 г.; 2) Редакция западнорусская; 3) Пространная редакция с двумя разновидностями — редакциями 1599 и 1601 гг.; 4) Редакция 1617 г. основная; 5) Редакция 1617 г. распространенная; 6) Редакция 1620 г. с тремя разновидностями-разрядами.

Исследователи выделяют также хронографы особого состава, которые представляют собой компиляции по всеобщей и русской истории, созданные с привлечением редакций Русского хронографа, где последние, однако, не играют определяющей роли. Наиболее известными хронографами особого состава являются Хронограф астраханского архиепископа Пахомия, Хронограф Сергея Кубасова и Хронограф в 410 глав.

Хронограф астраханского архиепископа Пахомия был составлен в 1650 г. Пахомий пишет, что в 1649 г. задумал написать свое произведение и в течение года делал выписки из различных источников, а потом поручил иеромонаху Мисаилу собрать из них единый текст.

Хронограф состоит из двух частей. Первая часть, включающая семь разделов, посвящена всеобщей истории и оканчивается падением Константинополя в 1453 г. Ее источниками в основном послужили Хронограф редакции 1617 г. и Сказание Ивана Пересветова о падении Царьграда. Вторая часть повествует о русской истории с древнейших времен до середины XVII в. Она составлена на основе Степенной книги, Хронографа редакций 1617 и 1620 гг. События 1619—1650 гг., как полагают исследователи, описаны самим архиепископом Пахомием, который высказывает свое отношение к событиям послесмутного времени. Так, вину за поражение в русско-польской войне 1634 г. автор возлагает на патриарха Филарета.

Хронограф Сергея Кубасова (тобольского сына боярского, автора второй половины XVII в.) состоит из трех частей. Первая часть, собственно хронографическая, составлена на основе Хронографа редакции 1512 г. Вторая часть, летописная, содержит известия по русской истории с древнейших времен до 1492 г. В этой части читается ряд уникальных известий по истории России XV в. Они касаются борьбы за власть между сыном

Ивана III Василием (будущим великим князем) и внуком Дмитрием. Третья часть Хронографа Кубасова представляет собой Повесть И. М. Катырева-Ростовского о Смутном времени. В. К. Зиборов доказал, что все три части Хронографа Кубасова существовали уже в первой половине XVII в. Таким образом, Кубасов предстает лишь как компилятор.

Из хронографов особого состава следует также выделить *Хронограф в 410 глав*, в котором русская история изложена по степеням, как в Степенной книге, которая и явилась одним из основных источников данной редакции в части, повествующей о русской истории.

В действительности хронографов особого состава гораздо больше, чем известно научной литературе. Они до настоящего времени остаются неопианными, неизученными и, как следствие этого, малоизвестными.

4.2. Русские летописи XI—XII веков. «Повесть временных лет» и ее редакции

Летопись — древнерусское сочинение по отечественной истории, состоящее из погодных известий. Например: «В лето 6680. Преставися благоверный князь Глеб Киевский» («В 1172 году. Скончался благоверный князь Глеб Киевский»). Известия могут быть краткими и пространными, включая в свой состав жития, повести и сказания.

Летописец — термин, имеющий два значения: 1) автор летописи (например, Нестор-летописец); 2) небольшая по объему или по тематическому охвату летопись (например, Владимирский летописец). Летописцами часто называют памятники местного или монастырского летописания.

Летописный свод — реконструируемый исследователями этап в истории летописания, для которого характерно создание новой летописи путем соединения («сведения») нескольких предшествующих летописей. Сводами также называют общерусские летописи XVII в., компилятивный характер которых несомненен.

Древнейшие русские летописи не сохранились в своем первоизданном виде. Они дошли в более поздних переработках, и главная задача при их изучении состоит в том, чтобы на основании поздних летописей (XIII—XVII вв.) реконструировать ранние (XI—XII вв.).

Почти все русские летописи в своей начальной части содержат единый текст, в котором повествуется о Сотворении мира и далее — о русской истории с древнейших времен (с расселения славян на восточно-европейской долине) до начала XII в., а именно до 1110 г. Дальнейший текст у разных летописей расходится. Из этого следует, что в основе летописной традиции лежит некая единая для всех летопись, доведенная до начала XII в.

В начале текста большинство летописей имеют заголовок, начинающийся словами «Се Повесть временных лет...». В некоторых летописях, например Ипатьевской и Радзивилловской, указан и автор — монах Киево-Печерского монастыря (см., например, чтение Радзивилловской летописи: «Повесть временных лет черноризца Федосьева монастыря Печерь-

скаго...»). В Киево-Печерском патерике среди монахов XI в. упоминается «Нестор, иже написа летописец», а в Хлебниковском списке Ипатьевской летописи имя Нестора фигурирует уже в заголовке: «Повесть временных лет черноризца Нестера Феодосьева монастыря Печерьскаго...».

📖 Справка

Хлебниковский список был создан в XVI в. в Киеве, где хорошо знали текст Киево-Печерского патерика. В самом же древнем списке Ипатьевской летописи, Ипатьевском, имя Нестора отсутствует. Не исключено, что его вписали в текст Хлебниковского списка при создании рукописи, руководствуясь указанием Киево-Печерского патерика. Так или иначе, уже историки XVIII в. считали Нестора автором древнейшей русской летописи. В XIX в. исследователи стали более осторожны в своих суждениях о древнейшей русской летописи. Они писали уже не о летописи Нестора, а об общем тексте русских летописей и называли его «Повестью временных лет», которая со временем стала хрестоматийным памятником древнерусской литературы.

☞ Следует иметь в виду, что в реальности «Повесть временных лет» — это исследовательская реконструкция; под этим названием имеют в виду начальный текст большинства русских летописей до начала XII в., который в самостоятельном виде до нас не дошел.

Уже в составе так называемой «Повести временных лет» имеется несколько разноречивых указаний на время работы летописца, а также отдельные несогласованности. Очевидно, что этому этапу начала XII в. предшествовали другие летописи. Разобраться в этой запутанной ситуации удалось только замечательному филологу рубежа XIX—XX в. Алексею Александровичу Шахматову (1864—1920).

А. А. Шахматов высказал гипотезу, что Нестор является автором не «Повести временных лет», а более ранних летописных текстов. Такие тексты он предлагал называть сводами, поскольку летописец сводил в единый текст материалы предшествующих сводов и извлечения из других источников. Понятие летописного свода сегодня является ключевым в реконструкции этапов древнерусского летописания.

☞ Ученые выделяют следующие летописные своды, предшествовавшие «Повести временных лет»: 1) Древнейший свод (гипотетическая дата создания — около 1037 г.); 2) Свод 1073 г.; 3) Начальный свод (до 1093 г.); 4) «Повесть временных лет» редакции до 1113 г. (возможно, связана с именем монаха Киево-Печерского монастыря Нестора); 5) «Повесть временных лет» редакции 1116 г. (связана с именем игумена Михайловского Выдубицкого монастыря Сильвестра); 6) «Повесть временных лет» редакции 1118 г. (также связана с Выдубицким монастырем).

☞ Летописание XII в. представлено тремя традициями: новгородской, владими́ро-суздальской и киевской. Первая восстанавливается по Новгородской I летописи (старшего и младшего изводов), вторая — по летописям Лаврен-

тьевской, Радзивилловской и Летописцу Переяславля Суздальского, третья — по Ипатьевской летописи с привлечением владими́ро-суздальского летописания.

Новгородское летописание представлено несколькими сводами, первый из которых (1132) исследователи считают княжеским, а остальные — созданными при новгородском архиепископе. По предположению А. А. Гиппиуса, каждый архиепископ инициировал создание своего летописца, в котором описывалось время его святительства. Расположенные последовательно один за другим, владычные летописцы образуют текст новгородской летописи. Одним из первых владычных летописцев исследователи считают доместика Антониева монастыря Кирика, перу которого принадлежит хронологический трактат «Учение им же ведати человеку числа всех лет». В летописной статье 1136 г., описывающей мятеж новгородцев против князя Всеволода-Гавриила, приводятся хронологические выкладки, аналогичные тем, которые читаются в трактате Кирика.

Один из этапов новгородского летописания приходится на 1180-е гг. Известно и имя летописца. В статье 1188 г. подробно описана кончина священника церкви святого Иакова Германа Вояты, причем указано, что он служил в этой церкви 45 лет. Действительно, за 45 лет до этого известия, в статье 1144 г. читается известие от первого лица, в котором летописец пишет о том, что архиепископ поставил его в попы.

Владими́ро-суздальское летописание известно в нескольких сводах второй половины XII в., из которых наиболее вероятными представляются два. Первый этап владимирского летописания доводил свое изложение до 1177 г. Эта летопись была составлена на основе записей, которые велись с 1158 г. при Андрее Боголюбском, но были объединены в единый свод уже при Всеволоде III. Последние известия этой летописи — пространный рассказ о трагической гибели Андрея Боголюбского, повествование о борьбе его младших братьев Михалки и Всеволода с племянниками Мстиславом и Ярополком Ростиславичами за владимирское княжение, поражении и ослеплении последних. Второй владимирский свод датируют 1193 г., поскольку после этого года обрывается череда датированных погодных известий. Исследователи полагают, что записи за конец XII в. относятся уже к своду начала XIII в.

Киевское летописание представлено Ипатьевской летописью, которая испытала влияние северо-восточного летописания. Тем не менее исследователям удается вычлени́ть в Ипатьевской летописи по меньшей мере два свода. Первый — киевский свод, составленный в княжение Рюрика Ростиславича. Он завершается на событиях 1200 г., последнее из которых — торжественная речь игумена киевского Выдубицкого монастыря Моисея с благодарственными словами в адрес князя, построившего каменную ограду в Выдубицком монастыре. В Моисее видят автора свода 1200 г., который поставил цель возвеличить своего князя. Второй свод, безошибочно определяющийся в Ипатьевской летописи, относится к галицко-волы́нскому летописанию конца XIII в.

☞ Древнейшие русские летописные своды являются ценным, а для многих сюжетов и единственным историческим источником по истории Древней Руси.

4.3. Летописные своды XIII—XIV веков и их списки

☞ Для начала XIII в. самой выраженной является владимирская летописная традиция. Для реконструкции владимирского летописания этого времени привлекают следующие летописи: Лаврентьевскую, Радзивилловскую, Московскую академическую и так называемый Летописец Переяславля Суздальского.

Лаврентьевская летопись является древнейшей из датированных, ее рукопись написана монахом Лаврентием при нижегородском князе Дмитрие Константиновиче в 1377 г. Местом создания этой пергаменной рукописи, вероятно, был Нижний Новгород. Во всяком случае, еще в XVII в. Лаврентьевская летопись хранилась в нижегородском Благовещенском монастыре. Потом она попала во владимирский Рождественский монастырь, а в XVIII в. стала собственностью коллекционера А. И. Мусина-Пушкина (поэтому Н. М. Карамзин называет эту летопись Пушкинской). С начала XIX в. Лаврентьевская летопись хранится в Публичной библиотеке (ныне Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге).

Радзивилловская летопись датируется концом XV в. Она известна благодаря многочисленным миниатюрам, иллюстрирующим события русской истории. Стиль миниатюр указывает на западнорусское происхождение рукописи. В XVII в. летопись была в собственности польско-литовских магнатов Радзивиллов, а позднее поступила в городской архив Кенигсберга, поэтому в XVIII в. ее часто называли Кенигсбергской летописью. В Россию Радзивилловская летопись попала в 1758 г. как трофей Семилетней войны и с тех пор хранится в БАН.

Московская академическая летопись конца XV в. называется так потому, что до 1917 г. хранилась в библиотеке Московской духовной академии, расположенной в Троице-Сергиевой лавре.

Летописец Переяславля Суздальского представляет собой часть хронографически-летописного свода по всеобщей и русской истории. Его рукопись конца XV в. из собрания Московского архива Министерства иностранных дел (ныне это собрание в РГАДА) обнаружил в середине XIX в. директор архива М. А. Оболенский и опубликовал только часть, повествующую о русской истории, назвав ее Летописцем Переяславля Суздальского.

Радзивилловская и Московская академическая летописи восходят к одному протографу — некоей летописи, доведившей изложение до 1206 г. Последние листы в ней были перепутаны местами, поэтому рассказ о событиях 1205—1206 гг. читается перед повествованием о 1203—1204 гг. Московская академическая летопись только частично следует этому протографу: с середины XII в. до 1206 г. Кроме того, ее текст отредактирован по Софийской I летописи и Ростовской летописи конца XV в. Гораздо больше материала дает Летописец Переяславля Суздальского, который обнаруживает сходство с Радзивилловской летописью с 1138 г., однако он

не обрывается на событиях 1206 г., а продолжает их изложение до 1214 г. К последней статье сделано добавление: «се же бысть лето високоосное», что не соответствует 1214 г. Високосным является 1216 г., поэтому исследователи считают, что в Летописце Переславля Суздальского до нас дошел свод, доведенный до 1214 г., но составленный предположительно в 1216 г. Протограф же Радзивилловской и Московской академической летописей, имевший дефектное окончание с перепутанными листами, по мнению большинства исследователей, утратил свое окончание, которое было идентично окончанию в Летописце Переславля Суздальского, т.е. доходило до 1214 г. Таким образом, на основании Радзивилловской, Московской академической летописей и Летописца Переславля Суздальского удается реконструировать Свод 1214 г.

Уже М. А. Оболенский, открывший Летописец Переславля Суздальского, сразу определил, что этот памятник летописания был составлен в Переславле Суздальском или, как его правильнее называть, Переславле-Залесском. Однако этот свод содержит больше известий владимирских, чем переславских, количество которых увеличивается к концу летописи. В связи с этим полагают, что Свод 1214 г. — это переславская обработка несколько более раннего владимирского свода, который предположительно датируют 1212 г. и связывают с кончиной Всеволода III и вокняжением во Владимире его сына Юрия. В Переславле после смерти Всеволода сел его третий сын Ярослав, на которого обращено особое внимание в тексте Свода 1214 г. Лаврентьевская летопись, не имеющая отношения к этому этапу летописания, а отразившая более ранние владимирские своды, под 1175 г. призывает убиенного Андрея Боголюбского молиться о Всеволоде III («о князе нашем и господине Всеволоде»). В тексте Свода 1214 г. имя Всеволода заменено именем его сына Ярослава.

Итак, Лаврентьевская летопись не содержит ни владимирского Свода 1212 г., ни переславского Свода 1214 г. Она расходится с текстом Радзивилловской, Московской академической летописей и Летописца Переславля Суздальского начиная с 1193 г., поэтому считается, что в основе Лаврентьевской летописи лежит владимирский Свод 1193 г., продолженный различными известиями до 1305 г. В этом промежутке исследователи выделяют несколько сводов. До 1239 г. доводит изложение летопись, прославляющая князя Ярослава Всеволодовича, незадолго до этого ставшего великим князем Владимирским, поэтому считается, что Свод 1239 г. был составлен в интересах этого князя, однако не в разоренном полчищами Батяи Владимире, а в уцелевшем Ростове. Ростовским по происхождению считается и Свод 1263 г. Далее в Лаврентьевской летописи утрачены листы с изложением событий с 1263 по 1283 г. Они сохранились в более поздней Симеоновской летописи, и по ним восстанавливается Свод 1281 г., составленный в Переславле-Залесском.

☞ Летописание второй половины XIII—XIV вв. было удельным. Летописи составлялись в крупных удельных центрах раздробленной Руси. Для реконструкции тверского летописания XIV в. исследователи привлекают Троицкую, Симеоновскую летописи, Рогожский летописец и Тверской сборник.

Троицкая летопись хранилась в Троице-Сергиевой лавре, где и была обнаружена во второй половине XVIII в. Это третья (наряду с Новгородской харатейной и Лаврентьевской) пергаменная летопись русского Средневековья. Она доводила изложение до 1408 г. Этой летописью пользовался Н. М. Карамзин, сделавший из нее много выписок в примечаниях к своей «Истории государства Российского». Однако в пожаре Москвы 1812 г. эта рукопись сгорела, и долгое время ее содержание оставалось для исследователей загадкой.

Почти столетие спустя А. А. Шахматов обнаружил в БАН так называемую *Симеоновскую летопись XVI в.* (он назвал ее так по справщику Московского печатного двора Н. Симеонову, которому рукопись принадлежала в середине XVII в.). Эта летопись в части за XII — начало XIV в. представляет собой копию Троицкой летописи, т. е. совпадает с выписками Н. М. Карамзина из последней.

Рогожским летописцем в научной литературе называется летописный текст из сборника начала XV в., который был обнаружен Н. П. Лихачевым среди книг, принадлежавших крупнейшему старообрядческому центру Москвы — Рогожскому кладбищу.

Тверской сборник (полное название «Летописный сборник, именуемый Тверской летописью») представляет собой тверскую летопись XVI в., дошедшую в трех списках XVII в. и опирающуюся на более ранние этапы тверского летописания.

В Тверском сборнике, Рогожском летописце и Троицкой летописи с 1285 по 1327 г. следуют тверские известия. Однако в Троицкой летописи они несколько отредактированы в московском духе, поэтому исследователи полагают, что в Рогожском летописце и Тверском сборнике сохранился тверской Свод 1327 г., а в Троицкой летописи его известия дошли в составе уже московского летописания — Свода 1408 г.

☞ Галицко-волынское летописание XIII в. представлено в заключительной части Ипатьевской летописи, присоединенной к киевскому Своду 1200 г. В нем изложение доходит до 1292 г. и касается в основном истории галицко-волынских земель и соседнего региона (Польши, Венгрии).

По особенностям использования нелетописных источников (хроник Георгия Амартола и Иоанна Малалы и Александрии) исследователи выделяют *Галицкую летопись 1201—1265 гг.* и *Волынскую 1266—1292 гг.* В двух основных списках Ипатьевской летописи, Ипатьевском и Хлебниковском, восходящим к общему протографу независимо один от другого, изложение событий XIII в. варьируется. Так, в Хлебниковском списке отсутствует большая часть дат, которая в Ипатьевском списке хотя и имеется, но даты часто поставлены ошибочно. Из этого исследователи делают вывод, что первоначально этих дат в галицко-волынской летописи не было.

☞ Новгородское летописание XIII—XIV вв. реконструируется на основе Новгородской I летописи старшего и младшего изводов.

Под 1230 г. летописец называет себя пономарем Тимофеем. В выходной записи Лобковского пролога 1262 г. (или 1282 г.) писец также именуется себя пономарем Тимофеем, но уточняет место своего служения — церковь святого Иакова. Для Свода Тимофея характерно использование заимствований из более раннего текста Новгородской I летописи (в статьях 1198, 1238 и 1268 гг.). В статье 1230 г. упомянут еще один летописец, поп Иван, которого считают предшественником Тимофея. После 1330 г. Новгородская I летопись старшего извода содержит иной текст, чем Новгородская I летопись младшего извода, поэтому 1330-м гг. датируют еще один этап новгородского летописания.

В XIV в. летописание велось еще в некоторых удельных центрах — Пскове, Рязани, Смоленске. Из них только псковская летописная традиция дошла в относительно полном виде в составе позднейших памятников летописания — Псковских I, II и III летописей. Так, исследователи предположительно реконструируют псковский Свод 1368 г. Смоленское и рязанское летописание фрагментарно отразилось в Тверском сборнике, Рогожском летописце, Троицкой летописи, а также в обобщающем своде первой половины XVI в. — Никоновской летописи.

Летописная традиция, на базе которой сформировалось общерусское летописание XV в. — это московские своды XIV в., опиравшиеся на своды тверские, которые, в свою очередь, опирались на своды ростовские XIII в. Московское летописание XIV в. представлено в Троицкой летописи, тверское начала XIV в. — в Лаврентьевской летописи, Рогожском летописце и Тверском сборнике, а ростовские своды XIII в. реконструируются по сводам тверским. Новгородское летописание систематически привлекалось в XV в. при создании общерусских летописей, но в XIII—XIV вв. оно было обособлено от летописания северо-восточного. Обособленный характер носили также псковская и галицко-волинская традиции.

4.4. Летописание XV века

Летописи, содержащие известия за первую половину XV в., как полагают исследователи, восходят к так называемому Новгородо-Софийскому своду. Основные летописи, содержащие текст этого свода — Софийская I и Новгородская IV. К ним примыкает еще одна летопись — Новгородская Карамзинская (она так названа, потому что принадлежала историку Н. М. Карамзину), дошедшая в списке конца XV в.

До известия о крещении Руси Новгородская Карамзинская летопись совпадает с Новгородской IV. Дальнейший текст Новгородской Карамзинской представляет собой две подборки известий. Первая из них содержит начальные известия годовых статей, общих для Новгородской IV и Софийской I летописей, а вторая подборка — окончания этих статей.

Относительно датировки Новгородско-Софийского свода также нет единого мнения. А. А. Шахматов датировал его 1448 г. В настоящее время этот свод датируют 1420-ми гг. поскольку общий текст Софийской I

и Новгородской IV летописей доходит до 1418 г., а изложение Новгородской Карамзинской — до 1425 г. Во второй половине XV в. текст этого свода был включен во все памятники московского и общерусского летописания.

☞ Летописи, содержащие известия второй половины XV в., восходят к разным летописным традициям. Встречаются описания одних и тех же событий, сделанные разными летописцами с различных политических позиций. В связи с этим, изучая историю России второй половины XV в., у историков появляется возможность сравнивать разные независимые один от другого летописные рассказы. Сложность изучения летописей этого времени состоит в том, что большинство из них дошло в позднейших переработках, вследствие чего далеко не всегда можно с уверенностью определить, из каких кругов вышла та или иная летопись.

Проще всего выделить великокняжеское летописание, крупнейшим памятником которого является *Великокняжеский свод 1479 г.* Он сохранился в двух самостоятельных списках — Эрмитажном и Уваровском. По убедительному предположению М. Д. Приселкова, данный свод создавался в связи со строительством кафедрального собора Московской митрополии — кремлевского Успенского собора (закончен к 1479 г.). Великокняжеское летописание конца XV в. содержит так называемые *Сокращенные своды* и близкие к ним летописи. Излагая события второй половины XV в., памятники великокняжеского летописания неизменно благожелательно оценивают действия великого князя.

☞ Летописная традиция второй половины XV в., отличная от великокняжеского летописания, содержится в ряде летописей: Ермолинской, Софийской II, Львовской.

Ермолинская летопись дошла в единственном списке конца XV в. и доводит изложение до 1481 г. Она содержит известия о строительной деятельности подрядчика Василия Дмитриевича Ермолина за 1462—1482 гг. До 1417 г. Ермолинская летопись сходна с великокняжеским сводом 1479 г., а в дальнейшем изложении обнаруживает близость с Сокращенным сводом, но содержит ряд известий явно не великокняжеского происхождения.

Другая традиция летописания дошла в составе двух летописей — *Софийской II* и *Львовской*. Эти летописи XVI в. содержат общий текст до 1518 г., который А. А. Шахматов назвал сводом 1518 г. В тексте этого свода читается изложение событий второй половины XV в., написанное очевидцем событий, который многие происшествия описывает и оценивает не так, как авторы великокняжеских сводов и подчас вступает с ними в серьезные противоречия. По оценке исследователей, подборка оригинальных известий в своде 1518 г. заканчивается в 1480-е гг., из чего делается вывод, что изначально данная летопись оканчивалась этим временем и была тогда же составлена.

Труднее обстоит дело с определением принадлежности этой летописи. Ее считали митрополичьей (при описании конфликта Ивана III и митрополита Геронтия летописец высказывал сочувствие митрополиту), «независимой» (в отдельных случаях летописец позволял себе критические замечания и в адрес митрополита), летописью московского Успенского собора (летописец знал в подробностях все происходившее в Кремле, причем особенно выделял Успенский собор) или частным летописцем церкви Иоанна Лествичника (имеются текстовые параллели с произведениями священника этой церкви Петра). Утверждать можно одно: среди интересов автора на первом месте стояло церковное строительство в Москве.

☞ Летописные своды XV в. являются ценным историческим источником по политической, социальной и культурной истории эпохи. Содержащиеся в них сведения нередко противоречивы и неточны, поэтому использование их как исторического источника всегда должен предварять источниковедческий анализ, с помощью которого необходимо установить происхождение тех или иных сведений.

4.5. Летописание XVI века

☞ В XVI в. русское летописание достигает вершины своего развития. Создаются грандиозные летописные своды большого объема и значительного хронологического охвата.

В первой половине XVI в. самой выраженной была традиция митрополичьего летописания. Именно к нему относятся две крупнейшие летописи русского Средневековья — *Никоновская* и *Воскресенская*. Названия, данные им в научной литературе, случайны: на списках обеих летописей из собрания БАН читается вкладная запись патриарха Никона в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. Чтобы как-то различать эти летописи, одна из них была названа Никоновской, а другая — Воскресенской. На деле это разные памятники летописания, объединяемые только характером обобщающих сводов, который можно считать типичной чертой русской книжности XVI в.

Из двух указанных летописей первой была составлена *Никоновская*. Она доводит изложение русской истории до 1522 г. Ее составлению предшествовала большая работа, которую возглавлял митрополит Даниил. Многие известия Никоновской летописи уникальны, им нет аналога ни в одной другой летописи.

По своим задачам и принципам составления к Никоновской летописи оказывается близка *Воскресенская летопись*. Она представляет собой памятник великокняжеского летописания и доводит изложение событий до 1541 г. Последним митрополитом в ранних списках назван Иоасаф, а имя следующего митрополита Макария, возведенного на митрополичью кафедру весной 1542 г., приписано над строкой. Следовательно, Воскресен-

ская летопись составлена в конце 1541 г. или в начале 1542 г. Считается, что она отражает политическую позицию митрополита Иоасафа.

■ Справка

Основными источниками для Воскресенской летописи за древнерусский период (до начала XVI в.) стали список Царского Софийской I летописи в котором была сделана специальная редакторская правка, и Московский великокняжеский свод 1479 г. Особенно ценны известия Воскресенской летописи для периода с 1522 г., на котором обрывается изложение в Никоновской летописи, до 1541 г.: Соответствующий фрагмент Воскресенской летописи в середине XVI в. был включен в древнейшие списки Никоновской летописи — Оболенского и Патриарший, из которых он перешел во все позднейшие списки этой летописи. Таким образом, Никоновская летопись излагает события 1522—1541 гг. по Воскресенской летописи.

Особенность Воскресенской летописи еще и в том, что большинство ее списков датируются относительно ранним временем — серединой XVI в. В целом же Воскресенская летопись гораздо традиционнее Никоновской, она в большей степени следует жанру древнерусской летописи. Родственными Воскресенской летописи оказываются официальные исторические сочинения середины XVI в.: «Государев родословец» и «Сказание о князьях владимирских». По-видимому, именно Воскресенскую летопись имеет в виду Даниил Принтц, посетивший Россию в составе посольства германского императора в 1570-е гг. Он пишет, что в русских летописях род Рюриковичей выводится от римских императоров, но эти летописи правительством содержатся в тайне.

В середине XVI в. создается «*Летописец начала царства*», еще одна официальная летопись светского происхождения. «Летописец начала царства» (таково его самоназвание) достаточно подробно описывает внешнеполитические контакты России, опираясь на посольские документы и материалы Разрядного приказа. Изложение начинается с 1533 г., т.е. непосредственно после смерти Василия III и продолжается в разных списках до 1552, 1556, 1558 и 1560 гг.

«Летописец начала царства», доведенный до 1560 г., был включен в летописную компиляцию, которую в научной литературе называли *Летописным сводом 1560 г.* Основными источниками последнего стали тексты Воскресенской и Никоновской летописей. Кроме того, в Свод 1560 г. вошли оригинальные известия за середину XVI в. Этот Свод был привлечен при составлении так называемой Львовской летописи, которая так же, как и ее источник, доводит изложение до 1560 г. Львовской летопись названа по имени ее первого публикатора — известного русского просветителя Н. А. Львова.

Последним памятником общерусского летописания XVI в. стал *Лицевой летописный свод*, созданный в 1570-х гг. в Александровой слободе — опричной резиденции Ивана Грозного. Лицевой свод — крупнейшая древнерусская иллюстрированная летопись. Она охватывает всю историю человечества от Сотворения мира до середины XVI в., т.е. соединяет хронограф и летопись. По свидетельству историка XVIII в. М. М. Щербатова, кото-

рый ввел Лицевой свод в научный оборот, существовали листы с текстом и миниатюрами, где повествовалось о воцарении Федора Ивановича, т.е. о событиях 1584 г. Почти каждое известие Лицевого летописного свода сопровождается иллюстрацией, причем страница часто представляет собой скорее иллюстрацию с подписью, чем текст с иллюстрацией. Изобразительный ряд здесь явно довлеет над текстом. До настоящего времени сохранилось 10 томов Лицевого свода, которые включают более 16 тыс. миниатюр.

Так называемый Синодальный том, в котором повествуется о царствовании Ивана Грозного, был отредактирован неизвестным, но, без сомнения, высокопоставленным лицом (Д. Н. Альшиц видел в анонимном редакторе Лицевого свода самого Ивана Грозного). Скорописным почерком внесена правка на листы с уже раскрашенными миниатюрами. С учетом этой правки текст был переписан — так появился завершающий том Лицевого свода, известный как Царственная книга. Лицевой свод стал последним памятником общерусского летописания XVI в.

☞ В XVI в. наряду с общерусским существовало и местное летописание: псковское, новгородское, в региональных монастырях.

Наряду с общерусским существовало и местное летописание. В большинстве случаев удается установить конкретное место, где записывались летописные известия. Так, во второй половине XVI в. была составлена *Псковская III летопись*. Исследователи полагают, что в ее основе лежит Свод 1567 г., составленный на основе свода 1481 г. (т.е. Псковской I летописи) в Псково-Печерском монастыре игуменом Корнилием или по его инициативе. Сохранился оригинал Псковской I летописи, так называемый *Строевский список*, датируемый серединой XVI в., в котором основной текст доведен до 1556 г., а далее, до 1567 г., летописные известия приписаны в разное время и разными почерками.

Во время святительства в Новгороде архиепископа Макария (с 1542 г. митрополита Московского) при митрополичьей кафедре на основе Новгородской IV летописи был составлен летописный свод, доводящий изложение до 1539 г. Он впоследствии стал одним из источников Лицевого свода, лег в основу новгородского летописания XVII в., но дошел и в первоначальном виде: его фрагмент читается в так называемой *Архивской летописи*, а полный текст — в *Новгородской летописи Дубровского*. Составление *Свода 1539 г.* исследователи совершенно справедливо связывают с архиепископом Макарием, а в качестве места его создания называют кафедру новгородских архиереев.

Ярким примером местного летописания является *Соловецкий летописец*, созданный в конце XVI в. Повествование в нем начинается с призвания Рюрика, но общерусские события излагаются кратко, зато история Соловецкого монастыря, а также события, происходившие на сервере России, передаются в подробностях.

☞ Во второй половине XVI в. летописный жанр переживает кризис. С одной стороны, составляются объемные летописные своды, максимально подробно повествующие о русской истории. С другой стороны, в самом последнем

из этих сводов летопись соединяется с миниатюрой и становится вспомогательным средством исторического повествования. Параллельно появляются исторические произведения нелетописного жанра, например, Степенная книга. В 1570-х гг. официальное летописание по неясным причинам прерывается и возобновляется только в XVII в.

4.6. Летописание XVII века

☞ Официальное общерусское летописание в XVII в. возродилось только в церковной сфере. Это так называемые патриаршие летописные своды.

Несмотря на то, что в 1630—1640-е гг. был создан ряд летописных памятников, среди которых Троицкая редакция Никоновской летописи, *Временник по степеням*, так называемый *Московский летописец* и некоторые другие, официальное общерусское летописание возродилось в церковной среде в середине XVII в. Между 1652 и 1658 гг. в патриаршем окружении был составлен обширный летописный свод, который доводит изложение до перенесения мощей митрополита Филиппа Колычева из Соловецкого монастыря в Москву в 1652 г.

Свод 1652 г. представляет собой соединение летописных известий с краткими житиями русских святых. По охвату событий, по характеру соединения извлечений из разных источников он значительно уступает общерусским летописям XVI в.

В 1670-е гг. келарем московского Чудова монастыря, являвшегося резиденцией патриархов, Варлаамом Палицыным была составлена *новая редакция Патриаршего летописного свода*, источником которого стали новгородские, псковские, Никоновская летописи, *Новый летописец*, *Русский хронограф*, *Космография*, *Хроника Мартина Бельского* и др. Следующая редакция была составлена в том же Чудовом монастыре в 1680—1688 гг.

В 1690-е гг. к тексту *Свода 1680-х гг.* присоединили так называемый *Летописец 1619—1691 гг.*, построенный на синодичных, исторических и «богомольных» записях, которые, видимо, в Чудовом монастыре велись на протяжении XVII в. Так возникла *редакция 1690-х гг.* О второй половине столетия в Летописце помещены непосредственные наблюдения очевидцев, что делает этот памятник ценным источником по истории общественной жизни России второй половины XVII в. К патриаршему летописанию второй половины XVII в. относится и *Мазуринский летописец*, составленный Исидором Сназиным около 1682 г.

Общерусский характер носят отдельные летописные компиляции XVII в., относительно происхождения которых нет окончательной ясности. Из них наиболее ценным является так называемый *Пискаревский летописец*, хранившийся в собрании старообрядческого купца Д. В. Пискарева (ныне в РГБ), от которого памятник и получил свое название. Известия Пискаревского летописца простираются до 1645 г., причем в его начальной части, до середины XVI в., изложение основано на известных источниках: Воскресенской летописи, Летописца начала царства, Степенной

книге, отдельных повестях и сказаниях, в том числе житийного характера и др.

С середины XVI в. Пискаревский летописец использует в качестве источника как краткие летописцы, так и документы (например, разрядные записи). Присутствуют в нем также легендарные известия. Исследователи полагают, что в состав Пискаревского летописца был включен летописец, охватывающий события с середины XVI в. до 1613 г. Далее следуют известия 1625, 1626 и 1645 гг., которые считаются приписками, сделанными уже автором Пискаревского летописца. Памятник содержит ценные, подчас уникальные известия о русской истории, причем как в компилятивной части до середины XVI в., так и в изложении событий второй половины XVI в. и начала XVII в.

В 1650–1660-х гг. в среде московского служилого дворянства была создана одна из самых популярных кратких летописных компиляций этого времени, «Летописец выбором», которая в соответствии с названием представляет собой выборку кратких известий о русской истории. «Летописец выбором» неоднократно дополнялся во второй половине XVII в. и, возможно, играл роль своего рода исторического справочника.

В XVII в. активно развивалось местное летописание, особенно во второй половине столетия. Почти в каждом городе, имевшем свою историческую традицию, свои святыни составляли местный летописец. Как правило, инициатива такого мероприятия исходила от церковных кругов.

Иногда, как в Нижнем Новгороде, основой летописца становилась выборка из общерусской летописи о местной истории. Так, на основе Типографской летописи в середине XVII в. был создан *Летописец о Нижнем Новгороде*, в основной части которого представлены известия о нижегородской истории, извлеченные из Типографской летописи. В 1670-е гг. на основе Летописца о Нижнем Новгороде был составлен так называемый Нижегородский летописец, в котором известия о местной истории занимают более значительное место.

Написанный в XVII в. в *Курске* летописец по жанру относится более к агиографической литературе, представляя собой скорее сказание о чудесах местной иконы Богоматери, чем летопись.

Произведение, называемое *Летописцем владимирского Успенского собора*, является описанием древних княжеских и епископских гробниц города Владимира (в основном находящихся в Успенском соборе), сопровождаемое выборкой из Воскресенской летописи.

В XVII в. активно развивалось новгородское и псковское летописание. В основе довольно многочисленной группы новгородских летописей этого времени лежит одна рукопись: так называемая *Новгородская Корнильевакая летопись*, которая принадлежала новгородскому митрополичьему дому (летописание велось при новгородских митрополитах); одним из митрополитов, Корнилием, в конце XVII в. она была увезена в Мартириев Зеленецкий монастырь. По этой причине летопись назвали Новгородской Кор-

нильевской. Ее первоначально доведенный до 1646 г. текст, источниками которого в ранней части стали Новгородская I и Софийская I летописи, содержит несколько слоев редакторской правки, которые соответствуют этапам летописной работы в Новгороде в XVII в.

На основе отредактированного текста Новгородской Корнильевской летописи были созданы *Новгородская III*, *Новгородская уваровская*, *Новгородская погодинская летописи* и ряд других памятников новгородского летописания второй половины XVII в.

Псковское летописание XVII в. представлено *Псковской III летописью*, которая представляет собой летописный свод 1567 г., продолженный до 1645 г., как полагают исследователи, в Псково-Печерском монастыре. Добавления, внесенные в свод 1567 г. на основе разных летописных источников, охватывают время с 1493 до 1645 г. Особый вид Псково-Печерского свода представляет его *Архивский II список*, созданный по заказу Василия Никифоровича Собакина, сына псковского воеводы Никифора Сергеевича Собакина. В этой рукописи читаются вставки из разрядных книг и отдельные сообщения о Н. С. Собакине.

☞ В некоторых случаях местные летописные традиции были столь значительны, что имели общерусское значение. Таково, например, сибирское летописание XVII в.

Первой об истории Сибири рассказала составленная в 1636 г. дьяком тобольского архиерейского дома Саввой Есиповым летопись — так называемая *Есиповская летопись*. Изложение в ней начинается с событий завоевания Сибири Ермаком в 1580 г. и заканчивается учреждением Тобольской епархии и прибытием в Сибирь первого сибирского архиепископа Киприана Старорусенкова в 1621 г. При составлении Есиповской летописи использовались произведения, созданные участниками и современниками похода Ермака: «Синодик ермаковым казакам» и «Написание казаков о походе Ермака Тимофеевича». На основе последнего составили еще одну раннюю сибирскую летопись — *Строгановскую*. Этот памятник летописания составлен в вотчине Строгановых Соли Вычегодской. Начинается Строгановская летопись изложением событий 1558–1585 гг. Большое внимание при описании присоединения Сибири к Русскому государству в летописи уделяется роду Строгановых.

Во второй половине XVII в. в Сибири создается *Сибирский летописный свод* (на основе Есиповской летописи и исторического сочинения «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее», которое называют также Сибирской летописью).

В конце XVII в. составлена иллюстрированная *«История Сибирская»* Семена Ульяновича Ремезова, в состав которой была включена *Кунгурская летопись*, рассказывающая об освоении Сибири в XVI–XVII вв. Ее источниками были, помимо письменных (среди которых «отписки» и «сказки» сибирских первопроходцев), также и устные: предания, легенды и др.

Для позднего летописания характерны отступления от жанра летописи, причем чем менее официальным оказывается произведение, тем больше

е в нем таких отступлений. По-видимому, жанр летописи в XVII в. считался принадлежностью церковной историографии, поэтому наиболее традиционные по своей форме официальные летописи этого времени были созданы при епископских кафедрах, монастырях и храмах. В то же время жанр летописи проникает во все социальные слои тогдашнего общества, создаются частные летописцы и летописные компиляции. Этот процесс отчасти продолжается и в XVIII в.

Для второй половины XVII в. было характерно составление семейных летописцев. Таковы летописцы Федора Меринова Волконского, Андрея Яковлевича Дашкова, князей Черкасских, суздальского сына боярского Ивана Нестеровича Кичигина, московских подьячих Шантуровых и др.

В XVII в. летописи становятся более разнообразными по исполнителям (официальное патриаршее летописание, светские летописные компиляции, монастырские летописцы, местные летописцы, частные летописцы и т.д.). Это говорит о том, что летопись все больше переставала решать общегосударственные задачи в качестве официальной исторической концепции, а использовалась ее составителями для решения локальных и даже личных задач.

Основным источником сведений по русской истории в XVIII в., вплоть до его последней трети, до издания трудов В. Н. Татищева, М. М. Щербатова и других историков, оставались летописи, которые неоднократно переписывались, редактировались, а также досочинялись. Летописные сочинения XVIII в. представляют собой компиляции, творческие переработки более ранних сводов. Достоверных оригинальных сведений в них мало, но присутствуют интерпретации, позволяющие реконструировать представления людей XVIII в. об отечественной истории.

Среди памятников официального летописания XVIII в. выделяется летописец, составленный в Монастырском приказе в 1703 г. по приказу Петра I. Эта компиляция хронографа, Степенной книги и летописи была призвана дополнить обзор всеобщей истории «*Введение краткое во всякую историю*», изданный И. Ф. Копиевским в Амстердаме в 1699 г. В 1744 г. в Коллегии иностранных дел по поручению канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина написали так называемую *Подробную летопись от начала России до Полтавской баталии*. В оригинале ее изложение заканчивалось на событиях 1722 г. Подробная летопись, имевшая целью дать краткий обзор всей истории России, стала последней из общерусских летописей. Произведением летописного жанра данную летопись можно назвать лишь условно, поскольку в ней далеко не всегда изложение ведется по годам, однако летописная форма там все же присутствует.

В XVIII в. продолжало развиваться частное и местное летописание. Последнее последовательно перетекло в провинциальную историографию. Таким образом, несмотря на распространение в XVIII в. исторических сочинений разного жанра, летописная форма все еще признавалась некоторыми авторами наиболее подходящей для исторического изложения. Именно так считал первый русский историк В. Н. Татищев, который

построил свою «Российскую историю» по летописному принципу, за что его называют не только *первым историком*, но и *последним летописцем*.

Контрольные вопросы и задания

1. Дайте определения терминам «хроника», «хронограф», «хронограф особого состава», «хронографический сборник».
2. Как определяется дата составления редакций Русского хронографа?
3. До какой даты доведено изложение в Хронографе редакций 1512, 1599, 1601, 1617 и 1620 гг.?
4. Какое число лет от Феодора Студита до современности указано в редакциях 1599, 1601, 1617 гг.?
5. Дайте определение понятиям «летопись», «летописный свод», «летописец».
6. На основании каких источников реконструируется летописание XI в.?
7. Назовите древнейший список русской летописи.
8. Назовите древнейший датированный список летописи. В каком году он написан?
9. Перечислите и охарактеризуйте лицевые летописи.
10. Охарактеризуйте летописные своды XVI в.
11. Дайте характеристику местному летописанию XVII в.

Основная библиография по главе 4

1. *Алешковский, М. Х.* Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. — М., 1971.
2. *Буганов, В. И.* Отечественная историография русского летописания: Обзор советской литературы. — М., 1975.
3. *Водолазкин, Е. Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси. — Мюнхен, 2000.
4. *Зиборов, В. К.* О летописи Нестора. Основной летописный свод в русском летописании XI в. — СПб., 1995.
5. *Истрин, В. М.* Александрия русских хронографов. — М., 1893.
6. *Истрин, В. М.* Исследования в области древнерусской литературы. — СПб., 1906.
7. *Истрин, В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе: текст, исследование и словарь. — Пг.; Л., 1920—1930. — Т. 1—3.
8. *Клосс, Б. М.* Русские летописи XI—XV вв. (материалы для описания) // Б. М. Клосс, Я. С. Лурье // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. — М., 1976. — Вып. 2. — Ч. 1.
9. *Корецкий, В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. — М., 1986.
10. *Кузьмин, А. Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. — М., 1977.
11. *Лихачев, Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. — М.; Л., 1947.
12. *Лурье, Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. — Л., 1976.
13. *Муравьева, Л. Л.* Летописание Северо-Восточной Руси XIII—XV вв. — М., 1983.
14. *Насонов, А. Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в. — М., 1969.
15. *Попов, А. Н.* Обзор хронографов русской редакции. — М., 1866, 1869. — Вып. 1, 2.

116. *Приселков, М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. — СПб., 1996.
117. *Солодкин, Я. Г.* История позднего русского летописания : учеб. пособие. — М., 1997.
118. *Творогов, О. В.* Древнерусские хронографы. — Л., 1975.
119. *Тихомиров, М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. — М., 1962.
220. *Тихомиров, М. Н.* Русское летописание. — М., 1979.
221. *Шахматов, А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. — М. ; Л., 1938.

Глава 5

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАКТАТЫ

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- особенности исторических трактатов как исторического источника;
- основные исторические трактаты по русской истории (до конца XVII в. включительно) и историю их создания;

уметь

- формулировать особенности исторического трактата и его отличие от других нарративных источников;
- описывать конкретный исторический трактат как исторический источник с применением научных стандартов источниковедческого анализа;
- извлекать информацию об исторических событиях и процессах из исторических трактатов;

владеть

- основами выявления мифологем и литературных топосов в нарративных источниках;
- основами верификации сведений исторических трактатов.

Ключевые термины и понятия: *Степенная книга, Латухинская степенная книга, Казанская история, Новый летописец, Василилигион, Титулярник, «Временник» Ивана Тимофеева, «Иное сказание», «История» Авраамия Палицына, Синописис.*

5.1. Степенная книга и ее редакции

- ☞ Первым опытом концептуального изложения русской истории в отечественном нарративе является созданная в середине XVI в. Степенная книга.

Степенная книга отличается как от летописи, так и от хронографа. Если в летописи организация материала осуществляется только по хронологическому принципу, а в хронографе к этому добавлено еще и тематическое деление (по царствам), то в Степенной книге выдержан определенный порядок изложения событий внутри каждого раздела, посвященного правлению очередного самодержца: сначала помещена выдержанная в панегирическом стиле характеристика правителя, а затем описаны наиболее важные события его правления.

- ☞ Общая композиция Степенной книги отражает разработанную московскими книжниками середины XVI в. концепцию русской истории, согласно которой Русью-Россией правила одна династия князей — потомков крестителя Руси Владимира Святого и предков правившего в то время Ивана IV. Таким

образом проводилась в жизнь идея сакрализации власти, крайне актуальная в России середины XVI в.

Еще одно новшество Степенной книги — обилие в ее составе агиографических текстов. Процесс проникновения в историческое повествование элементов жития начался в России задолго до создания Степенной книги. Отдельные черты житийной литературы заметны уже в «Повести временных лет» и на более ранних этапах летописания; неслучайно Нестор из известен нам не только как летописец, но и как создатель наиболее ранних русских житий: Феодосия Печерского и князей Бориса и Глеба. В поздние летописи, такие как Воскресенская и особенно Никоновская, в состав некоторых погодных статей жития включались почти целиком. Однако основным в них оставалось все же летописное повествование. Основой Степенной книги, напротив, послужили жития святых (недаром Степенную книгу исследователи иногда воспринимали как сборник житий). Летописный материал здесь играет далеко не главную роль.

Автором Степенной книги был царский духовник, протопоп кремлевского Благовещенского собора Андрей, выходец из Переславля-Залесского.

Текст Степенной книги разделен на части, каждая из которых соответствует правлению очередного князя из числа предков Ивана IV, от Владимира Святого до Василия III и самого Ивана IV. Каждый такой раздел назван степенью, т.е. ступенью лестницы. Получается, что Владимир Святой — это первая ступень, его сын Ярослав Мудрый — вторая ступень, Всеволод Ярославич — третья ступень, Владимир Мономах — четвертая ступень и т.д. Те князья, которые не являлись прямыми предками Ивана IV, не удостоены особой степени. Таким образом получалось, что вся история России представляет собой лестницу к Богу, ступени которой — князья из рода Рюриковичей, причем линия прямых предков Ивана IV.

Необычная композиция не удовлетворяла автора в отношении членения текста, поскольку степени (ступени) выходили разными по объему. Нужна была какая-то формальная система разделов и подразделов, которая позволяла бы без труда ориентироваться в столь сложной компиляции. Для этой цели текст Степенной книги был разделен на грани (каждая грань соответствовала степени-ступени), грань — на главы, а наиболее обширные главы — на титлы.

1 Первоначально текст Степенной книги доходил до кончины Василия III (XCVI грань-ступень). В конце Андрей поместил краткий вариант жизнеописания своего учителя Даниила Переславского, единственного святого, который, не будучи князем или митрополитом, удостоился в Степенной книге отдельного жития. Вскоре была написана степень-грань, посвященная царствованию Ивана IV, повествование доведено до 1559 г., оно обрывается на описании крымского похода русских войск.

1 Композиционное завершение текста, таким образом, отсутствует. Для Степенной книги с ее выверенным построением текста, казалось бы, следует ожидать иной концовки. В связи с этим исследователи полагают, что текст Степенной книги остался незавершенным. В этом нет ничего удивительного.

тельного, поскольку 31 декабря 1563 г. умер митрополит Макарий, Андрей принял монашество с именем Афанасия и стал новым митрополитом всея Руси. Вскоре страна была ввергнута в пучину опричнины; Андрей-Афанасий оставил митрополию и удалился на покой в кремлевский Чудов монастырь, где и прожил еще около 10 лет до своей кончины. В эти годы он, по-видимому, обращался к редактированию Степенной книги, но исправления и добавления уже не носили концептуального характера. Во всяком случае, окончание у Степенной книги так и не появилось.

☞ Оценивая Степенную книгу как исторический источник, следует иметь в виду, что большинство ее известий представляют собой заимствования из летописного или агиографического материала XV–XVI вв., правда, в своеобразной стилистической обработке. Степенная книга является скорее источником представлений человека XVI в. о русской истории, чем надежным источником по истории более раннего времени.

Для Степенной книги свойствен свой стиль, в котором выдержан практически весь текст этого произведения (за исключением вставных житий и повестей). В процессе стилистической обработки заимствованных известий из-под пера автора Степенной книги подчас появлялись новые подробности известных событий или их новые интерпретации. Так, рассказывая о приходе к Ярославу Мудрому из Византии мастеров церковного пения, автор Степенной книги замечает, что с этого времени на Руси получило распространение демественное пение, которое как разновидность церковного пения в действительности появляется лишь в XVI в. В этом и сходных случаях перед нами не сознательное желание ввести читателя в заблуждение, а попытка украсить повествование, сделать его занимательным.

☞ Значение Степенной книги еще и в том, что, являясь носителем первой исторической концепции в русской исторической мысли, в XVI–XVII вв. она часто использовалась как источник для других исторических сочинений и оказала большое влияние на историографию XVIII–XIX вв.

Наряду с Никоновской и Воскресенской летописями Степенная книга стала одним из основных источников Лицевого свода по русской истории, причем в ряде случаев, когда известия летописей и Степенной книги расходятся, в Лицевом своде отдается предпочтение варианту Степенной книги.

К Степенной книге обратились также в конце 1580-х гг. в связи с подготовкой учреждения патриаршества. Константинопольского патриарха предстояло убедить в том, что Россия должна стать патриархией. Вполне объяснимо, что в этой ситуации вспомнили о Степенной книге. Около 1589 г. приближенный к московскому митрополиту Иову владимирский архимандрит Иона Думин на основе первоначального текста создал новую редакцию Степенной книги. Вполне возможно, что перед ним не ставили такой задачи; требовалось лишь изготовить еще один список, предназначенный для копирования. Однако Иона Думин вставил в созданный им список краткие прославления Александра Невского, святого, мощи кото-

рого являлись главной святыней владимирского Рождественского монастыря, настоятелем которого был Иона.

В 1593 г. Иона написал новую редакцию «Жития Александра Невского», воспользовавшись текстом Степенной книги. Эту редакцию он также вставил в новый список Степенной книги. Чуть позже в него включили два «Слова на перенесение мощей московских митрополитов», составленные в конце XV в. Впоследствии эти «Слова» из Степенной книги изъяли. Так сформировалась Степенная книга редакции Ионы Думина.

В 1598 г. с кончиной царя Федора Ивановича и вступлением на престол Бориса Годунова оборвалась династия московских Рюриковичей. В связи с этим стал неактуальным главный постулат Степенной книги о том, что благополучие державы обеспечивается благополучием и продолжением династии. Последовавшие затем бедствия и разорения периода Смутного времени мало способствовали занятиям историей. Так или иначе, интерес к Степенной книге в первой трети XVII в. почти не прослеживается. Ситуация меняется к 1640-м гг., когда в государственной идеологии и политике намечается возвращение к идеям эпохи Грозного.

С этого времени начинается процесс популяризации Степенной книги. В ее тексте появляется еще одна степень-грань, восемнадцатая, посвященная потомку князя Владимира в восемнадцатом колене царю Федору Ивановичу. Последующая история излагается в соответствии с Хронографом редакции 1617 г., т.е. события группируются по царствам Бориса Годунова, Лжедмитрия I, Василия Шуйского и Михаила Федоровича Романова.

Справка

1598 г. был точкой, после которой применить структуру Степенной книги в историческом повествовании оказывалось невозможно. Преодолеть это противоречие пытались неоднократно. Известный книжник-агиограф, выходец из Соловецкого монастыря, Сергей Шелонин в своем хронографе всю русскую историю разделил на степени, начав с князя Владимира, но на Федоре Ивановиче отнюдь не закончив. Сергей объявил Бориса Годунова незаконным царем и следующую после царя Федора двадцатую степень отдал Василию Шуйскому, хотя тот был потомком князя Владимира совсем не в двадцатом колене. Двадцать первую степень у Сергея занял Михаил Федорович Романов как «внук» царя Федора Ивановича, хотя в действительности он был его двоюродным племянником. Подобные натяжки демонстрируют желание книжников согласовать династические реалии своего времени с концепцией Степенной книги. В 1657 г. указом царя Алексея Михайловича был учрежден Записной приказ, задачей которого было продолжение Степенной книги до современности. Просуществовав два года, этот приказ так и не справился со своей задачей.

Новая редакция Степенной книги, так называемая Латухинская, в которой династическая концепция русской истории была согласована с ситуацией XVII в., появилась только в 1678 г. Ее автором стал архимандрит Макарьевского Желтоводского монастыря Тихон. Он разделил всю русскую историю на три периода, которые можно условно назвать языче-

ским, династическим и царским. Языческий период включает в себя три части, соответствующие правлениям Рюрика, Игоря и Святослава. Династический период повторяет структуру канонического текста Степенной книги: он разделен на 16 степеней от крестителя Руси князя Владимира до Василия III. Следующий, царский, период начинается с Ивана IV — первого царя. Далее следует второй царь Федор Иванович, третий — Борис Годунов, четвертый — Василий Шуйский, пятый — Михаил Федорович, шестой — Алексей Михайлович и седьмой — Федор Алексеевич. Таким образом, внутри каждого периода нумерация правителей начинается сначала, однако все периоды оказываются связаны династически: князь Владимир был сыном князя Святослава, а Иван IV — сыном Василия III. Этот остроумный прием позволил Тихону без натяжек и искажений приспособить Степенную книгу для нужд исторического повествования XVII в. Центральной для новой редакции стала тема царства.

Редакция Тихона отличается от канонического текста Степенной книги еще и наличием большого количества житий русских святых. Здесь Тихон поступил просто: он выписал все русские жития из печатного Пролога и расположил их в виде отдельных главок по всему тексту своего сочинения. Дополнительным источником здесь было киевское издание «Киево-Печерского патерика». Если в Степенной книге XVI в. встречаем жития только князей и митрополитов (за исключением Жития Даниила Переславского), что объясняется следованием концепции, то в Ладухинской Степенной книге история России предстает как история святых, причем самых разных по своему социальному положению — князей, монахов и мирян.

☞ В связи с началом изучения русской истории отношение к Степенной книге изменилось. Историки XVIII в. предпочитали летописи в качестве источника по древнерусской истории. Степенную книгу критиковали за провиденциализм и недостоверность известий. Лишь к концу XVIII в. можно отнести начало интереса к Степенной книге как историческому источнику.

5.2. Русские исторические сочинения XVI—XVII веков

☞ В XVI в. историческое повествование постепенно отходит от традиционных средневековых форм летописи и хронографа. В XVII в. достижения исторической мысли предшествующего столетия были развиты. Эта эпоха в России характеризуется сосуществованием черт Средневековья и Нового времени. Так, с одной стороны, продолжали создаваться и редактироваться летописи и хронографы, а с другой — развивалась новая форма исторического повествования — исторические трактаты и литературные произведения.

«Казанская история» посвящена истории взаимоотношений Русского государства и Казанского ханства вплоть до завоевания последнего в 1552 г. Здесь присутствуют и предыстория появления Казанского ханства, и подробное описание штурма Казани, и возвращение русского войска в Москву с триумфом. «Казанская история» построена на истори-

ческом материале, который подвергся высокоталантливой литературной обработке. Среди ее источников Новгородская IV, Софийская II, Львовская, Никоновская и Воскресенская летописи, Летописный свод 1479 г., Хронограф редакции 1512 г.

Текстуально и тематически близки к «Казанской истории» две грамоты о казанском взятии, составленные в Троице-Сергиевом монастыре в 1550-е гг. В конце XVI в. появилась вторая редакция «Казанской истории», в которой были сделаны обширные вставки из летописного источника и Степенной книги. Именно в таком виде данное произведение получило широкое распространение: в настоящее время известно более 250 списков.

К русским историческим сочинениям, хотя и созданным за границей, нужно отнести «Историю о князя великого московского делех» — историческое сочинение князя Андрея Михайловича Курбского (1528—1583), эмигрировавшего в Великое княжество Литовское.

А. М. Курбского иногда называют «первым русским диссидентом», что не совсем справедливо. Князь стал политическим эмигрантом, сбежав в Литву в 1564 г., не из-за преследований за свои взгляды, а опасаясь раскрытия своих тайных контактов с литовскими князьями Радзивиллами. Он справедливо полагал, что такие связи с военным командованием державы, с которой Россия в те годы вела войну, будут расценены как измена.

Уже оказавшись за границей, А. Курбский стал изображать себя борцом с царской тиранией и беглецом «из идейных соображений». Он последовательно занимался заочной борьбой с Иваном Грозным на страницах своих сочинений. Эпистолярное наследие князя и его знаменитая переписка с русским царем рассмотрена в разделе, рассказывающем о русской эпистографии XVI в. (☞ 6.2).

К концу жизни А. Курбский написал историю правления Ивана IV, известную под заголовком «История о князя великого московского делех» и, согласно наиболее аргументированной версии К. Ю. Ерусалимского, созданную в конце 1570-х — начале 1580-х гг. (до 1583 г.) под влиянием как российских, так и европейских ренессансных исторических традиций. К российскому нарративу этот памятник можно отнести потому, что его автор был эмигрантом русского происхождения и писал о русской истории на русском языке. Данное произведение — единственный отечественный мемуарный источник, дошедший от XVI в.

Оригинал сочинения А. Курбского до нас не дошел. Все рукописи являются поздними копиями XVII—XVIII вв. Наиболее близкой к протографу считается рукопись из сборника, хранящегося в Отделе рукописей Государственного исторического музея (собрание Уварова, № 301).

«История о князя великого московского делех» состоит из двух больших частей, внутри которых выделяются разделы (главы). Первая, так называемая «Хроника», — повествование князя об истории правления Ивана IV. Рассказу о кровавой тирании Грозного посвящена вторая часть произведения — так называемый мартиролог, перечисление убитых и подвергнутых пыткам и гонениям подданных царя. Отдельно описываются репрессии против аристократии, духовенства и т.д.

Главной мыслью и целью написания «Истории о князя великого московского делех» для А. Курбского было изображение истории грехопадения некогда праведного царя Ивана Васильевича Грозного. Собственно, с этого и начинается произведение: А. Курбский говорит, что его многократно спрашивали, как такой добрый и «нарочитый» государь, столько радевший и воевавший за Отечество и православие, превратился в слугу Сатаны и чуть ли не Антихриста? Тем самым, по справедливому замечанию А. В. Каравашкина, «князь Андрей фактически обвинял Грозного и его приближенных в антихристианском поведении». Разоблачение Ивана Грозного как слуги Дьявола и врага православного христианства, святой Руси — главная идея, которой подчинено все повествование.

В этом смысле «История о князя великого московского делех» как исторический источник имеет удивительную судьбу. В ней много предвзятого, неточного и малодостоверного. Например, посвящая большую часть текста описанию репрессий и казней, А. Курбский нигде ни словом не упоминает об опричнине — терроре против своих подданных, на самом деле развязанном царем в 1565—1572 гг. История опричнины не вписывалась в авторский замысел, и беглый князь о ней умолчал. Не все сведения А. Курбского о царских преступлениях находят подтверждение в независимых свидетельствах. Некоторые подробности исторических событий вымышлены князем.

В то же время вряд ли можно назвать какой-либо другой русский нарратив XVI в., который оказал такое большое влияние на историографию. Многие историки XIX—XX вв. в своих изысканиях по истории правления Ивана Грозного следовали вслед за А. Курбским, транслируя его логику, подход к изображению эпохи и даже некоторые факты, которые нуждаются в проверке.

☪ Не будет преувеличением сказать, что именно «История о князя великого московского делех» А. Курбского определила историографическую концепцию описания правления Ивана Грозного для нескольких поколений историков, от «Колумба российской истории» Н. М. Карамзина до современных ученых.

В начале XVII в. основной темой русской историографии была Смута (связанным со Смутой памятникам исторической мысли посвящен параграф 5.3). Смутное время начала XVII в. оказало столь сильное влияние на умы современников, что интерес к древнерусской истории заметно ослаб. Люди больше интересовались современностью, непосредственно событиями начала XVII в., поэтому исторических сочинений от первой половины XVII в. дошло немного.

Характерным примером историописания первой половины XVII в. является «Сказание о Словене и Русе», посвященное древнейшей истории Руси. Как полагают исследователи, это произведение было составлено в Новгороде, потому что в нем содержатся объяснения ряда топонимов Новгородской земли. По содержанию «Сказание о Словене и Русе» можно определить как псевдоисторическое, так как в нем не отразилась ни одна

историческая реалья, зато текст изобилует вымышленными персонажами и событиями.

«Сказание о Словене и Русе» повествует о правнуках библейского Иафета Скифе и Зардане (или Казардане), от которых произошли скифы и хазары. Среди потомков Скифа названы Словен и Рус (родоначальники русских), Болгар (родоначальник болгар), Коман (родоначальник половцев, которых называли куманами) и Истр. Далее рассказывается о том, как Словен и Рус переселились на север. Словен основал город Словенск, ставший впоследствии Новгородом, а Рус — город Русу (ныне Старая Руса). Река Волхов получила название в честь старшего сына Словена, который был колдуном и волхввателем. Его-то якобы древние славяне и называли Перуном. Далее рассказывается о том, как на славян вознамерился идти войной Александр Македонский и послал славянским князьям Асану, Хасану и Авесхасану (потомкам Словена и Руса) грамоту с требованием покориться ему. Как видно, историческая канва полностью вымышленна, зато повествование стало занимательным. Данное произведение имело большую популярность в историко-литературных компиляциях XVII—XVIII вв.

Во второй половине XVII в. было составлено несколько произведений, которые можно назвать историческими трактатами. Автором одного из них являлся дьяк Разрядного приказа Федор Акимович Грибоедов (ум. в 1673), который 27 декабря 1668 г. по царскому указу был награжден за то, что «по имянному ево великого государя указу, зделал Степенную книгу благоверного и благочестивого рода Романовых». «История» Ф. А. Грибоедова названа так в указе потому, что Степенная книга стала ее основным источником.

☞ Поскольку есть указание на то, что «История» Ф. А. Грибоедова была «взята к великому государю в Верх», С. Ф. Платонов высказал предположение, что свой труд автор писал для обучения русской истории царских детей, т.е. это — первый отечественный учебник русской истории.

Авторский текст Ф. А. Грибоедова содержал 34 главы, позднее появились еще две, а уже после смерти автора текст был доведен до воцарения Федора Алексеевича, т.е. до 1676 г., и составил 41 главу. На заключительном этапе появились выписанные из родословной книги родословия удельных князей. Большая часть труда Ф. А. Грибоедова — это краткий пересказ Степенной книги. Для изложения событий второй половины XVI — XVII в. привлекались тексты Хронографа редакции 1617 г. (характеристика Грозного и его жены Анастасии), «Истории» Авраамия Палицына, Утвержденной грамоты об избрании на российский престол царя Михаила Федоровича, издания Кормчей 1653 г. (поставление Филарета в патриархи) и, возможно, других источников. Особый акцент делается на родственные связи князей, количество сыновей у каждого из них и прочее, что согласуется с предположением С. Ф. Платонова о намерении использовать это сочинение в качестве учебника. Главным достижением Ф. А. Грибоедова в глазах царя было соединение династий Рюриковичей и Романовых в единую линию.

В 1670-е гг. крупнейшим светским центром создания историко-литературных сочинений в Москве был Посольский приказ, главе которого боярину А. С. Матвееву исследователи приписывают инициативу «строения» книг светского содержания. Основным исполнителем большинства сочинений, созданных в Посольском приказе, был Николай Спафарий (Милеску), который, будучи выходцем из среды молдавских аристократии, получил образование в Константинополе, служил при дворе молдавского господаря (за участие в неудачной придворной интриге поплатился «урезанным» носом и был вынужден эмигрировать), посещал страны Западной и Восточной Европы, где получил некоторую известность как богослов. В 1671 г. Н. Спафарий прибыл в Москву, был зачислен переводчиком Посольского приказа и состоял в этой должности до смерти, до 1708 г.

Вскоре по приезде в Россию Н. Спафарием было создано несколько исторических сочинений компилятивного плана, самое раннее из которых — *Титулярник*. В работе над этим произведением, которое создавалось с января по май 1672 г., соединились усилия Н. Спафария, подьячего Посольского приказа Петра Долгова и иконописцев Ивана Максимова (Посольский приказ) и Дмитрия Львова (патриаршие мастерские). В результате получился трактат, посвященный истории дипломатических сношений России с другими странами. Повествование сопровождается портретами русских великих князей, царей, патриархов, а также правителей крупнейших государств Запада и Востока. Присутствуют и изображения гербов.

Еще одно созданное в 1670-е гг. историческое сочинение Н. Спафария, *Василлилогион*, состоит из биографий наиболее прославленных правителей античной, библейской, византийской и русской истории, среди которых Навуходоносор, Давид, Соломон, Александр Македонский, Юлий Цезарь, Октавиан Август, Константин Великий, Феодосий, Владимир Мономах, Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван Грозный, Федор Иванович, Михаил Федорович и Алексей Михайлович. Таким образом, Н. Спафарий попытался поставить героев русской истории в один ряд с героями истории библейской, античной и византийской. Отметим, что в биографиях русских правителей встречаются ошибки и несообразности, которые объясняются недостаточной осведомленностью автора в русской истории. К тому же для Н. Спафария было важно другое — наглядно показать, что русские цари и их предшественники ничем не уступают знаменитым властелинам древности.

Другой ученый-иностранец на русской службе, хорват Юрий Крижанич (ок. 1618—1683), также известный как автор исторической компиляции, прибыл, а точнее «выехал» (т.е. приехал служить), в Москву в 1659 г. в качестве католического миссионера. В 1661 г. при невыясненных обстоятельствах его сослали в Тобольск, где он жил до воцарения Федора Алексеевича, который разрешил ему вернуться в Москву. В 1678 г. Ю. Крижанич навсегда покинул Россию. В Тобольске он составил сборник историко-политических сочинений, среди которых были и тексты, посвященные русской истории. Находясь в Тобольске, Ю. Крижанич должен был доволь-

ствовать той литературой, какую сам смог раздобыть. Так, основным источником по русской истории для него стал Летописный свод 1652 г. Главное достоинство писаний Ю. Крижанича по русской истории заключается в критическом отношении к легендам и идеям московской книжности, которые русскими книжниками часто воспринимались как нечто освященное традицией и потому неизблемое. Так, Ю. Крижанич с недоверием отнесся к легенде о происхождении Рюрика от римского императора Октавиана Августа. В лице Ю. Крижанича мы встречаем мыслителя европейского типа на русской почве.

Одним из самых последних исторических трактатов XVII в. следует считать «Скифскую историю», написанную в 1692 г. стольником Андреем Ивановичем Лызловым (ок. 1655 — не ранее 1697) на материалах многочисленных источников, как русских (летописи, Хронограф, Степенная книга, «Казанская история», Синописис и др.), так и иностранных (труды Геродота, Квинта Курция, Вергилия, Овидия и др.). В своем труде А. Лызлов попытался проследить многовековую историю борьбы христианских народов Европы с кочевниками, которых считал, следуя средневековой традиции, потомками скифов. Повествование в «Скифской истории» начинается с античности (рассматривается история северного Причерноморья) и доводится до XVII в., т.е. до современности.

Первым изданным в печати сочинением по русской истории стал Синописис, который был создан в Киево-Печерском монастыре в начале 1670-х гг., в то время, когда обострились отношения России и Речи Посполитой и решалась судьба находившегося под временным русским протекторатом Киева.

Первое издание вышло в 1674 г., с традиционным для киевской книжности названием «Синописис» (полное название «Киевский синописис, или Краткое собрание от различных летописцев о начале славенороссийского народа и о первоначальных князех богоспасаемого града Киева») и под именем архимандрита Киево-Печерского монастыря Иннокентия Гизеля, что было принято для изданий, осуществляемых монастырской типографией. Составленный на основе летописной и историографической традиции, а также бытовавших в то время в Киеве древнерусских источников, Синописис повествует о древней, преимущественно домонгольской, истории русских земель.

В центре интересов Синописиса древняя история Киева, поскольку этой теме была посвящена Хроника Феодосия Сафоновича — один из основных источников Синописиса. Начиная со второго (1678) и третьего (1680) изданий к тексту Синописиса присоединяли рассказы о современных событиях, а также обширные фрагменты «Сказания о Мамаевом побоище». Таким образом, Синописис, начиная с третьего издания, излагал русскую историю хоть и пунктирно, но с наибольшим хронологическим охватом. Есть данные, что второе издание Синописиса в России использовали уже в год его выхода. Со временем Синописис стал самым популярным сочинением по русской истории, известны его многочисленные издания XVIII и XIX вв.

После выхода в 1680 г. третьего издания Синописа, где было существенно расширено повествование о русской истории московского периода, царь Федор Алексеевич распорядился подготовить новый исторический трактат с использованием источников не только русских, но и иностранных. Эта работа завершена не была, сохранилось только предисловие к ней, в котором неизвестный автор рассуждает о пользе истории с древнейших времен до современности. Таким образом, к концу XVII в. уже осознавалась необходимость написания специальных работ по истории.

5.3. Сказания и повести о Смутном времени

Смутное время начала XVII в. положило начало новому этапу в истории России. В обществе произошли значительные перемены: появилась новая правящая династия, на долгое время сформировалось отрицательное отношение к носителям западноевропейской культуры, страна оказалась разоренной. Последствия Смутного времени изживались на протяжении десятилетий, и все же полностью восстановить прежние формы жизни было невозможно. Смута стала в определенном смысле рубежом в истории позднесредневековой России. Людей XVII в. волновали и интересовали эти изменения в их жизни, осмыслить которые они пытались через оценку событий Смутного времени. В связи с этим Смуте посвящен большой комплекс литературно-исторических произведений XVII в., жанр которых можно определить как историческую публицистику. Данная литература, созданная на протяжении всего XVII в., посвящена событиям рубежа XVI–XVII вв. и первого десятилетия XVII в.

Одни из произведений о Смуте отличаются подробностью изложения, другие — образностью характеристик, но все они объединены стремлением осмыслить эпоху недавнего прошлого, столь сильно повлиявшую на настоящее.

Самым популярным из них ранних сочинений о Смуте стала *«Повесть, како отомсти всевидящее око Христос Годунову пролитие неповинные крови новаго страстотерпца благовернаго царевича Дмитрея Угличьскаго»* и ее более поздняя переработка *«Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов...»*.

«Повесть, како отомсти всевидящее око Христос Годунову пролитие неповинные крови новаго страстотерпца благовернаго царевича Дмитрея Угличьскаго» была составлена в Троице-Сергиевом монастыре одним из монахов, который был очевидцем большинства событий (за исключением заграничных походов Григория Отрепьева и еще нескольких эпизодов), о которых написал. В произведении излагаются события конца XVI — начала XVII в. (до избрания на царство Василия Шуйского), причем автор не только не скрывает своих политических взглядов, но даже страстно их пропагандирует: виновником всех несчастий объявлен Борис Годунов — убийца царевича Дмитрия и фактический узурпатор царского престола. По сравнению с Годуновым даже Григорий Отрепьев не выглядит

злодеем, хотя автор его и осуждает. Положительный персонаж повести — нововенчанский царь Василий Шуйский, с именем которого связываются надежды на окончание Смуты. Произведение написано книжным языком. Автор сам заявляет, что за образец повествования взял Хронику Константина Манасии. Возможно, именно литературные достоинства обеспечили данной повести популярность в исторической письменности XVII в.

Одно из самых ранних литературных произведений о Смутном времени — так называемая «*Повесть о Смуте из статейного списка*», которая была составлена непосредственно после убийства Лжедмитрия I как руководство для послов в Речь Посполитую князя Г. К. Волконского и дьяка А. Иванова, отправленных новым царем Василием Шуйским непосредственно после коронации. Описанием коронации Шуйского, состоявшейся 1 июня 1606 г. и завершается текст произведения. По-видимому, в это время повесть и была составлена. Текст «*Повести о Смуте из статейного списка*» дошел в составе статейного списка посольства Г. К. Волконского и А. Иванова. Отправляя послов к польскому королю Сигизмунду III, Василий Шуйский пытался наладить мирные отношения с Речью Посполитой. Отсюда в повести резкие обвинения в адрес Лжедмитрия I, которые должны оправдать его свержение с престола и расправу над ним.

Произведения, созданные во время Смуты, носят ярко выраженный публицистический характер, что выражается и в их взаимовлиянии: однажды найденная удачная форма подачи материала переходит из текста в текст. Это особенно хорошо видно на примере жанра чудесных видений. Люди были настолько измучены непрекращающимися военными действиями, грабежами и убийствами, что окончание бедствий ожидали не от правительства, а от божественного вмешательства. В такой обстановке мистические настроения, вообще довольно сильные в обществе, проявлялись все чаще. Следствием этого стали видения различным лицам, в которых говорилось об окончании Смуты и которые записывались и оформлялись в виде самостоятельных произведений.

Первым из таких произведений, повлиявшим на последующие, стала «*Повесть о видении некоему мужу духовну*» протопопа кремлевского Благовещенского собора Терентия, написанная в 1606 г. в ожидании нападения на Москву войск И. Болотникова. «*Повесть о видении в Новгороде*» рассказывает о видении новгородских чудотворцев некоему монаху Варламу в Софийском соборе накануне захвата Новгорода шведами в 1611 г. Используя в качестве источника произведение протопопа Терентия, автор новгородской повести изменяет ее главную идею. Терентий повествует о видении «некоему святу мужу» Богородицы и Иисуса Христа в московском Успенском соборе. Согласно видению Богородица вымолила у Христа спасение России, обязательным условием которого было объявлено всеобщее покаяние. В новгородском видении Богородица, окруженная сонмом новгородских святых, за грехи людей предает город в руки врагов. Из этого исследователи делают вывод, что новгородская повесть написана уже после оккупации Новгорода шведами. «*Повесть о видении в Нижнем Новгороде*», также написанная в 1611 г., но еще до захвата Новгорода шведами (во всяком случае автор не знал об этом), также исполь-

зует повесть Терентия в качестве источника, вводя в сюжет нижегородские реалии. В частности, заслуживает внимания призыв к всенародному единению перед лицом врагов, который сыграл решающую роль позднее, при формировании второго ополчения. С нижегородской повестью связана и «Повесть о видении во Владимире», сходная с ней по сюжету; только во Владимире визионером стала женщина, которой явилась Богородица. Обе повести, нижегородская и владимирская, рассылались в 1611 г. по городам, являясь составной частью патриотической переписки между последними, которая предшествовала созданию ополчения.

Целый ряд сочинений был создан после окончания Смутного времени, но их авторами являлись непосредственные участники событий. К этим произведениям следует отнести и главы о Смуте *Хронографа редакции 1617 г.*, и *Новый летописец*, и некоторые памятники агиографии (например, «Житие царевича Димитрия»). Особое место занимают авторские сочинения, в которых предпринимаются попытки осознать недавние события. При этом сглаживаются противоречия, даются более нейтральные характеристики некоторым одиозным фигурам. Так, гораздо более сдержанно авторы отзываются о Василии Шуйском и его царствовании.

Кроме того, описание Смуты используется авторами для выражения своих политических и мировоззренческих позиций. Одна из таких повестей написана князем Иваном Михайловичем Катыревым-Ростовским, который несмотря на относительно невысокий чин московского дворянина принадлежал к высшей знати России того времени. Помимо знатного происхождения, И. М. Катырев-Ростовский был в свойственных отношениях с новой династией: его первая жена — дочь патриарха Филарета и, соответственно, сестра царя Михаила Федоровича. Князь за чинами не гнался, но служил честно, насколько это возможно при всеобщем «шатании» в Смутное время. В 1608 г. он все же впал в немилость к Василию Шуйскому и был послан на воеводство в далекий Тобольск, где и пробыл до конца Смуты. Таким образом, И. М. Катырев-Ростовский являлся очевидцем не всех событий, о которых писал. Его повесть не изобилует эмоциональными оценками, в ней нет и пересказа мелких фактов. Борису Годунову дается в целом положительная характеристика, сохраняется беспристрастность по отношению к Василию Шуйскому. Григорий Отрепьев, без сомнения, выведен как отрицательный герой повести, но замечательно, что автор обвиняет его за конкретные поступки и действия. Несмотря на явную близость к Романовым, И. М. Катырев-Ростовский избегает прямых похвал в адрес Филарета. В этом сочинении, написанном непосредственно после окончания Смуты, присутствуют элементы историзма, что позволяет отнести его уже не к публицистике, а к исторической прозе.

Сочинение о Смуте князя Ивана Андреевича Хворостинина также отражает характер и воззрения автора. Совсем юным И. А. Хворостинин служил при дворе Лжедмитрия I, был у него в фаворе, а затем, после его свержения, оказался в опале. Дальнейшая служба И. А. Хворостинина сопровождалась периодическими обвинениями в симпатиях к католицизму и западноевро-

пейской культуре. Современники отзываются о нем как о высокомерном, неприятном в общении человеке. Под стать автору и его сочинение «Слова дня, и царей, и святителей московских...», в котором И. А. Хворостинин сосредоточивается на собственной фигуре, причем старается себя всячески обелить и подчеркнуть свое значение в событиях Смуты. В реальности оно было не столь велико. Событийный ряд в сочинении И. А. Хворостинина представлен на редкость бедно, укажем как пример, что в тексте отсутствуют даты. Несмотря на это просматривается центральный герой эпохи, которым, по мнению автора, был патриарх Гермоген.

Произведение князя Семена Ивановича Шаховского представляет собой трактат о царевиче Димитрии. Источником трактата стала повесть И. М. Катырева-Ростовского. Сочинение С. И. Шаховского сближает со «Словами дня, и царей, и святителей московских...» И. А. Хворостинина именно литературная составляющая, в тексте упомянуто минимальное количество фактов. Произведение состоит из двух частей: жития царевича Димитрия и повествования о Лжедмитрии I («Повесть о некоем мнISE, како послася от Бога на царя Бориса»). Эти части связаны хронологически, тематически и литературно. Через все сочинение проходит идея возмездия Борису Годунову за его грехи и тема смирения, которое является спасительным в любой жизненной ситуации. Перед нами попытка осмыслить исторический опыт Смутного времени, придать историческому повествованию нравоучительный характер.

Смуту описывали не только аристократы, но и представители других слоев населения. Из сочинений, написанных церковными авторами, самым известным стала «История» келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына — деятельного участника событий Смутного времени. В период осады польскими войсками Троице-Сергиева монастыря А. Палицын участвовал в сочинении грамот патриотического содержания, которые рассылались по городам и сыграли значительную роль в единении общества. В «Истории» троицкий келарь рассказывает о событиях, хорошо ему известных: об осаде Троице-Сергиева монастыря. Автор пишет о своей роли в защите монастыря, подчеркивая, подобно И. А. Хворостинину, значительность своих действий. В то же время сочинение А. Палицына наполнено фактическими деталями, диалогами действующих лиц. Автор явно стремился запечатлеть исторический процесс во всем его многообразии, и в этом «История» сближается с повестью И. М. Катырева-Ростовского. Важно в произведении А. Палицына осознание роли народных масс в историческом процессе, в этом он как историк оказался состоятельнее своих современников.

Из приказной среды вышел Иван Тимофеев — автор еще одного известного произведения о Смуте, так называемого «*Временника*».

«Временник» написан тяжелым витиеватым языком, свидетельствующим о попытке автора поддаться под стиль церковной книжности, а также о том, что он этим стилем не владел. И. Тимофеев описывает бедствия, постигшие Русскую землю, причем, задаваясь вопросом о причине этих бедствий, критикует внутреннюю политику Ивана Грозного и Бориса

Годунова, изменивших «законный порядок» реформы и пр. Здесь, как и в других сочинениях, созданных современниками Смуты после ее окончания, заметно стремление осмыслить события недавнего прошлого.

☞ Отдельную группу составляют компиляции, опирающиеся на сочинения современников Смуты. Часто они соединяют фрагменты нескольких источников, которые противоречат один другому в оценках событий. Эти источники как бы «говорят разными голосами».

Например, в составленном в 1630–1640-е гг. тексте «*Иное сказание*» повествование ведется с привлечением «Повести, како отомсти всевидящее око Христос Годунову пролитие неповинные крови новаго страстотерпца благовернаго царевича Дмитрея Угличьскаго» и Хронографа редакции 1617 г. В свою очередь, «*Иное сказание*» широко использовано в тексте Хронографа редакции 1620 г.

Компиляцией является и так называемая «*Рукопись Филарета*», в действительности не имеющая к патриарху Филарету отношения (эта безосновательная атрибуция появилась в конце XVII в.). Она написана в 1620-е гг. на столбце, как полагают, в Посольском приказе. Среди ее источников выделяют повесть И. М. Катырева-Ростовского и, предположительно, Новый летописец.

Новый летописец был составлен около 1630 г. Он освещал события Смутного времени с позиций Романовых и, в частности, патриарха Филарета. Несмотря на свое название, данное произведение летописью не является. Оно разделено на главы, каждая из них представляет собой законченное повествование, в котором даты хотя и присутствуют, но не являются главной и непременной частью рассказа. В заголовке Нового летописца присутствуют слова «степень царя Федора Иоанновича», что наводит на мысль, что автор или авторы сочинения ставили целью продолжить текст Степенной книги, которая завершается на степени Ивана Грозного. Новый летописец был чрезвычайно популярен в XVII в., известно несколько десятков его списков. Стилль его повествования существенно повлиял на исторические сочинения последующего времени.

☞ Смута занимала умы русских людей на протяжении всего XVII в. На примере повестей и сказаний о Смутном времени можно проследить процесс превращения современности в историю, а публицистики — в историографию.

Контрольные вопросы и задания

1. Прокомментируйте название «Степенная книга царского родословия».
2. Какие редакции Степенной книги были созданы в XVI в., в XVII в.?
3. Кто был автором Степенной книги XVI в.?
4. Кто был автором Латухинской степенной книги?
5. Перечислите основные исторические сочинения XVI и XVII вв.
6. Дайте характеристику историческим сочинениям князя А. Курбского и расскажите об их влиянии на историографию.

7. Охарактеризуйте историографическую деятельность Н. Спафария и Ю. Крижанича.

8. В чем отличия сочинений о Смутном времени, написанных очевидцами и авторами, не принимавшими непосредственного участия в описываемых событиях?

9. Проанализируйте состав каждой степени в Степенной книге XVI в. и в Латухинской степенной книге и определите, какие события их авторы считали наиболее важными.

10. Выявите в оглавлениях Степенной книги XVI в. и Латухинской степенной книги совпадающие главы, а также главы, имеющиеся в Степенной книге XVI в. и отсутствующие в Латухинской степенной книге. В чем причина того, что данные главы не были включены в редакцию XVII в.?

Основная библиография по главе 5

1. *Архангельский, А. С.* Образование и литература в Московском государстве конца XV—XVII вв. Из лекций по истории русской литературы. — Казань, 1898. — Вып. 1.

2. *Белокуров, С. А.* Из духовной жизни московского общества XVII в. — М., 1903.

3. *Богданов, А. П.* Московская публицистика последней четверти XVII века. — М., 2001.

4. *Вальденберг, В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. — М., 2006.

5. *Васенко, П. Г.* «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. — Ч. 1 // Записки историко-филологического факультета имп. С.-Петербург. ун-та. — СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1904. — Ч. 73.

6. *Вовина-Лебедева, В. Г.* Новый летописец: история текста. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.

7. *Дмитриева, Р. П.* Сказание о князьях владимирских [Исследование и текст]. — М.; Л., 1955.

8. *Дьяконов, М. А.* Власть московских государей: очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI века. — СПб., 1889.

9. *Ерусалимский, К. Ю.* Сборник Курбского: Исследование книжной культуры. — Т. 1. — М., 2009.

10. *Милюков, Н. П.* Главные течения русской исторической мысли. — 3-е изд. — СПб., 1913.

11. *Михайловский, И. Н.* Важнейшие труды Николая Спафария (1672—1677) (Читано в собрании Историко-филологического общества при Институте кн. Безбородко в Нежине). — Киев, 1897.

12. *Платонов, С. Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник // *Его же.* Собр. соч.: в 6 т. — М., 2010. — Т. 1.

13. *Синицына, Н. В.* Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). — М., 1998.

14. *Сиренов, А. В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI—XVIII вв. — М.; СПб., 2010.

15. *Усачев, А. С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. — М.; СПб., 2009.

Глава 6

ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- особенности берестяных грамот как исторического источника;
- особенности эпистографии как жанра;
- основные памятники русской эпистографии Средневековья и раннего Нового времени;

уметь

- читать оригинальный текст берестяной грамоты;
- применять методы анализа нарративных источников к эпистографическим памятникам;
- извлекать информацию об исторических событиях и процессах из памятников эпистографии;

владеть

- методами датировки и атрибуции эпистолярных памятников;
- основами выявления мифологем и литературных топосов в нарративных источниках;
- основами верификации сведений эпистолярных памятников.

Ключевые термины и понятия: *берестяные грамоты, эпистография, послания полемические и публицистические, государевы послания, Азбучный письмовник, переписка Ивана Грозного и князя Курбского.*

6.1. Берестяные грамоты

☞ *Берестяные грамоты* — это документы текущего частного делопроизводства и эпистолярные памятники (личная переписка) XI—XV вв., отличительной особенностью которых является материал носителя. Они написаны на коре березы — бересте. Благодаря хорошей сохранности древесины в мокрой почве берестяные грамоты могут быть обнаружены в ходе раскопок древнерусских городов.

Первая берестяная грамота была найдена в Великом Новгороде 26 июля 1951 г. на Неревском раскопе сотрудницей экспедиции московского профессора Артемия Владимировича Арциховского (1902—1978) Ниной Федоровной Акуловой. С тех пор в разных городах найдено более 1000 текстов на бересте. В основном их находят при раскопках на Северо-Западе России, где мокрая болотистая почва позволяет бересте сохраняться в земле много столетий. В других регионах находок меньше. К 2012 г. обнаружено 1050 грамот в Великом Новгороде, 45 — в Старой Русе, 19 — в Торжке, 15 —

в Смоленске, 8 — в Пскове, 5 — в Твери, 3 — в Москве, по 1 — в Рязани, Нижнем Новгороде, Витебске, Мстиславле.

Выбор бересты в качестве материала для письма был обусловлен ее дешевизной. Бумага и пергамен оказывались слишком дорогими для повседневного обихода; на них писались официальные тексты. Между тем, была потребность в повседневных деловых записках (купцы фиксировали данные о товаре, сборщики налогов — данные о податях, судьи — заметки по следствию и судопроизводству, ремесленники — сведения о заказах и т.д.).

Кроме того, как свидетельствуют берестяные грамоты, древнерусские люди интенсивно общались друг с другом: писали личные письма, в том числе и любовные, деловые, поучительные от родителей к детям и т.д. Была потребность и в материале для обучения письму, учебных «тетрадах», заметках «для памяти» и т.д. Береста для этого подходила идеально: ее было много, ее можно было легко добывать, для писания на ней не нужны чернила, только тонкая острая палочка (писало) из металла или кости, т.е. технология была удешевлена до предела. Единственным недостатком бересты была сравнительно малая площадь берестяного «листа». Изготовление заготовок для объемных текстов или для книги из берестяных листов было делом реальным, но трудоемким, поэтому основной массив дошедших до нас грамот написан на полосках бересты шириной 10–15 см и высотой 3–10 см. Для вышеописанных повседневных деловых нужд и обмена краткими частными письмами этого хватало. Однако в XV в. появившаяся на Руси дешевая бумага быстро вытесняет бересту как материал для письма.

Текст берестяных грамот процарапывался острым писалом на внутренней (небелой) стороне коры. Слова писали подряд, без разбивки, в строку. В связи с этим при изучении берестяных грамот надо сначала прочесть текст и разбить его на слова. Это бывает сложно, потому что практически все найденные берестяные грамоты — это документы и послания, выброшенные за ненадобностью, выкинутые просто под ноги, на улицу (в одном из новгородских памятников церковного права есть вопрос: «Нет ли греха в том, что ноги ходят по валяющимся на дороге грамотам?»), при этом грамоту могли порвать, порезать и т.д. Многие грамоты, найденные сегодня, являются отрывками, буквально обрывками целых документов и писем. В земле берестяные грамоты сохраняются, как правило, в виде свитка. Береста, засыхая, сворачивается в трубку, что ведет к сгибам и частичной утрате текста, поэтому восстановление текста грамоты — всегда сложная научная задача.

Как и любой источник, берестяную грамоту надо в первую очередь датировать, основываясь на археологии. Грамота датируется по определению времени культурного слоя, из которого ее извлекли. В большинстве городов, кроме Новгорода, грамоты датированы с точностью до половины века. В Великом Новгороде сохранились деревянные мостовые. Следовательно, можно сделать спил дерева (бревна) и обнаружить годовые кольца, которые есть у каждого дерева. Ученые установили, что эти кольца индивидуальны, и их толщину и конфигурацию можно привязать к конкретному году. Такой способ называется методом дендрохронологии. Археоло-

гом Борисом Александровичем Колчиным (1914—1984) были разработаны дендрохронологические шкалы Восточной Европы с 788 по 1970 г. С их помощью можно датировать берестяную грамоту, «подобранную» археологом на средневековой мостовой, с точностью до года.

Метод дендрохронологии был дополнен разработанной академиком Андреем Анатольевичем Зализняком (род. 1935) методикой датировки грамот по палеографическим признакам, характерным лингвистическим оборотам и этикетным формулам. Сегодня благодаря сочетанию разных научных подходов берестяные грамоты — один из наиболее надежно датированных исторических источников. Наиболее древней считается берестяная грамота № 90 (фрагмент долговой расписки), относящаяся к 1050—1075 гг., а самыми поздними — новгородская грамота № 495 (долговой список со Славенского раскопа) и московская грамота № 1, датируемые второй половиной XV в.

По содержанию грамоты можно классифицировать следующим образом.

1. Частные деловые записи, часто чернового характера: долговые записи (грамоты № 8, 90, 246, 526), записи по денежным делам (грамоты № 375, 440, 617, 677, 813 и др.), грамоты о поборах (№ 7, 99, 136, 196), товарах (№ 68, 165, 436, 437), грамоты по ремесленным делам (например, № 3 — о варке пива, № 21 — о вытканном холсте), хозяйственные распоряжения (№ 17 — о начале сева, № 22, 23, 195 — о зерне, № 32 — о присылке соли, № 53 — о покупке пожни, № 142 — о покупке села и т.д.).

2. Грамоты, в разной степени касающиеся вопросов судопроизводства, исков, санкций (№ 14, 26, 30, 67, 112, 135, 140, 235, 238 и др.), различные челобитные (№ 34, 41, 97, 180, 182, 183, 248, 249 и др.). Данные грамоты составляют значительный массив.

3. Личная переписка, касающаяся частной жизни (№ 9 — жалоба прогнанной мужем жены, № 521 — любовный заговор, № 687 — об отдаче ребенка в обучение грамоте, № 747 — письмо от матери к Мирославу, № 748 — письмо девушки о выдаче ее замуж, № 752 — любовное письмо, № 931 — к Семену от жены и др.).

4. Учебные тексты (№ 46, 74, 576, 591, 778 — фрагменты азбуки, № 199—210 — знаменитые «тетради» и рисунки мальчика Онфима, учившегося грамоте).

5. Различные заговоры (№ 715, 930 — против лихорадки и др.) и церковные тексты (№ 128, 329, 419, 727, 884, 887 и др. — фрагменты молитв и церковных песнопений, видимо, что-то вроде «шпаргалок» при церковных службах, № 504, 506, 523, 541, 551, 555, 595 и др. — списки церковного поминания разных лиц и заказов на иконы).

6. Ярлычки — бирки на предметах с надписью о владельце (№ 12, 58, 127, 498, 499 и др.).

7. Редко встречающиеся политические документы (например, № 636 — донесение о сборе войска в Полоцке).

☞ Берестяные грамоты являются ценным источником прежде всего при изучении повседневной жизни Северо-Западных земель средневековой Руси (в первую очередь Великого Новгорода). Этот источник уникален, потому

что имеет неофициальное происхождение, не предназначался для потомков и поэтому отражает реалии повседневной истории русского средневекового социума.

6.2. Эпистолография конца XV — XVI века

☞ *Эпистолография* — это вспомогательная историческая дисциплина, изучающая переписку, как правило, корреспонденцию личного характера (между частными лицами) или обращения частного характера к вышестоящим инстанциям.

Примеры переписки мы встречаем в Древней и Средневековой Руси. Существуют отдельные образцы древнерусских писем (например, письмо начала XII в. от князя Владимира Всеволодовича Мономаха князю Олегу Святославичу), а также немало посланий церковных иерархов светским лицам (Феодосия Печерского киевскому князю Изяславу Ярославичу, митрополита Никифора Владимиру Мономаху и др.), при этом последние тесно сближаются с церковно-учительными посланиями (☞ 8.1). Имеется также целый комплекс эпистолярных источников XI—XV вв. — берестяные грамоты (☞ 6.1).

В полной мере жанр частной корреспонденции расцвел в XV—XVI вв. Это было связано с причинами как технологического, так и исторического характера. Распространялась дешевая бумага, что делало процесс переписки общедоступным. Возрастала роль человеческой личности, осознания себя, своей идентичности, самооценки. Частное мнение становилось важным. Конечно, это касалось только элиты общества, своеобразных интеллектуалов раннего Нового времени, которые, однако, появлялись среди и князей, и дворян, и духовенства, и горожан.

На развитие переписки повлиял также информационный фактор. В отсутствие СМИ частное письмо было источником информации о текущих событиях, запрос общества на которую становился все масштабнее. По мере социально-экономического развития усложнялись социальные структуры и связи, возникала потребность в письменной коммуникации по разным вопросам. Люди все чаще писали письма друг другу и в разные инстанции. Постепенно сформировалась целая эпистолярная культура с собственными канонами и особенностями.

☞ Письма в Московской Руси было принято писать, придерживаясь определенных образцов, которые приводились в специальных сборниках, так называемых *письмовниках*. Последние содержат примеры, как следует составлять послание тому или иному адресату. Это был литературный этикет, которого стремились придерживаться. Кроме того, для изобретения литературных формул использовались такие образцы высокой литературы, как «Толковое евангелие», фрагменты из учений отцов церкви, из «Пчелы» — древнерусского сборника церковных и философских изречений.

Эпистолярный жанр на Руси развивался из церковно-учительных посланий (греко-римская античная эпистолярная традиция здесь не была известна вплоть до Нового времени), поэтому древнейший «Неозаглавленный письмовник» (конец XV в.) содержит образцы посланий к владыке (митрополиту или епископу), игумену, чернецу, «великому старцу», «от ученика к старцу о прощении». Для светских лиц в нем есть образец послания к великому князю, к властителю вообще и в поздних редакциях — к брату и ко врагу («супротивному»).

Наиболее широкий спектр адресатов развернут в «Азбучном письмовнике» (конец XVI в.). Это разнообразные образцы писем: 1) церковным людям (к старцу в монастырь, святителю, священнику, «в монастырь девич», в лавру, к иноку, к митрополиту, к строителю монастыря); 2) должностным лицам и разным социальным группам («к царскому полатнику», «царскому постельнику», «казначею царскому», «воеводе в полк», к мещанину, мастеру, воину, учителю, «ко учителю гордому», иконописцу); 3) друзьям («в полк другу», «книжному другу», «недругу», «другу с лаею», «непостоянну другу с посмехом»); 4) родным и близким («к брату родному», «к сестре, «к отцу родителю», к матери, сыну, мужу, жене, отроку, «отроковице», невесте и т.д.).

Конечно, образцов придерживались, но ценность дошедших до нас посланий заключается в их оригинальных, авторских частях (ради которых, собственно, и писались письма). Эпистолярные памятники XV—XVI вв. можно тематически разделить на несколько групп.

1. *Пolemические и публицистические послания по церковным вопросам.* Это наиболее крупная группа корреспонденции вокруг многих актуальных проблем, стоявших перед Русской православной церковью: полемика нестяжателей и иосифлян, борьба с ересями, переписка русских вольнодумцев, вопросы христианской морали, нравов эпохи, церковного строительства.

Среди крупных авторов эпистолярных сочинений надлежит назвать первого русского автокефального митрополита Иону (ум. 1461), автора нескольких десятков грамот по вопросам церковного устройства Русской земли; московского митрополита Геронтия (ум. 1489), автора посланий в поддержку великокняжеской власти; новгородского архиепископа Геннадия (ум. 1505), создателя первого полного перевода Библии на русский язык, автора посланий против еретиков; Нила Сорского (ум. 1508), идеолога нестяжательства; троицкого игумена Артемия (сер. XVI в.), одного из духовных покровителей русских еретиков; игумена Иосифа Волоцкого (ум. 1515); митрополита Даниила (ум. 1547); философа Максима Грека (ум. 1555); митрополита Макария (ум. 1563); Зиновия Отенского (ум. около 1572); патриарха Иова (ум. 1607) и других иерархов по церковным вопросам.

2. *Государевы послания по государственным, церковным и личным вопросам.* Сохранились письма почти всех русских государей XVI в.: Василия III (1506—1533), Ивана Грозного (1533—1584), Бориса Годунова (1598—1605). Переписку от имени Федора Ивановича (1584—1598) в силу его слабоумия вряд ли можно считать аутентичной. Впрочем, то же самое можно сказать

обо всех посланиях монархов. Большинство из них адресованы высокопоставленным лицам в государстве, иностранным монархам, дипломатам и т.д. Это официальные письма, которые составлялись дьяками, царскими секретарями, и степень участия монарха в их составлении заключалась или в одобрении зачитанного ему содержания, или в задиктовывании каких-то фрагментов. В царских посланиях очень слабо выражен личностный момент. Лишь от Василия III дошел редкий для XVI в. набор личных писем жене, Елене Глинской, и от Ивана IV — оригинальная политическая полемика.

3. *Публицистическая полемика по светским вопросам.* К ней относится знаменитая переписка царя Ивана Грозного и первого русского диссидента Андрея Курбского в 1564—1579 гг., послания публициста Ивана Пересветова (сер. XVI в.) с предложениями реформ в Российском государстве и т.д.

4. *Письма по разным вопросам, в основном информационного характера.* В качестве примеров можно привести послание некоего Феофила Дедеркина великому князю Василию II (1425—1462) о землетрясении в Италии в 1456 г.; послание в Литву «другу» о книжном деле московского купца Василия Дмитриевича Ермолина (вторая половина XV в.); переписку дьяка Мисюря Мунехина (ум. 1528) с астрологом Николаем Булевым и иноком псковского Елеазарова монастыря Филофея, в которой в 1523—1524 гг. была сформулирована знаменитая теория «Москва — Третий Рим»; послание Семена Мальцева 1569 г. из турецкого плена об астраханском походе турецкой армии; и др.

Изучение эпистолярных памятников начинается с их датировки и установления авторства. Для этого используются методы текстологии, применимые к любому нарративу (см. 3.3). Если в частной переписке автор и адресат, как правило, указаны в тексте, то для официальных писем выявление их настоящих составителей, разделение лиц (кто реально писал документы, а кто только подставил свою фамилию) является сложной исследовательской задачей.

При изучении отечественных эпистолярных памятников XV—XVI вв. надо прежде всего установить историю текста послания. Значительная часть писем до сих пор не издана, а для многих опубликованных не установлены редакции, плохо учтены варианты разночтений в разных списках. Необходимо попытаться выделить протограф — первоначальный текст послания, отделить от него поздние редакторские вставки и искажения. При анализе текста послания следует внимательно изучить его текстологию, выделить типические фрагменты (цитаты из писемников и другие элементы литературного этикета), заимствования из других текстов и оригинальную, авторскую часть.

Эпистолярные памятники могут выступить в качестве исторических источников для исследований во всех областях исторической науки. В частной переписке часто содержатся детали и подробности, факты, отсутствующие в летописях и документах, нередко раскрываются детали принятия решений, которые просто не могут попасть на страницы официальных бумаг. В переписке показаны мотивы действий людей, особенности их частной жизни и взаимоотношений.

6.3. Эпистолография XVII века

В XVII в. значительно расширяется область русской эпистолографии: письма пишут с большой интенсивностью, эпистолярные связи становятся характерными для разных социальных кругов, от горожан до вельмож и первых лиц государства.

Эпистолография XVII в. представлена прежде всего многочисленными царскими посланиями, как общегосударственного, так и личного характера. Михаил Федорович (1613–1645) сделал переписку царя с патриархом, ближними государевыми людьми, членами семьи непременным элементом придворного этикета, и хотя это в основном полуофициальные и официальные послания, написанные по определенному шаблону, сам факт резкого увеличения количественных показателей переписки при Михаиле Федоровиче говорит о возрастании роли эпистолярного жанра в русском обществе XVII в.

Большую переписку оставил Алексей Михайлович (1645–1676): известно более 100 писем государя. Его адресатами были патриарх Никон, думный дворянин и друг детства Афанасий Матюшкин, бояре Н. И. Одоевский, А. Л. Ордин-Нашокин, члены царской семьи. Царь обсуждал в письмах политические и религиозные вопросы, проблемы человеческих взаимоотношений, соколиную охоту и т.д. На основании этого исторического источника мы можем составить довольно полное представление о личности этого государя.

В XVII в. письма активно писали не только монархи, но и их жены. Активную переписку вела вторая жена Михаила Федоровича Евдокия Лукьяновна Стрешнева (ум. 1645). Сохранилось 31 ее письмо, адресованное в основном членам царской семьи.

Представление о том, что царь обязательно пишет и рассылает послания своим подданным, проявилось в таком интересном феномене, как эпистолярное творчество самозванца Тимофея Акундинова (1617–1654), выдававшего себя за сына царя Василия Шуйского и рассылавшего грамоты, стилизованные под «царские письма», которые якобы и должны были стать доказательством его права на трон. Это единственные самозванческие послания, которые дошли от XVII в. Т. Акундинов придумал для них особый «царский язык», очень образный, метафоричный, ритмизированный, с многочисленными словарными заимствованиями из других языков. Данный пример очень интересен, поскольку показывает, как в народе представляли себе язык писем царя.

Множество посланий в XVII в. вышло из-под пера православных иерархов. Продолжал развиваться эпистолярный жанр в церковно-поучительной сфере, где послания иерархов начинают составлять целые сборники, например, сборник «Икона» (1700) последнего до синодального московского патриарха Адриана (1627–1700). Большой интерес представляет собой эпистолярное наследие патриарха Никона (1606–1681). Особый пласт эпистолографии XVII в. — переписка старообрядцев во второй половине столетия (письма Аввакума Петрова, боярыни Феодосии Прокофьевны

Морозовой, «Послание к христолюбцу» Авраамия, послания Андрея Денисова Вторушина).

Большие комплексы частной переписки обычных людей, в том числе женских писем, дает нам XVII в. Переписка между горожанами стала настолько обычным явлением, что возник новый феномен — фальсификация частной переписки для судебных исков. Например, сохранились 13 любовных («советных») писем подъячего тотемской приказной избы Арефы Малевинского к Аннице Федотовой из семьи церковного дьяка (1676). В ходе судебного разбирательства выяснилось, что никакой любви Арефы к Аннице не было, а эта переписка — имитация любовных посланий — была сфабрикована участниками интриги, т.е. «частные» поддельные письма писались в расчете на то, что их можно использовать в суде.

Такая же история произошла с комплексом писем Евдокии Прокофьевны Урусовой (ум. 1675) к детям. Княгиня была активной сторонницей старообрядчества, была в 1671 г. арестована, подвергнута пыткам и заточению и умерла в тюрьме — Боровском остроге. От нее осталось 13 писем, причем они дошли в копии, что свидетельствует о публичном характере посланий.

Особым жанром были так называемые «прощальные письма», писавшиеся перед смертью. Они, как правило, были рассчитаны не на конкретного читателя, а на некоторый читательский круг (родственников, домочадцев) или даже шире (горожан, определенную социальную группу, например, письмо 1667 г. галицкого юродивого Стефана Нечаева).

Для эпистолографии XVII в. характерно появление, в дополнение к азбуковникам, пространных формулярников, т.е. образцов не шаблонов, а реально существовавших посланий, которые были признаны образцами жанра и рекомендовались читателям к использованию в качестве подражания при сочинении собственных писем. Такие сборники были даже печатными (например, в этом качестве использовалось «Патриаршье поучение» — собрание пастырских посланий патриарха Иосифа, составленное в 1643 г.).

☞ Переписка русских людей XVII в. — это эпистолярное творчество раннего Нового времени. Оно служит ценным историческим источником по истории частной жизни, придворной жизни, личным биографиям, истории ментальности, истории идей и т.д.

6.4. Эпиграфика и граффити

☞ *Эпиграфика* (от греч. ἐπιγραφή — надпись) изучает надписи на твердом материале.

Все такие надписи древнерусского времени в исследовательской литературе разделяют на четыре группы.

1. *Надписи-граффити*. К ним относят надписи на керамических сосудах, пряслицах, серебряных платежных свитках, литейных формочках, стенах зданий, плинфе (кирпичах).

2. *Надписи на предметах декоративно-прикладного искусства светского и церковного предназначения.* К произведениям светского искусства относят оружие и украшения, а церковного — утварь, оклады икон, а также литые, керамические или каменные иконки, змеевики и кресты.

3. *Надписи на дереве.*

4. *Монументальные надписи* — мозаики, фрески, резьба по камню, а также надписи на камнях и крестах.

Поскольку от раннего, домонгольского, времени дошло мало источников, памятники эпиграфики этого времени имеют особенную ценность. Наибольшее количество надписей на твердых предметах датируется XI—XIV вв., что объясняется распространением на Руси с начала XV в. дешевого материала письма — бумаги, после чего надобность в записях на других материалах постепенно сошла на нет.

Самым ранним древнерусским памятником эпиграфики считается надпись на корчаге (большом сосуде для хранения вина или масла), осколки которой были найдены в 1949 г. при раскопках кургана первой половины X в. в Гнездово. Надпись состоит из одного слова, процарапанного, как и все подобные надписи на керамических сосудах, в то время, когда корчагу еще не обжигали, т.е. в процессе ее изготовления. Это слово разными исследователями читается по-разному: «ГОРОУХЩА», «ГОРОУШНА» (т.е. горчица, горчичные зерна), «ГОРОУХ ФА» (т.е. «Горух писал»), «ГОРОУНЩА» (что может означать «горяща», т.е. указание на то, что в сосуде хранилась горячая жидкость либо крепкий алкогольный напиток), «ГОРОУН'А», «ГОРОУНША» (т.е. принадлежащее Горуну). Сосуд, на котором читается надпись, был ритуально разбит в процессе погребального обряда. Если последняя интерпретация надписи верна, то погребенного звали Горуном.

Известно несколько надписей на керамических сосудах домонгольского времени. Большинство из них указывают на содержимое сосуда или на его владельца. В целом надписи на керамических сосудах имеют отношение к самому сосуду или его содержанию. Они являются особенно ценным источником домонгольского периода русской истории, для которого характерно малое количество аутентичных письменных источников.

Надписи на пряслицах (шиферных колечках для веретена) более многочисленны. Большая их часть относится к XI—XII вв. В отличие от надписей на керамических сосудах, которые, как правило, делались по неподсохшей глине, надписи на пряслицах наносили на твердый шифер, поэтому буквы часто трудночитаемы. Как и в надписях на сосудах, основная тема этих надписей — обозначение лица, которому принадлежит пряслице: «БАБННО ПРАСЛЬНЕ», «НАСТАСННО ПР[А] СЛЪН[Е]» и др. На нескольких пряслицах читается молитвенная запись, например, на пряслице из Гродненского историко-археологического музея: «ГН ПОМОЗИ РАБЕ СВОЕЙ ИЕЛЪНЪ» («Господи, помози рабе своей Иелене»). На пряслицах ставили также различные знаки: рисунки, крестики, буквы. По мнению исследователей, таким образом пряслица метили, чтобы не перепутать их во время совместной работы, когда несколько женщин или девушек собирались вместе и пряли.

На нескольких пряслицах читаются надписи, позволяющие предполагать их дарственный характер: «НЕВЪСТОЧЬ» (т.е. пряслице невесты), «КЪНАЖНИНЪ» (т.е. пряслице княжны). Большинство пряслиц с надписями найдено на раскопках городов и городищ, что позволяет считать их атрибутом городской культуры.

Надписей на серебряных платежных слитках (гривнах) сохранилось более 200, они датируются XII—XIV вв. Кроме гривен, найденных на территории Руси, существует еще группа слитков из клада, обнаруженного в 1967 г. на острове Готланд. Почти все надписи на слитках указывают на владельца серебра, для которого был сделан данный слиток, например: «ЮРЕНИНЪ», «НАСТАСЬА НЕРОНОВА МАТЬ» и др. Надписи на литейных формочках, относящихся к домонгольскому времени указывают на их владельцев, мастеров-ювелиров. Так, на парных формочках для отливки браслета, найденных при раскопках древнерусского Серенска, читается «МАКОСИМОВЕ». Такая же надпись «МАКОСИМОВ[Ъ]» процарапана на формочке для литья височных колец, найденной в Киеве. Исследователи допускают, что обе формочки принадлежали одному ювелиру.

Граффити на стенах зданий, пожалуй, наиболее многочисленны и информативны. Граффити известны на стенах домонгольских храмов Киева, Новгорода, Владимира, Старой Ладogi, Смоленска, Пскова, Полоцка, Старой Рязани. Несколько кириллических граффити обнаружено на стенах Софии Константинопольской. Наибольшее количество граффити XI—XIV вв. сохранилось в Софии Новгородской (227 записей) и в Софии Киевской (208 записей). Большинство надписей на стенах носит молитвенный характер. В отдельных случаях такие записи дают ценную информацию. Так, на стене Софии Киевской обнаружена запись иконописца Стефана, участвовавшего в стенных росписях храма: «Господи, помози рабу Своему Стефану. Стефан писал, когда расписывали святую Софию...». Выделяются и другие молитвенные записи Софии Киевской, принадлежащие руке боярина Ставра Годиновича и князя Святополка Изяславича.

На втором месте по количеству стоят записи-автографы, которые, по мнению исследователей, также имели молитвенное значение, поскольку писались на стене храма. Как правило, такие записи состоят из двух слов («Писал имярек») или просто из одного имени, например, «Пантелеймон». Одна из подобных надписей в Золотых воротах Владимира «ГЮРГИ Ү», т.е. «Гюрги писал», была изначально прочитана как «Гюргич». В этой записи видели поминание княжича Владимира Юрьевича (Георгиевича), растерзанного татарами перед городскими укреплениями в феврале 1238 г. В действительности же эта запись представляет собой автограф, поставленный человеком по имени Георгий в молитвенных целях.

Среди граффити Софии Киевской выделяется многочисленная, но чрезвычайно ценная группа так называемых летописных записей. Некоторые из них имеют параллель в летописи. Таковы записи о кончине Ярослава Мудрого, Всеволода Ярославича, Владимира Мономаха, киевского митрополита Кирилла, о вокняжении в Киеве Святополка Изяславича, о поставлении на Киевскую митрополию Никиты, о княжении Святослава Ярославича.

☪ Граффити на стенах храмов делались людьми разного социального статуса и рода занятий. Это и клирики, и представители знати, княжеской администрации, ремесленники. Однако наибольшая часть записей сделана представителями церкви либо людьми, имевшими к ней непосредственное отношение (например, иконописцами). Следует отметить, что среди граффити встречаются и надписи, сделанные ради шутки или развлечения, рисунки и пр. Часть надписей из-за плохой сохранности удается реконструировать лишь с долей вероятности. Большинство граффити относятся ко времени XI–XIV вв., но некоторые из них датируются и более поздним временем, вплоть до XVII в.

К надписям на стенах близки надписи на плинфе (плоских кирпичах большого формата, которые использовались в строительной практике домонгольской Руси) и штукатурке, сделанные в процессе изготовления того материала, на котором они написаны. Можно сделать вывод о том, что их авторами были ремесленники. Надписи на плинфе представляют собой либо отпечаток надписи, вырезанной на форме для кирпича или сделанной специальным штампом, либо непосредственно надпись, нанесенную на сырой или обожженный кирпич.

Традиция клеймения плинфы была принесена на Русь византийскими строителями, которые, правда, в клейме указывали имя императора или частного лица, на средства которого строится данный храм. Надписи на русской плинфе, являющиеся оттисками, сделанными в процессе производства плинфы, имеют вид фирменных маркировочных знаков, которыми метили свою продукцию производители кирпича. Так, на плинфе киевской Десятиной церкви конца X в. встречается вытесненный княжеский знак князя Владимира Святославича. Это может свидетельствовать об участии княжеских мастеров в строительстве церкви. На плинфе XI в. встречаются изображения кириллических цифр, имена изготовителей кирпича и др.

Надписи на предметах декоративно-прикладного искусства можно разделить на две группы. Во-первых, это надписи, входящие в основную композицию произведения, например, имена изображенных святых. Они, как правило, традиционны, и наряду с надписями на иконах, представляют интерес с точки зрения палеографии и лингвистики. Исключение здесь составляют надписи, помогающие атрибуции памятника.

Во-вторых, надписи маргинального характера, содержащие информацию о владельце или изготовителе памятника. Так, на прилбнице позолоченного княжеского шлема, обнаруженного в 1808 г. недалеко от Юрьева-Польского, читается молитвенная надпись, обращенная к архангелу Михаилу, с призывом помочь «рабу своему Феодору». Уже в начале XIX в. исследователи соотнесли шлем с князем Ярославом (в крещении Феодором) Всеволодовичем, который потерпел поражение в Липецкой битве в 1216 г. и был вынужден бежать от Юрьева в свою вотчину Переславль-Залесский. Современные исследователи внесли в атрибуцию шлема некоторые коррективы (в частности, шлем теперь считают разновременным), но по-прежнему связывают его с Ярославом Всеволодовичем. На поддонах и днищах двух новгородских кратиров (серебряных с позолотой чаш) XII в. процарапаны следующие надписи: на одном кратире «СЬ СЪСУДЪ

ПЕТРИЛОВ И ЖЕНЪН ЕГО ВАРВАРЫ» («се сосуд Петрилов и жены его Варвары») и «ГИ ПОМОЗИ РАБОУ СВОЕМОУ ФЪЛОРОВИ БРАТИЛО ДЪЛАЛЪ» («Господи, помози рабу Своему Флорови, Братило делал»); на другом кратире «СЪ СЪСУДЪ ПЕТРОВЪ И ЖЕНЪИ ЕГО МАРЬЪ» («се сосуд Петров и жены его Марье») и «ГИ ПОМОЗИ РАБУ СВОЕМОУ КОСТЯНЪТИНУ КОСТА ДЪЛАЛЪ АМНЪ» («Господи, помози рабу Своему Костянтину, Коста делал. Аминь»). Эти надписи сообщают имена заказчиков (Петрилы и Варвары, Петра и Марии) и мастеров (Фрола-Братилы и Константина).

Монументальные надписи в большинстве своем являются подписями иконописцев, исполнивших роспись. Иногда они делались по сырой штукатурке. Особую группу составляют так называемые храмовые летописи — элементы монументальной росписи храма, содержащие текст с сообщением о времени и обстоятельствах росписи. Они получили распространение в искусстве XVI—XVII вв.

Памятники эпиграфики имеют особенную ценность для раннего периода русской истории. Однако в отдельных случаях и надписи позднего Средневековья (XV—XVI вв.) сообщают уникальную информацию. Основная проблема заключается в датировке надписи, которая может относиться к гораздо более позднему времени, чем предмет, на который она нанесена.

Контрольные вопросы и задания

1. Что такое эпистолярные источники?
2. Что такое берестяные грамоты?
3. Расскажите об истории обретения и исследования берестяных грамот.
4. Дайте характеристику берестяным грамотам как историческому источнику.
5. Опишите виды эпистолярных памятников XV—XVI вв.
6. Что такое письмовники?
7. Опишите основные направления развития эпистолярного жанра в XV—XVI вв.
8. Опишите основные направления развития эпистолярного жанра в XVII в.
9. Как называются надписи на стенах зданий?
10. Каким временем датируется древнейшая русская надпись?
11. Почему большая часть надписей относится к XI—XV вв.?
12. Какое слово в граффити обозначалось буквой «пси»?
13. Перечислите основные разновидности памятников древнерусской эпиграфики.

Основная библиография по главе 6

1. Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения : материалы междунар. конф., Великий Новгород, 24—27 сентября 2001 г. — М., 2003.
2. Библиография по берестяным грамотам [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://gramoty.ru>
3. Бочаров, Г. Н. Художественный металл Древней Руси. — М., 1984.
4. Высоцкий, С. А. Киевские граффити XI—XVII вв. — Киев, 1985.
5. Высоцкий, С. А. Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI—XVII вв.). — Киев, 1976.
6. Демин, А. С. О древнерусском литературном творчестве: опыт типологии с XI по середину XVIII в. от Илариона до Ломоносова. — М., 2003.

7. Демин, А. С. О литературном значении древнерусских письмовников // Русская литература. — 1964. — № 4.
8. Ерусалимский, К. Ю. Сборник Курбского. — М., 2009. — Т. 1, 2.
9. Зализняк, А. А. Новгородский диалект. — М., 2004.
10. Зимин, А. А. И. С. Пересветов и его современники. — М., 1958.
11. Истрин, В. А. Развитие письма. — М., 1961.
12. Калугин, В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный (теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). — М., 1998.
13. Каравашкин, А. В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. — М., 2000.
14. Лихачев, Д. С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского (царь и «государев изменник») // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. — Л., 1979.
15. Лурье, Я. С. Первое послание Ивана Грозного Курбскому (вопросы истории текста) // Труды Отдела древнерусской литературы. — Л., 1976. — Т. 31.
16. Лурье, Я. С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. — Л., 1979.
17. Мединцева, А. А. Грамотность в Древней Руси (по памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века). — М., 2000.
18. Мединцева, А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. XI—XIV века. — М., 1978.
19. Мединцева, А. А. Тмутараканский камень. — М., 1979.
20. Михайлов, М. И. Памятники русской вещевой палеографии. — СПб., 1913.
21. Орлов, А. С. Библиография русских надписей XI—XV вв. (с дополнениями М. П. Сотниковой). — М., 1952.
22. Орлов, А. С. Библиография русских надписей XI—XV вв. — М.; Л., 1936.
23. Рождественская, Т. В. Древнерусские надписи на стенах храма: новые источники XI—XV вв. — СПб., 1992.
24. Рождественская, Т. В. Древнерусская эпиграфика X—XV вв.: учеб. пособие. — СПб., 1991.
25. Рыбаков, Б. А. Русские датированные надписи XI—XV вв. — М., 1964.
26. Скрынников, Р. Г. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. — Л., 1973.
27. Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Вып. 2: Вторая половина XIV — XVI в. — Ч. 1: А—К. — Л., 1988.
28. Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Вып. 2: Вторая половина XIV — XVI в.). — Ч. 2: Л—Я. — Л., 1989.
29. Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Вып. 3: XVII в. — Ч. 1—4. — СПб., 1992—1999.
30. Федорова, Е. В. Введение в латинскую эпиграфику. — М., 1982.
31. Филюшкин, А. И. Андрей Михайлович Курбский: просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. — СПб., 2007.
32. Черепнин, Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. — М., 1969.
33. Шляпкин, И. А. Русская палеография: по лекциям, прочитанным в имп. С.-Петербургском археологическом институте. — СПб., 1913.
34. Янин, В. Л. Я послал тебе бересту... — М., 1998.

Глава 7

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПРАВА

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- основные памятники русского законодательства XI—XVII вв., историю их создания, функционирования и изучения;
- особенности русских законодательных памятников Средневековья и раннего Нового времени как исторического источника;
- основную терминологию русских законодательных памятников Средневековья и раннего Нового времени;

уметь

- выделять идеологическую и практическую части законодательных памятников;
- устанавливать соотношение текстов законодательных памятников и их предметность;
- извлекать информацию об особенностях практического применения законодательных памятников;

владеть

- основными методами анализа законодательных памятников как источника по политической и социально-экономической истории;
- основными методами анализа законодательных памятников как источников по церковной истории и истории повседневной жизни.

Ключевые термины и понятия: *Закон русский, Правда Русская, Древнейшая Правда, Краткая Правда, Пространная Правда, Сокращенная правда, Устав Владимира, Устав Ярослава, Псковская судная грамота, Новгородская судная грамота, уставная грамота, Судебник 1497 г., правая грамота, докладной судный список, Судебник 1550 г., уставы, указные грамоты, Соборное уложение 1649 г., кормчие книги, церковные уставы, соборный приговор, соборная грамота, церковный собор, земский собор.*

7.1. Законодательные памятники как исторический источник и особенности их анализа

☞ **Законодательство** — это комплекс нормативных актов, принятых с помощью определенной процедуры и действующих в данном государстве в виде отраслей права (административного, уголовного, гражданского и т.д.).

Законодательные памятники представлены практически во всех исторических периодах. Они носят официальный характер, исходят от государственной власти и, следовательно, представляют официальную точку зрения на то, какая правовая и социально-политическая системы, а также социально-экономические отношения должны быть в государстве. Конечно,

не все законы и не всегда соблюдались, иногда они представляли собой определенную «идеальную модель».

Законодательные памятники как исторические источники имеют следующие преимущества:

— сохраняют социальную, экономическую, правовую терминологию прошлого, которая часто не отражается в других источниках, и помогают ее истолкованию;

— дают четкие юридические формулировки, определения, ограничивающие вариативность интерпретаций и облегчающие наше понимание прошлого;

— предполагают универсальность, распространение во всем обществе, применимость к масштабным социально-экономическим процессам, глобальность социального охвата;

— являются главным источником по вопросам истории государства и права; нередко ситуации, особенно применительно к Средневековью, когда других источников по этой проблематике не дошло вообще;

— становятся одним из главных источников для изучения социально-экономических отношений;

— задают систему правовых и социальных координат.

К недостаткам законодательных памятников как исторических источников следует отнести возможные сложности с пониманием терминологии, особенно если у нас отсутствуют другие источники для верификации информации (применительно к ранним периодам). Например, в Краткой редакции памятника древнерусского законодательства — Русской Правды — в ст. 26 читаем: «А в смерде и в холопе 5 гривен» (Академический список); «А в смерды в холопе 5 гривен» (Археографический список). Других списков нет. Мы имеем два взаимоисключающих прочтения, которые рисуют радикально различающуюся картину социальной жизни Древней Руси. В первом случае смерд приравнен к холопу по размеру штрафа за его убийство, следовательно, относится к социально ущемленным категориям населения. Во втором случае он сам — холоповладелец, обладатель «смердского холопа», т.е. социально гораздо более высокая категория. Если мы будем пользоваться только прочтением законодательного памятника, то на основе этих двух противоположных прочтений мы не сможем разрешить загадку о том, каков же был социальный статус смерда. Об этих двух разночтениях существует гигантское количество литературы. Без верификации данных законодательных памятников по другим источникам подобные ситуации возникают нередко.

Сложностью при изучении законодательных памятников является то, что степень их применения устанавливается в ряде случаев не без затруднений. Закон существовал, но применялся ли он? Например, уже упомянутая Краткая редакция Русской Правды, как считается, появилась в XI в. Вплоть до XV в. не существует ни одного ее списка. Она зафиксирована только в составе летописи в XV в. Первый общерусский Судебник 1497 г. сохранился в единственной копии середины XVI в., составленной в одном из монастырей уже после принятия Судебника 1550 г., т.е. когда Судебник 1497 г. уже не действовал. Вопрос: почему за период, в котором должны были действовать эти памятники, не сохранилось ни одного списка, свидетельствующего об их хождении по территории России? Аналогичные

памятники — Пространная редакция Русской Правды, Судебник 1550 г. — представлены в десятках списков, с редакторскими пометами, которые неопровержимо свидетельствуют, что ими пользовались в судопроизводстве. Здесь есть некая загадка; ее можно разрешить только путем изучения документов юридической практики, выявляя в них нормы законодательства, на основе которых принималось решение.

Законодательные памятники в своем развитии проходили определенную эволюцию. В древности и раннем Средневековье было распространено так называемое *обычное право* — комплекс юридических норм, основанных на традиции, обычае, прецеденте, имевшем место в прошлом. Эти нормы обычно не сформулированы, часто даже не записаны. К ним могут относиться *обычай кровной мести, принцип талиона* (равного воздаяния, «око за око»), принцип коллективной ответственности, круговой поруки, ордалии (установление вины через «божье испытание» — каленым железом, водой, поединком и т.д.).

По мере формирования государственная власть начинает нуждаться в кодификации обычного права, его записывании и оформлении в виде письменного законодательства, посвященного конкретным вопросам. Этот процесс называется кодификацией законов (превращение разрозненных юридических норм в единое письменное законодательство, комплекс норм — *кодекс*). Помимо обычного права, в Средневековье в качестве главного источника права выступала также воля верховного правителя (князя, великого князя, государя), а также различные юридические прецеденты. Поскольку в Средневековье, как правило, имела место феодальная раздробленность, законы носили локальный характер, действовали применительно к конкретным территориям, с определенной направленностью. Об универсальности права у общества пока еще не было представлений.

На рубеже позднего Средневековья и раннего Нового времени, в период возникновения единых государств, национальных государств, ранних империй и протоимперий происходит общегосударственная кодификация права. Для Европы, в том числе и для России, это XV—XVII вв. — время появления общерусских Судебников (1497, 1550, 1589), и венец развития русского права раннего Нового времени — Соборное уложение 1649 г.

Соборное уложение 1649 г. знаменовало собой переход к новому способу распространения правовых норм — печатному праву. Это первый памятник русского права, опубликованный массовым для тех времен тиражом. Распространение законодательных памятников в виде печатных текстов значительно расширило сферу их распространения и способ легитимации (с 1764 г. вводится принцип, согласно которому закон вступает в силу с момента опубликования). Теперь становится возможной детализация права, которой требует развитое государство Нового времени. Возникают отрасли права (гражданское, уголовное, военное, международное и т.д.).

☞ Законодательство делится на светское и церковное (каноническое).

Светское включает собственно законы, указы, постановления, подзаконные акты, различные материалы, материалы судопроизводства, исходящие от светской власти.

К церковному относятся каноны святых апостолов, каноны Вселенских соборов, каноны поместных соборов, каноны отцов церкви, сборники юридических церковных постановлений (в средневековой Руси — кормчие книги, Мерило Праведное, Правосудие митрополичье; в Новое время — постановления Святейшего Синода).

При изучении законодательных памятников с источниковедческой точки зрения разделяют внешнюю и внутреннюю историю права. Под *внешней* понимается история отдельных законодательных памятников, которая, по словам историка В. Н. Латкина, изучает «...причины появления законодательных памятников, время и порядок их издания, затем источники, внешний состав и содержание памятников, и, наконец, их соотношение с другими, как предшествующими им, так и последующими за ними памятниками».

Под *внутренней историей* права понимается история развития отдельных юридических норм (законодательства по тому или иному вопросу) и институтов (т.е. государственных органов, инстанций и структур, связанных с созданием и реализацией данной нормы права). Источниковедение здесь привлекается прежде всего для выявления происхождения нормы, ее эволюции, трансформации и т.д.

☞ По законодательным памятникам можно изучать как реальную практику правовых, социальных, политических и экономических отношений, так и идеальные представления власти об обществе, а в ряде случаев и общества о себе самом.

7.2. Правда Русская и проблемы ее изучения

☞ «Правда Русская», или «Русская Правда» — название комплекса письменных древнерусских светских законодательных памятников. Выделяют разные редакции Правды Русской: 1) Краткая правда; 2) Пространная правда; 3) Сокращенная правда. Все названия редакций и их частей носят условный, историографический характер. Датировки создания памятников дискуссионны. Считается, что Правда Русская в различных редакциях была законодательством в средневековой Руси в XI—XV вв.

Большинство исследователей считают, что Краткая Правда была создана раньше Пространной, а в возникновении самой Краткой Правды выделяют три этапа: 1) создание Древнейшей Правды; 2) создание Правды Ярославичей; 3) добавление Покона вирного и Урока мостникам.

📖 **Состав редакций Правды Русской**
Краткая Правда:

— *Древнейшая Правда* (ст. 1–17(18)) — комплекс статей, легализующих кровную месть, принцип талиона (равноценного воздаяния за причиненный ущерб), вводящих наказания за преступления против чести и физического здоровья человека, защищающие право владения движимым имуществом

(конь, оружие, рабы); в силу специфичности статей в историографии иногда называется «кодексом дружинной чести»;

— *Правда Ярославичей* (ст. 19–41) — комплекс статей, касающихся вопросов защиты людей княжеского двора и княжеского хозяйства, имущественных прав землевладельцев, размер пошлин судебным исполнителям (княжеским дружинникам и самому князю); в силу тематики статей в историографии иногда называется «домениальный устав», хотя вопрос, как соотносится описанное в *Правде Ярославичей* хозяйство с княжеским доменом, остается открытым;

— *Покон вирный* (ст. 42) — статья, определяющая размер корма, который взимал с населения для своего пропитания во время исполнения своих служебных обязанностей сборщик уголовных штрафов — вирник;

— *Урок мостником* (ст. 43) — статья, определяющая размер выплат за ремонт мостов и деревянных настильных мостовых.

Номеров статей в оригинальном тексте средневекового памятника нет, деление на статьи осуществлено историками Нового и Новейшего времени, поэтому в разных изданиях и редакциях оно может различаться. Здесь деление на статьи приведено по классической работе А. А. Зимина¹.

Возникновение Древнейшей правды большинство исследователей (М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, А. А. Зимин, М. Б. Свердлов и др.) связывают с новгородскими событиями 1015–1016 гг. В ходе междоусобицы между новгородским князем Ярославом Владимировичем (будущим Ярославом Мудрым) и киевским князем Святополком Владимировичем первый нанял скандинавскую дружину. Варяги поссорились с новгородцами, ссора переросла в вооруженный конфликт. Были убиты и ранены и у варягов, и у новгородцев. После первой победы над Святополком в 1016 г. Ярослав наградил своих воинов, дал им всем по 10 гривен, «и отпусти их всех домов, и дав им правду, и устав списав, тако рекши им: “По се грамоте ходите, якоже списах вам, такоже держите. А се есть Правда Русская...”». И после этих слов в Археографическом и Академическом списках Новгородской I летописи младшего извода (оба списка относятся к XV в.) помещен текст Краткой Правды.

Ученые обратили внимание на содержание Древнейшей Правды: она содержит нормы в отношении убийств, причинения увечий, физического ущерба, грабежей, т.е. преступлений, которые, несомненно, имели место в массовом масштабе в ходе новгородских событий 1015 г. Именно в законодательном регулировании этих проблем нуждались и горожане-новгородцы, и пришлые варяги-дружинники. В связи с этим можно предположить, что создание Древнейшей Правды в 1016 г. было реакцией на конкретную историческую ситуацию.

Более сложным является вопрос о времени появления второй части Краткой Правды — Правды Ярославичей. Перед ст. 19 в тексте памятника помещен заголовок: «Правда уставлена Руськой земли, егда ся съвокупил Изя-

¹ См.: Зимин А. А. Правда Русская. М., 1999. С. 358–362.

слав, Всеволод, Святослав, Коснячко Перенег, Микыфор Кыянин, Чюдин Микула». Некоторые исследователи считали, что принятие нового кодекса произошло сразу после смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. (В. И. Горемыкина). Была высказана гипотеза о съезде Ярославичей в 1072 г. (П. В. Голубовский, М. Н. Тихомиров, М. А. Дьяконов, С. В. Юшков, Л. В. Черепнин и др.), на котором якобы и была принята вторая часть памятника. Правда, ученые ведут споры о том, была принята вся вторая часть (ст. 19–41) или только отдельные статьи, которые позже еще дописывались и дополнялись. Наконец, некоторые исследователи (М. Б. Свердлов, Б. А. Рыбаков, А. А. Зимин и др.) считают заголовок об авторстве Ярославичей ошибочным или относящимся только к отдельным статьям и относят время появления многих юридических норм второй части Краткой Правды еще к правлению Ярослава Мудрого (1018–1054).

Мнение

Особую точку зрения высказал историк А. П. Толочко. Он считает Краткую Правду более поздним памятником, чем Пространная, и относит ее к XV в. Ученый указывает, что существует всего два списка памятника, Академический и Археографический, и оба относятся к XV в. и дошли в составе летописи. Это нетипично для законодательных памятников: в силу своей специфики, необходимости использования в судебных процессах закон должен быть под рукой, т.е. бытовать или в виде отдельных списков, или в составе юридических сборников. Однако ни в одном сборнике светского или церковного права Краткой Правды нет, как нет и ее отдельных списков. До XV в. Краткая Правда не оставила никаких следов своего существования, нет свидетельств использования содержащихся в ней законодательных норм. А. П. Толочко указывает на более архаичный язык Пространной Правды по сравнению с Краткой Правдой, на несообразности и ошибки в терминологии и описании денежной системы.

В то же время в работе А. П. Толочко так и не дан четкий и аргументированный ответ на вопрос: если Краткая правда — летописный конструкт XV в., то с какой целью и на основе какого текста он был сделан? Без ответа на него вся критика ученого (в ряде мест весьма убедительная) остается очень интересной, но пока гипотезой, нуждающейся в дальнейшей аргументации.

С Пространной Правдой ситуация принципиально иная: этот памятник известен в 96 списках (по А. А. Зимину) XIII–XVIII вв., т.е. его хождение и использование в Средние века несомненно. Самый ранний список — Синодальный — датируется 1280-ми гг. Ученые относят время составления отдельных частей памятника к концу XI — началу XII в. Время оформления Пространной Правды, видимо, не было одномоментным, а растянулось на многие десятилетия и даже столетия. Ее списки делятся на три группы (Синодально-Троицкую, Пушкинскую и Карамзинскую), 12 видов и 11 ветвей. Судя по разночтениям, редактирование памятника продолжалось вплоть до XV в., т.е., возникнув, видимо, в XI–XII вв., на протяжении последующих веков кодекс дополнялся, дописывался, исправлялся и т.д.

Состав редакций Правды Русской

Пространная Правда:

- а) *Суд Ярослава Владимировича* (ст. 1–52) — это комплекс статей:
- о наказаниях за убийство, разбой — тяжкие преступления, размерах штрафов и судебных выплат, судебных процедурах (ст. 1–22);
  - наказаниях за физические увечья и причинение вреда здоровью (ст. 23–31);
  - преступлениях против чужого имущества, кражах, порче имущества, следственных и судебных процедурах, применяемых к таким правонарушениям (ст. 32–49);
  - регламентирующих выплату процентов по долгам — «резов» (ст. 50–52);
- б) *Устав Владимира Всеволодовича* (ст. 53–121) — это комплекс статей:
- о резах (ст. 53–55);
  - закупах (ст. 56–62, 64);
  - холопах (ст. 63, 65, 66, 85, 98, 110–121);
  - наказаниях за физические увечья (ст. 67, 68, 78);
  - охране промыслового имущества (борти, перевесы) и межевых знаков (ст. 69–73, 75, 76, 80);
  - устанавливавших судебные пошлины — «уроки судебные» (ст. 74, 85–88, 107–109);
  - об охране имущества землевладельца, его хозяйства (ст. 77–79, 81–84);
  - убийствах и смерти людей с низким социальным статусом — жены, рабыни, смерда (ст. 88–90);
  - наследственном праве (ст. 90–95, 98–106);
  - размере корма строителям города — «уроки городнику» (ст. 96);
  - размере корма строителям мостов и мостовых — «уроки мостнику» (ст. 97).

Деление на статьи приведено по классической работе А. А. Зимина¹.

Сокращенная правда является поздней редакцией Пространной Правды и известна по двум спискам XVII в. Из 121 статьи Пространной Правды в Сокращенной осталось 50. Почти в целом виде остались статьи о холопах, остальные же были значительно сокращены. О том, зачем понадобилась такая компиляция в XVII в., можно только догадываться. Возможно, составление такого «конспекта» Пространной Правды было связано с процессами кодификации российского законодательства в XVII в., развитием юридической мысли, интересовавшейся образцами средневекового законодательства. Практического применения Сокращенная Правда, видимо, не имела.

Правда Русская является главным источником по изучению правовой системы средневековой Руси и по вопросам социальной и экономической истории русского Средневековья.

7.3. Княжеские уставы X–XIV веков

В средневековой Руси уставом называлось законодательное распоряжение, устанавливавшее правовой статус для конкретной местности или социальной

¹ См.: *Зимин А. А. Указ. соч. С. 358–362.*

группы населения. Начиная с XII в. князьями выдавались так называемые *уставы*, или *уставные грамоты*, регулировавшие церковное право на подвластной им территории. В XII—XIV вв. списки этих уставов имели хождение на Руси и составили страницу в развитии церковного права и юрисдикции Русской православной церкви.

Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных приписывается Владимиру Крестителю (978—1015), однако основа его текста на самом деле сложилась позже. По С. В. Юшкову, изначально существовала так называемая «подтвердительная грамота» Владимира Крестителя, в которой вводился церковный суд и церковные люди освобождались из-под юрисдикции светского суда. Эта грамота до нас не дошла. Возможно, в 995—996 гг. Десятинной церкви была дана грамота об учреждении десятины. До 1011 г. (учреждение епархий по всей территории Руси) на основе грамоты был создан первый вариант церковного устава, который также не сохранился.

Первоначальный вариант (архетип) текста, известного под названием «Устав Владимира», сложился в XII в. на основе более ранних документов. Это Оленинская редакция Устава Владимира из девяти статей. В последующие века данный документ подвергался значительной переработке и известен более чем в 200 списках семи редакций XIV—XIX вв. Наибольшей популярностью пользовалась Синодальная редакция из 19 статей, сложившаяся в XIII в. (известно более 100 ее списков). Остальные редакции носили локальный характер: Варсофоньевская (XIV в.) имела хождение в Северо-Восточной Руси; Волынская (XIV в.) — в Галичской земле, Молдавии, Валахии; Печерская (XIV в.) — в Турово-Пинской земле. Троицкая редакция и редакция Степенной книги появились в Москве в XVI в.

Устав введен в науку в 1775 г. Г. Миллером.

Состав Устава Владимира

Оленинская редакция:

- провозглашение принадлежности русской церкви к православной христианской и ее преемственности от Византии, краткое изложение истории Крещения (ст. 1—2);
- введение десятины, сбора в пользу церкви десятой части всех доходов (ст. 3);
- освобождение церковных людей (приводится их перечень) из-под юрисдикции светского суда (ст. 4—8, 10—11);
- введение церковного суда и определение дел, находящихся в его компетенции: преступления в области семейного права, нравственности и против веры — дела о разводах, внебрачных половых связях, выкрадывании невесты, изнасилованиях, имущественных спорах в семье, непочтении к отцу и матери, нарушении запрета брака между родственниками, колдовстве, магическом каннибализме и т.д. (ст. 8).

Синодальная редакция:

- провозглашение принадлежности русской церкви к православной христианской и ее преемственности от Византии, краткое изложение истории Крещения (ст. 1—2);
- введение десятины, сбора в пользу церкви десятой части всех доходов (ст. 3, 13);

- освобождение церковных людей (приводится их перечень) из-под юрисдикции светского суда (ст. 4—8, 10—12, 14, 16—19);
  - определение преступлений, подлежащих юрисдикции церковного суда; к перечню Оленинской редакции добавлены преступления в виде языческих верований, волхования, надругательства над церковью, половых сношений с животными, аборт и т.д. (ст. 9);
  - возложение на церковь обязанности хранить эталоны мер и весов (ст. 15).
- Древнерусский текст не был разбит на статьи. Это сделали современные ученые. Нумерация статей приводится по изданию Я. Н. Щапова¹.

Устав князя Ярослава о церковных судах был посвящен в основном регулированию отношений в семейной сфере и в области сексуальной морали. Название связывает данный документ с Ярославом Владимировичем (1018—1054). В первоначальном варианте Устав был, видимо, создан между 1051—1054 гг. В XI—XII вв. складывается архетип текста, на основе которого в XII — первой четверти XIII в. возникает Пространная редакция (55 статей, известно 19 списков). Краткая редакция (39 статей, более 60 списков) была создана в середине XIV в., в правление московских князей Семена Ивановича Гордого (1340—1353) или Ивана Ивановича Красного (1353—1359). Она восходит непосредственно к архетипу и в ряде случаев лучше передает его чтение, чем Пространная редакция. Позже возникают еще четыре редакции (Румянцевская, Тарновская, Устюжская, Западнорусская).

Устав введен в научный оборот В. В. Крестининым в 1771 г.

Состав Устава Ярослава

Краткая редакция:

- декларация о принятии устава (ст. 1);
- об изнасиловании (ст. 2, 3, 7);
- внебрачной половой связи, о незаконнорожденных детях (ст. 4—6, 8, 18);
- разводе (ст. 9—11, 17);
- незаконных половых связях между родственниками (ст. 12, 14, 15, 19—23);
- двоеженстве (ст. 16);
- самоубийстве девки в случае насильной выдачи замуж (ст. 24, 33);
- оскорблении женщин бранной лексикой (ст. 25);
- пострижении головы женщинам или бороды мужчинам (ст. 26);
- вреде имуществу (ст. 13, 27, 28);
- физическом насилии в семье (ст. 29—32);
- аморальном поведении монахов и монахинь — разврате, пьянстве (ст. 18, 34, 35).
- полномочиях и статусе церковного суда (ст. 37—39).

Пространная редакция:

- декларация о принятии устава, церковном суде, десятина, освобождении церковных людей от налогов (ст. 1);
- об изнасиловании (ст. 2—3);
- внебрачной половой связи, незаконнорожденных детях (ст. 4—8);
- разводе (ст. 9—12, 18, 53);

¹ См.: Щапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 13—84.

- незаконных половых связей между родственниками (ст. 13–16, 22–28);
- двоеженстве (ст. 17);
- запрете половых сношений православным людям с иудеями и мусульманами (ст. 19, 51);
- запрете других форм общения с иноверцами и отлученными от церкви — совместного потребления пищи и т.д. (ст. 49, 50);
- аморальном поведении попов, монахов и монахинь — разврате, пьянстве, неправильном проведении церковных служб (ст. 20, 44–48, 52);
- запрете половых сношений с животными (ст. 21);
- самоубийстве девки в случае насильной выдачи замуж (ст. 29);
- оскорблении женщин бранной лексикой (ст. 30);
- пострижении головы женщинам или бороды мужчинам (ст. 31);
- вреде имуществу, кражах, в том числе внутри семьи (ст. 32–37);
- жене-колдунье (ст. 38);
- физическом насилии в семье (ст. 39–43);
- невмешательстве светского суда в юрисдикцию церкви (ст. 54–55).

Древнерусский текст не был разбит на статьи. Это сделали современные ученые. Нумерация статей приводится по изданию Я. Н. Шапова¹.

От XII–XIV вв. до нас дошли также несколько региональных уставных грамот. Это смоленский комплекс из четырех документов: 1) *уставная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича* церкви Богородицы в Смоленске в связи с учреждением Смоленской епископии (1136); 2) *подтвердительная грамота епископа Мануила* (1136); 3) *жалованная грамота о передаче церкви земельных владений* (1150); 4) *уставная запись о размерах пошлин с городов Смоленской земли, поступающих в пользу епископа* (конец XII — начало XIII в.).

Уставная грамота Ростислава Мстиславича как исторический источник ценна тем, что это — документ об основании епархии, по которому мы можем реконструировать, как происходило образование новой епархии в средневековой Руси. Содержание данной грамоты значительно отличается от уставов Владимира и Ярослава, поскольку надо было решать приземленные, но необходимые вопросы материального обеспечения церкви. В связи с этим она носит не только законодательный, но и практический фискальный и владельческий характер.

Состав уставной грамоты Ростислава Мстиславича:

- декларация об учреждении епископии (ст. 1–2);
- о материальном обеспечении новой епископии — передача ей людей, земельных и рыболовных угодий, права сбора десятины и других даней (ст. 3–10, 14);
- прерогативах церковного суда, выделение девяти видов тяжб — развод, двоеженство, незаконные половые связи, суд над церковными людьми и т.д. (ст. 11–13);
- санкции за нарушение данной грамоты (ст. 15–16).

¹ См.: Шапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 85–138.

Сходный практический характер имеют:

— *уставная грамота новгородского князя Святослава Ольговича церкви святой Софии 1137 г.* о размерах и порядке взимания с разных местностей церковной десятины; она является важным источником по истории развития новгородской денежной системы;

— *устав князя Ярослава «о мостех»* о порядке надзора за благоустройством новгородских улиц 1260-х гг.; содержит важные сведения о сотенной организации населения Новгорода;

— *устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерах торговых* (датировка спорная, от XII до XIV в.); содержит информацию о системе власти в Новгороде и соотношении ее разных ветвей — епископа, князя, выборной городской администрации;

— *устав новгородского князя Всеволода купеческой организации церкви Ивана на Опоках* (XIII в.) — единственный дошедший до нас устав купеческой корпорации средневековой Руси.

☞ Княжеские уставы являются главным источником по истории Русской православной церкви, моральных норм и семейных ценностей русского общества, особенностям его повседневной жизни в Средневековье.

7.4. Судные и уставные грамоты XIV—XV веков

☞ Грамоты, в XV в. принятые в качестве закона в средневековых республиках (Новгородской и Псковской), получили название *судных*. Грамоты, в XIV—XV вв. выданные князьями подвластным землям, назывались *уставными*. Это региональные юридические акты, действующие в рамках отдельных территорий, отражающие новый этап в развитии древнерусского законодательства в период раздробленности русских земель.

Составление *Новгородской судной грамоты* (далее — НСГ) ученые относят к XIV—XV вв., называя при этом разные даты: 1385 г. (Л. Б. Черепнин), 1440 г. (М. М. Михайлов, П. М. Мрочек-Дроздовский), 1446 г. (А. И. Филипов, Б. М. Кончаков), 1456 г. (И. Д. Беляев) или просто середину XV в. (М. Ф. Владимирский-Буданов, В. И. Сергеевич). При этом многие исследователи пытаются разделить текст, выделить в нем более архаичные части и поздние приписки. Изучение НСГ затруднено тем, что она сохранилась в единственном списке 1471 г. в сборнике новгородских документов, составленном после первого взятия Великого Новгорода московскими войсками для государя всея Руси Ивана III. Список дефектен, отсутствует окончание памятника. Из-за всех этих обстоятельств текстологический анализ затруднен. По словам А. А. Зимина, единственное, что мы сегодня можем уверенно сказать — НСГ была составлена в XV в.

Первым исследователем, изучавшим НСГ, был Н. М. Карамзин, опубликовавший ее в 1819 г.

📖 **Состав Новгородской судной грамоты:**

— описание полномочий судов архиепископа, посадника, наместника и тиунов великого князя (ст. 1–5, 9);

- определение размеров судебных пошлин по разным делам и судебным ситуациям (ст. 6–8, 10);
- правила действий истца (ст. 11–13);
- правила крестоцелования и иных следственных и судебных процедур (ст. 14–18);
- особенности и порядок процедуры судопроизводства по разным видам дел, использования послухов, описание процедуры судебного доклада (ст. 19–35);
- особенности судопроизводства в отношении различных социальных категорий, описание роли различных лиц в суде (ст. 35–42).

В НСГ внимание уделяется преимущественно процедурным вопросам сыска и судопроизводства. Содержание *Псковской судной грамоты* (далее — ПСГ) более разнообразно. В центре внимания кодекса находится мир псковской городской общины, вопросы судопроизводства, полномочий выборных городских должностных лиц, защиты собственности (борьба с воровством, наследственное право, правила получения и взимания займов и ссуд, особенности судебной процедуры и сыска, некоторые случаи городской жизни — уличные драки, торговля спиртными напитками и т.д.).

Существуют два списка ПСГ: Воронцовский (XVI в.) и Синодальный (конец XVI — начало XVII в.). Датировка возникновения архетипа затруднена, причем, как это ни парадоксально, из-за указаний в самом тексте памятника. В нем говорится, что о принятии грамоты просили попы всех пяти псковских соборов. Решение о постройке в Пскове пятого собора было принято, согласно Псковской летописи, в 1462 г., т.е., казалось бы, ранее этой даты ПСГ не могла появиться. Однако через несколько строк читаем: «Ся грамота выписана... в лето 6905», т.е. в 1397 г. Таким образом, перед нами или ошибка переписчика, неправильно записавшего дату, или известие о пятом соборе было вставлено позднее. Здесь открывается огромный простор для интерпретаций, которые не замедлили появиться. Не все ученые придерживались в своих датировках даже рамок 1397–1462 гг., а старались их расширить. При этом некоторые исследователи расчленили памятник и высказывали гипотезы, в каком году создана та или иная часть.

Мнение

И. И. Полосин выделил в тексте ПСГ следы 12 редакций, от XI–XII вв. до 1463 г., считая, что 12-я редакция и дошла до нас.

Л. В. Черепин связал ПСГ с гипотетически существовавшей «Правдой» князя Александра Невского 1241 г. (уставом о псковском суде). К ней он отнес ст. 1, 109–120. Из судебного устава князя Михаила Тверского 1327–1337 гг. были заимствованы статьи 1, 7–13, 20–27, 34–37, 46–50. Из некоего Псковского торгового устава были взяты ст. 14–19, 28–33, 38–41, 45. В 1397 г. на основе этих трех источников была создана I редакция ПСГ. В 1417 г. создается II редакция, в 1435–1440 гг. — III редакция, в 1462 г. — IV редакция. В 1474 г. по заказу Ивана III была создана выборка из псковских законов и отослана в Москву в 1484–1486 гг. Отредактирована она была в Москве. Эта неполная

подборка и есть Воронцовский список ПСГ. Таким образом, по Л. В. Черепину, грамота в оригинальном, псковском виде до нас вообще не дошла.

М. К. Рожкова относила ст. 109–120 к началу XIV в., ст. 1–57 — к первой половине XIV в., ст. 57–108 — к концу XIV — началу XV в. В единое целое памятник был объединен и отредактирован к 1467 г.

Более аргументированными кажутся точки зрения ученых, которые рассматривают ПСГ как цельный кодекс, который, возможно, и имел в своей основе источники разного происхождения и разной датировки, которые, однако, при составлении ПСГ подверглись серьезной редакционной обработке и фактически слиты в единый текст грамоты. Н. В. Калачев, М. Ф. Владимирский-Буданов, М. А. Дьяконов считали, что в 1397 г. была создана редакция ПСГ, а окончательно она сложилась к 1462 г. И. Д. Мартысевич датировал памятник 1462–1471 гг., С. В. Юшков — 1467 г.

В научный оборот ПСГ введена Н. М. Карамзиным, а полный текст грамоты опубликован Н. Мурзакевичем в 1847 г.

Состав Псковской судной грамоты:

- о полномочиях различных псковских судов — княжеского, посадничьего, архиепископского (ст. 1–4, 20, 25, 26, 61, 77, 78–81, 109);
- способе корректировки законодательства на псковском вече (ст. 108);
- полномочиях и обязанностях посадника (ст. 4, 6, 68, 69);
- полномочиях и обязанностях княжеского наместника в псковский пригород (ст. 5);
- наказаниях за воровство, особенностях сыска и судопроизводства по татебным делам (ст. 7, 8, 34, 35, 46–48, 52, 54, 56, 57, 60, 105, 110, 112, 114);
- особенностях судопроизводства по земельным искам (ст. 9–13, 70, 72, 106);
- особенностях исков по наследственному праву, о наследственном праве (ст. 14, 15, 53, 55, 88–90, 100);
- возврате имущества, отданного на хранение (ст. 16–19);
- свидетелях, их роли в судопроизводстве (ст. 20–25);
- публичном избиении в драке, без грабежа (ст. 27, 120);
- разбирательствах по денежным и имущественным закладам и ссудам (ст. 28–33, 38, 45, 62, 73, 74, 91–95, 101–104, 107);
- поле, т.е. судебном поединке (ст. 20, 36, 37, 117, 119);
- наймите, защите его прав (ст. 39–41);
- изорнике (зависимое сельское население), его правах, в том числе праве выхода от господина (ст. 42–44, 51, 63, 75, 76, 84–87);
- размеры и особенности взимания судебных пошлин (ст. 49, 50, 64–67, 82, 83, 112, 120);
- особенностях судебной процедуры — недопущение посторонних и т.д. (ст. 58, 59, 71, 99, 111, 113);
- убийстве (ст. 96, 97, 98);
- ложном обвинении в поджоге (ст. 116);
- оскорблении вырыванием бороды (ст. 117);
- торговых сделках по продаже скота (ст. 118);
- запрет продажи хмельных напитков князьим людям (ст. 115).

Как видно, тематически объединяемые статьи оказываются рассеянными по всему тексту, что не очень типично для древнерусских правовых памятников: и в Правде Русской, и в княжеских уставах, и в НСГ при всех особенностях текстов наблюдается определенное единство смысловых блоков. В случае ПСГ данное обстоятельство, видимо, объясняется тем, что оригинальный текст памятника был значительно объемнее и имел другой вид. До нас же дошла, как сказано в преамбуле ПСГ, выписка из более полного списка, которая была подготовлена для Москвы и, видимо, подвергалась редактированию и в Пскове, и в Москве. Редакторами сохранялись в тексте те статьи, которые их заинтересовали, при этом они мало заботились о смысловом единстве памятника и правильной передаче текста оригинала.

Что же не попало в дошедшие до нас списки ПСГ? Об этом можно только высказывать предположения. Исследователи обратили внимание, что в ПСГ слабо представлены наказания за тяжкие уголовные преступления (убийство), нормы об охране собственности, нет статей о закупах, смердах и холопах. По мнению ученых, это связано с тем, что ПСГ действовала в комплексе с Правдой Русской, в которой данные нормы присутствуют в полной мере. Вообще социальным вопросам в ПСГ уделено мало внимания, здесь прописаны нормы в отношении только трех социальных категорий: должностных лиц разного уровня (но эти нормы связаны в основном с исполнением ими своих полномочий), наймита (наемного работника) и изорника (полузависимое сельское население). Права, обязанности, социальный статус всех остальных представлены бедно даже по сравнению с Правдой Русской, хотя, казалось бы, ПСГ как более позднее и более развитое законодательство должна быть подробней.

Важной и новой чертой ПСГ является значительное увеличение роли письменного акта, письменного доказательства. Совершенствуется законодательство в отношении свидетелей, судебного поединка, способов сыска и установления истины на суде. Все это свидетельствует о прогрессирующем развитии правовых отношений в Псковской республике в XIV—XV вв.

От XIV—XV вв. до нас дошло несколько уставных грамот, выданных отдельным землям и определявшим в них юридические нормы. Древнейшей считается *Двинская уставная грамота*, датируемая учеными 1397 или 1398 г. Ее создание связано с восстанием в 1397 г. в Двинской земле, которая находилась под властью Великого Новгорода, но в результате мятежа перешла под руку великого князя владимирского и московского Василия I (1389—1425). Под юрисдикцией Москвы она была несколько лет, и как раз в это время была издана уставная грамота, вводившая для Двинской земли особое законодательство.

Двинскую уставную грамоту ввел в науку и опубликовал Н. М. Карамзин.

Состав Двинской уставной грамоты:

- о наместничьем суде по тяжким преступлениям, убийствам и причинению физических увечий, дракам в пиру, оскорблениям (ст. 1—3);
- санкциях за нарушение границ земельных владений — меж (ст. 4);
- процедуре сыска и наказания вора — татя (ст. 5);
- санкциях за самосуд (ст. 6);
- установлении отчисления наместнику с исков, выплатах судебным исполнителям (ст. 7—8, 10);

- полномочиях наместников по разного рода судебным ситуациям (ст. 9, 11–13, 15);
- торговых пошлинах и правилах их взимания (ст. 14, 16).

Юридические нормы Двинской уставной грамоты связаны прежде всего с утверждением новой власти: введением наместничьего суда, полномочиями наместников и их людей по важнейшим вопросам контроля над новой территорией (суд, торговля, фискальная политика). Данный документ является важным источником по истории формирования единого Русского государства и объединительной политики Москвы.

Последняя уставная грамота, на которой необходимо остановиться — *Белозерская* 1488 г. Ее называют первым законодательным актом единого Русского государства. В 1488 г. после окончательного присоединения Белозерского княжества к Москве было необходимо не просто утвердить в нем власть центральной администрации, но определить ее взаимоотношения с бывшими местными органами управления и судопроизводства. Эту цель и преследовало издание Белозерской уставной грамоты.

Грамота была опубликована в 1836 г. в «Актах Археографической экспедиции».

Состав Белозерской уставной грамоты:

- об определении размеров и порядка взимания наместничьего корма — содержания наместников за счет местного населения (ст. 1–2, 6);
- полномочиях и порядке назначения должностных лиц — тиунов, доводчиков, приставов и других, находившихся в распоряжении наместника (ст. 3–5, 20–22);
- порядке взимания и размерах наместничьих, владычных и торговых пошлин (ст. 7–8, 16–17);
- наместничьем сыске и суде — полномочиях, процедуре, сферах применения (ст. 9–12, 14, 19, 23);
- самосуде (ст. 13);
- перечне городских станов (ст. 15);
- санкциях за нарушение границ земельных владений — меж (ст. 18).

Судные и уставные грамоты XIV–XV вв. — главный источник по изучению истории отдельных русских земель, процессов их объединения, особенностей регионального развития, соотношения местного и центрального права, истории повседневности применительно к регионам.

7.5. Русские судебники XV–XVI веков

В едином Русском государстве в XV–XVI вв. произошел отказ от судных и уставных грамот отдельных местностей, законодательство было объединено в сводные кодексы — общерусские судебники. За указанный период известны Судебники 1497, 1550, 1589 гг.

Первый общерусский судебник, *Судебник Ивана III* (1462–1505) был «уложен», согласно его рукописи, в сентябре 1497 г. Составителями документа, по мнению Л. В. Черепнина, являлись князь Иван Юрьевич Патрикеев, дьяки Василий Долматов, Василий Жук и Федор Курицын.

Текст кодекса дошел до нас в единственной рукописи, хранящейся в РГАДА (Ф. 135. Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Отдел V. Рубрика 1. № 3). Существует также перевод нескольких статей, сделанный в первой половине XVI в. посещавшим Россию в 1517 и 1526 гг. послом Священной Римской империи Сигизмундом Герберштейном и опубликованный им в 1549 г. в сочинении «Записки о Московии». Русский текст Судебника был введен в научный оборот и опубликован К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым в 1817 г.

Судебник 1497 г. изначально не был разбит на статьи, но отдельные законодательные нормы выделялись киноварными инициалами. М. Ф. Владимирский-Буданов разбил памятник на 68 статей. Это разделение стало каноническим.

Состав Судебника 1497 г.:

- об определении порядка судопроизводства бояр и окольных; запрете брать взятки — «посулы» (ст. 1, 67), обязательстве рассматривать поступившие жалобы (ст. 2), определении размеров судебных пошлин (ст. 3, 21, 64);
- правилах «поля» (судебного поединка), размерах взимаемых пошлин (ст. 4–7, 54, 68);
- введении смертной казни за покушение на государя, «крамолу» (мятеж), убийство, святотатство, убийство, поджог и т.д. (ст. 8);
- порядке следствия и судопроизводства за воровство — «татьбу» (ст. 9–14, 39, 46, 47);
- видах судебных и следственных документов, особенностях их оформления, размерах взимаемых пошлин (ст. 15–20, 22–28);
- определении полномочий, обязанностей и размеров пошлин («хоженого» и «езда») для недельщиков и приставных (приставов) — судебных исполнителей, которые могли проводить и следствие (ст. 29–36);
- определении полномочий и порядка наместничьего судопроизводства («кормления с боярским судом» и «кормления без боярского суда»), размере судебных пошлин на местах (ст. 37–38, 65);
- особенностях и порядке оформления судебных документов на местах (ст. 40–43);
- полномочиях должностных лиц — наместников, волостелей, тиунов, приставов и других, находившихся в распоряжении наместника (ст. 44 — 45, 53);
- «послушестве» — свидетелях и свидетельстве; процедуре, ответственности за лжесвидетельство и т.д. (ст. 48–52, 67);
- займах и ответственности за невозвращение займа (ст. 55);
- обретении свободы холопом, бежавшим из татарского плена (ст. 56);
- праве перехода крестьян от своего помещика в Юрьев день с выплатой «пожилого» — компенсации за потерю работника (ст. 57);
- особенностях суда над чужеземцами (ст. 58);
- особенностях суда над церковными людьми (ст. 59);
- наследственном праве, смерти без духовной грамоты (ст. 60);
- изгородях и межах (маркировка земельных владений), «о землях суд» (ст. 61–63);
- полном холопстве (ст. 66).

Как видно, у Судебника 1497 г. нет четкой структуры, имеет место перестановка статей, что заставляет подозревать «порчу» текста. Возможно, это произошло при переписывании. Неполноту Судебника отмечали еще его первые издатели, К. Ф. Калайдович и П. М. Строев. Л. В. Черепнин предполагал, что изначально в кодексе было 100 статей, из которых дошло 94, и разбивал текст вместо 68 на 94 статьи. Во всяком случае, для изучения истории текста Судебника нужны его новые списки, которых до сих пор не обнаружено.

Источником законодательных норм Судебника послужила Русская Правда Пространной редакции, уставные грамоты и законотворчество правительства Ивана III. Что же касается значения Судебника, то процитируем слова из предисловия к юбилейному изданию Судебника 1497 г.

Мнение

«Во-первых, издание Судебника 1497 г. ознаменовало начало традиции единого права формировавшегося централизованного государства на основании и взамен прежних, областных, региональных узаконений...

Во-вторых, Судебник попутно зафиксировал и систему судоустройства, единообразную в основных чертах для всей территории страны.

В-третьих, Судебник 1497 г. закрепил почти за всеми сословными группами тогдашнего российского общества социальные позиции субъектов правоотношений, а не их объектов. За вычетом холопов, но с учетом всех разрядов крестьян, включая частновладельческих... В этом смысле Судебник цементировал «правовые обручи» для всех участников юридических действий и процессов целостного общества единого Российского государства»¹.

Степень сословности русского общества конца XV в., равно как и централизации Московского государства Ивана III авторами этих слов несколько преувеличивается, но в целом тенденция, развитию которой способствовало появление Судебника 1497 г., обозначена верно. В нем оговаривались правила боярского и наместничьего суда. По всему государству устанавливались единые судебные пошлины. Также назначались различные виды наказаний за преступления. Смертью карались убийство, мятеж, поджог и неоднократное нарушение закона.

Важные новшества Судебник вносил в социально-экономические отношения. В XV в. земельные владения стали приобретать большую ценность. Власти взяли под контроль размежевание земель. Особо оговаривались правила наследования земли. Статья 57 вводила ограничения перехода крестьян от одного помещика к другому. Теперь по всей Руси устанавливался единый день выхода: за неделю до и неделю после Юрьева дня осеннего (26 ноября). В случае ухода платилось пожилое. В Судебнике также были оформлены нормы в отношении холопов.

Следующим шагом в развитии законодательства Московской Руси было издание *Судебника 1550 г.*, который был принят на заседании Боярской думы в июне 1550 г. и утвержден Стоглавым собором в 1551 г. Подлинник до нас не дошел, но сохранилось более 40 списков Судебника XVI–XVII вв.

¹ Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. М., 2000. С. 4.

(самый древний — 1560-х гг.), некоторые со служебными пометами, что свидетельствует о широком хождении кодекса и его практическом применении. В разных списках варьируется число статей (в большинстве — 99 или 100). Отличительными особенностями Судебника 1550 г. являются, во-первых, нумерация статей; во-вторых, содержание, перечень статей с заголовками, которое помещено впереди основного текста во многих списках. Кодекс был составлен на основе Судебника 1497 г., с привлечением уставных и указных грамот и законодательных инициатив правительства Ивана IV.

Судебник 1550 г. был открыт В. Н. Татищевым в 1734 г. и опубликован Г. Ф. Миллером и С. Башиловым в 1768 г.

Состав Судебника 1550 г.:

- об определении порядка судопроизводства великого князя (ст. 28), бояр и окольничих; запрете брать взятки — «посулы» (ст. 3—5, 32), обязательстве рассматривать поступившие жалобы (ст. 7), определении размеров судебных пошлин (ст. 8, 33—35, 37) и пошлин за постановку печатей на документы (ст. 38—44), пошлинах за повторный суд — «пересуд» (ст. 51);
- правилах «поля» (судебного поединка), размерах взимаемых пошлин (ст. 9—14, 19);
- «послушестве» — свидетелях и свидетельстве, процедуре, ответственности за лжесвидетельство и т.д. (ст. 15—18, 99);
- порядке подачи исков и жалоб, видах документов (ст. 19—24);
- разбое (ст. 25);
- бесчестье и увечье (ст. 26);
- суде и правилах подачи исков чужеземцами (ст. 27);
- полномочиях и сферах деятельности судебных исполнителей — приставов, недельщиков (ст. 31—32);
- «кабальных росписях» — кабалах по долгам, невозвратах ссуды (ст. 36);
- определении полномочий, обязанностей и размеров пошлин («хоженого» и «езда») для недельщиков (ст. 45—50);
- поимке с поличным (ст. 52);
- порядке следствия и судопроизводства за воровство — «татьбу»; (ст. 53—60, 73);
- введении смертной казни за покушение на государя, «крамолу» (мятеж), убийство, сдачу города неприятелю, убийство, поджог и т.д. (ст. 61);
- наместниках, кормленщиках с правом боярского суда (ст. 62—65);
- наместниках без права боярского суда (ст. 66);
- полномочиях должностных лиц — наместников, волостелей, тиунов, приставов и других, находившихся в распоряжении наместника (ст. 64—72, 74—75);
- «суде о холопстве» (ст. 76—83);
- «суде о землях, поместных и вотчинных» (ст. 84—89);
- купце, утервавшем товар (ст. 90);
- суде над церковными людьми (ст. 91);
- наследственном праве, смерти без духовной грамоты (ст. 92);
- торговле (ст. 93—96);
- порядке принятия новых законов через Боярскую думу (ст. 98).

По сравнению с кодексом 1497 г. Судебник 1550 г. был значительно расширен. Он определял обязанности должностных лиц, размер судебных

пошлин, наказания за различные преступления. Государственные учреждения должны были вести свои дела «по Судебнику». Особое значение имела ст. 98, по которой предписывалось новые законодательные акты принимать «с государева доклада и всех бояр приговору». Некоторые ученые склонны рассматривать данную юридическую норму как попытку ограничения власти царя Боярской думой. Однако в действительности статья носила чисто процедурный характер и просто устанавливала порядок обсуждения законов. Государь мог издавать указы как по своему усмотрению, так и посоветовавшись с Боярской думой.

Особенностью Судебника 1550 г. является увеличение количества статей, посвященных социально-экономическим вопросам. Совершенствовалось холопье законодательство. Целый ряд норм затрагивал земельные вопросы («О землях суд», «О вотчинах суд»). Статья о Юрьевом дне осталась в Судебнике без особых изменений, за исключением увеличения размеров пожилого.

Судебник Федора Ивановича был принят 14 июня 1589 г. Он был введен в научный оборот в 1900 г. публикацией С. К. Богоявленского. Известно шесть списков этого памятника, которые составляют Краткую и Пространную редакции. В Пространной редакции (231 статья) воспроизведен текст Судебника 1550 г. с добавлением нескольких десятков новых статей. Краткая редакция (56 статей) или вообще не повторяет статей Судебника 1550 г., или ограничивается ссылкой на них. Как и предыдущий кодекс, Судебник 1589 г. имеет оглавление статей и нумерацию. Его источником, помимо Судебника 1550 г., было текущее законодательство второй половины XVI в., а также прецедентное право.

Считается, что Судебник 1589 г. предназначался в основном для черносошного населения Русского Севера. Он позволяет проследить, как нормы общегосударственного права трансформировались под влиянием обычного права, волостных традиций свободных северорусских общин. Судебник детализировал обязанности должностных лиц в различных сферах судебного следствия и судопроизводства, расширил количество судебных прецедентов, возведенных в юридическую норму (например, о суде москвичей-горожан с сельскими жителями), увеличил количество статей о землевладении, преступлениях против чести, имущественном и наследственном праве. Из анализа текста Судебника 1589 г. видно, что русское право в XVI в. интенсивно развивалось и оформлялось, в основном на прецедентной основе.

☞ Судебники XV—XVI вв. являются содержательным историческим источником по истории русского государства и права, социальных и экономических отношений, социальной морали и ценностных ориентиров.

7.6. Законодательные акты второй половины XVI—XVII века

☞ Законодательная практика XVI—XVII вв. не ограничивалась изданием общегосударственных кодексов — судебников. Выходили отдельные законодательные акты, посвященные определенной проблематике, адресованные отдельным социальным группам. Их называли указами, уставами, приговорами и уложениями.

Происхождение этих законодательных актов, развивающих и дополняющих судебники, различно. Это могут быть царские указы, постановления земских и церковных соборов, решения Боярской думы или отдельных ее комиссий.

Закон, изданный только от имени царя, именовали *указом*. Указы рассылались исполнителям, как правило, по государственным учреждениям (приказам). Поскольку этих указов становилось все больше, их стали собирать и переписывать в специальных сборниках — *указных книгах*. По своему составу они сильно различались в зависимости от ведомств, в которых составлялись. В них также могли быть включены уставные, таможенные и другие локальные законодательные акты. В делопроизводстве XVII в. указную книгу могли также называть *уставной книгой*. Древнейшей указной книгой А. А. Зимин считает указную книгу ведомства казначеев.

Уставом назывался исчерпывающий свод существующих законов в какой-либо области законодательства (например, по уголовным делам). Если он был неполный, но включал в себя подборку законов по конкретному вопросу, его именовали *уложением* (уложение о холопах и т.д.). Если закон проходил коллегиальное обсуждение и рассмотрение в думе или на соборе, он, как правило, назывался *приговором*.

Действующее законодательство нуждалось в кодификации, приказных указных книг для этого не хватало. В 1555—1556 гг. была составлена Уставная книга Разбойного приказа. Как отметил А. А. Зимин, «Уставная книга тщательно регламентирует процедуру розыска, свидетельствуя о полной победе следственного начала в уголовном процессе».

Дальнейшее развитие преимущества следствия над обвинительным процессом демонстрирует так называемый Сводный судебник (1606—1607), объединивший Судебник 1550 г., дополнительные указы к нему в редакции 1606 г., указы 1562 и 1572 гг. о княжеских вотчинах и Уложение 1597 г. о холопстве. Данный памятник важен тем, что впервые тематически однородные статьи объединялись в рамках специальных рубрик, называемых «гранями». Этот принцип впоследствии получит развитие в Соборном уложении 1649 г.

В 1616—1617 гг. в Разбойном приказе дьяком Третьяком Корсаковым и подьячим Никитой Посниковым была составлена новая Уставная книга, объединившая русское уголовное законодательство от Ивана Грозного до Бориса Годунова. В 1619—1620 гг. книга дорабатывалась, текст был разбит на 56 статей. Она дополнялась новыми указами вплоть до 1636 г. В 1635—1648 гг. была создана третья Уставная книга Разбойного приказа, которая затем легла в основу соответствующих глав Соборного уложения 1649 г. Уголовное законодательство было самым востребованным, поэтому его кодификация шла наиболее интенсивно.

Около 1609 г. была составлена Указная книга Приказа холопьяго суда, содержащая законодательство о холопах за 1597—1609 гг.

В середине XVII в. была составлена Указная книга Земского приказа, объединившая законодательство 1622—1648 гг. по сбору податей и суду над посадским населением Москвы.

Указные книги Поместного приказа содержали свод законов по землевладению. Приказ контролировал поместные раздачи, разделы земель между наследниками, земельные сделки (купли-продажи, обмены), про-

изводил описания земель с крестьянами. В силу этого он имел огромный документооборот, через него проходили жалованные, отказные, ввозные и послушные грамоты, выписи с писцовых книг на землю и другие документы. Первая Указная книга Поместного приказа погибла в московском пожаре 1626 г. Поскольку ее утрата означала полный паралич всей системы землевладения, основы существования феодального государства, то сразу же были предприняты меры по поиску указов и их новому объединению в указную книгу. Восемь указов обнаружилось в несгоревших документах Поместного приказа, 20 нашли в так называемых *переносных делах* — документах, временно переданных в другие ведомства. Уже в том же 1626 г. Указная книга Поместного приказа была восстановлена, в дальнейшем она дополнялась текущим законодательством.

Из небольших указных книг стоит упомянуть Указную книгу Ямского приказа 1627—1628 гг., содержащую семь указов и один доклад.

При этой, казалось бы, широкой делопроизводственной работе, тем не менее, нельзя говорить о тотальной сохранности русского законодательства XVI—XVII вв. Целый ряд законодательных актов до нас не дошел. Об этом свидетельствуют ссылки на неизвестные нам законы, содержащиеся в памятниках, которые рассылались в различные приказы. Далеко не все ссылки удается соотнести с известными нам текстами законов. В некоторых случаях ссылки на незнакомые памятники есть также в судебных документах и челобитных.

Как пример, иллюстрирующий, насколько важные указы могли бесследно исчезнуть во тьме веков, можно привести дискуссию о введении крепостного права в конце XVI в. Казалось бы, столь судьбоносная перемена не должна была бы стереться в памяти потомков. Тем не менее в известном нам законодательстве о введении крепостного права большие лакуны, утраты, что вызывает массу споров и гипотез. Неизвестно даже, существовал ли особый указ о введении крепостного права или же оно вводилось через серию локальных актов по частным вопросам, которые в сумме потом дали результат в виде крепостнической системы. На эту тему написано множество книг и статей, но однозначный ответ не получен до сих пор.

В силу такого состояния законодательных источников XVI—XVII вв. обязательным компонентом работы с ними является реконструкция изначального текста указа, закона. Нередко ее приходится выполнять по отрывкам из судебных дел, судебной практики, фрагментарным остаткам указов в других грамотах. Во многих случаях канонический, официальный текст и его соотношение с другими законодательными памятниками воссоздается только после обстоятельного источниковедческого исследования.

☞ Законодательные памятники XVI—XVII вв. являются источниками по социально-экономической, политической истории России, истории повседневной жизни, особенностям судебной юридической практики.

7.7. Соборное уложение 1649 года

☞ *Соборное уложение* — крупнейший законодательный памятник права Московской Руси. Оно состоит из 25 глав, каждая из которых содержит несколько

десятков статей (всего 967 статей). Соборное уложение было создано в 1649 г. и почти 200 лет сохраняло свое юридическое значение (последний раз использовалось в 1845 г. при составлении Уложения о наказаниях). Примечательно, что это первый печатный памятник русского права: в 1649 г. оно было напечатано массовым по тем временам тиражом — 2400 экземпляров.

Соборное уложение было официально принято в Москве 29 января 1649 г. Земским собором, почему и имеет такое название. Его авторами и разработчиками считаются бояре Никита Иванович Одоевский, Семен Васильевич Прозоровский, окольный Федор Федорович Волконский, дьяки Гаврила Леонтьев и Федор Грибоедов. По решению царя Алексея Михайловича (1645—1676) и по совету с Боярской думой и Освященным собором работа над текстом началась в июле 1648 г. и длилась более двух месяцев.

В тексте Соборного уложения указаны его источники: 1) «Правила святых апостолов и святых отцов», т.е. постановления вселенских и поместных соборов; 2) «Градские законы греческих царей», т.е. византийское право, прежде всего Номоканон; 3) законы предшествующих «государей, царей и великих князей российских», боярские приговоры, «старые судебники». По всей видимости использовали в основном приказные указные книги. Кроме того, важным источником, из которого было много заимствований, оказался Литовский статут 1588 г. Особой категорией являются дворянские челобитные с изложением желаний и чаяний дворянского сословия, которые они просили учесть при составлении нового законодательства.

Результаты законодательной работы боярской комиссии было решено представить в виде боярского «доклада» царю и специально созданному Земскому собору. Были определены такие квоты: избрать от стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов — по два человека, а также со всех городов от дворян и детей боярских, кроме Новгорода, — по два человека; а из новгородцев с пятины — по одному человеку, от гостей (купцов, занимающихся иностранной торговлей) — по три человека, из гостиных и суконной сотен — по два человека, а из «черных» сотен и слобод и городов с посадов — по одному человеку.

Собор открылся в сентябре 1648 г. Обсуждение текста проходило в двух разных палатах: Верхней палате (царь, Боярская дума и Освященный собор) и Ответной палате (делегаты от сословий). Исправления и дополнения вносились до последнего момента, даже в текст чистовика и в последующие печатные издания. Это говорит о высокой заинтересованности высокого собрания в выработке правильного законодательства.

Текст Соборного уложения дошел как в виде печатного издания 1649 г., так и в оригинале: в свитке, подписанном и удостоверенном участниками собора. Свиток составлен из 957 столбцов, последовательно склеенных между собой. Получился свиток длиной 309 метров! Текст на отдельных листах писали в несколько этапов; фиксируется более 400 смен почерка, т.е. одного дьяка сменял другой. Участники Собора расписывались на склейках (ставах) столбцов. В основном на каждой склейке имеется по одной подписи, иногда встречаются две. Также их удостоверляли подписи двух думных дьяков (Федора Елизарьева и Михаила Волошенинова) и двух

дьяков (Гаврилы Леонтьева и Федора Грибоедова). К свитку прилагалась рукописная «Опись поправкам» — перечень исправлений орфографических ошибок в тексте.

Печатный текст уложения был издан на Московском Печатном дворе и поставил рекорд продаж. Это оказался своеобразный бестселлер XVII в. Первый тираж (1100 экз.) вышел 1 июня 1649 г., а к 7 августа был уже весь продан. Пришлось делать второй тираж. Оригинал — рукописный свиток — спрятали в специальный «ковчег», который ныне хранится в РГАДА.

■ **Справка**

Содержание Соборного уложения 1649 г.

Глава I. «А в ней 9 статей о богохульниках и о церковных мятежниках» (9 ст.).

Глава II. «О государьской чести и как его государьское здоровье оберегать» (22 ст.).

Глава III. «О государеве дворе, чтоб на государеве дворе ни от кого никакова бесчинства и брани не было» (9 ст.).

Глава IV. «О подпищикех и которые печати подделывают» (4 ст.).

Глава V. «О денежных мастерах, которые учнут делати воровские деньги» (2 ст.).

Глава VI. «О проезжих грамотах в иные государства» (6 ст.).

Глава VII. «О службе всяких ратных людей Московского государства» (32 ст.).

Глава VIII. «О искуплении пленных» (7 ст.).

Глава IX. «О мытах, и о перевозех, и мостах» (20 ст.).

Глава X. «О суде» (287 ст.).

Глава XI. «Суд о крестьянех» (34 ст.).

Глава XII. «О суде патриарших приказных и дворовых всяких людей и крестьян» (3 ст.).

Глава XIII. «О Монастырском приказе» (7 ст.).

Глава XIV. «О крестном целовании» (10 ст.).

Глава XV. «О вершенных делах» (5 ст.)¹.

Глава XVI. «О поместных землях» (69 ст.).

Глава XVII. «О вотчинах» (55 ст.).

Глава XVIII. «О печатных пошлинах» (71 ст.).

Глава XIX. «О посадских людех» (40 ст.).

Глава XX. «Суд о холопех» (119 ст.).

Глава XXI. «О разбойных и о тетинных делех» (104 ст.).

Глава XXII. «Указ, за какие вины кому чинить смертная казнь, и за какие вины смертию не казнить, а чинить наказанье» (26 ст.).

Глава XXIII. «О стрельцах» (3 ст.).

Глава XXIV. «Указ об атаманех и о казакех» (2 ст.).

Глава XXV. «Указ о корчмах» (21 ст.)².

Структура Соборного уложения строилась по принципу значимости законодательных постановлений. В первых трех главах разбирались преступления

¹ «Вершенных», т.е. свершенных, состоявшихся. Разбираются случаи, когда судопроизводство закончено, но одна из сторон пытается добиться пересмотра дела или вчинить повторный иск.

² Регламентация производства и продажи спиртных напитков, особенности налогообложения данной производственной и торговой сферы.

против веры и государя, т.е. против основы русского общества и государства XVII в. Такое подробное освещение государственных преступлений — новшество законодательства. Четвертая и пятая главы разбирали следующие важные для самого существования державы вопросы: подделка и правильное оформление документов, исходящих от власти, и проблему фальшивомонетничества. Шестая глава охраняла внешнее пространство страны: оговаривала условия выезда за границу и въезда в Россию. Таким образом, первые шесть глав как бы оформляли основы внутреннего и внешнего пространства жизни российских подданных, определяли главные принципы их поведения по отношению к властным институтам и государственным преступлениям.

Определению статуса сословий посвящены гл. 9, 11, 12, 13, 16, 17, 19, 20, 23, 24 Соборного уложения. В основном рассматриваются вопросы их правового положения и отношения к собственности, условия владения имуществом и его отчуждения (в форме дарения, продажи, раздела, завещания и т.д.). Охвачены практически все социальные категории: от холопов, крестьян и казаков до служилых людей и землевладельцев-вотчинников.

Значительное место в Соборном уложении уделяется проблемам следствия и судопроизводства, организации работы судебной системы (гл. 10, 11, 12, 14, 15, 18, 21, 22). Здесь собран русский юридический опыт XV—XVII вв., извлеченный из судебников, указных книг приказов, разного рода законодательных актов.

Источниковедческое изучение Соборного уложения прежде всего лежит в сфере генетического анализа происхождения различных норм русского законодательства, соотношения их кодифицированных редакций с изначальными вариантами записи законодательного текста.

☞ *Соборное уложение* — законодательный памятник сословной монархии. Как известно, *сословия* — это социальные группы, объединяющие людей с одинаковым правовым статусом. В российском законодательстве до середины XVII в. сословное законодательство разрабатывалось фрагментарно. Уложение объединило разрозненные нормы в единый кодекс, расширило и дополнило правовые акты в отношении сословий землевладельцев, крестьян, холопов и т.д. Соборное уложение оказалось настолько удачным решением, что было востребованным государственным законодательством многие десятилетия. Оно помещено первым среди русских законов в созданном в XIX в. Полном собрании законов Российской империи.

7.8. Памятники канонического права. Кормчие книги

☞ *Каноническим правом* называют правила веры и христианской жизни, основанные на канонах святых апостолов, постановлениях вселенских соборов, авторитетные суждения Отцов Церкви. Древнейшие славянские канонические сборники представляют собой перевод византийских сборников.

☐ Справка

В Византии законодательство основывалось на классическом римском праве. Кодификация права началась при императоре Юстиниане I в VI в.; на протя-

жении столетия был оформлен целый ряд правовых сборников, ряд из которых были посвящены только светским законам, в частности, Кодекс Юстиниана (*Codex Iustiniani*), Дигесты (*Digesta*), Институции (*Institutiones*), Собрание 25 глав (*Collectio XXV capitulorum*), Трехчастный сборник (*Collectio tripartita*). Позже они были дополнены иными текстами, например, Эклогой иконоборческих императоров Льва III и Константина V (VIII в.). Другие сборники касались церковного права: Собрание 87 глав Иоанна Схоластика (*Collectio LXXXVII capitulorum*), Номоканон 50 титулов, Номоканон XIV титулов. Именно они оказали наибольшее влияние на русскую традицию церковного права.

В древний период как в Византии, так и на Руси не было четкого разграничения между светским и церковным правом: немало императорских постановлений касалось управления церковью, и в книги по церковному праву вносились как отдельные императорские новеллы, так и сборники императорских законов. В Византии такие сборники, объединяющие церковные каноны с императорским законодательством о Церкви, получили название номоканонов.

☞ Та же традиция сохранялась на Руси вплоть до конца XIV в., когда в сборники по церковному праву включались как постановления византийских императоров, так и древнерусские княжеские уставы, Русская Правда, славянский Закон судный людем (являющийся вольной переработкой византийской Эклоги). Однако в отличие от греческих сборников сочетание церковного и светского законодательства характерно для кормчих книг, в то время как номоканонами стали называться сборники, посвященные исключительно церковным законам.

Наиболее заметную роль сыграли те книги, в которых правила соборов и Святых Отцов были расположены тематически: Номоканон 50 титулов, Номоканон XIV титулов. *Титулом* называлась рубрика, открывающая большой тематический раздел и делящаяся на главы. Номоканон 50 титулов был переведен на славянский язык на раннем этапе и сохранился в списке конца XIII в. (Устюжский сборник). Он не получил на Руси широкого распространения: известен лишь один список первой половины XVI в., созданный по заказу митрополита Иоасафа, любителя и знатока книг. Однако отдельные тексты из Номоканона 50 титулов были включены в другие славянские канонические книги и оказались востребованы. Влияние Номоканона 50 титулов на русскую каноническую традицию остается недостаточно изученным.

Другой византийский сборник — Номоканон XIV титулов — оказал заметно большее влияние на русскую правовую традицию. Его создание приписывалось патриарху Фотию (IX в.), но дошедший до нашего времени сборник носит компилятивный характер и складывался на протяжении продолжительного времени, начиная с VII в. Стройная система, по которой все правила распределялись по 14 крупным темам (титулам) обеспечила ему популярность на протяжении веков. Существует три вида сборника XIV титулов: 1) синтагма, в которой приведен тематиче-

ский перечень глав; 2) номоканон, в котором для каждой главы указаны номера правил, раскрывающих содержание главы; 3) синагога, в которой внутри глав приведен полный текст соответствующих правил. Подобные сборники сложились еще в Византии. Древнейший славянский перевод сборника XIV титулов был выполнен, по мнению исследователей, в X в. в Болгарии.

☞ Славянский перевод отразил одну из промежуточных греческих редакций Номоканона XIV титулов и представлял собой номоканон (т.е. перечень титулов и глав со ссылками на правила) и выстроенные в хронологическом порядке правила соборов, Святых Отцов, некоторые постановления византийских императоров. В научной литературе этот славянский канонический сборник называется Древнеславянской редакцией Кормчей или Ефремовской кормчей (по старшему полному списку XII в.; в настоящее время известен более древний отрывок XI в., хранящийся во Львове). Древнеславянская редакция еще не имела толкований к правилам. По мнению Я. Н. Шапова, книга появилась на Руси во второй четверти XI в., при Ярославе Мудром, и был действующим сборником канонического права до конца XIII в., однако к нему продолжали обращаться и заимствовать из него тексты и в более позднее время.

На рубеже XII—XIII вв. в Сербии был подготовлен перевод еще одного византийского сборника. В его основе лежал Номоканон XIV титулов (в иной редакции) с комментариями византийских канонистов XII в. Алексея Аристина, Иоанна Зонары и Феодора Вальсамона. Инициативу создания нового современного канонического сборника для управления сербской церковью приписывали святому Савве, архиепископу Сербскому. Узнав о новом современном каноническом сборнике, митрополит Киевский Кирилл II обратился с просьбой к болгарскому деспоту Иакову-Святославу прислать для него список. Эта просьба была удовлетворена в 1262 г., и книга сразу начала переписываться. Она была совершенно не похожа на хорошо известную русским Древнеславянскую редакцию: знакомые правила даны в новом переводе и сопровождаются комментариями; в рукописи присутствовало большое количество дополнительных статей, хотя отсутствовал ряд текстов, знакомых по Древнеславянской редакции.

Не удовлетворившись новой книгой, митрополит Кирилл решил соединить два канонических сборника: старый и новый. Соединение выполнялось не механически: отдельные формулировки брались из Древнеславянской редакции и дополнялись по Сербской (откуда заимствовались толкования к правилам). Работа над созданием Русской редакции Кормчей книги продолжалась несколько десятилетий, в том числе после смерти митрополита Кирилла. В нее были внесены большая часть текстов из Древнеславянской и Сербской редакций Кормчей, целый ряд новых статей: старых и новых славянских переводов и компиляций, послания и постановления древнерусских иерархов, в том числе постановления последнего по времени Собора 1273 г.

Русская редакция Кормчей, начавшая формироваться при митрополите Кирилле II, играла основополагающую роль в становлении русского канонического права вплоть до середины XVII в. В дальнейшем она перерабатывалась и дополнялась, но основа ее оставалась неизменной. Таким образом, Русская редакция лежала в основе всех последующих кормчих книг, привлекавшихся для решения насущных проблем.

Наиболее ранней редакцией Кормчей книги, появившейся после митрополита Кирилла II (инициатора составления первоначальной Русской редакции конца XIII в.), является *Чудовская*. Она возникла не позже середины XIV в., поскольку выписки из нее содержатся в сборнике второй четверти — середины XIV в. (Государственный исторический музей, собр. А. И. Хлудова. Д. 30). В ее основу легла первоначальная Русская редакция Кормчей книги конца XIII в., выписки из Сербской редакции Кормчей и Мерило праведное. Кроме того, в Чудовскую редакцию был заимствован целый ряд текстов из древнерусских сборников типа Златой цепи, Измарагда, изборников. Тексты были объединены в тематические блоки, собраны по авторам, значительно отредактированы и переделаны. Чудовская редакция — единственная крупная редакция Кормчей книги, созданная в XIV в. и включившая в себя правила вселенских и поместных соборов и Отцов Церкви в полном объеме.

Чудовская редакция отличается от более поздних редакций стройностью и продуманностью замысла, широтой привлекаемых материалов. Можно полагать, что она создавалась примерно в то же время, что и Мерило праведное, поскольку редактор Кормчей обращался не только к Мерило, но и к его источникам. Нижней границей появления Чудовской редакции является время митрополита Максима, правила которого вошли в состав Кормчей; таким образом, Кормчая появилась в начале или первой половине XIV в. Учитывая разнообразие древнерусских источников и привлечение южнославянских текстов, неизвестных ранее на Руси, создание Чудовской редакции следует относить к крупному политическому и церковному центру, какими в то время были Владимир и Тверь.

Дороговизной пергамента и отсутствием потребности иметь полный список церковных правил, часто малоприменимых в Русской церкви, объясняется то, что в епархиях или отдельных церковных центрах в XIV в. почти не было списков кормчих книг: они сосредоточивались во владении митрополита.

В XIV в. создаются многочисленные канонические сборники выписок (часто тематических) церковных правил, которые были менее объемны и имели большее практическое применение. К таким сборникам следует отнести Мерило праведное, Трифоновский сборник, Паисиевский сборник, сборники Кирилла Белозерского, а также Мясниковскую и южнорусскую Мазуринскую редакции Кормчей. Мясниковская редакция, ранние списки которой 1420-х гг. связаны с Троице-Сергиевым монастырем, переписывалась лишь на протяжении столетия, полностью исчезнув в XVI—XVII вв., что говорит об изменении запросов, предъявляемых владельцами и читателями канонических сборников в этот период.

В истории русского канонического права XV в. отмечен появлением еще одной редакции Кормчей книги — Софийской, имевшей огромное значение на протяжении XVI в. и сохранившейся в большом количестве списков. Эта редакция во многом повторяет состав лежащей в ее основе редакции Кормчей конца XIII в. и имеет лишь незначительные дополнения по Сербской редакции Кормчей и несколько выписок из сборников. Заимствованные тексты переписывались в Софийскую редакцию без изменений и редакторской правки, часто в том же порядке. Наибольшее значение имеет созданное специально для новой редакции «Сказание о болгарской и сербской патриархиях», доказывающее, что в определенных исторических условиях отделение от матери-церкви и автокефалия несет пользу местной церкви. Датировка старших списков и исторический контекст приводят к мысли, что Софийская редакция Кормчей была создана по замыслу митрополита Феодосия, который особенно заботился о том, чтобы списки новой редакции попали в крупные церковные центры и монастыри Ростовской и Новгородской епархий, т.е. тех, с проблемами которых Феодосий был знаком лучше всего.

☞ Первая половина XVI в. отмечена поиском новых форм в подаче канонического материала. Традиционные редакции кормчих книг, значительную часть которых представляли расположенные в хронологическом порядке правила вселенских и поместных соборов с толкованиями, правила Отцов Церкви и византийских императоров, описывающие неизвестные на Руси реалии, перестали удовлетворять знатоков канонического права. Мало того, что большинство изложенных в Кормчей книге правил не находили применения в Русской церкви, даже те правила, которые волновали современников, нелегко было найти в объемной Кормчей книге.

Начало XVI в. — время ожесточенных споров в Русской церкви по самым разным вопросам, в том числе и о праве радикально вмешиваться: исправлять, дополнять и менять форму канонических сборников. Это привело к появлению трех авторских редакций Кормчей книги: Вассиана Патрикеева, митрополита Даниила и Нифонта Кормилицына.

Каждый из авторов стремился через поиски новой формы не только сделать Кормчую книгу более современной, востребованной и удобной в использовании, но и, акцентируя внимание на том или ином вопросе и освещении его в церковных правилах, доказать собственную правоту в спорах, волновавших его современников: о церковных имуществах и отношении к еретикам, о соотношении светской и церковной власти и иерархии в церкви.

Первой редакцией стала *Кормчая Вассиана Патрикеева*. Автор трудился над ней около 20 лет, совершенствуя, внося дополнения и переделывая на каждом новом этапе работы. Вассиан написал для своей Кормчей несколько канонических сочинений, однако основной его труд был посвящен разработке новой формы подачи канонического материала: не в хронологическом порядке последовательности соборов, а тематически. Взяв

за основу «Гитла правилам», игравшие роль указателя к Кормчей книге традиционного состава, Вассиан значительно дополнил их и расположил все правила в соответствии с этим указателем. В результате Кормчая книга превратилась в тематический сборник, в котором обстоятельно были освещены постановления церковных соборов по разным темам, но неизбежно некоторые правила, не подпадавшие ни под одну из выбранных тем, оказались исключенными из Кормчей книги. Так же были исключены все постановления византийских императоров, тексты русского происхождения (светские и церковные) и многие сочинения, входившие в состав традиционных редакций кормчих книг. Это послужило поводом обвинения Вассиана Патрикеева в предвзятости и неуважении к каноническому праву на Церковном соборе 1531 г.

Одновременно с Вассианом над собственной *Кормчей* трудился *митрополит Даниил* — противник и обвинитель Вассиана. Как и его оппонент, митрополит Даниил пытался с помощью новой формы сделать Кормчую книгу более актуальной и доказать собственную правоту в спорных вопросах. Сохранив хронологический порядок в следовании правил вселенских и поместных соборов, митрополит Даниил расширил до небывалых размеров толкования к правилам, включив в них не только новые переводы византийских толкователей XIII—XIV вв., но и тексты, далеко отстоящие от канонического права: отрывки житий, сказаний, поучений русских иерархов. Набор этих текстов должен был дать нужное освещение правилу, придав ему желательный смысл. Как и в Кормчей Вассиана, большинство сочинений, входивших в состав традиционных кормчих книг, в Кормчей митрополита Даниила было исключено.

Однако несмотря на авторитет митрополита Даниила его Кормчая оказалась почти не востребованной в XVI—XVII вв., сохранившись в существенно меньшем количестве списков, чем Кормчая Вассиана Патрикеева. Единственный известный случай использования — Стоглавый собор, участники которого обращались к Кормчей митрополита Даниила. Между тем Кормчая еретика Вассиана Патрикеева продолжала переписываться; отрывки из нее (в том числе сочинения Вассиана) переписывались из одного канонического сборника в другой и вошли в парадный список кормчей, хранившийся в Успенском соборе.

Иная судьба ожидала *Кормчую Нифонта Кормилицына*, который выбрал ту же форму подачи канонического материала, что и Вассиан Патрикеев: в соответствии с тематическим указателем к традиционной Кормчей. Можно полагать, что выбор был сделан под влиянием Кормчей Вассиана Патрикеева, Нифонт Кормилицын, участвовавший в подготовке собора против Вассиана, несомненно, был хорошо знаком с ней.

Нифонт проделал всю работу по распределению правил в соответствии с тематическим указателем заново, взяв за основу Кормчую Сербской редакции (в отличие от Вассиана, который положил в основу своего труда Кормчую Чудовской редакции). Из трех авторских редакций Кормчая Нифонта Кормилицына наименее оригинальна: составитель не вносил собственных дополнений в Кормчую книгу, слепо следуя указателю

к Сербской редакции Кормчей, а прочие сочинения, которые не упоминал указатель, расположил в виде дополнений к тематической части.

Начатое по собственному разумению мероприятие, сильно напоминавшее еретическую кормчую Вассиана Патрикеева, подверглось резкому осуждению со стороны митрополитов Даниила и Макария. Нифонт понес церковное покаяние за самоуправство и оставил запись на Кормчей-автографе с запретом ее переписывать. В связи с этим Кормчая Нифонта Кормилицына, служащая ярким свидетельством исканий новых форм в каноническом праве в первой половине XVI в., осталась в единственном списке и не имела влияния на позднейшую рукописную традицию.

☞ Кормчими книгами не ограничивается круг источников по церковному праву. Как уже говорилось, наряду с кормчими существовали номоканоны, содержащие лишь церковные правила. Постановления церковных соборов и святых отцов входили в них лишь выборочно, а не полностью, как в кормчие книги; памятники светского законодательства отсутствовали. Такие сборники носили практический характер. Номоканоны называются сборники очень разного состава и происхождения.

Так, Номоканон Иоанна Постника называется сборник византийского происхождения, авторство которого в рукописной традиции ошибочно приписывается Иоанну Постнику. Этот сборник сложился в Византии уже к IX в.; он был предназначен преимущественно для исповеди кающихся, в связи с чем в номоканон был включен чин исповеди и множество наставлений духовнику и кающемуся, а также епитимийные правила¹.

Другой номоканон, также являющийся переводным сборником, получил в русской традиции название «Зинар» или «Зонар», по имени византийского юриста и историка Иоанна Зонары (ум. после 1159 г.), известного не только как автор Хроники — всемирной истории, но и как толкователь церковных правил, составивший комментарии к Номоканону XIV титулов.

☞ Большинство номоканонов, переписывавшихся в XIV—XVII вв., имели компилятивный характер и сформировались в славянских странах. Они представляли собой несистематизированные выписки и подборки канонических правил и епитимийных статей, порой сомнительного происхождения. Правила соборов и святых отцов давались в них в искаженном виде; некоторые статьи славянского происхождения, отражавшие воззрения местных духовников, безосновательно приписывались наиболее авторитетным Отцам Церкви. Епитимийные правила, включавшиеся в такие номоканоны, часто относились к «худым номоканунцам» (по терминологии средневековых книжников), т.е. отражали местные обычаи, далекие от настоящих церковных правил. Трудность в их изучении состоит в том, что необходимо отделить те правила, которые заимствованы из переводных византийских сборников и восходят к постановлениям вселенских и поместных соборов, от правил, добавленных славянскими духовниками по своему разумению.

¹ *Епитимья* — церковное наказание за прегрешение, заключающееся в отлучении от причастия, посте и молитвах. *Епитимийные правила* представляют собой перечень грехов с назначением епитимьи за каждый из них.

Контрольные вопросы и задания

1. Расскажите об особенностях законодательных памятников как исторического источника.
2. Объясните отличия обычного и кодифицированного права.
3. Какие существуют виды средневекового законодательства?
4. Что такое внешняя и внутренняя история права?
5. Что такое Правда Русская?
6. Опишите состав Краткой Правды. Расскажите о дискуссиях о происхождении Краткой Правды.
7. Опишите состав Пространной Правды.
8. Расскажите историю возникновения и состав княжеских церковных уставов.
9. Расскажите об особенностях Новгородской судной грамоты как исторического источника.
10. Расскажите об особенностях Псковской судной грамоты как исторического источника.
11. Расскажите об особенностях Двинской и Белозерской уставных грамот как исторических источников.
12. Расскажите мнения ученых о происхождении Судебников 1497, 1550 гг.
13. Опишите состав Судебника 1497 г.
14. Опишите состав Судебника 1550 г.
15. Расскажите об особенностях редакций Судебника 1589 г.
16. Назовите и охарактеризуйте виды законодательных памятников второй половины XVI — первой половины XVII в.
17. Расскажите историю создания Соборного уложения 1649 г.
18. Дайте характеристику Соборному уложению 1649 г. как историческому источнику.
19. Опишите структуру Соборного уложения 1649 г.
20. Расскажите об источниках Соборного уложения 1649 г.
21. Дайте определение кормчим книгам.
22. Охарактеризуйте основные редакции кормчих книг.
23. В чем главное отличие Кормчей книги митрополита Даниила от кормчих книг Вассиана Патрикеева и Нифонта Кормилицына?
24. Перечислите важнейшие церковные и земские соборы средневековой России.
25. Дайте определение и характеристику Стоглаву.
26. Составьте сравнительную таблицу: каково соотношение статей Краткой Правды и Пространной Правды, какие нормы перешли из одного кодекса в другой без изменений, какие были преобразованы, какие добавились?
27. Составьте сравнительную таблицу соотношения статей Устава Ярослава и Устава Владимира и их разных редакций.
28. На основе церковных уставов составьте очерк, описывающий церковную юрисдикцию в Средневековье.
29. Сравните содержание Псковской и Новгородской судных грамот. Какие нормы совпадают, какие отличаются? Чем можно объяснить сходства и различия?
30. Сравните тексты Судебника 1497 г. и Судебника 1550 г. Покажите на примерах конкретных статей сущность и характер эволюции русского права в первой половине XVI в.

Основная библиография по главе 7

1. *Алексеев, Ю. Г.* Псковская судная грамота и ее время. — Л., 1980.
2. *Белякова, Е. В.* Новеллы императора Юстиниана в русской письменной традиции: К истории рецепции римского права в России / Е. В. Белякова, Я. Н. Шапов. — М., 2005.
3. *Бенешевич, В. Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. — СПб., 1906. — Т. 1.
4. *Владимирский-Буданов, М. Ф.* Обзор истории русского права. — Ростов н/Д, 1995.
5. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / изд. подг. Я. Н. Шапов ; отв. ред. Л. В. Черепнин. — М., 1976.
6. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: тексты / подг. текста Р. Б. Мюллер; под ред. Н. Е. Носова. — Л., 1986.
7. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: комментарии / под ред. Н. Е. Носова, В. М. Панеяха. — Л., 1987.
8. *Зимин, А. А.* Правда Русская. — М., 1999.
9. *Зимин, А. А.* Реформы Ивана Грозного. — М., 1960.
10. *Зимин, А. А.* Россия на рубеже XV и XVI столетий. — М., 1982.
11. *Зимин, А. А.* Феодалная государственность и Русская Правда // Исторические записки. — М., 1965. — Т. 76.
12. *Кобрин, В. Б.* Власть и собственность в средневековой России. — М., 1985.
13. *Кочин, Г. Е.* Русская Правда // Советское источниковедение Киевской Руси. — Л., 1979.
14. Мазуринская Кормчая: памятник межславянских культурных связей XIV—XVI вв. Исследование и тексты / изд. подг. Е. В. Беляковой [и др.]. — М., 2002.
15. *Маньков, А. Г.* Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. — Л., 1980.
16. *Милов, Л. В.* Исследования по истории памятников средневекового права. — М., 2009.
17. Памятники русского права. — М., 1952—1957. — Вып. 1—6.
18. Правда Русская / подг. к печ. В. П. Любимова [и др.]; под ред. Б. Д. Грекова. — М.; Л., 1940—1963. — Т. 1—3.
19. Псковская судная грамота / пер. и комм. И. И. Полосина; под ред. К. В. Сивкова. — М., 1952.
20. Развитие русского права XV — первой половине XVII в. — М., 1986.
21. Российское законодательство X—XX веков: тексты и комм. — М.: Юрид. лит., 1984—1985. — Вып. 1—3.
22. *Свердлов, М. Б.* От Закона Русского к Русской Правде. — М., 1988.
23. Соборное уложение 1649 года: текст, комментарии / подг. текста Л. И. Ивиной; комм. Г. В. Абрамовича [и др.]; рук. А. Г. Маньков. — Л., 1987.
24. Судебники XV—XVI вв. / под общ. ред. Б. Д. Грекова. — М.; Л., 1952.
25. *Тихомиров, М. Н.* Исследование о Русской Правде: происхождение текстов. — М.; Л., 1941.
26. *Тихомиров, М. Н.* Пособие для изучения Русской Правды. — М., 1953.
27. *Тихомиров, М. Н.* Соборное уложение 1649 года / М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. — М., 1961.
28. *Черепнин, Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // *Новосельцев А. П.* Древнерусское государство и его международное значение / А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. — М., 1965.

29. Черепнин, Л. В. Состав и происхождение Новгородской судной грамоты // Исторические записки. — М., 1947. — Т. 21.

30. Шапов, Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. — М., 1978.

31. Шапов, Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. — М., 1976.

32. Шапов, Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI—XIV вв. — М., 1972.

Глава 8

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- основные памятники древнерусской агиографии (до XVII в. включительно) и историю их изучения;
- особенности древнерусских воинских повестей как исторического источника;
- особенности памятников древнерусского фольклора;
- основные типы агиографических сборников и их особенности;
- особенности памятников русской публицистики раннего Нового времени как исторического источника;

уметь

- определять жанр памятников древнерусской литературы;
- применять методы анализа нарративных источников к памятникам литературы и фольклора;
- описывать и анализировать структуру агиографического памятника;
- извлекать информацию по историческим событиям и процессам из памятников литературы и фольклора;

владеть

- методами датировки и атрибуции литературных памятников;
- основами генетического анализа древнерусских литературных произведений;
- основами текстологии древнерусских литературных памятников;
- основами выявления мифологем и литературных топосов в литературных памятниках;
- основами верификации сведений памятников литературы.

Ключевые термины и понятия: *житие, пролог, синаксарь, патерик, четьи-минеи, воинская повесть, публицистика, легенды, былины, исторические песни.*

8.1. Русская агиография XI – начала XVIII века

☞ Жития, средневековые биографии христианских святых, получили широкое распространение в католической и православной церквях. Они составлялись вплоть до Новейшего времени, однако их жанр — агиография (от греч. *ἅγιος* — святой и *ὑρᾶφι* — пишу), особенно в России, оставался средневековым. По меткому определению выдающегося исследователя древнерусской житий-

ной литературы В. О. Ключевского, житие настолько же отличается от биографии, насколько икона отличается от портрета. В житии повествование неизменно подчинено канону, в результате чего у автора получается идеализированная биография святого. Отдельные детали могут представлять собой так называемый «житийный топос», т.е. традиционные для житийной литературы «общие места».

Так, например, в большинстве житий сказано, что родители святого были благочестивыми людьми, а сам святой в детстве предпочитал не играть со сверстниками, а читать божественные книги. Даже если автор знал, что в реальности дело обстояло иначе, между действительными обстоятельствами и требованием канона в большинстве случаев он делал выбор в пользу последнего. Реальные факты проникали в житийный рассказ, как правило, в том случае, если они не противоречили канону. Однако поскольку в житийной литературе главными героями становились святые, таких фактов оказывалось немало. К тому же часто житие является самым информативным источником о жизни святого, а иногда и о других обстоятельствах его эпохи. Особенной ценностью в качестве исторического источника обладают жития, относящиеся к ранней эпохе, от которой до нас дошло мало источников.

☪ В средневековой христианской традиции существовало четыре основных типа святости: преподобные (т.е. монахи), святители (т.е. церковные иерархи), благоверные (т.е. правители) и мученики. Соответственно, и жития можно разделить на четыре типа, для каждого из которых характерна своя схема биографии святого. При этом в любом житии присутствует богословская риторика, при помощи которой событиям земной жизни придавался сакральный смысл. Для русской агиографии характерно создание жития с ориентацией на агиологический образец.

Таким образом являлся другой святой, относящийся к тому же типу святости и, кроме того, обнаруживающий с героем создаваемого жития какую-либо близость, например, одно имя или общий день почитания и пр. Как правило, днем почитания избирался день кончины святого. В день кончины православного христианина поминают панихидой. Тот момент, когда вместо панихиды начинали петь посвященные усопшему тропарь и кондак (основные элементы церковной службы), знаменует начало местного церковного почитания нового святого.

Роль агиологического образца была столь значительна, что при отсутствии информации о дне кончины святого день его памяти нередко назначался на день памяти святого, которого избрали в качестве агиологического образца. Отдельные факты из жития последнего также подчас переносились в новосозданное житие.

☪ Житие, как правило, создавалось к официальной канонизации святого, поэтому некоторые святые, почитавшиеся местно, жития не имеют. Для канонизации на уровне митрополии или патриархии требовалось представить службу и житие новоявленного святого. В связи с этим служба и житие часто

представляют собой единый комплекс, и необходимые в службе уподобления святого героям Ветхого Завета получают развитие в тексте жития. Еще одно обязательное требование официальной канонизации — наличие чудес от мощей святого. Сказание о чудесах иногда включалось в текст жития, а подчас оформлялось в виде отдельного произведения, которое все же воспринималось в качестве заключительной части жития и переписывалось вместе с ним.

- Жития переписывались как отдельно, так и в составе сборников устойчивого состава. Наиболее типичными сборниками агиографических текстов русского Средневековья являлись прологи, четьи минеи и патерики.

Про́лог представляет собой сборник кратких житий, расположенных в календарном порядке по дням памяти святых — с сентября (с сентября начинался календарный год) по август. Изначально пролог представлял собой перевод греческого менология. Исследователи предполагают, что при его переводе на церковно-славянский язык в XI—XII вв. наименование вводной статьи «пролог» было воспринято как заглавие всего сборника. Однако такое предположение нельзя признать удовлетворительным, поскольку едва ли славянский книжник, сумевший перевести объемный сборник агиографических текстов, не смог понять значение слова «пролог» («введение»). На русской почве пролог постоянно пополнялся житиями и памятниками церковной учительской литературы: поучениями, словами и др. В традиционном древнерусском обществе было принято каждый день читать пролог — те произведения, которые помещены под соответствующим днем. В связи с этим пролог был важным источником исторических представлений древнерусского человека. В XVII в. пролог неоднократно издавался на Московском печатном дворе, первое издание увидело свет в 1641—1643 гг.

Каждое издание, как правило, состоит из двух книг (сентябрьская и мартовская половины года). На протяжении середины — второй половины XVII в. в состав печатного пролога включались все новые тексты житий русских святых.

Кроме обычного пролога существует *стишной пролог*, который был переведен с греческого в Сербии в XIV в. В русских землях он был известен мало. Отличие *стишного пролога* от обычного заключается в том, что каждому житию в первом предпослано краткое стихотворение, посвященное данному святому. При переводе стихотворная структура текста не была сохранена.

Для включения жития в пролог составлялась его особая редакция — *пробложная*, для которой характерно сокращение текста (до одной-трех страниц), сухость изложения и высокая информативность.

Четьи минеи являются разновидностью миней (от греч. μηνάιον — месячный, т.е. месячная книга), предназначенную для чтения. Каждая *миней* содержит тексты, рассчитанные на чтение в течение одного месяца. Таким образом, в полном комплекте должно быть 12 миней.

В отличие от служебных миней, куда входят службы, в *четьи минеи* включены по преимуществу жития. Первоначально *четьи минеи* возникли

в Византии, были переведены на церковно-славянский язык и не содержали русских житий. Однако со временем при переписке и редактировании миней насыщались русским материалом: как житиями, так и другими памятниками церковной литературы.

Наибольшей известностью пользуются Великие минеи четьи, составленные в Новгороде в 1530-е гг. по инициативе архиепископа Макария. После того, как Макарий в 1542 г. стал митрополитом всея Руси, пополнение Великих миней четьих продолжилось в Москве. Известны три их комплекта: два новгородского происхождения, Софийский и Успенский (вложенные Макарием в новгородский Софийский и московский Успенский соборы) и один, созданный в Москве, — Царский. Многие русские жития впервые фиксируются в Великих минеях четьих, для некоторых специально выделяют минейную редакцию, т.е. они были специально отредактированы для включения в минеи. Для минейных редакций характерна пространность изложения и обилие агиографической риторики.

В конце XVI в. в московском Чудовом монастыре на основе Великих миней четьих составили Чудовские минеи, в которых представлен по преимуществу житийный материал. В XVII в. наибольшую известность приобрели четьи минеи, составленные книжниками Троице-Сергиева монастыря Германом Тулуповым и Иоанном Милютиным. Основными источниками Тулуповских миней, составленных в 1620-е гг., стали жития святых из рукописей Троице-Сергиева монастыря. Священник Иоанн Милютин, работавший в середине XVII в., существенно расширил круг текстов, включенных в четьи минеи. Помимо материала Тулуповских миней в Милютинские минеи вошли десятки русских житий и сказаний о чудотворных иконах. Многие из них специально составлялись Милютиным для своего труда. Герои целого ряда новосозданных житий так никогда и не были канонизированы. По предположению исследователей, Милютин составлял свои минеи для нужд Московского печатного двора, где они потом и хранились.

Средневековая традиция четьих миней завершается фундаментальным трудом украинского богослова Димитрия Ростовского. Составленные им четьи минеи были изданы в конце XVII — начале XVIII в. и сразу же обрели широкую популярность. Переиздания четьих миней Димитрия Ростовского продолжались вплоть до революции 1917 г., причем в новых переизданиях многократно обновлялся слог и производилась стилистическая правка, так что к началу XX в. от оригинального текста мало что осталось. Впрочем, адаптация текста житий была главной целью самого Димитрия Ростовского, который в качестве источников пользовался и Великими минеями четьими и другими агиографическими сборниками, но текст житий неизменно приспособлял для своего времени, в частности, модернизируя лексику.

Патерик — сборник, в котором житийный материал объединен по топографическому принципу. Как правило, патерик создавался в каком-либо монастыре и включал жития монахов этого монастыря, иногда — группы монастырей какой-либо местности. Из греческих патериков, переведенных на славянский язык, наибольшей известностью пользовались пате-

рики Иерусалимский, Скитский и др. На Руси в XIII в. по их образцу был создан Киево-Печерский патерик, который в последующие столетия неоднократно редактировался и, наконец, был издан. В XVII в. русскими книжниками был составлен Алфавитный патерик, в котором жития святых и другие произведения располагались по названиям или именам героев в алфавитном порядке.

Следует отметить, что слово «житие» не всегда присутствует в самоназвании произведения. Житие может называться «повестью», «словом», «сказанием», «чтением», «похвалой», «страданием» и т.п.

История изучения житий

Жития в русской исторической традиции начали изучаться сравнительно поздно. В течение XIX в. исследователей интересовали не столько жития, сколько сами святые. В связи с этим первые справочники были посвящены героям житий, хотя источниками для составления этих справочников служили сами жития. Первым исследователем, обратившимся к источниковедческому изучению житий русских святых, стал В. О. Ключевский, который в 1871 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Жития святых как исторический источник». В своем труде для изучения житий историк применил текстологический метод, который всецело себя оправдал и до настоящего времени является основным при исследовании житий. Этот метод позволяет не только реконструировать историю текста произведения, но и определить влияния одних житий на другие.

В 1888 г. вышел из печати справочник Н. П. Барсукова «Источники русской агиографии», в котором предпринята попытка дать описание всем известным житиям русских святых с указанием редакций и шифров рукописей. Этот справочник до настоящего времени не утратил своей актуальности.

В настоящее время силами сотрудников Института русской литературы (Пушкинского Дома) составляется база данных, включающая информацию о всех рукописях, содержащих жития, службы и памяти русским святым.

Во второй половине XX в. исследователи обратились к изучению житийных топосов, что позволяет выявлять реальные факты, получившие отражение в житии. Здесь особенно продуктивным оказалось рассмотрение житий, написанных на материале автобиографических записок. Такое исследование провела Е. В. Крушельницкая, что позволило ей описать агиографический канон, т.е. те приемы, которые древнерусские книжники применяли при создании жития.

Русская агиография насчитывает несколько веков. Ее можно условно разделить на четыре этапа: 1) XI–XIV вв., 2) XV в., 3) XVI в., 4) XVII в. Сейчас исследователями выявлено более 120 памятников древнерусской агиографии XI–XIX вв.

Все жития, написанные во время первого этапа выделить невозможно. Трудность состоит в том, что некоторые из них дошли до нас в поздних списках. Тот факт, что их герои жили в раннее время, еще не доказывает раннее появление текстов, поэтому датировка XI–XIV вв. таких памятников как жития Леонтия Ростовского, Варлаама Хутынского и др. — не более

чем исследовательская гипотеза. Мы можем быть уверены в ранней датировке жития только при наличии раннего списка или же соответствующих указаний в тексте, но таких житий крайне мало. Для XI в. можно назвать жития Феодосия Печерского, Бориса и Глеба, князя Владимира Киевского. Они дошли до нас в списках XII—XIII вв., на основании которых можно доказать существование более ранних этапов истории текста. Жития Феодосия Печерского и князей Бориса и Глеба написаны известным киево-печерским летописцем Нестором и содержат отдельные факты, дополняющие рассказ ранней летописи. Как полагают, в XII в. было составлено житие княгини Ольги. К XIII в. относятся жития Евфросинии Полоцкой, Александра Невского и некоторые другие.

Революция русского агиографического жанра связана с деятельностью в середине — второй половине XV в. приглашенного с Афона агиографа Пахомия Логофета (его иногда называют по национальности Пахомием Сербом). Согласно номенклатуре византийских придворных чинов, известной в России XVI—XVII вв., «Логофет — словесем сложитель», т.е. профессиональный писатель, в данном случае — агиограф. Написанные Пахомием по поручению великого князя и митрополита жития митрополита Алексия, Кирилла Белозерского и Сергия Радонежского (здесь Пахомий отредактировал уже существовавшее житие, написанное учеником святого Елифанием Премудрым в начале XV в.) заложили основы русского агиографического жанра. Эти жития стали источниками при создании новых произведений агиографического жанра на протяжении XVI—XVII в. Всего известно около 10 сочинений Пахомия Логофета.

Для XVI в. в области агиографии центральной является фигура митрополита Макария, занимавшего митрополичью кафедру в 1542—1563 гг. В составленные по его инициативе Великие минеи четьи вошли десятки новосозданных житий. Кроме того, при Макарии были проведены церковные соборы 1547 и 1549 гг., на которых общерусской канонизации был удостоен целый ряд русских святых, почитавшихся до этого времени лишь местно. Канонизация местночтимого святого в эпоху Макария стала делом вполне реальным, что привело к возникновению местных школ агиографии, самой знаменитой из которых стала псковская школа, а наиболее плодотворным агиографом XVI в., пожалуй, следует признать псковского монаха Василия-Варлаама. Творческий прием последнего характеризуется обилием риторики, а также малой информативностью повествования. Этот стиль, охарактеризованный в исследовательской литературе как «плетение словес», свойственный не только для одного Василия-Варлаама, но и для других книжников эпохи митрополита Макария, в последующее время воспринимался как образец.

В XVII в. агиографическое творчество обрело значительно больший масштаб. Жития писали не только монахи и священники, но и представители служилого и посадского населения. Десятки житий посвящены местночтимым святым. Изучая историю текста жития XVII в., исследователи нередко имеют возможность проследить, каким образом житию придавался канонический вид. Ярким примером такой обработки может служить «Житие Василия Мангазейского». Сиделец в лавке сибирского города Мангазея,

Василий был до смерти замучен своим хозяином, а после смерти у его могилы начали происходить чудеса. Первая редакция жития, написанная со слов знавших покойного, пестрит именами реальных лиц, деталями быта и пр. Однако уже в последующей редакции, созданной для канонизационных целей, повествование подчинено требованиям агиографического жанра. Так, упоминаемый в первоначальной редакции «стрелец» заменен «воином» и т.д. В настоящее время не все памятники агиографии XVII в. выявлены, изучены и опубликованы.

☞ После смерти последнего патриарха средневековой России Адриана в 1700 г. канонизационная практика заметно пошла на убыль и активизировалась только в конце XX — начале XXI в. Для канонизированных в имперский период святых, как правило, составлялись биографии в жанре литературы Нового времени. Только Димитрию Ростовскому в первой половине XVIII в. удалось создать житие по правилам агиографического жанра.

8.2. Воинские повести XII—XVII веков

☞ В русском средневековом нарративе сложился особый жанр — *воинские повести*, представляющие отдельные исторические сочинения, посвященные войнам, сражениям, походам и т.д. В центре повествования — борьба с иноземным супостатом. Воинские повести написаны в провиденциалистском духе, рассказ подчинен идее проявления воли Господа в деяниях людей, Божественного предопределения и Божьего наказания.

Существуют два подхода к выделению текстов воинских повестей как исторических источников. Сторонники первого основываются на тематике. Летописный текст, оформленный как отдельная летописная статья и посвященный какому-либо военному сюжету, считается воинской повестью. Ученые относят к таким рассказы «Повести временных лет» о княжеских усобицах XI в., борьбе с печенегами и половцами в XI—XII вв., с татарами в XIII—XIV вв. (например, «Повесть о битве на реке Калке», «Повесть о разорении Рязани Батыем»).

Другие исследователи считают важным условием выделения воинской повести ее существование и хождение в виде отдельных списков, т.е. самостоятельного произведения, а не фрагмента летописи. Одной из первых таких повестей считается «Слово о полку Игореве», рассказывающее о походе новгород-северского князя Игоря на половцев в 1185 г.

Значительный шаг в развитии жанра воинских повестей был связан с появлением так называемого «Куликовского цикла». Наиболее ранним из них традиционно считается «Задонщина», созданная, как убедительно доказано М. Н. Тихомировым и Г. Н. Моисеевой, между 1380 и 1393 гг. Куликовской битве посвящено также несколько летописных повествований Симеоновской летописи, Рогожского летописца, Новгородской I летописи, Софийской I старшего извода, Новгородской IV летописи. Самым подробным и сюжетно насыщенным рассказом о Куликовской битве считается «Сказание о Мамаевом побоище», которое, как показано В. А. Кучки-

ным, написано не ранее 1476 г., а точнее, по всей вероятности, в 1480-е гг. Есть также довольно убедительные точки зрения, относящие это произведение к началу XVI в. К «Куликовскому циклу» относят также «Повесть о сожжении Тохтамышем Москвы» 1582 г. и «Повесть о Темир-Аксаке» (о нашествии на Русь Тимура-Тамерлана в 1395 г.).

Со временем изображение Куликовской битвы в нарративных памятниках менялось, переосмысляясь в духе мифологем своего времени. Данный аспект необходимо учитывать при реконструкции фактической истории сражения, нередко осуществляемой без источниковедческого анализа, с излишним доверием к самому позднему и наиболее насыщенному символическими образами памятнику — «Сказанию о Мамаевом побоище».

Провиденциалистские мифологемы характерны и для нарратива конца XV — XVI в., который содержит черты воинских повестей. Памятники «Угорщины» (повестей о стоянии на Угре в 1480 г.), «Повесть о Казанском взятии» 1552 г. Летописца начала царства, «Сказание о взятии Астрахани» 1554 г., «Повесть о Полоцком взятии» 1563 г., «Повесть о битве на Молодях» 1572 г., «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» 1581 г. основаны на фактических исторических событиях. Все они, помимо отображения реалий, содержат умело сделанный отбор, фильтрацию фактов, подгоняемых под определенную трактовку событий. Во всех повестях русская сторона выступает носителем Божественной правды, справедливости, и, вынося тяготы и лишения (насланные за грехи) в итоге побеждает иноземного супостата, который является носителем антихристового начала, редоточием дьявольских сил и угрозой самому существованию православной веры.

Можно было бы сказать, что воинские повести были специальным патристическим и пропагандистским жанром, но делать это надо с некоторыми оговорками. Во-первых, говоря о патриотизме применительно к русскому Средневековью, надо понимать, что это был не патриотизм в его современном понимании, т.е. как любовь и преданность нации и Родине, но прежде всего патриотизм как верность православной вере и ее носителям — единоверцам и православному государю. Понятие народа при этом отличалось от представлений о нации XVIII—XX вв.: это была прежде всего конфессионально-государственная общность и только потом этническая. Во-вторых, наверное, трудно говорить о пропаганде до распространения книгопечатания, когда пропагандистское слово можно было донести до широкого круга людей. Пока все эти идеи существовали в рукописях, они были достоянием узкой группы интеллектуалов. Остается спорным вопрос о том, отображали, транслировали ли эти интеллектуалы в своем творчестве взгляды и идеи, ходившие в народе, или же создавали последние и потом разными способами (через проповеди, чтение и т.д.) передавали их в массы.

Отдельно надо сказать о художественных переводных воинских повестях, которые получили распространение в древнерусской книжности в XV—XVII вв. Это «Повесть о создании и поплении Тройском» (о Троянской войне), «Троянская история» Гвидо де Колумна, «История

Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Александрия» (сербский перевод греческого романа Псевдо-Каллисфена об Александре Македонском), «Девгениево деяние» (византийский эпос о богатыре Дигенисе Акрите), первая переводная русская рыцарская повесть «Повесть о Бове», а также «Повесть о Скандерберге, князе Албанском» (написанная на основе польской хроники Мартина Бельского) и др. В них на первом месте была не провиденциалистская идеология, а художественные образы воинской доблести, подвигов, приключений, бытовой морализм и т.д. (сравните появившееся в XVII в. мифическое «Сказание о киевских богатырях, как ходили во Царьград и как побили царьградских богатырей, учинили себе честь»). Постепенно это требование художественной увлекательности стало выходить на первый план и в отечественных воинских повестях, что особенно видно в связи с развитием демократической повести в XVII в.

В XVII в. жанр воинских повестей получил дальнейшее развитие. Ряд памятников появляется в Смутное время (например, «Повесть об избавлении града Устюга Великого от безбожные литвы и от черкас, как з Двины шли», «Повесть о Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском», «Сказание об осаде Тихвинского монастыря шведами в 1613 г.», «Сказание о приходе польско-литовских войск под Устюжну Железопольскую в 1608 г.» и др.). Происходит демократизация жанра, воинские повести начинают составлять непосредственные участники боев и походов. Псковичом был автор «Повести о приходе шведского короля Густава Адольфа на град Псков» 1615 г. В конце XVI — начале XVII в. была создана первая известная нам казачья воинская повесть — «Написание» казаков о походе Ермака в Сибирь в 1582 г. По мнению Р. Г. Скрынникова, оно было составлено на основе воспоминаний «тобольских ветеранов», участников начальных событий завоевания Сибири. Повести «об Азовском осадном сиденье» 1637—1642 гг. уже представлены в четырех вариантах: документальном, историческом, поэтическом и «сказочном». Это говорило о постепенном размытии жанра, который уступает место бытовой и авантюрно-приключенческой повести, а его идеологическая составляющая передается другим видам исторических сочинений.

- ☞ Воинские повести благодаря их тематике являются основным нарративным источником для изучения военной истории средневековой и Московской Руси. Они также дают богатый материал для изучения восприятия войны в русском обществе, менталитета воинов, военной идеологии.

8.3. Русская публицистика XV—XVI веков

- ☞ *Публицистика* — нарративные памятники, посвященные обсуждению в литературной форме тех или иных вопросов политической, социальной, церковной жизни. В России публицистика развивается как жанр в XV—XVII вв.

К *памятникам политической публицистики* относятся прежде всего генеалогические легенды о происхождении династии Рюриковичей, изложенные в так называемой «Чудовской повести» (конец XV в.), «Посла-

нии» Спиридона-Савы (1511–1523), «Сказании о князьях Владимирских» (1530–1540-е гг.).

Согласно легендам, римский император Август разделил вселенную между своими родственниками. Одному из них, по имени Прус, достались города на балтийском побережье, в районе Вислы и Немана. По его имени эта земля стала называться Пруссией. Потомок Пруса Рюрик был приглашен на престол новгородцами и заложил основы могущества и процветания Русского государства. Тем самым династия Рюриковичей по данной легенде происходила от императоров Великого Рима, от кесаря Августа.

В образе Рюрика воплощена воля земли, нуждающейся в государстве. Князь-варяг, потомок Пруса, сливается с пригласившими его славянами, становится их защитником. Представители династии Рюриковичей посвятили свои жизни делу возвышения Руси. За благочестие русских князей император Византии Константин Мономах почтил их царскими дарами: шапкой, бармами и другими предметами, которыми венчал на царство русского князя Владимира Всеволодовича (получившего прозвище «Мономах») константинопольский патриарх Неофит.

Генеалогические легенды, изложенные в рассматриваемых памятниках, получили распространение в русском нарративе. Они встречаются в посольских книгах, на страницах летописей, в эпистолярных памятниках. С их помощью обосновывался статус династии Рюриковичей, легитимизировались внешнеполитические акции. Данные произведения оказали большое влияние на искусство (сюжет на тему даров Константина Мономаха лег в основу росписи Золотой палаты Московского Кремля).

Около 1523–1524 гг. монах псковского Елеазарова монастыря Филофей написал послание, направленное против немецкого врача и астролога Николая Булева. Последний утверждал, будто бы в христианском мире первенство принадлежит католическому Риму. В качестве контраргумента Филофей выдвинул концепцию «длящегося, переходящего Рима»: был «I Рим» — Великий Рим, после его падения возник «II Рим» — Константинополь. *После его гибели в XV в. центром истинного христианства стала Москва, которая достойна называться «III Римом».*

Эти идеи были не новы. Первым концепцию перехода «III Рима» из Константинополя в Москву четко сформулировал в 1492 г. московский митрополит Зосима. Теория Зосимы — Филофея носила не политический, а сугубо религиозный характер. В ней обосновывалась роль Руси как последнего прибежища подлинной веры. Данная доктрина также содержала эсхатологические черты: в ней утверждалось, что «Четвертому Риму не бывать», т.е. на Московском царстве закончится мировая история. Вплоть до 1580-х гг. идея «Москва — III Рим» имела весьма слабое хождение. Ее расцвет связан с учреждением в 1589 г. Пятой московской патриархии, когда слова Филофея обрели новое звучание.

В конце XV — XVI в. в большей степени, чем теория «Москва — III Рим» было распространено *учение о русском народе как о новом богоизбранном народе — Новом Израиле*. Эти идеи восходят еще к русской церковной средневековой литературе, но в обозначенный период наиболее ярко их выразил ростовский архиепископ Вассиан Рыло (ум. 1481) в знаменитом

«Послании на Угру» 1480 г., адресованном великому князю Ивану III. Вассиан призывал государя сопротивляться Орде, хану Ахмату, сравнивал его с библейскими персонажами — Моисеем, Иисусом Навином, царем Давидом, а также византийским императором Константином. Победа над татарами, свержение ига означали исполнение высокой миссии, знак того, что русский православный народ — это Новый Израиль, которому суждено сыграть в истории ту же роль, что и Израилю ветхозаветному.

☉ Одним из наиболее интересных и в то же время загадочных светских публицистов XVI в. был Иван Пересветов, написавший «Малую челобитную» и «Большую челобитную», обращенные к Ивану IV. В них он в иносказательной форме изложил проект преобразований Русского государства. Многие из предложений Пересветова были воплощены в жизнь в ходе реформ 1550-х гг.

О самом Иване Пересветове мы знаем крайне мало. Известно, что он в 1520—1530-х гг. служил разным монархам: венгерскому королю Яну Заполье, чешскому королю Фердинанду I Габсбургу, молдавскому господарю Петру IV. В 1530-х гг. Пересветов приехал в Москву, поступил на службу (его по социальному происхождению иногда называют «дворянским публицистом»). Дальнейшая судьба Пересветова неизвестна. Возможно, он подвергся царской опале и был репрессирован.

В течение нескольких лет Пересветов писал свои сочинения: «Сказание о книгах», «Сказание о Магмет-салтане», «Первое предсказание философов и докторов», «Малая челобитная», «Второе предсказание философов и докторов», «Сказание о царе Константине», «Большая челобитная». Он также произвел литературную обработку «Повести о взятии Царьграда в 1453 г.» Нестора Искандера. Все эти произведения неизвестны в списках XVI в. и дошли только в списках XVII в., когда к ним было добавлено созданное на основе работ Пересветова в 1620—1630-х гг. компилятивное «Сказание о Петре, воеводе волошском». Ряд исследователей, ссылаясь на данное обстоятельство, считают авторство Пересветова сомнительным и приписывают его сочинения другим авторам. Например, Д. Н. Альшиц считал, что под псевдонимом Ивана Пересветова скрывался сам царь Иван Грозный или, возможно, временщик Алексей Федорович Адашев.

Тематика публицистики Пересветова распадается на несколько направлений. Публицист придерживался собственного видения мирового исторического процесса, которое он полагал в синергии — слиянии человеческого и Божественного начал, каждое из которых по-своему творит историю. Иван Пересветов писал о Божьем Промысле, руководящем судьбами мира, о Боге в его отношениях с человеком. В иносказательной форме автор говорил о путях преобразования страны. Главным инструментом для их осуществления должна быть «царская гроза», «правда» — сильная, справедливая власть («Бог не веру любит — правду»). А. В. Каравашкин писал: «Правду надо понимать в данном случае не как “идею соразмерности наград и наказаний”, не как синоним “общественных преобразований”, политических реформ... а как совокупность Божьих заповедей, как норму

жизни, имеющую единственный Божественный источник: «Истинная правда — Христос Бог наш». Иными словами, публицист призывал к христианской справедливости, утраченной, с его точки зрения, в современный Пересветову греховный век.

«Государству без грозы, что коню без узды», — писал Пересветов. Ошибки монарха, следование советам злых, лукавых советников, «сребролюбцев», ведет к гибели царств. Так пал Царьград. Ленивые, жестокие, жадные вельможи вокруг престола — это истинные слуги Дьявола. Напротив, по выражению А. В. Каравашкина, «служить царю самозабвенно, вплоть до исключительного самоотречения и мученичества, значит сохранить свою душу, оберегая веру». Недаром Пересветова называют идеологом русского служилого дворянства, которое не видело другого смысла своей жизни, кроме того, что «головы за государево дело класть».

Другим заметным публицистом XVI в. был Ермолай-Еразм (Ермолай Прегрешный). Мы очень мало знаем о его биографии. Известно, что он какое-то время жил в Пскове, возможно, был служителем дворцового кремлевского Спасского собора, затем в 1560-х гг. постригся в монахи. Среди его публицистических произведений надлежит назвать «Моление к царю», «Благохотящим царем правительница», «Главы о увещании утешительным царем», «Поучение к своей душе», «Слово о рассуждении любви и правде» и т.д. Ермолай-Еразм иногда называют одним из первых русских гуманистов. Он предлагал царю провести реформу налогообложения и обеспечения земельным жалованием служилых людей, а также сочувствовал крестьянам и призывал царя править в интересах благополучия всех людей. Наиболее отрицательно Ермолай относился к разбогатевшим и эгоистичным вельможам.

☞ Церковная публицистика в XVI в. развивалась прежде всего в контексте споров нестяжателей и иосифлян, борьбы с ересями и полемике с иными конфессиями: «латинянами» (католиками) и «люторами» (протестантами).

Лидер нестяжателей Нил Сорский (ум. 1508) оставил в основном послания, в которых отстаивал скитническую модель монастыря и отсутствие у обителей земельной собственности как греховного «стяжания». Лидер иосифлян Иван Санин, в монашестве Иосиф Волоцкий (ум. 1515), был более энергичным и плодовитым публицистом. Его главным сочинением против еретиков, новгородско-московской ереси жидовствующих была «Книга на новгородских еретиков», в рукописях XVII в. обычно называемая «Просветитель». Кроме данного сочинения, антиеретической полемике были посвящены и другие произведения Иосифа: «Послания иконописцу» и другие тексты в защиту икон, «Сказания о скончании седьмой тысячи» (на эсхатологическую тему), «Рассуждение об иноческом жительстве», «Слово об осуждении еретиков», «Слово о благопремудростных коварствах», «Яко не подобает святым Божиим церквам обид творити» и т.д. Иосиф выступал идеологом «воинствующей церкви», стремящейся активно вмешиваться в светскую жизнь и политику. Церковное служение рассматривалось им как «Божье тягло», недаром Иосифа обвиняли, что

он хочет превратить церковников в некий аналог служилого дворянства на службе Небесам. Поскольку весомую роль в миру могла иметь только богатая церковь, Иосиф последовательно выступал за «стяжание» богатств и обретение церковью земельных владений.

Другим крупным церковным публицистом был Василий Иванович Патрикеев (1470—1531), воевода Ивана III. В 1499 г. род Патрикеевых попал в опалу по обвинению в участии в дворцовом заговоре, и Василий Иванович был пострижен в монахи в Кирилло-Белозерском монастыре под именем Вассиана. В. И. Патрикеев попал под идейное влияние лидера нестяжателей Нила Сорского и вскоре сам стал одним из виднейших идеологов нестяжательства. Вассиан является автором пяти публицистических произведений: «Собрание некоего старца», «Ответ кирилловских старцев», «Слово ответно», «Слово о еретиках» и «Прение с Иосифом Волоцким», в которых отстаивает нестяжательские взгляды на проблему церковного землевладения и предлагает более мягкое отношение к еретикам (их надо было не уничтожать, а перевоспитывать). Вассиан был одним из немногих авторов XVI в., который обратил внимание на положение крестьян в монастырских хозяйствах.

☪ Крупным представителем церковной публицистики был Максим Грек (1470—1555), приехавший в Москву из греческого Ватопедского монастыря по приглашению великого князя Василия III в 1516 г. для перевода Толковой псалтыри. Максима Грека не выпустили из России, и он стал монахом московского Чудова монастыря, собрал вокруг себя целый интеллектуальный кружок и принимал участие в церковной полемике своего времени, которая велась вокруг как богословских вопросов, проблем церковной книжности, так и в рамках полемики нестяжателей и иосифлян по церковному землевладению.

Максим Грек много выступал с публицистическими сочинениями против других христианских конфессий (католичества, протестантства, армянской церкви) и против представителей других религий (иудеев, мусульман, язычников). Он обличал проекты унии католической и православной церквей, критиковал «заблуждения» латинской церкви как вредную ересь. Максим Грек также боролся с астрологами («Слово противу тшачихся звездозрением предрицати о будущих и о самовластии человеком», «Послание к некоему иноку, бывшему в игуменех, о немецкой прелести, глаголемой фортуне, и о колесе ея»), утверждал, что человек обладает свободой воли, и его судьба зависит от него самого и от Бога, но не от расположения звезд.

Максим Грек выступал с позиций нестяжателей («Стязание о известном иноческом жителстве», «Слово душеполезно зело внимающим ему»). Как пример для подражания им приводились западные нищенствующие монастыри францисканцев и доминиканцев («Повесть страшна и достопамятна...»).

Максим Грек посвятил ряд сочинений теме государственной власти («Главы поучительные начальствующим правоверно», «Слово к начальствующему на земли»). Он пытался перенести на русскую почву византий-

ские политические учения, в частности, Юстиниана и Агапита. Мыслитель отстаивал идею гармонии светских и духовных властей, значимость советников в управлении государством. Идеалом правителя для Максима Грека был Александр Македонский.

Максим Грек критиковал существующие в России порядки: в «Слове, пространнее излагающее с жалостию нестроения и безчиния царей и властей последнего жития» Россия изображена в образе вдовицы, окруженной дикими зверями. Ее зовут «Василия», т.е. «Царство» (от греч. титула императора — *василевс*). Она в таком ужасном положении, потому что ее рвут на части и обижают властолюбцы, не заботящиеся о благе подданных. Ученые видят в этом публицистическом произведении аллегория политического кризиса, наступившего в России в период после смерти Василия III и малолетства Ивана Грозного.

Памятником церковной публицистики XVI в. была «Валаамская беседа», также посвященная проблеме церковного и монастырского землевладения. Автор отстаивал идею о том, что монахи уже как бы погребены заживо, отреклись от мира, и зачем им тогда вмешиваться в мирские дела и владеть вотчинами? Самодержец не должен делить власть с монахами!

☞ Памятники публицистики являются историческим источником прежде всего по истории культуры, истории идей, которые волновали интеллектуалов Московской Руси, истории социально-политической полемики, проектов преобразований, истории духовных исканий и т.д. Вместе с тем, поскольку в них обсуждаются проблемы, стоявшие перед обществом, они могут содержать информацию и по конкретным сюжетам исторического процесса (например, развитие спора нестяжателей и иосифлян, история ересей в России и т.д.).

8.4. Русская публицистика XVII века

☞ Русская публицистика в XVII в. переживала расцвет и продолжала развивать вопросы, поставленные еще в XV—XVI вв. В то же время возник ряд новых тем. Резко усилилась интенсивность публицистической полемики в церковной сфере, возросла пропагандистская роль публицистики.

В связи со сменой династии, приходом к власти Романовых власть нуждалась в публичной легитимации, прославлении представителей правящего дома. Для этого привлекались и литературно-публицистические произведения. Как пример можно привести сочинение князя Ивана Семеновича Куракина «Чаша государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всея России» (между 1613 и 1619).

Авторы XVII в. в полной мере осознали силу письменного слова, публицистической полемики и публичной пропаганды. Теперь они сочиняли не для конкретных адресатов, а для более широкого круга читателей. Произведения переписывались и распространялись по России, передавались из рук в руки, все чаще печатались по мере развития книгопечатания. Конечно, здесь были эффект и результат Смутного времени, когда разного рода литературные и публицистические сочинения, «подметные письма»,

грамоты и другие документы активно циркулировали по стране и оказывали серьезное влияние на политические процессы, например, работа над созданием Второго ополчения Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, как известно, началась после получения грамот патриарха Гермогена, призывавшего к сопротивлению иноверцам-полякам.

В связи с этим авторы в рассматриваемый период очень ответственно подходили к созданию публицистических сочинений. Когда в 1644 г. в Россию приехал датский королевич Вольдемар, жених царевны Ирины Михайловны, для переубеждения сопровождавших его лютеран и обоснования необходимости крещения принца в православную веру, по приказу царя Михаила Федоровича был издан целый антипротестантский полемический сборник — «Кириллова книга». Как пример можно привести рукописный сборник Леонтия Белоуса, в 1665 г. собравшего материалы, посвященные истории шведского завоевания русского побережья Финского залива (от Ивангорода до Невы, которые по Столбовскому миру 1618 г. отошли к Швеции). Данные сопровождалась литературной частью, главной в которой было сочинение «Плач о реке Нарове». Леонтий Белоус горевал о землях, потерянных Россией, жаловался на притеснения шведов. Показательно, что этой теме был посвящен целый сборник с продуманной структурой, составленный из документов по теме и дополняющих их литературно-публицистических сочинений.

Другим примером осознания значения слова являются проповеди 1645–1652 гг. Ивана Неронова (1591–1670), одного из создателей и лидеров знаменитого «кружка ревнителей благочестия» при царе Алексее Михайловиче, а затем идеолога старообрядчества. Он первым «написал окрест стены... поучительные словеса», т.е. снабдил, если можно так выразиться, свои проповеди в московском Казанском соборе наглядной агитацией, сопроводил их письменными текстами.

Новым явлением в XVII в. было появление литературно-публицистических псевдоисторических сочинений, написанных от имени известных исторических персонажей, но никакого отношения к ним не имеющих. Например, «Запрещение о тафьях митрополита Филиппа» (Колычева), рассказывающее о якобы имевшем место столкновении Филиппа Колычева и Ивана Грозного, явившегося на церковную службу в мусульманской шапке (тафье). Легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном (первая четверть XVII в.) является одним из первых отечественных антитурецких публицистических сочинений. В 1670-х гг. эта тема была развита появлением легендарной переписки турецкого султана с цесарем Леопольдом, с чигиринскими казаками и легендарным «Посланием турецкого султана немецким владетелям и всем христианам».

Большой толчок развитию публицистики во второй половине XVII в. дал церковный раскол. Вокруг реформ церкви развернулась масштабная полемика, имевшая много направлений. Антикатолическая полемика представлена следующими сочинениями:

- «Послание против латинской ереси и о крещении латин» (около 1620) митрополита ростовского и ярославского Варлаама;
- анонимный «Просветитель литовский» (около 1620);

— антикатолические сочинения князя Ивана Андреевича Хворостина, в частности, «Изложение на еретики злохулники», «Повесть слезная о листриском, сиречь Феларском и Фларентиском разбойническом кровопролитном осмом соборе» (около 1620);

— «Обличения на новопотаенных волков, ходящих в одеждах ловчих...» (1688), направленные против учения братьев Иоанникия и Софрония Лихудов о Евхаристии дьякона кремлевского Спасского собора Афанасия.

Образцами антипротестантской полемики считались «Изложение на люторы» (1623) Ивана Наседки, «Слова избранные о чести святых икон и поклонении им» (1642) Захарии Подосенова. Новым явлением стало также выступление против униатов¹.

К традиционной антилатинской и антипротестантской полемике добавлялась антигреческая, например «Прения с греками о вере» и «Проскитарий» Арсения Суханова (ум. 1668), в которой православные греки объявлялись чуть ли не еретиками. Грекофилы отстаивали свои позиции, обличали католичество («Книга православного вероисповедания» (1688) и «Щит веры» (1690) архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия). За Россией и Московской патриархией в XVII в. прочно закрепляется роль III Рима. Новое глубокое идейное обоснование теории «Москва — III Рим» содержалось в «Слове благочестивому и христоробивому воинству» и «Слове к православному воинству о помощи Пресвятой Богородицы» (1687) Игнатия (Римского-Корсакова), будущего митрополита Тобольского и Сибирского (1692—1700).

Крупнейшим публицистом был духовный лидер старообрядцев Аввакум Петров (1620—1682), автор знаменитого автобиографического жития и еще около 80 сочинений. Его главными полемическими произведениями были четыре челобитные царю Алексею Михайловичу; «Записка о заточении и расстрижении», которые распространялись старообрядцами в списках (инок Авраамий включил «Первую челобитную» и «Записку о заточении и расстрижении» в сборник «Христианоопасный щит веры против еретического ополчения»); «Книга бесед» (1669—1675); «Книга толкований и поучений» (1673—1676); «Книга обличений, или Евангелие вечное» (1676) — памятник, посвященный богословским догматическим спорам (о Троице, о сошествии в ад и т.д.).

Среди сочинений других старообрядческих идеологов нужно назвать «О сложении перстов...» (около 1656) Герасима Фирсова, «Великую челобитную» (около 1656) Никиты Пустосвята, «Покаянные воззвания к народу» (1666) Ефрема Потемкина; «Сказание от божественных писаний...» (1666—1667) Геронтия Рязанова, комплекс так называемых соловецких челобитных (1667), «Прение верного инока с отступником» (1670-е), «Книга о титуле на кресте» дьякона Соловецкого монастыря Игнатия, его

¹ Униаты — сторонники Брестской унии 1596 г., в которой на территории Речи Посполитой произошло слияние православной и католической церкви. Это вызвало религиозные волнения и столкновения православных и униатов в первой половине XVII в. на территории Украины и Белоруссии. После присоединения Левобережной Украины в 1653—1667 гг. часть униатских приходов оказалась на территории России, что обострило религиозную ситуацию и вызвало новый виток церковной полемики.

же «Челобитная последнего остальца соловецкого» (1676) и «Исповедение» (1682), пропагандирующее самосожжение как форму социально-религиозного протеста.

Власть отвечала своими полемическими и публицистическими антистарообрядческими сочинениями (никонианский антистарообрядческий сборник «Скрижаль» (1656), «О аллилуи», «О честном кресте», «О Иисусове молитве» и «О четвероконечном кресте, иже именуют крестом» (1667) архимандрита Иверского монастыря Дионисия Грека, «Слово на Никиту Пустосвята» (1682) патриарха Иоакима, «Бразда духовная» (1683), «Известие об увещании раскольников в уездах Костромском и Кинешемском» (1687) Игнатия (Римского-Корсакова) и Кариона Истомина.

Деятельность лидеров старообрядчества удостоилась публицистических биографических повестей, отличающихся от житийной литературы своим демократизмом, стилистикой и новой реалистической манерой рассказа. Такова «Повесть о боярыне Морозовой» (1675–1677).

Старообрядческая публицистика вовсе не была единой по своей идейной направленности. Например, в 1691 г. Ефросин написал «Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей» против распространившейся практики самосожжений. Аналогичные идеи содержала «Жалобница» (1691) поморских старцев против самосожжений.

В публицистике XVII в. очень усиливается личный, авторский момент. Развивается жанр личной проповеди, наиболее ярко проявившийся в творчестве Антония Подольского (первая треть XVII в.), автора сочинений «Слово о многопотопном и прелестном пьянстве», «Слово о царствии небесном...» и «Слово о разслабленном и немужественном и изуменном страховании», и Ивана Неронова. Церковная публицистика, как и вся остальная, демократизировалась. Так, житель Коломны Исидор Крючков 19 февраля 1665 г. подбросил на полки овощного ряда на рынке тетрадь со своим сочинением о близкой кончине мира. Как другой пример можно привести публицистические выступления старообрядцев, не являвшихся духовными лицами, например, «Сказка» (1679), рассказывающая, почему крестьяне готовы устроить самосожжение, чтобы отстоять «старую веру» и не принимать реформ Никона, крестьянина деревни Мостовка Тюменского уезда Ивана Бархатова.

☞ Характерной чертой русской публицистики XVII в. стала ее демократичность: более широким становится социальное происхождение авторов, более обширным круг обсуждаемых проблем, более демократичным язык произведений.

8.5. Памятники фольклора

☞ *Фольклор*, устное народное творчество, является одной из самых архаичных форм передачи исторической информации. Фольклор древнее любых письменных источников, однако исследователь имеет дело с фольклорными текстами, зафиксированными в гораздо более позднее время. Поскольку одно из важных свойств фольклора — вариативность, поздние наслоения часто

искажают историческую информацию, содержащуюся в произведении устного народного творчества (☞ 16.2, 16.3).

К памятникам устного народного творчества относятся предания, легенды, былины, сказки, загадки, заговоры, пословицы, поговорки, песни (исторические балладные, лирические, игровые, хороводные, плясовые и др.), частушки и пр. Информация о конкретных исторических событиях и реальных лицах содержится в преданиях, легендах, былинах и исторических песнях. Другие жанры фольклора традиционно используются при изучении языческих верований славян и их традиционной культуры.

Предания (встречаются еще самоназвание *быль* или *бывальщина*), как правило, содержат наиболее точное отражение реального события. В основу повествования всегда положен исторический материал, присутствует и точное указание места и времени события. Нередко предание содержит ссылку на источник информации, правда, почти всегда неконкретный: «говорят», «старики сказывают» и пр. Таким образом подчеркивается традиционность повествования. В большинстве случаев предание не имеет сложной сюжетной структуры. В центре его повествования или одно событие, или одно лицо. К первой группе можно отнести древнейшие предания, зафиксированные в летописи и посвященные походу князя Олега на Царьград, его гибели от укуса змеи, о мести княгини Ольги древлянам за смерть Игоря. Ко второй группе относятся предания об Александре Невском, Иване Грозном, Ермаке, Степане Разине. Большое распространение приобрели топонимические предания, с помощью которых объясняется происхождение того или иного топонима. Так, древнейшая русская летопись передает предание об основателях Киева — братьях Кие, Щеке и Хориве и их сестре Лыбеди. Таким образом пытались объяснить происхождение наименования города Киев, возвышенностей Щековица и Хоривица в его окрестностях, а также реки Лыбедь. Название города Суздаля предания XVIII в. толковали как место, на котором «суждено» стоять городу. Следует отметить, что нередко топонимические предания изобилуют вымыслами и представляют собой пример так называемой «народной этимологии», суть которой состоит в попытке придумать понятное объяснение для малопонятного термина.

Легенды во многом похожи на предания. Главное отличие здесь в степени достоверности. Если в предании реальная историческая основа, как правило, присутствует, то для легенды она не только необязательна, но даже нежелательна. Легенда имеет свой сюжет, в основе которого находится чудо, фантастическое событие, якобы имевшее место в реальности. Важно было, чтобы и рассказчик, и его слушатели верили в реальность описываемых в легенде событий. В легендарном повествовании часто присутствует нравоучительность, поэтому в древности легенды имели ярко выраженное воспитательное значение. Источниками легенд становились библейские и житийные тексты, апокрифические произведения. Соответственно, фольклористы в качестве обособленных тематических групп выделяют легенды о сотворении мира, о животных, о чудесах святых, о праведниках и грешниках, а также социально-утопические легенды. Последняя группа наиболее близка к преданиям. Например, в наиболее известной социально-утопиче-

ской легенде о граде Китеже (о городе праведников, который был скрыт Богом от глаз врагов) некоторые исследователи видят отражение фактов истории XI—XV вв.

Былины, в отличие от преданий и легенд, представляют собой поэтические тексты, народные эпические песни на героические сюжеты. В основе сюжета, как правило, подвиг витязя, его поединок с неким врагом, после победы в котором богатырь оказывается спасителем Родины. Имена героев и обстоятельства их деятельности могут иметь историческую основу (например, поездка Ильи Муромца в Киев к князю Владимиру Красно Солнышко), а могут быть полностью или частично вымышленными (единоборство богатыря с Тугарином Змеем). Былины имеют устойчивую структуру с запевами и зачинами, ретардациями (замедлением действия), традиционными концовками. Несмотря на то, что в былинах присутствуют так называемые «странствующие сюжеты», общие для произведений устного творчества разных культур, в них велика роль реальной исторической информации, причем раннесредневекового времени, что делает былинду ценным источником по истории России X—XIII вв.

Всего к настоящему времени записано более 2500 былинных текстов. Замечено, что былины бытовали не на всей территории России. Наибольшее количество записей сделано на территории Архангельской и Олонецкой губерний, а также в Сибири и на Урале. Исторические песни на сюжеты былин существовали у донских, терских и кубанских казаков.

Исторические песни, в отличие от былин, составлялись вскоре после описываемого в них исторического события. По объему песни меньше былин, хотя ранние исторические песни близки к былинам и по стилю, и по манере исполнения речетативом. При этом исторические песни почти всегда посвящены событиям современной истории. Их герои — известные исторические деятели. Самой ранней исторической песней считается песня о Щелкане, которая читается в сборнике Кирши Данилова. В данной песне рассказывается об антиордынском восстании в Твери в 1327 г., в ходе которого был убит ордынский баскак Шевкал. Щелкан (Шевкал) представлен злодеем, погубившим собственного сына ради обладания богатой Тверью, где он начал бесчинствовать, обирать и позорить жителей. За это его и убили некие братья Борисовичи, на стороне которых выступает автор, осуждая Щелкана и оправдывая его убийство. В поступке Борисовичей он видит борьбу русских людей против ордынского ига.

Большое количество исторических песен посвящено событиям XVI в. Выделяют три тематических цикла: о взятии Казани, Иване Грозном и Ермаке.

В песнях о взятии Казани обыгрывается одна подробность — подкоп под городские укрепления и их взрыв. Героем становится пушкарь, который объяснил царю причину задержки взрыва и тем самым избавил себя и своих товарищей от казни.

Песни, посвященные Ивану Грозному, разнообразны. Наибольшей известностью пользуются песня о Кострюке и песня о гневе Ивана Грозного на сына. Историческим фактом, положенным в основу песни о Кострюке следует считать женитьбу Ивана Грозного на Марии Темрю-

ковне, дочери черкесского (кабардинского) князя. Старшего брата невесты звали Машрюком, но прототипом главного героя песни считается младший брат Михаил, который жил при дворе Ивана Грозного и в 1571 г. был казнен царем. В песне брат царицы Кострюк представлен хвастуном, которого поборол и опозорил деревенский мужик Потанюшка. Царь при этом не наказал победителя, как просила царица, а наоборот наградил. В песне о гневе Ивана Грозного на сына рассказывается о спасении царевича, которого отец приговорил к казни, боярином Никитой Романовичем. Одумавшийся царь застаёт в доме у боярина веселье и радость и, думая, что сын казнен, гневается на Никиту Романовича за неуместное веселье. Когда Иван Грозный узнает, что боярин на плахе подменил царевича, вместо которого казнили боярского конюха, он сменяет гнев на милость и радуется вместе со своим верным боярином.

Ряд исторических песен посвящен покорителю Сибири Ермаку, причем само завоевание Сибири в этих песнях почти не отражено. Зато Ермак представляется как завоеватель Казани, победитель турок, т.е. участник событий, к которым исторический Ермак отношения не имел. В других песнях рассказывается об авторитете Ермака как предводителя казаков и как доверенного лица русского царя.

Песни XVII в. также посвящены либо важному историческому событию, либо историческому герою. К первой группе можно отнести песни о Смутном времени, о взятии казаками Азова; ко второй — песни о внезапной смерти Михаила Васильевича Скопина-Шуйского и песни о Степане Разине.

Песни XVIII в. посвящены в основном выдающимся историческим личностям: Петру I, Емельяну Пугачеву. В XIX в. этот вид песен продолжает существовать (песни о А. В. Суворове, М. И. Платове), но наибольшее распространение приобретают песни о войнах: Русско-персидской 1804—1813 гг., Отечественной 1812 г., Русско-турецкой 1828—1829 гг., Крымской 1853—1856 гг. и Русско-турецкой 1877—1878 гг. В поздних песнях исторический сюжет часто отходит на задний план, развивается лирическая составляющая, словом, историческая песня перестает быть таковой.

При изучении памятников фольклора одной из главных является проблема хронологии. Очевидно, что тексты былин и исторических песен дошли до нас не в аутентичном виде. Они были зафиксированы в момент записи. Самые ранние записи фольклорных памятников относятся к XVII в. Англичанин Ричард Джемс в 1619—1620 гг. под Архангельском записал несколько исторических песен о русской Смуте начала XVII в. Личный врач царя Алексея Михайловича, Самуэль Коллинз, между 1660 и 1669 гг. записал две сказки об Иване Грозном. В XVIII в. фольклором, в частности древнерусскими былинами, интересовался при изучении Киевской Руси знаменитый русский историк В. Н. Татищев.

Массовое собрание фольклора, в том числе исторического, его записи и издания относятся к XIX в. Можно говорить о складывании в 1830—1840-е гг. целого научного направления по изучению этого вида источников. Следует назвать имена И. В. и П. В. Киреевских, К. С. Аксакова, И. П. Сахарова, издавших многие исторические фольклорные тексты.

На примере их публикаций мы видим, что фольклор в значительной степени является памятником той эпохи, в которую он записан. Так, девица спрашивает Илью Муромца, не царского ли он рода (царь в России появился спустя 500 лет), в некоторых песнях он зовется «старым казаком», который носит сермягу за 1000 руб. (рублей в Киевской Руси не было). Илья Муромец в некоторых песнях воюет с татарами (которые на Руси появляются в XIII в.). Добрыня смотрит на поле из «трубочки серебряной», в которой легко угадывается подозренная труба (в другой редакции Илья Муромец смотрит в «трубку долговидную»). В одной из песен при киевских богатырей упоминается поле Куликово (в ней князь Владимир Красно Солнышко воюет с Мамаем), а их союзником выступает атаман Ермак Тимофеевич.

☞ Число примеров подобных смещений эпох можно продолжить; они свидетельствуют, что перед нами многослойные тексты, которые менялись на протяжении веков, и их последняя запись фиксирует только вариант исторической песни или быliny в момент ее записи. Сколько в этих памятниках фольклора осталось от изначальных, древних памятников — предмет научных дискуссий.

В связи с этим возникает вопрос о том, когда были созданы изначальные, исходные тексты былин и исторических песен, раз в имеющихся текстах трудно выделить датирующие признаки, указывающие на Средневековье. В изучении исторического фольклора сложились два направления. Одни ученые считали, что в основе былин, сказаний, исторических песен лежал подлинный исторический факт. Былина создавалась после факта, который она в себе отразила, а все искажения — результат воздействия эволюции текста через века. Другие исследователи полагали, что фольклор отражал не прошедшие события, а «вековые идеалы народа». Эпос не шел «позади истории», а отражал ожидания и чаяния народа, поэтому и был столь живуч и сохранялся на протяжении столетий. В связи с этим необходимо упомянуть концепцию петербургского филолога Сергея Николаевича Азбелева (род. 1926). В книге «Историзм былин и специфика фольклора»¹ он предложил датировку ряда былин XV в. Проблема датировки памятников остается дискуссионной и еще ждет своего исследователя.

☞ Главная особенность исторического фольклора заключается в том, что он отражал суть взгляда народа, его оценки того или иного события, т.е. то, что народ, создатель и хранитель эпоса, считал важным для своей истории. Детали же текстов оказывались наносными и отражали скорее особенности эпохи, в которую текст был зафиксирован. В связи с этим памятники фольклора являются историческими источниками в основном по ментальной истории, истории духовной культуры.

Контрольные вопросы и задания

1. Какие произведения относят к древнерусской агиографии? В чем их особенности?
2. Назовите и охарактеризуйте древнейшие русские жития.

¹ См.: Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.

3. Какими принципами руководствовался агиограф при создании жития святого, о жизни которого было недостаточно информации?
4. Дайте определение понятиям «пролог», «четы-минеи», «патерик».
5. Охарактеризуйте деятельность Пахомия Логофета как агиографа.
6. В связи с чем прекратилась традиция древнерусской агиографии?
7. Что такое воинская повесть?
8. В чем отличие воинских повестей от других источников?
9. Назовите памятники «Куликовского цикла» и дайте им характеристику как историческим источникам.
10. Расскажите о воинских повестях XVI в.
11. Расскажите о воинских повестях XVII в.
12. Сравните воинские повести разных эпох. Что оставалось в жанре неизменным, что появлялось нового?
13. Что такое публицистика? Каковы особенности древнерусской публицистики как исторического источника?
14. Раскройте содержание генеалогических легенд о происхождении Рюриковичей, созданных в начале XVI в.
15. В чем сущность теории «Москва — III Рим»? Расскажите историю ее появления и хождения.
16. Расскажите о церковной публицистике XVI в.
17. Дайте характеристику творчества Ивана Пересветова.
18. Дайте характеристику творчества Ермолая Еразма.
19. Какие новые черты обретает жанр публицистики в XVII в.?
20. Расскажите о церковной публицистической полемике в XVII в.
21. Какие политические вопросы затрагивались русскими публицистами в XVII в.?
22. Охарактеризуйте фольклорные мотивы древнейшей русской летописи.
23. В каких произведениях публицистики и летописания присутствует легенда о происхождении Рюриковичей от римских императоров?
24. Охарактеризуйте памятники старообрядческой публицистики XVII в.
25. Перечислите события, которым посвящены древнерусские воинские повести.
26. Дайте определение терминам «предание», «легенда», «былина», «историческая песнь».
27. Назовите собирателей русского фольклора в XIX в.
28. Объясните смысл тезиса: «Фольклор памятник той эпохи, в которую он записан».
29. Расскажите о взглядах ученых на проблему возникновения русских былин.
30. Составьте схему развития жанра воинской повести со Средневековья к раннему Новому времени (структура текста, главный герой, основные идеи и динамика их развития).

Основная библиография по главе 8

1. *Азбелев, С. Н.* Историзм былин и специфика фольклора. — Л., 1982.
2. *Аникин, В. П.* Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин. — М., 1980.
3. *Баренбаум, И. Е.* История книги. — М., 1984.
4. *Барсуков, Н. П.* Источники русской агиографии. — СПб., 1888.
5. Библиография работ по древнерусской литературе [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pushkinskiydom.ru/> (официальный сайт Института русской литературы РАН).
6. *Варбанец, Н. В.* Иоанн Гутенберг и начало книгопечатания в Европе. — М., 1980.

7. *Владимиров, Л. И.* Всеобщая история книги. — М., 1988.
8. Воинские повести Древней Руси. — Л., 1985.
9. *Голубинский, Е. Е.* История канонизации святых в Русской церкви. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1903.
10. *Дмитриев, Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. — Л., 1973.
11. *Живов, В. М.* Святость : краткий словарь агиографических терминов. — М., 1994.
12. *Зернова, А. С.* Начало книгопечатания в Москве и на Украине. — М., 1947.
13. *Зимин, А. А. И. С.* Пересветов и его современники. — М., 1958.
14. *Каравашкин, А. В.* Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. — М., 2000.
15. *Кацпржак, Е. И.* Первопечатник Иван Федоров. — М., 1964.
16. *Клосс, Б. М.* Очерки по истории русской агиографии XIV—XVI веков // *Его же.* Избр. тр. — М., 2001. — Т. 2.
17. *Ключевский, В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. — М., 1871.
18. *Крушельницкая, Е. В.* Автобиография и житие в древнерусской литературе. — СПб., 1996.
19. *Люблинский, В. С.* Книга в истории человеческого общества. — М., 1972.
20. *Немировский, Е. Л.* Возникновение книгопечатания в Москве. — М., 1964.
21. *Немировский, Е. Л.* Иван Федоров. — М., 1985.
22. *Немировский, Е. Л.* Начало славянского кириллического книгопечатания XV — начала XVII века. — М., 2003. — Кн. 1—3.
23. *Охотникова, В. И.* Псковская агиография XIV—XVII вв.: Исследования и тексты : в 2 т. — СПб., 2007.
24. Памятники Куликовского цикла. — М., 1998.
25. *Пропп, В. Я.* Русский героический эпос. — 2-е изд., испр. — М., 1958.
26. *Путилов, Б. Н.* Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса. — СПб., 1999.
27. *Ромодановская, Е. К.* Русская литература на пороге Нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода. — Новосибирск, 1994.
28. Русская народная песня : библиографический указатель. 1735—1945 гг. / сост. В. М. Сидельников. — М., 1962.
29. Русский фольклор, 1800—1995. — Л. ; СПб., 1961—2001.
30. *Серебрянский, Н. И.* Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и тексты). — М., 1915.
31. *Серегина, Н. С.* Песнопения русским святым. По материалам рукописной певческой книги XI—XIX «Стихирарь месячный». — СПб., 1994.
32. Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Вып. 2 : Вторая половина XIV — XVI в. — Ч. 1 : А—К. — Л., 1988.
33. Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Вып. 2 : Вторая половина XIV — XVI в. — Ч. 2 : Л—Я. — Л., 1989.
34. Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Вып. 3 : XVII в. — Ч. 1—4. СПб., 1992—1999.
35. *Яблонский, В. М.* Пахомий Серб и его агиографические писания: биографический и библиографически-литературный очерк. — СПб., 1908.

Глава 9

АКТОВЫЕ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- принципы классификации документальных источников по истории России Средневековья и раннего Нового времени;
- особенности делопроизводства государственных учреждений средневековой Руси и Российского государства раннего Нового времени;
- особенности и историю создания основных кадастров;
- особенности и историю создания разрядных и родословных книг;
- особенности, основные виды и историю создания важнейших памятников дипломатической документации;

уметь

- различать и выделять публично-правовые и частноправовые акты;
- определять виды и типы актов и деловой документации русского Средневековья и раннего Нового времени;
- составлять генеалогическую схему на основе сведений родословных книг;
- составлять бланк для базы данных по разрядным книгам;
- различать в дипломатической документации идеологическую и деловую части;
- описывать формуляр документального источника;

владеть

- методами источниковедческого анализа документальных источников;
- основами датировки и атрибуции документальных источников;
- методами верификации сведений документальных источников;
- математическими методами обработки документальных источников.

Ключевые термины и понятия: акты публично-правовые и частноправовые, формулярный анализ, кадастры, условный, абстрактный, конкретный и индивидуальный формуляры.

9.1. Формуляр акта и формулярный анализ

Для изучения акта нужно прежде всего определить его формуляр. *Формуляр акта* — это устойчивая структура, схема документа, состоящая из стандартных словесных оборотов (формул), стабильная для каждого из видов актов. По выражению А. А. Введенского, формуляр — это «вся сумма формул акта». Ученые различают условный, абстрактный, конкретный и индивидуальный формуляры.

Условный формуляр — общая схематическая структура актов в целом.

Абстрактный формуляр — общая схематическая структура документов определенной разновидности.

Конкретный формуляр — схематическая структура небольших групп документов внутри данной определенной разновидности.

Индивидуальный формуляр — схематическая структура одного отдельно взятого документа.

Главным для формулярного анализа является условный формуляр, который, согласно исследованиям Т. Зиккеля (1826—1908) и Ю. Фиккера (1826—1902), подразделяется на начальный протокол, собственно текст документа и конечный протокол (эсхатокол). В русскую дипломатику использование европейского формуляра привнес А. С. Лаппо-Данилевский. В формулярах их составляющие принято в соответствии с традицией обозначать латинскими терминами.

☞ **Элементы формуляра акта:**

1) «начальный протокол»:

- *invocatio* (инвокация, посвящение Богу, в русских документах иногда называется «богословие»);
- *intitulatio* (интитуляция, обозначение лица, от которого исходит документ);
- *inscriptio* (инскрипция, обозначение адресата);
- *salutatio* (салютация, приветствие);

2) «основная часть»:

- *arenga, exordium, proemium, prologus* (аренга, преамбула);
- *promulgatio, praescriptio, notificatio, publicatio* (промульгация, нотификация, публичное объявление);
- *narratio* (наррация, изложение обстоятельств дела);
- *dispositio* (диспозиция, распоряжение по существу дела);
- *sanctio* (санкция, описание наказаний за нарушение условий, изложенных в документе);
- *corroboratio* (корроборация, сведения об удостоверительных знаках документа);

3) «конечный протокол»:

- *datum* (место и время выдачи);
- *apprecatio* (аппрекация, заключение-благопожелание);
- *subscriptio* (субскрипция, формула, выражающая существо удостоверительного действия);
- *signature* (сигнатура, подпись).

Условным данный формуляр называется потому, что он представляет собой во многом условную, «идеальную» схему: в реальности в актах, с которыми работает исследователь, могут быть представлены только отдельные фрагменты этой схемы и порой даже в ином порядке. В связи с этим выделением формуляра анализ структуры акта не ограничивается. Акт разбивается на *статьи* — по определению С. М. Каштанова, «законченные по мысли выражения, являющиеся грамматически самостоятельными простыми или сложными предложениями». Их иногда называют *клаузулами*, следуя латинской терминологии, но *статья* — более точный, широкий и емкий термин.

Справка

А. С. Лаппо-Данилевский считал, что клаузулой называется «в широком смысле... каждая мысль, выраженная отдельно от других». Ему возражает С. М. Каштанов, утверждая, что клаузулой в западноевропейских актах обычно называли особые условия, оговорки в договоре. Шире это слово обозначало договорные статьи документа. В связи с этим грамотно называть клаузулой только статьи, содержащие нормы договора, условия сделки, а не все статьи (предложения).

По С. М. Каштанову: «Статьи текста по своим функциям делятся на сакральные, мотивировочные, содержащие обращение, уведомительные. Описательные, договорные (клаузулы), указные, просительные, процессуальные, удостоверительные, при этом некоторые статьи могут носить смешанный характер».

Статьи (Ст.) делятся на *предложения* (П), подразделяющиеся на *обороты* (О), которые в свою очередь делятся на *элементы* (Э), а отдельные элементы — на *характеристики*. Это можно обозначить схемой (условные знаки даны по С. М. Каштанову):

$$\text{Ст.} = \text{П}_a + \text{П}_б + \dots \text{П}_n,$$

где $\text{П} = \text{О}_a + \text{О}_б + \dots \text{О}_n$; $\text{О} = \text{Э}_a + \text{Э}_б + \dots \text{Э}_n$ и т.д.

В элементах и характеристиках, в свою очередь, различаются *реалии* (имена лиц и названия географических объектов), *формулы* (устойчивые выражения-штампы, использующиеся в разных документах) и *описания* (выражения, отступающие от типичных формул, описывающие уникальные ситуации или объекты).

Для чего нужен формулярный анализ? Целью изучения актов является извлечение из них достоверной, верифицируемой информации по тем сюжетам, по которым акты могут быть историческим источником. Это прежде всего правовые и социально-экономические отношения, которые правильнее всего изучать, выделяя структуры, схемы отношений. Составляя формуляр акта, мы тем самым задаем своего рода рубрики, темы, направления (в письменном виде это может быть выражено в виде таблицы), информацию по которым мы можем извлечь из данного акта.

Мнение

Особенно это применимо к абстрактному формуляру, структурные единицы которого, по выражению С. М. Каштанова, могут служить «...“шапкой” для таблиц, куда заносятся по рубрикам статьи реальных документов, расчлененные на предложения, обороты, элементы и характеристики, причем фиксации документов в таблице ведется в порядке их хронологии. “Шапка”, представляющая собой совокупность схем типичных статей актов определенной разновидности, делается с таким расчетом, чтобы в таблице могли быть отражены особенности индивидуального формуляра акта. Статьи, предложения, обороты, элементы и характеристики регистрируются в таблице под определенным номером, показывающим место более мелкого подразделения в составе более крупного подразделения именно в данном акте, ибо табличная форма фиксации нарушает, вследствие неизбежного схематизма абстрактного фор-

муляра, представление о структуре каждого реального текста. Элементы-формулы и характеристики-формулы обозначаются знаком + в соответствующих рубриках таблицы, а все остальные элементы и характеристики передаются в соответствующих рубриках буквально»¹.

9.2. Древнерусские публично-правовые акты и документы

Публично-правовыми актами называются договоры между властью, социальными группами и частными лицами, а также постановления и распоряжения органов власти, адресованные социальным группам, коллективам или отдельным частным лицам.

Классификация публично-правовых актов

(по С. М. Каштанову, адаптированный вариант):

I. Публично-правовые акты.

A. Акты светских властей.

1. Договорный вид:
  - 1) международные договоры (с X в.);
  - 2) княжеские договоры («докончания») с контрагентами внутри Руси (с XIII в.):
    - а) договоры между князьями и Новгородом;
    - б) договоры между великими князьями;
    - в) договоры между великими и удельными князьями;
    - г) договоры между князьями и церковью.
2. Договорно-законодательный вид:
  - 1) жалованные грамоты (с XII в.);
  - 2) уставные грамоты в пользу церкви (с XII в.);
  - 3) уставные грамоты территориям (со второй половины XIV в.);
  - 4) кормленные грамоты (со второй половины XIV в.);
  - 5) таможенные грамоты (с конца XV в.);
  - 6) губные грамоты (с 1530-х гг.);
  - 7) земские грамоты (с 1550-х гг.);
  - 8) акты земских соборов (с 1566 г.).
3. Договорно-законодательный вид с элементами частноправового распоряжения: духовные грамоты великих и удельных князей (с конца XIII в. в Юго-Западной Руси, с 1320–1330-х гг. в Северо-Восточной Руси).
4. Договорно-распорядительный вид:
  - 1) указные грамоты о действиях властей в отношении реального контрагента (со второй половины XIV в.);
  - 2) послушные грамоты (с середины XVI в.).
5. Распорядительный вид: указные грамоты в адрес территорий и (или) групп населения.
6. Судебно-процессуальный вид: судные списки, докладные судные списки, правые грамоты (с XV в.).
7. Исполнительно-регистрационный вид: разъезжие (межевые) грамоты (с XV в.).

¹ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 30–31.

8. Регистрационно-учетный вид: сотные (с конца XV в.).

9. Удостоверительный и договорно-удостоверительный виды:

- 1) опасные грамоты;
- 2) верительные («верющие») грамоты;
- 3) паспорта;
- 4) справки.

Б. Акты церковных властей.

1. Договорно-законодательный вид:

- 1) уставные грамоты (с конца XIV в.);
- 2) жалованные грамоты (с XV в.);
- 3) благословенные и ставленные грамоты (с XV в.);
- 4) храмозданные грамоты;
- 5) соборные приговоры.

2. Договорно-распорядительный вид: грамоты и послания о соблюдении интересов реального контрагента (с XV в.);

3. Распорядительно-агитационный вид:

- 1) послания иерархов;
- 2) богомольные грамоты.

II. Публично-частные акты.

Договорный вид:

- 1) поручные по боярам (с 1470-х гг.);
- 2) крестоцеловальные записи должностных лиц (с XVI в.);
- 3) поручные по крестьянам-новопосадчикам (с XVII в.);
- 4) рядные и откупные.

I. Публично-правовые акты

А. Акты светских властей.

1. Договорный вид.

1) Международные договоры (с X в.). *Международным договором* называется официальное соглашение, заключенное между субъектами международной политики, т.е. независимыми, суверенными государствами. В юридической науке считается, что такие соглашения должны заключаться на основе международного права, которое появляется одновременно с возникновением государств.

В XII—XV вв. заключались международные договоры между отдельными древнерусскими землями, обладавшими суверенитетом, и иностранными государствами или организациями. Например, большой комплекс таких документов дошел от международной деятельности Новгородской республики в XII—XV вв.

После образования единого Русского государства в конце XV в. была создана посольская служба, в ведении которой находилось составление международных договоров, их согласование, редактирование, утверждение и т.д. Сначала ею занимались дьяки; во второй половине XVI в. происходит образование специального ведомства — Посольского приказа (обычно отсчет его истории начинают с 1549 г., но первое упоминание словооборота «Посольский приказ» относится к 1576 г.). В XVI—XVII вв. Россией было заключено несколько десятков международных договоров с Данией, Швецией, Ливонией, Ганзейским союзом, Тевтонским орденом, Священ-

ной Римской империей, Англией, Великим княжеством Литовским, Королевством Польским, Речью Посполитой, Крымским ханством, Турцией, Молдавией и т.д.

2) Княжеские договоры («докончания») с контрагентами внутри Руси (с XIII в.).

А) Договоры между князьями и Новгородом. Отношения договора («ряда») князей с городскими общинами были характерны для средневековой Руси. Князья приглашались в качестве носителей административной, судебной, военной власти на определенный срок. При этом города ограничивали их полномочия и права, что и оговаривалось в соглашениях. Позже элементы этих соглашений отложились в договорных грамотах городов с великими князьями, правителями соседних великих княжеств (Владимирского, Тверского и т.д.).

До нас дошли договоры князей с Новгородом, начиная с XIII в. Формуляр этих договоров, как считают ученые, начал вырабатываться вскоре после обретения Новгородом независимости после 1136 г. За XIII—XV вв. дошло около 30 договорных грамот Новгородца с князьями. Древнейшими являются соглашения с великим тверским князем Ярославом Ярославичем 1264—1270 гг. Закончилась эпоха выдачи таких грамот в 1471 г., с покорением Великого Новгорода великим князем владимирским и московским Иваном III.

Б) Договоры между великими князьями. В конце XII — начале XIII в. в Северо-Восточной Руси возникло Великое княжение Владимирское, претендовавшее на власть над другими землями и княжескими династиями в силу своего великокняжеского, т.е. более высокого, статуса. После установления во второй половине XIII в. власти Орды над русскими землями именно великие князья владимирские стали обладателями ярлыка и представителями ордынской власти на Руси. Правители других русских княжеств для подъема своего статуса и получения шанса на обретение ярлыка стали бороться за титулатуру великих князей. Так в XIV в. возникли великие князья смоленские, тверские, нижегородские, рязанские. В случае конфликтов и столкновения интересов они пытались урегулировать свои отношения договорными грамотами, которые назывались «докончания» (соглашения). За XIV—XV вв. известно более 10 таких соглашений между великими князьями владимирскими и московскими, великими князьями тверскими, великими князьями рязанскими. Сюда же надо отнести «докончания» вышеназванных великих князей с великими князьями литовскими (в XIV—XV вв. русские великие княжения имели тот же суверенный статус, что и Великое княжество Литовское).

В договорах оговаривались отношения между великими князьями, условия их военного союза или невмешательства в военный конфликт с третьей стороной, гарантии ненападения, условия отношений с Ордой (во времена ига было важно, кто имеет право переговоров с Ордой: это давало более выигрышную позицию князю), условия расследования уголовных преступлений и имущественных споров, происходивших на смежных территориях, решение территориальных споров, компенсации материальных убытков, размеры и условия выплаты различных пошлин. Гарантировались

«право отъезда» боярам и слугам, выдача преступников и т.д. «Докончание» скреплялось клятвой на кресте (крестоцелованием). Срок ее действия определялся продолжительностью жизни князей.

Древнейшими из дошедших до нас договоров великих князей являются договор великого князя владимирского и московского Дмитрия Ивановича (будущего Дмитрия Донского) с великим князем тверским Михаилом Александровичем 1375 г. и договор того же Дмитрия Ивановича с великим князем рязанским Олегом Ивановичем 1381 г. Практика подобных договоров исчезает в XV в. с ликвидацией Москвой остальных великих княжений (Тверское было ликвидировано в 1485 г., Рязанское, последние годы бывшее в зависимости от Москвы, — в 1521 г.).

В) Договоры между великими и удельными князьями. В средневековой Руси отношения между великими и удельными князьями строились по системе «брат старейший — брат младший» и оформлялись в виде межкняжеских договоров («докончаний»). За XIV—XV вв. их сохранилось более 60 разных списков. Древнейшим известным нам «докончанием» является заключенный около 1350—1351 гг. договор великого князя владимирского и московского Семена Ивановича с младшими братьями, звенигородским князем Иваном Ивановичем и серпуховским и боровским князем Андреем Ивановичем. Практика заключения подобных «докончаний» отмерла в первой трети XVI в. вместе с ликвидацией удельной системы, что в основном произошло при Василии III. Видимо, одним из последних было соглашение между великим князем и государем всея Руси Василием III и его братом дмитровским князем Юрием Ивановичем от 24 августа 1531 г.

Грамоты содержат ряд обязательных юридических формул, регулирующих иерархические отношения между князьями. «Младший» брат обязывался чтить «старейшего» «в отца место». Кто будет старейшему брату друг — тот друг и младшему, а кто недруг — тот тоже недруг. Без ведома старейшего брата нельзя было заключать самостоятельных соглашений с другими князьями. В «докончаниях» урегулировались территориальные споры, принципы раздела налоговых поступлений, распределение судебных полномочий, подтверждение «права отъезда». В них оговаривались взаимные обязательства военного союза, условия и параметры наследования имущества, политических прав наследников и т.д. Грамоты скреплялись клятвой на кресте (крестоцелованием), нередко «у гроба отца». Соглашение подтверждалось свидетелями — как правило, высокопоставленными церковными лицами и представителями боярства.

Г) Договоры между князьями и церковью. Очевидная необходимость урегулирования отношений и имущественных споров между верховной властью и церковью вызвала появление в XIV—XV вв. договоров между князьями и церковными иерархами. В них разграничивались вопросы владения недвижимым имуществом, распределения собранных пошлин, прав их взимания, раздела судебных прерогатив.

Договорной грамотой, помещенной в митрополичьем сборнике образцовых грамот (формулярнике) и на протяжении всего XV в. бывшей образцом документа, в котором проводилось разграничение сеньориальных прав

московского великого князя и московского митрополита, была Докончальная грамота великого князя владимирского и московского Василия I Дмитриевича и митрополита Киприана о людях и волостях церковных от 28 июня 1404 г.

2. Договорно-законодательный вид.

1) **Жалованные грамоты (с XII в.).** *Жалованные грамоты* фиксировали акт передачи верховной властью (светской или церковной) прав владения тем или иным имуществом, недвижимым и движимым, в основном на использование земли в том или ином виде (пашня, сенокос, промыслы) на определенный срок (бессрочно, пожизненно, на несколько лет), а также различных налоговых льгот (освобождения от тех или иных видов налогов или дарование права сбора их в свою пользу и т.д.) и судебных прав и льгот (неподсудность тем или иным видам суда или, напротив, исключительное право суда в определенных областях и т.д.).

Первостепенной целью, для которой выдавались жалованные грамоты, было перераспределение земель. С помощью этих документов закреплялись права на передачу, дарение, пожалование земель и т.д. Такие грамоты назывались *жалованные данные*. Если земля жаловалась в оброчное пользование (для взимания владельцем или держателем оброка), она называлась *жалованной оброчной*.

Кроме того, выдача жалованных грамот была тесно связана с развитием различных сторон феодального иммунитета: *административного* (права управления той или иной территорией в качестве ее владельца или держателя), *фискального* (права сбора и перераспределения налогов) и *судебного* (права суда).

Выдавая жалованную грамоту, правитель (феодал) награждал за службу, обеспечивал материально своих людей, даровал им различные льготы и привилегии, повышавшие их экономический, социальный, правовой статус. В связи с этим выдача жалованных грамот была эффективным инструментом социальной и экономической политики властей, светских и церковных землевладельцев.

Исходя из множества задач, для решения которых выдавались жалованные грамоты, их виды и формы также были весьма разнообразны. Назовем главные.

Жалованными тарханскими грамотами назывались грамоты, предоставлявшие бессрочное освобождение от государственных налогов и повинностей: дани, ямских, полоняничных, пищальных денег, примета, посошной службы, денег за городовое, засечное и ямчужное дело, наместничьих кормов, тамги, с XVII в. — казачьих и стрелецких кормов, стрелецкого хлеба, стрелецких денег, сибирских хлебных запасов и т.д. Тарханские грамоты освобождали не от всех, а только от главных повинностей. Их происхождение таково. По мере централизации Русского государства центральная власть соперничала с местными (в том числе удельными) правителями. Одной из форм противоборства была налоговая сфера: власти предоставляли налоговые льготы и этим склоняли землевладельцев на свою сторону.

Главным налогом центральной власти первоначально была *дань* — прямое обложение населения (возможно, изначально связанное со сбором

русскими князьями дани для Орды). В XV в. появились так называемые *безданные грамоты*, в которых давалась льгота — освобождение от дани. По мере увеличения центральных повинностей и налогов (и одновременно льгот по ним) с 1520—1540-х гг. термин «безданная грамота» утратил смысл: вводились льготы не только по дани, но и по другим налогам и повинностям. Тогда, по мнению С. М. Каштанова, у казанских татар был заимствован более широкий по значению термин «тарханная грамота», который в XVI в. полностью вытеснил бывшие «безданные грамоты».

Жалованные обельные грамоты давали освобождение от мелких повинностей (косьба сена, строительство дворов) или в общей форме от всех проторов и разметов. *Жалованные тарханно-оброчные грамоты* освобождали от главных налогов (дани, ямских денег и т.д.), вместо них разрешалось вносить в казну оброк. *Тарханно-проезжие грамоты* освобождали от тамги — обязательного платного клеймения лошадей. Просто *жалованные проезжие грамоты* освобождали от уплаты проездных пошлин. Если, напротив, вводилось право феодала (как правило, монастыря) на сбор «конского пятна», эта грамота называлась *жалованной грамотой на конское пятно*. Если грамоты предоставляли право на рассрочку в уплате долга (иногда также на его беспроцентный возврат), то они назывались *жалованными полетными* (от слова «лето» в значении год).

Кроме того, выдавались жалованные грамоты, предоставляющие льготы и привилегии в области суда (неподсудность центральному судопроизводству по ряду преступлений). Такие грамоты назывались *жалованные несудимые*. Если в грамоте отдельно оговаривались сроки вызова в суд, в ее заголовок включались определения: *жалованная односрочная, двусрочная* и т.д. Если феодал получал право для вызова в суд подвластного населения иметь особого чиновника (пристава), грамота называлась *жалованной на данного пристава*. Если монастырь-феодал получал право на получение или сбор особого пособия (руги), грамота называлась *жалованной ружной*.

Особый вид грамот составляли привилегии на недопуск (запрет) чего-либо во владениях феодала, например, присутствие скоморохов, «незваных гостей», попрошайек и других, запрет без разрешения проезжать в леса и уголья и т.п. Такие грамоты назывались *жалованными заповедными*.

Большинство жалованных грамот давалось бессрочно или пожизненно. Было принято после смерти монарха подтверждать грамоту у следующего правителя, о чем в конце грамоты делалась так называемая *подтвердительная запись*. Если грамота выдавалась не бессрочно, а на конкретный указанный срок в несколько лет, то она называлась *жалованной льготной*.

Учеными также выделяются *жалованные поместные грамоты* на владение поместьями для детей боярских. Их структура и содержание были сходными с другими жалованными грамотами и также содержали набор иммунитетных льгот. Отличие было в форме землевладения — поместной.

Структура жалованных грамот в целом была типовой. Сначала указывалось, от кого и кому дана грамота, на каких условиях и на какой срок. Дальше излагалось, какое имущество и какие права и льготы жалуются. В конце определялись санкции за нарушение пожалованных прав.

На практике большинство жалованных грамот были смешанного типа, т.е. объединяли в себе одновременно несколько видов, например: *жалованная тарханная несудимая заповедная и на конское пятно или жалованная льготная односрочная и на данного пристава* и т.д.

Жалованные грамоты составляют основной массив сохранившихся до наших дней актов, выданных светской и церковной властью.

2) Уставные грамоты в пользу церкви (с XII в.). В средневековой Руси уставом называлось законодательное распоряжение, устанавливавшее правовой статус для конкретной местности или социальной группы населения. Начиная с XII в. князьями отдельных местностей выдавались так называемые уставные грамоты, регулировавшие церковное право на подвластной им территории. Среди таких документов необходимо назвать уже упоминавшийся выше Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных, приписываемый Владимиру Крестителю, однако значительно переработанный в последующие века и известный более чем в 200 списках семи редакций XIV—XIX вв. Кодексом семейного и брачного права русского Средневековья был Устав князя Ярослава о церковных судах. Название документа связывает его с Ярославом Владимировичем, но архетип текста сложился в XII в. и развивался в XIII—XVI вв. Некоторые ученые вообще считают его памятником XIII—XIV вв., не имевшим более раннего прототипа.

Известны также уставная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы в Смоленске в связи с учреждением Смоленской епископии, уставная грамота новгородского князя Святослава Ольговича церкви святой Софии, Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых и др. Они приписываются князьям XII в., хотя известны в поздних отредактированных списках, и их архетипы, видимо, складывались не ранее XIII—XIV вв., а отдельные редакции и позднее. В уставных грамотах регулируются вопросы финансового обеспечения церкви, компетенций церковных судов и т.д.

Уставные грамоты в пользу церкви имеют стандартный вид. В них сообщается, кто выдал грамоту, кому она адресована. Затем в постатейном виде излагается содержание грамоты в виде юридических норм. В конце грамоты указаны санкции за нарушение этих норм и самой грамоты (подробнее § 7.3).

3) Уставные грамоты территориям (со второй половины XIV в.). Присоединение новых земель к единому Русскому государству вызывало необходимость введения на них юридических норм со стороны центральной власти взамен местных законов или традиций. Выдача такого документа (он назывался *уставной грамотой*) означал переход территорий под юрисдикцию и административную власть центра, оформление их включения в административный и правовом плане в единый комплекс владений великого князя владимирского и московского, затем государя всея Руси.

В грамоте указывалось, кем и кому она выдана, и постатейно перечислялись вводимые на данной территории юридические нормы, регулировавшие вопросы управления, судопроизводства, налогов и сборов. По сути, это небольшой кодекс законов для конкретной местности.

Наиболее известными и значительными уставными грамотами являются Двинская уставная грамота о порядке наместничьего правления 1397 г., Белозерская уставная грамота 1488 г. и т.д.

4) Кормленые грамоты (со второй половины XIV в.). Для должностных лиц в средневековой Руси жалованье не платилось, они получали за службу земельные пожалования (вотчины и поместья) и территории *в кормление*, т.е. право сбора в свою пользу «корма» с определенной земли. При этом кормленщик управлял этой землей, получал над ней административные и некоторые судебные полномочия. Назначение кормленщика происходило путем выдачи жалованной *кормленной грамоты*, в которой определялась территория, выдаваемая в кормление, называлось лицо, получавшее кормление, определялись его полномочия и содержался призыв к населению этой территории чтить и слушать правителя-кормленщика. Если в жалованной грамоте перечислялись доходы кормленщика (что он имел право собирать с населения, и что оно было обязано обеспечивать), то такая грамота называлась *доходным списком* кормленщика.

Известно около 170 кормленых грамот. Официально отмена кормлений произошла в 1555—1556 гг., поскольку система существования местных властей за счет подвластного населения порождала много злоупотреблений, но на практике выдача кормлений продолжалась и позднее.

5) Таможенные грамоты (с конца XV в.). Объединение русских земель в единое государство с центром в Москве не означало ликвидации пошлин за проезд, таможенное обслуживание и прочих в местах бывших границ между землями и княжествами, в отдельных административных центрах и т.д. Свои таможенные пошлины за проезд и право торговли вводили города, монастыри и т.д. Выдача права на сбор таможенных пошлин было определенной привилегией, льготой, которой добивались местные власти, организации и даже частные лица.

Эти архаичные преграды развитию торговли ликвидировались постепенно в XVII и даже XVIII вв. В конце XV — середине XVII в. для регулирования и регламентации местной практики и специфики взимания различных торговых сборов, видов и размеров пошлин, таможенного обслуживания (взвешивание, помер, объем), порядка функционирования гостиного двора для купцов, условий транзитного проезда и прочего выдавались *таможенные грамоты*.

Древнейшей из дошедших до нас является Белозерская таможенная грамота 1497 г. Практика выдачи таможенных грамот прекращается в середине XVII в., когда по требованиям русского купечества была введена единая общероссийская Уставная таможенная грамота 1654 г., упразднявшая большинство мелких пошлин и вводившая регламентированные государством единые пошлины и сборы.

6) Губные грамоты (с 1530-х гг.). В 1530—1540-е гг. на ряде территорий правительством Российского государства проводится губная реформа — введение выборных органов местного управления в рамках «губы» (округа). Для этого выдавались специальные *губные грамоты*, в соответствии с которыми дела по ряду уголовных преступлений изымались из компетенции наместников и передавались новым губным органам; в состав последних

выбирались представители местного дворянства. Это позволяло добиться большей эффективности в борьбе с преступностью. Руководила губными учреждениями специальная комиссия Боярской думы по разбойным делам. Реформа способствовала развитию органов местного самоуправления, росту их взаимодействия с центральной властью.

Всего за XVI в. до нас дошли сведения примерно о полутора десятках губных грамот, которые давались конкретной местности (единого государственного указа на всю страну не было). В них излагались полномочия губных органов, описывалась их структура, процедуры сыска, механизм взаимодействия с центральными органами. В том, что это, по сути, был кодекс юридических норм для управления конкретной территорией, губные грамоты типологически сближались с уставными.

7) Земские грамоты (с 1550-х гг.). В 1550-х гг. правительство Ивана Грозного начало вторую крупную реформу местного управления — земскую. Целью преобразований было заменить систему наместников и волостелей, сидевших на кормлениях, новыми органами — земскими избами, в которые избирались представители местного дворянства, посад и даже черносотного крестьянства. В компетенцию земских органов управления входили вопросы судопроизводства и сыска, административного управления, раскладки и сбора податей. Земская реформа была направлена прежде всего на упорядочение сбора налогов, ограничение былого произвола кормленщиков и получила развитие в XVII в.

Земская грамота, как и губная, выдавалась конкретной территории. В ней определялись состав земских органов, их полномочия, порядок ведения судопроизводства, взимания податей и налогов.

8) Акты земских соборов (с 1566 г.). *Земские соборы* — совещательные органы сословного представительства, которые созывались центральной властью для консультаций и обсуждения главных вопросов жизни страны. Первым Земским собором, возможно, был так называемый «собор примирения» 1549 г., но первые документы дошли от собора 1566 г. Институт земских соборов существовал до 1653 г. Особенно интенсивно они функционировали во второй четверти XVII в.

Акты земских соборов содержат перечни участников, соборные грамоты, содержащие решения собора, грамоты, рассылаемые на места по различным вопросам (инструкции, сыски, информационные письма и т.д.).

3. Договорно-законодательный вид с элементами частноправового распоряжения.

Духовные грамоты великих и удельных князей (с конца XIII в. в Юго-Западной Руси, с 1320—1330-х гг. в Северо-Восточной Руси). *Духовными грамотами* на Руси назывались завещания (давались «по душе»), в которых выражалась последняя воля человека относительно возврата сделанных при жизни долгов, распоряжения движимым и недвижимым имуществом, своими холопами и дворовыми людьми (после смерти господина их нередко отпускали на волю) и т.д. Умиравший мог не только распорядиться о передаче имущества наследникам, но и сделать вклад в монастырь или церковь.

В случае, когда распоряжение исходило от князя или иного представителя власти, духовная грамота принимала характер договорно-законотворительного распоряжения, поскольку в ней не только завещалось частное имущество, но и давались распоряжения по государственным вопросам.

Структура великокняжеских духовных следующая. Сначала между детьми распределялись по наследству великокняжеские земли, доля владений в стольном городе Москве, доли драгоценностей из великокняжеской казны. Затем выделялись имущественные доли для великой княгини, для обеспечения малолетних детей. После наследственных великокняжеских владений так же по долям распределялось имущество, приобретенное за время правления великого князя: захваты земель, купленные земли («купли») и т.д. Определялись размеры и порядок налоговых отчислений с подвластных земель, особенности судопроизводства. Назначались опекуны для вдовы и несовершеннолетних детей. Оговаривалась судьба бояр, слуг и дворовых людей. Указывались свидетели (послухи) заключения грамоты.

4. Договорно-распорядительный вид.

1) **Указные грамоты о действиях властей в отношении реального агента (со второй половины XIV в.).** *Указными* называются грамоты, выдававшиеся от имени великого князя (государя) всея Руси представителям местной власти или иным подданным на местах и содержащие конкретные распоряжения по отдельным вопросам. Если адресат (должностное лицо) должен был *прочсть грамоту* и передать ее лицу или учреждению, чьи интересы защищены в тексте, то грамота называлась *указная с прочетом*. Иногда в документах указные грамоты именовались *посыльными*.

В грамотах указывалось, кем она выдана (как правило, от имени государя, но могла приказываться «государевым словом» высокопоставленным должностным лицом), адресат, вопрос, на решение которого была направлена грамота, распоряжение по решению этого вопроса, должностные лица, ответственные за реализацию решения, и санкции за нарушение государева приказа.

Грамоты, содержащие распоряжения властей по конкретному вопросу, рассылались в определенную местность (округ) всем местным властям и назывались *окружными*.

2) **Послушные грамоты (с середины XVI в.).** Разновидностью указных являются *послушные грамоты*, которые выдавались при смене землевладельца (например, поместье было пожаловано новому дворянину). В грамоте говорилось о необходимости подчинения новому землевладельцу, указывалось его имя, оговаривались условия пользования землей. Подобные грамоты могли выдаваться крестьянам, монастырю, местным детям боярским. К послушным были близки *ввозные*, т.е. грамоты на вступление, «въезд» во владение, в свое поместье.

5. Распорядительный вид.

Указные грамоты в адрес территорий и (или) групп населения. Распоряжения в *указных грамотах* данного вида отдавались в адрес конкретных территорий, указывались ответственные за их исполнение должностные лица.

6. Судебно-процессуальный вид.

Судные списки, докладные судные списки, правые грамоты (с XV в.). Деятельность судов имела документальное оформление в нескольких видах грамот. Запись всех обстоятельств дела, с изложением иска, ответа ответчика, речей тяжущихся сторон (протокол) и описанием судебного процесса называлась *судным списком*. Если он готовился для передачи в суд более высокой инстанции (например, суд боярина или дворецкого, или великокняжеский суд), то для этого более высокого суда дополнительно делался *доклад*, излагавший суть дела, с дополнением в виде судного списка, называемого *докладным судным списком*. Решение суда (вместе с обстоятельствами дела) излагалось в *правой грамоте*.

Во второй половине XVI—XVII вв. формы судебно-юридических документов стали более разнообразными. Появились *допросы* (отдельные записи допросов), *распросные речи* (протоколы допросов), *досмотры* (протоколы описания вещественных доказательств), *изветы* (доносы) и т.д. Одним из первых видов официальных заявлений от частных лиц были *явочные челобитные*, содержавшие заявления конкретных лиц по поводу различных эпизодов судебных дел.

7. Исполнительно-регистрационный вид.

Разъезжие (межевые) грамоты (с XV в.). С помощью *разъезжих*, или *межевых*, *деловых* (от слова «делить»), *грамот* устанавливались границы земельных владений при их разделе при наследовании, разделе, необходимости уточнения границ владений землевладельцев. В зависимости от того, выдавалась разъезжая органами власти или это был частный акт, фиксировавший условия соглашения сторон (частных лиц), такая грамота могла быть публично-правовой или частноправовой. Разновидностями разъезжих грамот были *разъезжие мировые (полюбовные) грамоты* (фиксирующие соглашение), *разъезжие докладные* (сообщавшие о достигнутом соглашении) и т.д.

В грамоте указывались участники сделки, ее условия, границы земель, условия землепользования и т.д. В конце записывались свидетели и люди, проводившие раздел.

8. Регистрационно-учетный вид.

Сотные (с конца XV в.). С конца XV в. создаются описания земель (кадастры) — *писцовые книги*. Такие описания составляли целенаправленно посылаемые чиновники — писцы, которые в специальных книгах помещали описания населенных пунктов, сельскохозяйственных угодий с указанием их размеров, видов угодий, населения и их владельцев. Однако писцовые книги были большими по объему и неудобными для использования индивидуальными землевладельцами, которым поэтому давались выписи из писцовых книг, описывавших владения отдельных феодалов. Эти выписи назывались *сотными грамотами*.

В сотной указывались писцовая книга, из которой сделана выпись, фамилии писцов, составлявших книгу, описания земли, угодья, населенных пунктов, их населения и владельцев. В конце фиксировалось, кто составлял и подписал грамоту.

9. Удостоверительный и договорно-удостоверительный виды.

1) **Опасные грамоты.** Проведение переговоров, поездки порученцев из одного пункта в другой в Средневековье и Новое время были сопряжены с разными проблемами и даже угрозой гибели из-за произвола власть предержащих. Чтобы обеспечить безопасность послов, им выдавались *опасные грамоты*, в которых гарантировался свободный проезд в оговоренный срок по определенному маршруту и неприкосновенность посла и его спутников. К опасным близки *пропускные грамоты* купцам и перевозчикам грузов и собранных налогов.

2) **Верительные («верющие») грамоты.** Послы, а также чиновники, прибывающие в другой пункт с поручениями, должны были предъявить документ, удостоверяющий их полномочия и подтверждающий, что предъявитель грамоты имеет право говорить и вести переговоры от имени лица, его пославшего. Такой документ назывался *верительной (верющей) грамотой*. В верующей грамоте указывалось, кто посылает чиновника с поручением, имя посланца, и коротко описывалась его миссия.

3) **Паспорта.** Еще Соборное уложение 1649 г. ограничивало не только передвижение по стране крестьян (закрепляя их за помещиками), но и горожан (фактически прикрепляя их к посадам, чтобы они не уходили из системы городских государственных налогов — тягла). Если человек хотел уехать, он должен был получить у воеводы *проезжую* или *подорожную грамоту*, иначе его перемещение было незаконным. Необходимость в ограничениях передвижения населения усугубилась в начале XVIII в., когда были введены подушная подать и рекрутская повинность. В 1714 и 1719 гг. специальными указами Петра I вводилось правило, согласно которому все передвижения внутри страны могли быть только для обладателей проезжих грамот. С 1724 г. появились *покормежные* письма, которые выдавались крестьянам, уехавшим из сел на заработки в пределах своих уездов, помещикам и приказчикам. Также вводились *пропускные письма* для лиц, переезжавших в другой уезд. Поскольку фотографий еще не было, в этих документах словесно описывались лицо и приметы человека. Военнослужащим, временно отпущенным со службы, выдавались *письменные отпуска*, а уволенным со службы — *абшиды*. Первые упоминания о подобных документах как о *паспортах* относятся к 1710 г.

С 1803 г. вместо прокормежных и пропускных писем для купцов, мещан и крестьян были установлены *печатные паспорта*, действительные только в России. С 1832 г. действия паспортов регламентировались Уставом о паспортных и беглых.

4) **Справки.** Необходимость составления в различных ведомствах справок возникла в XVI—XVII вв. по мере накопления в бюрократических учреждениях информации, необходимой для решения того или иного вопроса. Это касалось прежде всего трех ведомств: 1) дипломатического (Посольский приказ), в котором составлялись справки о некогда бывших договорах и переговорах, осуществлялось ведение службы служилых людей (Разряд); 2) разряда, в котором осуществлялось ведение службы служилых людей, когда для местнических дел и доказательства прав на поместье нужно было предъявить сведения о бывших службах; 3) Поместного при-

каза, в котором можно было получить справку об истории землевладения тем или иным селом и т.д. Позже появляются справки о сборе налогов, штрафов, жаловании и т.д.

В справках обычно указывались запрашиваемые сведения и откуда они взяты (старые грамоты, свидетели, записи в книгах и т.д.).

Б. Акты церковных властей.

1. Договорно-законодательный вид.

1) Уставные грамоты (с конца XIV в.). Во владении церковных организаций (митрополичьих и епархиальных домов, монастырей, крупных церковных приходов) с XIV в. сосредоточилось большое количество земель. На них было необходимо устанавливать правила управления и осуществления правовых норм. Для этого от имени церковных землевладельцев выдавались *уставные грамоты*, выполнявшие ту же функцию, что и обычные уставные грамоты. Данные грамоты определяли порядок местного управления и суда. Их структура была аналогичной светским уставным грамотам.

2) Жалованные грамоты (с XV в.). *Жалованные грамоты*, выдаваемые церковными властями и крупными землевладельцами, имели те же разновидности и структуру, что и светские уставные грамоты. Разница заключалась только в том, кто выдавал грамоту.

3) Благословенные и ставленные грамоты (с XV в.). *Благословенные грамоты* выдавались церковной властью в случаях, когда на ту или иную акцию (деяние) требовалось благословение вышестоящего церковного лица. Часто это было связано со строительством или украшением новых церквей, основанием монастырей, учреждением приходов, выдачей жалования, передачей святынь, выполнением церковных миссий (в том числе иностранных) и т.д. В случае поставления священников и других церковных лиц на должности грамота называлась *ставленной*.

4) Храмовданные грамоты. *Храмовданными* назывались грамоты, в которых давалось благословение на основание и постройку новой церкви, описывались ее вид и структура. Грамоты обычно выдавались региональными церковными властями.

5) Соборные приговоры. *Приговоры* церковных соборов являлись коллективным решением церковных иерархов по важнейшим вопросам церковного устройства, церковной собственности на землю, каноническим вопросам. Решения церковных соборов рассылались в епархии в виде *наказных грамот*.

2. Договорно-распорядительный вид.

Грамоты и послания о соблюдении интересов реального контрагента (с XV в.). К данному виду документов относятся разного рода распоряжения, близкие к указным, но посвященные более мелким отдельным вопросам, адресованным конкретным лицам: *срочные* (об исполнении того или иного распоряжения власти в срок), *выборные* (об организации и проведении выборов различных должностных лиц), разного рода *вытисы* из распоряжений властей, *приговоры* должностных лиц по частному решению отдельных вопросов. Сюда также могут быть отнесены дела, связанные с местничеством, например, *невместные грамоты*, в которых распоряже-

нием верховной инстанции решались местнические споры (когда служилый человек считал, что его назначение на ту или иную должность не соответствует положению его рода, ниже служебных мест, которые получали его предки).

3. Распорядительно-агитационный вид.

1) **Послания иерархов.** Практика *посланий иерархов* пастве и другим церковным деятелям распространилась еще в первые века развития христианства, и в Средневековье получила свое развитие. Эти послания представляли собой сложное смешение жанров. В них были элементы церковной проповеди, особенно если они касались вопросов веры (миссионерство, борьба с ересью и т.д.). Послания также содержали агитационные призывы, элементы полемики и идеологической борьбы (например, в период раскола православного мира Московской Руси и Великого княжества Литовского и Русского в XIV—XV вв.). В то же время они могли содержать призывы к конкретным действиям, распоряжения по отдельным вопросам. Данные послания могли адресоваться как конкретным лицам, так и «православным христианам» вообще, причем даже персональная адресация предполагала распространение их содержания и некоторую публичность (в той мере, в которой она вообще была возможна в средневековую эпоху рукописей, а не печатной литературы).

Таким образом, послания иерархов представляют собой сложное смешение жанров от памятников эпистолографии, проповеди, полемики и публицистики до актов материала. Поскольку эти послания имели определенный формуляр, следует упомянуть их при разборе видов актов.

2) **Богомольные грамоты.** По случаю различных крупных событий (главным образом внешнеполитических) великие князья или церковные иерархи обращались к другим церковным иерархам или в монастыри за благословением, с просьбой молить Бога о победе и т.д.

II. Публично-частные акты

Договорный вид.

1) **Поручные по боярам (с 1470-х гг.).** С образованием единого Русского государства в конце XV в. центральная власть стала брать с представителей знати присягу на верность, которая сопровождалась составлением *поручной грамоты*. В данном документе другие аристократы, князья и бояре, ругались, что лицо, фигурирующее в грамоте, не совершит измены, не отъедет за границу и будет служить верно и «безо всякие хитрости». Бояре ругались как своим положением, так и залогом крупных денежных сумм. Особенное распространение такая практика получила при Иване IV Грозном.

С XVI в. выдача поручных грамот распространилась на другие, более мелкие должности. Поручные грамоты стали важным способом оформления круговой поруки должностных лиц, связывая их взаимными обязательствами и заставляя следить за взаимным соблюдением должностных обязанностей. Практика поручительства распространилась на судебные и уголовные дела.

В тексте поручных указывалось лицо, за которого ругались, предмет поручительства, имена поручителей, чем они ругаются (будет над ними

«государь в своей воле», или денежным залогом, или чем-то еще), санкции за нарушение поруки, свидетели составления поручной записи.

2) Крестоцеловальные записи должностных лиц (с XVI в.). Процедуры присяги при вступлении на должность предполагали принесение клятвы с целованием креста, т.е. клятвы Иисусом Христом, муками Спасителя и Небесами (возможностью спасти свою душу). Нарушение клятвы на кресте приравнивалось к греху Иуды. Такая присяга была обязательна для многих должностных лиц (возник даже специальный термин «целовальники»). Само крестоцелование сопровождало составление крестоцеловальной записи, в которой оговаривалось, кто должен принести клятву, условия клятвы и санкции за ее нарушение.

3) Поручные по крестьянам-новопосадчикам (с XVII в.). С развитием отношений крепостного права и увеличением числа владельческих крестьян более разнообразными становились формы использования крестьянского труда. Одной из них была передача владельцем своих крестьян во временное использование другому землевладельцу. При этом владелец крестьян выдавал *поручную грамоту*, в которой называл имена крестьян, которые отданы в работу, виды работ или повинностей, которые они обязуются нести, санкции против поручителя, если крестьяне не выполняют обязательств. В конце указывались свидетели сделки.

4) Рядные и откупные. *Рядными грамотами* назывались договоры между сторонами о каких-то условиях сделки, исполнения работ, разграничении интересов. В случае, если предметом сделки была передача прав на ту или иную сферу занятий (промысел) за отчисления за это право части полученных доходов, такая грамота называлась *откупной*.

9.3. Частноправовые акты

☞ *Частноправовыми актами* называются документы, фиксирующие условия разного рода договоров и сделок между частными лицами.

Классификация частно-правовых актов

(по С. М. Каштанову, адаптированный вариант):

1. Договорной вид:

1) акты на землю (с XII в.):

- а) данные (вкладные);
- б) купчие (продажные, отступные, очищальные);
- в) меновные;
- г) закладные;
- д) полюбовные, разъезжие (частные), мировые;

2) акты на разнородные объекты — недвижимое и движимое имущество, деньги и т.д. (с XIII в.):

- а) духовные;
- б) брачные контракты (рядные, сговорные и т.д.);
- в) дарственные;

- 3) акты на холопов (с XV в.):
  - а) полные;
  - б) докладные;
  - в) служилые кабалы;
  - г) данные, купчие;
  - д) отпускные.
- 4) денежные акты (с XVI в.): заемные;
- 5) акты крестьянского порядка (с XVI в.):
  - а) порядные;
  - б) оброчные;
  - в) ссудные.
- 6) акты на крестьян (с XVI в.):
  - а) поступные;
  - б) купчие;
  - в) отпускные, погонные;
- 7) акты трудового найма (с XVII в.):
  - а) жилые;
  - б) контракты, договоры.
- 8) акты имущественного найма (с XVIII в.): кортомные;
- 9) аренды на совместное предпринимательство (с XVII в.): складные.
2. Распорядительно-договорной вид (с конца XV в.):
  - 1) льготные крестьянам;
  - 2) уставные селам.

1. Договорной вид.

1) Акты на землю (с XII в.).

А) Данные (вкладные). Частными *данными (вкладными) актами* назывались документы, исходившие не от представителей власти и должностных лиц, а от частных лиц о вкладе в монастырь их имущества, передаче последнего церкви или какому-то лицу на безвозмездной основе. В них называлось лицо-даритель, адресат дарения, описывалось передаваемое имущество, цель передачи (например, вклад «по душе», на поминание после смерти) и указывались свидетели сделки.

Б) Купчие (продажные, отступные, очищальные). Сделки купли-продажи земли оформлялись с помощью *купчих и продажных грамот* (иногда при сложных сделках использовался термин *отступная грамота*). В них указывались участники сделки, описывался предмет сделки, условия купли-продажи (возмездной передачи), указывались свидетели сделки. Купчие грамоты нередко сопровождалась *очищальными записями*, в которых владелец гарантировал, что земля не заложена, не завещана по духовной в монастырь, не продана другим покупателям и т.д. Если же кто-то предъявлял претензии (выкладывал на эту же землю закладную, духовную или купчую грамоту), то владельцы должны были землю «очищать», т.е. аннулировать эти претензии (выплатить залог, аннулировать купчую и т.д.), поэтому грамота, в которой лицом брались на себя эти обязательства, называлась *очищальной*. В *отводных записях* описывались земельные владения, подлежащие передаче для каких-то нужд.

В) Меновые. Поземельные сделки совершались не только с использованием денег или иных форм материального вознаграждения, но и самым простым путем — через обмен земельных угодий. При существовавшей чересполосице, порожденной получением угодий и земельных пожалований в разных районах в разное время, это был путь к консолидации своих земельных владений. Структура *меновной* та же, что и купчей, только в условиях сделки указывались условия обмена.

Г) Закладные. Земля, как и любое другое имущество, могла отдаваться в залог. Сделка оформлялась с помощью *закладных грамот*. В них указывались лица, сдавшие имущество в залог, лицо, принявшее залог, условия залога, условие возврата залога, свидетели сделки.

Д) Полюбовные, разъезжие (частные), мировые. Земельные сделки между родственниками и соседями могли осуществляться по добровольному соглашению, когда стороны договаривались о разделе имущества на взаимно оговоренных условиях. Оформление грамот аналогично предыдущим.

2) Акты на разнородные объекты — недвижимое и движимое имущество, деньги и т.д. (с XIII в.).

А) Духовные. *Духовные грамоты* (завещания) были распространенной формой документов, оформлявших передвижение имущества наследникам. Структура частных духовных была менее устойчивой, чем вышеописанных великокняжеских. В общих чертах их формуляр включал имя завещателя, описание предметов завещания, наследников, условий наследования. Духовная подтверждалась свидетелями.

Б) Брачные контракты (рядные, сговорные и т.д.). Заключение брака, равно как и оформление различных родственных отношений, в Средневековье было связано прежде всего с материальными отношениями, поэтому вопросы о приданом, о полюбовном разделе имущества между родственниками всегда стоял остро. Для их оформления рано возникли различные грамоты, которые назывались *рядными* (поскольку налицо был договор, ряд), *сговорными* (от слова «сговор»), поскольку браку обычно предшествовали переговоры, сговор семей, в котором оговаривались прежде всего имущественные права и т.д.

В) Дарственные. В *дарственных грамотах* оформлялось дарение, «некоммерческая» безвозмездная передача во владение того или иного имущества.

3) Акты на холопов (с XV в.).

А) Полные. Развитие холопства с XV в. вызвало появление целого комплекса грамот, с помощью которых оформлялось похолопление, выход из холопства и т.д. *Полной* называлась грамота о продаже в холопство. Зависимость полных, т.е. бесправных и полностью зависимых холопов, не прекращалась даже после смерти господина (если холопов специально не отпускали по духовной); они передавались, как вещь, по наследству.

Б) Докладные. Поскольку за процессом продаж в холопство надзирило государство и взимало за это пошлины, сведения о каждой сделке докладывались через чиновников посредством *докладной*. Часто грамота была одновременно и полной, и докладной.

Формуляр полной докладной содержал имя покупателя и продающегося в полное холопство, размер денежного вознаграждения за продажу в холопство, указание на взимаемые пошлины за совершение сделки, имена послухов, имя писца и дату заключения сделки.

В) Служилые кабалы. С конца XV в. возникает кабальное холопство, когда заемщик, не способный отдать долг, личной службой на кредитора погашал проценты за заем. Формально, в отличие от полного холопства, из кабалы можно было выкупиться, но на практике такие случаи были редки. К тому же сами холопы не очень стремились на свободу: они не платили подати, находились на содержании у хозяев, и это многих устраивало.

Г) Данные, купчие. Холопов могли продавать и передавать на разных условиях, как другое имущество. Оформление *данных* и *купчих грамот* на холопов в целом аналогично стандартным данным и купчим.

Д) Отпускные. Владелец холопа мог отпустить его на волю и был обязан оформить этот отпуск специальной грамотой, называвшейся *отпускной*.

4) Денежные акты (с XVI в.).

Заемные. *Заемными* (заемными кабалами) назывались грамоты, которыми оформлялся денежный заем. В них указывался заемщик, заимодавец, размер и условия займа, санкции за нарушение условий, свидетели сделки.

5) Акты крестьянского порядка (с XVI в.).

А) Порядные. *Порядные* — грамоты крестьян, обязывающих выполнять определенные виды работ, как правило, на каком-то участке. Обычный формуляр порядных содержал следующие составные элементы: 1) кто и кому поряжается; 2) название эксплуатируемого участка; 3) время, на которое заключается порядная; 4) ссуда и подмога; 5) условия эксплуатации участка; 6) льготы крестьянину; 7) подати и сборы; 8) обязательства крестьянина по отношению к монастырю; 9) неустойка в случае невыполнения условий порядка или преждевременного ухода порядчика; 10) условия выхода; 11) удостоверительная часть.

Б) Оброчные. *Оброчная грамота* оформляла срочную аренду земли или угодий за выплату с этой территории оброка. Формуляр ее сходен с порядными грамотами.

В) Ссудные. Получение крестьянами ссуды инвентарем или деньгами сопровождалось оформлением *ссудной грамоты*.

6) Акты на крестьян (с XVI в.).

А) Поступные. *Поступные грамоты* в целом сходны с заемными, главное отличие в следующем: поступавшие своим имуществом за какие-то ответные материальные выплаты или услуги не предполагали возвращать (выкупать) свое имущество обратно. Например, владельцы уходили в монастырь и «поступались» своим землевладением для получения «подъемных» денег или отдавали свое имущество за прощение долга и т.д. Грамота имела стандартный формуляр: наименование участников сделки, условие сделки, описание имущества, которым поступаются, свидетели сделки.

Б) Купчие. Лично свободное государственное (черносошное) крестьянство в XVI—XVII вв. могло, как и дворянство, владеть землями и совершать с ними сделки: дарить, продавать, наследовать и т.д. Сделки оформля-

лись по тем же схемам, что и у детей боярских, и в области монастырского землевладения.

В) Отпускные, погонные. В связи с введением крепостного права появляется целый комплекс документов, регулирующих отношения крестьян с владельцем. *Погонными* назывались грамоты, которые подавал владелец на сыск, поимку и возврат беглых крестьян. Крестьянин переходящий на каких-то условиях к другому владельцу, получал *отпускную грамоту*, которая обычно формлялась в связи с выходом замуж в другое село.

7) Акты трудового найма (с XVII в.):

А) Жилые. *Жилыми записями* назывались грамоты, оформлявшие временную аренду жилья в обмен на какие-то трудовые обязательства (поступление в ученичество, житье работником до определенного срока, работа сторожем и т.д.). При этом работник не поступал в личную зависимость, т.е. не становился холопом.

Б) Контракты, договоры. Трудовой найм по мере распространения в разных видах стал оформляться специальными грамотами, оговаривающими условия найма и санкции за их нарушение.

8) Акты имущественного найма (с XVIII в.).

Кортомные. *Кортомой* назывались различные виды аренды, слово «кортома» заимствовано из восточных языков. *Кортомные грамоты* в XVII – начале XVIII в. оформляли аренду.

9) Аренды на совместное предпринимательство (с XVII в.).

Складные. *Складными* назывались грамоты, в которых стороны, учредившие совместное дело, объединяли свои капиталы, имущество, инвентарь («складывали»).

2. Распорядительно-договорной вид (с конца XV в.).

1) Льготные крестьянам. *Льготные грамоты крестьянам* обычно касались послабления налоговой зависимости, временного ограничения размеров повинностей или льготных условий промыслов.

2) Уставные селам. *Уставные селам* — грамоты, определявшие локальные юридические нормы в отношении сел (чаще всего касались вопросов налогообложения и судопроизводства в связи с иммунитетными правами владельцев земель).

9.4. Делопроизводство государственных и церковных учреждений XV–XVII веков

☞ *Делопроизводственными документами* называются материалы текущего делопроизводства, образуемые государственными учреждениями и ведущими с ними переписку частными лицами. Такие документы имеют устойчивую, официально признанную, стандартную форму; существует определенная процедура их оформления и организации работы с ними. Делопроизводственные документы делятся на две большие группы: 1) документы, обеспечивающие принятие и реализацию управленческих решений; 2) текущие бумаги, обеспечивающие документооборот, собственно бюрократическую процедуру.

Как исторический источник делопроизводственные документы воспроизводят структуру и способы функционирования государственного аппарата.

Государственный аппарат в России складывался одновременно с возникновением государства, т.е. в конце XV—XVI в. Применительно к средневековой Руси мы еще не можем говорить об аппарате управления в государственном масштабе. Существовало вотчинное и городское управление, но от него дошло немного документов. Это было связано с культурой делопроизводства: текущие материалы просто не хранили за ненадобностью. Никаких архивохранилищ с повседневной документацией княжеские вотчины не знали. В городах, даже имевших развитую систему повседневного делового письма (например, средневековый Новгород), берестяные грамоты тоже выбрасывали. Хранили акты как документы, важные для поземельных и наследственных споров, налогообложения и подтверждения привилегий, а также межгосударственные, межкняжеские договоры. Материалы же текущего делопроизводства уничтожали по мере истечения их срока службы.

Ситуация начала меняться после складывания единого Русского государства и возникновения государственного аппарата управления. Вопрос о времени и этапах формирования последнего продолжает оставаться дискуссионным. От XV—XVI вв. не дошло свидетельств, что в каком-то году по государеву указу основан такой-то приказ. Основная проблема здесь в том, что принципы делопроизводственной документации, практически неизменные на протяжении XV—XVII вв., сформировались в конце XV — начале XVI в., т.е., по идее, раз есть документация, раз есть слой людей, которые профессионально занимаются делопроизводством (дьяки и подьячие), то должны быть и учреждения, где эти люди работают и производят данную документацию. С конца XV в. нам известны такие учреждения, как дворцы, которые ведали великокняжеским хозяйством (центральным — Большой дворец) и государевыми землями в регионах (территориальные дворцы, в частности, Тверской, Новгородский и т.д.) и которыми управляли дворецкие. Финансовыми делами ведала Казна во главе с казначеем. Совещательным органом при царе была Боярская дума, но до нас от этого периода не дошло никаких памятников ее текущего делопроизводства. Нет никаких свидетельств, подтверждающих применительно к концу XV — началу XVI в. существование органов отраслевого управления — приказов.

Большинство ученых считают, что первые специализированные отраслевые управленческие учреждения — дьячьи избы — появились в 1530—1540-х гг. Первое упоминание избы относится к 1548 г. С 1557 г. в разрядных книгах учащаются упоминания о боярских приказах, т.е. о прикреплении к боярину группы лиц, которым он отдавал распоряжения. Первые сведения о приказах как специализированных отраслевых учреждениях относятся лишь к 1569—1571 гг. В 1571 г. упоминается Разбойный приказ, в 1573 — Дворцовый, Постельный, Бронный, Конюшенный, в 1574 — Ямской, в 1576 — Посольский, в 1585 г. — Казенный. Суть превращения изб в приказы была в том, что первые возникали как чисто

канцелярский орган, и их работники (дьяки) могли одновременно служить в разных ведомствах. Приказы — это те же избы, но на следующей ступени развития, с более четко очерченными полномочиями, выросшими прерогативами и большей специализацией дьяческого аппарата.

В 1626 г. страшный пожар уничтожил практически все архивы московских приказов, поэтому все делопроизводственные материалы, которые дошли до нас от более раннего времени, — это случайно уцелевшие бессистемные отрывки огромного массива делопроизводственных бумаг, который навсегда утрачен. Документы центральных архивов XVI—XVII вв. хранятся в основном в РГАДА, а многих приказов — рассеяны по разным фондам в виде фондовых включений, что показывает сложный путь сохранения документов до нашего времени.

Процедура делопроизводства имела свои особенности применительно к разным ситуациям, но в общих чертах ее можно описать следующим образом. Делопроизводство надо было возбудить, для чего существовали разные варианты: выход государева указа (закона), исполнение текущих распоряжений властей, выполнение определенного социального сценария (сыск беглых, наем на службу и т.д.), обращение частного лица по тому или иному поводу в государственное учреждение и т.д. Каждое из этих действий предполагало запуск реализации специального бюрократического сценария, развития делопроизводства по известной, отлаженной схеме. Начинали создаваться документы, которые продвигались по инстанциям. Основными разновидностями документов текущего делопроизводства были следующие:

- *указы* — распоряжения инстанций власти по разным вопросам;
- *доклады* — сообщения, подготовленные чиновниками о состоянии той или иной проблемы (задачи) и способах ее решения;
- *памяти* — краткие выписки из более обширного документа, содержащие указания по мерам и действиям, которые необходимо предпринять должностному лицу, которому адресована память;
- *ответы* — ответы чиновников и инстанций на тот или иной запрос со стороны других чиновников и инстанций;
- *инструкции (наказы, наказные грамоты)* — распоряжения чиновников и инстанций, содержащие перечень планируемых действий, примерные сценарии того, как исполняющему распоряжение властей надлежит действовать в той или иной ситуации;
- *обыски* — сбор чиновниками и инстанциями сведений по тому или иному вопросу по запросу вышестоящих органов власти;
- *выписи (справки)* — разного рода справочные выписки из более крупных документов, необходимые для текущего делопроизводства;
- *рописи (списки)* — разного рода списки (в том числе именные, росписные, сметные списки, описи) различных категорий населения, материальных объектов и другого, необходимые для текущего делопроизводства;
- *десятни* — списки служилых людей по отчеству, делившиеся на *разборные* — описание по итогам смотра служилых людей, их оружия, снаряжения, наличия коней, боевых холопов и т.д. (т.е. степени боеготовности); *раздаточные* — определение денежного или земельного оклада («помест-

ного и денежного верстанья»); *верстальные* — учет новобранцев («нови-ков») с их первым назначением на службу и определением их оклада; *сыскные* — списки «нетчиков», т.е. дезертиров и неявившихся на смотр или службу (находившихся «в нетях», т.е. «в отсутствии»); десяти были главным документом учета мобилизационных возможностей провинциального (городового) дворянства;

— *ведомости* — различные списки с указанием окладов (*окладные*), размеров налогообложения, сборов и т.д.;

— *сказки* — записанные сообщения служилых людей с информацией об их службе, семейном и материальном положении с запросом о тех или иных нуждах;

— *челобитные* — обращения населения в вышестоящие инстанции с различными просьбами; были индивидуальными и коллективными;

— *поручные* — записи с поручительством за других по тем или иным вопросам и в различной форме.

Комплексы текущей документации вместе с постановлениями о принятии решений составляли дела, посвященные решению конкретных вопросов (об отпуске денег, сборе денег, служебных назначениях, организации боевых действий, строительстве, состоянии делопроизводства и т.д.). Все эти вопросы перечислить нереально, но можно выделить некоторые типические группы дел, например:

— *местнические дела* — дела о соперничестве служилых родов по поводу места их представителей в служилой иерархии;

— *розыскные дела* — комплексы документов по исполнению поручений властей в розыске какой-либо информации, людей, материальных ресурсов и т.д.;

— *судебные дела* — документы по судопроизводству (приказы были также судебной инстанцией).

В XVI—XVII вв. получают распространение близкие к указным грамотам по целям и характеру делопроизводственные документы распорядительного вида — *наказы* и *памяти*. *Наказами*, *наказными памятями* назывались инструкции, которыми регулировалась деятельность должностных лиц. В этих документах называлось должностное лицо, его должность, подробно расписывались полномочия и задачи, способы их решения (как правило, с вариантами этих решений). Наказные памяти, как правило, выдавались должностным лицам, чья служба была связана с отъездом, выездом на далекое расстояние, когда было невозможно срочно запросить инструкции у центра.

К делопроизводственным документам, связанным с указными и наказными грамотами, относятся *доклады* (*докладные выписи*). *Докладом* назывались многие документы по виду их подачи, когда условия предъявления документа предполагали его оформление (представление, передачу) в виде доклада вышестоящему лицу или инстанции. В виде доклада оформлялись обращения чиновников по инстанциям, частных лиц в вышестоящие инстанции, предложения чиновников по решению того или иного вопроса. По итогам работы над докладом и принимался указ, приговор, наказ и т.д. В ст. 98 Судебника 1550 г. устанавливался порядок принятия новых зако-

нов и значимых постановлений властей: с «государева доклада и всех бояр приговору». Доклад оказывался необходимым элементом принятия практически всех постановлений, наказов, приказов, указов государственных учреждений.

В качестве ответа на распоряжение свыше в XVI—XVII вв. давалась *отпись*, т.е. сообщение должностных лиц о свершившемся событии или о реализации наказов (инструкций). В ней указывались должностные лица, инстанция, в которую адресовалась отпись, излагалась суть дела, поставленная задача, по какому указу (наказу) она ставилась и результаты ее реализации.

Деловая документация XV—XVII вв. оформлялась в виде столбцов. Большие документы состояли из нескольких листов с дьячьими скрепами (подписями) на склейках. Документы хранились либо в коробах (в виде столбцов), либо переписывались в тетради и книги.

Книги были двух видов. Прежде всего, это *конволюты* — сборники делопроизводственных документов, отобранных и обработанных определенным образом. Они представляли чисто техническое соединение документов под одной обложкой в виде книги. Большой интерес представляют собой *регистрационные книги*, в которых отражалось текущее делопроизводство, фиксировался факт выдачи тех или иных документов или факт фиксирования тех или иных действий, актов, распоряжений и т.д. Существовало множество разновидностей таких книг, среди которых основными были следующие:

- *затисные*, отражавшие текущую деятельность того или иного учреждения, фиксировавшие выданные документы, сделанные распоряжения и т.д.;

- *приходные (приходно-расходные)*, фиксировавшие приход и расход денежных и материальных средств;

- *переписные, описные, писцовые*, описывавшие объекты (землю, города, крепости, население и т.д.) для получения представления об их состоянии; сведения таких книг использовались в основном для налогообложения (☞ 9.5);

- *дозорные* — книги (описания земель и населенных пунктов), составленные для проверки («дозора») соответствия между размером налогообложения и платежеспособностью населения; обычно «дозоры» проводились после нападения врагов, разорения, пожаров и т.д.; массовые дозорные описания существовали после Смуты; по дозорным книгам городам и местностям предоставлялась налоговая льгота (☞ 9.5);

- *приправочные* — рабочие материалы, списки и копии документов предыдущих описаний (писцовых, дозорных, оброчных и других книг), использовавшиеся для сверки сведений при новых описаниях (☞ 9.5);

- *оброчные* — книги записей размеров налогообложения податного населения, преимущественно сельского;

- *дошмочные* — книги учета налоговых недоимок с населения, которые необходимо взыскать;

- *окладные* — книги регистрации размеров жалования служилых людей (оклада) или распределения налогов и т.п.;

— *раздаточные жалованья (кормовых денег)* — книги выплат жалования служилым людям;

— *отказные* — книги о пожаловании («отказе») земель служилым людям;

— *окладные церковные* — книги учета выплат, взимающихся с церковных приходов на общие нужды церковной иерархии;

— *межевые* — книги описания земель с указанием границ владений и угодий;

— *таможенные* — книги учета таможенных пошлин;

— *крестоприводные* — книги, поименно фиксировавшие лиц, приведенных к присяге (клятве) на кресте;

— *боярские книги* — именные списки служилых людей высших категорий (бояр, окольных, думных дворян, думных дьяков, стольников, стряпчих, московских дворян, приказных дьяков, со сведениями о службе, поместных и денежных окладах), составлявшиеся на текущий период;

— *боярские списки* — именные списки думных и московских чинов, составлявшиеся либо ежегодно, либо в связи с особыми обстоятельствами (войной и т.д.), с указанием их окладов и иногда количества крестьянских дворов;

— *жилицкие списки* — то же самое, что и боярские, применительно к жильцам — особой категории служилых людей, младших чинов, обычно набравшихся из провинциального дворянства и мобилизованных «жить» на Москве для исполнения текущих поручений; для городских дворян это был способ начать карьерный рост и со временем перейти в более высокую категорию служилых людей;

— *смотрельные книги и смотренные списки* — текущая документация, именные списки смотров служилых людей;

— *разрядные* — книги росписи служебных назначений на воеводские и командирские должности в войсках, составлявшиеся в Разрядном приказе с 1471 по 1682 г., когда царь Федор Алексеевич для отмены местничества приказал уничтожить разрядные книги, содержащие точные сведения о службах дворян; тем самым была ликвидирована возможность установить детали службы и заводить местнические споры; решение царя сильно ударило по историкам, потому что официальные разряды были сожжены, а дошедшие до нас разрядные книги представляют собой вторичные копии и без источниковедческого анализа не могут использоваться; записи о служилых назначениях за многие годы впервые были объединены в книгу — Государев разряд — в 1556 г., следующие редакции Государева разряда относятся к 1584, 1598 и 1605 гг., т.е., как видно, составлялись при приходе к власти нового государя; в XVII в. разрядные книги меняются и, начиная с 1613 г., составляются ежегодно, а не «по царствиям», это так называемые «подлинники» разрядных книг, составлявшиеся при Михаиле Федоровиче; также составлялись «перечневые» разрядные книги за определенный период (1613—1629, 1629—1646, 1646—1650); содержание разрядных книг было значительно расширено, в них стали включаться исторические описания событий, материалы приемов посольств, сведения о придворной жизни («дворцовые разряды») и т.д.; до нас дошли не оригиналы «служебных»

разрядных книг, а только копии и краткие, сокращенные редакции; многие списки разрядных книг на самом деле являются *частными разрядными книгами* (дворяне копировали официальный текст для доказательства своей службы и местных нужд, но при этом дополняли и редактировали его в своих интересах, для возвышения своего рода), поэтому в списках разрядов мы нередко наблюдаем путаницу и противоречия; тем не менее это главный и ценный источник по истории русской армии, служилого сословия, организации дворянской службы, генеалогии дворянских родов, также содержащий немало исторических подробностей по конкретным сюжетам;

— *записные книги походов* — разряды крупных военных мероприятий, содержащие, помимо росписи войска, историческое описание событий; оформлялись в виде отдельных книг; за XVI в. крупнейшими являются Книга Полоцкого похода 1563 г. и Книга государева похода в Ливонию в 1577 г.;

— *сторожевые сторожевой и станичной службы* появились после 1571 г., когда на Юге страны (Поле) были созданы системы сторожевой и станичной (пограничной) службы; содержали росписи пунктов, где полагалось организовывать сторожи, и маршрутов, которыми отряды служилых людей должны были ездить при охране рубежа;

— *строевые* — книги, содержащие сведения о постройке новых городов или починке укреплений старых; в них включались данные о произведенных работах, задействованных людях, рабочей силе, потраченных средствах и т.д.;

— *мерные книги расстояний* (с росписью засек и поселков) — росписи путей и дорог с указанием контрольных пунктов.

☞ Делопроизводственные документы представляют собой ценнейший и основной источник по социально-экономической и политической истории России XV—XVII вв. Они необходимы также для изучения истории государства и права, истории государственного аппарата, истории ментальностей, быта и нравов, военной истории, истории архитектуры и т.д. От нарратива эти документы выгодно отличает неподвзятость: они не были адресованы читателям и поздним историкам, а были предназначены для действительного решения конкретных вопросов. В связи с этим сообщаемым в них сведениям, если это не подделка и не сознательное искажение действительности из-за служебной недобросовестности, можно доверять. Степень достоверности данных источников высока, как и возможность верификации (проверки) имеющихся данных.

9.5. Материалы писцового делопроизводства XV—XVII веков

☞ *Кадастры* как описания недвижимости в России появились в конце XV в. Кадастровые источники описывают в основном землю, которая была важнейшим недвижимым имуществом в феодальном обществе, однако описывают ее по-разному. Это связано с характером налогообложения, которое до середины XVII в. было поземельным, а потом до начала XVIII в. — подворным,

а позже — подушным. Иными словами, в ранний период единицей налогообложения был участок земли, потом — двор (в сущности, семья), и, наконец, — персонально налогоплательщик мужского пола.

В период поземельного налогообложения составлялись *писцовые книги*. Мероприятия по описанию земель носили общегосударственный характер, одновременно описывались земли в разных уездах. Первая кампания валового описания земель состоялась в 1480—1490-е гг., когда были описаны недавно присоединенные к Русскому государству земли: территории бывших княжеств Ярославского, Тверского, Белозерского и Новгородской республики. Из этих книг сохранился только неполный комплекс писцовых материалов Новгородской земли — Деревской пятины 1495 г., Обожежской пятины 1496 г. и Вотской пятины 1500 г.

Писцовые книги XVI в. сохранились в выписках и фрагментах, по которым можно определить, что последующие описания земель проходили в 1538—1547, 1550—1580 гг., а также в 1590-е гг. От последнего описания сохранились писцовые книги, описывающие земли центральных районов Русского государства, а также уезды Псковской земли. Писцовые книги конца XVI в. фиксировали местожительство крестьян после указов о «заповедных годах», когда переход от одного владельца к другому был запрещен. Наибольшее количество писцовых описаний дошло от 1626—1628 гг., когда чиновники Поместного приказа описывали состояние земель в стране после Смутного времени.

Следующее мероприятие по описанию земель сопровождалось составлением *переписных книг*, в которых фиксировались не только дворохозяева (как в писцовых книгах), но и все мужское население. Во время следующего валового описания земель в 1676—1678 гг. также составлялись переписные книги. Впрочем, отдельные случаи составления писцовых книг встречаются и в 1680-е гг., и в начале XVIII в.

Фиксируемой в писцовых книгах единицей налогообложения являются *сохи*. Последними измерялась не только пахотная земля, при обработке которой действительно использовалась соха, но и такие промыслы, которые к земледелию отношения не имеют, например, торговля. Термин «соха» со временем стал означать абстрактную единицу обложения прямыми налогами. Такая унификация прослеживается с середины XVI в., когда была проведена реформа сошного письма. Соха включала 800 четвертей «доброй» земли у частного владельца, 600 четвертей церковной земли и 50 четвертей дворцовой или чернососошной (крестьянской) земли. Для «худой» земли ее площадь, исчисляемая одной сохой, соответственно, увеличивалась.

В связи с этим представляет трудность оценка реальной ситуации в каждом конкретном случае, поскольку в писцовых книгах присутствует многообразие терминов для определения состояния пашни: «пашня наездом», «пашня перелогом», «пашня порослая» и др. Для определения трехполья употреблялась формулировка «в одном поле, а в дву потому же», ставшая настолько стандартной, что иногда писцы применяли ее механически и для тех земель, где трехпольное земледелие не практиковалось, а использовали, например, подсеку.

Для налогообложения городского и посадского населения существовало понятие *подворной сохи*, которая включала 40 дворов «лучших» (т.е. зажиточных) людей или 50—60 дворов «средних», или 70—80 дворов «молодых» или 100 дворов «добре бедных» людей. Постепенно такой принцип распространялся и на сельскую местность. Поскольку и в деревнях, и в городах люди разного имущественного положения жили чересполосно (рядом с полноценными развитыми хозяйствами жили так называемые бобыли), это обстоятельство пытались учесть, вводя понятие «живущей» или «дворовой» четверти, которая включала по несколько крестьянских и бобыльских дворов (один крестьянский двор приравнивался к двум бобыльским). Так постепенно осуществлялся переход от поземельного налогообложения к подворному. При очередном валовом описании 1646 г. учитывались дворы с проживавшими в них лицами мужского пола, т.е. составлялись уже не писцовые, а переписные книги. Однако официально переход к подворному налогообложению состоялся после указа от 5 сентября 1679 г., после составления переписных книг 1678 г.

Следует иметь в виду, что переписчиков мало интересовали нетяглые люди, к которым относились представители высших слоев населения. Не учитывают материалы писцового делопроизводства также людей нищих, живущих по чужим дворам и прочих, которые не в состоянии были платить налоги и отбывать повинности.

Принципиальное отличие *писцовых книг* от *переписных* состоит в том, что в первых указывались только владельцы дворов или все живущие во дворе взрослые мужчины. В переписных книгах фиксировались все лица мужского пола. И в писцовых, и в переписных книгах указывались профессии ремесленников, а также промысловые предприятия.

Помимо писцовых книг составлялись и другие документы. Так, в процессе подготовки очередной писцовой или переписной книги составляли *приправочную книгу*, которая, как правило, содержит текст предшествующего описания с присоединением к нему документов, в которых фиксируются изменения, произошедшие на момент настоящего описания (дозорные книги, перечневые росписи и др.). В приправочных книгах нередки и исправления, сделанные к тексту предшествующего описания.

В задачи составителей писцовой книги входило сравнить данные составленной в Поместном приказе приправочной книги с реальным положением дел. Для этого описатели, прибыв на место, собирали показания у местных жителей (помещиков, старост, целовальников и др.) — так называемые сказки. Представлялись и другие документы. После этого составители кадастра объезжали всю описываемую территорию, сравнивая данные имеющихся документов с реальным положением дел. Составленный черновой вариант писцовой книги назывался черным, на его основе составлялся беловик — «белая» книга, которая заверялась подписями-скрепами писцов (т.е. подписью скреплялся каждый лист).

Поскольку валовые описания земель с составлением писцовых и переписных книг проходили один раз в 20 или 30 лет, то в промежутках между этими кампаниями иногда возникала необходимость изменить налоговые выплаты для отдельных территорий. Такая необходимость была вызвана,

например, разорением населения вследствие неурожая или военных действий. В ответ на челобитные местных жителей в Поместный приказ составлялись *дозорные книги*, которые описывали землевладение и землепользование на текущий момент дозора на небольшой территории. Дозорные книги, которых немало составлялось после Смутного времени, отличаются от писцовых книг прежде всего тем, что писцовые составлялись по распоряжению центральной власти, а дозорные — по челобитьям местного населения. Поскольку дозоры иногда проводились без должной подготовки и носят следы поспешности, данные дозорных книг не всегда достоверны.

Из писцовых книг часто делались выписки, касающиеся какого-нибудь погоста, волости или населенного пункта. Такие выписки называются *сотными грамотами* или *сотницами*. Чаще всего они выдавались во время составления писцовых книг по требованию частных землевладельцев или церковных корпораций (например, монастырей) с целью подтверждения их прав на описываемые земли. Сотница представляет самостоятельный интерес в случае утраты писцовой книги, которая послужила ее источником. Таких случаев немало для XVI в., т.е. того времени, от которого собственно писцовых книг дошло мало.

Важное место среди писцовых материалов занимают *платежные книги*, или *платежницы*. Они составлялись на основании писцовых книг в целях фиксации налога для отдельного поместья или населенного пункта. По подробности описания объектов налогообложения писцовые книги заметно уступают платежницам, в которых фиксировались и места торговли (лавки, полки, шалаши и др.), и складские помещения, и другие промысловые заведения (харчевни, кабаки, мельницы и др.). Указывались в платежницах размеры оброка, а также недоимки.

Своеобразным извлечением из текста писцовых являются также *Межевые книги* с присовокуплением дополнительных данных. Они описывают границы владений — *межи*. Межевые книги содержат ценный материал для исторической географии, поскольку в них указываются даже мелкие топонимы, помогавшие правильно определить границы между земельными участками.

Писцовые и переписные книги имеют ценность в том числе для исторической географии, поскольку в них систематически перечисляются и описываются поселения: городские (города, посады, слободы) и сельские (села, деревни, приселки, починки, погосты, слободки). Информация данных книг востребована в исследованиях по социально-экономической истории, полезна при анализе внутренней политики правительства.

9.6. Родословные росписи

Родословные росписи — описания родословных от родоначальника к потомкам. В обществе, где от происхождения зависело место человека в служебной иерархии, такие документы играли значительную роль.

Росписи некоторых княжеских родов известны в рукописных сборниках начиная с конца XV в. Одна из первых княжеских родословных росписей находится в составе предисловных статей Комиссионного списка Новгородской I летописи середины XV в. Она включает только одну линию, московских князей и их предков (с указанием всех сыновей каждого), и доведена до великого князя Василия Дмитриевича.

В летописных и исторических сборниках конца XV — первой половины XVI в. наряду с другими историческими материалами представлены родословия княжеских и отдельных боярских родов. Наиболее ранней является подборка материалов, находящаяся в конце Синодального списка Типографской летописи конца XV в. Там помещены родословные росписи великих князей (от Рюрика до Дмитрия — внука великого князя Ивана III), князей ростовских, тверских, белозерских, смоленских, ярославских и некоторых боярских родов.

В середине XVI в. стали составлять *родословные книги* — сборники родословных росписей княжеских, боярских и отдельных дворянских родов. Они дошли до нас в списках второй половины XVI — XVIII в. По определению Н. П. Лихачева и М. Е. Бычковой, первая родословная книга появилась в 1540-е гг.; это так называемая Летописная редакция родословной книги. Она известна в трех списках XVI—XVII вв., в которых ее текст содержит от 23 до 30 глав, вслед за Рюриковичами в ее составе расписаны боярские роды не княжеского происхождения, а также включено родословие крымских ханов и казанских царей. Так был сформирован костяк всех следующих редакций родословных книг.

В середине XVI в. была составлена официальная редакция родословной книги, получившая название *Государев родословец*. Ее выделил и исследовал Н. П. Лихачев.

Текст *Разрядной редакции родословной книги* присутствует в сборниках по соседству с разрядными записями, поэтому редакция и получила такое наименование. В большинстве списков Разрядной редакции помещены документы разрядно-родословного характера, связанные с тем или иным родом. На полях рукописей встречаются дополнительные заголовки, фамилии упоминающихся в основном тексте лиц и пр. Таким образом, налицо справочный характер Разрядной редакции. Ее списки принадлежали частным лицам — представителям боярских и дворянских родов. Эти люди использовали текст Разрядной редакции для генеалогических справок. М. Е. Бычкова датирует первоначальный вариант этой редакции 1560-ми гг., отмечая более поздний характер отдельных вставок.

Последняя *официальная редакция родословной книги* была составлена в специально созданной для этого в 1680-е гг. *Палате родословных дел*. Причиной создания новой редакции родословной книги стала отмена местничества на Земском соборе 1682 г. Местнические споры было решено заменить универсальным генеалогическим справочником, руководствуясь которым власть производила бы назначения на государственную службу. Для этой цели и учредили Палату родословных дел. Специальным указом (в составе соборного приговора 12 января 1682 г.) представителям дворянских родов предписывалось подавать в Палату свои родословия, которые

предполагалось использовать для составления новых родословных книг. Первая из них должна была представлять собой пополнение прежней родословной книги, т.е. в нее предполагалось вписать новые поколения уже зафиксированных в старом родословце родов. Для «неродословных» дворян, росписи родов которых не были включены в родословные книги XVI—XVII вв., следовало составить еще четыре родословные книги: в первую планировали включить роды, представители которых имели когда-либо думские чины, а также высшие административные должности со времени царствования Ивана Грозного; во вторую — потомков представителей высшей администрации времени царствования Михаила Федоровича; в третью — незнатное городское дворянство; в четвертую — лиц низкого происхождения, записанных в московское дворянство за заслуги отца или свои собственные. Таким образом, Палата родословных дел должна была систематизировать хаотически формировавшееся дворянское сословие.

Частные родословные росписи в Палату стали поступать сразу после мартовского указа, но происходило это неравномерно. В связи с кончиной царя Федора Алексеевича 27 апреля 1682 г. подача росписей прекратилась.

Исследователи полагают, что возобновление деятельности Палаты родословных дел 25 января 1686 г. было связано с утверждением у власти царевны Софьи. Указ от 13 сентября 1686 г. предписывал на основе поданных росписей составить две родословные книги, а не пять, как предполагалось в 1682 г. Первая из них должна была представлять собой пополненный вариант прежней родословной книги, а вторая соответствовала четырем книгам указа 1682 г. Последняя должна была иметь пять разделов: первый раздел — роды имеретинского царя, сибирских и касимовских царевичей, второй, третий, четвертый и пятый разделы соответствовали четырем родословным книгам указа 1682 г. Таким образом, перед чиновниками Палаты родословных дел была поставлена задача пополнить Государев родословец и составить еще одну родословную книгу, но построенную по иным принципам, чем все предыдущие. Материал для этой важной работы имелся. Росписи поступали в Палату до июня 1688 г.

Всего за шесть лет, с 1682 по 1688 г., было прислано около 630 родословий. По наблюдениям исследователей, росписи поступали в основном от представителей столичного дворянства. При их систематизации у чиновников Палаты родословных дел возникали вопросы, которые получили отражение в докладных записках и указах. Таких указов известно два: от 14 ноября 1686 г. о включении родов, восходящих к одному родоначальнику, но занимавших разное положение в социальной иерархии, в разные разделы родословной книги и об обязательной фиксации факта угасания рода — бездетности его представителей и от 8 июня 1687 г. о записи «выезжих», т.е. имеющих иностранное происхождение родов в зависимости от их служебного положения в России и о принципах учета гербов.

Летом 1688 г. составили новую родословную книгу, однако всего одну. Она называлась *Бархатной книгой*, поскольку ее переплет был выполнен из бархата. В предисловии к ней приведены тексты важнейших указов, регламентировавших деятельность Палаты родословных дел, но в целом Бархатная книга представляет собой несколько дополненный Государев

родословец середины XVI в., т.е. она соотносится с первой из родословных книг, упомянутой в указах 1682 и 1686 гг. Вторая родословная книга, по всей видимости, так и не была составлена. По этой причине большая часть поданных в Палату родословных дел росписей оказалась неучтенной в тексте Бархатной книги.

Соответственно, сами росписи представляют немалый интерес как источник по истории русского дворянства. Это обстоятельство было осознано уже в XVIII в. До нашего времени дошли описи родословных росписей, составленные чиновниками Герольдмейстерской канторы в 1733, 1741 и 1744 гг., унаследовавшей функции Разрядного приказа. Эти описи вкупе с перечнем родословных росписей, составленным в 1686 г., привлекаются исследователями при изучении деятельности Палаты родословных дел. Причина повышенного внимания к описям заключается в том, что подлинные росписи сохранились не в полном объеме.

Уже к 1740-м гг. часть росписей была в плохом состоянии, что отражено в описях этого времени. В 1812 г., во время оккупации Москвы армией Наполеона, около половины росписей было уничтожено. В настоящее время сохранилось около 160 подлинных росписей, которые хранятся в архиве Разрядного приказа в РГАДА. А. В. Антоновым составлен справочник родословных росписей конца XVII в., в котором учтены не только те росписи, которые сохранились в подлинниках или позднейших копиях, но и упоминания неизвестных ныне росписей в описях 1686, 1733, 1741 и 1744 гг., а также в делопроизводстве Разрядного приказа конца XVII в.

☞ Родословные росписи являются ценным источником по истории русского дворянства, формированию дворянского сословия, для историко-генеалогических исследований.

9.7. Памятники дипломатической документации XV—XVII веков

☞ В конце XV в. начинается складывание посольской службы Российского государства. Для обеспечения ее функционирования формируются особые виды документации, которые применялись с конца XV до конца XVII в.

Посольская документация возникает в результате деятельности нескольких документообразователей. Прежде всего, это связанные с дипломатической деятельностью государственные учреждения, главный из которых — Посольский приказ — впервые упоминается в 1576 г., хотя возник раньше (в историографии чаще всего называют 1549 г.). Однако дипломатическая деятельность не была сосредоточена исключительно в Посольском приказе. Ею изначально занималась Казна, которая весь XVI в. отвечала за южное (восточное) направление внешней политики, а также специальные комиссии Боярской думы по посольским делам, которые, как правило, имели стабильный состав и специализировались на определенном направлении. Например, в 1550-е — начале 1560-х гг. окольников Алексей Федорович Адашев и дьяк Иван Михайлович Висковатый возглавляли комиссию по отношениям с Западной Европой. Их имена фигурируют практически

на всех переговорах России с Великим княжеством Литовским, Ливонией, Данией и другими странами в эти годы.

Виды посольской документации складывались в соответствии со следующими функциями, которые исполняли дипломатические ведомства.

1. *Наказы приставам* — инструкции о приеме иностранных послов, где и как их встречать, сколько давать корма, как следить за отсутствием контактов послов с местным населением, бороться с возможным шпионажем и т.д.

2. *Наказы о приеме посольства*. Прием каждого посольства сопровождался определенным ритуалом. Послов было положено встречать на пути от подворья, где они находились, до кремлевских палат, где, собственно, и проходили переговоры. Чем больше «встреч» нарядно одетых дворян попадалось дипломатам по дороге («у саней», «у лестницы», «у палаты» и т.д.), тем больший почет оказывался посольству. Послам полагалось дарить подарки и принимать от них подношения, называвшиеся *поминками*. Это были лошади, ловчие птицы, меха, драгоценная посуда и т.д. Все детали таких дарений скрупулезно записывались в наказ. После переговоров послов полагалось торжественно кормить. От того, как будут рассажены гости за столом и насколько высокопоставленные русские бояре и окольные разделят трапезу, также зависел статус посольства и отношение к нему. Дипломатам-неудачникам, провалившим переговоры, могли за обедом подать пустые блюда. Процедура кормления послов также подробно расписывалась в наказе. Отъезд посольства — *отпуск* — сопровождался подарками и наказом приставам, как именно провожать посольство.

3. *Отчет о приеме посольства* — запись в хронологическом порядке всех событий в истории посольства с момента его пересечения русской границы и встречи дворянами воеводы пограничного города (Смоленска, Путивля, Новгорода Великого) до приезда в Москву. Далее описывались приемы посольства русскими дипломатами и самим государем, помещались грамоты, привезенные с послами, ответные грамоты русского государя и краткий пересказ речей послов и дипломатических дебатов между ними, что-то вроде стенограммы переговоров (конечно, неполной и содержательно далекой от стенограмм Новейшего времени). Здесь же размещались проекты соглашений и копии подписанных международных договоров, описывалась процедура их ратификации (присяги на дипломатических соглашениях, крестоцелования).

4. *Опасная грамота* — грамота, в которой разрешался беспрепятственный проезд дипломатов через чужую территорию. Она гарантировала безопасность посольства, отсюда и название.

5. *Верящая грамота* — название верительных грамот, которые вручались послам для подтверждения их полномочий.

6. *Наказы российским послам в другие державы*. Такие указы содержали подробные инструкции, как себя вести в ходе поездки в чужую страну и на переговорах с иностранными дипломатами. Для русских послов был необычайно важен ритуал, и в наказе было подробнейшим образом расписано, перед кем кланяться, перед кем только снять шапку, с кем можно сесть за столом, а с кем будет «поруха чести» и т.д. Отдельно расписыв-

вались разные варианты вопросов, которые могли задать послам, и приводились варианты ответов, которых следовало придерживаться. Наказ содержал и инструкции, как вести переговоры, черновики возможных договоренностей.

7. *Статейный список* — подробный отчет русского посла, вернувшегося из иностранной дипломатической миссии. В нем расписывались этапы «путешествия» посла в другую страну, перечислялись города, которые он посетил, описывался ход переговоров и приводились копии документов. Статейные списки также содержали «вести», собранные за границей.

8. *Дипломатические послания* от имени монархов, церковных лиц, реже — высокопоставленных чиновников. Переговоры часто сопровождались перепиской правителей, в которой излагались главные принципы и подходы к той или иной возникшей проблеме, объявлялись войны, излагались условия заключения перемирия и т.д.

9. *Международные договоры (соглашения)*, составлявшиеся в двух экземплярах. Существовала определенная процедура принятия соглашений — присяга монарха на грамоте, содержащей договор. Она сопровождалась принесением клятвы («шерти») для нехристианских стран и крестоцелованием для монархов-христиан. Международная правовая культура, особенно в XVI в., еще не была в достаточной степени развита. Нередко грамоты содержали *разные* тексты одного и того же договора. Например, Великое княжество Литовское отказывалось признавать царский титул русских государей: в русском варианте они писались «царями», а в литовском — только «великими князьями». В связи с этим было важно, на какой именно грамоте присягает монарх, какая при присяге оказывается сверху и т.д. Нередко договор подтверждала только одна сторона, тогда он вообще не вступал в силу.

Все эти виды документов дошли до нас в разном оформлении: в *столбцах, тетрадах* и *посольских книгах*.

☞ Оригинальная посольская документация представлена в виде *столбцов*. Столбцы непосредственно использовались в дипломатической работе. Потом важнейшие из них переписывались в *тетради*, и уже на основе последних позже составлялись *посольские книги*.

Посольская книга — это конволют, сборник копий документов об отношениях с тем или иным дипломатическим партнером, подобранных в хронологическом порядке.

Важно подчеркнуть, что посольские книги — это не подлинные дипломатические документы, а их копии. Обычно они составлялись спустя несколько лет после произошедших событий, и потом использовались Посольским приказом для справок по различным вопросам. Напрашивается вопрос о том, насколько адекватно текст этих копий отражает оригинальные посольские документы и не происходила ли их фильтрация, искажение текста при переписывании в книги.

Исследование историка Н. М. Рогожина показывает, что редактура была. Ее степень и масштабы в наши дни установить сложно, но в тех слу-

чаях, когда до нас дошли оригинальные документы посольств и их можно сравнить с текстом посольской книги, мы видим, что часть документов просто не попадала в посольскую книгу, часть воспроизводилась адекватно, а некоторые редактировались в зависимости от конъюнктуры.

Посольские книги и столбцы хранятся в основном в РГАДА. Отдельные копии и их фрагменты есть в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге и в других хранилищах. Степень сохранности документов по разным странам различна. Главным источником для нас все же являются посольские книги, потому что по многим странам они сохранились на более-менее длительном временном промежутке и позволяют воссоздать картину международных отношений. Столбцы сохранились очень фрагментарно и далеко не по всем периодам.

Подавляющее большинство посольских книг не опубликовано. Лишь незначительное количество было издано в XIX—XX вв. в сериях «Памятники дипломатических сношений», «Сборник Императорского Русского исторического общества», «Памятники истории Восточной Европы».

Памятники дипломатической документации являются историческим источником по истории внешней политики России, истории войн, истории посольской службы. Из них также можно извлечь информацию о политической идеологии эпохи, о быте и нравах, разных сторонах повседневной жизни, об особенностях дворянской службы и дьяческого делопроизводства, об истории соседних с Россией стран.

Контрольные вопросы и задания

1. Дайте определение формуляра акта.
2. Раскройте составные части формуляра акта.
3. Опишите стадии и сущность анализа текста акта.
4. Дайте классификацию актов. Какие принципы лежат в ее основе?
5. Дайте определения различных видов актов в соответствии с классификацией.
6. Раскройте различие актовых и документальных источников.
7. Опишите виды документальных источников.
8. Опишите виды документов, связанных с землеустройством.
9. Опишите работу Палаты родословных дел.
10. Охарактеризуйте Бархатную книгу.
11. Перечислите основные редакции родословных книг XVI—XVII вв.
12. Назовите основные виды посольской и дипломатической документации.

Основная библиография по главе 9

1. Антонов, А. В. Родословные росписи конца XVII в. — М., 1996.
2. Бычкова, М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. — М., 1975.
3. Введенский, А. А. Лекции по документальному источниковедению истории СССР (дипломатика). — Киев, 1963.
4. Каштанов, С. М. Актовая археография. — М., 1998.
5. Каштанов, С. М. Очерки русской дипломатики. — М., 1970.
6. Каштанов, С. М. Русская дипломатика. — М., 1988.

7. *Лапто-Данилевский, А. С.* Очерк русской дипломатики частных актов. — СПб., 2007.
8. *Лихачев, Н. П.* Государев родословец и род Адашевых. — СПб., 1897.
9. *Лихачев, Н. П.* Дипломатика (из лекций, читанных в С.-Петербургском археологическом институте). — М., 2001.
10. *Шмидт, С. О.* Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI—XVII вв. / С. О. Шмидт, С. Е. Князьков. — М., 1985.

Глава 10

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ РОССИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- разновидности нормативно-правовой документации центральных и местных органов государственной власти дореволюционной России, СССР, Российской Федерации;
- особенности назначения и соотношения нормативных правовых актов;
- специфику конституционного регулирования на различных этапах исторического развития России;

уметь

- использовать историко-сравнительный метод при содержательном анализе нормативных правовых актов различных исторических периодов;
- критически оценивать на современной методической базе комплекс законодательных актов государства применительно к целям конкретных исторических исследований;

владеть

- общими приемами источниковедческого анализа нормативных правовых актов, связанными с определением основных стадий их разработки, принятия, опубликования и реализации.

Ключевые термины и понятия: *норма права, нормативный правовой акт, подзаконный акт, закон, нормативный договор, кодификация, инкорпорация, кодекс, основы законодательства, конституция.*

10.1. Понятие, виды и общая методика изучения нормативных правовых актов

Традиционное отечественное источниковедение возникло в русле государственно-институционального подхода. В связи с этим приоритет в источниковедении отдавался изучению нормативных правовых актов, в которых выражались властные предписания гражданам от имени государства.

☞ *Нормативный правовой акт* (далее — НПА) представляет собой *императивный* (властно-предписывающий) письменный документ, из которого может быть выведено общезначимое и общеобязательное *правило поведения*, имеющее представительство-обязывающий характер и охраняемое от нарушения

мерами государственного принуждения. Такое правило поведения носит название *нормы права*.

Признаки НПА:

- 1) имеет властно-предписывающий характер, является односторонним актом текстуального выражения воли правотворческого органа;
- 2) принимается с соблюдением определенной процедуры, призванной оптимизировать содержание правового текста и его форму;
- 3) имеет признаки официального письменного акта (название, указание на то, где, когда и кем был принят, подпись должностного лица, регистрационный номер), а также собственную структуру;
- 4) имеет заранее установленную юридическую силу, четкие временные, пространственные и субъектные характеристики.

Нормативные правовые акты подразделяются на *законы* и *подзаконные нормативные акты*.

С точки зрения широкого подхода к понятию «законодательство» оно рассматривается как совокупность всех нормативных актов, издаваемых высшими органами государственной власти и управления. Такое понимание было характерно для советского периода. Однако в точном смысле *законы* — такие нормативные акты, которые обладают высшей юридической силой и принимаются законодательными учреждениями.

☞ *Закон* — НПА, принятый в особом порядке органами законодательной власти, обладающий высшей юридической силой и регулирующий наиболее важные общественные отношения.

Понятие *подзаконности* означает, что нормативные акты органов управления не могут противоречить законам, вносить в них изменения, а издаются только на основе и во исполнение законов (в настоящее время таковыми являются указы и распоряжения Президента РФ, постановления и распоряжения Правительства РФ, нормативные приказы, инструкции, положения органов исполнительной власти — министерств, государственных комитетов и др.).

Выделяются следующие виды законов: *конституционные* (сама конституция, а также законы, вносящие в нее изменения и дополнения или конкретизирующие ее содержание); *обыкновенные*, которые делятся на *кодифицированные* законы (кодексы, основы законодательства) и *текущие*.

Кодифицированные законы представляют собой сводные юридические акты, позволяющие комплексно регулировать определенную сферу общественной жизни. Нормативное содержание *текущих законов*, обычно посвященных узкой сфере деятельности или конкретной проблеме, может укладываться в несколько статей.

К числу актов, образующих правовые нормы, относятся также *нормативные договоры* — правовые акты, основанные на взаимном волеизъявлении сторон. Наиболее часто они применяются в международном, гражданском и трудовом праве.

Источниковедческое понимание источников права в целом тождественно юридическому.

Источниковедческий анализ нормативных правовых актов предполагает этапы:

- 1) реконструкции процесса создания правового акта (история подготовки акта, анализ содержащихся в нем юридических норм, грамматическое толкование терминологии и пр.);
- 2) исследование процесса правоприменения.

В процессе источниковедческого анализа НПА по возможности следует сопоставить опубликованный текст и его архивный подлинник. Важно установить разновидность акта, проверить наличие необходимых подписей, даты утверждения.

Основные стадии законотворчества:

- законодательная инициатива;
- обсуждение законопроекта;
- принятие закона;
- опубликование (промульгация).

Необходимо осуществлять изучение законов и подзаконных актов в контексте их соответствия объективным закономерностям общественного развития, в тесной связи с историческими условиями. Подобная методика называется *историческим толкованием*. Она предполагает анализ обстановки принятия НПА, определение авторства законопроекта, изучение различных редакций, а также поправок и замечаний заинтересованных ведомств. На этой стадии особую важность приобретает привлечение мемуаров и переписки лиц, участвовавших в подготовке текста, а также материалов обсуждения проекта широкой общественностью. Необходима оценка НПА как части существующей законодательной системы (какую именно роль в системе играл закон и пр.). Так, в связи с расширением прав союзных республик по Закону СССР от 11 февраля 1957 г. «Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуальных кодексов» многие общесоюзные нормы стали создаваться с учетом ранее принятых республиканских, поэтому для данного исторического периода следует обращать внимание именно на республиканское законодательство.

Разработка нормативного акта включает несколько основных *стадий*: подготовка первоначального проекта, обсуждение, внесение поправок в проект, его обсуждение высшими законодательными органами, утверждение и опубликование. На каждом этапе откладываются документы, позволяющие установить принципы, положенные в основу при подготовке проекта, политические и другие причины, повлиявшие на подход к определению норм права.

Грамматическое толкование может заключаться в разъяснении буквального текста НПА. Важную роль при этом играет установление значения отдельных слов и понятий. Толкование, даваемое юристами-теоретиками, называется *доктринальным*. Если в тексте употреблены термины, значения которых изменились, нужно принимать за основу то значение,

которое они имели в момент издания НПА. Особого внимания заслуживает текст *преамбулы* документа, в которой обычно в концентрированной форме излагаются цели, задачи и принципы, указываются условия, обстоятельства, мотивы и другие исходные установки, послужившие поводом для создания НПА.

▣ **Справка**

Преамбула (от лат. *praeambulus* — идущий впереди чего-либо или кого-либо, предшествующий) — вводная или вступительная часть НПА.

В современной правовой литературе иногда высказывается мнение, что преамбула «фактически является лишним текстом, засоряющим документ». Однако даже в случае общей декларативности вводный текст закона или подзаконного акта заслуживает пристального внимания источниковеда и может служить для характеристики соответствующего исторического этапа и правовой культуры создателей НПА.

Важнейшим этапом исследования является анализ правоприменения. Широко известна поговорка: «Строгость закона компенсируется необязательностью его исполнения». Закон, как правило, является декларацией намерений, изложением основных принципов правового регулирования. От подзаконных актов зависит, каким образом закон будет исполняться (если система подзаконных актов не создана, многие законы просто не будут действовать). Для применения законов обычно разрабатываются множество циркуляров, инструкций, правил, поэтому необходим анализ законодательства и подзаконных нормативных актов в совокупности, реальной правоприменительной практики, а также реакции общественных и политических деятелей.

Материалы законодательства — источник массовый, поэтому к ним применимы статистические методы анализа, в частности, метод группировок. Эффективным может быть сравнение однотипных, но неодинаковых по происхождению документов, опубликованных правительством одновременно, но различных по типу и содержанию и т.п.

☞ *Общая схема изучения нормативного правового акта.*

1. Характеристика политической и экономической системы, существовавшей к моменту разработки НПА и вывод о факторах, обусловивших необходимость его подготовки.
2. Реконструкция истории создания НПА: состав и работа участников подготовки законопроекта, процедура обсуждения (в том числе, возможно, общественного), поправки и замечания к проекту, наличие альтернативных проектов, процедура принятия.
3. Анализ структуры документа (объем, порядок глав).
4. Грамматическое толкование.
5. Содержательный анализ норм.
6. Анализ правоприменительной практики и вывод о соотношении декларируемых норм и реальной политики.
7. Обобщающий вывод о роли и месте НПА в правовом регулировании на конкретном этапе исторического развития.

Чтобы всесторонне изучать НПА, историку необходимо быть уверенным, что их тексты идентичны оригиналам. В связи с этим надо стремиться работать с *официальными* публикациями, или же работе должна предшествовать сверка НПА с его архивным первоисточником. Публикация в официальных изданиях носит название *обнародования*, или *промульгации*.

☞ *Обнародование*, или *промульгация* (от лат. *Promulgation* — оглашение, объявление), НПА — это доведение его текста до всеобщего сведения путем публикации.

10.2. Закономерности эволюции нормативных правовых актов в России в XVIII — начале XXI века

С XVIII в. основным источником права становится закон, по своему содержанию часто противоположный ранее существовавшему правовому обычаю. В этот период складывается понятие о законе как о воле государя. Ни Сенат, ни другие учреждения не имели значения, подобного Боярской думе; формула: «Великий князь (царь) указал, и бояре приговорили» — исчезла уже при Петре I.

Исследователи обычно выделяют следующие основные формы правовых актов, характерных для Российского государства XVIII в.:

— *манифесты*, объявлявшие в особо важных случаях волю императора в форме обращения к населению (например, Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству 1762 г.);

— *указы* — наиболее распространенная форма НПА XVIII в., многие из них касались частных вопросов, другие имели важное долговременное значение, подобно Указу о единонаследии 1714 г. (о порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах);

— *уставы*, регламентировавшие порядок деятельности отдельных ведомств (например, Устав воинский 1716 г., Устав благочиния, или полицейский 1782 г.);

— *регламенты, учреждения, образования*, определявшие организацию (структуру, статус) и порядок деятельности ветвей управления (например, Учреждения для управления губерний Всероссийской империи 1775 г.);

— *инструкции*, устанавливавшие права и обязанности губернаторов, воевод и других должностных лиц (например, Инструкция губернаторам и воеводам от 12 сентября 1728 г.).

При противоречивости законодательства (от провозглашения Петром I коллегиального начала в управлении до его замены единоличным при Павле I) единой идеей законотворческой практики была централизация. Если в Боярской думе законодательный вопрос мог ставиться и царем, и думным дьяком приказа, то при Петре I законодательная инициатива стала исходить только от царя. По обсуждаемому законопроекту каждый сенатор должен был записать и подписать свое мнение. С учреждением в 1722 г. должности генерал-прокурора последний возбуждал законодательный вопрос в Сенате, который вместе с коллегиями обсуждал его

и докладывал свое мнение государю. Резолюция царя становилась законом. За исполнением указов с 1715 г. следил генеральный ревизор, а затем — генерал-прокурор.

 В 1720 г. Петр I повелел Сенату разделять все вновь издаваемые указы на временные, записывавшиеся в особую книгу, и постоянные, припечатывавшиеся к регламентам коллегий, к уставам и артикулам. Так было положено начало собранию законов, или так называемым *указным книгам*. Были напечатаны все указы с 1714 по 1718 г., с 1719 по 1720 г. и указы 1721 г. Затем подобные издания с перебоями продолжались до 1730 г. и с 1762 по 1770 г.

При кодификационных работах в 1830-х гг. выяснилось, что собрание охватывало не более 27 лет и то не полностью, так как содержало в себе указы, служившие дополнениями к уставам и регламентам, а сами уставы, регламенты коллегий и другие общие постановления в книги не вошли. Со временем потребность в указных книгах возрастала. Они стали редкостью в обращении, поэтому заинтересованные лица начали составлять отдельные собрания; первое подобное печатное издание появилось в 1788 г. в виде юридического словаря. Одним из наиболее обширных стал «Указатель российских законов, временных учреждений, суда и расправы» Л. М. Максимовича, служивший для многих единственным источником сведений о законах. Однако даже в нем, по замечанию М. М. Сперанского, с 1649 по 1803 г. не получили отражения целых 48 лет (не говоря о многочисленных повторах и пропусках, неточностях в тексте и хронологии).

Петровское законодательство отличалось более высоким уровнем обобщений, четкой схематичностью и последовательностью. Недостатком его была понятийная, терминологическая нечеткость. Ряд законов целиком переводились со шведского, голландского и немецкого языков (часть воинского Устава, все военные артикулы, Генеральный регламент, Устав главного магистрата и др.), и поэтому оказались заполнены массой иностранных слов. Вместе с тем в тексты проникло много элементов просторечья.

 Основные черты российского законодательства XVIII в.:

- неустойчивость;
- противоречивость;
- многочисленность актов;
- смешение распоряжений по незначительным вопросам с законами.

В российском праве XVIII в. отсутствовала строгая система терминологии и классификации НПА. М. М. Сперанский в проекте государственных преобразований предлагал разделить все акты следующим образом: 1) постановления, введившие какие-либо перемены в отношении сил государственных или в отношении частных людей, — закон в точном смысле; 2) постановления, которыми учреждается образ исполнения первых, — уставы и учреждения (предмет власти исполнительной). Тем самым реформатор признавал необходимость обособления законов от подзаконных актов. Однако в течение XIX в. эта задача так и не была решена.

В российском законодательстве XIX — начала XX в. в круг нормативных правовых актов входили:

— *законы* (в том числе основные законы, которым отводилась роль руководящих начал и которые впервые были выделены в 1832 г. при издании Свода законов Российской империи);

— *указы*, издававшиеся обычно в виде *именных высочайших указов Правительствующему сенату* (например, Указ Александра I Сенату о производстве рекрутских наборов от 30 ноября 1812 г.); кроме того издавались сенатские указы, касавшиеся применения императорских распоряжений в области государственного управления и законодательства;

— *манифесты*, посредством которых утверждались важнейшие преобразования в сфере государства (например, Манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г.);

— *положения* — совокупность правил, определявших устройство, права и обязанности государственных учреждений, общественных организаций, права и обязанности должностных лиц, устройство быта отдельных групп населения (например, Положение Главного комитета об устройстве сельского состояния 1861 г.);

— *рескрипты* (например, Рескрипт от 20 ноября 1857 г. Александра II Виленскому, Гродненскому и Ковенскому военному генерал-губернатору В. И. Назимову);

— *правила*, в том числе временные (например, Временные правила по делам печати от 19 апреля 1865 г.);

— *инструкции и наказания* (например, Общий наказ гражданским губернаторам от 3 июня 1837 г.).

Однако вследствие невыработанности четких понятий наименования актов часто не совпадали с тем значением, которое придавалось им правительством.

 В главе «О законах» Основных государственных законов 1832 г. говорилось, что законы издаются в виде уложений, уставов, учреждений, грамот, положений, наказов (инструкций), манифестов, указов, мнений Государственного совета и докладов, удостоенных высочайшего утверждения.

Мнение

По мнению С. И. Антоновой, вопрос о критериях понятия закона как особой юридической формы законодательного акта в XIX в. не имел существенного значения.

Целый ряд законов, принятых в обход стандартной законодательной процедуры, действовал негласно. С началом деятельности законодательных учреждений — Государственной думы и Государственного совета — формально все законы подлежали предварительному рассмотрению и утверждению обеих палат. Однако в Основные законы, принятые 23 апреля 1906 г., была внесена ст. 87. Проведенные по этой статье постановления (в форме либо именных высочайших указов, либо высочайше утвержденных положений Совета министров) не позднее, чем через два месяца после открытия думской сессии должны были вноситься на одобрение палаты.

 По подсчетам В. С. Дякина, за период первого междудумья (8 июля 1906 г. — 19 февраля 1907 г.) в чрезвычайном-указном порядке было проведено 60 постановлений, в том числе:

- о борьбе с революционным движением — 14;
- посвященные реформам правительства П. А. Столыпина (в том числе аграрной реформе) — 18;
- относящиеся к делам текущего управления — 24;
- по делам военного ведомства — 4.

После 3 июня 1907 г. по ст. 87 было проведено 26 постановлений: 18 — до открытия III Думы, 6 — в период ее деятельности, 2 — при IV Думе (до начала Первой мировой войны). В годы войны чрезвычайном-указное законодательство применялось широко. По данным В. С. Дякина, к 8 февраля 1917 г. общее число постановлений, изданных по ст. 87 за годы войны, достигло 654.

Основной отличительный признак чрезвычайном-указного законодательства — временность. Так, после начала 20 февраля 1907 г. заседаний II Думы были представлены на рассмотрение депутатов 53 законопроекта, 7 (в том числе о введении военно-полевых судов) не были представлены и тем самым прекращали свое действие с 20 апреля. К началу Первой мировой войны из чрезвычайных постановлений остались действующими в качестве временных всего 11.

После Февральской революции 1917 г. Временное правительство стремилось сохранить атрибуты прежней легитимности. В ссылках на дореволюционное законодательство подчеркивалась его законность, но нивелировалось участие монарха в законодательном процессе. Например, высочайше утвержденные правовые акты стали называться «законно утвержденными».

Юридическое совещание 8 марта 1917 г. вынесло резолюцию о том, что Временное правительство принимает *постановления* по делам, требующим законодательного рассмотрения за подписью всех его членов, *указы* по делам, требующим разрешения в порядке верховного управления за подписью председателя, *распоряжения* по делам согласно действующим законам, решаемым властью министра. При этом под действующим правом понималось царское законодательство.

Юридическое совещание должно было давать предварительные заключения по правительственным мероприятиям, «имеющим характер законодательных актов». На практике совещанию, важнейшие посты в котором занимали кадеты, направлялись далеко не все законопроекты, часть из них проходила через юрисконсультскую часть Министерства юстиции («вотчину» социалистов). Тем не менее, как полагают исследователи, партийная принадлежность не оказывала существенного влияния на характер готовившихся документов. Поскольку решение о системе органов власти следовало принять Учредительному собранию, правительство даже не рассчитывало на исполнение своих распоряжений. По свидетельству С. И. Шидловского, А. И. Шингарев при разговорах в министерских коридорах советовал не исполнять только что принятые законы, ибо проверять их все равно было некому.

В начальный период Советской власти соблюдалась определенная преемственность со старыми нормами права. По данным Т. Е. Новицкой, сохраняло свое значение обычное право, дореволюционные правовые нормы применяли суды (как местные, так и окружные), о чем говорят Декрет о суде № 1 (ст. 5) и Декрет о суде № 2 (ст. 8 и 32). Так, при решении уголовных дел местные суды использовали нормы дореволюционного права для квалификации преступного деяния, но при назначении наказания обычно руководствовались декретами советской власти и революционным правосознанием. Окружные суды, рассматривавшие более сложные дела, в основном комплектовались старыми кадрами и чаще ориентировались на дореволюционное законодательство при вынесении приговоров. Такое положение сохранялось до выхода Положения о народных судах от 30 ноября 1918 г., запрещавшего ссылки на законы свергнутых правительств. Поскольку в большинстве декретов не указывалось, какие нормы они отменяют, таковыми признавались все законы, противоречившие декретам Всероссийского центрального исполнительного комитета (далее — ВЦИК) и Совета народных комиссаров (далее — СНК).

Сама терминология издаваемых актов не установилась. Например, НПА о назначении на ту или иную должность могли называться назначениями, приказами, постановлениями, но иногда и декретами. Правительственные обращения к населению то помещались в качестве статьи в Собрании узаконений (например, обращение председателя СНК от 5 ноября 1917 г. о победе Октябрьской революции), то в качестве приложения (подписанное 20 ноября В. И. Лениным и И. В. Сталиным обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока»), то совсем не помещались (обращение председателя СНК от 30 октября, где говорилось об образовании правительства и принятых декретах). Множественность актов имела место во многом вследствие стихийности процесса становления законодательства.

В первые годы Советской власти понятия «указ» и «закон» ассоциировались с царским режимом, поэтому, вдохновленные опытом Парижской коммуны, Советы взяли за основу французское слово *декрет* (от лат. *Decretum* — постановление, решение). По большей части декреты были предельно конкретны по содержанию, буквально растолковывали, как себя вести и что делать (как первые положения о Советах). Кроме того, издававшиеся Советским правительством декреты рассматривались и как средство пропаганды.

Мнение

По мнению С. Н. Валка, декреты «были приспособлены для того первого периода в истории Советского государства, когда... рабоче-крестьянская власть должна была завоевать доверие рабочих и крестьян, должна была им в ясной и понятной форме указать на тот практический путь, каким надо было идти к построению нового общественного строя». В связи с этим все следовало изложить подробно и популярно, особая роль отводилась введению (преамбуле), которое должно было разъяснить значение издаваемого декрета.

Особенностью советского права в данный период являлся широкий круг субъектов нормотворчества. Законодательными правами обладали съезды Советов, ВЦИК, СНК, а с 1919 г. — Президиум ВЦИК. Обязательные для исполнения нормы издавали чрезвычайные органы управления: Всероссийская чрезвычайная комиссия, Реввоенсовет, Совет труда и обороны. Как писал П. И. Стучка, для исполнителей декрет имел одинаковую силу, издан ли он Всероссийским съездом Советов, ВЦИК или его Президиумом, или СНК.

По Конституции 1924 г. законодательную деятельность осуществляли съезды Советов СССР, ЦИК и Президиум ЦИК СССР, СНК СССР и соответствующие высшие органы союзных и автономных республик. Акты съездов Советов были разнообразны по форме и содержанию: конституции, декреты, законы, постановления, резолюции, декларации, обращения, воззвания, утвержденные тезисы докладов, приветствия и др. Большинство из них были направлены на осуществление хозяйственно-организационных функций Советского государства. Например, из 19 постановлений, принятых VIII Всероссийским съездом Советов, 12 были посвящены вопросам управления хозяйством.

С начала 1930-х гг. появилась новая форма документов — *совместные постановления* партии и правительства. Вначале они имели форму обращений ЦК ВКП(б) и СНК СССР и принимались в основном по вопросам государственного управления. Их издание продолжалось и после принятия в 1936 г. Конституции СССР, согласно которой законодательное право имелось только у Верховного Совета, и закон мог быть принят только его сессией. Президиум Верховного Совета СССР был вправе давать толкование действующих законов, издавая соответствующие указы. Однако в случае военной опасности указы Президиума Верховного Совета СССР имели фактически законодательный характер (например, Указ от 22 июня 1941 г. «О военном положении»).

В годы Великой Отечественной войны в целях мобилизации сил Президиум Верховного Совета СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) 30 июня 1941 г. образовали Государственный Комитет Оборона СССР, на который возложили главные функции управления страной, связанные с обеспечением условий ведения военных действий. Постановления данного Комитета подлежали безусловному исполнению всеми государственными органами, общественными организациями и гражданами.

В Конституции 1936 г. устанавливалась иерархия нормативных актов, закреплялось разделение источников права на законы и подзаконные акты. Однако механизм контроля за соблюдением принципа подзаконности не был выработан. Акты управления, даже индивидуальные, на практике рассматривались в качестве законов. Именно они играли ведущую роль в нормативном регулировании. За время деятельности Верховного Совета СССР второго и третьего созывов (с 1946 по 1954 г.) состоялось только 10 его сессий, на которых было обсуждено всего 37 вопросов. В повестку дня пяти сессий было включено лишь по два вопроса: утверждение государственного бюджета и указов Президиума Верховного Совета СССР. Общее снижение законодательной активности на уровне Союза ССР отчасти ком-

пенсировалось законодательной деятельностью союзных и автономных республик. Со второй половины 1950-х гг. республиканское нормотворчество приобрело важнейшее значение в плане воздействия на союзное законодательство.

Ряд НПА продолжал издаваться органами государственной власти и управления совместно с ЦК КПСС, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, чаще всего — в форме постановлений ЦК КПСС и Совета министров СССР. Ряд отечественных правоведов считали, что правовая сила совместных актов Президиума Верховного Совета СССР и Совета министров СССР равнялась по юридической силе актам Президиума Верховного Совета СССР. Однако при этом происходило нарушение системы нормативных актов, их строгой иерархии и субординации. В результате нижестоящий орган мог придать решениям, отнесенным Конституцией СССР к его компетенции, более высокую юридическую силу. Не совсем правильно было также называть данные акты совместными, так как принимавшие их органы находились в отношениях подотчетности и ответственности одного другому. Иначе говоря, вопреки Конституции СССР верховный орган компартии наделялся законодательной властью.

Министерства, государственные комитеты принимали ведомственные НПА, действие которых распространялось только на систему организаций данного ведомства (*организационно-управленческие*). Существовала также группа актов (*подведомственных*), хотя и принятых в порядке реализации своих правомочий каким-либо министерством (ведомством), но имевших более широкий субъектный охват. Акты местных органов государственной власти были строго ограничены по сфере действия, акты нижестоящих Советов и их исполкомов подчинялись актам более высокого уровня.

Аналогичный порядок сохранился и в Конституции СССР 1977 г.

- В результате система НПА в СССР имела следующий вид:
- нормативные акты высших органов государственной власти (законы СССР, союзных и автономных республик);
  - нормативные акты высших исполнительных и распорядительных органов государственной власти (указы и постановления Президиума Верховного Совета СССР, союзных и автономных республик; постановления и распоряжения Совета министров СССР, союзных и автономных республик);
  - ведомственные нормативные акты (приказы и инструкции министров СССР, союзных и автономных республик; приказы, постановления и инструктивные письма государственных комитетов и иных отраслевых органов государственного управления);
  - нормативные акты местных органов государственной власти (Советов и исполкомов Советов депутатов трудящихся);
  - международные договоры.

В годы перестройки новым видом источников права стали акты Съезда народных депутатов СССР и союзных республик. Они принимались в форме законов, постановлений, декретов, деклараций и заявлений. Учреждение поста Президента СССР повлекло появление новых источ-

ников права — нормативных указов главы государства. Они могли быть либо подзаконными нормативными актами, либо актами правоприменительными (по вопросам награждения, предоставления гражданства и пр.). На VI съезде народных депутатов СССР в декабре 1990 г. М. С. Горбачев запросил дополнительные полномочия и получил право подписывать указы по широкому кругу вопросов. Съезд народных депутатов РСФСР 1 ноября 1991 г. предоставил Президенту России Б. Н. Ельцину дополнительные «указные» полномочия и позволил ему лично возглавить правительство.

В связи с этим период начала 1990-х гг. многие праведы называют временем господства *указного права*, посредством которого президент вносил изменения в законы или принимал решения по вопросам, являвшимся предметом исключительного регулирования законом. Указы Президиума Верховного Совета практически утратили значение в системе законодательства. Выросло число принимаемых Верховным Советом СССР постановлений, направленных на конкретизацию действующих законов СССР.

На рубеже 1980—1990-х гг. российский парламент работал с серьезной нагрузкой. После VI Съезда народных депутатов с апреля по ноябрь 1992 г. Верховный Совет принял 1073 правовых акта, среди них 53 закона и 268 постановлений. На каждый месяц приходилось до 180 принятых актов. В законодательстве этого периода отразились изменения экономической жизни, переход к рыночным отношениям, политические преобразования. Было выявлено множество пробелов, которые требовали скорейшего законодательного регулирования и введения новой терминологии.

Если в советские годы законы (в узком смысле) мало использовались в сфере регуляции общественных отношений, то для современной России характерна тенденция сплошного законодательного регулирования: с 1938 по 1988 г. было принято около 100 законов, а с начала 1990-х гг. — около 1,5 тыс. Сегодня в России принимается в среднем около 150 законов в год. Следствием ускоренных темпов законотворческой деятельности являются определенная хаотичность, бессистемность в принятии НПА. Это следует иметь в виду при работе с законодательными источниками новейшего периода.

10.3. Проблема систематизации российского законодательства в XVIII — начале XXI века

Неупорядоченность в массиве НПА становится помехой в развитии правовой системы государства, создает трудности в применении норм (часто взаимоисключающих друг друга), что влечет необходимость систематизации законов и подзаконных актов.

☞ *Систематизация НПА* — целенаправленная деятельность по приведению источников права в единую упорядоченную систему с целью устранения противоречий в правовой системе, отмены или изменения нормативных актов, устранения пробелов.

Простейшим видом систематизации НПА является их *учет*. Изначально карточный или журнальный, с 1970-х гг. в СССР учет законов и подзаконных актов, не утративших юридическую силу, велся с помощью межотраслевой автоматизированной информационно-правовой системы «Законодательство».

Достаточно распространенный вид систематизации — *инкорпорация*, в ходе которой не производится серьезного изменения содержания НПА, кроме исключения утративших юридическую силу актов, исправления ошибок, изложения актов в последних редакциях (как это производилось, например, в ходе подготовки Свода законов Российской империи). Инкорпорация может проводиться в хронологическом, алфавитном или тематическом порядке. Примерами инкорпорации могут служить «Систематическое собрание действующих законов РСФСР за 1917—1927 гг.», изданное в 1928 г.; «Систематическое собрание законодательства СССР» в 50 томах и соответствующие собрания в союзных республиках, изданные в 1960—1970-х гг.; подготовленные на их основе в 1980-х гг. «Свод законов СССР» в 11 томах и «Свод законов РСФСР» в 8 томах.

С течением времени в любой правовой системе создается множество НПА, имеющих один предмет регулирования. Их предписания часто повторяют друг друга или, напротив, содержат противоречия. В связи с этим возникает потребность в создании крупных блоков законодательства — *консолидации*. Консолидация проводится путем собирания правовых норм без изменения их содержания. При этом вошедшие в консолидированный акт НПА утрачивают силу. Консолидация почти не используется в современной российской юридической практике, хотя практически весь Свод законов Российской империи состоял из консолидированных актов, инкорпорированных в его рамках в соответствии с принятой в нем системой законодательства.

В случае *кодификации* законодательные акты объединяются в единое, внутренне согласованное целое, охватывающее определенную область общественно-правовых отношений.

Справка

Кодекс (от лат. *codex* — книга) — законодательный акт, содержащий систематизированные нормы какой-либо отрасли или нескольких отраслей. Считается, что одним из первых кодифицированных актов явился Свод Юстиниана, подготовленный в VI в. в Византии. В дальнейшем в Европе неоднократно разрабатывались кодексы, отличавшиеся казуистичностью и слабой систематизацией материала. Современные принципы кодификации были разработаны на рубеже XVIII—XIX вв. и нашли воплощение, например, в Гражданском кодексе Франции (Гражданском кодексе Наполеона), действующем и в наши дни и во многом послужившем образцом для российского гражданского законодательства.

Цель кодификации — качественная, коренная переработка нормативного правового материала с отменой устаревших норм и разработкой новых, устранением пробелов и коллизий в праве. Кодифицированный акт

содержит нормы, определяющие правовое регулирование наиболее важных вопросов жизнедеятельности общества, регулируя широкую сферу отношений (имущественных, трудовых и пр.). Обычно в нем закрепляются наиболее стабильные нормы права.

☞ **Виды кодифицированных НПА:**

- *основы законодательства*, которые содержат принципиальные, наиболее общие нормы по предмету регулирования отдельной отрасли права и выступающие базой для дальнейшего издания НПА в определенной сфере правового регулирования; они обеспечивают согласованность всех норм через определение единых принципов, основополагающих понятий;
- *кодексы*, объединяющие по строго определенной системе нормы права, регулирующие какую-либо сферу общественных отношений или деятельности; по характеру охвата бывают отраслевые, т.е. регулирующие конкретную сферу общественных отношений (Гражданский, Уголовный, Уголовно-процессуальный кодексы РФ и др.) и комплексные (межотраслевые), регулирующие обособленную часть отношений и учитывающие ее специфику в определенной сфере, объединенные единой концепцией (Водный, Таможенный кодексы РФ и пр.);
- *уставы*, регулирующие правовое положение определенных органов, организаций или сферу деятельности (Устав железнодорожного транспорта РФ и т.д.);
- *положения*, регламентирующие задачи и компетенцию органа, учреждения, организации (Положение о Министерстве юстиции РФ и др.);
- *правила* — НПА, содержащий процедурные нормы и определяющий порядок организации определенной деятельности или поведения в определенных условиях (правила пожарной безопасности и пр.).

В ходе источниковедческого анализа кодифицированных актов следует иметь в виду особенности так называемой поспешной кодификации, а именно отсутствие программ, в результате чего вслед за кодексом срочно принимается пакет законов и подзаконных актов; единых принципов; накопленного нормативного материала (когда по сути нечего кодифицировать). Некоторые юристы полагают, что принятие кодексов в переходных условиях ошибочно, поскольку кодификация призвана закрепить итоги преобразований, а в переходное время кодифицированные акты утрачивают важнейшее качество — быть опорным элементом правовой системы. В условиях социальных перемен законодательство «обречено» на частные изменения. В результате в кодексы приходится вносить многочисленные изменения сразу после их принятия. Кроме того, кодифицированные акты действуют в иерархически структурированной системе других НПА, поэтому следует изучать их в совокупности.

☞ Систематизация законодательства может происходить в следующих основных формах:

- 1) *учет* — простая форма систематизации законодательства, состоящая в регистрации нормативных актов или группировке их в предметные блоки;

- 2) *инкорпорация* — форма систематизации законодательства с целью упрощения использования НПА с расстановкой их в определенном порядке без изменения содержания;
- 3) *консолидация* — форма систематизации законодательства с целью устранения множественности нормативных актов и создания укрупненного носителя правовой информации без изменения нормативного содержания;
- 4) *кодификация* — форма систематизации законодательства с целью качественной, коренной переработки нормативного материала и создания нового внутренне согласованного НПА обобщенного характера.

Долгое время в России основным источником права оставалось Соборное уложение 1649 г. Однако поток правовых актов нарастал: при Алексее Михайловиче было издано около 600 НПА, во времена Петра I — свыше 3 тыс. К началу правления Николая I со времени издания Соборного уложения было принято свыше 30 тыс. НПА, которые до начала XVIII в. поступали в архивы нескольких приказов: Посольского, Разрядного, Поместного, Иноземного и др. С образованием в 1711 г. Правительствующего сената многие узаконения стали поступать на хранение в Петербургский сенатский архив и Московский архив иностранных дел, другие — в архивы различных министерств и ведомств. В отчете II отделения Собственной его императорского величества канцелярии, приступившей к работам по кодификации во второй половине 1820-х гг., отмечалось: «Не было общего собрания законов, они разбросаны во многих собраниях, изданных от правительства и частных лиц. Ни одно неполно; все ошибочны. Множество указов не напечатано, напечатанные растеряны. Нигде, даже в Архиве Правительствующего сената, нет полного их собрания, по сему чиновникам было должно не только соображать и излагать узаконения, но приискивать и открывать самые их материалы». Идея о приведении законодательства в порядок стала настолько очевидна, что систематизация законодательства признавалась одной из важнейших государственных задач по мере роста объемов законодательного материала. Начиная со времен Петра I неоднократно предпринимались попытки составить свод российского законодательства.

Перед созданной 31 января 1826 г. II отделением Собственной его императорского величества канцелярии, фактическим руководителем которой являлся М. М. Сперанский, были поставлены следующие задачи: 1) определить существо дела и его главные принципы; 2) составить план общей классификации законов; 3) выполнить подготовительные работы по этому плану; 4) завершить составление свода.

Систематизация носила тройственный характер и складывалась из подготовки свода законов, составления уложения и написания учебных пособий. По замыслу М. М. Сперанского, *свод* (лат. *digesta* — собранное, приведенное в систему) представлял собой упорядоченную совокупность законов, регламентирующих какую-либо сферу общественных отношений: в хронологическом, алфавитном или систематическом (по предметам регулирования) порядке. *Уложение* (лат. *code*) — систематическое изложение законов по их предметам регулирования таким образом, чтобы общие

законы предшествовали специальным, а предыдущие всегда способствовали бы правильному пониманию последующих (имелась в виду отраслевая кодификация законодательства). Учебное пособие (лат. *institutes*) должно было представлять собой то же уложение, но изложенное методически и приспособленное к учебному процессу.

В Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ) включались акты, фактически носившие характер законов (указы, манифесты, уставы, некоторые международные договоры, а также ряд судебных решений). В ПСЗРИ, с 1649 г. по 13 декабря 1825 г. (до восшествия на престол Николая I) вошли 30 920 актов, расположенных в хронологическом порядке в 45 томах. Законы периода правления Николая I составили содержание Второго ПСЗРИ. С начала 1880-х гг. началось издание Третьего собрания законов, отличавшееся лучшей систематизацией. Все три собрания доступны в Интернете¹.

Недостатками ПСЗРИ можно считать неточности в передаче текстов, их сокращение, а также неоднородность нормативного материала, в который включались как действующие, так и отмененные акты; акты неюридического характера (частные распоряжения, временные); судебные решения, которые с течением времени стали общераспространенными и служили образцом для аналогичных дел.

 До 1885 г. не существовало точного критерия отбора законодательных актов, подлежащих публикации в ПСЗРИ. В 1885 г. таким критерием было признано предварительное обнародование законодательных актов в установленном порядке, т.е. Сенатом в Собрании узаконений и распоряжений правительства или отдельными листками. Также в ПСЗРИ могли быть включены (по особому разрешению) наиболее важные необнародованные акты. Не подлежали публикации в ПСЗРИ уставы акционерных компаний, городских, земских и частных кредитных учреждений, а также постановления, изданные министрами и главноуправляющими департаментами. В 1885 г. официально подтверждалась практика публикации в ПСЗРИ вместе с законодательными актами и послуживших для них основанием так называемых «соображений» в виде всеподданнейших докладов, мнений Государственного совета и подобных документов.

С 1830-х гг. основной формой систематизации текущего законодательства в России стал *Свод законов*². Для составления реестров узаконений использовались материалы Комиссии составления законов, функционировавшей в 1804—1826 гг., архивы Сената, Синода, Коллегии иностранных дел и Военной коллегии. В отличие от ПСЗРИ наиболее ранним источником для Свода законов было принято не Соборное уложение 1649 г., а законодательство XVIII в. При этом исключались недействующие нормы, устранялись неточности, проводилась редакторская правка. Весь заключительный материал автор расположил по отраслевому принципу. В основу было

¹ URL : http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

² URL : <http://civil.consultant.ru/reprint/books/181>

положено деление права на публичное и частное (по М. М. Сперанскому, законы государственные и гражданские). Свод законов был утвержден в 1833 г. и введен в действие с 1835 г. Решением Государственного совета он был признан единственным источником права. Каждые 10 лет следовало полностью переиздавать Свод законов вместе с продолжениями. Однако целиком он переиздавался лишь дважды — в 1842 и 1857 гг. Отдельные тома выходили более часто с исключением утративших действие законов. До 1882 г. этой деятельностью занималось II отделение Собственной его императорского величества канцелярии, с 1882 по 1894 г. — кодификационный отдел при Государственном совете, затем — отделение Свода при Государственной канцелярии.

 Свод законов Российской империи состоял из 8 книг, 15 томов, почти 36 тыс. статей (с учетом приложений общее число статей составляло 42 198). В издании 1842 г. имелось более 59 тыс. статей. В 1857 г. его объем вырос почти до 90 тыс. статей. Чтобы не нарушать структуру сводов и сохранить общее число томов, составители Свода 1857 г. разделили некоторые тома на части, поэтому данный Свод, по-прежнему состоявший из 15 томов, насчитывал уже 24 книги. В 1885 г. к нему был добавлен 16-й том, содержащий процессуальное законодательство.

Данное издание предметно-тематическое. Законодательство систематизировалось: группировалось по темам (или по предметам), затем в каждой группе выделялись только действовавшие в данный период законодательные акты. Из них путем сравнения актов, относящихся к одному предмету или его части, извлекался главный смысл, изложение которого составляло соответствующие статьи Свода законов. Статьи группировались в разделы соответствующего предмета (темы), разделы — в тома. Таким образом, каждый том содержит свод законодательства, посвященного определенному предмету, например, том X — «Законы гражданские и межевые». Надо учитывать, что при сведении законодательных актов в статьи значительная часть текстов аналогичных по содержанию законодательных актов отбрасывалась, и сам текст, как правило, передавался в пересказе. На рубеже XIX—XX вв. все чаще стала применяться публикация полного текста, поэтому при исследовании необходима сверка текста с подлинниками законодательных актов.

Критика Свода законов была дана М. А. Корфом в ряде записок начала 1860-х гг., с которыми он, будучи главноуправляющим II отделением, обратился в Совет министров. По его мнению, Свод законов был громоздким, перегруженным мелкой регламентацией, имел ссылки на устаревшие, хотя и не отмененные постановления в статьях. М. А. Корф выступил за устранение из Свода законов административных распоряжений, за издание нового, «сокращенного до степени общей доступности» свода.

Мнение

По мнению И. В. Ружицкой, для русских дореволюционных юристов ПСЗРИ практического интереса не представляло (достаточно было ссылок на действующие статьи Свода законов). Автор также считает, что фактически

историография восприняла на веру слова Манифеста, вводившего Свод законов в действие, о том, что будто бы Свод ничего не изменяет в силе и действии законов, но приводит их в единообразие и порядок. Это дало повод объявить Свод законов не кодификацией, а инкорпорацией, с чем исследовательница не согласна.

После издания Свода законов М. М. Сперанский собирался приступить к третьему этапу систематизации. Если ПСЗРИ и Свод законов были лишь инкорпорацией закона, то создание уложения предполагало кодификационный метод работы, т.е. не только соединение старых норм права, но и дополнение их новыми и переработанными в процессе дальнейшего законотворчества. Однако сделать этого не удалось.

Вместе с тем велись работы по кодификации отдельных отраслей права. В 1845 г. было издано Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, в 12 разделах которого содержалось свыше 2 тыс. статей. Новые редакции принимались в 1857, 1866, 1885 гг. С 1903 г. поэтапно вводилось в действие новое Уголовное уложение. К 1905 г. учрежденная в 1882 г. комиссия для составления Гражданского уложения подготовила два проекта, но ни один из них не был принят.

Систематизация НПА первых лет Советской власти проводилась в контексте формирования новой, социалистической системы права. Уже в первые месяцы после октября на Отдел законодательных предположений и кодификации Народного комиссариата юстиции (далее — НКЮ) РСФСР была возложена задача кодификации советского законодательства в виде свода законов русской революции. Пробразом ему служил Свод законов Российской империи.

Однако задача создания свода законов в первые годы Советской власти не могла быть решена, поскольку не имелось достаточного объема законодательного материала, поэтому было решено подготовить инкорпорационный сборник. В октябре 1918 г. П. И. Стучка объявил, что настал момент приступить к сведению пролетарского права переходного времени. Однако в обстановке Гражданской войны не удалось создать систематический сборник декретов рабоче-крестьянского правительства. На протяжении 1918—1926 гг. усилия сотрудников Отдела законодательных предположений и кодификации оказались сосредоточены на разработке отдельных отраслевых кодексов (Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, Кодекса законов о труде РСФСР (далее КЗоТ) и др.), спецификой которых явилась принципиальная для российского права новизна включенных в них норм, обусловленность их потребностями дня, отсутствие проверки временем и практикой.

В ноябре 1920 г. коллегия НКЮ по докладу Д. И. Курского внесла в СНК проект постановления о предварительной разработке кодексов законов в народных комиссариатах с тем, чтобы для окончательной обработки кодексы вносились в НКЮ и после рассмотрения коллегией передавались на утверждение СНК и ВЦИК. Именно в таком порядке были разработаны проекты КЗоТ 1922 г., Земельного и Лесного кодексов РСФСР. Хотя проекты создавались в отраслевых наркоматах, организационным центром

кодификации оставался НКЮ, в котором также велась работа по составлению Уголовного кодекса, пересмотру Кодекса законов актов гражданского состояния, позже — по разработке Гражданского, Гражданского процессуального и Уголовно-процессуального кодексов РСФСР. Некоторые из них действовали на протяжении длительного периода времени: например, Гражданский кодекс 1922 г. действовал до принятия нового Гражданского кодекса РСФСР в 1964 г., в котором нашли завершённое выражение нормы социалистического права, а с принципами цивилистики, идущими из римского частного права, было во многом покончено. Такое положение сохранялось до принятия в 1991 г. Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик. Развернутое законодательное воплощение они получили в Гражданском кодексе РФ, первая часть которого была принята в 1994 г., вторая — в 1995 г., третья — в 2001 г., четвертая — в 2006 г.

Порой изданию кодифицированного акта предшествовало принятие НПА, содержащих основные положения будущего кодекса, чтобы на практике проверить целесообразность их применения (например, Руководящие начала уголовного права, Закон о трудовом землепользовании, Декларация частных и имущественных прав, признаваемых РСФСР).

После образования СССР была создана Комиссия законодательных предположений, перед которой встала задача приведения в порядок некодифицированного нормативного материала, отразившего изменения, связанные с созданием союзного государства. На II сессии ЦИК СССР второго созыва 29 октября 1924 г. были утверждены Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, Основы уголовного судостройства Союза ССР и союзных республик. Позднее были приняты Основные начала уголовного законодательства. Эти акты воплощали важнейшие положения, которые должны были конкретизироваться в соответствующих республиканских законах. Основы рассматривались как общесоюзный закон, действующий до издания кодексов СССР, однако до принятия Конституции 1936 г. они являлись кодификационным обобщением общесоюзных актов, накопившихся к тому времени, а также основных положений республиканских актов РСФСР, законодательно распространённых на весь Союз. Принятие кодексов являлось прерогативой союзных республик. Так, в 1926 г. были приняты новые Кодекс законов о браке, семье и опеке и Уголовный кодекс РСФСР.

Работы по кодификации советского права, прерванные в конце 1920-х гг., возобновились в 1960-х гг. и получили выражение в праве «нового социалистического типа».

На рубеже 1950—1960-х гг. были приняты союзные основы законодательства (всего в 1958—1977 гг. — 15), на базе которых кодифицировались гражданское, уголовное, процессуальное право. На их содержании сказались тенденции к демократизации общественной и государственной жизни. После вступления в силу Конституции 1977 г. Президиум Верховного Совета СССР принял постановление «Об организации работы по приведению законодательства Союза ССР в соответствие с Конституцией СССР», на основании чего была осуществлена кодификация жилищного законодательства, законодательства об административных правонарушениях и др.

Процесс кодификации, с одной стороны, обычно ведет к уменьшению числа законов, а с другой — обобщение правовых предписаний в кодифицированном акте неизбежно требует последующей их конкретизации, т.е. увеличения числа подзаконных актов. Подобная ситуация имела место в России в начале 1990-х г., когда развернулись широкомасштабные кодификационные работы. С 1995 г. поэтапно вводился новый Гражданский кодекс, с 1996 г. действовал Уголовный кодекс, с 2001 г. — Кодекс об административных правонарушениях и пр. В связи с этим в ходе анализа применения законодательства следует изучать весь комплекс подзаконных актов.

Президент РФ 6 февраля 1995 г. подписал указ «О подготовке к изданию Свода законов Российской Федерации», который должен был стать официальным, систематизированным, полным собранием действующих НПА. Однако издание так и не было подготовлено, отчасти из-за динамично меняющегося российского законодательства, отчасти вследствие создания электронных баз данных с текстами НПА.

10.4. Специфика источниковедческого анализа конституционных актов

Конституция (от лат. *constitutio* — устройство) в любом государстве считается основным законом, имеющим высшую юридическую силу. В ней формулируются принципы общественного и государственного устройства.

По способу изменения конституции подразделяются на *жесткие* и *гибкие*. Жесткие изменяются в особом, усложненном порядке. Так, Конституция США в основе своей действительна в изначальной версии 1787 г. Гибкие конституции изменяются в том же порядке, что и обычные законы. Считается, что советские конституции относились ко второму типу. Поправки и изменения в них вносились путем издания декретов, постановлений, наказов. Так, в Конституцию РСФСР 1978 г. в 1988–1993 гг. было внесено более 300 поправок.

Законы, касающиеся вопросов развития положений конституции и ее изменения, носят название *конституционных*, которые обычно принимаются в особом порядке, а для их принятия требуется квалифицированное большинство законодательных палат.

☞ В конституционных документах закрепляются: а) общественный строй государства; б) система государственной власти; в) свобода политической деятельности и общественных объединений; г) общие основы положения всех граждан (а не отдельных их групп), в том числе их личной и политической свободы.

Общепризнано, что потребность в основном законе, закрепляющем пределы власти государственных органов, с одной стороны, и определяющем статус личности — с другой, появилась у общества в связи с переходом от традиционных ценностей к либеральным.

Ряд исследователей считают первой российской Конституцией «Основные государственные законы», утвержденные императором 23 апреля 1906 г., поскольку их содержание включало в себя ключевые нормы,

характеризующие государственное устройство России: законодательно устанавливались пределы власти императора, определялось устройство Государственной думы и Государственного совета как законодательных учреждений, назначался порядок издания законов и запрещалась практика секретного законодательства, гарантировались политические права граждан — свобода слова, передвижения, союзов.

Необходимо отметить дискуссионность этого вопроса. В литературе встречаются мнения о том, что конституционный характер носил Манифест 17 октября 1905 г., о котором спустя два дня после его подписания Николай II писал матери: «...предоставление гражданских прав населению — свободы слова, печати, собраний, союзов и неприкосновенности личности... обязательство проводить всякий законопроект через Государственную Думу — это, в сущности, и есть конституция». Так, А. Н. Медушевский полагает, что Манифест 17 октября являлся типичной октроированной (от фр. *octroyer* — даровать) конституцией, по содержанию близкой к ее германской разновидности.

Современный исследователь С. В. Макаров считает, что конституционный характер носили три акта: 17 октября 1905 г., 20 февраля 1906 г. и 23 апреля 1906 г., поскольку они определили «исторические рамки этапов конституционного процесса в России».

Каждая конституция имеет структуру, в которой отражается господствующая идеология и сказывается уровень правовой культуры авторов. Даже компактный текст несет политическую, экономическую, идеологическую нагрузку, которая должна подвергаться анализу. В советские годы считалось, что структура республиканской конституции должна воспроизводить структуру союзной. Так, Конституции РСФСР 1937 и 1978 гг. совпадали по структуре с соответствующими основными законами СССР 1936 и 1977 гг.

Внимания заслуживает группировка норм. В первых советских конституциях полностью отсутствовал раздел о правах человека, в Конституции 1937 г. правам и обязанностям граждан посвящалась одна из последних глав. В Конституции 1978 г. раздел «Государство и личность» был поставлен на второе место, после раздела об основах общественного строя, что во многом было обусловлено участием СССР в ряде конвенций, в том числе Международном пакте о гражданских и политических правах, который Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал в сентябре 1973 г.

Принятие конституции обусловлено историческими условиями. Как правило, она соответствует определенному уровню развития государства и общества и фиксирует сложившееся на практике соотношение политических сил. Так, в 1959 г., на XXI съезде КПСС, в контексте вывода о «полной и окончательной победе социализма» в СССР был поднят вопрос о необходимости изменения Конституции 1936 г. Однако разработка проекта растянулась на полтора десятилетия, пока не сформировалась концепция «развитого социализма», согласно которой Советское государство, возникшее как государство диктатуры пролетариата, переросло в общенародное.

 По свидетельству Г. Шахназарова, участвовавшего в работе над проектом Конституции СССР 1977 г., общая идея была «хотя бы на бумаге создать образцовую демократию».

Конституция закрепляет систему власти, формы собственности, статус личности, являясь, наряду с этим, особым политическим документом, своеобразной программой будущего развития. Выяснение соотношения между декларативностью норм и жизненными реалиями является важнейшей задачей источниковедческого анализа конституции.

Чрезвычайно информативна риторика основного закона. В ходе конституционной реформы конца 1980-х гг. из текстов исключались социалистический понятийный аппарат и лексика. Из статей об основных правах и свободах граждан убирались так называемые идеологизмы, т.е. указания на служение этих прав и свобод «интересам народа», целям «укрепления и развития социалистического строя», «коммунистического строительства».

 Профессор университета Санкт-Галлен Ульрих Шмид провел литературоведческий анализ текстов российских конституций XX в. Он считает, что эти тексты можно читать как литературные произведения (за текстом стоят характерные «ключевые сюжеты», получившие в преамбулах и главах основных законов нарративное оформление), поэтому конституции не просто отражают действительность, а представляют ее авторскую интерпретацию. Хотя конституции создавались в разные исторические эпохи, в них используется одна и та же лексика. Преамбулы разных конституций обозначают «семантическое пространство, в котором разворачивается действие, соответственно, драмы, сказки, Евангелия или перформанса».

Немаловажное значение имеет изучение существовавших конституционных проектов, авторами которых являлись различные общественные движения, группы специалистов. Так, при Временном правительстве проект конституции разрабатывался в Особой комиссии Юридического совещания по составлению проекта Основных государственных законов под председательством Н. И. Лазаревского, позднее В. М. Гессена. Она работала с 11 по 24 октября 1917 г., в ее состав входили известные правоведы М. М. Винавер, С. А. Котляревский, В. Д. Набоков, Б. Э. Нольде. Комиссия прекратила существование после Октябрьской революции, но ее члены продолжили свою деятельность в эмиграции. Представляется перспективным сравнительный анализ конституционных проектов белоэмиграции, а также Белого движения с Конституцией РСФСР 1918 г.

Важно привлекать к исследованию материалы, свидетельствующие о реакции общественности на изменение основных законов. Например, после опубликования проекта Конституции 1936 г. в течение пяти месяцев шло его обсуждение, в котором, по официальным данным, приняло участие более 50 млн человек. Орготдел Президиума ЦИК СССР вел учет предложений и дополнений (к ноябрю 1936 г. их оказалось 43 427). В обсуждении проекта Конституции 1977 г., по официальным данным, приняли участие свыше 140 млн человек, т.е. более 4/5 взрослого населения страны. Поступило около 400 тыс. поправок, направленных на уточнение, улучшение и дополнение формулировок проекта.

Разносторонне осветить проблему конституционного строительства помогает ознакомление с работами профессиональных юристов, политологов, социологов. Известно, например, что дискуссии по поводу ряда положений Конституции РФ, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. не стихают до сих пор, как в научной, так и в политической среде.

Контрольные вопросы и задания

1. Как соотносятся между собой норма права и НПА?
2. Каковы основные этапы источниковедческого анализа НПА?
3. Обозначьте основные тенденции эволюции законодательства в России в XVIII — начале XXI в.
4. Охарактеризуйте соотношения понятий «закон» и «указ» в российском праве XVIII — начала XX в.
5. Назовите разновидности НПА советского времени.
6. В чем особенности систематизации НПА?
7. Дайте характеристику ПСЗРИ и Свода законов Российской империи.
8. Что такое промульгация НПА?
9. Каково место конституции в системе НПА?
10. Определите факторы, обуславливавшие необходимость принятия конституций в России в XX в.

Основная библиография по главе 10

1. Антонова, С. И. Материалы законодательства периода капитализма как исторический источник : учеб.-метод. пособие. — М. : МГУ, 1976.
2. Валк, С. Н. О тексте декретов Октябрьской социалистической революции и о необходимости научного их издания // *Его же. Избранные труды по археографии* / отв. ред. М. П. Ирошников, С. О. Шмидт. — СПб. : Наука, 1991. — С. 132—151.
3. Вернадский, Г. В. Очерк истории права Русского государства XVIII—XIX вв. (период империи). — М. : ГПИБ, 1998.
4. Дякин, В. С. Сфера компетенции указа и закона в третьейюньской монархии // *Вспомогательные исторические дисциплины*. — Л., 1976. — Т. 8. — С. 236—262.
5. Дякин, В. С. Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906—1914 гг.) // *Вспомогательные исторические дисциплины*. — Л., 1976. — Т. 7. — С. 240—271.
6. Кочаков, Б. М. Русский законодательный документ XIX—XX веков // *Вспомогательные исторические дисциплины* : сб. ст. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. — С. 319—371.
7. Кутафин, О. Е. Российский конституционализм. — М. : Норма, 2008.
8. Лукьянова, Е. А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917—1993). — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000.
9. Развитие русского права в первой половине XIX века / отв. ред. Е. А. Скрипилев. — М. : Наука, 1997.
10. Развитие русского права во второй половине XIX — начале XX века / отв. ред. Е. А. Скрипилев. — М. : Наука, 1992.
11. Рыбаков, Ю. Я. Своды законов Российской Империи первой половины XIX в. (к источниковедческой характеристике) // *Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин* / отв. ред. И. Д. Ковальченко. — М. : Наука, 1984. — С. 61—68.

Глава 11

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ РОССИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- тенденции организации делопроизводства в государственных учреждениях России в разные исторические периоды (XVIII — начало XXI в.);
- специфику делопроизводства общественных организаций (на примере делопроизводства политических партий);
- особенности специальных систем документирования (судебно-следственной, дипломатической);

уметь

- определять тип делопроизводственного документа по его реквизитам;
- производить датировку создания документа на основании его внутренней организации (формуляра);
- выяснять условия (обстоятельства) подготовки делопроизводственной документации;

владеть

- методикой источниковедческой работы с делопроизводственной документацией (прочтение текста, атрибуция документа, разъяснение его содержания).

Ключевые термины и понятия: *делопроизводство, документ, реквизит, формуляр, коллегиальная система делопроизводства, министерская система делопроизводства, советская (распорядительная) система делопроизводства, общее делопроизводство, специальное делопроизводство, электронный документ.*

11.1. Понятие делопроизводственной документации Нового и Новейшего времени и методы ее источниковедческого исследования

Документы возникают в процессе практической деятельности любого учреждения, ведомства или организации. Они свидетельствуют о фактах, событиях, правах, обязательствах, компетенции, полномочиях и фиксируют их.

Мнение

По мнению Б. Г. Литвака, потребность в документировании долгое время удовлетворялась без помощи «канцелярии», т.е. органа, специально предназначенного для подготовки, рассмотрения, утверждения и хранения документов. Документирование сменяется делопроизводством в период образования

централизованного государства. Изменения в структуре государственного аппарата ведут к тому, что функции канцелярии начинают выполнять весь госаппарат сверху донизу, усиливается дифференциация дел, происходит обособление ведомственной и партикулярной переписки.

Общее административное делопроизводство включает всю внутреннюю документацию, создаваемую в процессе управленческой деятельности: переписку, обработку документов (регистрация, исполнение, контроль исполнения), организацию хранения документов и их использование.

Официальная система подготовки, движения и организации хранения документов получила название *делопроизводства*.

Вид документа — понятие, употребляемое для обозначения группы документов одного целевого назначения, юридического значения, характера изложения информации.

Современная классификация документов выглядит следующим образом.

1. *Организационная документация*, определяющая порядок деятельности, структуру, компетенцию, задачи, формы исполнения: положения, уставы, правила, обязательства, договоры и др.

2. *Распорядительная документация*, которая служит для реализации управленческой деятельности: решения, резолюции, приказы, инструкции, циркуляры, распоряжения, поручения, указы и др. Нередко данные документы объединяют в одну группу *организационно-распорядительной документации*, особой разновидностью которой служат протоколы и стенограммы заседаний коллегиальных органов. К организационно-распорядительной документации можно отнести также группу документов, которые передаются в форме *текущей переписки*: письма, телеграммы, телеграфные и телетайпные сообщения, радиограммы, телефонограммы.

3. *Учетная документация*, призванная регистрировать мероприятия в процессе управленческой деятельности: анкеты, журналы, реестры, перечни, таблицы, тарифы, балансы и др. Часто говорят об *учетно-контрольной документации*, поскольку в форме учетных операций осуществляются *контрольные функции* ведомств и организаций: материалы ревизий, проверок, заключений о работе, справок, регистраций и др.

4. *Отчетная документация*, обобщающая сведения других документов: отчеты, обзоры, рапорты, сводки, донесения, доклады.

5. *Плановая документация*, являющаяся особым видом и отражающая цели и задачи перспективной деятельности: планы, программы, графики и др. Особенность ее состоит в том, что она всегда составляется на определенный срок.

По обоснованному утверждению Л. Е. Шепелева, легкая доступность делопроизводственных документов порой создает у исследователя «источниковедческую беспечность», позволяет думать, что достаточно самого общего представления об их происхождении. Однако даже по одному вопросу, как правило, имеется несколько разновидностей документов: предписание, донесение, протокол заседания и пр. Часто один и тот же документ существует в различных экземплярах: рукописный черновик,

машинописный отпуск, типографский подлинник и пр. Документы могли возникнуть и в иных обстоятельствах, нежели те, которые предполагал исследователь. В связи с этим историк должен максимально учитывать информацию о свойствах, отличительных особенностях, специфике бытования документации.

По месту составления выделяется *внутренняя* и *внешняя* документация: внутренняя — создается учреждением в процессе документирования всех сторон его деятельности, авторы внешней — другие учреждения и лица.

По технике воспроизведения различают *рукописные* и *механические* документы. В практике делопроизводства встречаются так называемые *дипломатические копии*, воспроизводящие документ со всеми особенностями (старое правописание, ошибки, пунктуация и пр.). *Факсимильными документами* издавна называют точное изображение подписи какого-либо лица на документе, сделанное с помощью клише, на котором подпись вырезана гравером или когда подпись собственноручно делается должностным лицом на матрице (например, восковке), с которой печатается документ. При большом объеме подписываемой документации, имеющей информационное значение (извещения, запросы), факсимиле заменяет собственноручную подпись.

По срокам хранения различают документы, содержащие *оперативную информацию*, с *длительным сроком хранения* и *постоянным сроком хранения*.

К документам *определенной формы* относят такие, форма и элементы которых установлены заранее (таблицы, графареты). Документы *произвольной формы* с введением стандартов бумаги делят на документы стандартных и нестандартных форматов.

Л. Е. Шепелев предложил следующую классификацию понятий, обозначающих делопроизводственную функцию документа:

- 1) черновик — беловик;
- 2) проект — подлинник;
- 3) оригинал — копия;
- 4) входящий — исходящий в виде отпуска;
- 5) подлинный — подложный.

При этом ученый исходил из идеи, что всякий экземпляр документа может одновременно характеризоваться одним из каждой пары названных понятий. Изменение хотя бы одной из характеристик дает особый вариант документа. Все копии призваны заменить оригиналы, но некоторым из них это особенно свойственно: таков *отпуск* — копия, оставляемая в делопроизводстве взамен исходящего оригинала, таков и *дубликат* — копия, назначение которой в восполнении утраты оригинала. Копии могут возникнуть одновременно с оригиналом (при использовании копировальной бумаги) или позднее (они, в свою очередь, делятся на тождественные — фотографические, тектографические, стеклографические и пр.; пресс-копии и копии, изготовленные под копирку вместе с оригиналом; графически не тождественные — копии, снятые от руки). Копии также бывают авторизованными (удостоверенными автором), заверенными (например, нотариальным порядком) и не заверенными.

Число признаков, характеризующих отдельные документы, определяется целями и способами документирования, их назначением. Обязательные признаки и элементы документов (такие как наименование вида документа, автор, адресат, дата и др.) называют *реквизитами*. Для многих документов число последних строго определено.

Справка

Термином «реквизит» (от лат. *requisitum* — потребность) в Средние века обозначались необходимые, обязательные элементы в долговых обязательствах, в частности, в заемных письмах и векселях. Необходимость их наличия в формулярах документов определялась вексельным правом, нормы которого в разных странах отличались друг от друга. В России этот термин (вместе с другими финансовыми терминами вексельного права Германии) начал использоваться со второй половины XIX в. Сегодня существует понятие «вексельный реквизит», которым обозначаются обязательные принадлежности векселя, элементы формы, при отсутствии которых документ не может быть признан векселем.

 В делопроизводстве под реквизитом понимается информационный элемент, характеризующий сам документ, его целевое назначение или место, занимаемое им в пространстве и времени.

Число реквизитов определяется целями создания документа, его назначением, требованиями к содержанию и форме данного документа, способом документирования. Условно можно выделить следующие *группы реквизитов*:

- 1) коммуникационные, обеспечивающие включение документа в систему (наименование автора, его адрес и др.);
- 2) защищающие документ от искажения (подпись, печать, отметка о заверении копии, заверительная надпись и др.);
- 3) повышающие информативность текста (заголовки, отметка о наличии приложения и др.);
- 4) фиксирующие движение документа в информационной системе (в виде различных отметок);
- 5) необходимые для машинной обработки информации (в виде различных кодов).

Совокупность реквизитов определяет общую схему построения документа в целом — его *формуляр*, возможно, имеющий конкретные особенности, присущие данному историческому периоду.

Документы могут иметь особые отметки, часть из них называют *графами*, которые обычно определяют срочность исполнения (срочно, весьма срочно), порядок пересылки по почте (для писем — авиа, ценное, заказное, для телеграмм — срочная, правительственная), ограничения доступа (секретно, совершенно секретно и др.), порядок адресования и пр.

 Утвержденный постановлением Госстандарта РФ от 27 февраля 1998 г. ГОСТ Р 51141—98 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» вводит следующие определения.

1. *Документ* — документированная информация; зафиксированная на материальном носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать.

2. *Реквизит документа* — обязательный элемент оформления официального документа.
3. *Формуляр документа* — набор реквизитов официального письменного документа, расположенных в определенной последовательности.
4. *Бланк документа* — набор реквизитов, идентифицирующих автора официального письменного документа.

Согласно Закону РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне», *гриф секретности* — это реквизиты, свидетельствующие о степени секретности сведений, содержащихся в их носителе, проставляемые на самом носителе и (или) в сопроводительной документации на него.

Источниковедческий анализ включает в себя прочтение текста документа, его атрибуцию, разъяснение содержания. Важно знать организацию и деятельность государственных учреждений, состав чиновничества, его права и обязанности. В делопроизводственных документах дореволюционной России использовалась система *персональных титулов* — наименований должностей, чинов и званий (частные титулы) и соответствовавших им форм обращений (общие титулы). Она постоянно менялась, поэтому необходимо соотносить титулование с датой создания документа.

В ходе анализа выясняется назначение документа, его внутренняя организация (формуляр), делопроизводственная функция, обстоятельства его подготовки, процесса движения (рассмотрения, утверждения, исполнения) и размещения среди других документов делопроизводства. Если наименование документа отсутствует, его следует устанавливать на основании анализа формуляра, делопроизводственных особенностей, совокупности внешних признаков.

Необходимо изучение всего комплекса документов из разных архивных фондов с учетом соподчиненности учреждений. Следует иметь в виду обстоятельства бытования документов, цели, для которых они создавались, источник и характер представления содержащихся в них данных. Документация разных уровней позволяет исследовать механизмы власти (субординации и координирования действия, отчетности, контроля). При этом надо учитывать так называемый «коэффициент конъюнктурности», поскольку многие делопроизводственные документы служили формой самопрезентации власти. В связи с этим важно выявить те аспекты проблемы, которые завуалированы идеологическими и бюрократическими клише и выяснить разницу между официальной позицией властей и реальным положением дел. Необходимо предпринимать дешифровку многочисленных штампов бюрократического языка (типа «антисоветский», «вредительский»).

Специфика, например, советского делопроизводства — необоснованное засекречивание документов, их уничтожение, расхождение цифровых показателей в архивных документах и официальных публикациях плановых и статистических органов. Распространение машинописи привело в значительной степени к обезличиванию материалов, рукописный вариант документа часто отсутствует, что осложняет установление авторства. В документах, адресованных подчиненным, нередко в жесткой форме указывалось на недостатки и содержалось категорическое требование испра-

вить их в кратчайшие сроки под угрозой наказания. Однако на практике указание далеко не всегда исполнялось.

Данные, фиксировавшиеся в отчетной документации, следует подвергать количественному и качественному анализу, имея в виду возможность их сознательного искажения.

11.2. Особенности эволюции делопроизводственной документации в XVIII — начале XXI века

Этапы в развитии отечественного делопроизводства, как правило, были обусловлены реформами государственного аппарата, а также техническим прогрессом.

Введение коллегий обусловило формирование *коллежской системы* делопроизводства.

Создание министерств заложило основу создания *министерского (исполнительного) делопроизводства*.

Революционные преобразования 1917 г., создание советского государственного аппарата послужили основой для появления *советской (распорядительной) системы делопроизводства*.

Современный этап характеризуется развитием *электронных систем делопроизводства*.

Коллегии состояли из присутствия (общего собрания членов) и канцелярии, в которой (под наблюдением секретаря) было сосредоточено делопроизводство.

Начала системы документирования были заложены в 1720 г. в Генеральном регламенте коллегий, установившем в общих чертах систему письменных сношений различных звеньев аппарата. Самыми распространенными формами документации были названы доношения и переписка, а также протоколы — новый вид документа, поскольку регламент установил обязательную запись всех рассматриваемых в коллегии дел в протокол. Регламент заложил также основы терминологии в области делопроизводства: например, резолюция переводилась как решение, инструкция — как наказ, формуляр — как образец, корреспонденция — как письменная пересылка. В XVIII в. получила распространение практика составления документов по типовым формам.

Определенное влияние на форму документа оказало введение в 1699 г. гербовой бумаги. Важным для сферы документирования стало поэтапное введение в 1700—1702 гг. в делопроизводство учреждений листовой бумаги, переход на которую вместе с организацией подшивки документов в дело обусловил новые требования к форме документа: стали необходимыми свободные поля с левой стороны. Большое влияние на документирование оказала проведенная в 1708—1710 гг. реформа азбуки: гражданская азбука значительно упростила делопроизводство, одновременно вводились арабские цифры для обозначения чисел. Язык служебных документов стал более близким к литературному.

Следующий этап развития системы документирования относится к началу XIX в. Введение министерств, в основу деятельности которых был положен принцип единоначалия, позволил определить характер ведущего в них делопроизводства как *исполнительного*.

Законодательным путем устанавливался общий единый порядок производства дел во всех министерствах, департаментах и отделениях, а изъятие из правил в отдельных органах должно было определяться «особенными их учреждениями». «Общим учреждением министерств» 1811 г. устанавливался единообразный порядок производства во всех органах исполнительной власти. В частности, было узаконено обязательное применение документов с угловым расположением реквизитов (вместо продольного, характерного для коллежского делопроизводства).

Система документации, введенная при создании министерств, была окончательно закреплена при введении в действие в 1833 г. Свода законов Российской империи. Правила и формы письмоводства, приведенные в приложениях к Своду, получили силу закона и стали применяться повсеместно. В общих чертах эта система сохранялась до 1917 г.

В 1857 г. вышло первое издание труда чиновника особых поручений при министре внутренних дел Н. В. Варадинова «Делопроизводство, или Теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегиальному и одноличному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самих дел».

Предложенная в работе классификация документов включала в себя следующие группы:

- внутренние документы, отражавшие подготовку вопроса к слушанию («докладные дела и бумаги»), решения (в виде определений, приговоров), указы, предписания, документы о прохождении службы, должностные инструкции, регистрационные журналы, ведомости дел;
- переписка, в которой выделялись отношения, сообщения, ведения, уведомления, доношения, представления, рапорты;
- просительские документы, представлявшие собой переписку присутственных мест и властей с частными лицами: прошения (тяжебные, исковые, встречные, мировые и пр.), жалобы, отзывы;
- акты, фиксировавшие сделки, обязательства, гражданское состояние; законом предусматривалось составление трех видов актов (укрепления имущества, состояния и актов присутственных мест).

Система документации в XIX в. функционировала следующим образом: вышестоящие органы направляли нижестоящим указы, повеления, постановления, учреждения и предписания. Единственным государственным органом, который имел право давать указы другим учреждениям, был Сенат, получавший указы и повеления лишь от императора. Министры направляли предписания департаментам и всем подчиненным органам.

Сношения органов, разных по положению, осуществлялись посредством отношений, сообщений, ведений и переписки. В самих документах эти названия, как правило, не фигурировали. Ведения являлись видом доку-

ментов, присущим только Сенату и Синоду при сношениях их друг с другом как учреждений равных, а также между департаментами, отделениями и общим собранием Сената. Переписка как средство сношений предусматривалась для Сената, Государственного совета, Государственной канцелярии, министерств и департаментов.

Нижестоящие органы представляли в вышестоящие доклады, рапорты, представления, доношения. В министерства и их департаменты поступали представления и отзывы на их предписания.

Внутренняя деятельность органов управления оформлялась в журналах заседаний общих собраний и департаментов, записках и мнениях. В середине века распорядительная деятельность министерств стала оформляться приказами.

Протоколы коллегиальных органов оформлялись в форме журналов, стали более краткими, обычно не раскрывали доводов и мнений участников заседаний. В них четко выдерживалась структура: изложение вопроса; мнение большинства и меньшинства; утверждение одного из мнений или изложение собственного мнения вышестоящим лицом. В 1870-е гг. появилась практика составления в ходе заседаний различных органов управления стенографических отчетов, особенно распространившаяся в начале XX в.

Форма документов регламентировалась законодательно, они имели юридическую силу в том случае, если полностью соответствовали установленным образцам. Уже в 1830-е гг. появилось требование обязательного применения бланков (с нанесенными типографским способом реквизитами) «для ускорения хода дел и уменьшения занятий канцелярских служащих». Обычно они использовались при составлении писем.

Бланковая форма получила еще более значительное распространение с внедрением в делопроизводство машинописи в середине XIX в. Изобретение множительных аппаратов (гектографа, шапирографа, ротатора) позволяло изготавливать необходимое количество экземпляров документов. Циркуляры стали чаще издаваться типографским способом. Большое распространение получили бланки со штампом учреждения и текстом-шаблоном, в который достаточно было вписать необходимые фразы. Появление новых средств связи (телеграф, телефон) обусловило создание новых видов документов — *телеграмм* и *телефонограмм*.

 Огромное влияние на закрепление унифицированной формы документа оказали широко распространенные в XVIII—XIX вв. *письмовники*, которые, будучи основанными на законодательстве, составлялись, главным образом, юристами, выдерживали десятки изданий (известно более 100 сборников, изданных с конца XVIII до начала XX в.) и способствовали закреплению традиции в форме документа. К переписке принято было относить такие документы, как прошения, заявления, договоры, доношения, записки и др. Иногда в письмовники включались и образцы документов, составлявших «внутреннее делопроизводство присутственных мест», такие сборники обычно назывались «канцелярский самоучитель», «всеобщий стряпчий», «кабинетный секретарь». В письмовниках давались образцы и формы бумаг, составляемых

в процессе делопроизводства, излагались отдельные теоретические положения документирования. С середины XIX в. в письмовниках стали приводиться образцы коммерческих документов, общепринятых в торговом обороте. В связи с появлением новых видов связи в них с конца XIX в. появились разделы, посвященные переписке по телеграфу, рекомендовавшие писать телеграммы «с соблюдением экономии, коротко и ясно».

Временное правительство сохранило преемственность в делопроизводстве, хотя и предприняло ряд мер по его демократизации. Постановлением от 15 марта 1917 г. упрощались формы официальных сношений и бумаг, отменялось титулование и заключительная часть служебных документов. Это значительно сокращало объем документов, поскольку исчезли такие ранее принятые формы, как, например, «Прошу Ваше превосходительство принять уверения в моем искреннем уважении». Предлагалось также избегать ненужных длиннот в официальных документах, ограничивая их объем полутора-двумя страницами текста.

В советское время произошло значительное расширение корпуса делопроизводственной документации не только за счет общемировых процессов (развитие научно-технического прогресса, бюрократизация управленческой деятельности и др.), но и в силу особенностей развития государственности в нашей стране. Изменялись приоритеты среди разновидностей документов, направленность, характер информации, заключенной в них. Значительное количество документов в советском делопроизводстве составлялись с грифами «секретно», «совершенно секретно», «ДСП» (для служебного пользования).

Необходимо иметь в виду, что часто информация на местах собиралась различными ведомствами, например, материалы спецслужб отправлялись руководству страны, в результате документы дополнялись и даже дублировались. Особое место в системе документации советских органов власти занимают документы Политбюро ЦК партии — органа, которому реально принадлежала власть в стране. По мнению Н. Н. Покровского, все декреты, указы, постановления и приговоры ВЦИК, ЦИК СССР, СНК (Совмина), Верховного суда и прочих органов власти являлись документами, вторичными по отношению к протоколам Политбюро и выпискам из них.

Сложившиеся формуляры в основном без изменений вошли в практику послереволюционного времени. При составлении документации предусматривались ясность и краткость изложения, без формул чинопочитания и обращений («покорнейше прошу», «честь имею сообщить» и пр.), без иерархичности в адресовании. В начальный период в советском делопроизводстве в целях экономии бумаги нередко для составления документов использовалась 1/4 писчего листа с заполнением обеих его сторон текстом. Особое внимание обращалось на правильность оформления и расположения реквизитов.

Надо помнить и особенность делопроизводства первых лет Советской власти — самоназвание документа (обозначение его разновидности в тексте) не всегда соответствовало его содержанию и целевому назначению. Имела место своеобразная военизация в названиях: чаще употреблялись

«рапорты» и «приказы», при этом, например, «боевой приказ» на выдачу грузового автомобиля по существу мог явиться доверенностью. В значении протоколов часто выступали акты, резолюции, мирские приговоры. Для заявлений, прошений была характерна своеобразная «свобода» формуляра. Для определения разновидности документа необходимы анализ его формы и содержания и сравнение его с аналогичными документами.

Начало совершенствованию формы управленческих документов положило постановление СНК РСФСР от 2 марта 1918 г. «О форме бланков государственных учреждений», в котором перечислялись обязательные реквизиты и порядок их расположения. Развернулась практическая деятельность по стандартизации управленческих документов, началась унификация форматов бумаг: вместо 19 форматов, принятых Союзом бумажных фабрик в 1903 г., в основу новой системы были положены распространенные в западных странах немецкие статформаты.

В 1929—1930 гг. были утверждены первые общесоюзные стандарты на ряд документов: деловые письма, телефонограммы, протоколы заседаний, явочные листы и др. Получили распространение бланки двух видов: для писем и других видов документов (так называемый общий бланк), различавшиеся реквизитами: в бланке письма указывался адрес учреждения и отмечалось место для ссылки на индекс и дату входящего документа; в общем бланке соответственно размещались название вида документа и место его составления или издания.

Качественно новый этап по совершенствованию управленческой документации, во многом обусловленный широким внедрением в делопроизводственную практику ЭВМ, начался в середине 1960-х гг. Получил распространение метод стандартизации документов на основе построения их графической модели — *формуляра-образца*. Был разработан комплекс государственных стандартов на отдельные виды организационно-распорядительной документации, определяющих максимальный состав реквизитов документов, которым отводилось строго определенное место на листе бумаги. Для каждого реквизита рассчитывалась площадь с учетом максимального набора знаков при их написании.

В 1961 г. Совет министров РСФСР утвердил «Примерную инструкцию о делопроизводстве для учреждений и организаций РСФСР» с приложением образцов бланков документов, ставшую основой для разработки соответствующих нормативов в различных ведомствах. С 1966 г. начал свою деятельность Всесоюзный (позже — Всероссийский) научно-исследовательский институт документалистики и архивного дела (ВНИИДАД), занимавшийся вопросами рационализации систем документации и сохранения документов. В сентябре 1973 г. были приняты основные положения Единой государственной системы делопроизводства (ЕГСД). В учреждениях, организациях, предприятиях СССР устанавливался единый порядок подготовки, оформления, прохождения документов, их регистрации, контроля за исполнением, организации их хранения. На практике реализовалось ранее сложившееся в делопроизводстве деление документов, содержащих информацию оперативную, длительного и постоянного срока хранения.

С конца 1980-х гг. документация большинства возникших негосударственных организаций и предприятий (акционерных обществ, обществ с ограниченной ответственностью, индивидуальных предпринимателей) не соответствовала формам, предусмотренным законодательством, уничтожалась, не хранилась в течение установленных сроков. В начале XXI в. государство стало уделять более серьезное внимание совершенствованию документационного обеспечения управления. Были приняты несколько законов, в соответствии с Государственной системой документационного обеспечения управления разработаны и утверждены Типовая инструкция по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти (2005) и Правила делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти (2009).

Сегодня общество вплотную подошло к эпохе безбумажного делопроизводства, и исследователю нередко приходится иметь дело с электронным документом, являющимся, по определению И. Ф. Юшина, «очень подвижным источником», не обладающим многими характеристиками привычного документа. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» в установленных законодательством случаях признает электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, информацию в электронной форме, подписанную простой или усиленной (квалифицированной или неквалифицированной) электронной подписью. Таким образом, один и тот же документ может существовать на разных носителях, к нему не применимы такие понятия, как оригинал и копия. Все идентичные по содержанию экземпляры электронного документа могут рассматриваться как оригиналы, отличаясь только датой создания.

В 2002 г. были приняты «Основные Правила работы архивов организаций», позволяющие создавать архивы документации на электронных носителях и осуществлять прием электронных документов обычными архивами организаций, которые обязаны обеспечить сохранность, отбор, учет, использование и передачу таких документов на государственное хранение.

11.3. Специфика делопроизводства общественных объединений

- ☞ Общественными объединениями, согласно действующему законодательству РФ (Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»), является добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей. Они могут создаваться в форме общественных организаций, общественных движений, общественных фондов, общественных учреждений, органов общественной самодеятельности и политических партий.

Можно согласиться с Л. В. Борисовой в том, что документы КПСС, как и документы других политических, профессиональных, творческих орга-

низаций по своим характеристикам вписываются в рамки делопроизводственных источников как вида, а значит, к ним применимы аналогичные приемы источниковедческой критики.

Документы, излагающие основные принципы, задачи, цели, тактику, организационное построение политических партий и других общественных объединений, называются *программными*.

В *программах* отражаются особенности развития общественного объединения в конкретный исторический период, устанавливаются основные цели и задачи. Обычно программные документы рассчитаны на длительный срок.

В *уставных документах* освещаются процессы разработки политической линии партии и другого общественного объединения, обсуждения и принятия решений. Устав намечает те организационные формы, которые должны обеспечить выполнение стоящих перед членами общественного объединения задач, права и обязанности членов, организационное строение, полномочия руководящих органов. *Уставам* присуща строгая форма (с разбивкой на параграфы и разделы), четкость организационных норм, обязательность для всех членов данной организации.

Считается, что появление программ и уставов как особой разновидности партийных документов с определенным формуляром связано с деятельностью народнических организаций («Земля и воля», «Народная воля», «Черный передел»).

На основе *директивных документов* (резолуции, решения съездов, конференций, материалов пленумов партийных организаций; постановления, письма и обращения руководящих органов партии и других общественных объединений) осуществляется руководство низовыми ячейками.

При работе с документами политических партий и других общественных объединений необходимо собрать сведения об условиях их деятельности: о правовом статусе (легальный или нелегальный), отношении к власти (проправительственное, оппозиционное и др.), численности, социальном составе. Важно выяснить, насколько широко был распространен той или иной документ в партийных кругах, поддерживался ли он членами партии.

Источниковедческий анализ предполагает выяснение вопросов, связанных с установлением места, времени составления документа, его авторства, особенностей процесса обсуждения и утверждения. Сопоставление партийных документов с их проектами должно проводиться с учетом всех возможных изменений и редакционных правок. Специфика документа может быть обусловлена общим положением в партии, наличием в ней группировок и течений, обстоятельствами и условиями созыва и проведения каждого партийного форума. Необходимо обращать внимание на деятельность комиссий, создаваемых съездами для подготовки проектов решений, записки с предложениями делегатов и пр. В случае нелегального положения партии ее члены могли выступать под партийными кличками и псевдонимами, что отражалось в протоколах и стенограммах съездов, конференций, поэтому необходима их расшифровка.

Делопроизводственная документация РКП(б), ВКП(б), КПСС разных уровней позволяет получить информацию о механизмах власти в СССР. Советское источниковедение придерживалось того взгляда, что резолюции и решения, принятые на партийных съездах, становились законом, обязательным для членов партии (имелись в виду, конечно, документы правящей партии). Однако издание руководящим органом директивы, принятие резолюции не обязательно означает, что соответствующая работа была в действительности проделана. В связи с этим для уяснения исторической действительности требуется привлечение других источников: документов госучреждений, переписки, мемуаров. Для полного освещения картины партийного строительства необходимо изучение как материалов руководящих партийных органов, так и местных парторганизаций.

Важнейшие источники по истории российской социал-демократии в советские годы публиковались выборочно. Например, научно выверенные тексты протоколов V Всероссийской конференции РСДРП увидели свет только в 1994 г., с указанием действительного количества делегатов, их фракционной принадлежности (информация отличалась от той, которая приводилась составителями сборника «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК»). Принцип партийности исторических исследований существенно повлиял на разработку истории небольшевистских политических организаций, которые были объявлены контрреволюционными.

Научная публикация источников, освещающих деятельность других политических партий, началась только в последние годы. Упразднение цензуры, рассекречивание архивных фондов, политический плюрализм, а также падение «железного занавеса» способствовали формированию крупных издательских проектов, над которыми работают международные группы исследователей. В их числе многотомное издание «Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Документальное наследие», которое предполагает публикацию источников по истории всех крупнейших российских небольшевистских партий.

После подписания указа Президента РСФСР от 24 августа 1991 г. № 83 «О партийных архивах» документы бывших партийных архивов подлежали передаче на государственное хранение. Специфика их в том, что значительное число партийных и комсомольских документов имели грифы секретности. Основная масса партийных документов содержала «тайну идеологической и организационной партийной работы с населением». Однако перечень составляющих государственную тайну сведений, утвержденный Указом Президента РФ 30 ноября 1995 г. № 1203 «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне», отличается от аналогичных перечней, по которым до 1991 г. работали органы цензуры Управления по охране государственной тайны в печати. Тем не менее доступ к партийным документам исследователей серьезно ограничен до сих пор.

При работе с документами общественных объединений необходимо знать требования Федерального закона от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации», предусматривающие ограничения на доступ к архивным документам, содержащим сведения о лич-

ной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу для его безопасности, устанавливаемые на срок 75 лет со дня создания указанных документов.

11.4. Особенности систем специального документирования

Кроме общего делопроизводства существуют специальные системы документирования, среди которых выделяют судебную, военную, дипломатическую и некоторые другие разновидности.

Общее делопроизводство связывают с документированием общеуправленческих операций, встречающихся во всех учреждениях, ведомствах, организациях и отражающих связи с подчиненными и вышестоящими учреждениями. Говоря о специальных делопроизводствах, авторы указывают на их связь с обслуживанием специальных функций аппарата, документированием отдельных операций в работе учреждений и ведомств.

Существенными особенностями отличается *судебно-следственная документация*, специфика которой обусловлена неординарностью зафиксированных событий, зависимостью от материального и процессуального законодательства соответствующей эпохи. Среди отечественных историков отношение к группе источников, представлявших делопроизводственную документацию правоохранительных органов, порой остается скептическим. В известной мере это стало следствием «разоблачительного» настроения российской историографии конца 1980-х — 1990-х гг., считавшей, что в сталинской России террор заменил уголовное судопроизводство. Тем самым предопределялось мнение об ущербности судебной статистики, документов органов юстиции и прокуратуры. Однако даже с учетом того, что в таких документах фиксировалась не норма, а отклонения от нее (своего рода патология), судебно-следственные материалы позволяют реконструировать и сами нормы (правовые и нравственные), и политику власти в отношении их поддержания. Рассмотренная в комплексе и критически проанализированная, судебно-следственная документация представляет собой уникальный источник, отражающий различные аспекты взаимоотношений человека с властью, социальные противоречия. Рассмотренные вне контекста отдельные документы (например, обвинительное заключение или приговор) могут привести к ошибочным выводам.

Важно изучать весь делопроизводственный массив:

- материалы *предварительного следствия*, которое могло длиться в течение нескольких лет (постановления об избрании меры пресечения, ордера и справки на арест, протоколы ареста и обыска);
- материалы *следственных дел* (анкеты арестованных, протоколы допросов и очных ставок, показания арестованных, постановления об окончании следствия и предъявлении следственного делопроизводства, обвинительные заключения), в которых отражались результаты расследования;
- материалы *судебных заседаний* (приговоры, справки о приведении приговора в исполнение).

Далеко не всегда следственные дела включали весь регламентированный законом перечень документов, нередко содержали неточности и небрежности в оформлении — все эти особенности надлежит учитывать при работе.

Основой для возбуждения следствия мог стать донос. По возможности надо стремиться установить личность доносчика, побудительные мотивы и степень достоверности содержащихся в доносе сведений.

Наиболее дискуссионным остается вопрос о возможности извлечения достоверных фактов из материалов следственных дел, в частности, допросов обвиняемых и свидетелей, признательных показаний.

С. В. Журавлев предлагает методику двойной перепроверки данных. На первом этапе сведения перепроверяются путем сопоставления показаний разных арестованных, содержащихся в различных следственных делах; на втором — данные, полученные на следствии, анализируются при помощи иных источников, в том числе документов других архивных фондов, источников личного происхождения. Необходимо сопоставление содержащихся в материалах дел документов с характеристиками, справками, послужными списками фигурантов.

Следует иметь в виду, что пользоваться сведениями из протоколов, обычно содержавших во время массовых кампаний стандартный набор обвинений, нельзя без привлечения дополнительных материалов. Важно также собрать максимально возможную информацию о следователях, ведущих дело, свидетелях. Важным источником служат ходатайства, жалобы, заявления подследственных, направленные в вышестоящие органы суда и прокуратуры, правительство, партийным руководителям. Большую ценность имеют сохранившиеся в делах вещественные доказательства: фотографии, открытки, дневники, письма.

Особую важность приобретают *наблюдательные дела*, в которых представлены сведения о дальнейшей судьбе обвиняемого, в том числе материалы пересмотра состава преступления и реабилитации. Привлечение этих документов дает возможность скорректировать тенденциозность представленных в следственных делах материалов и способствует установлению истины.

Дипломатические документы, будучи одной из форм дипломатической деятельности государства, отражают особенности, присущие политическому и социально-экономическому строю страны, ее языку, культуре. Однако общим для дипломатической документации является то, что к ней предъявляются особые требования: соблюдается техника дипломатической переписки и учитываются традиции страны пребывания. Дипломатический документ требует ответа, отсутствие которого может быть воспринято как ответ негативного характера.

К числу дипломатических документов относятся послания, ноты, меморандумы, письма, телеграммы глав государств и правительств с изложением в них позиции по актуальным проблемам: по признанию независимости государств, установлению дипломатических отношений, протесты по поводу действий на международной арене и пр.

Важнейшая роль в дипломатической практике принадлежит переписке, традиционными видами которой являются:

- личные ноты;
- вербальные ноты;
- памятные записки;
- меморандумы.

Спецификой личных и вербальных нот является включение в их текст так называемых *формул вежливости (комплиментов)*, например: «Прошу Вас, господин Министр (господин Посол), принять уверения в моем самом высоком уважении». Характер комплимента должен учитывать принцип взаимности: ведомства иностранных дел некоторых стран могут не использовать комплименты в своей дипломатической переписке.

Наиболее распространенный в настоящее время документ — *вербальная нота*, в которой излагаются политические, экономические, научно-технические проблемы как двустороннего, так и многостороннего характера. Обычно вербальные ноты начинаются и заканчиваются комплиментом, который может быть опущен, если нота содержит протест в связи с действиями представителей посольства или государства, а также в нотах с выражением соболезнования.

Во время Второй мировой войны, когда обстановка диктовала принятие главами государств антигитлеровской коалиции срочных и ответственных решений, сложилась практика обмена между ними *личными письмами, посланиями*. Ввиду высокого положения отправителя и получателя и большого значения таких документов их принято выделять в самостоятельный вид дипломатической переписки. В них также имеются протокольные формулы — обращение и заключительный комплимент.

В 1950-е гг. появилась практика *обмена нотами непосредственно между правительствами*. Такие ноты являются официальными документами, независимо от характера изложенного в них вопроса. Как правило, в них комплиментов нет. Не требуют комплиментарного оформления также *памятные записки* (переданные лично или направленные с курьером) и *меморандумы*.

Многие государства используют также такие не имеющие строгой формы дипломатические документы, как *декларации, послания, заявления* глав государств, правительств, министров иностранных дел, высших законодательных органов по вопросам международных отношений.

Дипломатический протокол внимательно следит за соблюдением традиционных норм и правил переписки, решительно выступая против их нарушения и нанесения ущерба достоинству страны. Любой документ начинается с обращения: точный титул и фамилия лица, которому он адресуется, подчас не менее важны, чем его содержание. Форма обращения в дипломатической переписке зависит от конкретного случая и местной практики. Дипломатические документы изготавливаются на бумаге высшего качества, при печатании текста не допускаются подчистки и исправления. От руки пишутся только личные письма полуофициального характера. Однако если автор хочет проявить к адресату знак особого внимания, обращение к нему и заключительный комплимент пишутся от руки.

Особенности специальных делопроизводств следует учитывать при работе с документацией соответствующих ведомств.

Контрольные вопросы и задания

1. Дайте определение документа, реквизита, формуляра.
2. По какому признаку проводится классификация делопроизводственных материалов?
3. Назовите основные системы делопроизводства XVIII — начала XXI в.
4. Назовите основные виды документов XVIII — начала XXI в.
5. Назовите основные законодательные акты, регулировавшие организацию делопроизводства в XVIII — начале XXI в.
6. В чем специфика делопроизводственной документации XIX в.?
7. В чем специфика советской документации?
8. Что такое электронный документ?
9. Назовите программные документы общественных объединений.
10. В чем различие общей и специальной документации?

Основная библиография по главе 11

1. *Афиани, В. Ю.* Документы Политбюро ЦК КПСС: архивоведческие и источниковедческие проблемы // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе : доклады и тезисы выступлений на 3-й Всерос. конф. — М. : Научная книга, 1999. — С. 156—163.
2. *Борисова, Л. В.* Делопроизводственные документы советской эпохи: историография и источниковедение (20—80-е годы) // Отечественные архивы. — 1994. — № 2. — С. 19—29.
3. *Илющенко, М. П.* История делопроизводства в России (до 1917 г.) : учеб. пособие. — М. : РГУ, 2007.
4. *Илющенко, М. П.* Формуляр документа : учеб. пособие / М. П. Илющенко, Т. В. Кузнецова. — М. : МГИАИ, 1986.
5. *Литвак, Б. Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. — М. : Наука, 1979.
6. *Митяев, К. Г.* Административная документация (делопроизводство) в советских учреждениях / К. Г. Митяев, Е. К. Митяева. — 2-е изд. — Ташкент : Узбекистан, 1968.
7. *Сокова, А. Н.* О создании русской традиционной формы документа в делопроизводстве госучреждений XVIII — начала XX веков // Труды ВНИИДАД. — М., 1974. — Т. 1. — Ч. 1. — С. 206—236.
8. *Шепелев, Л. Е.* Проблемы источниковедческого и историко-вспомогательного изучения делопроизводственных документов XIX — начала XX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. — Л., 1983. — Т. 15. — С. 31—61; Л., 1985. — Т. 16. — С. 24—51.

Глава 12

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ (ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ) НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- специфику отражения действительности в общественно-политических текстах;
- историю создания, условия и особенности публикации трудов руководителей советского государства;

уметь

- проводить текстологический анализ содержания идейного наследия государственных, партийных и общественных деятелей;
- применять общественно-политические тексты для реконструкции социально-политической истории России;

владеть

- основами методики атрибуции — определения фактов авторства (на примере атрибуции трудов В. И. Ленина).

Ключевые термины и понятия: *общественно-политические тексты, политический нарратив, труды государственных, партийных и общественных деятелей, политическая публицистика, текстологический анализ.*

12.1. Понятие, виды и общая методика изучения общественно-политических текстов

Под *общественно-политическими текстами (политическим нарративом)* в источниковедении обычно понимают выступления государственных, партийных и общественных деятелей на партийных съездах и конференциях, международных и правительственных форумах, междуведомственных совещаниях, а также подготовленные ими публицистические (от лат. *Publicus* — общественный) статьи по общественно значимым проблемам.

 В теории современной политической коммуникации термин «политический нарратив» используется в значении совокупности политических текстов разных жанров (партийная программа, избирательная платформа, телеинтервью и пр.), сконцентрированных вокруг *определенного политического события или ситуации*: референдума, выборов и пр.

Данное событие получает отражение во множестве текстов, созданных политическим лидером, членами его команды, аналитиками, а также политическими оппонентами.

На первый взгляд, такое автоматическое перенесение современной терминологии и методологии в сферу источниковедения может показаться неправомерным. Однако, если вдуматься, требование изучать источники в комплексе есть не что иное как необходимость исследования всей совокупности текстов по имеющейся проблеме.

Особенность общественно-политических текстов — их отчетливая политическая направленность, посредством которой выражается принципиальная позиция человека, облеченного властными полномочиями, либо, напротив, находящегося к власти в оппозиции. В них отражается деятельность партий и других общественных организаций, органов государственной власти, политических лидеров и их оппонентов.

Русский философ и публицист Н. С. Трубецкой в работе «Мы и другие» подчеркивал, что культура всякого народа, живущего государственным опытом, непременно должна заключать в себе как один из элементов политические идеи и учения. Иначе неясен образ общества, неизвестны принципы, лежащие в основе его функционирования и развития. Это своеобразные «социальные координаты». Базовые элементы государственной идеологии — представления о векторе исторического развития: общественно-политическом, экономическом, нравственном идеале, тактических целях и задачах государства.

Часто общественно-политическим текстам присуща полемичность, эмоциональность, агитационно-пропагандистский характер, вследствие чего они имеют широкий резонанс.

Анализ реакции общественности на выступление государственного деятеля может оказаться весьма информативным для историка. Так, процедура обсуждения «Наказа» Екатерины II была достаточно свободной. Вот как описывает ее С. М. Соловьев: «Когда депутаты съехались в Москву, императрица, находясь в Коломенском дворце, назначила разных персон вельми разномыслящих, дабы выслушать заготовленный “Наказ”. Тут при каждой статье родились прения. Императрица дала им чернить и вымарать все, что хотели. Они более половины из того, что написано было ею, помарали, и остался “Наказ”, яко оный напечатан». Вычеркнутые депутатами места из екатерининского текста «Наказа» (некоторые отрывки первоначальной редакции были найдены в бумагах Екатерины II после ее смерти и опубликованы) представляют несомненный интерес для понимания духовного настроения как самой императрицы, так и широких слоев российского общества той эпохи.

Поскольку во многих случаях тексты предназначены для устных выступлений, они отличаются рядом стилистических особенностей: четкостью построения фраз, отсутствием длинных сложных предложений, понятной лексикой, образностью выражений, повтором важных по смыслу понятий для выделения соответствующей мысли и ее закрепления в памяти аудитории. Так, А. М. Александров-Агентов в процессе подготовки речей для Л. И. Брежнева просил своих помощников писать простым языком, не употребляя слишком умных слов, поскольку в противном случае Генеральный секретарь ЦК КПСС обижался: «Что я вам, ученый, что ли?».

Среди источников рассматриваемого вида можно выделить *программные материалы* (отчетные доклады съездам партии, послания президента), *информационные материалы* (справки, информационные заметки), *публицистические статьи* в узком смысле слова (полемические статьи, памфлеты, речи и т.п.).

Энциклопедические издания XIX — начала XX в. определяли публицистику как «литературные произведения, трактующие о социальных и общественных вопросах», «обсуждение в печати насущных вопросов общественно-политической жизни».

В учебном пособии Г. П. Саара «Источники и методы исторического исследования», изданном в 1930 г., газеты, прокламации, листовки, агитационные брошюры, памфлеты объединялись в одну группу источников, названную публицистическими произведениями. Основанием для объединения послужила их общая особенность — возможность «оказывать воздействие на психику читателя в целях вызова со стороны читателя определенных действий». В учебнике «Источниковедение истории СССР», подготовленном М. Н. Тихомировым и С. А. Никитиным в 1940 г., речь шла о группе публицистических и политических сочинений, в которых получает отражение общественно-политическая борьба.

В Толковом словаре С. И. Ожегова под публицистикой подразумевается «литература по актуальным общественно-политическим вопросам современности, текущей жизни общества». В этом контексте ее можно рассматривать как жанр литературы.

В современном источниковедении есть мнение, что публицистика — это вид исторических источников, возникающий в общественной сфере, выражающий и формирующий общественное мнение по социально значимой проблеме. Предложена следующая систематизация публицистики:

- авторские публицистические произведения;
- публицистика массовых народных движений;
- проекты государственных преобразований и конституций.

Однако общепринятого определения публицистики в исторической науке нет.

В отечественном источниковедении в основном изучались труды деятелей либерального лагеря, революционного народничества, социал-демократии и, конечно, лидеров советского государства. Работы В. И. Ленина рассматривались как «действующий боевой арсенал партии». Они служили, по выражению автора учебного пособия «Источниковедение истории КПСС» М. А. Варшавчика, «авторитетнейшим» критерием для проверки достоверности других источников «как с фактической, так и с идейной, политической стороны». В последние годы в учебниках по источниковедению подобный подход отрицается как в отношении политического наследия советских вождей, так и их идеологических предшественников.

Среди современных пониманий термина «идеология», в которых получают выражение политические представления общества, все чаще встречаются такие определения, как «миф», «искаженное отражение действительности», «необходимая социальная иллюзия», т.е. любая идеология

преподносится как ложное, неадекватное отражение действительности. Однако значение общественно-политических текстов заключается в том, что они заставляют современников политически мыслить, а историкам позволяют изучить социальные запросы, пути распространения политических идей, степень политизации общества. Так, например, П. Г. Заичневский в прокламации «Молодая Россия» (1862) выразил крайне радикальную идею: масштабное и последовательное насилие как средство социально-экономического переустройства, в том числе путем «кровавых реформ» и диктатуры партии. Высказанные мысли взбудоражили общественное мнение: по словам современников, они прозвучали «как гром среди ясного неба» и нашли себе множество последователей. Достаточно вспомнить, насколько популярной оказалась в России идея заговора, тайного общества, а призыв покончить со всем «домом Романовых» стал программным положением намечавшейся революции.

Источниковедчески ошибочно абсолютизировать значение произведений политических лидеров (В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Н. И. Бухарина, И. В. Сталина и др.), но в исследованиях по советской истории ссылки на труды государственных и партийных деятелей часто становятся необходимыми. Невозможно обойтись без ленинских работ, изучая проблемы хозяйственной политики Советской России начала 1920-х гг. (например, доклад «О продовольственном налоге») или внутрипартийной борьбы (резюльюции «О единстве партии»).

При этом необходимо обратить внимание на проблему использования общественно-политических текстов в научной работе. Считалось, например, что все произведения В. И. Ленина, в какую бы форму они ни облекались, к какому бы виду источников ни относились, составляют один цельный комплекс. Историки цитировали ленинские работы по пятому (полному) собранию сочинений. Это правило стало настолько всеупотребительным, что при необходимости дать ссылку на иное издание ученые делали специальную оговорку. Источниковедческая же классификация разрабатывалась для облегчения учета материалов, т.е. носила вспомогательный характер.

 М. А. Варшавчик применительно к ленинским работам предложил классификацию, исходя из назначения того или иного документа:

- публичные выступления, разделяемые на письменные (статьи, обращения, проекты документов и пр.) и устные (доклады, речи);
- переписка (разновидностью которой автор считал резолюции, распоряжения и другие подобные надписи на служебных документах);
- распорядительные документы;
- подготовительные материалы (планы, тезисы, конспекты, наброски, заметки на полях книг и пр.);
- автобиографические документы (заявления, анкеты и др.).

Источниковедческий подход подразумевает выделение из собраний сочинений, в которых могут быть объединены разнообразные материалы источников: нормативных правовых документов (например, декретов),

бумаг личного происхождения (например, писем), общественно-политических текстов (политических докладов, публицистических статей по общественным проблемам) и пр.

12.2. Проблема атрибуции трудов политических деятелей

Атрибуция — определение авторства — обычно включает анализ автографов без заверительной подписи или статей, анонимно опубликованных автором на страницах периодических изданий.

Проблемами атрибуции занимается научная дисциплина *текстология*.

Текстология (от лат. *textum* — связь слов и греч. *logos* — учение) — вспомогательная дисциплина, изучающая историю возникновения и судьбу текста. Она изучает письменные произведения с целью установления авторства по характеру изложения или индивидуальному стилистическому почерку; правильности введения в текст документов, цитат; выявления завуалированной информации, скрытого смысла; разъяснения архаизмов и пр.

Текстологический анализ базируется на всестороннем изучении подготовительных материалов и может включать графологический анализ и анализ топографических признаков рукописей с целью определения этапов авторской работы и локализации отдельных текстов.

В советском источниковедении особое значение придавалось атрибуции текстов В. И. Ленина, что было обусловлено необходимостью подготовки собраний его сочинений. Например, А. М. Володарская в 1960-х гг. на материалах газеты «Правда» 1912–1914 гг. проводила атрибуцию неизвестных ранее ленинских статей. В одном случае авторство удалось установить с помощью документа, найденного в архиве, в другом — решающую роль сыграли высказывания об одном из исторических деятелей, содержащиеся в ранее написанных В. И. Лениным статьях. Исследователь обращала внимание на характерный стиль, употребление «специфических оборотов речи, выражений, словечек», свойственных языку В. И. Ленина и не встречающихся у других авторов. Подводя итог, А. М. Володарская отметила необходимость изучения идейного содержания исследуемой работы, сопоставления изложенных в ней мыслей, анализа документальных материалов и опубликованных, и архивных источников о деятельности предполагаемого автора, анализа языка данного произведения, его стилистических особенностей.

По сложившейся традиции, если какие-то документы ранее вошли в «партийную историю» как ленинские, они продолжали считаться таковыми, даже если по этому поводу возникали сомнения. Так, во втором и третьем изданиях собраний сочинений В. И. Ленина были напечатаны резолюции совещания расширенной редакции газеты «Пролетарий» 1909 г., хотя В. И. Ленин докладчиком не был и проектов резолюции не вносил. В 19-й том пятого (полного) собрания сочинений, вышедший в 1961 г., эти резолюции были также включены на том основании, что В. И. Ленин руководил совещанием и документы выражали ленинскую позицию.

В современной науке имеет место иной подход. Так, московский исследователь В. А. Сахаров не видит необходимости доказывать, что тот или иной документ *не* принадлежит В. И. Ленину. Он видит свою задачу в доказательстве того, что документ *принадлежит* В. И. Ленину. Иначе говоря, по мысли исследователя, «ленинским может считаться только тот документ, ленинское авторство которого доказано».

Мнение

Например, по мнению В. А. Сахарова, многие современные представления о так называемом «Политическом завещании» В. И. Ленина явились результатом, с одной стороны, добросовестного заблуждения историков, возникшего из-за отсутствия доступа к засекреченным ранее материалам, а с другой — преднамеренного создания исторических мифов под влиянием политической конъюнктуры. В ходе источниковедческого анализа исследователю удалось обнаружить подтверждение работы В. И. Ленина над некоторыми из текстов «Завещания», зафиксированной в документах делопроизводства ленинского секретариата и документах Политбюро. Однако главное внимание автор сосредоточил на выявлении реальной связи содержания текстов «Политического завещания» с происходившей внутри ЦК РКП(б) политической борьбой. Исследователь пришел к выводу о наличии в комплексе документов, подлинники которых представляют собой машинописные тексты, двух блоков: 1) ленинское авторство которых легко доказывается; 2) ленинское авторство которых не доказывается никоим образом. Вопрос атрибуции последних В. А. Сахаров оставил открытым.

В любом случае при необходимости атрибутировать текст исследователь изучает его в целом, по разделам, частям, фразам, отдельным выражениям. Проводится сопоставление изучаемого материала с другими произведениями предполагаемого автора сходного периода для определения круга интересовавших его в то время проблем. Анализируемый текст сравнивается также с тематически однородными произведениями других периодов. Необходимо выявлять документальные свидетельства о факте написания или намерении написать работу по данному вопросу в личных архивах предполагаемого автора и в воспоминаниях его современников. Большое внимание должно уделяться литературному стилю произведений.

12.3. Партийный контроль за изданием собраний сочинений В. И. Ленина и И. В. Сталина

Работа по собиранию идейного наследия политических деятелей, считавшихся классиками марксистского движения, велась планомерно и организовано.

По предложению В. И. Ленина 8 декабря 1920 г. пленум ЦК принял постановление о создании в Москве первого в мире музея марксизма, преобразованного в 1924 г. в Институт Маркса — Энгельса и признанного «единственным на территории СССР хранилищем всех оригинальных документов, имеющих

отношение к деятельности основоположников научного социализма». Решение Московской партийной конференции 31 марта 1923 г. положили начало формированию Института В. И. Ленина как учреждения при Московском комитете партии, а впоследствии при ЦК ВКП(б). Согласно постановлению Политбюро ЦК РКП(б) от 29 ноября 1923 г. Институт стал единственным хранилищем всех рукописных материалов вождя. Официально он был открыт по решению XIII съезда партии в мае 1924 г., а 31 марта 1931 г. Институт Маркса — Энгельса и Институт В. И. Ленина были объединены в единое научное учреждение: Институт Маркса — Энгельса — Ленина (далее — ИМЭЛ). На XVII съезде партии было принято решение считать его отделом ЦК. Тогда же был образован Центральный партийный архив ИМЭЛ (ЦПА ИМЭЛ), унаследовавший все собранные материалы. Документы, собиравшиеся усилиями работников этих институтов, подлежали научному изданию в собраниях сочинений, документальных сборниках, а также на страницах историко-партийных журналов: «Пролетарская революция», «Красная летопись», «Красный архив» и др.

Уже в 1920 г. по решению IX съезда РКП(б) было предпринято издание первого собрания сочинений В. И. Ленина. Оно готовилось в спешке, оказалось весьма далеким от полноты, включало в основном опубликованные работы, при этом более 30 статей оказались приписаны В. И. Ленину ошибочно.

Второе и третье собрания сочинений (30 томов) 1925—1932 гг. были идентичны по составу, различаясь внешним оформлением (второе — синее — было роскошнее и дороже третьего — красного). Новое издание отличалось не только большей полнотой (2737 произведений по сравнению с 1536), но и высоким для своего времени научным уровнем подготовки: каждый том имел научно-справочный аппарат. С. Н. Валк составил «Проект правил издания трудов В. И. Ленина», соответствовавший высшим требованиям археографической науки. Проект предусматривал определение состава издания, его задачи, подготовку текста, научно-вспомогательный аппарат (примечания, указатели, хронология, библиография, иконография, введение), распределение материала, внешний вид. Подобный подход был призван сделать издание подлинно академическим.

Однако практически сразу началась работа по приведению собрания сочинений в соответствие с требованиями времени. В 1933 г. директор ИМЭЛ В. В. Адоратский написал В. М. Молотову, в ведении которого состоял Институт В. И. Ленина, что при переводе некоторых сочинений вождя Октябрьской революции были установлены выражения, которые независимо от того, являются ли они результатом неточной записи или просто опечатки, способны вызвать совершенно неправильное понимание мысли автора. Постановление ЦК от 25 августа 1935 г. обязывало Институт Маркса — Энгельса — Ленина представить на утверждение ЦК ВКП(б) проект исправления всех обнаруженных «неправильностей». Чистка ленинских текстов выражалась в вычеркивании отдельных выражений и характеристик исторических персонажей. В связи с замыслом выпуска 31 тома (дополнительного ко второму и третьему изданиям изданию собрания сочинений),

В. В. Адоратский предложил документы, адресованные лицам, которые потом стали «врагами партии», включать в собрание в том случае, если они имеют большое значение по своему идейно-политическому содержанию. По информации заместителя директора ИМЭЛ В. Г. Сорина, из 43 печатных листов тома три оказались связаны с упоминанием таких лиц. Их фамилии заменялись названиями учреждений, во главе которых они стояли, например, вместо Троцкого значилось «Председатель Реввоенсовета».

В «Правде» 2 октября 1938 г. была опубликована статья о 13-м томе собрания сочинений В. И. Ленина, в котором руководители ИМЭЛ критиковались за печатание документов эсеров, меньшевиков и примиренцев. Постановление ЦК партии от 14 ноября 1938 г. о партийной пропаганде обязывало ИМЭЛ «в кратчайшие сроки исправить... грубейшие политические ошибки, содержащиеся в приложениях и примечаниях к сочинениям В. И. Ленина...». В новое издание предполагалось включить все важнейшие произведения вождя, исключая заметки и выписки подготовительного характера (например, «Философские тетради»), которые должны были пойти дополнительными книгами, а также те произведения, в отношении которых авторство В. И. Ленина не удалось точно установить.

Официальное решение о выпуске четвертого издания сочинений Ленина было принято Организационным бюро 20 января 1940 г. Особое внимание следовало обратить на справочный аппарат: в примечаниях давались лишь краткие фактические справки об органах печати, съездах, конференциях, расшифровке псевдонимов. Проекты необходимых исправлений при наличии разночтений между печатным текстом и ленинскими первоисточниками ИМЭЛ был обязан представлять на утверждение ЦК ВКП(б). Принципиальной установкой на включение ленинской работы в издание был тот факт, что она предназначалась автором для печати и публиковалась при его жизни, хотя к переписке это правило не могло быть применено. Разрешение на выпуск томов в свет давали Секретариат и Политбюро ЦК.

Очевидно, замысел нового издания сочинений В. И. Ленина во многом заключался в том, чтобы вывести из оборота предыдущее издание. Однако четвертое собрание сочинений (35 томов), издававшееся в 1941–1950 гг., явно уступало предшественнику.

Учитывая недостатки четвертого издания и считая необходимым «собрать воедино все ленинское литературное наследство», ЦК КПСС 8 января 1957 г. принял постановление «Об издании Полного собрания сочинений Владимира Ильича Ленина». В 55 томов Полного собрания сочинений вошло около 9 тыс. ленинских произведений, около 1100 из них публиковались впервые, при подготовке издания проводилась работа по обоснованию авторства и сверке текстов с первоисточниками. В каждом томе имелся научно-справочный аппарат, вышли также две части справочного тома, включившие предметный указатель, указатель псевдонимов Ленина, указатели имен, географических названий, периодических изданий и др.

Однако данное издание нельзя назвать полным. Многие хранившиеся в архивах ленинские документы не были напечатаны по цензурным соображениям.

С конца 1980-х гг. ранее закрытые ленинские документы публиковались в журналах «Известия ЦК КПСС», «Исторический архив». В 1999 г. издательство РОССПЭН выпустило сборник «В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891—1922», включив в него 332 документа, ранее не издававшихся по политическим мотивам и свидетельствовавших о тесном сотрудничестве В. И. Ленина с Л. Д. Троцким, Г. Е. Зиновьевым, Л. Б. Каменевым, Н. И. Бухариным.

Серьезный контроль партийное руководство осуществляло и при подготовке издания сочинений И. В. Сталина, решение о котором было принято Политбюро 19 августа 1935 г. В 8—10 томов предполагалось включить все опубликованные, а также некоторые неопубликованные материалы: стенограммы речей И. В. Сталина на заседаниях Оргбюро, Политбюро, пленумов ЦК, письма, записки, телеграммы. Издание намечалось окончить к 20-летию Октябрьской революции. Однако до войны И. В. Сталин не форсировал работу, хотя документы, относившиеся к своей деятельности, начал собирать, по меньшей мере, с середины 1920-х гг. После создания ИМЭЛ документы за его подписью изымались из соответствующих архивов, в делах оставались только их копии (нередко без права ознакомления с содержанием). Так, в августе 1933 г. директор ИМЭЛ В. В. Адоратский направил письмо в Архив Октябрьской революции с просьбой передать в ИМЭЛ все оригиналы документов Департамента полиции, относившиеся к деятельности И. В. Сталина.

Весной 1945 г. в ИМЭЛ был создан сектор произведений И. В. Сталина, а в декабре он лично утвердил состав первых двух томов из 16. Он сам определял содержание и вычеркивал из типографских текстов включенные туда работы. В итоге в издание попал минимум не публиковавшихся ранее работ, почти полностью отсутствовали письма И. В. Сталина, его выступления на Пленумах ЦК. К сталинским текстам применялся тот же методологический подход, что и к ленинским. Например, ИМЭЛ предлагал опускать фамилии репрессированных руководителей, а также снимать слово «товарищ» (и производные от него) перед фамилиями Бухарин, Рыков, Томский, Угланов и др. Из томов исключались так называемые «правые концовки», т.е. указания на источник, по которому печатался данный текст. Много вопросов возникало по тексту «Краткого курса», поскольку многие приведенные в нем данные расходились с другими источниками. В 1951 г. вышел 13-й том (охватывавший период с 1930 по январь 1934 г.), хотя в плане на 1952 г. намечалось издать заключительный том. Предполагалось также подготовить 11 тематических сборников работ И. В. Сталина по разнообразным вопросам. Как считают исследователи, серьезнейшая внутри- и внешнеполитическая обстановка, а также ухудшавшееся состояние здоровья не позволили И. В. Сталину в 1952 г. уделить достаточное внимание составу последних томов своих сочинений. Конец изданию положил XX съезд партии. Подготовленные к печати 14—16-й тома в свет не вышли. В 1997—1998 гг. недостающие тома выпустило московское издательство «Писатель». В США все 16 томов были опубликованы в 1960-е гг. Многие сталинские документы публиковались в периодике.

Приведенные примеры свидетельствуют о необходимости обращать тщательное внимание на условия подготовки к изданию общественно-политических текстов с учетом существовавшей конъюнктуры.

12.4. Специфика авторства общественно-политических текстов руководителей государства во второй половине XX — начале XXI века

В послевоенный период тексты статей и речей руководителей Советского государства становились все более обезличенными, являясь результатом многочисленных согласований, призванных выражать так называемое коллективное мнение. У советских политических лидеров появлялись помощники (или референты), специализировавшиеся на написании текстов выступлений, отчетных докладов и т.п. В своих воспоминаниях некоторые из них называли себя *текстовиками*. С 1990-х гг. их все чаще стали именовать *спичрайтерами* (от англ. *speechwriter*).

Можно выделить несколько этапов русского спичрайтерства.

1. На начальном этапе для партийных лидеров писались лишь заготовки речей, к написанию которых привлекались работники идеологических звеньев ЦК, журналисты газеты «Правда», научные сотрудники Института марксизма-ленинизма, а при подготовке докладов В. М. Молотова и А. Я. Вышинского — сотрудники Министерства иностранных дел. Однако подобные заготовки, как правило, подвергались коренной переработке. Главный редактор журнала «Коммунист» В. Степанов вспоминал, как в 1952 г. вместе с рядом ответственных работников ЦК он был приглашен Г. М. Маленковым для подготовки речи И. В. Сталина на XIX съезде партии, и от того, что они подготовили, осталось лишь одно слово «товарищи»: «Речь была абсолютно о другом и неожиданна для всех».

2. Во второй половине 1950-х — начале 1980-х гг. шла отшлифовка спичрайтерской технологии, разрабатывались ее характерные приемы. Так, Н. С. Хрущев активно участвовал в подготовке своих речей, делился со своими помощниками мыслями. Он не писал, а надиктовывал стенографистке, после чего материал возвращался в пресс-группу или отправлялся в соответствующее министерство. В конечном итоге все оказывалось сосредоточенным в пресс-группе. В «постоянный штаб» Н. С. Хрущева входили Г. Шуйский, В. Лебедев, О. Трояновский, Л. Замятин, А. Аджубей. Сам Н. С. Хрущев, как правило, просматривал два раздела: военный и внешнеполитический, который готовился в Министерстве иностранных дел. Сведенный документ читался вслух, а затем, с учетом замечаний, текст рассылался членам Политбюро для правок, и далее первый секретарь решал, что оставить и что выкинуть. Политбюро утверждало текст за два-три дня до выступления. Однако Н. С. Хрущев славился и как автор импровизаций.

Костяк группы, которая готовила тексты для Л. И. Брежнева, составляли «академики» Н. Иноземцев, Г. Арбатов, В. Загладин, А. Бовин. Для шлифовки выступлений А. Н. Косыгина привлекались работники Госплана С. Ситарян и Б. Сухаревский, экономист О. Лацис. По свидетельству А. Бовина, требова-

ния Л. И. Брежнева к стилю, форме своих выступлений, его оценка времени и среды показывали «странную смесь здравого смысла и искренней веры в юбилейное “колыхание земли”», наивности («никаких фальсификаций») и идеологической зашоренности.

3. В период перестройки помощники М. С. Горбачева (А. Черняев, В. Загладин, Ю. Жилин, А. Ермонский, И. Соколов) вынуждены были быстро адаптироваться к политическим изменениям. По воспоминаниям этих людей, они шли «почти вслепую», при этом случайно рождался вербальный ряд эпохи — ускорение, перестройка, новое мышление. По словам А. Н. Яковлева, М. С. Горбачев был первым послесталинским руководителем, который мог писать, умел диктовать, править, искать наиболее точные выражения. Некоторые речи М. С. Горбачев писал сам, но много диктовал, потом «надиктовки» использовали спичрайтеры. Тексты по несколько раз переделывались, потом доводились до сведения в узком кругу: обычно при участии В. Медведева, В. Болдина, иногда А. Лукьянова.

4. В 1990-е гг. произошла институционализация спичрайтерского труда: у Б. Н. Ельцина работали постоянные референты, при Председателе Правительства В. М. Черномырдине действовала группа анализа и планирования. Для Б. Н. Ельцина в ходе одной лишь избирательной кампании 1996 г. командой, в которую входили А. Л. Ильин, В. Ф. Кадацкий, К. В. Никифоров, Л. Г. Пихоя, было подготовлено свыше 400 материалов.

Фактически такие помощники создавали публицистические произведения, т.е. труды по какой-либо актуальной общественно-политической проблеме. Однако они использовали справочные материалы не только профильных министерств и ведомств, но и институтов Академии наук, т.е. опирались на глубокий, по сути дела научный, анализ. Об этом хорошо сказал А. Колесников: «Проза, пьеса, сценарий, газетная статья, журнальный очерк, колонка, речь политика, служебная записка, поздравление большого политика с днем рождения или государственным праздником, проект конституции, программа партии — по большому счету всего лишь разные жанры в работе профессионального “текстовика”. С той лишь поправкой, что спичрайтер еще и профессиональный аналитик и, как правило, все-таки весьма образованный человек».

Среди текстов, с которыми выступают политические деятели, можно выделить следующие:

- большие программные выступления;
- выступления на форумах, съездах, конгрессах в присутствии большой аудитории;
- выступления на митингах и других массовых мероприятиях;
- выступления на заседаниях и совещаниях;
- выступления на встречах с узкими группами руководителей и специалистов;
- общение с населением во время поездок, посещения производственных, культурных, исторических объектов;
- выступления на торжественных и протокольных встречах;
- праздничные обращения.

Каждый из перечисленных видов имеет свою специфику. В частности, особой сферой была и остается международная проблематика: так, при Л. И. Брежнев за внешнеполитическую проблематику отвечал А. Бовин, при М. С. Горбачеве — А. Черняев.

Очевидно, у всех текстов есть непосредственные создатели и заказчики. Случается, что они совпадают в одном лице. Так, в период перестройки вовлеченные в реальную политику А. Яковлев и В. Загладин оказывались одновременно авторами и заказчиками речей.

Политический документ по заданию руководителя государства или политического деятеля может готовить большая группа специалистов, но, озвучивая или публикуя текст, «заказчик» берет на себя ответственность за его содержание и фактически считается автором текста. Так, «авторов» посланий Б. Н. Ельцина Федеральному собранию обычно вычисляли по длинным спискам получивших благодарность от президента, в которых по аппаратной традиции фигурировало и все начальство. Однако ни разу журналисты не смогли точно указать состав практически неизменной творческой группы. Как позднее писали сами ее участники, вплоть до избрания Б. Н. Ельцина на второй президентский срок они работали в закрытом режиме, придерживаясь «железного правила, что автором всех публичных выступлений в конечном счете является сам президент, а посвящать кого-либо в свою кухню вовсе необязательно». По высказанному в литературе мнению, подобная «неизвестность» компенсировалась сознанием причастности к формированию государственной политики, идеологии, средствами манипулирования общественным сознанием.

Мотивы авторов политических текстов надо пытаться выяснять. Известно, например, что некоторые советские спичрайтеры называли себя «легальными диссидентами». По свидетельству Г. Шахназарова, особо ценилось умение вписать в официальный текст «эзопову крамолу», позволяющую сослаться на партийные документы. Предметом гордости «текстовиков» был фрагмент доклада на XXIV съезде партии 1971 г., в котором говорилось, что в основе девятой пятилетки должен лежать опережающий рост производства товаров группы «Б», т.е. легкой промышленности.

Помочь в выяснении неизвестных широкой публике деталей могут мемуары самих участников процесса. А. Н. Яковлев вспоминал, например, о подготовке доклада к очередной годовщине Октября для председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного (А. Бовин написал международную часть, сам А. Яковлев — внутреннюю): «Через пару дней встретились, соединили обе части, однако дорабатывать не стали... Доклад я услышал в том виде, в каком мы его подготовили. Без всяких поправок». Однако так бывает далеко не всегда. Общественно-политический текст исторически обусловлен, поэтому пристального внимания требует оценка современной его составлению ситуации, политического фона, который мог послужить катализатором для написания статьи или речи. Необходимо изучение подготовительных материалов, что позволяет проследить историю формирования текста: выявление побудительных мотивов, составление плана, подборка подготовительных материалов (выписок, заметок), подготовка рукописи, последующее редактирование.

По возможности нужно стремиться выявлять (в архивных фондах или в воспоминаниях участников подготовки проекта) все возможные варианты текста. Известно, например, что в 1965 г. помощник Первого секретаря ЦК КПСС А. М. Александров-Агентов дал указание составить несколько вариантов речи Л. И. Брежнева для встречи на Красной площади космонавтов П. И. Беляева и А. А. Леонова, совершившего выход в открытый космос. Были подготовлены различные варианты, но те, в которых упоминались реальные трудности (космонавты приземлились в глухом лесу, в 2 тыс. километрах от расчетной площадки), не прошли, поскольку их отверг отдел ЦК, курировавший космонавтику.

Особое место в работе занимает содержательный анализ окончанных произведений с точки зрения установления основных элементов их структуры и композиции. Как правило, политические тексты адресуются массовой аудитории. В ходе источниковедческого анализа надлежит выяснить, кому адресован текст: политическим единомышленникам, оппозиции, широким слоям населения. Особого внимания заслуживает анализ реакции общественности на выступление политического лидера.

☞ Общая схема источниковедческого анализа общественно-политических текстов выглядит так:

- определение авторства текста;
- изучение политической биографии автора текста;
- характеристика общего политического фона на момент составления текста;
- выявление факторов, послуживших поводом к написанию текста, и условий, в которых проходила работа над ним;
- изучение подготовительных материалов;
- характеристика возможного обсуждения и редактирования текста;
- анализ окончанных произведений;
- общественная реакция на публикацию или выступление.

Контрольные вопросы и задания

1. Что такое политический нарратив?
2. Охарактеризуйте специфику авторства общественно-политических текстов.
3. Назовите основные элементы атрибуции общественно-политических текстов.
4. Кто несет ответственность за содержание общественно-политического текста: его реальный составитель или политик, который произнес его с трибуны?
5. Выявите жанровые особенности общественно-политических текстов.
6. В чем особенности российской культуры подготовки общественно-политических текстов на различных этапах российской истории XVIII—XX вв.?
7. Что такое спичрайтерство? Охарактеризуйте роль спичрайтеров в подготовке общественно-политических текстов советских (российских) государственных деятелей.
8. В чем особенности партийного контроля за публикацией собраний сочинений советских лидеров?
9. В чем отличие пропаганды от агитации? Приведите примеры соответствующих общественно-политических текстов.
10. Предложите методы анализа общественно-политических текстов.

Основная библиография по главе 12

1. *Алтунян, А. Г.* Анализ политических текстов. — М. : Логос, 2010.
2. *Валк, С. Н.* Об издании трудов В. И. Ленина // *Его же.* Избранные труды по археографии / отв. ред. М. П. Ирошников, С. О. Шмидт. — СПб. : Наука, 1991. — С. 164—179.
3. *Валк, С. Н.* Проект правил издания трудов В. И. Ленина // *Его же.* Избранные труды по археографии / отв. ред. М. П. Ирошников, С. О. Шмидт. — СПб., 1991. — С. 85—105.
4. *Варшавчик, М. А.* Источниковедение истории КПСС : учебник для вузов. — М. : Высшая школа, 1989.
5. *Володарская, А. М.* В поисках ленинского наследия (из опыта работы по установлению авторства статей В. И. Ленина) // Археографический ежегодник за 1968 г. — М., 1970. — С. 14—21.
6. *Зеленов, М. В.* Партийный контроль за изданием сочинений Ленина и литературы о нем в 1924—1937 годах // Вопросы истории. — 2004. — № 11. — С. 3—28.

Глава 13

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- ведущие тенденции эволюции источников личного происхождения;
- основные принципы датировки и атрибуции эпистолярных источников различных исторических эпох;
- разнообразие целевого назначения дневников;
- видовые особенности мемуаров;
- специфику автобиографий;

уметь

- верифицировать информацию источников личного происхождения с помощью источников других видов;
- критически оценивать значение литературной записи в публикациях мемуаров, ретроспективной обработки дневников, влияния перлюстрации на содержание писем;

владеть

- навыками выявления, критического анализа и корректного использования информации источников личного происхождения.

Ключевые термины и понятия: *источники личного происхождения, мемуары, дневники, частная переписка (эпистолярные источники), письмовники, автобиографии, автобиографическая память, перлюстрация.*

13.1. Понятие, разновидности и общие методы исследования источников личного происхождения

Воспоминания (мемуары), автобиографии, дневники, частная переписка — письменные источники, близкие по характеру и значению для историка, но являющиеся разновидностями *источников личного происхождения*. Критерием для их разграничения становится целевое назначение, а также функциональные различия в способах достижения этой цели.

Дискуссия

Понятие «источники личного происхождения» рядом исследователей признается неудачным, так как, по их мнению, не отражает сути обозначаемого явления: важно не то, что они созданы автором лично, а то, для чего они ему нужны.

Осмысление значения воспоминаний, дневников и переписки как исторических источников началось в России в XIX в. Источниковедческий анализ мемуаров проводился К. Н. Бестужевым-Рюминым, П. П. Пекар-

ским, Н. Д. Чечулиным. Однако всестороннего теоретического осмысления источников личного происхождения как вида и систематического их сбора в дореволюционной России не проводилось.

В сентябре 1920 г. СНК принял Декрет «Об учреждении комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП». Комиссия, получившая по предложению ее первого председателя М. С. Ольминского название «Истпарт», приступила к руководству собиранием, систематизацией, хранением и изданием материалов, связанных с историей революционного движения.

Следующая волна интереса к источникам личного происхождения во многом была инициирована в 1931 г. призывом А. М. Горького написать многотомную «Историю фабрик и заводов СССР». В рамках подготовки этого издания собирались собственноручные записи воспоминаний рабочих, автобиографии, дневники, стенографировались групповые и индивидуальные беседы, проводились массовые вечера воспоминаний.

Очередной пик собирательства был связан с деятельностью академической Комиссии по истории Великой Отечественной войны, различных ведомственных и региональных комиссий, комиссий воинских объединений, соединений и частей. Выбор респондентов для записи рассказов обычно обуславливался их героическим прошлым. Дневники выявлялись чрезвычайно редко: по свидетельству А. А. Курносова, на фронте запрещалось их вести, исключением являлись записные книжки и дневники писателей и журналистов, для которых такие материалы становились профессионально необходимыми. После войны, по сообщению А. М. Василевского, попытки издания воспоминаний не заслужили одобрения И. В. Сталина: «Он сказал тогда, что писать мемуары сразу же после великих событий... рано, что в этих мемуарах не будет должной объективности».

На рубеже 1950—1960-х гг. активизировалась деятельность общественных коллективов, в том числе молодежных и школьных, собиравших документальные свидетельства о войне для музеев. В конце 1958 г. в связи с подготовкой многотомной истории Великой Отечественной войны в Воениздате была образована редакция «Военные мемуары». Участилось издание воспоминаний, авторами которых становились ученые, деятели искусства и литературы. Массово публиковались также дневники, материалы переписки. Появились монографии и учебные пособия, рассматривавшие принципы работы с этими источниками, а также указатели и справочники. О существовании многих воспоминаний стало известно из фундаментального аннотированного указателя «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях», вышедшего под редакцией П. А. Зайончковского и содержавшего более 25 тыс. названий. В 1958 г. был издан аннотированный библиографический указатель мемуарной литературы «История советского общества в воспоминаниях современников, 1917—1957 гг.», включивший более 1,5 тыс. наименований источников, опубликованных отдельными изданиями, а в 1961 и 1967 гг. — продолжения этого сборника: аннотированные указатели журнальных публикаций мемуаров, в которых были учтены свыше 3 тыс. мемуаров о послереволюционном периоде. В 1976—1977 гг. в «Литературной газете» прошла дис-

куссия, большинство участников которой высказались в защиту архивов «неименитых людей», составивших впоследствии основу «Народного архива». С 1987 г. началось издание аннотированного указателя «Советское общество в воспоминаниях и дневниках».

Однако при всех достижениях отечественных исследователей в советские годы источники личного происхождения воспринимались как второстепенные, а центральной проблемой источниковедческого анализа становилось преодоление их субъективизма и установление достоверности сообщаемых фактов. Качественно новый этап в методологии пришелся на 1980-е — 1990-е гг. и во многом был связан с работами А. Г. Тартаковского по мемуаристике, в которых он рассматривал последнюю как феномен культуры.

М. Ф. Румянцева определяет источники личного происхождения как группу видов источников, функцией которых является установление межличностной коммуникации в эволюционном или коэксистенциальном целом и автокоммуникации, в силу чего они наиболее последовательно воплощают процессы самосознания личности и формирования межличностных отношений.

Исследователь выделяет следующие разновидности таких источников: дневники; частная переписка (эпистолярные источники); мемуары — автобиографии, мемуары — «современные истории»; эссеистика; исповеди. Критерием классификации является направленность устанавливаемых коммуникационных связей, которые рассматриваются ею в двух аспектах:

1. Источники личного происхождения делятся на автокоммуникативные (дневники) и направленные на межличностную коммуникацию. Вторая группа включает источники с фиксированным адресатом (эпистолярные источники, отчасти мемуары-автобиографии, предназначенные для потомков мемуариста) и с неопределенным адресатом (мемуары-истории, исповеди, эссе).

2. Источники личного происхождения направлены на установление связей в коэксистенциальном целом (дневники и частная переписка).

Современное источниковедение понимает субъективную природу источников личного происхождения как отражение индивидуальных качеств автора, его личных взглядов, жизненного опыта, степени участия в событиях. В этом смысле субъективность внутренне присуща мемуарам, дневникам, письмам; это их неотъемлемая особенность и специфика. В связи с этим они являются незаменимым источником для познания личности и не менее достоверны, чем любой исторический источник.

Специфический характер носят *стенограммы* и *протокольные записи устных выступлений*. Некоторые исследователи также причисляют их к источникам личного происхождения, но неуверенность в идентичности стенограммы фактически произнесенному тексту требует дополнительной критики ее как источника; еще менее достоверна краткая протокольная запись. Качество записи определяется степенью компетентности и точности стенографистки или секретаря. В любом случае подобные источники являются скорее разновидностями делопроизводственной документации.

Следует, однако, иметь в виду, что иногда такие свидетельства содержат факты, не встречающиеся в иных источниках (например, протоколы заседаний Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев).

Если цель исследователя состоит в изучении опыта людей, переживших определенные исторические события, то источники личного происхождения становятся особо значимыми, а «традиционные» начинают использоваться лишь для контроля информации, сообщаемой в «свидетельствах о себе». Легче всего это можно осуществить в отношении свидетельств XX в., в течение которого было создано множество документов, содержащих взаимные ссылки и упоминания, описания одних и тех же событий.

☞ При источниковедческом анализе источников личного происхождения проводится:

- 1) изучение происхождения источника — установление времени и места создания, авторства (некоторые воспоминания, дневники, письма не имеют подписи или подписаны псевдонимом, в этом случае необходима атрибуция — установление автора), подлинности, побудительных мотивов для написания, вспомогательных источников;
- 2) изучение содержания — установление степени достоверности, полноты, наличия политической или субъективной тенденциозности;
- 3) анализ особенностей личностного восприятия действительности автором и отражения их в источнике.

Источники личного происхождения условно делятся на *спонтанные* (пишутся по внутренним побудительным мотивам) и *провоцированные* (пишутся в ответ на побуждение извне). Так, значительная часть документов, созданных детьми, по сути представляют собой тексты-воспоминания (в форме дневниковых записей, развернутых ответов на вопросы анкет, писем в газеты и журналы и пр.). В преобладающем большинстве эти источники — провоцированные, продуцированные, т.е. составленные не по собственной инициативе детей, но по просьбе, а часто и при прямом вмешательстве взрослых. В связи с этим наряду с фиксацией, интерпретацией и актуализацией событий, явлений и состояний, значимых для ребенка и отложившихся в его памяти, они содержат то, что было важным и существенным в тот момент для «работавших» с ним, а, как правило, и над ним, взрослых.

Учет внутренней мотивации автора, его стремление к определенной самопрезентации изначально лежали вне интересов профессиональных историков, служа достоянием психологии, социологии, литературоведения. Лишь с помощью междисциплинарного диалога у историка появилась возможность использовать источники личного происхождения в полной мере.

13.2. Мемуары и автобиографии

☞ *Мемуары* (от лат. *memoria* — память) — это письменный исторический источник, представляющий собой написанные от первого лица воспоминания автора о минувших событиях, участником или очевидцем которых он был.

В научной литературе термины «мемуары», «мемуаристика», «мемуарная литература» часто употребляются как синонимичные. Тождественны также понятия «мемуары» и «воспоминания».

К воспоминаниям можно отнести все виды рассказов отдельных лиц о своем прошлом: о жизни, времени, событиях, людях, известных авторам по личным впечатлениям или по рассказам других. В мемуарах с наибольшей последовательностью и полнотой реализуется историческое самосознание личности, в чем и состоит их социальная функция, обуславливающая *свойства* мемуаров: личностно-субъективное начало, ретроспективный характер воссоздания действительности и память как специфическое средство ее отражения.

 Илон Фрайман выделил две линии мемуаров: одна восходит к юридическим документам (свидетельским показаниям), другая ориентирована на житийную традицию (в перспективе русской культуры) и переводные автобиографические тексты (рассматривавшиеся русскими читателями как один из жанров беллетристики). Мемуары первой группы в своем возникновении оправдываются не значительностью биографии говорящего, а значительностью фиксируемых им событий. Во втором случае, наоборот, значимость личности мемуариста обосновывает его право на рассказ о себе. Эти две линии дают основные типы мемуарных текстов — *объектно-ориентированный* и *субъектно-ориентированный* — и диктуют выбор стратегии повествования: если события выглядят в сознании автора как ординарные, избирается дискриптивная стратегия (ситуация в них изображается суммарно, основные слова-маркеры — наречия «часто», «обыкновенно», «иной раз»); в случае изображения экстраординарных событий избирается нарративная стратегия, повествующая о конкретном событии с наречиями «однажды», «как-то».

Некоторые воспоминания известны нам только в виде так называемой *литературной записи*. Появились даже такие специфические термины, как «псевдомемуары», «квазимемуары» и даже «антиавтобиографии». Соавтор может помогать в определении структуры мемуаров, подборе материала, решении организационных вопросов, а также весьма серьезно влиять на исторический фон, композицию и стиль изложения. По мнению А. Г. Тартаковского, соблазн «исправления» субъективного взгляда мемуариста, обрисовки «исторического фона» и дополнения документами приводил иногда к исчезновению индивидуального колорита воспоминаний, что особенно характерно для многочисленных «генеральских» мемуаров, изданных в серии «Военные мемуары» и являющих собой «некие повествовательные “монстры”, жанровую принадлежность которых вообще трудно определить». В связи с этим необходимо (по возможности) выяснение степени участия литератора в составлении текста и действительного авторства мемуариста.

 Генерал-лейтенант, профессор Н. Г. Павленко, лично знакомый с Г. К. Жуковым, в одном из своих интервью свидетельствовал, что маршал трудился самостоятельно, не прибегая к помощи «воспоминателей», подготовив к сере-

дине 1960-х гг. рукопись в 800–900 страниц. Однако «судьбу и содержание воспоминаний определяли не столько редакторы, сколько руководители ряда известных ведомств и организаций, в том числе Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота, Генерального штаба, Министерства обороны СССР и ЦК КПСС». Мемуары чуть было не отправились в закрытые архивы из-за негативных отзывов маршалов А. Гречко, М. Захарова, К. Москаленко и начальника Главного политического управления генерала А. Епишева, полагавших, что в книге преувеличена роль автора. Основные усилия доработчиков были сосредоточены на написании новых текстов и монтировании их в мемуары; исключении из рукописи критических сюжетов; изменении смыслового содержания отдельных разделов.

В начале 1970-х гг. при подготовке второго издания в него были добавлены значительные разделы. Редакторы Издательства Академии педагогических наук в примечании признали, что текст некоторых глав не принадлежит Г. К. Жукову: «Глава “Ставка Верховного главнокомандования” была написана в 1972 году в духе того времени для второго издания и подписана Г. К. Жуковым в печать. Оценки, данные И. В. Сталину как Верховному главнокомандующему, отличаются от тех, которые были в рукописи к первому изданию, и по конъюнктурным соображениям не публиковались, за исключением некоторых фрагментов, вошедших в эту главу».

При подготовке издания 1990 г. была проведена работа по восстановлению первоначального текста, отчего объем книги увеличился более чем на четыре печатных листа. С тех пор «Воспоминания и размышления» издаются в этой редакции.

Можно согласиться с мнением В. Кардина о том, что проблема литературной записи и творческая, и этическая, и правовая.

На рубеже XVII–XVIII вв. воспоминания писали только представители столичного дворянства, с середины XVIII в. в ряды мемуаристов включилось крупное чиновничество и духовенство, в XIX в. стала явной демократизация круга авторов мемуаров за счет включения в их число выходцев из купеческо-мещанских слоев, а в XX в. — крестьян, рабочих, совслужащих.

Мнение

По утверждению Н. Н. Козловой, до 1917 г. в русской культуре существовало две традиции: большая — традиция «размышляющего меньшинства» и малая — традиция «неразмышляющего большинства». Основой новой советской культурной традиции должны были стать «новые люди — представители прежнего “непишущего большинства”». Как полагала Н. Н. Козлова, эти люди оказались выпавшими из истории — у них не было воспоминаний.

Воспоминания второй половины XVII — первой половины XVIII в. были тесно связаны с наиболее важными политическими вопросами современности, и это объединяет их с летописями, которые фиксировали прежде всего события общественного и государственного значения. Однако у мемуаристов отбор фактов и событий был индивидуален, они ориентировались в основном на личный вкус и опыт.

При этом в XVIII в. составление мемуаров считалось сокровенным делом автора, важным для удовлетворения его личных духовных потребностей, его детей, наследников, но не выходящим за пределы фамильно-родового или дружеского круга. В связи с этим русские мемуары XVIII в. почти не публиковались. В фундаментальном Каталоге русских книг гражданской печати XVIII в., насчитывающем около 10 тыс. названий, отмечена только одна такая публикация: анонимно изданные в 1790 г. автобиографические записки выходца из обер-офицерских детей участника русско-турецких войн П. З. Хомякова.

Отсутствие традиций, а также нормативных образцов способствовало закреплению за мемуарами названий, известных в XVII—XVIII вв.: летопись, домовая летопись, журнал, записки, жизнь, история, анекдоты, описание, повесть и пр. В начале XIX в. к прежним самоназваниям личных повествований прибавились новые: мемуары, воспоминания, автобиография. Однако четкого разграничения в употреблении этих понятий тогда не существовало. Авторы (особенно провинциальные) нередко начинали повествования с воспоминаний о прошлом, затем переходили на дневниковые записки или наоборот.

Иногда авторы мемуаров сознательно придавали им ту форму, которая могла убедить читателей в достоверности событий. Например, по мнению историка В. А. Бильбасова, дневниковая форма «Записок» Я. Штелина о последних днях правления Петра III никого обмануть не должна, ибо в те тревожные дни Штелин неотлучно находился при императоре, не имея возможности протоколировать события, поэтому «Записки» составлялись вскоре после 28—29 июня, когда автор еще мог вспомнить приблизительно час каждого известия, им сообщаемого.

Только в середине XIX в. завоевывает публичное признание точка зрения на современное назначение мемуаров и разворачивается прижизненная их публикация. В пореформенное время даже установилась практика заказа мемуаров. Так действовали редакторы-издатели исторических журналов П. И. Бартенев («Русский архив»), М. И. Семевский («Русская старина»), С. Н. Шубинский («Исторический вестник»). Появились мелкие формы мемуарного творчества: «наброски и зарисовки из прожитого и передуманного», «кое-что из прошлого», воспоминания об отдельных событиях, встречах, происшествиях.

В XIX в. цензурные ограничения, низкий уровень археографической культуры часто приводили к сокращению и искажению авторских текстов. Так, из текста мемуаров Н. И. Греча «Записки о моей жизни»¹ были изъяты десятки страниц с критикой политики Павла I и других Романовых. Издатель А. С. Суворин напечатал 10 экземпляров без цензурных изъятий, но и их текст не был полным. В связи с этим в исследовательских целях предпочтительнее обращаться к первоисточникам.

В конце XIX — начале XX в. сократилась дистанция между временем рассказа и временем действия, а для ранней советской эпохи был характерен всплеск публикации «некрологических» мемуаров, что во многом

¹ См.: Греч Н. И. Записки о моей жизни. СПб., 1886.

обусловливалось историческим сломом (характерно название мемуарного цикла Вл. Ходасевича — «Некрополь»).

В 1920-е гг. развернулась настоящая «мемуарная война»: на страницах журналов, сборников выходили «мемуары побежденных» и тут же — контрмемуары «победителей» Гражданской войны (вопросу о том, как надо писать воспоминания, был даже посвящен методологический очерк И. Гелиса, опубликованный в 1925 г. в журнале «Пролетарская революция»). По замечанию С. Ю. Малышевой, перепечатка воспоминаний противников нового строя (чаще всего в виде отрывков) носила выборочный характер, ориентированный на формирование образа слабой и некомпетентной старой власти. Тем самым реализовывался своеобразный «социальный заказ» Советского правительства, имевший целью легитимацию октябрьских событий.

В 1930-е гг. возобладал взгляд на мемуары как на научно-популярную литературу, а после принятия постановления ЦК об издательстве «Молодая гвардия», в котором указывалось, что «борьба за большевистское воспитание юношей и детей в духе ленинизма, за интернациональное воспитание пролетарской и колхозной молодежи Советского Союза требует на данном историческом этапе исключительного внимания к острейшему большевистскому орудью на идеологическом фронте», вышла статья Б. Волина «Мемуарной литературе большевистскую бдительность». Установившийся «мемуарный канон» влиял не только на создаваемые в это время воспоминания, но и на отбор старых текстов, предназначенных для публикации.

Ослабление цензурного давления в конце 1950-х гг. способствовало расцвету мемуарного жанра. Однако в советском источниковедении долгое время критиковались субъективизм и тенденциозность мемуаров. Е. В. Тарле, например, подчеркивал, что «коренная черта всей мемуарной литературы заключается в том, что у автора есть совершенно сознательное намерение показать читателю людей и их поступки лишь в известном освещении: выявить одно, скрыть другое, извратить третье».

Интерес к мемуарам в переломный период реформирования и распада советского строя был обусловлен тем, что публицисты часто поверхностно и односторонне освещали ранее закрытые страницы советской истории. Архивы открывались медленно. Воспоминания нередко становились единственным источником, способным удовлетворить интерес общества. Этому процессу способствовала коммерциализация издательского дела, книгоиздатели охотно печатали мемуарную литературу. В условиях демократизации общественной жизни мемуары становились для политиков средством ведения политической борьбы. Например, воспоминания Б. Н. Ельцина «Исповедь на заданную тему»¹ вышли в ходе его противостояния с М. С. Горбачевым.

В качестве помощников мемуаристов выступали журналисты, беллетристы, сотрудники аппаратов должностных лиц. Работа обычно проходила в форме ответов на вопросы, затем помощник обрабатывал записи, готовил текст, проверял факты, цифры и цитаты. В ряде случаев в распоряжении

¹ См.: Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. Свердловск, 1990.

литературных сотрудников имелся текст или его часть, чаще всего в виде магнитофонной записи. Стремлением расширить масштабы повествования, подчеркнуть значение личных впечатлений можно объяснить широкое использование в мемуарах документальных материалов: законодательных актов, стенографических отчетов и протоколов съездов народных депутатов, съездов и конференций КПСС, служебной и дипломатической переписки, дневников и воспоминаний третьих лиц. Всей современной мемуаристике свойственны публицистическая актуальность и полемичность, но ряд воспоминаний поднимаются до уровня политологических и социально-экономических исследований.

Традиционное источниковедение ориентировало исследователей на то, что ценность мемуаров — в изложении фактической стороны описываемых событий, а не в оценке их, которая, естественно, субъективна. Современная концепция исторического знания по-новому ставит вопрос о «субъективности» и «объективности» источника. Можно, как и раньше, видеть в мемуарах фактический материал, требующий верификации, а можно — человека в его собственной памяти (в этом случае уникальный внутренний опыт автора и является настоящей «исторической реальностью»).

Сегодня общепризнано, что точность сообщаемых мемуаристом фактов, имен, дат, ситуаций при всей важности не синонимична понятию «достоверность»: неточный рассказ о встрече в прошлом может являться достовернейшим свидетельством того, как эта встреча была воспринята автором или его окружением.

По определению В. В. Кабанова, достоверность мемуаров — это адекватное фактам и эмоциям отображение автором случившегося события. Однако в силу особенностей и ограниченности человека видеть, слышать, запоминать, помнить и передавать адекватное отображение случившегося в мемуарах возможно с определенными потерями и искажениями. В связи с этим термины «достоверность» и «правда» — понятия не идентичные.

Необходимо помнить, что выяснение достоверности и полноты мемуаров нацелено на получение конкретных фактов, восприятие которых всегда субъективно и отражает неповторимые личные качества автора.

Мнение

Л. Левицкий утверждает, что «от мемуаров надо требовать то, что могут дать мемуары. И не мемуары “вообще”, а эти конкретные мемуары. Ваше право что-то из этих мемуаров взять, что-то отбросить, с чем-то согласиться, в чем-то разойтись, но не требуйте от автора, чтобы он перестал быть самим собой, чтобы он отказался от **своего** опыта, **своих** пристрастий, **своего** видения мира и людей, чтобы живые глаза уступили место объективу фотоаппарата».

К числу сложных источниковедческих проблем относится *атрибуция* мемуаров. Авторство может быть раскрыто самим автором в частных письмах, дневниковых записях, личных беседах. Иногда ключ дает и сам текст воспоминаний: упоминаемые лица, события, их детализация могут помочь в установлении автора. Если авторство установить не удалось, использо-

вать в исследовании неатрибутированные мемуары необходимо с соответствующей оговоркой. Если известно только имя автора, необходимо начинать работу с изучения справочной литературы в целях установления психологического портрета, исторической обстановки, побудительных мотивов для написания мемуаров, определивших интерпретацию событий прошлого. Встречаются факты мемуарных подделок, приписываемых известным историческим личностям (например, «мемуары» А. А. Вырубовой). В связи с этим бывает необходимо проведение текстологической и даже графологической экспертизы.

Существенное значение имеет установление времени создания воспоминаний. Короткий интервал сохраняет в памяти исторические события, но восприятие фактов «по горячим следам» может быть более эмоциональным и менее объективным. Со временем происходит переоценка ценностей как закономерный результат жизни человека. И. Гелис назвал все это «давлением времени». В большинстве случаев оценка событий, да и сам их отбор, производится мемуаристом на основе новых воззрений. Однако степень вмешательства нового «я» у разных авторов различна. Необходимо сопоставлять воспоминания с перепиской, сообщениями современников, выступлениями автора в печати прежних лет. Мемуарист мог умалчивать о ряде событий, потому что считал их неважными, неинтересными для читателей, не соответствующими требованиям жанра.

Значение имеет также возраст мемуариста (далеко не всегда преклонный). Для возникновения потребности писать воспоминания достаточно, чтобы их автор оказался вне той сферы событий и системы отношений, о которых ему предстоит рассказать (события уже свершились или его участие в них было прервано). И. М. Долгоруков, поэт рубежа XVIII—XIX вв., приступил к своему жизнеописанию «Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни» в 24-летнем возрасте. При этом надо иметь в виду, например, что память взрослых о детстве всегда светла и, как правило, идеализирована, независимо от того, каким было это детство и удалась ли человеку его последующая жизнь. Дети же смотрят на свое недавнее прошлое гораздо объективнее и критичнее.

Проблему мотивации мемуарного творчества сформулировал А. И. Герцен в «Былом и думах»: «Кто имеет право писать свои воспоминания? Всякий, потому что никто их не обязан читать». Цели автора могут замыкаться на лично-семейной сфере (потребность автора в самопознании, извлечении уроков из прожитой жизни для детей, внуков и т.п.), а могут быть откровенно публичными, когда мемуары пишутся ради сведения личных счетов с былыми политическими противниками, самооправдания в глазах современников.

В. Г. Безрогов попытался определить «спектр» целей мемуаристов:

- оправдаться;
- выявить значимость собственной жизни и своей личности;
- явить своей жизнью образец или урок для потомков;
- запечатлеть для них же не столько себя, сколько важные события и интересных людей;

- разоблачить слухи, сплетни и легенды;
- уйти в милое, далекое прошлое, в «утраченный рай» детства и юности от безрадостной старости;
- разобраться в себе и осмыслить: а) итог своей жизни; б) самого себя как характер; в) закономерность своей судьбы.

Обращение историка к материалам, бывшим в распоряжении автора воспоминаний, может послужить определению замысла мемуаров, раскрыть особенности работы над текстом, сравнить его редакции. Используя дополнительные материалы, автор обычно стремится проверить, уточнить факты, датировать события, ввести в повествование уникальные материалы и др. Например, М. А. Кривонос приводит данные, согласно которым в «Воспоминаниях» С. Ю. Витте содержатся упоминания более чем о 120 источниках, использованных им в работе. Эта цифра была установлена путем сравнительного анализа сведений, приводимых в мемуарах, и круга документов, очевидно, доступных С. Ю. Витте и находящихся, по большей части, в его личном фонде в РГИА. Это документы официального делопроизводства (всеподданнейшие доклады и записки самого С. Ю. Витте и других представителей власти, журналы заседаний, материалы служебной переписки), дипломатические документы (международные конвенции, переписка), мемуары Н. Д. Оболенского, Н. И. Вуича, А. И. Куропаткина, И. И. Толстого и др.

Сочетание документальных и мемуарных источников в ходе источниковедческого исследования позволяет реконструировать события в их полноте и достоверности. Бывает, что из-за высокого авторитета и выдающихся заслуг мемуариста ошибки входят в широкий научный оборот. Например, Г. К. Жуков опустил в своих мемуарах существенную деталь о регулярных личных контактах со И. В. Сталиным в Ставке после смещения его в конце июля 1941 г. с поста начальника Генерального штаба Рабоче-крестьянской Красной армии, что послужило основанием для распространенного мнения о своеобразной опале генерала армии. Однако журнал посещений кабинета И. В. Сталина фиксировал неоднократные в течение августа 1941 г. появления там Г. К. Жукова.

Анализ мемуаров требует знания основ психологии памяти, а также особенностей восприятия: на уровне зрения, слуха, на социально-психологическом уровне. Встречая в текстах воспоминаний различные, иногда прямо противоположные оценки исторического персонажа или какого-либо факта из его жизни, надо не стараться выбрать по своему усмотрению «достоверную» или «объективную», а попытаться выяснить, какие основания для суждений имелись у автора.

 Среди разнообразных потоков информации, фиксируемых памятью человека, сегодня принято выделять особую подсистему личного опыта, характеризующуюся специфическими закономерностями организации и извлечения материала — *автобиографическую память*. Люди обычно высоко оценивают истинность своих воспоминаний, несмотря на то, что в действительности их субъективная и объективная точность коррелируют в очень небольшой сте-

пени: специфика материала, включаемого в автобиографическую память, допускает вариативность интерпретации. Кроме того, значение и смысл события могут изменяться с течением времени. Верификация автобиографических воспоминаний осложняется тем, что документальные свидетельства истории жизни человека обычно фиксируют только социально значимые аспекты события, а глубоко личная, смысловая составляющая остается вне поля зрения «внешней» хроники жизни.

В. В. Нуркова выявила ряд устойчивых эффектов временной организации автобиографической памяти. *Циклический календарный эффект* заключается в том, что метрика времени (недели, месяцы, годы) заставляет субъекта впадать в регулярную ошибку относительно точной даты события (помнить время года — не помнить год, помнить день недели — не помнить месяц). *Краевой эффект* проявляется в том, что при воспоминании событий, относящихся к какому-либо периоду, человек воспроизводит максимальное количество событий из начала и конца заданного периода. *Телескопический эффект* — удаление или приближение события на субъективной оси времени в зависимости от их личностной значимости (человеку кажется, что важные для него события произошли недавно, а не слишком важные — давно). Наиболее значимым во временной организации автобиографической памяти является *эффект пика воспоминаний*: люди вспоминают непропорционально большое количество автобиографических событий, относящихся к периоду 16–28 лет; книги, музыка и кинофильмы, с которыми люди ознакомились в возрасте 15–30 лет, оцениваются ими как наиболее приятные. Обычно это объясняется результатом присвоения культурных жизненных сценариев по мере социализации личности.

Произведения, в которых излагается преимущественно жизненный путь автора, можно определить как *автобиографические записки (мемуары-автобиографии)*.

 Считается, что термин «автобиография» возник на рубеже XVIII–XIX вв. Впервые это слово было употреблено в германоязычной литературе в 1791 г. в воспоминаниях Фридриха Шубарта, а в англоязычной литературе — в 1797 г. в журнальной рецензии на вышедшие годом раньше записки ученого и политика Исаака Дизраэли, в которых сам автор употребил термин *self-biography (самобиография)*. Краткие жизнеописания именовались также «*Curriculum vitae*», с XIX в. общепринятым стало понятие «автобиография».

Автобиографии как подвид источников личного происхождения целесообразно выделять в отношении так называемых служебных автобиографий, которые каждый человек составляет не один раз в течение жизни. Фактически это — своеобразный отчет о «служебном соответствии» должностным обязанностям. С одной стороны, это документ информационно-биографического характера, служебного назначения, с другой — краткий рассказ человека о событиях и фактах своей жизни. При этом его содержание нередко формализовано, а отбор фактов определяется назначением документа. Например, в автобиографиях, составленных коммунистами с большим партийным стажем при вступлении в Общество старых боль-

шевиков, особое внимание обращалось на отражение активной революционной деятельности авторов, так как она была непременным условием приема в это Общество. Служебные автобиографии (или биографические анкеты) с воспоминаниями роднит то, что сведения в них приводятся, как правило, по памяти, касаются событий, связанных с жизнью автора. Отличаются же они официальным назначением, нередко регламентацией сведений вопросами анкеты, наличием формуляра, краткостью (в отличие от автобиографических записок, для которых характерна большая пространственность изложения).

При изучении автобиографий важно знание контекста, среды, в которой оказался автор, целей составления, правдивости автора и достоверности сообщаемых сведений. Наибольшую научную ценность представляют автобиографические документы, дошедшие до исследователя в первоначальном виде.

В XX в. наука относилась к автобиографиям прагматически, как к источнику для сведений событийной истории. Так, широкомасштабная деятельность по разработке программ автобиографий велась в ходе подготовки «Истории фабрик и заводов» в начале 1930-х гг. Сегодня рост интереса к автобиографиям связан с персонализацией истории, широким распространением микроистории, исследованиями по истории семьи и частной жизни. Мемуары и автобиографии позволяют дополнить академически написанную историю историей личной, приватной, дающей представление о повседневной жизни людей конкретной эпохи.

13.3. Дневники

☞ *Дневники* — исторический источник личного происхождения, представляющий собой повседневные записи мыслей и наблюдений автора о том, что он видел и пережил.

Регулярное ведение записей в зависимости от календарного течения времени было известно в Европе в форме повседневной хроники, путевого дневника, бортового журнала, счетной книги. Появление дневников автобиографического характера, отражающих личность автора, связано с эпохой Реформации и Контрреформации, с усилением потребности религиозного сознания в самоанализе и самодисциплине. В Англии и Германии такие записи велись с конца XVII в., во Франции — с середины XVIII в.

В России первые авторские поденные записи событий известны с конца XVII в. (например, дневник П. А. Толстого за 1697—1699 гг.). Однако распространение дневников, в которых последовательно фиксировалось повседневное течение жизни, мысли и переживания автора наряду с впечатлениями от окружающего, началось во второй половине XVIII в. Авторы дневников в большинстве своем принадлежали к высшему, аристократическому слою. Записи велись в тетрадях и записных книжках, достаточно разнообразных по виду: в кожаных и картонных переплетках, иногда обтянутых тканью (шелком, сафьяном). В целом дневники XVIII—XIX вв. тяготели к книжному оформлению, что являлось общеевропейской тенден-

цией: дневник часто начинали так, как если бы это была книга, с любовью оформляли титульный лист, ставили свое имя, подпись, заглавие, даты, украшали виньетками. Высокого уровня дневниковая культура достигла в первой половине XIX в. В это время она характеризовалась синтезом таких факторов, как русская житийно-летописная традиция с ее тяготением к «молчанию», европейские (прежде всего французские) аристократические мемуары и исповедальная литература.

Условно можно выделить следующие основные виды дневников:

- путевые дневники;
- дневники-медитации, возникавшие под влиянием сентиментальной литературы;
- дневники-описания военных кампаний;
- дневники-хроники повседневной жизни.

Дневник обычно считается закрытым, камерным жанром, но иногда потребность высказаться заставляла людей делать записи общественного значения. В советские годы на страницах дневников находили отражение факты, противоречившие взглядам и идеям, пропагандируемым со страниц газет, жизненные реалии, настроения и взаимоотношения в обществе. Характер записей, а также необходимость избежать нежелательных читателей иногда вынуждали авторов прибегать к шифровке (например, «подпольные записи» дневников Д. Хармса, расшифровку которых частично опубликовал в начале 1990-х гг. журнал «Новый мир»).

Информация к размышлению

М. Г. Чулюкина считает, что автор дневника, как бы ни старался скрыть свои личные записи от окружающих, рискует быть прочитанным, но продолжает его вести. В связи с этим всякий автор любого дневника рассчитывает на читателя, не говоря о тех случаях, когда дневник специально предназначается для печати: в этом случае не может идти речи о камерности жанра.

М. А. Варшавчик, говоря об отсутствии массовой практики ведения дневников в СССР, затруднился объяснить, почему «такая популярная ранее форма записи своих впечатлений, раздумий, как дневники, у революционеров, у партийных, советских работников, вообще у советских людей не получила распространения. То ли сказалась огромная занятость, то ли отпала необходимость искать «молчаливого друга», которому можно было бы поверять сокровенные мысли, если появилась возможность высказывать их по-иному, то ли сложилось предубеждение против этой считавшейся несколько сентиментальной формы «самоисповеди», но факт остается фактом: дневники писались редко, лишь в исключительных условиях». Очевидно, под воздействием таких чрезвычайных обстоятельств многие ленинградцы, ранее не записывавшие событий своей жизни, стали вести дневники в блокадном Ленинграде¹.

¹ Часть из дневников доступна на сайте «Блокадный дневник» (см.: URL : <http://www.3es.ru/>).

В большинстве современных определений указывается на качество дневника, свойственное только ему: *синхронность создания ходу описываемых событий*. Так, в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой понятие «дневник» раскрывается как записи о каждодневных делах, текущих событиях, ведущиеся изо дня в день.

Мнение

По мнению С. В. Житомирской, словом «дневник» обозначаются такие различные по функции тексты, что само это слово в сущности является лишь собирательным наименованием различных видов отрывочных датированных записей.

Часто проставленная в начале записи дата служит решающим признаком отнесения этой записи к дневникам. Однако записи в рабочих тетрадях ученого, хоть и датированные, к дневникам отнесены быть не могут. Дневники также необходимо отделять от журналов служебного характера (полковых, судовых, камер-фурьерских и др.), которые в XX в. нередко назывались дневниками археологических, этнографических и иных экспедиций.

Дневники служат разным целям: они могут быть закреплением фактов текущей действительности для себя и близких или для практических, справочных нужд. Так, детские и юношеские дневники последнего российского императора Николая II в виде памятных книжек были сброшюрованы таким образом, чтобы каждому дню недели соответствовала приблизительно одна страница. Подобный лимит, с одной стороны, дисциплинировал автора дневника, побуждая его вести ежедневные записи, с другой — неизбежно придавал записям однотипность, лапидарность и информационную сухость. Гораздо ярче те же события описывались в письмах. Современные дневники, в частности «Живой Журнал» (далее — «ЖЖ») в Интернете, отличаются тем, что они публичны, т.е. являются жанром открытым, несмотря на широко распространенное мнение о том, что дневниковая проза носит «автокоммуникативную направленность».

В отличие от мемуаров дневники, как правило, имеют *точные даты*, указывающие на время ведения записи. Датирование превращает дневник, который не просто фиксирует мысли, но и отражает взаимосвязь реальных событий во времени, в свидетельство. Лидия Гинзбург отметила важное свойство дневника: пишущий его человек «продвигается наугад, не зная еще ни своей судьбы, ни судьбы своих знакомых. Это поступательная динамика, исполненная случайностей и непроверенных событий». Характерными записям являются повседневные, часто встречаются заметки за вчерашний день, а то и за несколько прошедших, но значительного разрыва по времени между описанным событием и дневниковой записью нет. В силу этого искажений памяти в них немного, поэтому в отечественном источниковедении было принято считать дневники более достоверными и непосредственными реальными свидетельствами событий из жизни их авторов.

Источником информации в дневниках могут быть собственные наблюдения и переживания, исторические события, СМИ. В дневниках автор

приводит цифровые данные, имена и фамилии, свидетельства, подтверждающие фактическую основу записей. Можно выделить две общие тенденции: дневники могли быть нацелены преимущественно на точную фиксацию событий, на рассказ об участниках этих событий или же содержать, главным образом, субъективные впечатления автора, повествование о себе.

Мнение

По мнению К. Кобрина, людей, ведущих дневники, можно условно разделить на три категории: просто люди, которые привыкли регулярно записывать события своей жизни; политики, которые ведут дневники с тайной целью рассказать всю правду, оправдать себя или расчитаться с врагами в глазах потомства; люди искусства, для которых дневник частенько превращался то в мастерскую, то в светскую гостиную, то в исповедальню, но практически никогда просто в перечень событий.

По словам Б. В. Дубина, дневник чаще всего фиксирует сам процесс перемен, сюжеты драматической ломки, поиска места в общественных отношениях, а главное — дает возможность проникнуть в глубинные слои культуры и человеческой души. Он представляет собой не столько публицистику факта, сколько публицистику переживания. Так, датированные записи в записных книжках М. И. Цветаевой содержали такую «жуткую интимность» (по выражению В. Я. Брюсова), что А. Эфрон закрыла архив матери до 2000 г. Однако дневник, не фиксирующий, а только рассуждающий, превращается в эссе, датировка записей становится ненужным украшением.

☉ Можно выделить следующие признаки дневников:

- *формально-композиционные* (датируемость, регулярность, дискретность (прерывистость) и лаконизм записей);
- *общезанровые* (автокоммуникативность, т.е. обращенность автора дневников к самому себе, синхронность описываемых событий и записей, фактическая основа, отсутствие обобщений).

В начале работы над конкретным дневником нужно уяснить своеобразие способа, манеру письма автора дневника. Одни авторы сразу заносят записи в тетради, другие фиксируют текущие события в записных книжках, на листках бумаги, затем упорядочивают эти заметки. Итог может явиться результатом значительной редакционно-стилистической обработки первоначальных записей. Почерк, пометы и рисунки на страницах дневников должны использоваться для характеристики личности автора. Дневникам, как и другим источникам личного происхождения, свойственна субъективность: где-то автор себя приукрашивает, иногда что-то недоговаривает.

По характеру ведения записей к личным дневникам близки *записные книжки, памятные книжки*. В них обычно вносятся без определенного порядка записи о разных курьезах, деловые заметки, исторические анекдоты, сюжеты для будущих произведений. Например, в записных книжках П. А. Вяземского можно обнаружить статистические данные о промышленности и торговле, исторические анекдоты, рассуждения автора о политике

и литературе, путевые заметки, выписки из книг — своеобразный калейдоскоп, в котором «предания нередко дороже самих событий».

При подготовке к печати дневники и записные книжки порой подвергались цензурным искажениям.

 Изъятия из текстов дневников были характерны не только для советского периода.

Например, объектом цензуры стал опубликованный в конце 1880-х гг. «Дневник» Марии Башкирцевой, печатный текст которого некоторые авторы называли «колоссальной подделкой». Подлинные записи были «подвергнуты правке, искажениям, чистке и сокращениям» литераторами и наследниками «во имя священного требования приличий». Дневник подвергся: 1) правке, рассчитанной на привлечение читателя, романизацию жизни молодой девушки; 2) вмешательству в текст с целью защиты личной жизни, что привело к устранению тех признаний, которые семья Башкирцевой считала компрометирующими; 3) идеологической цензуре, смягчающей те аспекты дневника, которые представлялись слишком смелыми, неприличными, «современными». В результате знакомства с цензурированным дневником читатель не столько сопереживает психологической драме Марии, сколько испытывает чувство раздражения, как от нытья избалованного ребенка. Парадокс, однако, в том, что без цензурного вмешательства дневник Башкирцевой не был бы опубликован вовсе и не оказал бы влияния на развитие автобиографической стратегии не только во Франции, но и в России.

Дневник во многом подобен фотографии, зафиксировавшей момент истории. Часто дневники служат источником для подготовки текста мемуаров, что предохраняет мемуариста от провалов памяти, позволяет сохранить яркость характеристик, образов современников. Находя первооснову таких мемуаров, предпочтительно обратиться именно к ним и лишь после этого — к созданным на их базе воспоминаниям.

13.4. Материалы частной переписки

Письма играли огромную роль в системе межличностного общения людей, когда не существовало телефона, радио, компьютеров, Интернета, непросто было преодолеть пространство для личных встреч. *Эпистолярные* (от греч. *epistolē* — письмо, послание) источники — одни из немногих, передающих живые разговорные интонации, язык, присущий культурной среде, позволяющие воссоздать эмоциональную атмосферу времени. Общепризнано значение писем при воссоздании научно-исторической биографии личности, написании трудов по истории общественно-политической мысли, культуры, повседневности.

 Частное письмо — письменное личное обращение автора к отдельному лицу (или нескольким лицам), составленное с применением типичных эпистолярных элементов (обращение, дата, подпись и пр.). Среди отличительных признаков такого письма обычно называют также диалоговую форму, разнообразие тематики, многофункциональность.

Деловое письмо считается средством внешней коммуникации, для которого характерно унифицированное оформление текста, стандартность формулировок, наличие профессиональной лексики.

Данный корпус источников исследован недостаточно. Только в 1968 г. на научной конференции в Государственном историческом музее был поставлен вопрос о значении частной переписки как одного из важнейших видов письменных источников. Однако до сих пор не определена его видовая структура, специфика информационной природы, неясно представляются информационные возможности. Э. Л. Ефременко отмечает неопределенность самого понятия «письмо» и подчеркивает, что вопрос о границах эпистолярного жанра остается открытым, считая причиной тематическое разнообразие писем.

Остается дискуссионным определение переписки как разновидности источника. Приведем некоторые из вариантов:

- документ, посредством которого общаются между собой два частных лица — корреспондент (автор письма) и адресат (И. В. Григорьева);
- источник личного происхождения, имеющий конкретный индивидуальный адресат и содержащий разнообразную информацию (И. В. Порох);
- средство личных (главным образом двусторонних) отношений между людьми, разделенными определенным расстоянием (А. Г. Тартаковский);
- один из способов социального взаимодействия людей за пределами их официальных отношений, когда разнообразные личностные контакты реализуются посредством отправления и получения писем, образующих целостный текст в процессе своего первичного социального функционирования и адресованных в каждом данном случае конкретному человеку (Е. Ю. Наумов).

Эпистолярный жанр прошел несколько этапов развития, каждому из которых соответствовали свои нормы и традиции написания писем.

В Петровскую эпоху частная переписка освобождалась от ряда прежних эпистолярных штампов, но обращение к адресату осложнилось новыми формулами на западно-европейский манер: «милостивейший (вселоубезнейший, державнейший...) князь и господин...». Во второй половине XVIII в. зачины и концовки частных писем стали более унифицированными и простыми, сохранялись традиционные здравицы как обязательный компонент письма. Лейтмотив неофициальной переписки XIX в. — писать, как говорят, и говорить, как пишут. Основная, содержательная, часть писем была в основном свободна от трафаретов и близка к разговорной речи. Существование в культуре XIX в. таких явлений, как эпистолярный этикет, эпистолярная мода, делало значимыми в письме сорт бумаги, почерк, расположение написанного на листе, рисунок на конверте.

Письмовники (письмоводители, секретари-письмоводители) представляли собой сборники образцов документов, содержащие руководство, как сочинять и писать разного рода письма, дающие определение разновидностям последних, излагавшие требования к слогу, форме и структуре текста. Письмовники были широко распространены в XVIII—XIX вв. Как правило, в них содержались образцы личных писем неофициального характера (дружеских,

поздравительных, просительных, нравоучительных — всего более 20 разновидностей), а также образцы коммерческих писем. Многие из них включали «образцовые письма замечательных людей» (императоров, представителей духовенства, деятелей государственного управления, культуры) для воспитания вкуса у тех, кто пользовался письмовниками. С точки зрения авторов письмовников, письма должны были состоять из четырех частей: обращения, приступа, изложения сути и заключения. Для официальных писем расположение «частей» имело установленные формы, неофициальные писались произвольно или по утвердившемуся обычаю. Почерк должен был быть четким, чистым, красивым. Цвет бумаги (синий, оранжевый, палевый и др.) авторы письмовников советовали выбирать осторожно, чтобы не подвергнуться упреку в недостатке вкуса (самым подходящим считался «молочный»). Разница между письмом и устной речью, по мнению составителей письмовников, состояла в том, что в устной речи допускались оговорки, перефразировки, дополнения; письменная речь требовала выражения ясного, короткого, не допускающего разнообразного толкования.

В конце XIX — начале XX в. искусство написания письма переживало упадок, правила эпистолярного этикета рубежа XVIII—XIX вв. были основательно забыты. Старые письмовники воспринимались как исторический курьез. Общеупотребительная концовка «Примите уверения в совершенном почтении и преданности» к началу XX в. приняла почти пародийную форму: «Примите и проч.».

За XVIII — первую половину XIX в. в архивах обнаруживаются считанные единицы писем, оставшихся от разночинцев, купцов, которые, возможно, просто не хранили их, придавая им лишь сиюминутное значение. Во второй половине XIX в. ситуация резко меняется. В пореформенную эпоху налицо факт демократизации переписки, стираются четкие различия между письмами, исходящими от представителей разных социальных групп. Переписка растет количественно, у горожан появляется не только потребность, но и необходимость писать письма.

Проблема, однако, в том, что государственные архивы до сих пор не комплектуются письмами систематически, располагая, как правило, небольшими или даже фрагментарными коллекциями. В то же время пристального внимания исследователя заслуживает вопрос о причинах хорошей сохранности того или иного эпистолярного комплекса. Например, почти ни один из семейных дворянских эпистолярных фондов XIX в. не может рассматриваться как случайная выборка источников. Его состав и характер являются результатом не только влияния внешних и случайных факторов, но и действия сознательной установки на сохранение семейного наследия, воплощенного в письмах. Для эпистолярных источников характерно также «распыление» по различным архивохранилищам, что существенно осложняет их поиск и обработку.

Письмо обычно служит конкретной цели его автора, пишется не для ознакомления посторонних, предполагает ответ. Если в письме отсутствует или неразборчива подпись, послание подписано псевдонимом, перед исследователем встает проблема *атрибуции*, в ходе которой следует отыскать

документальные доказательства написания этого письма данным автором (например, прямые указания на это в других письмах), провести текстовые сопоставления (сличение почерка), стилистический анализ (лексика, характерные речевые обороты). Для датировки используется содержание письма, данные палеографического анализа (почерк, бумага, чернила, орудие письма), почтовые штемпели на конверте. Важный элемент источниковедческого анализа переписки — установление местонахождения автора письма и адресата (если они имеют возможность встречаться для личного общения, содержание писем может носить вспомогательный, фрагментарный, характер). В ходе источниковедческого изучения важно уяснить подлинный смысл письма (учитывая изучение всех сохранившихся редакций, в частности, черновиков) с раскрытием смысла непонятных выражений, сокращений, псевдонимов, перевода. Упоминание в письмах знакомых без называния имен или обозначение их инициалами и прозвищами ставит проблему идентификации личности. Так, путем сравнения писем между собой и изучения дневников, газет и других источников, можно выяснить, что встречающееся в письмах А. Ф. Кони прозвище Гомер принадлежало И. А. Гончарову, Прометей — И. С. Тургеневу, Инок — самому А. Ф. Кони.

Необходимо учитывать отношения корреспондентов в жизни (деловые, дружеские, родственные или другие). Каждому из этих типов отношений соответствуют своя структура и лексические особенности письма. Н. Н. Козлова предложила методологию исследования, которую назвала «чтением человеческих документов», включающую в себя анализ двух планов писем — плана содержания (то, что сообщается) и плана выражения (то, как написано). Следует понимать разницу в степени возможной искренности разных людей, присущее психике человека сопротивление полному самораскрытию. Пишущий письмо никогда не раскрывается весь, не высказывается до конца. Как справедливо указывала Л. Я. Гинзбург, «ни психологическое неблагополучие Батюшкова, которое вело его к душевной болезни, ни тяжелая ипохондрия Вяземского, ни бурная эмоциональная жизнь Пушкина почти не оставили следа в их обширной переписке. Люди пушкинской поры в письмах легко сквернословили и с упорным целомудрием сохраняли сердечные тайны».

Отдельные письма имеют ситуативный характер. В процессе длительной переписки конкретная ситуация или проблема, вызвавшая к жизни то или иное письмо, теряет актуальность, поэтому наибольшую информацию несут письма в контексте долговременной переписки и в сочетании с другими источниками (дневники, воспоминания и др.). Обращение к периодике целесообразно при работе с письмами, содержащими прямой отклик на прочитанное в газете или журнале.

Важно изучать переписку, не выделяя особо значимых адресатов. Если эпистолярное наследие содержит очень широкий круг корреспондентов, перед исследователем встает проблема выявления и отбора наиболее значимых, информационно содержательных посланий. Такими могут оказаться, например, письма-отклики на события общественной жизни. Построение цепочки «письмо — ответное письмо» может быть затруднено вследствие рассеянности писем по фондам разных архивов.

Составители «Стилистического энциклопедического словаря» подразделяют частную переписку на *официальную* и *неофициальную*. К *официальной* они относят письма, направленные от имени частного лица в адрес организации или организации к частному лицу, или от частного лица к частному, отношения с которым носят официальный характер.

Необходимо иметь в виду принципиальные отличия неофициальных писем от писем «во власть». Послания хорошо знакомым людям отличаются непринужденностью, естественностью изложения, гибкой структурой. Письма во властные структуры, как правило, подчиняются правилам официального письма, предполагающим использование устойчивых выражений (пропагандистских клише) и идеологических маркеров, позволявших рассчитывать на внимание к автору. Однако и здесь необходимо решать вопрос о взаимоотношениях личности и социальной системы в рамках установленного нормативного порядка. Особую важность приобретает типология писем «во власть», в рамках которой обычно выделяются *письма-прошения*, *письма-размышления*, *письма-предложения*, *письма-доносы*.

Особый вид эпистолярных источников — *открытое письмо*, в котором элементы, свойственные личной переписке, сочетаются с элементами публицистики. Цель открытого письма — поставить вопрос, имеющий общественное значение, привлечь к нему внимание широкого круга читателей. Сам термин «открытое письмо» (в смысле обращения к общественному мнению через печать) стал распространенным после того, как в 1846 г. датский король Христиан VIII опубликовал «открытое письмо» с изложением «всему миру» своих притязаний на Эльбские герцогства. Автор открытого письма, обращаясь напрямую к определенному адресату, предназначает заранее письмо к обнародованию, опубликованию, ставит читателей письма в положение не только свидетелей переписки, но и участников в обсуждении общественно значимых проблем. Нередко открытые письма служат формой обращения к единомышленникам, используются для постановки перед ними вопроса, требующего предварительного обсуждения и коллективного решения. Например, в ходе кампании открытых писем, инициированной процессом над Ю. М. Даниэлем и А. Д. Синявским, их авторы фактически обращались к независимому общественному мнению и одновременно с этим способствовали его формированию.

Исследователю, имеющему дело с эпистолярными источниками, необходимо помнить, что в России практиковалась *перлюстрация* (от лат. *perlustro* — обозрение) писем, т.е., по определению В. И. Даля, «тайное чтение писем правительством, соглядатайство в почтовой переписке».

Авторы, подозревавшие, что их письма вскрываются, могли излагать несвойственные им мысли и чувства, сообщать намеренно ложные фактические сведения, передавать информацию в иносказательной форме, не называть имен, использовать шифры. В связи с этим сообщения писем необходимо проверять, сопоставляя с другими источниками. Внимания заслуживают пометки цензоров в текстах перлюстрированных писем.

В наши дни одним из самых популярных средств связи является *электронная почта*. Посланное через Интернет письмо уже через несколько

минут приходит к адресату, и затраты на его пересылку минимальны. Если раньше таким образом пересылался только текст, сейчас можно отправлять письма со встроенными видеороликами или музыкальным произведением.

Контрольные вопросы и задания

1. Дайте определение источников личного происхождения.
2. Каковы общие и специальные приемы источниковедческого изучения источников личного происхождения?
3. Определите, чем отличались подходы мемуаристов к основным задачам своего труда в XVIII и XIX вв.
4. Что такое автобиографическая память?
5. В чем специфика автобиографий как исторического источника?
6. Какие особенности отражения действительности характерны и для дневников, и для мемуаров как исторических источников?
7. Охарактеризуйте целевое разнообразие дневников.
8. Назовите основные этапы в эволюции эпистолярного жанра.
9. В чем особенности атрибуции источников личного происхождения?
10. Дайте определение перлюстрации.

Основная библиография по главе 13

1. *Вульфсон, Г. Н.* Методика работы с текстами личного происхождения // Сотворение истории. Человек — память — текст. — Казань : Мастер Лайн, 2001. — С. 104—117.
2. *Голубцов, В. С.* Мемуары как источник по истории советского общества. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970.
3. *Житомирская, С. В.* Вопросы научного описания рукописных мемуарных источников // Археографический ежегодник за 1976 г. — М., 1977. — С. 41—59.
4. *Кабанов, В. В.* Между правдой и ложью. Отечественные мемуары XX века. — М. : ИРИ РАН, 2004.
5. *Кобак, И. В.* Письма как исторический источник: задачи и приемы изучения // Вестник С.-Петербур. ун-та. — Сер. 2. — 2012. — № 2. — С. 142—148.
6. *Минц, С. С.* Об отражении особенностей социальной психологии в мемуарных источниках последней трети XVIII — первой трети XIX в. // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин / отв. ред. И. Д. Ковальченко. — М. : Наука, 1984. — С. 31—40.
7. *Наумов, Е. Ю.* Частная переписка XIX — начала XX в. как объект археографического анализа // Археографический ежегодник за 1986 г. — М., 1987. — С. 35—45.
8. *Нуркова, В. В.* Доверчивая память: как информация включается в систему автобиографических знаний // Когнитивные исследования. — 2008. — Вып. 2. — С. 87—101.
9. *Румянцева, М. Ф.* Для чего люди пишут мемуары? (Мемуаротворчество как способ социализации индивидуума) // Мир психологии. — 1998. — № 1. — С. 141—155.
10. *Тартаковский, А. Г.* Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. — М. : Археографический центр, 1997.
11. *Чехунова, А. Е.* Русское мемуарное наследие второй половины XVII — XVIII в.: опыт источниковедческого анализа. М. : Рос. университетское изд-во, 1995.

Глава 14

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- типологию периодических изданий, отражение в ней своеобразия социально-политических условий конкретного исторического периода;
- своеобразие состава, характера информационных материалов отдельных групп СМИ (периодической печати, радио, телевидения, Интернета) на различных этапах развития российского общества;
- специфику деятельности СМИ в условиях цензуры;

уметь

- выявлять факторы, определявшие развитие периодической печати в России XVIII—XXI вв.;
- определять основные жанры периодической печати (информационные, аналитические, художественно-публицистические) в различные исторические периоды;

владеть

- практическими навыками источниковедческого анализа информационных материалов СМИ (историко-типологический, социологический, контент-анализ).

Ключевые термины и понятия: *информация, СМИ, информационные агентства, периодическая печать, периодические и продолжающиеся издания, газета, журнал, листовка, самиздат, фонодокумент, контент-анализ, Интернет, гипертекст, блог.*

14.1. Понятие информации и средств массовой информации. Информационные агентства

Информация всегда была неотъемлемой частью жизни человеческого общества. Однако вплоть до середины XX в. не анализировался вопрос взаимного влияния информации, с одной стороны, и личности и государства — с другой. Даже в словаре В. И. Даля понятие «информация» отсутствовало. В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой информация определяется как сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальным устройством.

Справка

Слово «информация» происходит от латинского *informatio* — разъяснение, изложение.

В XIV в. распространение информации приобрело коммерческий характер. В XVI в. в Риме и Венеции появился особый цех «писателей новостей», которые в Риме назывались *gazettanti*.

Во французских газетах после сообщения об общественнозначимых событиях следовала стандартная фраза «information est ouverte, l'enquête a commencé» («информация открыта, следствие начато»).

В английском языке слово «infogmeг» использовалось для обозначения осведомителя, распространителя информации.

В теории журналистики принято говорить, что основа информации — факт, а душа информации — новость. Чтобы факт составил основу информации, он одновременно должен быть новостью.

Считается, что в истории развития человеческой цивилизации произошло несколько кардинальных преобразований в сфере обработки информации, получивших название информационных революций.

1. Изобретение письменности, открывшее новый способ фиксации и передачи знаний от поколения к поколению.
2. Изобретение книгопечатания, которое привело к качественному и количественному росту источников информации, обеспечило формирование «памяти человечества».
3. Изобретение электричества, благодаря которому появились телеграф, телефон, радио, позволяющие оперативно передавать информацию на расстоянии.
4. Изобретение микропроцессорной техники, позволившее реализовать принцип «информация здесь и сейчас».

Современный период развития общества характеризуется кардинальными изменениями в сфере информационного поля. Временные рамки обновления информации стремительно сокращаются при одновременном грандиозном росте ее объемов, что получило название *информационного взрыва*. В связи с этим сегодня важна роль СМИ, ориентированных на широкую (массовую) аудиторию.

Основными являются печатные периодические и продолжающиеся издания (газеты, журналы, повременные издания научных обществ), аудиовизуальные СМИ (радио и телевидение, информационные агентства), а также электронные компьютерные сети (новостные серверы, электронные периодические издания). Они образуют целостную группу источников, организованных в определенные формы и имеющих общественное назначение и социально-культурное функционирование. Помимо основной *информационной* функции СМИ также решают цели организации (структурирования) общественного мнения, осуществления идеологического воздействия государства, установления обратной связи в системе управления.

Информационные агентства как специализированные информационные системы, обслуживающие СМИ, а не конечного потребителя (читателя или зрителя), интересны с позиций первичности информации, ее привязки во времени с точностью до часов и минут, а также динамики информации о развитии события.

Информационные агентства — специализированные системы, основной функцией которых являются сбор, обработка и распространение новой оперативной информации: политической, экономической, социальной, культурной.

По роду своей деятельности они являются СМИ, но особого типа: их информационная продукция не используется напрямую для широкого информирования аудитории. Основные потребители информации информагентств — другие СМИ, использующие агентства в качестве «сырья» для производства своих текстов.

До 1866 г. российские периодические издания не имели права получать политические телеграммы из-за границы напрямую, это было возможно только через Министерство иностранных дел, где осуществлялась цензура. Ситуация изменилась 13 мая 1866 г., когда министр почт и телеграфов сообщил министру внутренних дел, что в Санкт-Петербурге разрешено открыть Русское телеграфное агентство (РТА). Это было особенно важно для провинциальной печати, до этого получавшей информацию только из официальных отделов столичных газет («Правительственного вестника», «Русского инвалида»), которые доставлялись с большим опозданием. В 1904 г. появилось независимое Санкт-Петербургское телеграфное агентство (СПТА). После Октябрьской революции 1917 г. в течение короткого времени все информационные учреждения в столице, на местах и корпункты за границей были слиты в единый информационный орган — Российское телеграфное агентство (далее — РОСТА), находившиеся под строгим контролем правительства. С образованием СССР по постановлению Президиума ЦИК СССР и СНК СССР от 10 июля 1925 г. было создано Телеграфное агентство Советского Союза (далее — ТАСС); РОСТА стало агентством РСФСР, а в 1935 г. было ликвидировано. Корреспонденты ТАСС имелись во всех областных центрах и пользовались информацией республиканских телеграфных агентств, существовала сеть корпунктов за границей. Длительный период ТАСС оставалось единственным источником официальной информации, а также новостной службой, обеспечивающей синхронное функционирование советских СМИ.

 По подсчетам Ю. П. Бокарева, в 1925–1985 гг. материалы ТАСС занимали до 60% газетной площади. В связи с этим, как считает исследователь, при гигантском разнообразии газет и журналов, их названий, задач и состава читательской аудитории любая советская газета очень напоминала все остальные.

В 1961 г. на волне «оттепели» рядом общественных организаций на базе Совинформбюро было учреждено Агентство печати новости (далее — АПН), которое специализировалось на распространении информации среди зарубежных подписчиков; это была своего рода «витрина социализма». В отличие от ТАСС АПН делало акцент не на оперативных новостях, а на их широкое комментирование, поэтому основной состав его материалов — статьи, комментарии, репортажи. Информационный бум 1990-х гг. обусловил создание новых агентств как альтернативы государственной информационной службе.

В ходе источниковедческого анализа важно выяснить различия в деятельности агентств по форме подачи новостей, способам их передачи, компоновке, адресности, полноте, оперативности. Заслуживает внимания тематика выпусков агентств (общеностных и специальных). Именно

различия по этим признакам дадут результат при проведении источниковедческой типологии, поскольку основные продукты информационных агентств — оперативная событийная информация — имеют много общего.

14.2. Понятие, виды и жанры периодической печати

 Периодическое издание (раньше употреблялся термин «повременное») — это печатное или электронное издание, имеющее определенное проблемно-тематическое и функциональное направление, выходящее через определенные (равные) промежутки времени отдельными выпусками, имеющими один и тот же заголовок и однотипно оформленными. *Продолжающиеся издания* не имеют четкой периодичности выхода в свет и выходят по мере накопления материала.

Периодическая печать как исторический источник обладает следующими *особенностями*:

- многообразие форм подачи информации, каждая из которых предполагает свои методы использования в исторических исследованиях;
- оперативность и периодичность опубликования информации;
- зависимость информационной политики от целей издателя;
- зависимость от цензурных ограничений.

 Формы опубликования материалов в периодических изданиях:

- официальная информация о постановлениях органов власти, материалы съездов, конференций, сообщения информагентств;
- информационные материалы самого издания (хроники событий, репортажи корреспондентов, фоторепортажи);
- редакционные материалы (передовицы и редакционные статьи);
- аналитические материалы, т.е. авторские размышления по поводу событий (статьи, очерки, рецензии);
- художественно-публицистические материалы (фельетоны, стихи, памфлеты);
- письма читателей;
- реклама.

Опубликованные в периодических изданиях тексты и изображения могут принадлежать к разным видам источников: законодательные, делопроизводственные, статистические документы, материалы личного происхождения.

Дискуссия

В. Рынков считает, что выделение периодической печати в особый вид письменных источников в отечественном источниковедении влечет за собой нарушение важнейшего логического принципа — единства критерия видовой классификации. По его мнению, единственный веский аргумент в пользу видовой обособленности периодической печати — публикация с определенной периодичностью материалов, объединенных общим оформлением и нумерацией.

Однако давно известна истина: публикация источника не меняет его видовую природу. В связи с этим периодическая печать — это одновременно место и способ публикации источников, ее отличают периодичность и единый подход редакции к делу обнаружения последних. Таким образом, как считает В. Рынков, «периодика никогда не была и не станет видом исторических источников, а, напротив, сама может содержать в себе источники всех видов».

Действительно, каждое из периодических изданий является сложным комплексом, любой элемент которого может быть исследован отдельно (например, газетные передовицы или фоторепортажи), с применением соответствующих методов анализа. Однако вместе с тем периодическое издание способно стать предметом конкретного источниковедческого исследования как особый синтетический источник, сложившийся и функционировавший в конкретное время, с учетом исторических реалий, общей редакционной политики.

☞ Объектом источниковедческого изучения является периодическое издание, взятое в целом, в единстве всех его издательских единиц (книг, томов, номеров, приложений к ним), в строгой хронологии выхода их в свет, как особый источник, сложившийся и функционировавший в конкретное время в конкретных исторических условиях.

Главное свойство периодического издания — сроки выхода в свет, которые определяются термином «периодичность» и измеряются числом выпусков в единицу времени: неделю, месяц, квартал, год. В России принято считать периодическим издание с выходом от двух раз в год до ежедневного, при этом важно, чтобы объявленная периодичность выдерживалась на практике хотя бы в течение года.

Газета — издание листовое, а журнал — книжное. Газета обычно выходит чаще журнала и является изданием более массовым (имеет больший тираж), но принципиальная разница не во внешних отличиях: некоторые журналы и газеты могут иметь одинаковую периодичность (например, один раз в неделю), объем (24 страницы и больше), нередко тиражи журналов превышают тиражи газет. Даже если газету сброшюровать и переплести в виде журнала, она не перестанет быть газетой. Главное отличие газеты от журнала заключается в характере информации и оперативности. Для газеты, информирующей население и формирующей общественное мнение ежедневно, важны оперативные сообщения о событиях текущей жизни, для журнала — их комментарий.

📖 По словам издателя Н. А. Полевого, «девиз газеты есть новость, девиз журнала — основательность известий».

Газета и журнал различаются по способу воздействия на читателя, механизму подачи информации. Газете свойственны короткие заметки и небольшие корреспонденции, журналу — статьи, обзоры, рецензии, отличающиеся обстоятельностью аргументации, фундаментальностью подхода, языком и стилем изложения.

☞ *Газета* — листовое периодическое издание, содержащее событийную или иную информацию о предметах и явлениях окружающей действительности, проблемы и комментарии текущей политической, социально-экономической, культурной жизни общества и отличающееся наибольшей оперативностью среди других печатных изданий. Выделяют газеты общеполитические и специализированные. *Общеполитические издания* условно можно охарактеризовать как СМИ для всех и обо всем, что во многом обеспечивает их устойчивость на информационном рынке и незаменимость в качестве исторических источников. *Специализированные издания* отличаются профилизацией тематического ряда либо ограничением аудитории и тематики. Встречаются издания, совмещающие эти характеристики; достаточно часто таковыми являются партийные издания, целевое назначение которых определяется задачей коммуникации для членов определенного политико-идеологического течения, они функционируют по принципу «обо всем — для единомышленников».

Журнал — периодическое издание, по материальному воплощению аналогичное книжному, отличающееся от других СМИ меньшей оперативностью, имеющее постоянную рубрику и содержащее анализ общественных отношений, постановку научных, политических, социально-экономических, духовных проблем, а также различную социально востребованную информацию. Выделяют журналы литературно-художественные, общественно-политические, научные, научно-популярные, производственно-практические, популярные, реферативные.

В XVIII в. происходило становление повременных изданий. С начала XIX в. ведущее положение в периодике принадлежало толстым журналам-ежемесячникам, в пореформенное время их позиции потеснили еженедельные журналы и газеты. В начале XX в. журнал уступил место газете, не успевая за темпом общественно-политической жизни. В XX в. появились несколько новых СМИ. С изобретением радио была нарушена монополия печатных изданий: радиостанции распространяли информацию со скоростью, не достижимую даже для ежедневной газеты. Появление телевидения дало людям не только возможность оперативно узнавать о событиях, но и наблюдать происходящее на экране. Позднее возникли сетевые периодические издания. Однако печатные издания не исчезли, усилился процесс их специализации, произошло совершенствование технической базы, ускорение сбора и передачи информации. Не будучи в состоянии конкурировать с телевидением и радио в сообщении оперативных новостей, газеты и журналы сосредоточены на комментировании, первичном анализе ситуации, прогнозировании ее развития.

Газетные материалы особым образом структурированы. Часто они группируются в тематические подборки, объединяемые общими названиями, которые в редакционной практике именуются *шапками*. Тематическая подборка представляет объединение однородного по содержанию, но не по жанрам материала. Обычно в ней помещаются статья обобщающего характера, заметки собственных корреспондентов, хроникальные сообщения и пр. В подборках сконцентрирован материал по определенному вопросу, например, о ходе избирательной или хозяйственной кампании и пр.

Центральное место в газетах часто занимает *передовая статья*, располагающаяся обычно на первой странице слева. Знакомство с ней позволяет выявить основную направленность номера, злободневные вопросы текущего периода. Передовая была жанром почти исключительно газетным, получила распространение со второй половины 1860-х гг. и обычно не подписывалась. В редакционной практике было принято подразделять передовые статьи на три вида: оперативные, общеполитические и пропагандистские. *Оперативные* посвящались наиболее важным вопросам хозяйственного и культурного строительства, вскрывали недостатки. В *общеполитических* содержались широкие политические обобщения. *Пропагандистские* давали развернутые разъяснения политики властей.

Своеобразие прессы как источника заключается не только в особой информационной функции, сложной структуре, но и в разнообразии ее специфических жанров.

☞ Под жанром журналистского произведения понимают устойчивые особенности его содержательно-тематических характеристик, типа отображаемой действительности, композиции, стилистики.

Жанры периодики условно можно разделить на следующие:

- 1) *информационные*;
- 2) *аналитические*;
- 3) *художественно-публицистические*.

Для информационных публикаций общей чертой является стремление наиболее точно передать знание о событии, факте. Основное содержание аналитических материалов — авторские размышления по поводу событий, фактов, явлений действительности. Художественно-публицистические сочетают документализм с литературным вымыслом, дают эмоциональную оценку событий. В изданиях разного типа — разные жанровые системы: в деловом издании не встретишь зарисовку или сатирический фельетон. Однако для многих современных публикаций характерна размытость жанровых границ.

14.3. Методика источниковедческого анализа периодической печати

Система СМИ незамедлительно реагирует на изменения в политической ситуации, экономике и общественном сознании. Так, на рубеже 1980—1990-х гг. прекращался выпуск партийных изданий («Партийная жизнь», «Агитатор» и др.) или происходило их переименование («Коммунист» практически при той же редколлегии стал называться «Свободная мысль», «Агитатор армии и флота» — «Собеседник воина», «Советская женщина» — «Мир женщины»). Раскол внутри редакций, обусловленный идеологическими и творческими исканиями, приводил к появлению новых изданий: выходцы из «Комсомольской правды» создали «Новую ежедневную газету», из «Независимой газеты» — «Сегодня». Широкое распространение получили издания с участием зарубежных авторов и капиталов («Бизнес» — международный журнал менеджеров). Экономические труд-

ности населения становятся одной из главных причин сокращения тиражей, подписки на массовые издания. В результате многие СМИ становятся убыточными; чтобы сократить издержки, редакции не только активно занимаются рекламой и помещают «заказные» материалы, но и организуют торговые и иные предприятия, сдают помещения в аренду и пр. Все эти факторы должны быть учтены при работе с материалами периодической печати.

При изучении периодического издания сначала необходимо охарактеризовать его в целом: причины, условия его появления и прекращения, источники информации для публикаций, редакторская политика, финансирование, взаимоотношения с цензурой и др. Информация, необходимая для полного описания издания, может быть получена из источников других видов: законодательства о печати, делопроизводства редакции и государственных учреждений, причастных к выпуску газеты или журнала, документов личного происхождения (мемуаров, дневников, писем издателей, редакторов, цензоров, авторов).

Публикации СМИ имеют особенности, которые следует учитывать при использовании их в качестве исторического источника. Одной из главных является «относительная достоверность» медиаматериалов, обусловленная субъективизмом журналистов или недостаточным уровнем их профессиональной подготовки, влиянием на творческий и публикационный процесс различных факторов (цензура, давление со стороны учредителей, коммерческий или политический заказ, информационные запросы аудитории и т.д.). Это заставляет историка не только тщательно перепроверять факты, сопоставлять их со сведениями из других источников, но и учитывать авторство материалов, условия их создания, состав учредителей и пр. Игнорирование принципа партийности советской прессы или излишнее акцентирование на нем внимания привело к тому, что среди части исследователей в последние годы стало бытовать мнение о непригодности использования материалов советских СМИ в качестве объективного исторического источника. Однако даже если признать чрезмерную политизацию, идеологизацию, субъективизм, цензуру, историк может использовать периодику, например, для анализа политики властей, направленной на формирование общественного мнения.

Существует также точка зрения, что из-за большого объема публикаций, которые местные газеты перепечатывали из центральных изданий, региональные СМИ не могут рассматриваться в качестве самостоятельного источника. Однако часто информация последних более адресна, гораздо ближе к жизненным реалиям.

В настоящее время для анализа периодических изданий применяются несколько методик.

Историко-типологический анализ включает изучение исторического периода, предшествовавшего возникновению издания, социальных предпосылок формирования изданий (состояние отрасли знания и ее значения в жизни общества), исследование факторов, непосредственно влиявших на выпуск изданий, изучение социально-исторического развития видов

изданий, их трансформации, исчезновения и появления новых. Эта методика разрабатывалась и применялась Б. И. Есиным, предлагавшим начинать изучение всякого печатного органа с фронтального просмотра, затем определять рубрики, жанры, авторов, которые (предположительно) выражали суть направления периодического издания наиболее ярко. Таким образом, фронтальный обзор переходил в выборочный, но не случайный. Особое внимание Б. И. Есин рекомендовал обратить на номера, открывавшие издание, начинавшие и закрывавшие календарный год, десятилетие, поскольку они в большей степени отражали характерные черты издания как системы.

Социологический метод анализа прессы может проводиться различными методами (анкетирование, интервью, беседы). Например, в 1960—1970-е гг. под руководством Б. А. Грушина в ряде исследовательских центров проводилась работа над проектом «Общественное мнение», включавшим 76 объединенных единой целью, но относительно самостоятельных исследований. В частности, при изучении феномена СМИ как источника информации проводились анкетные опросы населения и работников местных органов управления, стандартизированные интервью с населением, одно- и двухступенчатые полусвободные интервью с местными журналистами, тестирования читателей газет.

А. И. Акопов для характеристики прессы предлагает проводить *типологический анализ*. Для этого он выделяет *типобразующие признаки* (издатель, цели и задачи издания, читательская аудитория), *вторичные типобразующие признаки* (авторский состав, внутренняя структура) и *подчиненные типологические признаки* (периодичность, объем и тираж). Сначала следует установить издателя и дать характеристику его статуса в профессиональной, общественно-политической иерархии. Мотивы возникновения издания выявляются с помощью нормативных документов, источников личного происхождения, редакционной статьи первого номера. Выясняются цели и задачи издания: какова программа (из редакционных статей в первых номерах и др.), как издание выполняет задачи и программу фактически (тематика материалов, их содержание, жанры, разделы, авторский состав), какую роль играют жанры, структура, читательский состав. Сведения можно получить из директивных документов правительственных, отраслевых органов, содержания передовых редакционных статей в первых номерах каждого года, материалов читательских конференций, статей к юбилею издания, материалов об этом издании (например, в критико-библиографических журналах). Состав читательской аудитории определяется по материалам читательских конференций (если таковые были), редакционным отчетам или передовым статьям, по письмам читателей, характеру материалов, числу подписчиков. Авторский состав определяется из редакционных отчетов и делопроизводственной документации редакции, выясняется также вопрос частоты пользования услугами внештатных авторов.

Внутренняя структура — способ распределения публикуемого материала внутри издания (журнальной книжки, газетных полос), постоянные

или временные разделы и рубрики, специальные выпуски. Отмечают их повторяемость, как распределяется обычно объем журнала (газеты) по разделам и рубрикам. Также дается оценка внешнего оформления, как оно служит целям и задачам издания. Определяется, насколько периодичность соответствует задачам и типу издания и выдерживается ли фактически. Для исследования обычно применяется понятие *разового тиража* одного номера как среднего показателя из выходных сведений по всем номерам года или месяца, или недели.

Помимо явной фактологической информации в каждом источнике содержится латентное (скрытое) содержание. При проведении анализа историк обычно преследует три цели: установление подлинности источника, определение достоверности имеющихся фактов и выводов, обоснованность интерпретации текста (с учетом исторических реалий и условий создания текста). Один источник может быть исследован относительно различных исторических периодов или один источник при выходе на разные аудитории (одинаковая реклама в разных изданиях). При анализе текста обычно применяется качественный (содержательный) анализ, в рамках которого исследователь последовательно и детально отражает явления общественной жизни в историческом контексте. Во избежание иллюстративности качественный анализ текста дополняется применением математико-статистических методов, в том числе *контент-анализа*, который российский социолог А. Г. Здравомыслов назвал «научно обоснованным методом чтения между строк».

☞ Считается, что напоминающая контент-анализ методика впервые была применена в Швеции в XVIII в. в ходе исследования содержания сборника 90 церковных гимнов. В сборнике подсчитывалось число упоминаний имени Христа и религиозных символов, а затем данные сопоставлялись с запрещенными текстами, которые по итогам анализа были признаны еретичными. На рубеже XIX—XX вв. стали проводиться контент-аналитические исследования СМИ для выявления тенденций «пожелтения» нью-йоркской прессы. Наибольшую известность в 1930—1940-х гг. приобрели исследования Г. Лассуэлла, объектом которых стали политика и пропаганда. В начале 1960-х гг. французский журналист Ж. Кайзер разработал систему изучения больших текстовых массивов, с учетом расположения текстового материала, оглавления, оформления и т.д.

Сущность методики контент-анализа сводится к тому, чтобы найти такие легко подсчитываемые признаки, свойства документа (например, частота употребления определенных терминов), которые отражали бы существенные стороны его содержания. Полученные количественные характеристики дают возможность сделать выводы о качественном (в том числе скрытом) содержании документа. В связи с этим контент-анализ нередко обозначается как *качественно-количественный* анализ.

☞ *Контент-анализ* (от англ. *contents* — содержание) — метод качественно-количественного анализа содержания документов с целью выявления и измерения отраженных в них явлений и тенденций.

На первом этапе составляют список интересующих исследователя *индикаторов* или *символов* (первичных понятий). Символами являются относящиеся к теме слова и словосочетания, термины, имена людей, названия организаций, упоминание исторических событий и пр. Затем вводят *категории* — более укрупненные смысловые единицы, представляющие классы символов. Так, при изучении политических текстов смысловые единицы могут включать международные события, фамилии политических лидеров, отношение к событиям (за — против, хорошо — плохо), интересы (политические, экономические, партийные). Категории контент-анализа должны быть исчерпывающими (охватывать все части содержания, определяемые задачами данного исследования), взаимоисключающими (одни и те же части не должны принадлежать различным категориям), надежными (не должно быть разногласий по поводу того, какие части содержания следует относить к той или иной категории) и уместными (соответствовать поставленной задаче и исследуемому содержанию).

☞ Основные процедуры контент-анализа:

- 1) формирование выборки (с учетом того, чтобы отбор единиц для наблюдения обеспечил получение результатов, присущих явлению в целом);
- 2) выявление смысловых единиц контент-анализа (символов и категорий);
- 3) интерпретация полученных данных (перевод количественной информации в качественное представление рассматриваемого результата);
- 4) перепроверка результатов исследования.

Не все текстовые источники могут стать объектом контент-анализа. Содержание документа должно обеспечить возможность задать однозначное правило для надежного фиксирования нужных характеристик (*принцип формализации*), а также то, чтобы интересующие исследователя элементы содержания встречались с достаточной полнотой (*принцип статистической значимости*). Успешнее всего контент-анализ применяется в отношении источников, обладающих постоянностью, однородностью, одномасштабностью. В качестве объектов исследования могут выступать сообщения печати, радио, телевидения, листовки, а также протоколы собраний, тексты речей, воспоминания, официальные документы, изобразительный материал и др.

Следует помнить также, что не все многообразие содержания документа может быть измерено с помощью формальных показателей, а полученные с применением контент-анализа данные могут оказаться неверными (если применен некорректный подход к формированию набора смысловых единиц текста).

14.4. Листовки как исторический источник

Государственный стандарт ГОСТ 7.60—2003 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Основные виды. Термины и определения» понимает под *листовкой* листовое издание объемом от одной до четырех страниц.

☞ В источниковедении под термином «листовка» понимается письменный (печатный или рукописный) источник с текстом (и (или) изображением) агитационно-пропагандистского или информативного характера.

Близким понятием является «прокламация» (от лат. *proclamatio* — воззвание) — агитационно-пропагандистское воззвание, которому присущи особенности общественно-политических текстов.

В ходе источниковедческого анализа листовки в зависимости от ее содержания необходимо применять методы, характерные для исследований периодической печати, общественно-политических текстов, изобразительных источников.

☞ Справка

Главная задача *пропаганды* — теоретически воспитывать на основе знания, преимущественно методами убеждения.

Задача *агитации* — эмоциональное воздействие на аудиторию, в основном методами внушения.

С изданиями периодической печати листовки сближает лаконизм текстов, стилистика, язык их близок к газетным передовицам. Они также отличаются актуальностью содержания, оперативностью исполнения и распространения. Листовкам присуща определенная внешняя форма: малые размеры, нередко своеобразные приемы воспроизведения текста (гектограф, мимеограф, стеклограф), популярность и выразительность языка, «боевая» целеустремленность. Благодаря сжато-содержанию (обычно это один тезис, идея, лозунг) текст листовки легко и быстро воспринимается.

☞ Классификацию листовок в зависимости от тематики предложил Е. С. Петропавловский:

- агитационно-пропагандистские (плакаты);
- литературно-художественные (тексты, памфлеты);
- нормативные (заявления, резолюции);
- информационные (сообщения, объявления о событиях).

Разновидностью листовок определяется их *структура* — совокупность графических и иллюстративных элементов, выполняющих определенную функцию, отражающих тематический замысел автора.

Считается, что первые листовки появлялись на Руси с XVII в. под названиями «подметные грамоты» и «прелестные письма». В форме листовок распространялись обращения правительства к населению в годы Отечественной войны 1812 г. В XIX в. листовки стали использоваться для революционной пропаганды: прокламации печатались в Вольной русской типографии в Лондоне, а также народническими организациями. С началом XX в. политические партии распространяли листовки с целью информирования о своих предвыборных программах и платформах. Дешевизна и простота изготовления, возможность использования множительной техники позволяли выпускать листовки повсеместно: не только в столичных центрах, но и в провинциальных городах, в сельской местности. Например, большевистские организации в 1905 г. издавали листовки почти ежедневно,

частично восполняя отсутствие периодических органов печати — газет; согласно отчету Московского комитета большевистской организации, в столице и провинции за месяц с 19 апреля по 19 мая было распространено 84 029 экземпляров листовок.

Приемы источниковедческого анализа листовок этого периода и периодической печати сходны. Однако может возникнуть ряд трудностей, связанных с установлением автора, организации, типографии, выпустивших листовку. Сложности обусловлены тем, что значительная часть листовок печаталась за границей, конспиративными путями доставлялась в Россию, опасности при распространении требовали зашифровки или отсутствия фамилии автора. Авторство (коллективное или индивидуальное) иногда удается установить путем привлечения судебно-следственных материалов, мемуаров, отчетов, протоколов и докладов нелегальных организаций, а также с помощью сличения текста с материалами периодической печати: известно, например, что многие листовки начала XX в. представляли собой перепечатку статей из руководящих большевистских газет. Большая трудность заключается в датировках листовок, особенно если в них не упоминаются определенные исторические события. Часто на прокламациях помещались вымышленные выходные данные, ложные отметки о разрешении печатания цензурой и пр. Немаловажное значение играет сличение типографского набора, бумаги недатированной листовки с датированной, привлечение отчетов партийных организаций. Иногда по шрифту можно определить типографию, напечатавшую прокламацию, необходимо также обращать внимание на бумагу, орнамент, заставки, рисунки и пр.

Особенное значение отводилось агитационно-пропагандистской работе в годы Гражданской войны. Листовки считались «литературой для масс», «не менее необходимой, чем снаряды», поэтому тиражи некоторых из них (в том числе предназначенных для солдат Белой армии и дезертиров) достигали 200 тыс. Подписи под ними также имели агитационное значение: «Моряки Красного Балтийского флота», «Солдаты Красной армии» и др. Часть опубликованных в 1919 г. Реввоенсоветом Балтфлота листовок были подготовлены на английском, французском, эстонском языках. Таким образом, листовки, в отличие от газет, часто адресовались конкретному читателю, а не массовой аудитории вообще.

Содержание листовок могло приурочиваться к отдельным политическим событиям или эпизодам на фронте или же носить общеагитационный характер, с упором на сопоставление с прежним режимом. При источниковедческом анализе следует учитывать не только то, о чем говорилось в листовках, но и как говорилось: язык, манера изложения были близки к ораторской, митинговой речи. Надо обращать внимание и на расположение и оформление текста: как правило, на одной стороне листа небольшого формата (что облегчало расклеивание или вывешивание, а также передачу из рук в руки), короткими фразами в три-четыре слова, ярким шрифтом.

Листовки сохраняли свое значение в годы Великой Отечественной войны. Успех пропаганды во многом зависел от знания врага, особенностей его менталитета, психологического состояния. В связи с этим нередко при

подготовке текста листовок использовались данные разведки, трофейные письма, протоколы допросов пленных. Особенностью советских листовок этого периода были яркие и узнаваемые зрительные образы, призванные привлечь и удержать внимание. Большинство листовок являлись *аналитическими* по сути, посвященными какой-либо проблеме, что обуславливало подачу в них материала в виде обсуждения, разъяснения. Многие листовки носили *информационный* характер, близкий по форме, оформлению, периодичности издания, подбору фактического материала газете.

Выпускалось также множество *специальных листовок*, в том числе адресованных войскам противника. Так, специфической формой пропаганды стали *листовки-пропуска*, гарантировавшие жизнь сдавшимся в плен солдатам и офицерам противника. Обычно их текст печатался на русском и немецком языках, оформлялся как официальный документ, что должно было побудить сохранить листовку.

 По мнению В. Г. Крысько, большой вред советской пропаганде принесли листовки, адресованные солдатам и офицерам вермахта и оскорблявшие немецких военачальников. В частности, Гитлер, имевший в 1941–1942 гг. непререкаемый авторитет у своих подчиненных, в советской пропаганде назывался «Гориллой Адольфом», «истеричкой», «наглым пустозвоном» и другими нелестными эпитетами. Это оказывало обратный эффект (так же, как и призывы присоединиться к «братству рабочих и крестьян» в условиях отступления Красной армии).

Некоторые листовки имели характер замаскированной пропаганды (публиковались от имени немецких властей или составлялись в виде обращений солдат, побывавших в советском плену и убедившихся в беспечности войны). В *маскировочных листовках* содержание и полиграфическое оформление маскировалось под соответствующие периодические издания противника, его служебные документы. Изготавливались такие листовки с высоким профессиональным мастерством и, соответственно, требуют более пристального источниковедческого внимания.

В наши дни листовки чаще всего используются в агитационных целях в ходе избирательных кампаний, а также в рекламе.

14.5. Периодика самиздата

Самиздат имеет огромный информационный потенциал для изучения различных форм диссидентства, но это не только источник по изучению альтернативной культуры. Читали и одновременно с тем издавали самиздат не только представители инакомыслия и культурного андеграунда, но и вся советская интеллигенция. В связи с этим с помощью самиздата, в котором отражены судьбы сотен людей, их идеи и взгляды, можно исследовать широкий круг вопросов социальной проблематики. Важность этого источника состоит в том, что самиздатская литература представляет собой «срез» как литературной, так и общественно-политической жизни страны, *слабо представленный в официальных документах*.

☞ *Самиздат* — сложное понятие, для которого не выработано научного определения. Считается, что автором термина явился московский поэт Николай Глазков, проставлявший слово «самсебяиздат» на машинописных сборниках своих стихов и прозы.

Толковый словарь русского языка XX века дает следующее определение: «Самиздат — нелегальное тиражирование и распространение литературы, запрещенной в СССР по идеологическим соображениям».

А. Даниэль под словом «самиздат» предложил подразумевать не сам текст, а способ его бытования, поскольку одно и то же произведение может быть последовательно фактом домашней, кружковой и самиздатской литературы, перейти из неподцензурной литературы в официальную или наоборот. Данное им определение таково: «Самиздат — это специфический способ бытования общественно значимых неподцензурных текстов, состоящий в том, что их тиражирование происходит вне авторского контроля, в процессе их распространения в читательской среде».

Своеобразие самиздата состоит в чрезвычайном разнообразии его жанров: научные исследования и публицистика, мемуары и частная переписка, жалобы в прокуратуру и открытые письма протеста, произведения художественной литературы и работы, жанр которых трудно определить. Значительная часть публикаций имела характер свидетельских показаний. Часто все эти разнообразные материалы помещались на страницах периодики самиздата.

Начало самиздата большинство авторов относят ко второй половине 1950-х гг. И ранее в списках по России ходили произведения А. Н. Радищева, А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, но распространению самиздата как социального явления способствовал технический прогресс: переход от перьев и ручек к пишущим машинкам.

📖 По мнению Людмилы Алексеевой, для возникновения самиздата необходимо было осознание обществом, что многое от него скрывают и много ему врут; сохранение цензуры, показавшее обществу, что у него нет возможности с помощью типографского станка рассказать то, что он хочет; наличие пишущих машинок (и отчасти отдельных квартир у людей интеллигентных профессий).

Благодаря магнитофонам в 1960-е гг. возник музыкальный самиздат (или *магнитиздат*): авторской песни (Б. Окуджава, А. Галич, Ю. Ким, В. Высоцкий) и рок-культуры. Аудиопродукция распространялась также путем нарезки иглой самодельного фонографа на старых рентгеновских снимках («на костях»). Иллюстрации фотографировались и вклеивались вручную в готовое издание, нередко на фотопленку снимали произведение или документ целиком. В 1970-е гг. изготовление копий производилось с помощью принтеров и плоттеров, а также путем ксерокопирования. С конца 1970-х гг. началось распространение самиздата в виде компьютерных файлов.

☞ Техника копирования самиздата:

- переписывание от руки;
- машинопись;

- фотографирование;
- ксерокопирование;
- электронные печатающие устройства.

Исчезновение самиздата не могло случиться позже, чем летом 1990 г., когда в СССР была отменена цензура и стал складываться информационный рынок. Однако, по свидетельству многих участников диссидентского движения, упадок самиздатской деятельности отчетливо проявился уже в конце 1970-х гг. и был связан с появлением новых альтернативных самиздату возможностей, в первую очередь *тамиздата* (текстов, опубликованных в зарубежных издательствах преимущественно с ориентацией на советского читателя). Отныне все, что изначально получило хождение в самиздате, стало возможным получить напечатанным в тамиздате. Кроме того, начался бум на рынке официальной литературы. Еще до отмены цензуры у авторов появилась возможность опубликовать произведения за свой счет, им предоставляли полиграфические мощности по государственным расценкам. К 1988 г. издательства получили разрешение на издание книг в частном порядке.

В. Игрунов считает, что новый самиздат, возникший в среде политических клубов 1986–1987 гг., принципиально не отличался от самиздата 1970-х гг. Однако и он соглашается с тем, что отмена цензуры превратила публикацию текстов в частное дело их авторов.

Принципы источниковедческого изучения периодики самиздата в целом соответствуют принципам, разработанным для официальной периодической печати. Можно исследовать издание в целом (выделяя основные типобразующие признаки), а можно — по жанрам содержащихся в нем материалов. Наибольшей источниковой емкостью, очевидно, обладают *журналы самиздата*, которые Ю. А. Русина предложила выделить в самостоятельный вид источника, обладающий особыми характеристиками. Самиздатские журналы различались концепцией, ориентацией, объемом, диапазоном материалов, периодичностью. Попытки представить на страницах этих изданий широкий спектр мнений нередко обуславливали их чрезвычайную эмоциональность.

Наибольшую известность получила «Хроника текущих событий» (далее — ХТС) — единственный постоянный бюллетень правозащитного движения, издававшийся с 1968 до 1983 г. На странице общества «Мемориал» можно найти подборку выпусков ХТС¹.

Информационные бюллетени диссидентов по своему смыслу были периодическими изданиями: характер и форма подачи материала, стилистические черты, способы сбора информации и распространения тиража — все это сближало бюллетени с таким, например, изданием, как «Колокол» А. И. Герцена.

В начале 1980-х гг. проводилась тотальная чистка рядов инакомыслящих, в результате которой оказались арестованы или высланы из страны

¹ См.: URL: <http://www.memo.ru/history/diss/chr/index.htm>

многие члены Хельсинкских групп, Христианского комитета защиты прав верующих в СССР, Рабочей комиссии по психиатрии и др. В 1982 г. была распущена Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Во второй половине 1980-х гг. наиболее близкими по тематике и традициям самиздату являлись издания «День за днем» (ежемесячный информационный бюллетень Группы за установление доверия между Востоком и Западом), «Гласность», «Бюллетень христианской общественности», «Экспресс-хроника». Однако они отказались от анонимности редакторов, составителей и авторов, имели копирайт и цену.

Число «потребителей» правозащитной информации представить сложно. Применительно к самиздату нельзя говорить о тиражах, ведь по сути каждая новая машинописная «закладка» представляла собой переиздание. По определению Л. М. Алексеевой, тираж в самиздате определялся «худсоветом из старушек и девчонок за пишущими машинками».

Анализ материалов самиздата как исторического источника существенно затруднен самим принципом существования неподцензурной литературы. Издатель (автор, читатель) самиздата отчетливо понимал опасность не только подготовки, но и хранения этих документов, поэтому не вел дневники (или не упоминал в них об этой стороне своей деятельности), уничтожал важные документы и не сохранял их копии, не собирал личный архив. Восполнение дефицита информации становится возможным путем привлечения воспоминаний участников диссидентского движения и документов государственных органов, призванных противодействовать распространению инакомыслия в стране.

В настоящее время в распоряжении исследователей имеются несколько источниковых массивов для изучения истории диссидентства в СССР. К ним относятся Архив самиздата радио «Свобода» и выпускавшиеся на его основе малотиражные издания: «Собрание документов самиздата» и «Материалы самиздата», а также бюллетень «Вести из СССР», с 1978 г. издававшийся К. Любарским в Мюнхене. Важнейшим источником остается ХТС, а также материалы самиздата, выходившие в двух больших сериях на Западе. Серия «Библиотека самиздата» издавалась Фондом им. Герцена в Амстердаме с 1971 г., в нее вошли сборники о судебных процессах над правозащитниками, а также книги участников диссидентского движения. Серия «Вольное слово» начала выходить в издательстве «Посев» в 1973 г., в ней публиковались материалы правозащитных групп, переиздавались самиздатовские русские национально-православные журналы «Вече» и «Земля», выходившие в СССР в 1971—1974 гг. и др.

Самиздатские материалы хранятся в фондах общества «Мемориал», Народного архива, а также Архива «Открытое общество» при Центральном европейском университете в Будапеште, возникшем на основе исследовательского отдела радиостанции «Свобода» — «Свободная Европа».

 По мнению ряда авторов, в наши дни самиздат переместился в Интернет. Писатель А. Н. Житинский полагал, что именно Всемирная паутина представляет феноменальную «возможность донести информацию до потенциального слушателя — зрителя — читателя... Вселенский самиздат... Сейчас каж-

дый человек, подключенный к Интернету, может издать свою страницу, свои сочинения, свои рисунки, свою музыку, не прибегая к помощи издателя...».

14.6. Материалы звукозаписи (фонодокументы) как исторический источник

В числе многих достижений научно-технического прогресса XIX в. дал человечеству звукозапись, превратившуюся со временем в действенный фактор создания и развития информационного и эстетического пространства современного мира. Особое значение она имела в России, где достаточно позднее распространение всеобщей грамотности обусловило замедленное распространение печатных СМИ среди значительной части населения и большое значение аудиоканалов распространения информации и устных форм общения. Этим определяется важность обращения к фонодокументам при рассмотрении исторических сюжетов. Однако историки, как правило, отводят им вспомогательную роль в освещении явлений и процессов прошлого.

Многие источниковеды не считали целесообразным рассматривать фонодокументы в качестве самостоятельного источника, осуществляя их анализ в комплексе с кинофотодокументами. М. А. Варшавчик заметил, что они отличаются от письменных документов такого же содержания лишь формой воспроизведения и включаются в одну группу с кино- и фотодокументами по традиции, поскольку все они создаются с помощью технических средств записи информации. В 1973 г. в учебнике под редакцией И. Д. Ковальченко фонические источники были названы особо, с учетом важнейшей особенности — способности выражать заключенную в них социальную информацию посредством звуковых сигналов. В классификации источников Л. Н. Пушкарева фонодокументы также выделяются в особый вид. Однако до сих пор у специалистов нет единого мнения относительно возможности использования фонодокументов в качестве самостоятельного исторического источника.

В источниковедческой литературе отсутствует единство в трактовке *фонодокумента*, который в настоящее время практически отождествляется с *звукозаписью*. Эти понятия целесообразно разграничивать, исходя из того, что термином «звукозапись» могут обозначаться как процесс (преобразование звуковых сигналов информации в пространственное изменение состояния или формы носителя записи с целью последующего воспроизведения), так и результат этого процесса (записанная звуковая информация). Соответственно лишь на последнем этапе звукозапись может выступать в качестве фонодокумента. Таким образом, термин «фонодокумент» используется для обозначения звукового документа, полученного посредством какой-либо системы записи звуковой информации.

Фонодокумент — исторический источник, представляющий собой результат закрепления звуковой информации о явлении или процессе действительности посредством звукозаписи.

Решающий признак *оригинального* фонодокумента — запись звуковой информации, поступившей от первоисточника: воскового валика, граммофонного оригинала, записи на магнитной ленте и др. *Первоисточник* фонодокумента — первая по времени звукозапись с учетом наличия различных систем записи звуковой информации.

Фонодокументы относятся к числу слабо изученных исторических источников. Возможные причины кроются в том, что эволюция звукозаписи пришлось на XX в., полный социальных катаклизмов, а быстрые темпы технического прогресса обусловили быстрое забвение устаревших механизмов. Свою роль, возможно, сыграло отношение к этим источникам, как к субъективным, а потому вспомогательным по отношению к письменным.

Фонодокументы воздействуют на сферу воображения и способность человеческого мозга мысленно воссоздавать зримые образы действительности. Наиболее существенным компонентом событийных фонозаписей (отражающих звуковую сторону исторических событий — митингов, совещаний и др.) является речь, а также музыкальный компонент и шумы (событийного и фонового характера), имеющие место на торжественных мероприятиях, в производственных процессах и др.

☞ *Общие с другими источниками свойства* фонодокументов:

- оперативность и широта в получении и распространении информации;
- многообразии целевого назначения;
- способность передавать черты индивидуальности автора документа;
- возможность тиражирования.

Специфика и преимущество фонодокументов в сравнении с другими историческими источниками состоят в том, что заключенная в фонодокументах ретроспективная информация передается и воспринимается в звуковой форме с помощью речи, музыки, шумов.

Как и в случае с фото- и кинодокументами, в фонодокументе совпадают время и место его создания со временем и местом отраженного в нем события действительности. При этом может происходить не только механическая фиксация звуковой стороны действительности, но и создаваться качественно новая духовная и материальная ценность.

☞ Выделяются следующие основные *подвиды звукозаписи*:

- механическая (на восковых валиках, на граммофонных и патефонных пластинках в начале XX в., на шоронофонах в 1920–1930-е гг.);
- магнитная (на проволоке — в первой половине XX в., на магнитной ленте — во второй половине XX в.);
- оптическая (на CD и DVD-Audio);
- на электронных носителях.

По характеру зафиксированной информации фонодокументы в архивной практике принято подразделять на *художественные* (записи произведений искусства) и *хроникально-документальные* (записи общественно-политического характера). Эта группировка весьма условна. Строго говоря, любой фонодокумент (в том числе грамзапись) хроникален. На нем зафик-

сировано единственное в своем роде звуковое выражение определенного явления или факта. Никакое событие нельзя дважды совершенно идентично зафиксировать фонодокументом, звуковой ряд неизбежно будет иметь отличия в нюансах, трактовках и т.п. Что касается хроникально-документальных фонодокументов, то подавляющее большинство записей общественно-политической тематики в силу технологических особенностей представляют собой композиции или инсценировки (прямые записи событий характерны, например, для магнитных фонограмм).

☉ В. А. Коляда выделил несколько этапов в развитии отечественной аудиокультуры:

- начальный, который условно можно назвать «граммофонным», в основном включавший в себя процесс освоения потребительской средой нового вида техники и встречное освоение звукозаписью потребительской среды;
- второй, начавшийся с 1930-х гг. («вещательный»), связанный с активным участием аудиомедиа в решении важнейших государственных задач;
- современный («электронный»), формирующий общественную психологию и массовое сознание.

В начальный период решающее значение имело распространение грамзаписи как основного средства фиксации аудиоинформации. Роль государства ограничивалась лишь общими разрешительными и наблюдательными мерами. Первые граммофоны и грампластинки появились в России в 1890-х гг., а с 1902 г. началось их отечественное производство. В дореволюционные годы действовали такие гиганты аудиоиндустрии, как компании «Граммофон», «Братья Пате». В ранней грамзаписи была отражена почти вся современная ей артистическая элита, в изобилии имелись записи религиозного и нравственного содержания, этнографические и учебные. Особенностью грамзаписи в этот период являлась аполитичность. Сохранились лишь единичные записи выступлений политических деятелей, в частности, первого председателя Государственной думы С. А. Муромцева и председателя ЦК партии кадетов П. Н. Милюкова. В 1912–1913 гг. спрос на граммофонные пластинки составлял 24 млн штук и 4,5 тыс. граммофонов в год, что демонстрировало распространение аудиокультуры во всех слоях общества. Среди записей встречались пластинки с сюжетами военного быта, церемониалов, имитации походных и боевых ситуаций, были отражены 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. и 300-летие династии Романовых, записи сибирских каторжников и старообрядцев.

После национализации производственной базы аудиододела в 1918–1919 гг. государство взяло под контроль все аспекты его функционирования и стало влиять на отечественную аудиторию путем подбора репертуара. По справедливому утверждению В. А. Коляды, на первый план выдвинулись идеологические функции аудиокультуры, что коренным образом меняло всю специфику информационного поля, которое ранее оставалось в области печатного слова. В. И. Ленин и М. И. Калинин входили в состав редколлегии отдела граммофонной записи Центропечати, уделявшего основное внимание записям речей видных партийно-государственных дея-

телей. Начало этой традиции было положено в 1918—1920 гг. выпуском грампластинок с речами В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, А. В. Луначарского. В период Гражданской войны в каждом красноармейском агитационном подразделении предписывалось иметь граммофон или патефон с комплектом пластинок с записями видных деятелей революции. Уровень техники, финансовые и производственные возможности сохраняли для грамзаписи приоритетные позиции до 1930-х гг. Радиовещание еще не приобрело такого масштаба, чтобы составить альтернативу грамзаписи, а главное — грампластинка являлась привычным потребительским предметом.

Одной из важнейших идеологических мер стало создание «Радиогазеты», первый номер которой был передан 23 ноября 1924 г. К середине 1928 г. в стране насчитывалось 80 радиогозет, а к 1930 г. — уже до 300. Они представляли собой микрофонные тексты радиопередач в виде машинописных копий или восковок. Характерная особенность радиогозет в том, что всегда можно установить дату, время передачи, порядок прохождения ее в эфир, автора или источник радиоинформации. С начала 1928 г. указывались время сдачи номера, количество страниц и строчек, фамилия выпускающего редактора, примечания о прохождении передачи в эфир. Этим материалам присуще использование всего арсенала газетных и радиожанров (информационные, аналитические и художественно-публицистические). Однако при подготовке информации для передачи текст подвергался стилистической обработке с учетом слухового восприятия, а созданные с помощью образных средств языка, музыки и шумов звуковые образы создавали эффект присутствия. В 1932 г. редакции радиогозет были упразднены, а вместо них организованы редакция центральной информации (позже переименованная в «Последние известия») и редакция литературно-художественных передач.

С помощью радиоматериалов исследователь имеет возможность проследить развитие исторических событий в динамике, но сталкивается с необходимостью оценки отдельных радиосообщений с точки зрения их достоверности. Это можно сделать только с учетом конкретно-исторических условий данного периода и задач пропаганды, особенностей радиовещания, установив источники информации, а также исследуя весь комплекс сопутствующих материалов, источников личного происхождения и периодической печати (варианты текстов печатных и радиогозет порою различались).

С середины 1930-х гг. начался новый этап в истории отечественной аудиокультуры. Аудиоиздательская часть, главным образом, обеспечивала художественный репертуар, радиовещание — оперативную информацию, агитационный и культурно-просветительский репертуар. Выпускались грампластинки с выступлениями О. Ю. Шмидта, И. Д. Папанина, В. П. Чкалова и др., записывались важные общественно-политические события (например, I съезд писателей СССР). В середине 1930-х гг. была издана серия выступлений партийных деятелей, посвященная принятию новой Конституции СССР 1936 г. В качестве исторического источника эти пластинки интересны не только содержанием, но и персоналиями, состав которых показывал процесс смены правящей элиты. Важнейшие события времени отражались и в записях песен: с конкретными фактами было

связано издание пластинок с песнями «Прощай, папанинская льдина», «Московское метро», «Сталинский закон» и т.п. Грампластинка играла еще большую роль в силу индивидуальности ее прослушивания, поскольку радиовещание 1920—1930-х гг. было по форме коллективным, трансляционные точки устанавливались в клубах, агитпунктах, городских площадях. В дальнейшем создавались документально-художественные композиции, где фрагменты воспоминаний сочетались с дикторским текстом, драматическими инсценировками и музыкальным оформлением («Великая Отечественная война»). Необходимо помнить, что содержание этих фонодокументов всегда подвергалось тщательному редактированию: они рассматривались как инструмент агитационно-пропагандистской работы, а цензурный контроль за грамзаписями был еще строже, чем в периодике.

📖 Многие общественно-политические и художественные звукозаписи 1930—1940-х гг. необоснованно уничтожались. Так, в мае 1941 г. были отобраны для уничтожения (как не имеющие художественной ценности) записанные на шоринофон выступления В. А. Антонова-Овсеенко, запись испанских детей, встреча депутатов Верховного Совета, ряд радиофильмов (всего более 400 единиц хранения).

Одно из основных противоречий аудиокультуры рассматриваемого периода состояло в том, что ее регламентированная часть была мало востребованной потребителем, для которого предназначалась. С развитием техники звукозаписи и ростом ее потребительской доступности стала формироваться альтернативная часть советской аудиокультуры. В этом явлении огромную роль сыграл бытовой магнитофон, разрушивший государственную монополию на аудиоинформацию. Лишь во второй половине 1980-х гг. государство стало уходить из этой сферы деятельности, рыночные факторы стали определять и технические, и репертуарные, и тиражные проблемы.

Современный этап развития отечественной аудиокультуры обусловлен внедрением новейших технических средств фиксации и распространения аудиоинформации.

🔗 *Источниковедческая критика* каждого фонодокумента должна включать в себя два элемента: анализ содержания устного изложения события тем или иным историческим персонажем и тщательное изучение акустического фона документов, что позволяет более правильно воссоздать обстановку, психологический настрой исторических персонажей, их отношение к событию.

При анализе фонодокументов *определяются*:

- система записи звуковой информации (механическая, оптическая, магнитная или электронная);
- особенности процесса фонодокументирования, а также технические и художественные качества записи звуковой информации;
- интонации в регистре записанной на пленку речи (дикция, тембр голоса и др.);
- назначение и особенности монтажа при подготовке радиопередач и других видов фонодокументов.

Историческая ценность фонодокументов заключается в их уникальности как звукового свидетельства. Сохранившиеся в Российском государственном архиве фонодокументов массивы грампластинок позволяют реконструировать содержательное наполнение советского аудиомира. Эти комплексы источников интересны тематической направленностью, дающей четкие представления об общественной психологии общества, точнее, о целевых задачах, стоявших перед органами, предназначенными для формирования этой психологии.

Однако фонозаписи отражают жизнь людей и вне политических интересов, являясь одним из важных источников по истории повседневности. Можно согласиться с мнением П. Н. Грюнберга, что аудиоиндустрия и рынок аудиопродукции создали первичное информационное пространство и положили начало информационному обществу.

14.7. Специфика деятельности средств массовой информации в условиях цензуры

Проблема свободы информации остается актуальной во все исторические времена. В любом государстве информационное поле в той или иной степени контролируется с помощью такого важнейшего инструмента власти, как *цензура*.

☞ *Цензура* — государственный надзор за содержанием выпускаемой в свет массовой информации с целью ограничения распространения идей и сведений, признаваемых властями нежелательными или вредными.

Исторически сложились две *формы* цензуры:

- 1) предварительная, которая осуществляется на стадии подготовки продукции СМИ к выпуску и заключается в необходимости получить на это разрешение;
- 2) последующая, заключающаяся в оценке уже опубликованной продукции СМИ и принятии ограничительных или запретительных мер в отношении конкретного издания или произведения.

📖 **Справка**

Словом «ценз» (от лат. *census* — ценз) в Древнем Риме обозначалась периодическая оценка имущества граждан для разделения их на податные разряды. Цензором являлось должностное лицо, ведавшее проведением ценза и следившее за поведением и политической благонадежностью граждан.

Считается, что становление цензуры как института произошло еще в эпоху Античности. В Средние века функции цензуры закрепились за двумя господствовавшими силами: церковью и государством. В XVIII в. *цензурой* официально назывались учреждения, создаваемые властью для контроля над соответствием печатных произведений догмам религии и установленному государственному порядку. Светская (гражданская) цензура развивалась параллельно с духовной. В 1796 г. Екатерина II учредила первый официальный светский цензурный орган

в России. Первый цензурный устав, провозглашавший задачей изъятие сочинений, противных нравственности, был принят в 1804 г. Цензурная реформа 1826 г. определяла должность цензора как самостоятельную профессию, «многогрудную и важную». Изданный в 1828 г. новый цензурный устав просуществовал до 1865 г., когда руководящим цензурным органом стало Главное управление по делам печати в составе Министерства внутренних дел и появились Временные правила о цензуре и печати (с изменениями просуществовавшие до 1905 г.). Внимание к проблемам цензуры (и правовому положению журналистики вообще) усилилось в связи с отмечавшимся в 1903 г. 200-летием русской печати, когда соответствующие материалы поместили почти все российские газеты. С 1906 г. предварительная цензура отменялась, а любое произведение печати могло быть запрещено только в судебном порядке. По сведениям А. Блюма, суд присяжных примерно в половине случаев оправдывал книгу и ее издателя. Однако параллельно в отдельных регионах, в которых вводилось чрезвычайное положение, существовала военная цензура под контролем губернаторов.

По сведениям Г. В. Жиркова, в связи с действием чрезвычайной или усиленной охраны к 1912 г. было:

- наложено на прессу 372 штрафа на сумму около 140 тыс. руб.;
- конфисковано 216 номеров;
- арестовано 63 редактора;
- закрыто 20 газет.

Постановление Временного правительства от 27 апреля 1917 г. «О печати» провозглашало свободу печати. Каждый желавший выпускать периодическое издание должен был уведомить местного представителя Временного правительства. Этим же постановлением упразднялось Главное управление по делам печати, но в конце августа были введены новые Временные правила о специальной военной цензуре и положение «О военной цензуре печати».

Советское правительство уже 28 октября (10 ноября) 1917 г. опубликовало Декрет «О печати», направленный против «контрреволюционных» изданий, а в январе 1918 г. был создан Ревтрибунал печати. Действия власти по отношению к политическим противникам носили чрезвычайный характер. С октября 1917 по июнь 1918 г. было закрыто свыше 470 оппозиционных газет (многие из них, менявшие название, закрывались неоднократно). В годы Гражданской войны в структуре Реввоенсовета действовал отдел военной цензуры с широкими полномочиями: с его помощью дозировалась информация, публикуемая в газетах и передаваемая в радиосводках. Установленные дисциплинарные санкции предусматривали закрытие газет и журналов, арест редакторов и их имущества.

Цензура (как политическая, так и военная) действовала и на территории, контролируемой антибольшевистскими правительствами, в составе органов региональной власти создавались специальные подразделения с надзорными функциями.

Например, в июне 1918 г. командование Донской армии ввело инструкции по контролю над газетами, согласно которым редакторы были обязаны предъявлять на проверку гранки номеров утренних газет не позднее, чем за пять часов до выпуска, и вечерних — не позднее, чем за три часа до выпуска. Военному контролю подвергались и информационные сообщения, поступавшие в редакции по телеграфу. За невыполнение требований цензуры журналисты могли быть подвергнуты денежному взысканию в размере до 1 тыс. руб. или тюремному заключению до одного года. За повторное нарушение издание газеты приостанавливалось. Перечень сведений, подлежащих задержанию военной цензурой, содержал 15 пунктов.

Декретом СНК РСФСР 6 июня 1922 г. было образовано Главное управление по делам литературы и издательств Народного комиссариата просвещения РСФСР (далее — Главлит) для контроля над всеми видами печатных произведений, радиовещания, зрелищных искусств. Главлит и его местные органы осуществляли все виды цензуры: военную, политическую, идеологическую (в 1925 г. функции военной цензуры передавались политотделам Красной армии). С 1940 г. в ряде отраслей, в частности в радиовещании, вводились специальные военные отделы, а критерии запрета на обнародование информации в военные годы стали более четкими: любое сомнение решалось «в пользу отрицания».

В СССР состав и содержание сведений, не подлежащих оглашению, определяли *перечни* сведений, составляющих государственную и военную тайну, постановления партии и правительства, приказы, циркуляры и инструкции Главлита. Осуществляя предварительную цензуру, цензор заполнял карточку с указанием того, что изымалось из текста; на гранках и рукописях проставлялась виза в двух экземплярах. Только имея разрешительные визы на карточке и рукописи, издательства имели право печатать продукцию. На местах ежедекадно делались сводки важнейших вычерков и задержаний, обобщавшиеся Главлитом; они позволяют понять суть принятых цензурными органами мер (заменено, вычеркнуто, не допущено к печати, внесено исправление и пр.).

В 1954 г. Главлит был переименован в Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати при Совете министров СССР, а его местные органы — в краевые (областные) управления при исполкомах Советов. С 1964 г. они стали называться управлениями по охране государственных тайн в печати. В послевоенный период и телевизионные трансляции охватил цензурный контроль, затрудненный на первых порах режимом прямого эфира. Помимо официального цензора на телестудиях контролирующие функции выполняли «сотрудники доэфирного контроля». Одной из наиболее эффективных форм политической цензуры в этот период были совещания в ЦК с участием представителей органов печати, радио, телевидения по вопросам дальнейшего усиления политической бдительности.

С середины XX в. все активнее цензорские функции начинают выполнять редакторы изданий. В постановлении ЦК КПСС от 13 сентября 1958 г. подчеркивалось, что сами работники редакций должны заниматься охраной военных и государственных тайн. Закрытое постановление ЦК

от 7 января 1969 г. фактически устанавливало персональную ответственность авторского и редакторского состава за содержание публикуемых произведений. Это ставит перед исследователем вопрос о необходимости изучения проблемы так называемой «самоцензуры».

Приказом Министерства печати и массовой информации 22 ноября 1991 г. были упразднены Главное управление по охране государственных тайн в печати и других СМИ при Совете министров СССР и его региональные органы. Отмена цензуры зафиксирована в ст. 29 Конституции РФ.

Способы обхода цензурных ограничений вырабатывались сотрудниками СМИ по мере ужесточения идеологического контроля. Так, уже в конце XVIII — начале XIX в. в газетах помещались материалы, написанные «эзоповым языком»: критиковались отечественные нравы под видом сатиры на порядки в других странах (по замечанию А. Блюма, в лексике советских цензоров это получило название «неконтролируемых ассоциаций»). Авторы и редакторы порой могли печатать материалы, пользуясь неосведомленностью или недостаточной квалификацией цензоров, особенно это касалось провинциальной прессы. Оппозиционные издания (даже легальные) часто меняли название, например, со дня основания (5 мая 1912 г.) до начала Первой мировой войны газета «Правда» закрывалась восемь раз и выходила под названиями «Рабочая правда», «Северная правда», «Правда труда», «За правду», «Пролетарская правда», «Путь правды», «Рабочий», «Трудовая правда». Существование некоторых периодических изданий обрывалось на первых же номерах; так, в 1905—1907 гг., сменяя друг друга, выходили еженедельники «Тернии труда» (три номера), «Простые речи» (три номера), «Зрение» (два номера). В связи с этим необходимо тщательно выяснять все выходные данные газеты или журнала, чтобы не подменять один печатный орган другим, а также скорректировать сведения (например, о месте, дате издания), указанные недостоверно из конспиративных соображений.

Несмотря на преемственность советской цензуры от царской в качестве главных ее особенностей можно выделить отсутствие гласности и размытость административных норм.

Источниковедческий анализ продукции СМИ, выходявшей в условиях цензурных ограничений, должен иметь окончательной целью воссоздание искусственно искаженной картины прошлого.

Источниковедческому анализу подлежат:

- источники, создаваемые органами контроля и цензуры;
- сами объекты цензурного воздействия (в том числе СМИ).

Этому способствует использование делопроизводственных материалов административных и судебных органов, касавшихся цензурных ограничений, наложения штрафов, закрытия журналов и газет, изъятия их тиражей из печати.

Среди материалов цензурных ведомств необходимо исследовать приказы, циркуляры, оперативные указания по вопросам цензурского кон-

троля; перечни сведений, составлявших военную и государственную тайну; инструкции о порядке контроля. В качестве источников могут быть использованы документы с цензурскими *вычерками*; аннотированные и глухие списки произведений, подлежащих изъятию из широкого обращения; списки печатной продукции и пластинок, запрещенных к ввозу на территорию страны; докладные записки и справки-заключения цензоров с обоснованием «идеологической неблагонадежности» изданий. Дополнительную информацию о судьбе того или иного документа могут дать разного рода пометы, резолюции, грифы на делопроизводственной документации. Наиболее сложная проблема — установление авторства документа, исходящего из цензурного учреждения (если на них не стоят специальные делопроизводственные отметки). По наблюдениям Т. М. Горяевой, основу обобщающих справок, отчетов, записок готовили руководители профильных структурных подразделений.

Важнейшим источником служат документы самих редакций, издательств, телерадиовещательных компаний. В них получали отражения различные способы приспособления творческих коллективов к действиям цензуры. Путем сравнения текстов, письменных вариантов радио- и телевизионных программ с их изобразительной и звуковой формой выявляются разночтения между ними.

☞ *Методика сравнительного анализа* включает в себя:

- выявление всех вариантов текста;
- установление редакторской, авторской и цензурской правки;
- определение схемы монтажа путем сравнительного анализа исходных материалов, вырезок и вычерков с окончательным результатом.

Для понимания специфики работы цензурного ведомства следует привлечь как воспоминания цензоров (А. В. Никитенко, Е. М. Феоктистова, О. Литовского, В. Соколова и др.), так и журналистов и деятелей культуры (И. И. Ясинского, А. Е. Кауфмана, И. Я. Эренбурга, Б. Н. Никольского и др.). Немаловажно также изучать ведомственную периодику, в которой публиковались основные документы, касавшиеся цензурных установлений.

Спецификой обладает анализ проблемы идеологического контроля над содержательной частью радиосообщений. По сравнению с периодикой, которая уже с 1922 г. подвергалась тотальной цензуре, Отдел агитации и пропаганды при ЦК партии подвергал реальному цензурному контролю лишь тексты пропагандистских радиопередач. Только в 1927 г. был установлен обязательный порядок прохождения всех эфирных материалов через органы Главлита.

В рамках источниковедческого анализа прежде всего должна быть определена структура вещания («эфирная сетка» или программа вещания), затем изучена организация предварительного и последующего контроля микрофонных материалов. Организация радиовещания регулировалась инструкциями и положениями о контроле всех видов и жанров радиовещания: радиогазет, радиобюллетеней, непериодических изданий. Вторичной разрешительной визе подлежали все изменения, введенные непосред-

ственно перед эфиром. Для организации предварительного и последующего контроля в структуре облгорлитов организовались специальные группы радиовещания, материалы которых должны анализироваться.

14.8. Информационные ресурсы Интернета как исторический источник

В середине 1990-х гг. в системе российских СМИ появился четвертый вид медиа, который стал использовать цифровой способ передачи данных по компьютерным сетям. В отличие от радио- и телевещания, основной функцией которых является производство и распространение массовой информации, Интернет изначально создавался как средство для свободной коммуникации в глобальном смысле, включающей помимо массовой групповую и индивидуальную формы общения.

Целевая деятельность интернет-медиа связана с информированием массовых аудиторий, в то время как другие ресурсы Интернета нацелены на иные виды коммуникации, например, на межличностное или межгрупповое общение по интересам (блоги, форумы), на хранение информации (электронные библиотеки, социальные сети). Входя в интернет-пространство, человек имеет возможность получать информацию во всех областях знания, оперативно (вплоть до режима реального времени) знакомиться с новостями. Навигатором в этом служат информационно-поисковые системы, включающие десятки *серверов* (узлов хранения информации) по многим тематическим направлениям.

☛ *Интернет* — глобальная информационная сеть, части которой логически взаимосвязаны посредством единого адресного пространства. В этом смысле Интернет — не средство массовой информации, а коммуникационная среда. Средствами массовой информации являются размещаемые в нем информационные ресурсы, в первую очередь сетевые периодические издания.

Различают две *группы сетевых СМИ*.

1. Возникшие в результате эволюции традиционных СМИ и пополняющиеся электронными версиями своих печатных, радио- и телевыпусков («Известия» и др.). Такие сетевые СМИ обычно используют те же подборки новостей (и в смысле скорости обновления информации, и в смысле решений, соответствующих традиционным газетным, радио- и телевизионным форматам). Обычная последовательность публикаций: сначала бумажный вариант или эфир, затем — сетевая версия.

2. Возникшие непосредственно на базе сетевых технологий и функционирующие исключительно в среде Интернета («Газета.Ру» и др.). В последнее время наметилась тенденция: информационные проекты, зародившиеся в среде Интернета, мигрируют в традиционные зоны СМИ (например, лента ИА «РБК»).

Электронная версия не всегда является копией бумажного издания. Редакции нередко практикуют публикацию текстов, существующих только в электронном виде и отсутствующих в бумажном варианте. Вопрос о том,

являются ли электронные версии печатных изданий *электронными СМИ* или же только *формой их передачи*, спорный.

Часть признаков, присущих сетевым периодическим изданиям, характерна и для печатных СМИ. Издателями сетевой периодики являются учреждения, компании, частные лица. Основное целевое назначение — информирование читателей, популяризация знаний, просвещение населения, пропаганда идей и взглядов, публикация результатов профессиональной и научной деятельности и т.д. Схожим образом выглядит внутренняя структура онлайн-изданий: публикации внутри одного выпуска распределяются, прежде всего, по тематическому, жанровому и проблемно-целевому принципам. По мере расширения доступа, повышения уровня компьютерной грамотности состав читательской аудитории сетевых изданий приблизился к аудитории печатных СМИ.

Основанием для выделения интернет-медиа в отдельную разновидность являются их оригинальные свойства:

- возможности мультимедийности (передачи сообщений в разных знаковых системах — вербальной, графической, звуковой, фото, видео, анимационной);
- уникальная интерактивность (многосторонний информационный обмен с аудиторией);
- использование гипертекста.

Благодаря *гиперссылкам* (специальным электронным указателям) можно быстро переходить от одного веб-ресурса к другому. Электронный документ, в котором используются гиперссылки, называется *гипертекстовым*. Средства гипермедиа позволяют связать документ с графикой, фотографиями, аудио- и видеозаписями. В результате пользователь имеет дело с системой взаимосвязанных документов разнообразного характера.

Термин «гипертекст» ввел в оборот Т. Нельсон в 1965 г. для обозначения документов (например, представленных компьютером), выполнявших действия «по запросу». В широком смысле *гипертекст* — любое справочное издание, содержащее отсылки к другим частям текста, имеющим отношение к определяемому термину (событию, историческому деятелю и пр.).

Использование гипертекста предоставляет уникальные возможности как производителям, так и потребителям информации, поскольку позволяет не только читать текст линейно (как на бумаге), но и просматривать его вглубь с помощью внутренних и внешних ссылок, что расширяет информационные возможности источника.

В Интернете фактически разрушается представление о периодичности выпусков: ритм обновления новостей у каждой редакции свой, новость может появляться на мониторе в режиме онлайн. Во Всемирной паутине также фактически не работают понятия о расстояниях и границах, информация становится трансграничной. Вследствие специфики сетевых изданий несравненно более значительное место в них занимают краткие информационные сообщения.

По данным «Летописи русского Интернета», первой опубликовала свою электронную версию «Учительская газета» в марте 1995 г. Это были тексты, экспортированные из бумажной версии. В 1996 г. Национальная служба новостей провела трансляцию президентских выборов в онлайн-режиме; это была первая информационная акция, которая продемонстрировала возможности Всемирной паутины как нового канала информационного вещания. На следующем этапе (1999—2004) Интернет становится информационным каналом, способным конкурировать с традиционными СМИ. С марта 1999 г. регулярно стала выходить «Газета.Ру» — интернет-издание, позиционирующее себя как интернет-газета. В Сети стал формироваться медийный сектор со своими производителями информации и фокусными аудиториями. Возникают представительства ежедневных и еженедельных газет разных типов. В сентябре 1999 г. появился первый номер онлайн-версии ежедневной «Независимой газеты», которая стала публиковать в свободном доступе все материалы, включая тематические приложения. К концу 1999 г. в интернет-каталогах содержалось более 2 тыс. ссылок на разные СМИ. По оценкам Всемирной газетной ассоциации, за пять лет с 1999 г. аудитория газет в Интернете по всему миру выросла на 350%, а продажи — всего на 4,75%. Наряду с падением тиражей и потерями рекламодателей это явление подтвердило наличие серьезного кризиса, охватившего рынок бумажных газет.

Использование ресурсов Интернета для решения исследовательских, в частности источниковедческих, задач порождает ряд технических и методологических вопросов. Следует иметь в виду *специфику* представления информации в Сети:

- общедоступность;
- высокая коммуникативность, что позволяет изучить не только интернет-ресурсы, но и мнение пользователей о них;
- динамизм, подразумевающий, с одной стороны, постоянное обновление интернет-ресурсов, а с другой — возможное их перемещение в пределах Сети или исчезновение;
- относительно небольшой срок существования ресурсов; число веб-сайтов в Интернете, по данным на декабрь 2011 г., составляло 555 млн, при этом 300 млн из них появились в течение 2011 г.; однако с точки зрения сохранения источника информации важно, что *период полураспада* (половина средней продолжительности жизни интернет-ресурса или сохранности данных на нем) оценивалось (по данным 2010 г.) всего лишь в девять месяцев; это означает, что меньше чем через год половина ссылок на страницы Сети в любой научной статье могут оказаться неработающими, поскольку соответствующая информация будет утеряна (изменена).

Возникают *проблемы глобальной информатизации*: достоверности и объективности информации в Интернете, качества информации в электронных изданиях. Любой пользователь Всемирной паутины без труда может ознакомиться с оцифрованными (имеющими электронную версию) историческими документами, базами данных, графическими изображениями, но при этом возникает вопрос о том, насколько можно доверять этой

информации. Даже в специализированных электронных ресурсах часто не указывается, кто автор текстов, откуда взяты фотоиллюстрации, как получены статистические данные (иными словами, на какие источники автор опирался). Следовательно, пользователи информационных ресурсов не имеют гарантий качества получаемой информации.

Трудности возникают и тогда, когда документ необходимо использовать и цитировать в научных целях, поскольку в электронном аналоге нередко отсутствует традиционная постраничная нумерация текста. В ГОСТе Р 7.0.5—2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» регулируются правила составления ссылок как на электронные ресурсы в целом (электронные документы, базы данных, сайты, веб-страницы и пр.), так и на их составные части (публикации в электронных сериальных изданиях, сообщения на форумах и др.). Согласно ГОСТу требуется приводить сведения, необходимые для поиска и характеристики технических спецификаций электронного ресурса, в частности, примечание о *режиме доступа* (Uniform Resource Locator (URL) — унифицированный указатель ресурса) и *дате обращения* к сайту (поскольку разработчик может корректировать сайт после публикации).

Таким образом, необходимо сохранять критическое отношение к интернет-ресурсам и, по возможности, проверять содержащуюся в них информацию в печатном варианте, являющемся по отношению к электронной версии первоисточником.

Период до середины 1990-х гг. можно условно обозначить как этап проникновения интернет-технологий в профессиональную деятельность историков, на котором использовались в первую очередь коммуникативные возможности Сети. Во второй половине 1990-х гг. параллельно с расширением доступа в Глобальную сеть стали создаваться электронные ресурсы по истории. На рубеже XX—XXI вв. началось осмысление связанных с этим источниковедческих проблем. На современном этапе в Сети создаются специализированные научно-образовательные ресурсы по истории.

Ж. А. Рожнева предложила *классифицировать* исторические научно-образовательные ресурсы по назначению содержащейся в них информации на следующие группы:

- представительские, содержащие общие сведения о различных организациях исторического профиля (образовательных учреждениях, архивах, музеях, а также о конференциях, новых публикациях, грантах и т.п.);
- исследовательские, которые можно использовать для научного исследования (исторические источники, базы данных, каталоги библиотек, путеводители по архивным фондам, а также научные публикации историков);
- образовательные (электронные версии учебных и методических материалов, программы курсов, исторические энциклопедии и т.п.).

На сегодняшний день историческое исследование не сможет базироваться только на тех источниках, которые представлены в электронном виде.

Широкое распространение современных средств обмена информацией ставит перед историками ряд новых источниковедческих проблем. Появилось понятие *потенциальных исторических источников*. Некоторые из них имеют определенную схожесть с традиционными (электронные письма, сетевые дневники и блоги, материалы для веб-форумов и конференций и др.). Их важнейшая особенность — крайне высокая степень технологической зависимости, что может привести к проблемам при смене поколений компьютерных технологий записи и хранения информации и обуславливает трудности с принятием электронных документальных массивов на архивное хранение. Специфичным для таких источников является вопрос аутентичности, первичности документа, поскольку современные технологии позволяют создавать копии, абсолютно подобные оригиналам. Однако их использование позволит существенно расширить традиционный источниковый комплекс.

Потенциально новой разновидностью исторического источника многие считают *блоги*.

☞ *Блог* (от англ. *weblog* — онлайн-дневник или онлайн-журнал) — способ периодической организации информации в вебе, ведущейся по принципу хронологических дневников одним или несколькими авторами, при котором информация организована в виде новостной ленты, обновляющейся по мере публикации новых записей и предусматривающей возможность интерактивного общения путем составления комментариев к тексту каждой конкретной записи (*посту*).

По своей природе блог похож на СМИ: у него есть издатели (они же авторы), читатели (подписчики), тираж, в нем публикуются новости и фотографии.

📖 Специалисты в области информационных технологий Р. Скобл и Ш. Израэл сформулировали шесть отличий блогов от иных каналов коммуникации, которые в совокупности присущи только им:

- 1) легкость публикации (на это не требуется много времени и финансовых затрат);
- 2) легкость поиска;
- 3) «опора на общество» (блог ведет кто угодно и пишет что угодно);
- 4) «заразность» (информация в блогах распространяется быстрее, чем в традиционных СМИ);
- 5) возможность прямой связи путем подписки на обновление материалов;
- 6) взаимосвязанность, т.е. блогосфера представляет собой одну большую дискуссию, в которой интересные темы и авторы связаны с помощью ссылок (*линков*).

Есть еще одно отличие, значимое с точки зрения характеристики блога как потенциально новой разновидности источника: если традиционная журналистика опирается на способный создать новость факт, то блог делает ставку не на факт, а на мнение об этом факте. Блоги сочетают в себе черты различных исторических источников: большинство персональных блогов

являются источниками личного происхождения, среди которых встречаются как дневники, так и мемуары. Часть постов можно классифицировать как переписку. Большая часть блогов являются текстовыми, нередко также фото- и видеоблоги, аудиоблоги, мультимедийные блоги.

Поскольку блогеры есть в любом социальном слое, блог предоставляет информацию о любых событиях в мире быстрее, чем при использовании обычных СМИ (телевидение, радио, печатные издания) и даже интернет-СМИ. Информационные ресурсы блогосферы предоставляют пользователям возможность выбора: из каких источников они могут составить представление о событиях, передавая такие картинки, которые не в состоянии предоставить обычная пресса. В отношении блогов сегодня все чаще используется термин «гражданская журналистика».

Американская аналитическая фирма Pew Internet & American Life утверждает, что новый блог создается в Сети каждые пять-восемь секунд. В России самым распространенным блог-хостером является «ЖЖ»¹, претендующий на роль самого актуального СМИ в нашей стране. В нем имеются такие интересные для историка сетевые сообщества, как «Мировая история», «Гражданская война в России», «История Церкви», «Архивы России» и др. В данных сообществах содержатся ссылки на сетевые ресурсы, даются анонсы новых изданий, конференций, размещаются электронные копии исторических источников, фотодокументы, дискуссионные материалы.

Таким образом, блог может служить комплексным источником сам по себе и в то же время являться инструментом в работе историка.

Контрольные вопросы и задания

1. Дайте определение информации и СМИ.
2. В чем своеобразие периодической печати как исторического источника?
3. Что такое жанры периодической печати? Назовите основные из них.
4. Назовите известные вам методы анализа прессы.
5. Целесообразно ли проводить источниковедческий анализ одного номера журнала (газеты) в системе годового комплекта?
6. В чем сходство и различие газет и листовок?
7. Дайте характеристику периодических изданий самиздата.
8. Какова специфика фонодокумента как исторического источника?
9. Дайте определение цензуры. Какие виды цензуры вы знаете?
10. В чем особенности интернет-медиа?

Основная библиография по главе 14

1. *Акопов, А. И.* Некоторые вопросы журналистики. История, теория, практика (публикации разных лет). — Ростов-н/Д : Терра, 2002.
2. *Антонова, С. И.* Периодическая печать как исторический источник по истории СССР (1895–1917). — М. : МГУ, 1966.

¹ См.: URL : www.livejournal.com

3. *Бережной, А. Ф.* История отечественной журналистики: материалы и документы. — 2-е изд. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003.
4. *Боброва, Е. В.* Блог как исторический источник и повседневный инструмент историка // Бюллетень Ассоциации «История и компьютер». — М. ; Тамбов, 2006. — № 34. — С. 145—147.
5. *Горяева, Т. М.* Политическая цензура в СССР, 1917—1991. — М. : РОССПЭН : Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009 (История сталинизма).
6. *Горяева, Т. М.* Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-х — 1930-х годах. Документированная история. — 2-е изд. — М. : РОССПЭН : Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009 (История сталинизма).
7. *Есин, Б. И.* История русской журналистики (1703—1917) : учеб.-метод. комплект. — М. : Флинта : Наука, 2000.
8. *Жирков, Г. В.* История цензуры в России XIX—XX вв. : учеб. пособие. — М. : Аспект-Пресс, 2001.
9. *Летенков, Э. Н.* «Литературная промышленность» России конца XIX — начала XX в. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.
10. *Овсеян, Р. П.* История новейшей отечественной журналистики: февраль 1917 — начало XXI в. : учеб. пособие. — 3-е изд., доп. — М. : Изд-во Моск. ун-та : Наука, 2005.
11. Пресса в обществе (1959—2000). Оценки журналистов и социологов. Документы / сост. А. И. Волков, М. Г. Пугачева, С. Ф. Ярмолук. — М. : Моск. школа политических исследований, 2000.
12. *Тертычный, А. А.* Жанры периодической печати : учеб. пособие. — М. : Аспект Пресс, 2000.
13. Технотронные документы — информационная база источниковедения и архивоведения : сб. ст. — М. : РГГУ, 2011.
14. *Шерель, А. А.* Аудиокультура XX века. История, эстетические закономерности, особенности влияния на аудиторию : очерки. — М. : Прогресс-Традиция, 2004.

Глава 15

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- значение изобразительных источников для восстановления колорита эпохи;
- особенности воздействия официальной идеологии на визуальные источники информации;

- принципы источниковедческого анализа изобразительных материалов;

- виды фальсификации фото- и кинодокументов (ретушь, инсценировка и пр.);

уметь

- проводить аналитическое исследование изобразительных источников (определять время и место отраженных в них событий);

- анализировать визуальные особенности изобразительных источников в зависимости от их типологии;

- применять картографические материалы в рамках традиционной методики исторического исследования;

владеть

- навыками оценки степени достоверности и репрезентативности изобразительных источников для целей конкретных исторических исследований.

Ключевые термины и понятия: *изобразительные (визуальные) источники, картографические материалы, компьютерное картографирование, фотодокументы, кинодокументы, киноскрипт, контратип, плакат, лубок, карикатура.*

15.1. Понятие, классификация изобразительных источников и общие принципы их источниковедческого исследования

История традиционно ассоциируется с письменными источниками. Вещественные и изобразительные источники — фундамент исследований древнейших времен, доисторического мира. Изучение визуальной информации, оставленной людьми, в отсутствие письменных источников дает возможность воссоздать систему их ценностей и представлений. В наши дни, с развитием информационного общества визуальные образы оказывают все большее воздействие на человека.

Идеи включения изобразительных произведений в комплекс исторических источников не новы. В одном из первых советских пособий, посвященных источникам и методам исторических исследований, Г. П. Саар предлагал использовать произведения живописи, скульптуры, карикатуры и плаката (наравне с фотографическими и кинематографическими сним-

ками, картами и планами) для исследований по истории общественных отношений. В. И. Стрельский также поднимал вопрос о необходимости включения изобразительных источников в учебные программы по источниковедению. В классификации С. О. Шмидта данные источники выделены в отдельный тип, поскольку, по мысли исследователя, в отличие от большинства вещественных источников, они несут, как правило, дополнительную культурно-историческую информацию, «изображая» иное явление.

Мнение

В отечественной литературе высказаны различные точки зрения по вопросу о возможности объединения в одну группу кино-, фото- и фонодокументов.

В. И. Стрельский выделяет кино- и фотодокументы в род изобразительных материалов, а фонодокументы в отдельный род источников. Л. Н. Пушкарев также считает кино-, фото- и фонодокументы отдельными типами источников. П. Я. Мизин и Н. А. Церевитинов утверждают, что кино- и фотодокументы резко отличаются по своему строению и физико-химическим свойствам от остальных документальных материалов, в том числе и фонодокументов. В основе их образования лежит фотографический процесс, для которого требуются специальная аппаратура, оборудование для лабораторной обработки и специальные материалы.

Другие авторы (А. А. Кузин, М. А. Варшавчик, М. Н. Черноморский, В. М. Магидов) считают, что кино-, фото- и фонодокументы относятся к одному классу исторических источников. Так, В. М. Магидов подчеркивает, что среди существующих способов записи звуковой информации имеется фотографическая — оптическая система записи, применяемая в основном в звуковом кино в виде фонограммы и подразумевающая использование химико-фотографических процессов и соответствующего оборудования. По его мнению, возможность объединения кино-, фото- и фонодокументов в одну группу обусловлена не только сугубо техническими и формальными признаками, но и особенностями методов документирования явлений и процессов, в равной мере свойственными данной категории изобразительных и звуковых источников.

Возможность и необходимость рассмотрения кино-, фото- и фонодокументов как однородной группы источников остается спорной проблемой. Основными критериями для типологии служат не только способ кодирования информации, но и специфические черты в качестве исторических источников. Исходя из этого, представляется целесообразным отнести кинодокументы к изобразительным (немое кино) и изобразительно-звуковым (звуковое кино) источникам, фотодокументы — к изобразительным, фонодокументы — к звуковым.

Достижением отечественного источниковедения стали работы А. И. Андреева, В. И. Стрельского, В. С. Листова, В. М. Магидова, А. В. Постникова и других исследователей, разработавших приемы работы с такими разновидностями изобразительных источников, как фото- и кинодокументы, картографические материалы. Однако проблемы источниковедческого изучения изобразительных источников у нас в стране разработаны явно недостаточно.

Существует и терминологическая неопределенность. В ГОСТе Р 51141—98 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» дано следующее определение: «Изобразительный документ — документ, содержащий информацию, выраженную посредством изображения какого-либо объекта». Однако документы, включающие в себя изобразительную информацию, содержат и такие, в которых имеются как текст, так и изображения (плакаты, миниатюры, почтовые марки, фотографии и пр.). Родовое понятие «документ, содержащий изобразительную информацию», включает в себя разнообразные виды документов, которые можно классифицировать по различным признакам: по виду носителя, способу воспроизводства изображения, назначению и пр. Можно выделить две основные группы:

1) документы, в которых изобразительная информация имеет самостоятельное (главное) значение (фотодокументы, карикатуры и т.п.);

2) документы, в которых изобразительная информация предстает в совокупности с текстом, может быть связана с ним содержанием или выступать в качестве художественного оформления (рукописные книги с заставками, документы с рисунками, оттисками печатей и т.п.).

Чтобы оценить философские, нравственные, эстетические идеи, выраженные в изобразительных источниках, недостаточно рассмотрения их специфических признаков или формальных приемов исполнения. Источниковедческий анализ должен включать в себя несколько уровней, в том числе собственно источниковедческий и специальный — искусствоведческий, необходимый для адекватной оценки художественных достоинств изобразительных источников.

 Модель анализа содержания произведения искусства, дополняющего исследование его форм, предложил немецкий исследователь Эрвин Панофски (1892—1968). Первый этап — *доиконографическое описание* — включает идентификацию на изображении отдельных предметов и событий. Второй — *иконографический анализ* — предполагает раскрытие конкретного значения деталей изображения, запечатленных тем и аллегорий. Третий — *иконологическая интерпретация* — имеет целью расшифровку значений, репрезентации смыслов, не сознаваемых художником и способных воплотить дух времени или нации.

Изобразительное искусство является одним из каналов, с помощью которых передаются визуальные образы культурной памяти. В советские годы многие художники участвовали в поддержании и утверждении главных исторических мифов. В связи с этим необходимо вникнуть во внутренний строй художественного мышления человека прошлого, уметь распознавать стиль эпохи.

 Одна и та же зрительная информация может быть интерпретирована по-разному, в зависимости от *контекста*, т.е. общей социокультурной ситуации. По мнению И. В. Нарского, центральная задача и проблема в работе с визуальными источниками — их *контекстуализация*, позволяющая воспринимать изображение на фоне других и оценивать его в зависимости от складывающейся социокультурной ситуации, вне которой значение изображения резко понижается.

15.2. Картографические материалы как исторический источник

☞ К *картографическим материалам* относятся географические и специальные карты, планы, чертежи, атласы и первичные графические документы съемок (планшеты, аэрофотоснимки и пр.), необходимые при изучении пространственных характеристик исторических процессов, явлений и событий.

В источниковедческой практике термины «картографические материалы» и «картографические источники» используются как равнозначные.

- ☞ Возможные направления использования картографических материалов в исторических исследованиях:
- изучение местности и всех изображенных на ней объектов и явлений с их свойствами и особенностями (*чтение карты*);
  - изучение картографических материалов в сравнении и синтезе с текстовыми, устными, другими изобразительными источниками;
  - выражение результатов исследования в виде карты как наиболее компактной, емкой формы записи;
  - определение по картам пространственных количественных и качественных характеристик объектов (*картометрические работы*);
  - компьютерное картографирование.

Особенность картографических материалов как источников заключается в том, что их содержание выражено комплексом графических и художественных средств в сочетании с текстом. *Язык карты* представляет условно-знаковую форму передачи информации, причем графичность приближает ее к технической документации — чертежам, а изображение поднимает карту до уровня произведения искусства — рисунка или фотографии. Графика (условные знаки), расцветка основных элементов содержания карты, надписи представляют в совокупности законченное произведение, весьма емкое по содержанию при сравнительно небольшом объеме. С помощью карт можно показать размещение исторических явлений с такой точностью, которую нельзя передать ни в одном описании.

Однако при составлении любой карты (даже в самых крупных масштабах) невозможно изобразить все объекты данного региона, поэтому на ограниченной площади помещаются только самые важные из них. Этот процесс носит название *генерализации*.

☞ *Картографическая генерализация* — отбор и обобщение изображаемых на карте объектов в зависимости от масштаба, назначения и особенностей картографируемой территории.

Для уяснения принципа генерализации показательны наличие *врезок* на картах. *Врезки* — дополнительные карты, рисунки, текстовые пояснения, вызванные необходимостью изображения в более крупном масштабе, а также с большей детальностью важных, по мнению составителей, показателей, не указанных из-за сравнительно мелкого масштаба на основной карте.

С начала XVIII в. работы по картографированию приняли в России небывалый размах. В Генеральный регламент была даже включена статья,

требовавшая «в каждой коллегии иметь генеральные и партикулярные ландкарты или чертежи». Проведенные в середине XVIII в. съемки привели к появлению первых комплексов массовых картографических документов, содержавших однородную информацию по обширным регионам. Русские карты XVIII в. имели градусную сеть и масштаб, были ориентированы на север, основаны на геодезической съемке изображенной на них территории. В рамках общегеографического картографирования зародилась специализация, обусловленная назначением карт, которые назывались *специальными (тематическими)*. Становление тематического разнообразия русских карт пришлось на 1760-е гг. и было связано с практическими нуждами государства: межеванием земель, учетом лесных и минеральных ресурсов, транспортным и промышленным строительством. Дальнейшее развитие картографирование получило в рамках военного ведомства, обеспечившего к 1860-м гг. большую часть страны крупномасштабными картами. Главным в картографии стал метод последовательного уменьшения и *генерализации* крупномасштабных карт для создания сводных мелкомасштабных карт. Этот метод оставался ведущим в картографии до последнего времени, и только с появлением космических аппаратов, позволяющих делать фото- и телевизионные снимки больших участков земной поверхности, ученые получили возможность работать с реальным отображением земли.

☞ К общим вопросам источниковедческого изучения карт относятся:

- выяснение обстоятельств возникновения, истории создания, назначения источника;
- определение автора;
- выяснение времени создания;
- изучение круга источников, использованных для составления анализируемых карт, планов и чертежей;
- выявление сопутствующей делопроизводственной документации;
- исследование подлинности, достоверности источника.

Для реконструкции методов создания карты необходимо выявление всего круга сопровождавших съемку, составление и издание карты источников: инструкций, наставлений, таблиц условных знаков, полевых журналов, отчетов о съемках и пр. Это позволяет установить, в какой степени содержание производных картографических источников (печатные карты и атласы) отличается от содержания первичных материалов (рукописные карты и брульоны съемок). Разная надежность отдельных элементов содержания старых карт или их частей объясняется подчас внутренней эклектичностью этих произведений, вызванной использованием самых разнообразных источников, иногда противоречащих друг другу. Среди источников старых карт могут быть и графические материалы, созданные в результате непосредственных съемок в поле, и текстовые документы, и даже предания и мифы. Только совместное изучение карты и сопровождающих ее текстов позволяет полностью ознакомиться с совокупностью географических и картографических представлений и знаний эпохи или общества.

Изучение делопроизводственной документации позволяет уточнить датировку карты. Важным для проведения источниковедческого анализа является эволюция способов изображения рельефа или применения изобразительных средств — надписей, цвета, условных знаков. «Словарь выражений» (условных знаков) карт в большей части сформировался достаточно давно, некоторые из знаков вошли в употребление в XV—XVI вв. В конце XVIII — начале XIX в. в России условные знаки в межевом и военном ведомствах стандартизировались. Изменение государственных границ, административно-территориального деления (губернии, области, уезды и пр.), возникновение населенных пунктов, их переименование также помогают при датировке. Для датирования можно использовать данные физической характеристики картографических источников (материал — бумага, пергамент, краски, чернила), палеографию.

В последние годы при анализе карт применяется физико-химический метод. Так, при исследовании материалов первой русской антарктической экспедиции 1819—1821 г. для точной атрибуции почерка Ф. Беллинсгаузена, помимо обычного палеографического анализа, проводилась экспертиза с оптико-фотографическим исследованием его почерка и карты.

После установления обстоятельств создания карты требуется оценить ее надежность в отображении определенного участка территории.

Основой любой карты являются точки с определенными географическими координатами (*широта* и *долгота*) и математический способ передачи изображения участка сферической земной поверхности на плоскости карты (*масштаб* и *проекция*). *Масштаб* определяет ту детальность, с которой может быть отображено основное содержание карты. Чем крупнее масштаб, тем, как правило, больший объем исторической информации можно получить. Масштаб карт XVIII—XIX вв. почти всегда указывался, но его необходимо проверять путем сравнения с современными картами (в XVIII в. масштаб в силу недостаточной картографической изученности территории носил формальный характер). Картографический источник обладает тем уникальным преимуществом, что относительную точность и достоверность его географического содержания можно непосредственно оценить путем соотнесения с существующими природными реалиями. Строго говоря, абсолютно объективным и равноточным содержание карты по всей ее площади становится лишь с внедрением аэрофотосъемки, позволяющей получать сплошное изображение местности. До этого отдельные элементы карты снимались с различной точностью.

☞ В ходе источниковедческого анализа исследуются наиболее важные *специальные картографические* вопросы:

- назначение карты, поскольку именно практическая необходимость определяла содержание, масштаб, графические приемы, степень генерализации;
- точность географической основы, определяемой в зависимости от элементов математической основы (масштаба, проекции и отраженной сети астрономически определенных опорных пунктов) и географической среды (береговой линии, морей и озер, населенных пунктов, рельефа);
- анализ способа генерализации (обобщения) содержания карты;

— характер символики, т.е. комплекса средств, с помощью которых составитель карты отображает размещение объектов и явлений, передает их качественные и количественные характеристики, а также делает все эти сведения понятными для читателя.

Контрастирование (противопоставление условных знаков по рисунку, величине и цвету) — один из приемов визуальной техники, который широко применялся составителями карт уже в XVIII в.

Одним из эффективных при изучении содержания карт является метод *сравнения* картографических произведений — исследование изображения однородных элементов содержания на различных картах определенного периода или развития отображения тех же элементов во времени на картах разных эпох. Сравнение ведется по трем направлениям: изучение контуров географического изображения в целом либо отдельных его частей; сравнительный анализ географических названий (топонимии) на различных картах; детальное выявление всех картографических произведений, входящих в определенные серии переизданий для установления и описания последовательности любых изменений. Компьютер позволяет оптимизировать метод сравнения картографических произведений. Искажения на изучаемых материалах выявляются благодаря сравнению длин линий между точно отождествляемыми точками или их координат с соответствующими величинами на современных картах.

Принципиально новый и очень перспективный путь обработки информации открыло перед исследователями *компьютерное картографирование*, предполагающее создание *динамической карты-основы*, на базе которой проводятся собственно исследовательские разработки тех или иных аспектов проблемы, нашедших отражение в источниках. По выражению В. Н. Владимирова, карта становится и результатом, и иллюстрацией, и способом визуализации результатов исследования, и, не в последнюю очередь, собственно средством анализа. Происходит переход от карты, являющейся иллюстрацией, к карте — аналитическому инструменту.

- Историческое компьютерное картографирование включает следующие этапы:
- определение целей исследования;
  - поиск и анализ источников;
  - создание пространства для анализа в компьютерной форме (оцифровывание карты-основы);
  - создание баз данных (преимущественно статистических);
  - аналитическое картографирование;
  - создание итоговых тематических карт и исторические выводы.

Исследование исторических проблем посредством картографического метода с использованием компьютера вводит в исследовательский процесс большое количество источников, различных по своей структуре и смысловой нагрузке, требующих кропотливой работы еще до того, как их данные станут элементами информационной базы компьютерной карты. Помимо традиционной критики такого источника для оценки его репрезентативности в отражении исторических процессов необходимо учитывать и спе-

цифику обработки данных источников в историческом компьютерном картографировании. Фактически речь идет о создании и введении в научный оборот новой разновидности исторических источников — компьютерных картографических материалов.

15.3. Фотодокументы как исторический источник

Фотографические снимки являются документами своей эпохи, которые, по общему правилу, воспринимаются современниками как несущие достоверную информацию, основанную на способности камеры к точной фиксации действительности. По словам А. Вартанова, в отличие от искусств, *воссоздающих* документы, фотография *создает* их: «Каждое прикосновение фотокамеры к миру есть создание документа». То, что в съемке участвует «бездушный» фотоаппарат, производит обманчивое впечатление отсутствия авторского начала в этом процессе. Однако от автора зависит выбор предмета, момента, пространственных характеристик фотодокументирования, а также возможности внесения изменений в окончательный результат съемки в процессе подготовки к печати и печатания снимка.

☞ *Фотодокументы* — изобразительные источники, которые представляют собой статическое отображение события, с одной стороны, и авторское видение зафиксированных событий — с другой.

По содержанию и характеру объектов фотодокументы подразделяются на следующие виды:

- а) событийные, изображающие отдельные моменты событий, действий, фактов жизни;
- б) видовые, фиксирующие изображения отдельных предметов, местности, явлений природы;
- в) портретные (изображения одного или нескольких лиц).

Специфические черты фотодокументов как исторических источников:

- возможность мгновенно запечатлеть на пленочном или другом носителе информации факты реальной действительности, регистрируя мельчайшие детали происходящего процесса;
- способность «остановить мгновение», в определенной мере ограничивающая возможности познания того, что оставлено за пределами фотокадра;
- наличие вполне определенных границ фотокадра, основные компоненты которого находятся в пределах изображенного в фотодокументе;
- возможность посредством информации, заключенной в фотодокументе, не только образно представить событие, но и осмыслить его, учитывая своеобразие передачи движения в фотографии, ее композиционную, пространственно-временную целостность, различные приемы съемки;
- создание условий для образного представления о действительности, причем в наиболее активной для восприятия форме, благодаря разнообразию информации, заключенной в фотодокументах;
- возможность использования технических средств, способствующих искажению содержания фотоизображения и приводящих в результате

к фальсификации событий или фактов, отраженных в фотодокументах (ретушь, фотомонтаж и др.);

– взаимосвязь эстетической и познавательной ценностей фотодокумента.

Термин «фотография» впервые употребили английский астроном и физик Дж. Гершель и немецкий астроном И. Медлер в 1840-е гг. для обозначения различных видов фотоизображений.

☞ Основные этапы совершенствования фотографического процесса:

- гелиография (1826–1833);
- дагерротипия (1837–1857);
- калотипия (1840–1857);
- моментальная (с 1860-х гг.) и цифровая (с 1980-х гг.) фотография.

Источниковедческий анализ фотодокументов подразумевает изучение носителей фотографического изображения (на стекле, пленке или бумаге). На первом этапе изучаются *позитивные* фотоотпечатки (фотографии в альбомах, авторские фотоотпечатки). Изучение *негативов* (на пленке или на стекле) может дать информацию о типе фотоаппарата, времени производства снимка, количестве фотографов (в случае одновременного наличия негативов на стекле и пленке, запечатлевших одно и то же событие).

☞ *Негативными* называются фотографические изображения с обратной передачей тональности снимаемого объекта: светлые тона выглядят на негативе темными, а темные — светлыми. На *позитивах* тональность и цвета передаются правильно.

Контратип — дубликат негатива, полученный посредством печати с промежуточного позитива или непосредственно с негатива и предназначенный для тиражирования кино- и фотодокументов.

Признаком неоригинальности снимка могут служить не только контратипная пленка и стекло, но и негативная пленка, если время ее происхождения не совпадает с датой съемки.

Фотокадры могут быть многократно скопированы и в качестве уже контратипных планов храниться и использоваться. Характерная контратипная рамка вокруг кадра, более или менее ярко выраженная, часть такой рамки, затемненная черта между кадрами и перфорацией, крупное зерно, цвет пленки дают возможность при рассмотрении негативной пленки выявить контратипные планы (при рассмотрении позитивного фотоотпечатка контратипность планов выявить нельзя).

Важную информацию может дать изучение надписей на негативе, которые обычно представляют собой указания даты и места съемки, различные пояснения к запечатленному событию. Пометы на негативе подчас содержат информацию о количестве снимков, сделанных автором по теме (это могут быть крайние цифры, проставленные на полях стеклянных или пленочных негативов).

Необходимо изучать не только содержание надписей, но и почерк, которым они сделаны, что может, в совокупности с данными, полученными при

изучении почерков фотографов (коллекционеров) в бумажных архивах и их сравнении друг с другом, дать информацию об авторе съемки, владельце коллекции.

Успех источниковедческого анализа фотодокументов во многом может зависеть и от результатов изучения *творческого* почерка конкретных фотомастеров, применяемых ими характерных приемов обработки пленки и позитивов, использовавшихся типов фотоаппарата. Например, один из первых фотографов-любителей Е. П. Вишняков использовал в работе переводные пленки Истмена (известные сегодня под названием «Кодак»), К. Булла снимал зеркальной камерой с использованием негативов размера 13 × 18 см.

Внешняя критика в отношении фотографии означает необходимость задаться вопросами о том, где, кем, когда, зачем, для кого она снималась, где хранилась и занимала ли почетное место, как воспринималась и интерпретировалась обладателями. Работа с изображениями требует иного инструментария, чем с письменным документом: необходимо знать *язык* визуальных источников. Кроме того, фотографическое изображение не имеет одного-единственного, изначально заложенного значения, оно открыто для исследовательской интерпретации. При работе с фотодокументами следует помнить, что каждый из них — лишь единичный факт, еле заметный на фоне всего события, если рассмотрен обособленно. Воссозданию картины событий может способствовать привлечение всего фотографического материала, отобранного, систематизированного, проанализированного.

☞ *Анализ фотодокументов* включает в себя изучение носителей изображения с целью установления места, времени, авторства снимка, исследование содержания и художественных достоинств фотоизображения. Основная цель при этом — получить ответ на вопрос о том, какие проблемы позволяет осветить изучаемый источник.

Каждая из фотографий весьма характерна для своего времени. Первой формой фотонискусства считается *пикториалистская* (от англ. *Picture* — картина), основным методом которой служила стилизация фотоизображения для того, чтобы оно напоминало живописную картину.

В 1880-е гг. представители так называемой *натуралистической* фотографии стали выступать за использование новых выразительных возможностей чистой, нестилизованной фотографии, отказ от позирования, постановок, ретуши.

Появление *моментальной* фотографии способствовало становлению «живой фотографии», обращенной к реальному факту, событию, ситуации. Почти одновременно с ней получила развитие *документальная* (социально активная) фотография, посредством которой документ превращался в идейно наполненный образ.

В 1920-е гг. развивалась *авангардная* (формотворческая) фотография. Представители авангарда декларировали отказ от живописи ради более достоверной и экономичной фотографии, связывая это с необходимостью переосмысления социальных функций самого искусства — ликвидации его «жизнеописательных» форм и переходом к «жизнестроительству». Общий

настрой авангардистов выразил О. Брик в статье «Фото-кадр против картины»: «Фотограф — фиксирует жизнь, живопись — делает картины». В этот же период художники (А. Родченко, Э. Лисицкий, В. Степанова) широко использовали в практике *фотоколлаж*, произвольно соединяя не связанные между собой изображения в одной фотографии, путем наложения изображений, совмещения фото.

Справка

Коллаж (от фр. *collage* — приклеивание) — прием художественной техники, при котором произведения создаются путем наклеивания на какую-либо основу предметов и материалов, отличающихся по цвету и фактуре.

Время с конца 1930-х до 1970-х гг. иногда называют «золотым веком» творческого *фоторепортажа* (характерный пример — фоторепортаж о буднях семьи Филипповых). Распространение в СССР в 1930-х гг. иллюстрированных периодических журналов способствовало развитию репортажной фотографии в качестве средства массовой коммуникации, одновременно превращая ее, однако, в рупор официальной пропаганды. Журналы «Прожектор», «СССР на стройке», «Наши достижения» в деле формирования и показа нового образа Советской страны отдавали фотографии приоритет. По мере улучшения качества печати фото начало заметно теснить газетную графику, осваивая жанр фоторепортажа и уступая рисованному изображению (карикатуре) монополию на изображение негативных явлений общественной жизни. С начала 1930-х гг. множество фотоизображений помещали центральные газеты, прежде всего «Правда» и «Известия»: не только портреты лидеров государства и ударников производства, но и фоторепортажи, часто отражавшие жизнь без оглядки на стандарты постановочной композиции.

В конце XX в. произошел бум *любительской* фотографии, который сопровождался кризисом фотографии профессиональной, что получило выражение в появлении элементов «маньеризма» и декаданса, стремлении к сенсационности и эпатажу в погоне за коммерческим успехом. Использование компьютера чрезвычайно расширило возможности вмешательства в процесс моментальной фотографической съемки.

Фотодокументы широко используются сегодня при подготовке телепередач, организации выставок и музейных экспозиций. Однако в исторических исследованиях фотографии чаще всего помещаются лишь в иллюстративных целях.

 И. В. Нарский среди факторов невнимания к фотографии как к источнику называет кажущуюся простоту восприятия изображения по сравнению с текстом и длительное господство оптимизма по поводу «объективности» фотографии, создающие иллюзию о ненужности специального инструментария для анализа. Лишь в последнюю четверть XX в. происходит кардинальный пересмотр отношения к фотографии как к источнику информации. Согласно современным (постмодернистским) подходам фото не говорит само по себе и нуждается в интерпретации, что символизирует поворот от социальной истории макропроцессов к микроанализу повседневности, опыту «маленьких людей».

Фотография не только демонстрировала принципиально новый тип восприятия окружающего мира, она его и тиражировала в формах репортажных снимков, публикуемых прессой, транслируемых телевидением, с помощью интенсивной выставочной деятельности. Хроникальная фотография для журнала или газеты, телепередачи, свидетельствует не только о снимаемом, но и о том, как и в каком свете было принято видеть объект съемки.

15.4. Кинодокументы как исторический источник

Кинодокумент — изобразительный или аудиовизуальный документ, созданный кинематографическим образом. Одновременно это сложный, комплексный исторический источник, способный отразить событие не только наглядно и образно, как фотография и другие изобразительные источники, но и в движении, близком к естественному. Характерные для кинодокументов черты основаны на наиболее существенном их свойстве — динамике.

☞ Под кинодокументом следует понимать как изобразительный (немое кино), так и изобразительно-звуковой (звуковое кино) документ, фиксирующий посредством кинематографической и телевизионной техники события, явления и факты реальной действительности в виде последовательно расположенных их изображений, а также звуковую информацию о тех же событиях, явлениях и фактах в виде речи, музыки, шумов.

Являясь одним из средств массовой коммуникации, кино обладает уникальной способностью сообщать в изобразительной и изобразительно-звуковой формах информацию о злободневных текущих событиях, становясь выразителем интересов определенных политических и общественных сил и течений. При этом кинодокументы, отражающие авторское кредо, субъективны. Даже самый беспристрастный автор выбирает, что снимать, в какой последовательности монтировать кадры, к какому сюжету привлечь внимание зрителя (с помощью крупного плана, стоп-кадра и др.). Это действительность, увиденная автором и им рассказанная, поэтому в работе с кинодокументами всегда необходимо учитывать авторский фактор.

В кинодокументе, как и в фотодокументе, событие фиксируется, как правило, в момент его совершения. Это дает возможность восстановить местный колорит, вид городов, облик людей и пр. Кадры документального кино позволяют почувствовать атмосферу большого исторического события, глубже понять образ эпохи. Вместе с тем, они могут выступать в качестве не только полноценного исторического источника, но и произведения искусства.

Историографическое и источниковедческое изучение кинодокументов имеет сравнительно недавнюю историю. Государственное хранение данных источников стало обеспечиваться только во второй половине 1920-х гг., при этом предпочтение отдавалось фильмам, получившим официальное признание, что повлияло на состав и содержание архивных фондов. Нередки были случаи утраты этих документов, изъятия (по политическим и другим

соображениям) ценных кинокадров из готовых кинопроизведений и телепередач, их перемонтажа и даже физического уничтожения.

В связи с этим первым этапом при работе с данным источником является выявление сохранившихся кинодокументов по теме исследования. Затем производится отбор наиболее ценных из них по содержанию, при этом критерием отбора могут выступать значимость событий или фактов, степень атрибутивности, техническое состояние, наличие сопроводительной документации и пр. Трудности на данном этапе могут быть связаны с тем, что далеко не весь массив съемок имеет полноценные *монтажные листы*, представляющие собой описание киноматериалов с последовательным указанием содержания каждого кадра и его координат на пленке. Нередко отсутствуют важнейшие атрибуты происхождения документов (авторство, место, дата съемки), имеются так называемые «безадресные» сюжеты.

Чрезвычайную важность приобретает процедура отделения подлинных документов от инсценировочного, собственно постановочного материала.

Особенно важно в ходе источниковедческого анализа знать, что представляет собой *первоисточник*.

В качестве первоисточника выступают такие документы, в которых хронологически впервые на пленочных или других носителях посредством кинотехники запечатлена первоначальная информация о действительных исторических событиях и фактах, или это материал, снятый в соответствии с первым вариантом сценария в игровом кино.

Первоисточник кинодокумента — неоднозначное понятие. В. М. Магидов предлагает относить к первоисточнику не только отснятый материал в оригинале (не подвергшийся монтажу), но и совокупность съемок, составивших основу кинопроизведения.

Под *подлинность* кинодокумента понимают действительное происхождение этого источника от определенного учреждения или лица — создателя документа. В данном контексте оно рассматривается как *антипод подложности*.

В ходе исследования проводится научная систематизация кинодокументов по нескольким крупным темам, что дает возможность поставить вопрос о полноте сведений в них и необходимости привлечения других источников. На последнем этапе осуществляется критический анализ.

Кинодокументы должны сопоставляться по содержанию с другими источниками (например, с материалами периодической печати), иными опубликованными и неопубликованными кинодокументами. Важнейшее значение имеет изучение текстовой сопроводительной документации (заявок, монтажных листов, литературного и режиссерского сценариев), что позволяет понять наиболее существенные этапы съемок, помочь в установлении соответствия между авторским замыслом и окончательным вариантом произведения.

Методику источниковедческого анализа кинодокументов разработал В. С. Листов. Он находит в документальном кино те же функции, что и в письменных источниках: отражать объективные события и служить памятником общественной мысли, что, по его мнению, обуславливает

возможность критики кинодокумента в тех же направлениях (в отношении его подлинности, достоверности, полноты, в вопросах датировки, места создания, авторства и пр.). Первичной единицей исследования, согласно предложенной методике, является *кадр* (фотографический снимок на киноплёнке, фиксирующий статическое положение снимаемого объекта). Следующей ступенью структуры киноисточника является *план* (часть киноленты, состоящая из последовательных кадров, снятая с одной точки и отражающая объект съёмки без перерыва во времени). Отдельные планы объединяются *монтажом*, на стадии которого кинорежиссером или оператором осуществляются интерпретация кинодокументальных планов, их авторское толкование, могут быть внесены изменения подлинного кинодокумента.

В одном документальном фильме могут быть смонтированы планы, снятые в разное время и в разных местах. Для атрибуции съёмки В. С. Листов предложил использовать *киноскрипты* — письменные источники, дошедшие до нас в составе изобразительных кадров документального кино (лозунги, плакаты, вывески, рекламы, таблички с названиями улиц, афиши и пр.). Например, если в поле зрения кинообъектива в ноябре 1917 г. попали часы Спасской башни Кремля, поврежденные перестрелкой, и стрелки показывают 13 ч 06 мин (или 1 ч 06 мин), то с большой степенью уверенности можно утверждать, что они показывают время попадания снаряда в Спасскую башню.

 М. Ферро предложил свой метод определения достоверности кинохроники как исторического источника:

- а) анализ материала фильма — изучение угла и ракурса съёмки (неподвижность — изменчивость), анализ переходов от крупных к дальним планам (до 1940 г. этот переход был невозможен без монтажа), четкость изображения и освещенность, исследование степени интенсивности событий (аутентичная неинтенсивность, отсутствие ритма), анализ контрастности пленки;
- б) анализ содержания кадров — идентификация костюмов, предметов, интерьеров;
- в) аналитическая критика, сопоставление внешних фактов, имеющих отношение к фильму — данные о фирме, выпустившей хронику, условия производства и проката и пр.

В. М. Магидов считает одним из наиболее продуктивных методов изучения кинодокументов *транспозицию* (перенос) зрительного ряда в письменный. Это дает возможность скрупулезного изучения мельчайших деталей изображения в общем анализе происходящего на экране.

Вопрос о том, в какой степени неигровое кино является искусством, остается дискуссионным.

 Мнение

По выражению современной исследовательницы Л. Н. Джулай, кинодокументалист «оформляет образ реальности почти по древнему рецепту ваятеля — отсекая все лишнее, оставляя все главное». Вопрос же о том, что является «главным», а что «лишним», остается на совести автора.

Следует иметь в виду, что невозможно рассматривать документальное кино как киноэквивалент реальной жизни, достоверное «зеркало эпохи», безличное и внеконъюнктурное. Документальный фильм несет на себе отпечаток мировоззрения автора, господствующих в данном обществе культурно-исторических представлений, политические установки режима. Это необходимо учитывать при использовании документальных фильмов в качестве исторических источников.

Национализация кинодела в СССР привела к его абсолютной материальной, идеологической зависимости от государства, подчиненности целям политической пропаганды. Однако многие исследователи (Л. Н. Джулай, Л. Ю. Малькова) считают, что в наши дни политическая цензура не исчезла, а лишь приобрела новые формы, сеодня госзаказ сменился заказом политических групп, движений: кто платит, тот и заказывает. Получили большое распространение коллажи из разрозненных документальных кадров разных лет, перемежающиеся игровыми, постановочными сюжетами, что в итоге приводит к «раздокументированию» документа. На смену традиционным методам кинодокументалистики (репортаж, фиксация, наблюдение) все чаще приходят методы игрового кино.

Кинодокументы остаются пока маловостребованным источником, хотя широкое вовлечение их в научный оборот представляет новые перспективы, в первую очередь, для исследований по социальной истории и истории культуры.

15.5. Плакат как исторический источник

Плакат — броское, как правило, крупноформатное (листовое) изображение (рисунок, фотография, коллаж), часто сопровождающееся кратким текстом, выполняющее задачи агитации и пропаганды, информации, рекламы, инструктажа или обучения.

Плакаты условно можно разделить на следующие основные типы:

- *политический*, выполняющий роль агитатора и пропагандиста;
- *культурный*, информирующий о духовных ценностях, включающий несколько жанров, в том числе зрелищный, выставочный, книгоиздательский и др.;
- *торговый*, рекламирующий товары;
- *социальный*, пропагандирующий базовые социальные ценности.

Как автор первого художественного плаката известен французский художник 1860-х гг. Ж. Шере. Он сформулировал *основные принципы* плаката: броскость (в первую очередь, за счет контрастных и ярких цветов), лаконичность, возможность воспринять изображение и текст «на ходу».

Непосредственными предшественниками плаката можно считать рекламную вывеску и печатную афишу. Выдающийся русский художник К. С. Петров-Водкин писал, что в России именно «обилие разноязычных народностей и подавляющая неграмотность требовали предметной рекламы, разъясняющей направление для спроса». Наиболее ранние печатные литографии были с сюжетами, типичными для русского лубка XIX в.

Лубок (*луб* — липовая доска, на которой вырезали штамп) — напечатанные на бумаге стандартного размера (40 × 30 см) картинки с подписями. Они печатались с деревянных штампов, позже деревянные доски заменили медными. Часто картинка сопровождалась письменными пояснениями, существовали и текстовые лубки, представлявшие собой «транскрипцию» живой разговорной речи. В Петровское время с помощью лубка власти пытались внедрить в массовый быт новые обычаи.

В XIX в. лубки партиями отправляли в деревню, где «артели» из детей и женщин раскрашивали оттиски от руки. Низкая квалификация и торопливость исполнителей нередко приводили к тому, что цветные пятна выходили за пределы контура. Со временем эта погрешность стала отличительной чертой русского лубка, ставшего одним из самых значимых явлений массовой культуры, носившего и информационный характер: в период Русско-японской войны выпускались лубки с изображением гибели «Варяга», бомбардировки Владивостока и пр.

☞ *Лубок* — вид графики, «народная картинка», отличающаяся простотой и доступностью образов.

Отличительными чертами русского лубка являются схематичность изображения, выделение (размером, цветом) значимых изображений, контрастность и яркость цветов, выход за контуры цветного пятна, нарушение законов перспективы, соразмерности изображенных объектов.

Важнейшая функция лубков — их «публичность», способность собирать около себя обширную аудиторию. Недаром именно к жанру лубка обращались авторы в тяжелые годы Отечественной войны 1812 г., Первой мировой и Гражданской войн.

📖 Н. В. Нор считает, что популярность лубка объяснялась ощущением причастности к недоступному, которое он создавал у читателя, как к далекому по теме (например, виды дальних стран, сказки, жития святых), так и малодоступному по цене (книги, иконы и др.). По мнению Л. Петрова, в течение XVIII—XIX вв. лубок выступал как «народное телевидение». Ежегодный тираж лубков в 1870-х гг. составлял 20–25 млн экземпляров. Лубок был для народа «и букварем, и учебником, и газетою, и моральным наставником, и патриотическим проповедником», и даже многосерийным информационным иллюстрированным изданием.

Как известно, изображение несет значительно больший объем информации, чем письменный текст, что во многом обусловило появление художественного плаката, который соединил в себе принцип информативности и рекламы изобразительными средствами, свойственный вывеске, и использовал форму афиши, способ ее изготовления, взяв от нее и небольшой текст. Тогда же, в конце XIX в., в русском языке как калька с немецкого (*das Plakat*, от фр. *placard* — объявление, афиша) стало употребляться слово «плакат».

В период Первой мировой войны оформился русский политический плакат, апеллировавший к патриотическим чувствам с помощью хорошо

известных в народе образов былинных богатырей, а также весьма реалистичных русских солдат (раненых или находящихся в окопах). Выпускались плакаты о помощи раненым и беженцам, военных займах, мобилизации.

В годы Гражданской войны прямым продолжением лубочных традиций стали «Окна РОСТА». Они рисовались от руки красками по трафарету и определяли лубочную эстетику подобных плакатов: наглядность, доступность для понимания любой аудиторией, упрощенную графику, схематичность, одноцветность внутри контура. В. В. Маяковский определил этот жанр как «распубликование декрета частушкой».

Советское государство использовало все возможные средства агитации и пропаганды, особенно в ее наглядных формах: живопись, скульптуру, графику (и особенно — плакат), которые в силу простоты визуального восприятия обладали определенным преимуществом перед литературой.

С. Ф. Лисовский в работе «Политическая реклама» сформулировал ряд требований к плакату:

- плакат должен поражать; формат, цветовое решение должны интриговать, вызывать любопытство;
- плакат должен быть тщательно выстроен композиционно: его композиция должна быть ясна, «как геометрическая фигура, как скелет строящегося дома»;
- плакат должен быть динамичным, вклиниваться в создание зрителя, будоражить его, толкать вперед;
- плакат должен быть быстро читаемым; мысль — излагаться кратко, телеграфно; шрифт — четким, крупным;
- плакат должен быть общедоступен и понятен.

Этим принципам отвечали плакаты первых лет Советской власти, бывшие повсюду: на стенах домов, в витринах, в заводских цехах, на вокзалах. Всякий, срывавший плакат или заклеивавший его афишей, мог быть принят за контрреволюционера.

По подсчетам Б. С. Бутника-Сиверского, за 1918—1921 гг. большевики выпустили не менее 835 политических и 1015 военных плакатов. С середины 1918 г. их производство было поставлено на поток. Они издавались ВЦИК, наркоматами, Реввоенсоветом, Госиздатом. Плакаты, создаваемые от руки и размножаемые методом трафаретной печати, массово появились в 1919 г. в виде «Окон сатиры РОСТА» в Москве. Каждое существенное событие на фронте или в тылу находило отклик: через несколько часов после получения телеграфного бюллетеня, опережая газеты, в витрине РОСТА висело очередное «Окно сатиры». К концу Гражданской войны многие «окна» печатались большим тиражом в типографиях более чем в 30 городах России. Часто графические изображения на плакате сопровождалась текстом в виде лозунга, призыва, нередко в форме стихотворных строк, выдержек из периодической печати, высказываний вождей.

На XII съезде РКП(б), состоявшемся в апреле 1923 г., была дана установка на переход от митинговой агитации к массовой пропаганде. В циркуляре РКП(б) «Об агитпунктах» отмечалась, что политические плакаты

важны, так как рабочий и крестьянин, пришедший в клуб, по ним должен наглядно постичь смысл политики партии. В эти годы издательство Главполитпросвета выпускало плакаты политико-просветительского характера, Госвоениздат пропагандировал добровольные общества (Авиаким, Добролет), Центросоюз развернул агитацию за кооперирование крестьян, смычку города и деревни. Плакаты 1920-х гг. печатались на тонкой непрочной бумаге, в основном в одну-две краски, небольшим тиражом 10–25 тыс. экземпляров вследствие бумажного голода и скудости полиграфической базы.

Решение «О плакатной литературе» ЦК ВКП(б), принятое 11 марта 1931 г., констатировало «недопустимо безобразное отношение к плакатно-картинному делу со стороны различных издательств... что нашло свое отражение в выпуске значительного процента антисоветских плакатов». Издательства были объединены в издательство «ИЗОГИЗ». Для систематической работы с кадрами плакатистов было создано объединение художников-плакатистов, или объединение русских революционных плакатистов (ОРРП), возглавляемое Д. Моором. Руководство «плакатной продукцией» в связи с этим передавалось Отделу агитации и массовых кампаний ЦК, вводилась система жесткого идеологического рецензирования с привлечением не только официальной цензуры, но и слушателей Института красной профессуры.

В апреле 1932 г. в Третьяковской галерее в Москве открылась всесоюзная выставка «Плакат на службе пятилетки», а в декабре 1932 г. в Государственном историческом музее в Москве — «Классовый враг в СССР». Рекламно-торговые, промышленные, книгоиздательские, кино- и театральные плакаты отныне становились прежде всего агитационно-политическими. В 1930-е гг. типажи героев плакатов сближались с образами реальных современников, а их действия характеризовались конкретной направленностью. Особое развитие получили плакаты праздничного характера, задачей которых являлось оформление партийных лозунгов. Обычно они приурочивались к годовщинам Октября, выборам, открытию выставок.

В годы Великой Отечественной войны центром издания плакатов стало Государственное издательство «Искусство», в Ленинграде издавался «Боевой карандаш», как самый оперативный вид плаката возобновились «Окна ТАСС», широко распространявшиеся по всей стране и даже переправлявшиеся в немецкий тыл. В них работали почти все плакатисты-профессионалы (Д. Моор, Кукрыниксы и др.) и известные поэты (Д. Бедный, С. Я. Маршак, В. И. Лебедев-Кумач и др.).

По вопросам, связанным с плакатной графикой, 30 ноября 1948 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О недостатках и мерах улучшения издания политических плакатов». Через три года состоялось Всесоюзное совещание по политическому плакату, плакатному делу была посвящена редакционная статья газеты «Правда» от 25 апреля 1952 г.

В послевоенный период расширился тематический диапазон плакатов: появились социальные, рекламные, инструктивные плакаты, не только рисованные, но и созданные фотографическим способом.

Источниковедческий анализ подразумевает знакомство с художественным языком плаката, который М. С. Каган определяет как «переходную зону от повседневности к практической жизни человека в искусстве».

В графическом дизайне искусствоведы выделяют несколько основных художественных стилей:

- неорусский (традиционализм), уделявший огромное внимание точности, подробности воспроизведения деталей, орнаментов, изображению древнерусских персонажей; традиционализм вновь проявился на рекламных материалах во второй половине XX в.;
- модерн, утвердившийся в начале XX в., которому были свойственны утонченность, приглушенные цвета, преобладание плавных линий; модерн широко использовался и в политических плакатах периода Гражданской войны;
- стиль художественной группы «Мир искусства», ретроспективный, обращенный в прошлое;
- революционно-нэповский период авангардных поисков, связанный в основном с понятием конструктивизма;
- постнэповский период господства социалистического реализма в искусстве;
- современный — период творческих экспериментов, с одной стороны, и натурализм, влияние массовой культуры — с другой.

Для каждой стилевой эпохи характерно бытование определенных шрифтов, цветов, визуальных образов. Так, конструктивизму была свойственна склонность к простым четким формам и рубленые, с острыми углами, шрифты. Начертания более поздних шрифтов становятся круглее, появляются так называемые рукописные шрифты, курсив. Для создания графической выразительности не менее важен цвет. Бессознательная цветовая память играет важную роль в процессе восприятия действительности. Красный, являвшийся основным для советского плаката, обычно символизирует высокую активность, агрессию, борьбу; реже появляются синий, зеленый, фиолетовый. Синий и зеленый цвета (интеллектуальные, глубокие, меланхоличные) встречаются в основном на рекламных плакатах 1930-х гг., а также в начале 1960-х гг. во времена «оттепели». Время влияет и на принципы соотношения фигуры и фона, например, если в 1920-е гг. было иногда трудно разобрать, что является фигурой, а что — фоном, то к середине 1930-х гг. все стало очевидно: фигура Сталина на фоне знамени, воин на фоне Рейхстага, ударница на фоне полей. Если в качестве персонажей плакатов не выступали вожди, то ими становились люди из народа, либо положительные (рабочие, колхозники, физкультурники), либо резко отрицательные (кулаки, шпионы, алкоголики). Таким образом, зная особенности культурного окружения, всегда можно понять, что хотел сказать автор плаката, раскодировать его смысл.

15.6. Карикатура как исторический источник

Особое место среди изобразительных источников занимает сатирическая графика, в которой находят специфическое отражение события и явления общественной и политической жизни.

☉ *Карикатура* (от итал. *caricare* — перегружать, усиливать, сгущать) — визуальный исторический источник, обычно представляющий собой выраженное в графической форме изображение, основной целью которого является репрезентация объектов, событий, процессов, явлений жизни общества в намеренно искаженном, сатирическом виде.

Следы карикатуры можно обнаружить в Древнем Египте, в Античности, в Средние века. В эпоху Возрождения карикатуры перестали быть анонимными, а во время Реформации в Германии — распространялись тысячными тиражами.

В России изображения сатирического характера известны в виде лубочных картинок с конца XVII в. Нередко сопровождаемые рифмованным текстом, они высмеивали бытовые пороки, нравы эпохи. В России в 1808 г. была предпринята первая попытка издавать «Журнал карикатур». Своеобразный бум сатирической графики пришелся на годы Отечественной войны 1812 г., а автор наиболее популярных картинок И. И. Тербенев считается родоначальником отечественной художественной карикатуры. Начиная с середины XIX в. в России издавались массовыми тиражами юмористические журналы «Ералаш», «Развлечения», «Будильник» и др. Помимо бытовых зарисовок они помещали карикатуры на деятелей культуры, чиновников-казнокрадов. После 1905 г. появились десятки новых изданий («Адская почта»¹, «Пулемет», «Скорпион» и др.), предоставлявших свои страницы политической карикатуре.

В 1917 г. в сатирической графике получали отражение все важнейшие внутри- и внешнеполитические события. Однако после Октябрьской революции многие сатирические журналы оказались закрыты, а их сотрудники вынуждены были эмигрировать из России или перестать работать в этом жанре.

В период Гражданской войны широкое распространение получила плакатная карикатура, предназначенная для поднятия боевого духа армии и населения. В 1920—1930-е гг. в карикатурном виде изображались представители царской администрации и Временного правительства. В ходе подготовки «Истории Гражданской войны» главная редакция заказала исполнение серии карикатур на политических оппонентов большевиков. Таким образом представление о 1917 г. и «старой власти» не столько давалось, сколько *формировалось*.

В годы нэпа возобновилось издание множества сатирических и юмористических журналов: «Красный ворон», «Заноза», «Смехач», «Бич» и др. Однако после разгромных постановлений ЦК ВКП(б) в 1927—1928 гг. они прекратили свое существование.

В начале 1930-х гг. остался единственный общесоюзный сатирический журнал «Крокодил». Карикатуры печатались также в газетах «Правда», «Известия», «Труд» и др. В декабре 1939 г. было создано творческое объединение ленинградских художников «Боевой карандаш», просуществовавшее с перерывами до 1990 г. Оно выпускало сатирическо-юмористические листы, близкие по духу и форме лубочным картинкам. Первый литографи-

¹ «Адская почта» — издание Е. Е. Лансере (СПб., 1906).

рованный плакат этого объединения тиражом 100 экземпляров назывался «Новогодняя елка у белофинского волка» и предназначался красноармейцам. В годы блокады ленинградские газеты почти ежедневно публиковали карикатуры на врага, исполненные художниками объединения. По воспоминаниям поэта М. А. Дудина, ленинградцы в первую очередь искали в газете сводку Совинформбюро, объявления о продовольственных выдачах и карикатуры художника В. А. Гальбы.

На годы Великой Отечественной войны пришелся расцвет советской сатирической графики, выраженный в основном в плакатной форме (Д. Моор, Кукрыниксы, Б. Ефимов и др.).

В конце 1960-х гг. совершилась «маленькая революция» в мире советской прессы: в «Литературной газете» появился раздел «Клуб 12 стульев», сатирические рисунки помещала на своей последней странице «Смена». В изданиях печатались представители «новой карикатуры», «ни за что не агитировавшие и никого не изобличавшие», отстраненные от больших общественно-социальных проблем (О. Теслер, А. Некрасов, В. Песков, И. Воробьев и др.). В это время распространение получила также неофициальная карикатура (В. Сысоев).

В советские годы карикатура служила орудием пропаганды коммунистических идеалов, обличения пороков капитализма. В современной карикатуре можно встретить все разнообразие сюжетов и образов: от коррумпированных чиновников до политических деятелей. В настоящее время сатирическая графика все чаще рассматривается как своеобразное «зеркало», чутко реагирующее на все изменения в обществе, и, следовательно, являющееся одним из важнейших источников по истории социума. Карикатура способствует утверждению в обществе определенных культурных стереотипов, обличению социальных пороков, критическому осмыслению действительности. Выделяют несколько *функций карикатуры*: иллюстративная, регулятивная, коммуникативная, функция культурной памяти и др.

Карикатура способна говорить на «языке улицы», пренебрегая запретными темами. Это обуславливает ее специфическую черту — быстрое «старение»: карикатура злободневна, появляется обычно как реакция на актуальные события, которые быстро забываются. Исключением служат так называемые вечные сюжеты, направленные на изобличение пороков, свойственных обществу в любой исторический период (коррупция чиновников, бытовое пьянство и др.). Психологи утверждают, что рисунок быстрее замечается читателем и дольше сохраняется в памяти. Кроме того, благодаря внутренним композиционным качествам смысл изображения выясняется быстрее, чем смысл статьи или фельетона. В отличие от фотографии, которая представляет лишь материал для формирования образа, карикатура представляет собой уже готовый образ, который усваивается без особых усилий для восприятия.

Максимальное восприятие карикатуры достигается, если зритель владеет информацией о реалиях современной политической ситуации, международной обстановки, хорошо распознает образы виднейших представителей политики, экономики, культуры, является носителем культурной

памяти с определенным набором культурных кодов (несовпадение системы ценностей представителей разных культур может обусловить непонимание карикатуры).

📖 В начале 1920-х гг. один из активистов попытался познакомить с образцами политической сатиры крестьянку: «Показываю ей “Крокодил”, карикатуры. Смотрит с любопытством, но ни одного рисунка не понимает».

Очевидно, что карикатура оказалась для женщины сложным для восприятия материалом в силу недостаточного уровня ее культурного развития и «багажа визуальных образов».

Несмотря на выражение через карикатуру всегда авторской точки зрения, личностной, созданной через собственные переживания и мысли, большинство ученых сегодня сходятся во мнении, что образная система карикатуры несет в себе отпечаток национального коллективного сознания.

Текст под изображением обычно сведен к минимуму. Карикатуристы шутили, что мечта каждого из них сделать сатирический рисунок понятным без подписи, а читатели, напротив, подчеркивали, что «любят читать карикатуры».

🗨 Вербальные и изобразительные компоненты карикатуры образуют одно структурное и смысловое целое, поэтому анализировать их необходимо в совокупности.

При анализе карикатуры важно выяснить концептуальный замысел автора (проявляющийся в критическом отношении художника к изображаемым событиям или их участникам); событийное содержание (что сообщается) и способы его воплощения (как сообщается); адресность (аудитория и степень ее подготовленности к восприятию изображения); специфику языкового воплощения в тексте подписи к карикатуре (использование характерных приемов, таких как аллюзии, метафоры, гиперболы, каламбуры и др.).

Часто в изображении предметов, лиц какая-либо характерная деталь акцентируется за счет нарушения пропорций, в результате чего рисунок получается шаржированным.

📖 **Справка**

Аллюзия (от лат. *allusio* — намек, шутка) — стилистический прием, содержащий указание на литературный, исторический, политический факт, закрепленный в текстовой культуре или разговорной речи.

Шарж (от фр. *charge* — преувеличивать) — шуточная манера изображения (обычно портрет), при которой соблюдается внешнее сходство, но подчеркиваются (преувеличиваются) наиболее характерные черты изображаемого.

Для лучшего понимания смысла образа необходимо знать специфические приемы, используемые художниками. Так, в карикатуре XIX — начала XX в. сложились характерные образы каждой из мировых держав: Германия обычно изображалась в виде крупного мужчины в кирасе, каске с шишаком и саблей на боку; Франция — в образе Марианны во фригийском колпаке или барышни с петушиным гребнем; Австрия — высокого офицера; Ита-

лия — господина во фраке; Россия — казака в тулупе, опоясанного саблей, или девушки в кокошнике с длинной косой.

 А. В. Дмитриев привел классификацию употребляемых символов в проблемной (прежде всего политической) графике:

- «эзоповская» группа, в которой люди и животные наделяются одинаковыми свойствами не только внешнего вида, но также характера и интеллекта;
- «мифическая» группа, в которой прообразами служат персонажи Древней Греции и Древнего Рима (Зевс, Геракл, Кентавр, Цезарь и др.);
- «средневековая» группа (Дон Кихот, король, шут, палач, рыцарь и др.);
- «пиктографическая» группа, включающая все международные условные обозначения;
- группа символов-жестов (кукиш, кулак и др.);
- платяная группа (клоун, военный, полицейский и др.);
- вещевая группа (телевизор, самолет, диван и пр.).

В зависимости от тематики принято выделять карикатуру политическую, социальную, бытовую и др.

 Мнение

По мнению художника-карикатуриста Б. Е. Ефимова, любая карикатура является политической и может быть разделена только на две категории: предназначенная для внутреннего употребления и международного.

Его точку зрения поддерживают современные исследователи А. Г. Голиков и И. С. Рыбаченок, считая, что деление карикатуры на бытовую и политическую неоправданно, поскольку произведения сатирической графики, посвященные внутренней политике, являются карикатурой политической.

При использовании карикатур в исторических исследованиях необходимо помнить, что изображение часто содержит упрощенную картину реальности, во многом может быть необъективно.

Целесообразно анализировать сатирическую графику в сочетании с другими источниками, в том числе воспоминаниями художников-карикатуристов (Б. Ефимова, В. Мочалова и др.), как опубликованными, так и находящимися в их личных фондах в архивохранилищах, а также привлекать фонды периодических изданий, на страницах которых размещались их работы (некоторые материалы доступны на сайте «Большая энциклопедия карикатуры»¹).

Помимо содержательного анализа, исследователь может рассматривать карикатуру как отражение мифологизации массового сознания, его стереотипности.

Контрольные вопросы и задания

1. Дайте определение изобразительных источников.
2. Дайте определение картографических материалов.

¹ См.: URL : <http://www.cartoonia.ru>

3. В чем особенности советского картографирования?
4. Дайте определение кино- и фотодокумента. Обоснуйте свою позицию относительно объединения их в одну группу с фонодокументами.
5. В чем специфика источниковедческого анализа кино- и фотодокументов?
6. Каковы особенности русского дубка?
7. Назовите основные типы плакатов и принципы их оформления.
8. Дайте стилистическую характеристику плаката первых лет советской власти.
9. Дайте характеристику карикатуры как исторического источника.
10. Оправдано ли деление карикатуры на бытовую и политическую?

Основная библиография по главе 15

1. Архивоведческие и источниковедческие проблемы кинофотофонодокументов : сб. науч. тр. / отв. ред. В. М. Магидов. — М. : ВНИИДАД, 1990.
2. *Владимиров, В. Н.* Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях. — Барнаул : Изд-во Алтай. ун-та, 2005.
3. *Галкович, Б. Г.* Методика изучения картографических источников XVIII в. // Историко-географический сборник. — Краснодар, 2007. — Вып. 1. — С. 36–66.
4. *Евграфов, Е. М.* Кинофотодокументы как исторический источник : учеб. пособие. — М. : МГИАИ, 1973.
5. *Кинг, Д.* Пропавшие комиссары: фальсификация фотографий и произведений искусства в сталинскую эпоху. — М. : Контакт-культура, 2005.
6. *Листов, В. С.* О критике кинодокументальных источников (по материалам советских киносъемок 1917–1920 гг.) // Археографический ежегодник за 1969 г. — М., 1971. — С. 54–69.
7. *Магидов, В. М.* Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. — М. : РГУ, 2005.
8. Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия : сб. ст. / ред. И. В. Нарский. — Челябинск : Каменный пояс, 2008.
9. *Постников, А. В.* Развитие картографии и вопросы использования старых карт. — М. : Наука, 1985.
10. *Рошаль, Л. М.* Эффект скрытого изображения: факт и автор в неигровом кино. — М. : Материк, 2001.
11. *Стернин, Г. Ю.* Очерки русской сатирической графики. — М. : Искусство, 1964.
12. *Стрельский, В. И.* К вопросу о произведениях изобразительного искусства как историческом источнике // История СССР. — 1984. — № 1. — С. 96–101.
13. Феноменология смеха. Карикатура, пародия, гротеск в современной культуре : сб. ст. / отв. ред. В. П. Шестаков. — М. : РИК, 2002.

Глава 16

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РОССИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- специфику использования произведений художественной литературы как исторического источника;
- особенности передачи устной традиции;
- современные методологические принципы источниковедческого исследования фольклорных источников;

уметь

- определять принадлежность фольклорного источника к конкретному жанру;
- выделять псевдофольклорную составляющую в корпусе источников;
- характеризовать особенности современного городского фольклора;

владеть

- инструментарием и методикой анализа произведений индивидуального и коллективного творчества.

Ключевые термины и понятия: *художественная литература, фольклор, жанры фольклора, устные источники.*

16.1. Художественная литература как исторический источник

☞ К *художественной литературе* относят произведения письменности, имеющие общественное значение, эстетически выражающие и формирующие общественное сознание.

Общепризнано, что исторические представления человека не формируются под воздействием работ профессиональных историков, а опираются на произведения художественной литературы и фольклорные источники. По мнению С. О. Шмидта, «влияние науки истории на общество определяется в большей мере не непосредственно исследовательскими (или учебными) трудами историков (рассчитанными, как правило, на узкий круг читателей — преимущественно специалистов), а их публицистическими по форме сочинениями или же их концепциями, выводами и наблюдениями, выраженными в сочинениях других публицистов и мастеров художественной литературы».

В традиционном источниковедении в качестве исторического источника рассматривались только древнейшие литературные тексты. Одна из причин недостаточного внимания со стороны профессиональных историков Нового и Новейшего времени к художественной литературе кроется в убеждении, что последняя представляет крайне субъективную, нередко ангажированную, а потому искаженную картину жизни, не отвечающую источниковедческим критериям достоверности.

Сторонники так называемой «новой интеллектуальной истории», направления, возникшего в 1970-х гг. в зарубежной историографии, поставили под вопрос привычное понимание исторической истины, предположив, что историк создает текст так же, как поэт или писатель. По их мнению, текст историка есть повествовательный дискурс, нарратив, подчиняющийся тем же правилам риторики, которые присутствуют в художественной литературе. Е. С. Сеньявская справедливо отмечает также, что ни один историк, как и писатель, не способен полностью воссоздать прошлое (даже следуя принципу «вживания» в него), поскольку на него неизбежно давит груз знаний и представлений своего времени.

В отечественной историографии вопрос о возможностях использования художественной литературы в качестве исторического источника ставился и раньше. Еще в 1899 г. В. О. Ключевский в речи по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве назвал все написанное великим поэтом «историческим документом»: «Без Пушкина нельзя вообразить себе эпохи 20-х и 30-х годов, как нельзя без его произведений написать историю первой половины нашего столетия». По его мнению, фактическим материалом для историка не могут служить одни лишь происшествия: «...идеи, взгляды, чувства, впечатления людей известного времени — те же факты и очень важные...»

Автор одного из первых советских учебников по источниковедению Г. П. Саар включал в число исторических источников беллетристику и поэзию, но отдавал предпочтение «социальным романам», созданным современниками описываемых событий. В последующие годы возобладала точка зрения, что художественные произведения могут быть использованы при изучении общественных отношений только тех исторических эпох, от которых не сохранилось достаточного количества иных свидетельств.

В ходе дискуссий, проходивших в 1962—1963 гг. на страницах журналов «Новая и новейшая история» и «Вопросы истории КПСС», высказывались самые разные мнения по поводу источниковедческой перспективы художественной литературы: от категорических возражений до призыва не пренебрегать источниками, отражающими «многогранную деятельность партии и идейную жизнь общества».

Обычно для историка художественная литература как источник представляла интерес, если содержала уникальную информацию, не получившую отражения в иных документах; если автор художественного произведения являлся непосредственным свидетелем описываемых событий; если достоверность содержащихся в произведении сведений могла быть верифицируема, т.е. подтверждена источниками иного рода. Н. И. Миронец в статье 1976 г. отметила, что художественная литература — в первую очередь источник по истории культурной жизни страны.

Л. Н. Гумилев сформулировал принципиально иной подход к проблеме, высказав мнение, что «каждое великое и даже малое произведение литературы может быть историческим источником, но не в смысле буквального восприятия его фабулы, а само по себе, как факт, знаменующий идеи и мотивы эпохи».

Сегодня все больше историков признают, что произведения художественной литературы и искусства — важный источник для понимания духа времени, знания обстоятельств, сопутствовавших тем или иным историческим событиям. Особенно перспективным представляется использование художественной литературы в междисциплинарных исследованиях, находящихся на стыке истории, философии, психологии, лингвистики, а также в работах по социальной истории и истории повседневности. При этом каждое литературное произведение в качестве источника должно изучаться с учетом его исторической обусловленности, массового сознания современного ему общества, авторского мировоззрения, стилевых и языковых особенностей изложения.

По замечанию А. К. Соколова, литература и искусство имеют свойство «нащупывать» реальность, фиксировать возникающее бытие, предвосхищая то, что лишь потом найдет отражение в историографии. Так, В. Данэм выдвинула концепцию «большой сделки» в середине 1930-х гг. сталинского режима и среднего класса советского общества. Сегодня эта концепция считается общепризнанной в социальной истории, хотя основная работа В. Данэм («In Stalin's Time: Middleclass in Soviet Fiction») базируется на анализе производственных романов эпохи индустриализации.

Произведение художественной литературы может послужить толчком для исторического исследования, поиска и проверки фактов, изложенных автором. Известно, например, об обстоятельствах написания А. А. Фадеевым романа «Молодая гвардия». Писателю предстояло в сжатые сроки создать эпохальное произведение. После разгромной рецензии в «Правде», в которой говорилось о недопустимо слабом отражении в романе руководящей роли партии в деле создания подпольной организации и недопустимо красочном описании отступления советских войск, автор был вынужден подготовить второй вариант романа (как сетовал он писательнице Л. Б. Либединской — переделать «молодую гвардию на старую»). Родственники многих молодогвардейцев обращались к А. А. Фадееву и И. В. Сталину с жалобами на «неверное освещение» деятельности молодежного подполья, одни участники которого оказались «канонизированы» как герои, другие заклеены позором как предатели. Сам А. А. Фадеев в одном из писем признал, что в «Молодой гвардии», как в любом «романе на историческую тему», вымысел и история настолько переплетены, что трудно отделить одно от другого. Однако для большинства современников и не было необходимости выявлять это соотношение правды и вымысла. Роман получил признание, потому что в нем шла речь о великой победе, подлинных героях и общечеловеческих проблемах. В этом смысле произведение явилось документом эпохи. Даже сегодня далеко не все архивные материалы рассекречены, и споры исследователей о «Молодой гвардии» продолжают до сих пор. Сама же история появления романа А. А. Фадеева чрезвычайно показательна в плане механизма создания мифа.

Предметом самостоятельного исторического исследования могут быть не только сами произведения художественной литературы, но и их социальное бытование, популярность литературных жанров и востребованность авторов, что отражает вкусы читательской аудитории и нравственный климат в обществе в целом.

☞ *Ценность* художественной литературы (под которой понимается литература с вымышленным героем, вымышленными обстоятельствами, которые воспринимаются читателем в качестве таковых) как источника заключается в способности отражать ментальность своего времени, способствовать реконструкции определенных исторических типов поведения, мышления, восприятия, т.е. воспроизводить субъективные аспекты социальной реальности. Это роднит произведения художественной литературы с мемуарными и фольклорными источниками.

Известны две точки зрения на взаимосвязь художественной литературы и фольклора. Согласно первой художественная литература (искусство) противостоит фольклору (форме духовной деятельности народа, служащей предметом изучения для этнографов). По определению выдающегося ученого-фольклориста В. Я. Проппа, фольклор — это «доистория литературы».

Другая крайность — отождествление фольклора и литературы ввиду признания единого «творческого акта» в обоих случаях. Сторонники такого подхода выделяли в фольклоре те же художественные стили, что и в литературе, включая социалистический реализм. Поскольку фольклор считался искусством необразованного (преимущественно деревенского) населения, высказывалась точка зрения, что он будет вытеснен литературой по мере распространения грамотности и превращения сказителей в писателей. Этого не происходит, поскольку литература и фольклор — родственные художественные системы, но в их основе лежат разные способы образного мышления — индивидуального и коллективного.

Произведения художественной литературы роднит с фольклорными источниками то, что они доносят до нас не столько достоверную информацию о прошлом, сколько определенные *матрицы общественного сознания*.

И литература, и фольклор выполняют функции символического регулятора социальных и культурных практик, закрепляя за определенными текстами как определенную аудиторию, так и формы социальной коммуникации, которые служат опытом социализации субъекта, т.е. превращают индивида в члена данной культурной и исторической общности. Исследование такого опыта вкуче с изучением читателей и слушателей (как потребителей текстов) способно существенно обогатить историческое знание.

16.2. Понятие, жанры и общая методика изучения фольклорных источников

Фольклорные источники несут в себе информацию в первую очередь об эмоционально-психологическом восприятии действительности в обще-

стве в тот или иной исторический период и имеют особую ценность вследствие широкого социального бытования.

☞ **Фольклор** (от англ. *folklore* – народная мудрость) – народное творчество, чаще всего устное, коллективная творческая деятельность народа, отражающая его жизнь, воззрения, идеологию (☞ 8.5).

Термин был введен в научный оборот английским специалистом по древней истории Уильямом Томсом в 1846 г. и имел значение «духовных традиций народа» в противопоставлении с «литературной культурой» (по объяснению У. Томса, фольклор – в большей степени знание, чем литература).

📖 В современной науке сосуществуют, по меньшей мере, три основные концепции фольклора, в соответствии с которыми этим термином обозначаются:

- устно-поэтическое народное творчество;
- комплекс словесных, словесно-музыкальных, игровых и музыкально-хореографических видов народного творчества;
- народная художественная культура в целом (включая изобразительное и декоративно-прикладное искусство).

Исследователи обычно отмечают следующие *особенности* фольклора:

- коллективность (безличность) творчества как отражение свойственных данной общности представлениям о мире;
- традиционность содержания фольклорных текстов и их формы;
- пластичность (изменяемость), т.е. фактически устный текст живет лишь в момент своего произнесения, дальнейшее воспроизведение подражает вариативность;
- неофициальность;
- устность, т.е. бытование «из уст в уста» есть основная форма существования.

☞ В научной литературе обычно выделяются *три исторических типа* фольклора:

- 1) раннетрадиционный (архаический) фольклор, связанный с архаичным сознанием людей родоплеменного общества;
- 2) классический фольклор, связанный с патриархальным сознанием народа, вплоть до периода становления общества современного (индустриального) типа;
- 3) позднетрадиционный, или постфольклор, сложившийся в результате культурного симбиоза города и деревни.

Согласно традиционной концепции, фольклор – это то, что существует в деревне, где сохранилась «подлинно своя» национальная традиция. Однако в течение XIX–XX вв. на фоне процесса урбанизации и становления индустриального общества фольклор становился «все менее крестьянским и все менее устно-поэтическим». Традиционные фольклорные жанры активно развивались и в городской среде. Именно здесь возник так называемый *постфольклор*, распространившийся затем далеко за пределы

города. Его характерная черта — определенная фрагментарность в зависимости от социального, профессионального, возрастного расслоения общества. В городской культуре сформировался ряд традиций, порожденных потребностью человека в идентификации и самоидентификации, что привело (и приводит) к возникновению специфических культурных кодов внутри подобных сообществ. Это профессиональные группы (программисты, военнослужащие, врачи), неформальные объединения молодежи и прочих групп, имеющие свой хорошо распознаваемый фольклор. Однако границы между ними подвижны вследствие высокой коммуникативности в городской среде, чем, например, объясняется популярность в советском и российском обществе так называемых блатных песен.

☛ Принято выделять следующие *основные жанры* фольклора:

- 1) обрядовый фольклор;
- 2) эпические фольклорные жанры, которые делятся на прозаические (сказки, предания, легенды) и стихотворные (исторические песни, баллады);
- 3) лирические фольклорные жанры, к которым относятся песни (обрядовые, колыбельные), причитания, частушки;
- 4) малые фольклорные жанры (пословицы, поговорки, загадки).

Жанровый ассортимент постфольклора по сравнению с традиционным народным творчеством изменился радикально. Ушли в прошлое почти все старые устные жанры: от обрядовой лирики до сказки.

📖 Следует отметить, что в советские годы создавались и произведения эпического характера. В частности, фольклоризировались многие эпизоды биографии В. И. Ленина, тиражировавшиеся в периодической печати, сама личность вождя мифологизировалась, дополнялась мотивом бессмертия. Ленинский образ получил отражение и в ряде сказок, также имевших фольклорную природу, созвучную представлениям о царе-избавителе. В фольклоре получили отражение также культы «рыцаря революции» Ф. Э. Дзержинского, «героя Гражданской войны» В. И. Чапаева, «отца народов» И. В. Сталина и пр.

На первый план выдвинулись либо новые (частушки, анекдоты), либо существенно модифицированные (современные *мемораты* и предания, в том числе слухи и сплетни) жанры.

📖 **Справка**

Меморат — фольклорный рассказ о событиях, воспринимающийся как достоверный и основанный на собственных воспоминаниях рассказчика или воспоминаниях людей из его окружения.

Советская власть активно использовала культурные коды, стилистику фольклорных жанров, «нагружая» их общественными (пропагандистскими, организационными, просветительскими) функциями. В научной литературе произведения (преимущественно эпического характера), посвященные злободневным политическим событиям, часто создававшиеся «по заказу», назывались *псевдофольклором*.

Необходимо отметить, что идеологически ангажированные (псевдо-фольклорные) тексты, комментировавшие злободневные политические события, появлялись и в досоветскую эпоху. Например, в 1848 г. священник П. С. Ловцов записал на Урале сказку, посвященную войне 1812 г., в которой упоминались «французский восударь Палеон» и «русский царь Олександр Павлович»; существовало несколько вариантов песни на кончину Александра II и др. В 1930–1950-е гг. подобные тексты стали пропагандироваться как традиция нового, советского фольклора.

Известно, что в начале 1930-х гг. перед профессиональными фольклористами была поставлена задача помочь носителям традиции создать произведения о счастливой советской действительности и героях нового времени. В декабре 1933 г. на совещании писателей и фольклористов раздавались призывы покончить с индифферентным отношением к фольклору, «заострить борьбу против всего враждебного социалистическому строительству, против кулацкого, блатного и мещанского фольклора, поддержать ростки здоровой, пролетарской и колхозной поэзии». Проводились творческие слеты сказителей и совещания по вопросам организации им «творческой помощи». В результате создавались:

- советские сказки (прозаический жанр, опирающийся на поэтику традиционной волшебной сказки);
- советские былины, или «новины» (песенно-поэтические фабульные произведения о каком-либо событии или герое), и поэмы (с более сложной фабулой);
- плачи по поводу смерти вождей и героев (песенно-поэтические произведения, близкие к традиционным похоронным плачам);
- сказы (песенно-поэтические произведения описательного характера, рассказывающие о явлениях настоящей и прошлой жизни путем их перечисления) и сказы-думы (с раздумьями сказителя над виденным и слышанным).

Многие современные исследователи считают подобные произведения «псевдофольклорными», однако отмечают необходимость их изучения.

Надо подчеркнуть, однако, что массы с легкостью соглашались на потребление подобных «псевдофольклорных» текстов, примером чему могут служить многочисленные «новины» о советских полководцах, песни и сказы о Ленине и Сталине. Они строились на формальном инструментарии традиционной фольклористики, с использованием характерных приемов: гиперболы, параллелизма, звуковых повторов, метафоры.

В современной науке существует также понятие «фольклоризм», введенное в обиход французским фольклористом XIX в. Полем Себийо, но получившее распространение с 1960-х гг. Сегодня этим термином обозначаются различные формы адаптации и трансформации жанров фольклора в других видах современной культуры, деятельность фольклорно-этнографических ансамблей, тиражирование в средствах массовой коммуникации. Одни исследователи считают фольклоризм стилизацией фольклора, другие — своеобразной формой его бытования.

В отечественном источниковедении долгое время считалось, что в XX в. фольклор как исторический источник уже не имеет того значения, которое

ему придавалось при изучении более ранних эпох. Однако частушки, анекдоты и другие подобные им произведения народного творчества схватывают суть ситуации, передают дух времени. Существует множество примеров интерпретации в народной памяти воспоминаний о героях и событиях исторического прошлого (подобно легенде о чудесном спасении царской семьи или бессмертии Ленина). Конечно, историчность подобных сюжетов нельзя переоценивать.

В. Я. Пропп, критикуя попытку «исконно правдивого» изображения в сказочном сюжете классовой борьбы, в котором баба-яга расценивалась как эксплуататор, угнетающий своих слуг-зверей, отмечает, что в таком случае главным недостатком волшебной сказки становится наличие вымысла, снижающего ее реалистичность. Ученый предостерегает от веры в непосредственное отражение в фольклоре социальных или бытовых, или иных отношений, поскольку действительность в нем «передается не прямо, а сквозь призму известного мышления, и это мышление настолько отлично от нашего, что... мы иногда тщетно за фольклорной реальностью будем искать реальность бытовую». Чаще фольклорные образы представляют собой модель, «концепцию» данной человеческой общности.

Однако еще в XVIII в. А. Н. Радищев призывал «законотворчески» вслушиваться в народные песни, чтобы на их основе «учреждать бразды правления». Фольклористика второй половины XIX в. (Г. И. Успенский, В. Г. Короленко) питалась верой в народную мудрость. Ту же традицию отчасти унаследовала и советская культура. Практическая задача фольклористики 1930—1940-х гг. состояла не в собирании и изучении фольклорных текстов, а в пропаганде и воспитании масс, поэтому выдвигались тезисы о классовом характере народного творчества, его самобытности, независимом от художественной культуры «привилегированных» слоев. В этом контексте велась борьба с «классово чуждыми тенденциями» в народной культуре. В связи с этим власть поддерживала формирование новой обрядности, призванной вытеснить религиозную. В начале 1920-х гг. по всей стране проходят «комсомольские пасхи», празднования «комсомольского рождества», а также октябрины (или звезды) и «комсомольские похороны». Так, вместо таинства крещения, родителям новорожденного предлагалось поучаствовать в массовом митинге, в ходе которого под звуки Интернационала младенца нарекали революционным именем, сопровождали напутствием участвовать в борьбе за идеалы рабочего класса. Новый этап становления советской обрядности пришелся на середину 1950-х — 1960-е гг., когда сложились обряды торжественной регистрации брака и новорожденных.

Процесс трансформации пережила и культура пения, широко распространенная среди всех групп российского общества в дореволюционный период, не утратившая свое значение и после Октябрьской революции 1917 г. Хоровое пение приобрело ритуальный характер, новые песни призваны были заместить церковные песнопения в новых советских обрядах.

Поспорить по популярности с новыми революционными песнями могла частушка — один из молодых жанров фольклора, возникший, по мнению большинства исследователей, в конце XIX в.

♫ *Частушка* — жанр русского словесного музыкального фольклора, отличающийся быстрым, учащенным темпом исполнения. Частушки в основном состоят из четырех коротких стихов, рифмующихся попарно.

Принято считать, что термин «частушка» ввел в научный обиход писатель Г. И. Успенский в 1889 г., по собственному свидетельству которого он взял термин «у народа», который этими куплетами откликался на каждую «малость жизни».

Частушка приобрела огромную популярность во всех регионах России к началу XX в., причем не только в деревенской, но и в городской традиции. В ученой среде были ее горячие поклонники и обличители. Однако события Русско-японской войны и Первой русской революции показали востребованность этого жанра, его готовность живо реагировать на политическом запрос общества. Сходным образом обстоит дело с городским романсом, который все чаще включали в свой репертуар деревенские исполнители. Оба этих жанра не только благополучно пережили революционные катаклизмы, но и получили новый импульс в своем развитии. Так, в частушке нашли отражение любовь (нелюбовь) к политическим собраниям, революционная терминология, новые семейные ценности.

Уникальность частушки в том, что, базируясь на традиционной народной культуре, она вобрала в себя точность и емкость пословиц, традиции скоморошества, общую направленность обрядовых действий. В то же время частушка обычно является мгновенной реакцией на события, а потому играет роль своеобразного «зеркала» эпохи, что придает ей особую значимость в исторических исследованиях.

Интерес как источник своего времени представляют песни заключенных. Они пользовались популярностью в России со второй четверти XIX в., что частично объяснялось романтизацией образа преступника (в народе бытовало их определение как «несчастеньких»). В 1909 г. Департаментом полиции даже был издан циркуляр, запрещающий шведскому собирателю песен сибирских ссыльных В. Н. Гартевельду исполнение на концертах «Кандалного марша», сопровождавшегося звоном кандалов, чтобы предотвратить в народе «нежелательное возбуждение» и «сочувствие к преступным элементам». Особое внимание следует обратить на фольклор заключенных ГУЛАГа, поскольку он является важным свидетельством о жизни в лагерях. Так, в 1940-х гг. в песнях получили отражение ухудшение условий в местах заключения, голод, изнуряющий труд, произвол администрации.

По мнению А. Синявского, песни профессиональных преступников наряду с политическим анекдотом являлись видами неподцензурного искусства, именно в этом он видит причину их популярности. Важно отметить еще одно обстоятельство: сегодня общепризнанно, что юмористическое переосмысление реальности — важное средство противостояния социальному шоку и укрепления внутригрупповой солидарности. Знание большого числа частушек и анекдотов помогает человеку включиться в разговор, войти в коллектив, разрешить конфликтную ситуацию, т.е. социализироваться.

☞ *Анекдот* (греч. *anekdotos* — неопубликованное, неизданное) — короткий устный смешной рассказ о вымышленном событии с неожиданной остроумной концовкой, в котором действуют постоянные персонажи, известные всем носителям языка.

Слово «анекдот» вошло в русский язык во второй половине XVIII в. в переводах иноязычных текстов, где калькировало соответствующие французские или немецкие термины. Смысл его долгое время не был однозначно определен. Так, в 1786 г. были опубликованы два перевода сочинения Якоба фон Штелина: в Москве под названием «Подлинные анекдоты Петра Великаго», в Петербурге — «Любопытныя и достопамятныя сказания о императоре Петре Великом» (в которых использовались также слова «случай», «дела», «известия», «достопамятности», «повести», «памятники»).

В 1798 г. И. И. Голиков дал следующее определение анекдота: «Под названием анекдотов разумеются такие повествования, которые в свете неизданы, и которые следовательно не многим только известны». Литературно обработанные фольклорные анекдоты включались в устный оборот и в этом значении приобрели широкую популярность с середины XIX в.

Считается, что в XVIII—XIX вв. произошло становление *исторического, литературного и бытового анекдота*, в XX в. распространяется анекдот *политический*. В отечественной историографии изучались в основном лишь исторические (например, о Петре I) и литературные (например, о Пушкине) анекдоты. В 1927 г. в журнале «Новый Лиф» была опубликована первая советская аналитическая публикация, посвященная политическому анекдоту. Ее автор, В. Перцов, утверждал, что «похабный жанр» в условиях построения нового общества уступает место политическому анекдоту, и попытался провести границу между «революционным» и «контрреволюционным» анекдотом.

📖 Д. Штурман и С. Тиктин в работе «Советский Союз в зеркале политического анекдота» обратили внимание на «парадоксальное генетическое родство между устным народным творчеством далекого прошлого и новейшего времени».

Если архаичный фольклор развивался на фоне отсутствия или малой распространенности в народе письменности, то анекдот массово рождался в тоталитарных обществах из-за несвободы печати. Иными словами, фактором его распространения также служило «отсутствие письменности, на этот раз — легализованной...».

Будучи результатом народного творчества, анекдот анонимен, живет порой полулегально. Рассказчик никогда не претендует на авторство, поэтому анекдот может воспроизводиться с различными вариациями бесчисленное количество раз. По определению, данному П. Б. Струве в 1931 г., анекдот имеет помимо индивидуального и случайного содержания типический и общий смысл. В связи с этим данный жанр фольклора не может быть изучен в отрыве от конкретной исторической ситуации и культурной среды бытования.

В ходе источниковедческого анализа необходимо учитывать специфику сбора фольклорных материалов. Классические фольклорные собрания могли быть составлены из записей под диктовку сказителей и текстов, полученных за деньги, хитростью, по принуждению, под давлением правоохранительных органов или с помощью профессиональных помощников-фольклористов. Кроме того, вследствие существовавших в России цензурных ограничений нужно с осторожностью подходить к публикациям фольклорных текстов, ибо они могут не отражать всей полноты картины. Однако и в этом случае опубликованные тексты советского фольклора (или псевдофольклора) представляют интерес для исследования проблемы социального контроля в СССР.

16.3. Устные и фольклорные источники

Профессор Колумбийского университета А. Невинс, который ввел в широкий научный оборот термин «устная история», понимал под ним *сбор и использование воспоминаний участников исторических событий*.

☞ *Устная история* — научное направление, цель которого реконструировать коллективные следы и фрагменты памяти, оставленные историческими событиями в сознании тех или иных действующих лиц. Иными словами, главная ее задача состоит в получении достоверной информации не столько о самих событиях прошлого, сколько о том, как эти события отражаются в общественном сознании.

Существует два подхода к понятию устных источников. В широком понимании этот термин используется для определения работы не только с личными воспоминаниями, но и с устной традицией. При такой трактовке в перечень устных источников включаются:

1) исторические традиции старописьменных народов, пребывавшие когда-то в устной форме, но затем угасшие и сохранившиеся только в записи (русские былины, саги северных народов, эпические сказания и пр.);

2) живые исторические традиции бесписьменных народов;

3) устная история как история недавнего прошлого, представленная свидетельствами очевидцев и участников исторических событий;

4) массовое историческое сознание на уровне общественного мнения, базирующееся на двух уровнях: коллективном историческом сознании и историческом опыте каждого человека.

Бельгийский исследователь Ян Вансина разделил устные источники на три группы:

1) устная традиция, передаваемая из поколения в поколение;

2) показания очевидцев;

3) слухи.

Т. К. Щеглова различает две категории устных источников:

1) устные исторические источники — специфические для устной истории тексты, которые до начала исследования не существуют в готовом виде,

а создаются историком с помощью специально организованного опроса (научно оформленные материалы интервью, бесед, распросов);

2) устные источники — давно известное историкам устное народное творчество, произведения которого существуют в готовом оформленном виде (предания и легенды, были, присловья, слухи, анекдоты и пр.).

Как видно, первую категорию автор предлагает именовать «устными историческими источниками», а вторую — просто «устными источниками».

Под «историческими» и «устными» традициями, а также под «устными источниками» в указанных систематизациях подразумеваются источники фольклорные.

В. В. Кабанов эти понятия разделяет. По его мнению, устные источники — это изустно передаваемая информация о тех или иных событиях, нередко в форме слухов; фольклор — это творческое, художественное отображение событий, иногда тех же самых. Однако В. В. Кабанову представляется вполне закономерным объединение устных источников и фольклора в одно целое ввиду условной границы между ними, поскольку у них одна «среда обитания».

В ряде современных работ понятие «устный источник» употребляется в узком смысле, ассоциируясь с материалами исследовательских интервью, хотя рассказ интервьюируемого, строго говоря, устным источником не является. Материалы интервью фиксируются с помощью средств звукозаписи и, главное, не имеют широкой сферы бытования.

Мнение

Материалы устных интервью представляют собой *воспоминания*, собранные методом опроса, зафиксированные, как правило, с помощью средств звукозаписи, подвергнутые затем расшифровке. И те и другие подвержены искажениям, связанным с культурными стереотипами и политическими расчетами. К ним могут быть в равной степени применены характеристики памяти: календарный, краевой эффект, эффекты пика воспоминаний и т.п. (подробнее — § 13.2). В связи с этим к материалам устных интервью применимы те же принципы критического анализа, что и к мемуарам в традиционном понимании этого термина (§ гл. 13).

На наш взгляд, устность не превращает источник в особый вид, а лишь обозначает способ передачи содержащейся в нем информации. Существенное значение в этом случае имеет лишь степень вмешательства лица, ведущего интервью, в результате чего «канва воспоминаний» складывается под воздействием вопросов.

Однако в теоретическом плане любой источник всегда отдает лишь ту информацию, которую историк целенаправленно в нем ищет. М. Блок в «Апологии истории» подчеркивал, что нет ничего вреднее, чем ждать, пока сам источник не пошлет вдохновение. Иначе говоря, всякий источник дает ответы на поставленные перед ним вопросы.

Более того, и хорошо известные историку мемуары также могут быть созданы «на заданную тему». Так, в 1930-е гг. в рамках работы над «Историей фабрик и заводов» создавались специальные методические разработки по записи воспоминаний рабочих. Важная роль в подготовке этих воспоми-

наний отводилась вопросникам, составленным редакциями по каждому разделу готовящейся книги и призванным обеспечить целенаправленное создание источниковой базы. Создавались также методички для опроса участников революций 1905 г. и 1917 г., Гражданской войны, стачановского движения. Наличие подобного вопросника не превращает подготовленные на его основе мемуары в особый вид исторических источников, а лишь подразумевает специфику источниковедческого анализа в рамках методики, разработанной для источников личного происхождения, подобно тому, как «массовость» не влечет видовой обособленности источника, а лишь обозначает возможность его обработки и анализа с помощью количественных методов (подробнее § 3.7).

Таким образом, устные интервью-воспоминания можно отнести к источникам личного происхождения, созданным с помощью литературной записи.

Понятия «устный источник» и «фольклорный источник» также нельзя считать тождественными. Фольклорные источники имеют способность жить в устной традиции на протяжении длительных хронологических периодов в относительно неизменном виде, не будучи при этом зафиксированы никаким механическим образом (§ 8.5). Однако в связи с развитием высоких технологий сегодня появляются и иные (не являющиеся устными) каналы трансляции фольклорных текстов (прежде всего Интернет).

☞ Устным источником можно считать фольклорный текст, если имеет место устная передача народной традиции.

16.4. Слухи как исторический источник

В процессе общения любой человек рассказывает о событиях своей жизни, передает содержание разговоров, высказывает свои впечатления об увиденном и услышанном другим людям. Впоследствии информация об этом может быть им самим или с его слов другими лицами записана и становится составной частью мемуаров или официальных документов. Как квалифицировать эти разговоры и впечатления? В сущности, речь идет об источниках, которые по форме, способу и среде бытования можно отнести к традиционным памятникам устного народного творчества — легендам, преданиям, слухам, занимающим колоссальное место в повседневной жизни. Многие признанные фольклорными жанры (например, частушка или анекдот), как и слухи, представляют собой «материализовавшееся» общественное мнение, мгновенную реакцию на события действительности, выполняют важную функцию социализации и коммуникации.

Слухи — специфический фольклорный жанр, поскольку часто служат итогом коллективного народного творчества, при передаче обрастают подробностями или теряют несущественные детали (т.е. вариативны), передаются устно, хотя могут быть зафиксированы в сводках, корреспонденциях газет, дневниках и других документах. Они могут переходить из поколения в поколение, превращаясь в мифы, легенды, анекдоты. Социологи Б. В. Дубин и А. В. Толстых видят в слухах первый шаг к стратификации

общества, поскольку слухи передаются, прежде всего, своим. Тем самым подтверждается генетическое родство слухов с другими фольклорными источниками, одна из основных функций которых — социализация. Сходство наблюдается и в объекте: единицами слуха, как и в эпических фольклорных жанрах, нередко являются экстраординарные события и герои.

☞ Слухи могут быть рассмотрены как фольклорный источник, поскольку имеют общую среду обитания, механику обращения, устную анонимную вариативную природу, служат фактором социализации человека.

В Толковом словаре С. И. Ожегова, *слухи* определяются как «молва, известие о ком-нибудь, о чем-нибудь, обычно еще ничем не подтвержденное». По определению профессора Ю. А. Шерковина, слухи — альтернативная форма распространения сообщений, появляющаяся тогда, когда пресса, радио, телевидение не удовлетворяют потребности какой-то группы людей в определенной информации. Однако слухи, как правило, не обладают надежной информационной основой, рождаются в процессе межличностного общения (правда, сами газеты и журналы порой служат как создателями, так и распространителями слухов). Обычно слухи распространяются стихийно, но предпочитают «свою» публику, которая приспособливает их достоверность к своему опыту и ожиданиям. Посредством устной речи не просто «движется информация» внутри одной социальной группы, но противостоящие друг другу участники стремятся переориентировать друг друга. В результате слухи не только фиксируют распространение тех или иных настроений, но и влияют на формирование общественного мнения.

☞ Современные исследователи выделяют несколько основных черт, делающих информацию слухом:

- неопределенность (слух — информация, не подкрепленная фактами);
- важность (информация имеет шанс стать эффективным слухом, если затрагивает важные для автора и получателя сообщений сведения);
- коллективное авторство и анонимность (слух мгновенно становится продуктом коллективного творчества);
- актуальность (непосредственная привязка к текущему моменту);
- информационная окрашенность (удивление, страх).

Одни исследователи считают, что слухи загрязняют информационную среду и разрушают общественные связи, сея в конечном счете недоверие между людьми. Согласно другому мнению слухи — главная радиостанция свободы, которая блокирует влияние пропаганды и дает возможность утвердиться в обществе позициям социальных групп, противостоящих официальным структурам. Близки ко второй позиции те, кто определяет слухи в качестве теневого рынка информации, где ценность слуха заключается в его неофициальности.

☞ Согласно «основному закону слухов», предложенному американскими специалистами в области социальной психологии Г. Олпортом и Л. Постманом

в работе «Психология слухов», их интенсивность зависит от важности темы для аудитории и степени информационной неопределенности относительно данной темы.

Однако результаты экспериментальных исследований не всегда подтверждают эту зависимость: порой люди склонны распространять и мало значимые для них лично слухи. Вера в истинность слуха также способствует его распространению. Влияет и оценка его содержания с точки зрения возможных последствий описываемого события: слух, по мнению собеседников имеющий последствия, распространяется более активно.

Важность слухов (или «городских эхов») стала осознаваться в российском обществе со второй половины XVIII в. и, особенно, в XIX в., когда «случай» мог послужить основой «доброй репутации» (или ее разрушения). Однако особое значение рассматриваемое явление приобрело в XX в., когда люди в значительной степени были дезинформированы и слухи («от подсудных известий о ленинском завещании и политически организованном голоде до историй о том, как “брали” Берию или свергали Хрущева») получили благотворную среду для распространения.

Начало изучению слухов, в основном распространявшихся в среде крестьянства в XIX–XX вв., было положено Н. А. Добролюбовым, Г. В. Плехановым, И. И. Игнатовичем, К. В. Чистовым, В. Г. Базановым в связи с отменой крепостного права, столыпинской реформой. Слухи в этих исследованиях уподоблялись формам социально-утопических легенд. В советское время бытовало мнение, что слухи — зло, с которым надо бороться, поскольку они способны вызвать нервозность общества, растерянность, панику. Само слово «слухи» в документах обычно использовалось в негативном смысле, в сочетании с такими определениями как «панические», «антисоветские», «отрицательные».

По выражению Е. А. Бесединой, слухи — «нелюбимые дети» в «дружной семье» исторических источников. В учебниках по источниковедению они почти не упоминались. Исключением явился учебник В. В. Кабанова, в котором слухи названы интереснейшим источником. В наши дни развитие таких направлений, как история повседневности, микроистория, способствует усилению внимания к изучению слухов. Но одна из причин все еще недостаточного обращения к ним историков заключается в трудностях источниковедческого порядка: исследователь сталкивается не столько со слухами как таковыми, сколько с их отражениями, отголосками, остатками в человеческой памяти, текстах, визуальных образах, работа с которыми требует дополнительных аналитических навыков и усилий.

Авторы коллективного труда по источниковедению Новейшей истории России¹ полагают, что слухи не являются самостоятельным источником, а становятся материалом для изучения лишь тогда, когда фиксируются в какой-либо форме (в дневниках, письмах, делопроизводственных документах и др.).

¹ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика : учеб. пособие для студентов вузов / ред. А. К. Соколов. М., 2004.

Даже рассматривая слухи в качестве самостоятельного источника, исследователь должен учитывать специфику того документа, в котором они получили отражение. Только при комплексном подходе, с учетом обстоятельств их фиксации можно реконструировать господствовавшие в обществе представления. В ходе источниковедческого анализа надо определить субъектов передачи слухов, среду их бытования, временные и географические рамки распространенности, средства социального контроля за этим неофициальным каналом информации. К сожалению, иногда о происхождении слухов можно только догадываться, а о степени распространенности судить лишь косвенно, по числу упоминаний в иных источниках.

Так, с 1920-х гг. со значительной полнотой слухи получали отражение в материалах Объединенного государственного политического управления (далее — ОГПУ): ежедневных или еженедельных сводках о настроениях населения отдельных губерний, а также секретных ежемесячных обзорах политического и экономического состояния республик. Подготовленные информотделом ОГПУ, они рассылались в несколько десятков адресов. В Центральном архиве Федеральной службы безопасности РФ и в партийных архивах, по данным А. В. Голубева, сохранилось 82 таких обзора за 1922—1929 гг. Они опубликованы в сборнике ««Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране».

С 1930 г. вместо ежемесячных обзоров стали готовиться тематические справки. Слухи упоминались практически во всех случаях, когда речь шла о настроениях населения. Обилие рассекреченных спецсводок, в которых отражались в первую очередь «негативные» с точки зрения властей факты, привело многих исследователей к выводу, что именно здесь проявлялись подлинные настроения широких масс. Однако следует иметь в виду, что именно на сбор негатива прежде всего ориентировались информаторы ОГПУ и составители сводок (в соответствующих партийных документах информация носит более оптимистичный характер ввиду сознательной полировки действительности). Кроме того, руководство ОГПУ чутко улавливало смену настроений в ЦК и в ряде случаев дозировало информацию. Недоучет этих факторов может привести к определенной односторонности выводов.

Расширение количества вводимых в научный оборот слухов ставит перед исследователями задачи их обобщения и систематизации. Без этого собранный эмпирический материал превращается в бессвязные и мало что проясняющие «коллекции» слухов.

 Слухи можно *систематизировать*:

- по содержанию (политические, экономические и др.);
- по временной ориентации (касающиеся прошлого, настоящего, предсказывающие);
- по ареалу распространения (локальные, региональные, межрегиональные);
- по типу происхождения (спонтанные, преднамеренные).

На основе того, каким эмоциональным потребностям людей они удовлетворяют, условно выделяют:

- слухи-мечты, отражающие надежды людей, в среде которых они циркулируют;
- слухи-пугала, выражающие распространенные в обществе страхи и возникающие обычно в периоды социального напряжения или международных конфликтов;
- слухи-разделители, основывающиеся на распространенных в обществе предрассудках относительно других социальных групп (определенной нации или выходцев с конкретной территории).

По определению В. Л. Пянкевича, в Ленинграде «в довоенное время, в ходе войны и в течение блокады городское сообщество жило слухами-недоумениями, которые сменялись слухами-надеждами и слухами-предубеждениями, дополнялись слухами-проектами, сменялись слухами-отчаяниями, вновь возвращаясь к слухам-надеждам. Последние нередко превращались в правду-разочарование».

По мнению социологов, слухи могут стать своеобразной «пятой властью» (после законодательной, исполнительной, судебной и СМИ).

 Сегодня считается установленным, что самое большое воздействие на формирование мнения у среднестатистического человека оказывают не СМИ, а циркулирующие в обществе мифы, слухи и сплетни.

Так, факторы, влиявшие на электоральное поведение, впервые исследовал американский социолог Пол Лазарсфельд. Во время президентской кампании 1940 г. в США он пришел к выводу, что СМИ не являлись единственным источником формирования мнения избирателей, огромную роль играло межличностное общение.

В исследовании Гарвардского проекта по изучению советской социальной системы начала 1950-х гг. в ответах на вопрос об источниках информации 85% респондентов указали на советские газеты, 47% упомянули одновременно радио и молву. При ответе на вопрос о важности источников 36% назвали газеты, 28% — молву, 10% — радио. Из 271 респондента, ответившего на вопрос, какой из источников он считает наиболее надежным, 61% указали устную информацию, 13% — газеты. Только 6% заявили, что передаваемая устным путем информация не играла никакой роли. Однако на основании того, что выборка получилась антисоветской, руководители проекта пришли к заключению, что эти данные ведут к недооценке универсальности слухов как средства передачи информации в СССР.

Исследование 61 личного дела граждан, привлеченных к суду за распространение слухов с 1939 по 1953 г., проведенное Т. Джонстоном, показало, что 63% фигурантов распространяли слухи среди коллег по работе, 25% позволяли комментировать их у себя дома либо в гостях, 15% — в общественных местах: на базарах, улицах, в общественном транспорте. Надо учитывать при этом, что в уголовных делах зафиксированы, скорее, случаи преследования, чем собственно распространения слухов.

Ситуация с доступностью слухов существенно изменилась с распространением интернет-коммуникаций: то, что раньше писали в дневниках, теперь оказывается в Интернете и печатных СМИ. Проблема современ-

ного исследователя заключается в том, чтобы научиться анализировать максимально вариативные источники информации. В Интернете у слухов появляются серьезные конкуренты с точки зрения их инструментального значения. Так, неформальный характер слухам придают многочисленные свидетельства очевидцев, которые выкладывают в Сеть свои размышления, фотодокументы событий, участниками которых они стали. «Интернет, по сути, заменяет “устный слух” в информационном обществе».

Быстрый рост интернет-коммуникаций дает повод некоторым исследователям считать критерий устности слухов устаревшим. Так, результаты проведенного Д. Горбатовым исследования распространения слухов о техногенных катастрофах свидетельствуют, что не менее трети респондентов получили предупреждения о «надвигающемся ртутном облаке» или «выбросе аммиака» (2009) посредством СМС-сообщений, в социальных сетях, в электронных СМИ.

Даже сегодня слухи чаще всего рассматриваются как вторичный источник для придания «фонового колорита» описаниям стихийных бедствий (неурожаев, голода) и социальных катаклизмов (войн, революций). Вместе с тем слухи могут рассматриваться как инструмент зондажа общественного мнения о предстоящих действиях властей. По справедливому утверждению составителей сборника «Слухи в России», предвзятость историков по отношению к слухам отчасти объясняется традиционными убеждениями в ложности передаваемой с их помощью информации. Можно согласиться с их тезисом о том, что надо тратить силы не на доказательство недостоверности слухов, а на прояснение их истоков, социальной роли, механизмов распространения, степени влияния. Как основной инструмент изучения слухов сегодня предлагается *культурно-исторический подход*, позволяющий исследователю рассматривать слухи не только как заменитель недостаточной информации, но и как особую культурную и коммуникативную практику.

Изучение не только слухов, но и других фольклорных источников в этом аспекте может помочь в ответах на вопросы о том, что становится предметом традиции, почему и в каких ситуациях осуществляется передача этой традиции, как эта традиция помогала человеку участвовать в усвоении культурных норм и социального опыта, необходимых для успешного функционирования в обществе.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем специфика использования произведений художественной литературы как исторического источника?
2. Обоснуйте свой взгляд на проблему использования произведений художественной литературы в качестве исторических источников.
3. Дайте характеристику жанрового состава фольклора.
4. В чем своеобразие русской частушки как фольклорного источника?
5. Опишите феномен «псевдофольклора» советской эпохи.
6. Охарактеризуйте современный городской фольклор.

7. Что такое устная история?
8. В чем проблемы интерпретации устных воспоминаний?
9. Обоснуйте важность изучения слухов в ходе исследований по социальной истории.
10. Какова специфика источниковедческого анализа слухов как исторического источника?

Основная библиография по главе 16

1. *Андрянов, В. И.* «Слухи» как социальный феномен / В. И. Андрянов, В. К. Левашов, А. Т. Хлопьев // СОЦИС. — 1993. — № 1. — С. 82–88.
2. *Богданов, К. А.* Vox populi: фольклорные жанры советской культуры. — М. : Новое литературное обозрение, 2009 (Новое литературное обозрение. Научное приложение. — Вып. 78).
3. История России XIX–XX веков. Новые источники понимания / ред. С. С. Секиринский. — М. : Моск. обществ. науч. фонд, 2001 (Науч. доклады. — № 137).
4. *Кабанов, В. В.* Источниковедение истории советского общества : курс лекций. — М. : РГГУ, 1997.
5. *Миллер, Ф.* Сталинский фольклор. — СПб. : Академический проект : Изд-во ДНК, 2006 (Современная западная русистика. — Т. 62).
6. *Миронец, Н. И.* Художественная литература как исторический источник (к историографии вопроса) // История СССР. — 1976. — № 1. — С. 125–141.
7. *Орлов, И. Б.* Устная история: генезис и перспективы развития // Отечественная история. — 2006 — № 2. — С. 136–148.
8. Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории : сб. ст. / ред. И. В. Нарский. — Челябинск : Каменный пояс, 2011.
9. Современный городской фольклор : сб. ст. / отв. ред. С. Ю. Неклюдов. — М. : РГГУ, 2003.
10. Устная история (oral history): теория и практика : материалы Всерос. науч. семинара / сост. Т. К. Щеглова. — Барнаул : БГПУ, 2007.
11. *Шмидт, С. О.* Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. — 2002. — № 1. — С. 40–49.
12. *Щеглова, Т. К.* Устная история : учеб. пособие. — Барнаул : АлтГПА, 2011.

Глава 17

СТАТИСТИКА

В результате изучения данной главы студент должен:

знать

- понятие статистики;
- виды статистических источников;
- особенности сбора и обработки статистической информации;
- особенности изучения статистических источников;

уметь

- выявлять комплексы статистических материалов, характеризующих разнообразные стороны, явления и процессы исторической действительности;
- производить оценку потенциала статистического источника;
- ставить и решать задачу по извлечению и анализу информации из статистических источников;

владеть

- методикой систематизации и анализа статистических данных в целях конкретного исследования.

Ключевые термины и понятия: *статистика, виды статистики, источник статистической информации, методы обработки статистической информации, особенности статистики, статистический учет, статистическое наблюдение, статистические обзоры, перепись, отчет, обследование, демографическая статистика, учет населения, аграрная статистика.*

17.1. Понятие о статистических источниках

 Статистика — это вид деятельности, направленной на получение, обработку и анализ информации, характеризующей количественные закономерности жизни общества во всем их многообразии (техничко-экономические, социально-политические, культурные явления и процессы) в неразрывной связи с ее качественным содержанием. Таким образом, под статистикой понимается сбор цифровых данных, их обобщение и обработка.

Мнение

Как следует из Большой советской энциклопедии, *статистика* (нем. *statistik*, от итал. *stato*, позднелат. *status* — государство) — это:

1) вид общественной деятельности, направленной на получение, обработку и анализ информации, характеризующей количественные закономерности жизни общества во всем ее многообразии (техничко-экономические, социально-экономические, социально-политические явления, культура) в неразрывной связи с ее качественным содержанием;

2) отрасль общественных наук (и соответствующие ей учебные дисциплины), в которой излагаются общие вопросы измерения и анализа массовых количественных отношений и взаимосвязей.

Считается, что научный термин «статистика» был введен в 1746 г. немецким ученым Готфридом Ахенваллем.

Результатом статистики как вида деятельности является статистика как вид источников.

☞ *Статистика* — документ, содержащий ряд числовых характеристик, описывающих какие-либо процессы и явления.

Статистика — итоговый документ, который создается по определенным правилам на базе предварительно собранного большого количества материала, т.е. на основе совокупности первоисточников. Источники статистической информации представляют собой комплекс массовых документов, они составляются по разработанной программе статистического исследования, имеют единообразный формуляр и единые принципы заполнения (подробнее о массовых источниках см. 3.7).

Статистика как источник — это всегда конструктор, содержание которого является результатом обработки статистических показателей и зависит от задач, поставленных при анализе данных.

Отличительные особенности статистического источника:

— документ является итогом большой предварительной работы, как правило коллектива исполнителей;

— содержит количественную информацию об изучаемых объектах и массовых явлениях;

— создается в целях фиксации, контроля и анализа процессов;

— обычно представлен в виде таблиц;

— информация, представленная в статистике, анонимна, не персонафицирована, часто не имеет текстового сопровождения, позволяющего однозначно или из контекста адекватно интерпретировать информацию источника;

— обработка статистики производится при помощи специального статистического аппарата и методов математической статистики.

Виды статистики. Источники статистической информации достаточно разнообразны. Они различаются по регулярности составления, программам учета, типу и характеру обработки.

1. В зависимости от *регулярности составления и статичности формуляра* выделяют:

— документы постоянного *текущего учета* (учет рождаемости, бракосочетаний, смертности, миграции, налогообложения, рыночных цен, доходов населения, успеваемости студентов), имеющие однотипный формуляр, единообразное заполнение, сопоставимые между собой данные за большой период времени, которые легко группируются;

— источники *периодического характера* (переписи населения, промышленные и сельскохозяйственные переписи, земские обследования,

статистика выборов), данные которых могут быть сопоставимы только при условии одинаковой методики сбора;

— статистические источники *единичного характера* (обзоры и обследования, статистика наступления страховых случаев, ущерба и потерь в войне), отличающиеся индивидуальностью; трудно сопоставимы с аналогичными случаями.

2. По *ведомственной принадлежности*:

— государственная статистика (структурные подразделения Министерства внутренних дел, Центральный статистический комитет, местные и региональные структуры);

— ведомственная статистика (Министерство путей сообщения, Министерство государственных имуществ, Министерство финансов и др.);

— статистика организаций (промышленные предприятия, учебные заведения, акционерные общества и др.).

3. По *отраслям* (статистика миграции, финансовая, внешней торговли, банковская, промышленная, экономическая, сельскохозяйственная, строительства, транспорта, связи, демографическая, труда и др.). Внутри каждой отрасли существует разветвленная структура статистики. Например, аграрную статистику условно делят на две части: статистика землевладения и землепользования; статистика аграрного производства (изучает показатели урожайности, посевных площадей, скотоводства).

4. По *степени законченности обработки* (предварительная (первичная) и итоговая статистика).

5. По *мере подготовки к печати* (опубликованная и неопубликованная).

Основными видами статистических источников, характерными для российской статистики, являются: итоги текущего учета, отчетность, статистическое наблюдение, перепись.

Основные сложившиеся виды и формы документов.

1. *Текущий учет*, который проводится систематически, по определенной единообразной форме и правилам (регистрация актов гражданского состояния, материалы делопроизводства и учета).

2. *Отчетность* — это форма статистических наблюдений, при которой сведения поступают в форме специальных отчетов (документов), в определенные сроки по установленной форме — *итоговая статистика, сводные ведомости*. По *месту предоставления* отчетность бывает *общегосударственной* (предоставляется вышестоящим организациям и в Федеральное агентство по статистике) и *внутриведомственной* (предоставляется вышестоящим органам). По *срокам предоставления* различают *текущую, квартальную, годовую* отчетность.

3. Специально организованные статистические наблюдения представляют собой сбор сведений посредством *опросов, переписей и обследований* (*опросные листы и итоговые ведомости*).

Статистика формируется в зависимости от факторов, определяемых программой обследования. Сведения, отражаемые в статистических доку-

ментах, могут различаться по широте охвата изучаемых объектов и разнообразию программы учета.

1. По объекту наблюдения:
  - единичный охват (завод, колхоз и пр.);
  - отраслевой (статистика населения; аграрная статистика; статистика промышленного производства; статистика труда и др.);
  - всеобщий (население страны, народное хозяйство).
2. В соответствии с программой учета:
  - по отдельным показателям (урожайность);
  - группе показателей;
  - монографические описания, охватывающие все стороны, например, хозяйственной деятельности крестьянского хозяйства;
  - бюджетные обследования (описания, включающие статьи доходов и расходов, характеризующие процессы их перераспределения).
3. По количеству охватываемых объектов обследования:
  - всеобщие или массовые;
  - выборочные (5%-ные, 10%-ные).
4. По времени сбора данных — статистические документы могут создаваться одновременно (разовый временной срез) на какую-то дату, могут собираться в течение определенного периода (динамический ряд) — текущая статистика на протяжении года.

Особенности содержания статистики:

- зафиксированный в статистике результат зависит от программы проведения исследования;
- содержание статистического источника напрямую зависит от качества собранных данных и качества исполнения программы обследования;
- итоговые данные зависят от поставленных задач во время обработки информации;
- данные статистики нельзя сопоставлять между собой, не будучи уверенным, что они собирались по одинаковым программам обследования и одинаковым принципам;
- наибольший интерес представляют первоисточники и массовые документы, содержащие статистическую информацию, и позволяющие провести качественное исследование на микроуровне.

17.2. Методы статистических исследований

Следует акцентировать внимание на том, что статистическими будут называться материалы, которые специально создаются по заранее определенным принципам и методам, подлежат дальнейшей обработке математическими методами, т.е. будут изучать количественные характеристики изучаемого объекта. Они создаются в два этапа:

- 1) первичные документы (первоисточники) — опросные листки, перечневые ведомости, анкеты и пр.;
- 2) сводные ведомости, итоговые таблицы, которые поступают в обработку методами математической статистики; эти сводные документы обычно и называют «статистикой».

Любое статистическое исследование предполагает следующее:

- 1) серьезную предварительную работу;
- 2) непосредственный сбор данных;
- 3) работу по анализу полученных данных.

Исследование ведется по определенному алгоритму, при этом прохождение каждой стадии требует использования специальных методов и замкнуто на содержание выполняемой работы.

Алгоритм проведения статистического исследования можно представить следующим образом.

1. *Разработка программы исследования или программы наблюдения.*

На этом этапе определяются цели и задачи обследования, охват изучаемых объектов, степень охвата объектов, хронологические и географические рамки, единицы наблюдения, показатели, подлежащие фиксации, формуляр первоисточника для заполнения данными, а также продумываются механизмы сбора информации, контроля за качеством сбора информации, обработки и анализа полученных данных.

Программа наблюдения — это перечень признаков, подлежащих регистрации.

Период наблюдения — время, в течение которого происходит регистрация информации.

Критическая дата наблюдения — дата, по состоянию на которую сообщаются сведения.

2. *Проведение статистического наблюдения* может быть кратковременным или долговременным (проводится на протяжении какого-то периода), сплошным или выборочным. В результате, как правило, появляется комплекс массовых документов.

3. *Сводка и группировка статистических данных* — обсчет и группировка собранных данных, в результате которых последние превращаются в систему статистических таблиц и промежуточных итогов.

4. *Анализ данных*, предусматривающий предварительную постановку задач, осуществляемый методами статистического анализа.

5. *Интерпретация данных* — объяснение полученных результатов, сравнение их с аналогичными показателями.

Виды статистических документов и методы их последующей обработки определяются в соответствии с методами сбора данных, все это отражается и обуславливается предварительно разработанной программой и зависит от задач исследования.

На этапе сбора данных статистическое наблюдение имеет две основные формы:

- 1) отчетность, базирующаяся на текущем наблюдении, текущей (постоянной) регистрации фактов и событий;
- 2) специально организованное статистическое наблюдение.

Статистическое наблюдение может осуществляться следующими методами.

1. *По времени проведения:*

- 1) текущее (непрерывное) наблюдение, проводящееся систематически;

2) периодическое наблюдение, повторяющееся через определенный период времени (перепись скота);

3) одновременное наблюдение, осуществляемое по мере необходимости, без учета временного интервала (учет документооборота).

2. По охвату единиц наблюдения:

1) сплошное наблюдение, в результате которого обследуются все единицы изучаемой совокупности (всеобщая перепись населения);

2) несплошное наблюдение, когда обследуется часть единиц изучаемого объекта, отобранная определенным образом; видами несплошного наблюдения являются:

а) метод основного массива, когда обследуется часть единиц совокупности, обладающая наиболее явно выраженными изучаемыми признаками;

б) анкетное наблюдение, когда при помощи листов опроса изучается набор признаков, который потом экстраполируется на всю совокупность;

в) монографическое наблюдение, т.е. выявление различных тенденций в развитии явлений и характеристик в одной совокупности;

г) выборочное наблюдение — часть изучаемых единиц, обработанных случайно (бюджет семьи);

д) непосредственное наблюдение, при котором устанавливается факт, подлежащий регистрации, и на этом основании производят записи в журнале регистрации (формуляр).

В статистике существует следующая классификация способов сбора информации:

— корреспондентский, осуществляемый штатом добровольных корреспондентов;

— экспедиционный, реализуемый устно специально подготовленными работниками;

— анкетный (в виде анкет);

— саморегистрация (заполнение формуляров самими респондентами);

— явочный (браки, дети, разводы).

Обработка информации, полученной из первоисточников, обычно заключается в систематизации сведений. С течением времени методы обработки информации значительно изменились.

Появившись изначально как система численного описания, предполагавшая учет населения и земли, в XVIII в. получившая закрепление в законодательных актах, отечественная статистика претерпела значительную эволюцию в XIX и XX вв., сформировалась как сложная, разветвленная система, опирающаяся на научные математические методы и компьютерные технологии.

К началу XX в. в сфере статистики имелся серьезный опыт работы, были сформированы основные принципы сбора и анализа информации. Главные направления статистики, ее методы (отчеты, обследования, переписи; структура статистического материала и система статистических исследований), заложенные и апробированные в XIX в., развивались на протяжении XX в.

Статистические (количественные) описания в рамках регионоведения, использующие простейшие арифметические подсчеты, постепенно смени-

лись сложными математическими и компьютерными методами, позволяющими получать детальную статистику, а также прогнозировать и моделировать на ее основе развитие статистических показателей.

Первыми объектами исследований являлись население и земля, решались задачи налогообложения, для чего проводились вычисления общего количества жителей, выявлялись закономерности в развитии народонаселения, проводились поземельные переписи (см. например, 9.5). Главной демографической характеристикой была общая численность населения. Приводились данные о родившихся, умерших, количестве браков, составлялись таблицы смертности, дожития до определенного возраста, путем вычисления разницы между количеством родившихся и умерших за год определялся средний прирост населения.

Сегодня статистика использует массовые статистические наблюдения, метод группировок, средних величин, индексов, балансовый метод, метод графических изображений и другие методы анализа статистических данных.

Постепенно менялись и виды документов. Военно-статистические описания и описания губернии «в историческом, статистическом и этнографическом отношении», писцовые книги и ревизии сменились сложными выборочными и всеобщими переписями («Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года», сельскохозяйственная перепись и перепись промышленности), системой многофакторных отчетов и разработкой межотраслевого баланса народного хозяйства по годам.

📌 Особенности работы современного исследователя со статистической информацией

Одна из отличительных особенностей статистики — это методы сбора и обработки данных. Обращаясь к статистике, ученый-историк должен реконструировать этапы создания документа, оценить точность и репрезентативность источника, поскольку во время создания последнего происходил сбор данных по заранее продуманной программе. Собираются сведения, подходящие для сопоставления и адекватной оценки изучаемого объекта или закладывается системная ошибка. Перед использованием итоговых данных статистики, надо понять, как они были собраны и как интерпретировались до нас.

Работая со статистической информацией, ученый либо использует ее итоговые данные для своих исследований, либо проводит собственную дополнительную обработку, опираясь на цифровые данные источника (см. 3.7; 3.8).

Интерпретация выявленных данных или полученных исследователем путем дополнительной обработки результатов зависит от поставленных задач и часто носит произвольный характер. Важно не подгонять результаты под свои выводы, а, напротив, отталкиваясь от полученных результатов, делать выводы.

Использование уже сгруппированных кем-то данных для исторического исследования в большей или меньшей степени ограничено.

Более информативны статистические сведения первичного характера. Они, как правило, содержатся в архивных документах текущей статистики, формулярах переписей и обследований и пр.

Обработка статистических материалов происходит методами математической статистики, имеющей четкие правила.

Сравнивать можно сведения собранные по схожим показателям и одинаковыми методами. Важно, чтобы данные были однотипные (например, только переписи), составленные по одинаковым или схожим программам, сопоставимые хронологически и территориально.

В некоторых случаях можно использовать методы корректировки данных и пересчет.

Необходимо помнить, что просто результат будет являться лишь иллюстрацией к проделываемой работе, полученные данные должны быть сопоставимы с данными по другим территориям, хронологическим периодам и т.д.

Контрольные вопросы и задания

1. Дайте определение понятия «статистический источник».
2. Приведите примеры статистических материалов. Заполните таблицу.

Примеры документов, содержащих статистическую информацию, и статистики

Статистические материалы	Первичные	Итоговые	Выборочные	Сплошные
Материалы текущего учета				
Итоги текущего учета				
Отчетность				
Статистическое наблюдение				
Перепись				

3. В чем главные отличия статистики от нарративных источников?
4. Перечислите основные трудности работы с данными статистики. Подтвердите свои выводы соответствующими примерами.
5. Обоснуйте важность предварительного источниковедческого изучения статистики перед использованием ее результатов.
6. В чем важность использования статистики в историческом исследовании?

Основная библиография по главе 17

1. Баранов, А. Н. Историография и источниковедение. — Казань : КГУ, 2004.
2. Гозулов, А. И. Переписи населения СССР и капиталистических стран. — М., 1936.
3. Голиков, А. Г. Источниковедение отечественной истории / А. Г. Голиков, Т. А. Круглова. — М., 2010.
4. История советской государственной статистики. — М., 1969.
5. Источниковедение истории СССР / под ред. И. Д. Ковальченко. — М., 1981.
6. Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в. / под ред. И. А. Федосова. — М., 1970.
7. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. — М., 1998 ; 2000.

8. *Кабанов, В. В.* Источниковедение истории советского общества : курс лекций. — М., 1997.
9. *Ковальченко, И. Д.* Методы исторического исследования. — М., 1987.
10. *Медушевская, О. М.* Становление и развитие источниковедения. — М., 2000.
11. *Плошко, Б. Г.* История статистики : учеб. пособие / Б. Г. Плошко, И. И. Елисеева. — М., 1990.
12. Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура. Проблемы источниковедения советской истории. — М., 1994.
13. *Твердюкова, Е. Д.* Особенности статистики советского периода : учеб. пособие. — СПб., 2013.
14. Теория и методы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. — М., 1985.
15. *Фарсбин, В. В.* Источниковедение и его метод: опыт анализа понятий и терминологии. — М., 1983.
16. *Черноморский, М. Н.* Источниковедение истории СССР (советский период). — М., 1976.

Покупайте наши книги:

В офисе издательства «ЮРАЙТ»:
111123, г. Москва, ул. Плеханова, д. 4а,
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru, www.urait.ru

В логистическом центре «ЮРАЙТ»:
140053, Московская область, г. Котельники, мкр. Ковровый, д. 37,
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru, www.urait.ru

В интернет-магазине «ЮРАЙТ»: www.urait-book.ru,
e-mail: order@urait-book.ru, тел.: (495) 742-72-12

Для закупок у Единого поставщика в соответствии
с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ст. 93)
обращаться по тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru, vuz@urait.ru

Новые издания и дополнительные материалы доступны
в электронной библиотечной системе «Юрайт»
biblio-online.ru

Учебное издание

**Сиренов Алексей Владимирович,
Твердюкова Елена Дмитриевна,
Филошкин Александр Ильич**

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Учебник для академического бакалавриата

Под редакцией *А. В. Сиренова*

Формат 70×100¹/₁₆.

Гарнитура «Petersburg». Печать цифровая.
Усл. печ. л. 32,18. Тираж 100 экз. Заказ № 464

ООО «Издательство Юрайт»
111123, г. Москва, ул. Плеханова, д. 4а.
Тел.: (495) 744-00-12. E-mail: izdat@urait.ru, www.urait.ru

**Электронная библиотека (ЭБС)
издательства «Юрайт»
www.biblio-online.ru**

Платить только за необходимое!

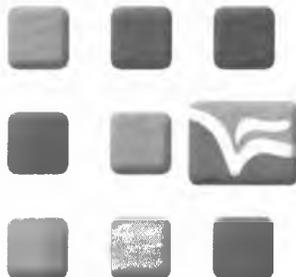

Что продаем?

- ✔ Учебники ведущих научных школ страны от издательства «Юрайт».
- ✔ Учебники по новым ФГОСам – для прикладного и академического бакалавриата.
- ✔ Модули по узким дисциплинам.

Сколько стоит?

- ✔ Вы можете выбрать только те учебники, которые нужны Вашим учащимся.
- ✔ Вы можете выбрать количество одновременных доступов к каждому учебнику.
- ✔ Издательство «Юрайт» поможет с подборкой учебников по Вашим дисциплинам.
- ✔ Один доступ к учебнику на год – в 5 раз дешевле печатного издания.

Почему именно наша ЭБС?

- ✔ Качественный контент для образования.
- ✔ Доступ к переизданиям в течение подписки.
- ✔ Доступ к архиву издательства.
- ✔ Сервисы для библиотек и преподавателей.
- ✔ Система поиска по всем метаданным.
- ✔ Система поиска по дисциплинам и синонимам.
- ✔ Передача данных в библиотечный каталог в формате RUSMARC.

Издательство «Юрайт»

111123, Москва, ул. Плеханова, д. 4а, бизнес-центр «Юникон»
Тел./факс (495) 744-00-12; e-mail: vuz@uralt.ru

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УЧЕБНИК

СИРЕНОВ Алексей Владимирович

доцент, доктор исторических наук, доцент кафедры источниковедения истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Лауреат высшей российской премии по историческим исследованиям – Макарьевской премии 2009 г. (первая премия по номинации «История России»).

ТВЕРДЮКОВА Елена Дмитриевна

доктор исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

ФИЛЮШКИН Александр Ильич

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славянских и балканских стран исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Автор семи монографий по истории России XV–XVI вв. Член редакционного совета ведущего международного журнала по русской истории «Russian History», член редколлегии российского исторического журнала «Родина», выпускающий редактор международного научного журнала «Studia Slavica et Balcanica Petropolitana».

«Ценность представляет размещенная в качестве приложения таблица с указанием названий летописей, их хронологического охвата и особенностей текстов»

Ю. Г. Алексеев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX в. исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации

«Учебник читается легко и с интересом; его отличительная особенность – многоуровневость подачи материала с ориентацией на поэтапное усвоение знаний»

Н. Н. Смирнов, доктор исторических наук, профессор, директор Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук

Учебник написан на основе учебно-методологической базы и научно-педагогических традиций исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Отличительной особенностью книги является то, что в ней освещается наиболее широкий круг источников. Многие вопросы рассмотрены в рамках учебника для высшей школы впервые.

Издание способно оказать существенную пользу преподавателям, поскольку множественность тем позволяет составлять на основе данного учебника вариативные авторские курсы и спецкурсы.

ЮРАЙТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

biblio-online.ru

Библио-Глобус
Москва, ул. Мясницкая, 6/3, стр. 1   Тел: (495) 781-19-00
<http://www.biblio-globus.ru>   800-30-67
403-46-99

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. Учебник для студентов
Библио-Глобус
Цена: 759.00   9785991641265